

Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России

Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук

АСЕАН НА ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ

ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ, ДИЛЕММЫ

Под редакцией
В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой

Москва
2023

УДК 327
ББК 66.4
А90

Рецензенты

доктор исторических наук (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) Е.И. Зеленев
доктор исторических наук (МГИМО МИД России) Н.П. Малегин

Авторский коллектив

А.А. Байков (глава 1), Д.Д. Бачило (глава 19, совместно с В.В. Вершининой и Н.С. Куклиным), Е.С. Бурова (главы 9 и 11), В.В. Вершинина (глава 10; глава 19, совместно с Д.Д. Бачило и Н.С. Куклиным), Н.В. Григорьева (глава 20), К.А. Ефремова (глава 13), Е.А. Канаев (глава 5, совместно с М.А. Терских), Е.В. Колдунова (введение; глава 8, совместно с В.М. Мазыриным; глава 15), А.С. Королев (глава 6), Н.С. Куклин (глава 14; глава 19, совместно с Д.Д. Бачило и В.В. Вершининой), Л.М. Кунтыш (глава 12), Я.Д. Лисоволик (глава 7), А.С. Лукьянец (глава 16, совместно с Р.В. Маньшиным и Е.М. Моисеевой), В.М. Мазырин (глава 2; глава 8, совместно с Е.В. Колдуновой), Р.В. Маньшин (глава 16, совместно с А.С. Лукьянцом и Е.М. Моисеевой), Е.М. Моисеева (глава 16, совместно с Р.В. Маньшиным и А.С. Лукьянцом), В.Е. Петровский (глава 3), Е.Е. Письменная (глава 18, совместно с С.В. Рязанцевым и М.Н. Храмовой), В.В. Сумский (заключение), С.В. Рязанцев (глава 18, совместно с Е.Е. Письменной и М.Н. Храмовой), М.А. Терских (глава 5, совместно с Е.А. Канаевым), А.В. Торкунов (предисловие), М.Н. Храмова (глава 18, совместно с С.В. Рязанцевым и Е.Е. Письменной), П.Ю. Цветов (глава 4), Н.В. Шафинская (глава 17)

А90 **АСЕАН на пути интеграции: достижения, вызовы, дилеммы:** Монография / Под ред. В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2023. — 608 с.

ISBN 978-5-7567-1258-2

В современном мире АСЕАН является не только примером успешной региональной интеграции, но и организатором разветвленной сети институтов макрорегионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Вместе с тем нарастающая турбулентность международной среды, политические, экономические и социокультурные трансформации современного мира ставят Ассоциацию перед целым комплексом новых вызовов и дилемм. Их концептуальной оценке и системному анализу посвящена коллективная монография.

Расчитано на широкую читательскую аудиторию.

УДК 327
ББК 66.4

ISBN 978-5-7567-1258-2

© Коллектив авторов, 2023
© МГИМО МИД России, 2023
© ООО Издательство «Аспект Пресс», 2023

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ. Концептуальные оценки АСЕАН в современной российской и зарубежной литературе: эволюция и трансформация	8
РАЗДЕЛ I. АСЕАН в контексте макрорегиональных процессов: интеграционные возможности и вызовы	31
Глава 1. Парадигма асеаноцентричного построения отношений в Восточной Азии	32
Глава 2. Внешнеполитические нарративы стран АСЕАН	61
Глава 3. Китай и АСЕАН о региональной интеграции и безопасности: сходство и различия	88
Глава 4. Политика США в отношении Ассоциации стран Юго-Восточной Азии	112
Глава 5. АСЕАН и новые макрорегиональные и мини-латеральные форматы: Инициатива пояса и пути, Индо-тихоокеанские концепции, AUKUS	130
Глава 6. Стратегическое партнерство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации	160
Глава 7. АСЕАН в системе БРИКС+: возможности для сотрудничества?	181
РАЗДЕЛ II. Опыт и дилеммы интеграции в АСЕАН: внутрирегиональное измерение	197

Глава 8. АСЕАН-4 в процессах региональной интеграции.	198
Глава 9. Субрегион Большого Меконга: объединяющие факторы и противоречия	232
Глава 10. Путь Вьетнама от конфронтации к сближению с АСЕАН.	257
Глава 11. Сотрудничество Камбоджи с АСЕАН: экономические выгоды и трудности.	279
Глава 12. Лаос–АСЕАН: 25 лет общего пути	303
Глава 13. Мьянма в АСЕАН: испытание партнерством	328
Глава 14. Дилеммы внешней политики Индонезии в отношении АСЕАН	352
РАЗДЕЛ III. Актуальные задачи устойчивого развития стран АСЕАН	387
Глава 15. Технологическое развитие и цифровая трансформация в странах АСЕАН: тенденции, проблемы, перспективы.	388
Глава 16. Климатическая и экологическая повестка АСЕАН: нарастающие риски и перспективные ответы	415
Глава 17. Сфера высшего образования в странах Индокитая в фокусе политики «мягкой силы»	454
Глава 18. Процессы миграции в странах АСЕАН и их влияние на Российскую Федерацию.	477
Глава 19. Урбанизация и развитие «умных городов» в АСЕАН: тенденции и перспективы	512
Глава 20. Наследие и управление наследием в странах АСЕАН: национальные, трансграничные и региональные подходы.	549
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. АСЕАН и превратности азиатско-тихоокеанского регионализма	568
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	599
AUTHORS	603

Предисловие

АССОЦИАЦИЯ стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) давно и прочно заняла позиции одного из ведущих региональных игроков современного мира. Основанная в 1967 г. в разгар холодной войны пятеркой стран региона (Индонезией, Малайзией, Таиландом, Филиппинами и Сингапуром), АСЕАН провела значительную часть институциональной жизни в борьбе за обретение и укрепление своей международной субъектности.

Результат борьбы превзошел самые смелые ожидания. Включив в свой состав практически все государства Юго-Восточной Азии (вступление Восточного Тимора в Ассоциацию, по-видимому, остается только вопросом времени), АСЕАН на рубеже XX–XXI вв. смогла найти новые возможности для региональной интеграции, интеллектуальные и институциональные ресурсы для того, чтобы претендовать на статус наиболее приемлемой платформы согласования позиций не только крупных региональных, но и глобальных игроков, чей интерес к Азиатско-Тихоокеанскому региону в целом и Юго-Восточной Азии в частности неуклонно возрастал. Россия оказалась в числе тех диалоговых, а с 2018 г. — стратегических партнеров Ассоциации, для которых укрепление субъектности создало в регионе необходимую дополнительную точку опоры, позволило начать процесс полномасштабного восстановления позиций Российской Федерации в зарубежной Азии.

Сегодня, после более чем полувека своего существования, АСЕАН оказывается перед лицом новых кардинальных изменений, требующих вдумчивого исследования и взвешенного анализа.

Именно такой подход избрали авторы представленной коллективной монографии.

Вниманию читателя предлагается не совсем обычная книга. Ни в коей мере не умаляя заслуг отечественных и зарубежных авторов, занимавшихся проблематикой АСЕАН, нужно констатировать, что настоящее исследование открывает новую страницу в анализе региональных и более широких международных процессов, значимым элементом которых является Ассоциация. Авторы рассматривают АСЕАН через призму международно-политических, политэкономических и общественных изменений, происходящих на нескольких уровнях – национальном, региональном и макрорегиональном (а отчасти и глобальном). Уделяя внимание стратегическим вопросам трансформации регионального порядка, исследование не обходит стороной всю сложность и многообразие экономических, технологических и социокультурных процессов, которые разворачиваются в странах Юго-Восточной Азии.

Сделать это удалось благодаря стечению многих обстоятельств. Особый турбулентный характер международной динамики наших дней неизбежно привлек внимание авторов к вопросу о том, каким образом на новые вызовы реагируют страны, долгое время выступавшие в роли бенефициаров процессов регионализации и торгово-экономической глобализации. Какие интеграционные возможности сохраняются у АСЕАН в условиях нарастающей конфликтности региональной и международной среды? В какой степени Ассоциация может смягчить эту конфликтность, а в какой будет вынуждена следовать ее логике? Каковы детерминанты внутрорегиональной динамики интеграционных процессов в Ассоциации? Какие политические, экономические и социокультурные приметы и черты определяют облик региона сегодня?

На эти вопросы авторы коллективной монографии постарались ответить, обращаясь к историческому контексту развития интеграционных процессов, их теоретическому осмыслению, представленному в международных исследованиях деятельности АСЕАН, и современному состоянию интеграционных взаимо-

действий в Ассоциации. Основные разделы коллективной монографии освещают три наиболее актуальных срезам современного этапа региональной трансформации Юго-Восточной Азии – развитие АСЕАН в контексте макрорегиональных процессов, внутрирегиональное измерение эволюции Ассоциации и задачи устойчивого развития стран региона.

Многие концептуальные положения, сформулированные в коллективной монографии, стали результатом интеллектуальных диспутов, в течение уже более чем десяти лет разворачивающихся в рамках мероприятий Центра АСЕАН МГИМО с участием коллег-исследователей и практиков, представляющих страны Юго-Восточной Азии. Значимый вклад в эту дискуссию внесла и совместная конференция Центра исследований Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН и Центра АСЕАН МГИМО МИД России, предшествовавшая подготовке этой книги.

В результате масштабного сотрудничества представителей широкого круга исследовательских институтов и организаций (МГИМО, ИКСА РАН, ИМЭМО РАН, НИУ ВШЭ, РУДН, Дипломатической академии МИД России, РАНХиГС, Института демографии РАН, Военного университета, дискуссионного клуба «Валдай»), в поле зрения которых по разным причинам попадает АСЕАН, отношения Ассоциации и России и процессы, происходящие в Юго-Восточной Азии, авторам коллективной монографии удалось создать полифоническую картину достижений, вызовов и дилемм, с которыми сталкивается АСЕАН на пути интеграции сегодня.

Оценки, представленные в монографии, оставляют широкое пространство для дискуссии. Сама книга – это отнюдь не попытка представить окончательное суждение о состоянии развития Ассоциации, а приглашение к тому, чтобы, оттолкнувшись от авторской концептуализации тенденций регионального развития, по-новому посмотреть на роль АСЕАН в современном мире.

А.В. Торкунов,
академик РАН,
ректор МГИМО МИД России

Введение

Концептуальные оценки АСЕАН в современной российской и зарубежной литературе: эволюция и трансформация

АННОТАЦИЯ: В главе рассматривается эволюция концептуальных оценок стержневых проблем развития АСЕАН, включая особенности модели интеграции АСЕАН, институционального дизайна Ассоциации, подходы к оценке эффективности и ограничений системы принятия решений, эволюцию феномена «центральности» АСЕАН в ретроспективе 1990–2000-х годов, трансформацию отношений АСЕАН с диалоговыми партнерами в целом, а также США и Китаем в частности, достижения и проблемы Сообщества АСЕАН в современных условиях. Представленный анализ позволяет заключить, что исследования АСЕАН не только прочно вошли в проблематику практико-ориентированного изучения опыта региональной интеграции в Юго-Восточной Азии, но и стали точкой отсчета для целого ряда концептуальных построений в области теории международных отношений и регионализма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, теория международных отношений, регионализм, региональные институты, региональная интеграция.

ABSTRACT: The chapter traces the evolution of conceptual approaches to the core issues related to the development of ASEAN. These issues include the specific feature of ASEAN's integration model, Association's institutional design, positive and critical assessments of the decision-making process, conceptual ap-

proaches to the evolution of the ASEAN's centrality throughout the 1990s-2000s, transformation of ASEAN's relations with its dialogue partners in general and with the US and China in particular, achievements and prospects of ASEAN Community at the current stage. The undertaken analysis allows making a conclusion that the studies of ASEAN have not only become a part of practical analysis of Southeast Asia's integrational experience but also served as a starting point for new conceptual approaches in the IR theory and studies of regionalism.

KEYWORDS: ASEAN, IR theory, regionalism, regional institutions, regional integration.

Введение

В 2022 г. АСЕАН исполнилось 55 лет, однако этот юбилей Ассоциации пришлось отмечать в ином региональном и международном контексте, нежели празднование своего пятидесятилетия. С одной стороны, по-прежнему сохранялись существенные основания для того, чтобы фиксировать успехи АСЕАН. В 2019 г. Ассоциация вышла на позиции пятой крупнейшей мировой экономики после США, Китая, Японии и Германии, а совокупный ВВП всех ее членов достиг 3,2 трлн долл. США¹. Ассоциацией были сформулированы амбициозные планы стать пятой крупнейшей цифровой экономикой к 2025 г., а к 2050 г. достичь уровня четвертой ведущей экономики мира. Позитивные ожидания участников АСЕАН основывались на том, что, даже несмотря на глобальную пандемию COVID-19, странам Юго-Восточной Азии удалось быстро вернуться к положительным темпам экономического роста.

Пандемия не помешала завершить в 2020 г. введение в действие такого мегарегионального соглашения, как Всеобъемлющее экономическое партнерство (ВРЭП), заключенного между десятью странами АСЕАН, КНР, Японией, Южной Кореей, Австралией и Новой Зеландией. Именно на ВРЭП страны региона возлагали особые надежды в плане оживления торговли и экономического роста. На волне пандемии и усиления китайско-американских противоречий Юго-Восточная Азия превратилась в объект стратегии «Китай+1» по

частичному выносу производств с территории КНР, инициированному Японией, США и Южной Кореей. Повышение Соединенными Штатами в 2019 г. тарифов на целый ряд китайских товарных позиций создало дополнительные благоприятные условия для промышленного производства в регионе².

С другой стороны, 55-летний юбилей Ассоциации стал рубежным с точки зрения актуализации сразу нескольких «внутренних» и «внешних» вызовов, которые изменили международный контекст деятельности АСЕАН и поставили вопрос о том, сможет ли Ассоциация эффективно ответить на них. К категории условно «внешних» вызовов стоит в первую очередь отнести усиление китайско-американских противоречий³ на фоне практически полного разрыва отношений России и коллективного Запада. Так называемый «декаплинг» США и КНР, на реализацию которого эксперты ранее отводили порядка десяти–пятнадцати лет, усилился под влиянием экономической и политической расстыковки России и западных стран, произошедшей после перехода в феврале 2022 г. конфликта на Украине в горячую фазу. В этих условиях долгосрочный экономический рост стран АСЕАН, ранее обеспечивавшийся как раз относительно непротиворечивым и — что самое важное — синхронным присутствием в экономиках стран региона и США, и Китая, оказался под вопросом в силу нарастающих структурных противоречий двух упомянутых гигантов. Серьезные риски дальнейшего технологического развития оказались связаны с пока ограниченным, но уже обретающим свои контуры эффектом перелива декаплинга из торгово-экономической в технологическую сферу. В результате его действия гораздо рельефнее проявились черты двух нарождающихся технологических сфер влияния — американской и китайской — и грядущие трудности сопряжения их друг с другом⁴.

Сложным и пока что не до конца осознанным вызовом АСЕАН стало развитие трансрегиональных проектов, создающих собственную интеграционную повестку, перекрывающую или трансформирующую интеграционную траекторию АСЕАН⁵. Несмотря на представления Ассоциации о возможности совмещения интеграци-

онного формата АСЕАН и таких проектов, как пришедшее в 2018 г. на смену Транстихоокеанскому партнерству Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве или объявленная в 2013 г. Китаем Инициатива пояса и пути, практическая форма обоюдовыгодного сосуществования этих проектов не была продемонстрирована в полной мере.

В геополитическом плане появление за пять лет, прошедших с предыдущего юбилея Ассоциации, многочисленных версий Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) — японской, австралийской, американской, индийской, европейских — поставило АСЕАН в положение реагирующей стороны⁶. При том что одна из первых идей ИТР возникла именно в официальном дискурсе стран АСЕАН и была сформулирована тогдашним министром иностранных дел Индонезии Марти Наталегавой еще в 2013 г.⁷, к концу 2020-х годов Ассоциации пришлось спешно формулировать свою индо-тихоокеанскую концепцию и искать компромиссные формы сопряжения в ней своих собственных интересов и идей внешних игроков⁸. При этом сверхбыстрое образование мини-латеральных объединений под эгидой США (*Quad*, *Quad+*, *AUKUS*), лишь точно и избирательно подключавших к своей деятельности отдельные страны Юго-Восточной Азии, заставило многих в регионе задуматься о том, каким образом АСЕАН могла бы сохранить хотя бы относительную субъектность в вопросах определения ключевых параметров региональной архитектуры безопасности⁹.

«Внутренние» вызовы, с которыми АСЕАН подошла к своему 55-летнему рубежу, в первую очередь оказались связанными с политическим кризисом, разразившимся в феврале 2021 г. в Мьянме. Возвращение к власти военных в этой стране произошло спустя десятилетие после начала демократического транзита в условиях, когда другие страны АСЕАН уже утвердились в окончательном успехе своей политики вовлечения, реализуемой Ассоциацией в отношении этой страны еще с 1990-х годов. В результате в год своего промежуточного юбилея АСЕАН столкнулась с кризисом регионального масштаба, сопоставимым по своему характеру с кам-

боджийской проблемой конца 1970–1980-х годов. Вопрос о том, в какой степени совместный поиск решения мьянманской головоломки мог бы стать для Ассоциации столь же трансформационным, каким в свое время оказалось решение камбоджийской проблемы, пока что остается открытым.

Не добавляло региону стабильности сохранение, а в некоторых аспектах и углубление внутрорегиональных дихотомий. К их числу стоит отнести расколы между старыми и новыми членами Ассоциации в плане адаптации к общей политической культуре АСЕАН, размежевание экономически более развитых и менее развитых участников, разделение на страны, более склонные к взаимодействию с Китаем и относящиеся к нему настороженно (с этой точки зрения китайско-американские противоречия, помимо внешне-го, обрели для АСЕАН и внутрорегиональное измерение). На фоне политического кризиса в Мьянме отчетливо проявилось еще одно расхождение — между странами-членами АСЕАН, активно акцентировавшими внимание на успехах своего демократического развития (Индонезия, Малайзия), и участниками Ассоциации, которые сохраняли гибридные политические режимы. Переходя же с регионального на национальный уровень анализа, стоит отметить, что проблемы внутривнутриполитической поляризации и задачи национальной консолидации на исходе первой четверти XXI в. по-прежнему сохраняли свою актуальность для значительного числа стран Юго-Восточной Азии¹⁰.

Представляется, что отмеченные тенденции так или иначе окажут свое влияние на дальнейшую траекторию развития Ассоциации на пути к ее шестидесятилетию. Однако для лучшего понимания роли АСЕАН в современных международных отношениях и потенциала ее реагирования на новые повороты институциональной судьбы существенным является анализ эволюции и трансформации исследовательских подходов к стержневым проблемам развития Ассоциации.

К этим проблемам стоит отнести специфику модели интеграции АСЕАН, особенности институционального дизайна и характер при-

нятия решений в рамках Ассоциации, эволюцию феномена «центральнойности» АСЕАН в ретроспективе 1990–2000-х годов, параметры динамики отношений АСЕАН с диалоговыми партнерами в целом, а также США и Китаем в частности, достижения и проблемы Сообщества АСЕАН в современных условиях. В последующих разделах данной главы эти проблемы будут рассмотрены с опорой на ключевые отечественные и зарубежные исследования.

Концептуальные оценки стержневых проблем развития АСЕАН

АСЕАН как модель интеграции в незападном мире. Многие российские и зарубежные исследователи справедливо констатировали особый политико-идеологический контекст холодной войны, в котором начинала свою деятельность АСЕАН. Цели экономической интеграции, хотя и постулировались в качестве значимых для Ассоциации, на первых этапах существования АСЕАН отнюдь не являлись основными и едва ли на тот момент могли быть реализованы в полной мере¹¹.

В 1990-е годы, когда разделительные линии периода холодной войны были преодолены и интеграционная повестка стала выходить на передний план в жизни региона, естественным ориентиром для АСЕАН оказался Европейский союз (ЕС). На тот момент представлялось, что именно он являл собой наиболее продвинутый пример интеграционного объединения, по модели которого с опозданием, но последовательно будут развиваться интеграционные траектории других регионов мира¹². Более того, именно на эмпирическом материале ЕС формулировались основные теории региональной интеграции. Во многих исследованиях фиксировались различные стартовые позиции интеграционных процессов в Европе и Юго-Восточной Азии, однако не подвергался серьезному сомнению императив воспроизводства европейского образца в долгосрочной перспективе.

Дискуссионность опыта ЕС как модели интеграции и институциональной структуры для западных регионов мира стала все бо-

лее рельефно проявляться после азиатского финансового кризиса 1997 г., потрясшего многие экономики Юго-Восточной Азии, а также в последующее десятилетие — в ходе разработки и принятия в 2007 г. Устава АСЕАН. В этот же период критическому переосмыслению подверглась трансрегиональная инициатива сотрудничества Азии и Европы (Саммит Азии и Европы, АСЕМ), предложенная в начале 1990-х годов премьер-министром Сингапура Го Чок Тонгом. В одной из своих монографий известный сингапурский дипломат и ученый Кишор Махбубани так охарактеризовал ситуацию 1997 г.: «Богатые европейские страны предлагали партнерство Восточной Азии, исходя из того, что экономики стран региона продолжают демонстрировать истории успеха. Когда же их постигла неудача, Европа потеряла всякий интерес»¹³.

Устав АСЕАН формализовал многие наработанные за четыре предшествующих десятилетия дипломатические практики АСЕАН, которые к этому времени существенным образом разошлись с моделью ЕС. И хотя, как отмечал один из разработчиков Устава, сингапурский посол Томми Кох, основное значение этого документа заключалось в том, чтобы на официальном уровне закрепить институционализацию многих региональных процессов, ранее опиравшихся на неформальные и сетевые методы взаимодействия, региональная специфика все более видимо стала проявляться и в организационной структуре Ассоциации¹⁴. Во многом благодаря деятельности АСЕАН в исследовательский обиход вошли понятия «мягкий институционализм» и «мягкий регионализм», допускающих значительную степень гибкости и неформальности в региональных коммуникациях даже при наличии институциональной структуры, консенсусность в принятии решений и отсутствие жестких условий их имплементации¹⁵. Выявление специфики региональной экономической взаимозависимости, формировавшейся зачастую параллельно с формальной институциональной структурой интеграционных процессов, а не благодаря ей, стало основой для целого блока исследований, посвященных восточноазиатскому регионализму¹⁶.

В 2000-е годы были опубликованы сразу несколько сравнительных интеграционных исследований, акцентировавших внимание уже не на воспроизводстве европейского опыта в условиях иных регионов, а на анализе общего и особенного, выявившегося в процессе эволюции региональных интеграционных процессов в различных, в первую очередь — незападных, регионах мира. К этим работам стоит отнести публикации под редакцией Амитава Ачарии и Аластайра Йена Джонстона¹⁷, монографии и статьи А.А. Байкова¹⁸, Стивена Ариса¹⁹, Этель Солинген²⁰, Фредерика Сёдербаума²¹. Эти работы по-новому сформулировали проблематику исследований феномена альтернативности траекторий интеграционных процессов, выделив институциональные, структурные и социокультурные параметры сравнения региональной интеграции. В контексте этих исследований интеграционный опыт АСЕАН стал рассматриваться не только как самоценный, но иногда и как более органичный вариант интеграции для других незападных регионов мира.

Отдельным направлением исследований стал анализ дипломатической культуры АСЕАН, или «Пути АСЕАН» (*ASEAN Way*)²², который такие исследователи, как Юргсен Хааке²³, Хиро Катсумата²⁴, Тимо Кивимяки²⁵, Амитава Ачария²⁶, Кей Кога²⁷, Кишор Махбубани, Джеффри Сенг²⁸, Е.В. Колдунова²⁹, А.С. Королев³⁰, стали выделять в качестве особого регионального феномена. Напомним, что понятие «Путь АСЕАН» обозначает особый подход стран Юго-Восточной Азии к межгосударственным отношениям и основывается на принятии ими двух основных поведенческих норм, выраженных индонезийскими терминами «мушаварах» (консультации) и «муфакат» (консенсус). Такой подход не подразумевает создания механизма решения проблем, а направлен скорее на избежание конфликтных ситуаций как в отношениях между самими странами Ассоциации, так в отношениях Ассоциации с внешними игроками.

В одной из своих ранних работ Кишор Махбубани, сравнивая экономические потенциалы ЕС и АСЕАН, отмечал безусловное превосходство первого, при этом обращая внимание на тот факт, что АСЕАН все же существенно превзошла ЕС, как минимум, в од-

ной области — в искусстве дипломатии. Основанием для такого утверждения стали два фактора: успешное в случае Юго-Восточной Азии преодоление раскола между коммунистическими и некоммунистическими странами, контрастирующее с очевидным провалом ЕС в случае его взаимодействия с Югославией, и способность внести свой институциональный вклад в обеспечение мирного подъема растущих азиатских держав — прежде всего Китая и Индии, — в то время как все предшествующие случаи появления новых сильных игроков в западном мире сопровождались нарастанием конфликтности³¹.

Провозглашение в 2015 г. перехода АСЕАН к стадии сообщества стало основой для дискуссий по поводу характера нового этапа региональной интеграции в Юго-Восточной Азии, оценки прогресса и вызовов на пути его реализации³². В результате к концу первой четверти этого века интеграционный опыт стран АСЕАН стал объектом не только практико-ориентированных исследований, он также привлек внимание исследователей, занимающихся поиском точек опоры для построения незападных или незападноцентричных теоретических подходов к анализу международных отношений³³.

Система функционирования АСЕАН (принятие решений, формула «АСЕАН минус X»). Более чем пятидесятилетний опыт Ассоциации представляет богатый эмпирический материал для исследований системы функционирования АСЕАН и трансформаций институционального механизма Ассоциации. Несмотря на то что базовые принципы АСЕАН — принятие решений путем консультаций и консенсуса, движение со скоростью, приемлемой для всех, а не только для лидеров, — сохраняются в общем и целом неизменными на протяжении десятилетий, тем не менее их имплементация в политической и социоэкономической жизни региона имеет свою специфику и зависит от конкретной ситуации.

Принятие Устава АСЕАН привело к формированию новых международно-правовых условий функционирования Ассоциации. АСЕАН документально закрепила свой статус межгосударственной организации, были определены привилегии и иммунитет лиц, ра-

ботающих в секретариате АСЕАН в Джакарте и постоянных представительствах при АСЕАН, в Устав был внесен раздел о механизмах разрешения споров во всех областях, касающихся АСЕАН³⁴. Провозглашение перехода АСЕАН к стадии создания Сообщества в 2015 г. сопровождалось разработкой комплекса международно-правовых документов, нарастивших пространство «законодательства АСЕАН». Это понятие взято в кавычки, поскольку в силу того, что в АСЕАН не существует наднациональных институтов, отсутствует и прямой аналог того, что называется европейским правом. Вместе с тем уже опубликован ряд научных работ, оперирующих терминами «право АСЕАН» (*ASEAN Law*) и «международное право АСЕАН» (*ASEAN International Law*). Упомянутые международно-правовые изменения стали основанием для появления работ Термсака Чалемпаланупапа³⁵, Эрика Юн Джун Ли³⁶, Джоэла Энга³⁷, Диане Десиерто и Дэвида Козна³⁸, Кэвина Тана³⁹, посвященных правовым аспектам деятельности АСЕАН.

За период своей весьма солидной институциональной жизни АСЕАН не раз сталкивалась с региональными и внутристрановыми проблемами, требовавшими новых подходов к вопросам поиска консенсуса, уважения суверенитета и обеспечения невмешательства во внутренние дела друг друга — базовых принципов, закрепленных в Бангкокской декларации 1967 г. и Договоре о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г. В связи с этим предметом исследований становились не только случаи, когда Ассоциация твердо следовала отмеченным выше принципам, но и прецеденты попыток пересмотра принятия решений консенсусом, анализировались такие относительно новые для АСЕАН механизмы, как «тройка АСЕАН» и сферы возможного использования формулы «АСЕАН минус X». Данная формула была закреплена в пункте 2 статьи 21 Устава АСЕАН применительно к экономической области и подразумевала возможность избирательного принятия обязательств по экономическим соглашениям отдельными странами в случае, если по этому поводу был достигнут общий консенсус⁴⁰. Таким образом, в рамках Ассоциации был разработан

дифференцированный подход к соблюдению принципа консенсуса в политической и экономической сферах деятельности АСЕАН. Эта двойственность и практика имплементации формулы «АСЕАН минус X» в процессе политической и экономической интеграции были подробно проанализированы в исследовании сингапурских ученых Джозела Энга и Джозефа Лю⁴¹.

Проблематика суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга в деятельности АСЕАН представляет собой еще одну дискуссионную тему применительно к исследованиям АСЕАН. Глобализация, особенно активно развивавшаяся на рубеже XX–XXI вв., рост взаимозависимости внутривосточных и международных процессов, углубление региональной экономической интеграции неизбежно ставили вопросы о том, по-прежнему ли жесткое следование принципу уважения национального суверенитета соответствует быстроменяющимся современным реалиям. Актуальности этим вопросам добавлял опыт ЕС, вставшего на путь создания наднациональных институтов, и Североатлантического альянса, с конца 1990-х годов активно отстаивавшего идеи необходимости вмешательства во внутренние дела других стран в случае возникновения угрозы безопасности и имплементировавшего их в практику нескольких гуманитарных интервенций.

Специфика воздействия АСЕАН на отдельные страны региона при формальном сохранении принципа невмешательства нашла отражение в серии публикаций британского исследователя Ли Джонса, обратившего внимание на косвенные и неформализованные способы влияния, которые страны АСЕАН практиковали в отношении Камбоджи в 1980-е годы (тогда еще не входившей в Ассоциацию) с целью изменить траекторию развития камбоджийского кризиса в подходящем для себя русле⁴². Дискуссиям, разворачивающимся в АСЕАН по вопросам суверенитета и невмешательства, посвящены также отдельные работы сингапурского автора Саймона Тэя⁴³. Вместе с тем, какие бы инварианты корректировки указанных принципов ни рассматривались в региональном дискурсе, до сегодняшнего момента никогда еще

полномасштабный отход от них не рассматривался как возможный для АСЕАН.

В целом же анализ функционирования Ассоциации в последние десятилетия дал основания для формирования нескольких исследовательских направлений, рассматривающих ее через призму конструктивизма (Амитав Ачария⁴⁴, Элис Ба⁴⁵), функционализма (Джозел Энг, Джозеф Лю⁴⁶), когнитивного регионализма (Энтони Милнер⁴⁷) и институционализма (Шон Нарайн⁴⁸).

Проблема «центральности» АСЕАН для региональных институтов и вопросы организации регионального порядка. Завершение холодной войны не только снизило градус международно-политической напряженности в Юго-Восточной Азии, но и на какое-то время сделало многие страны—основательницы АСЕАН менее интересными для их военно-политического союзника — США. Из региона были выведены как бывшая советская (Камрань, Вьетнам), так и американские военные базы (Кларк-филд и Субик-бей, Филиппины).

Опасаясь образования в регионе вакуума силы, на рубеже XX–XXI вв. АСЕАН обратилась к поиску новых направлений развития. Таковым во внутривосточных делах стало углубление экономической интеграции. В более же широком международном плане Ассоциация приступила к расширению сети своих диалоговых партнерств⁴⁹ и формированию региональных институтов-спутников АСЕАН (АРФ, АТЭС, ВАС, СМОА+, Расширенный морской форум АСЕАН), что в итоге позволило прийти к идее центральной роли, или «центральности»⁵⁰, АСЕАН для большинства региональных институтов в АТР. Количественный рост диалоговых партнерств АСЕАН был обозначен рядом исследователей как «функциональное расширение»⁵¹. Под этим термином понималось создание специальных механизмов сотрудничества с более крупными региональными и внерегиональными партнерами АСЕАН по вопросам, которые превосходили территориальные рамки Ассоциации, но попадали в зону ее внимания.

Констатация того факта, что расширение институционального сотрудничества на пространстве сохранявшего многие реликто-

вые конфликты времен холодной войны Азиатско-Тихоокеанского региона (проблемы отношений двух корейских государств, КНР и Тайваня, неразрешенные территориальные споры в Восточном и Южно-Китайском морях) произошло именно благодаря усилиям АСЕАН, позволила политическим элитам стран Юго-Восточной Азии все с большей уверенностью заявлять о том, что Ассоциация занимает позиции «рулевого» в региональных процессах⁵². Успех АСЕАН позволил ряду авторов говорить об Ассоциации как о если не равновесном, то, по крайней мере, гораздо более значимом, чем на предыдущих исторических этапах, факторе формирования регионального порядка⁵³.

При этом, однако, во многих исследованиях, посвященных феномену «центральнойности» АСЕАН, отмечалось, что выдвигание Ассоциации на позиции ключевого организатора институциональных процессов сотрудничества оказалось возможным благодаря неформальному консенсусу крупных международных игроков о приемлемости АСЕАН в качестве площадки для широкого регионального диалога⁵⁴. Соответственно, помимо публикаций, анализировавших восхождение Ассоциации на вершины управления региональными институтами, в последние десятилетия появился также и корпус работ, рассматривающих объективно существующие ограничения, в первую очередь в экономической сфере, «центральнойности» АСЕАН⁵⁵, а также дисбалансы между политическими и экономическими трактовками центральнойности⁵⁶.

Усложняющийся характер взаимодействия между АСЕАН и ее диалоговыми партнерами в первой четверти XXI в., рост китайско-американских противоречий и появление мини-латеральных форматов стали источниками новых вызовов центральной роли АСЕАН. Дискуссия по этим вопросам активно развернулась в экспертных кругах региона, обсуждавших пределы возможностей АСЕАН сохранить свои руководящие позиции в региональных институтах, уязвимость Ассоциации перед лицом мини-латеральных форматов (в первую очередь — *QUAD*)⁵⁷, неспособности АСЕАН более выполнять функцию социализации Китая силами асеаноцентричных

институтов⁵⁸. При этом если несколько лет назад дискуссия о проблеме центральнойности АСЕАН апеллировала в основном к внешним факторам⁵⁹, ограничивающим ее, в первую очередь — американо-китайским противоречиям и их региональным проекциям, то теперь к внешним добавились также и внутрирегиональные факторы (в первую очередь слабость Ассоциации в деле урегулирования ситуации в Мьянме после 1 февраля 2021 г.)⁶⁰.

Отношения АСЕАН с диалоговыми партнерами и проблема влияния китайско-американских противоречий на АСЕАН. Значительное количество современных исследовательских работ посвящено взаимодействию стран АСЕАН, категориально относимых теоретиками международных отношений к малым и средним, или «фооновым» — в терминологии известного российского международника А.Д. Богатурова⁶¹, с диалоговыми партнерами Ассоциации, попыткам укрепления субъектности Ассоциации в условиях асимметричного взаимодействия⁶² и даже влияния на процессы глобального управления в выгодном для себя русле⁶³. При этом на другом краю исследовательского спектра находятся работы, подчеркивающие неравенство потенциалов стран Юго-Восточной Азии и крупных держав, в первую очередь — Китая⁶⁴, постоянный поиск ответов на это неравенство, проблемы институциональной уязвимости АСЕАН⁶⁵.

В частности, в коллективной монографии «Олень и дракон: Юго-Восточная Азия и Китай в XXI в.» под редакцией Дональда Эммерсона⁶⁶, опубликованной в 2020 г., были проанализированы природа, динамика и последствия неравновесного положения ЮВА и Китая. На основе представленного материала авторы книги приняли попытку доказать тезис о том, что асимметрия не означает полного соподчинения Китаю, а креативная дипломатия могла бы помочь странам региона обеспечить себе автономию за счет партнерств с другими внешними игроками.

При этом, однако, с точки зрения Д. Эммерсона, в случае взаимодействия с Китаем к слабым сторонам АСЕАН стоило отнести то, что Ассоциация традиционно вменяла себе в заслугу — строгое соблюдение принципа консенсуса при принятии решений. В по-

следние годы Китай все активнее стал воздействовать на отдельные страны АСЕАН, которые оказались в существенной экономической зависимости от него, трансформируя свое влияние в так называемое прокси-вето. В результате КНР, действуя как единый игрок, занял более выигрышную позицию, в то время как пространство для маневра стран АСЕАН оказалось ограничено необходимостью поиска решения, приемлемого для всех стран-членов Ассоциации.

К 2020 г. относится публикация монографий известных зарубежных специалистов по Юго-Восточной Азии Себастьяна Стренджио и Мюррея Хиберта, посвященных взаимодействию Юго-Восточной Азии и Китая⁶⁷. Авторы констатировали тот факт, что нигде в мире рост китайского экономического и военного присутствия не проявился столь видимо, как в Юго-Восточной Азии⁶⁸, а также то, что по мере возвышения Китая его внешнеполитический курс все меньше стал напоминать политику страны, некогда в значительной степени пострадавшей от западной колониальной экспансии. При этом, однако, они обратили внимание на то, что страны Юго-Восточной Азии не могут себе позволить мыслить в логике бинарных оппозиций, характерных для Соединенных Штатов (демократическая Америка против авторитарного Китая). При всем настороженном отношении к КНР отдельных стран Ассоциации АСЕАН как региональная структура вынуждена считаться с масштабами китайского экономического присутствия в Юго-Восточной Азии⁶⁹.

Реакция же Соединенных Штатов на рост китайского влияния в регионе пока что не вызвала положительных оценок, поскольку сами США внесли существенный вклад в усиление региональной конфликтности. Заявлениям об инклюзивном подходе, на котором была якобы основана американская индо-тихоокеанская стратегия, сопутствовал нарастающий конфронтационный настрой в отношении КНР, а американское давление на отдельные страны региона, не соответствующие эталонам демократии или — точнее предлагаемым Соединенными Штатами правилам поведения, все больше подталкивало их к Китаю⁷⁰.

Задачи поиска возможного противовеса чрезмерному усилению тех или иных крупных держав в Юго-Восточной Азии, политических, экономических и технологических альтернатив, попытки расширения пространства для международного маневра АСЕАН путем вовлечения в дела региона как можно большего количества внешних игроков создали благоприятный контекст для растущего числа исследований, посвященных специфике и содержательному наполнению взаимодействия Ассоциации с другими диалоговыми партнерами (Японией, ЕС, Австралией, Индией, Южной Кореей, Россией и другими⁷¹).

Для ряда исследований американско-китайские противоречия и специфика внешнеполитического курса двух геополитических гигантов в регионе стали одним из аспектов анализа более широкой проблемы — будущего многостороннего сотрудничества как такового. Ряд авторов констатировали, что в ситуации, когда политика великих держав стала работать против мультилатерализма, функция его поддержания, по-видимому, может оказаться прерогативой держав среднего уровня. Это потребует от них значительно более активных международных действий, чем ранее, однако в случае успеха сулит возможность создать систему, которая была бы в гораздо меньшей степени подвержена флуктуациям в отношениях великих держав⁷².

Заключение

Представленный анализ позволяет заключить, что за последние десятилетия деятельность АСЕАН дала богатую пищу для размышлений о специфике региональной интеграции в незападном мире, ее подводных камнях, ограничениях, но вместе с тем и возможностях, которые создаются в процессе регионального взаимодействия малых и средних государств. Парадоксальным образом, именно опыт Ассоциации позволил критически переосмыслить многие теоретические подходы к региональной интеграции, когда-то считавшиеся конвенциональными. Анализ как институциональных,

так и неформализованных практик АСЕАН, представленный в отечественной и зарубежной литературе, приблизил исследователей международных отношений и проблем регионализма к пониманию того, какие концептуальные подходы могли бы быть более адекватны реалиям незападных регионов мира, отличающихся многообразием политических систем, экономических укладов и этноконфессиональной мозаичностью.

В научной литературе, посвященной Ассоциации, представлен целый спектр мнений и оценок эволюции АСЕАН, варьирующихся от крайне критических до гораздо более позитивных. Каждая из них обоснованна, имеет право на существование, но также является продуктом своего времени — т.е. того или иного этапа, который проходила Ассоциация на пути своего более чем полувекового развития. Отметим лишь, что дальнейшее развитие АСЕАН, целый комплекс внешних и внутренних вызовов, подходы к решению которых Ассоциации еще только предстоит выработать, вполне могут стать основой для новых концептуальных наработок в региональных исследованиях и теории международных отношений.

Примечания

- ¹ ASEAN development trajectories reach new milestone // ASEAN Official Web Site. URL: <https://asean.org/asean-development-trajectories-reach-new-milestone/> (accessed: 30.08.2022).
- ² Southeast Asian economy gets lift from US-China tensions // The Phnom Penh Post. 2021. May 3. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/southeast-asian-economy-gets-lift-us-china-tensions> (accessed: 30.08.2022).
- ³ Страны Юго-Восточной Азии и Южно-Тихоокеанского региона между Пекином и Вашингтоном / Отв. ред. и сост. Е.М. Астафьева. М.: ИВ РАН, 2020.
- ⁴ Regional Outlook Forum 2022: Session 3 – Thailand. January 6–7, 2021 // ISEAS Youtube Channel. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eMFGwU6vy7E> (accessed: 30.08.2022).
- ⁵ Подробнее о феномене трансрегионализма см.: *Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Киреева А.А.* Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 37–57; *Кузнецов Д.А.* Теория и практика международного трансрегионализма. М.: Аспект Пресс, 2022.

- ⁶ *Колдунова Е.В.* Юго-Восточная Азия перед вызовами Индо-Тихоокеанских концепций // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. I. № 2 (43). С. 42–53.
- ⁷ Indonesia FM Seeks new Asian treaty to curb conflict // Channel News Asia. 17.05.2013. URL: <http://www.channelnewsasia.com/news/asiapacific/indonesia-fm-seeks-new-asia-treaty-to-curb-conflict/677940.html> (accessed: 26.05.2013).
- ⁸ *Сумский В.В.* «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и вертикальный взлет американо-китайских противоречий // Международная жизнь. 2021. № 4. С. 74–89; *Hoang Thi Ha.* ASEAN Navigates between Indo-Pacific Polemics and Potentials // ISEAS Perspective. 2021. No. 49. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-49-asean-navigates-between-indo-pacific-polemics-and-potentials-by-hoang-thi-ha/> (accessed: 15.08.2021).
- ⁹ *Hoang T.H.* Understanding the Institutional Challenge of Indo-Pacific Minilaterals to ASEAN // Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs. 2022. Vol. 44. No. 1. P. 1–30.
- ¹⁰ Political Polarization in South and Southeast Asia: Old Divisions, New Dangers / Ed. by T. Carothers and A. O'Donohue. N.Y.: Carnegie Endowment for International Peace, 2020.
- ¹¹ *Малетин Н.П.* АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007; *Халдин М.А.* АСЕАН без иллюзий. М.: Международные отношения, 1983.
- ¹² *Jetschke A., Murray Ph.* Diffusing regional integration: the EU and East Asia // West European Politics. 2012. 35:1. P. 174–191.
- ¹³ *Mahbubani K.* The New Asian Hemisphere. The Irresistible Shift of Global Power to the East. N.Y.: Public Affairs, 2008. P. 265.
- ¹⁴ The Making of the ASEAN Charter / Ed. by T. Koh, R. Manalo and W. Woon. Singapore: World Scientific, 2009.
- ¹⁵ *Söderbaum F.* Formal and Informal Regionalism // The Ashgate Research Companion to Regionalisms / Ed. by Timothy M. Shaw, J. Andrew Grant, Scarlett Cornelissen. L.: Routledge, 2012. P. 57.
- ¹⁶ *Рогожин А.А.* Юго-Восточная Азия и интеграция // Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО; РОССПЭН, 2002. С. 358–359; *Dent Ch.* East Asian Regionalism. Abington: Routledge, 2008; East Asia's De Facto Economic Integration / Ed. by H. Daisake. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006.
- ¹⁷ Crafting Cooperation. Regional International Institutions in Comparative Perspective / Ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

- ¹⁸ Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. М.: Аспект Пресс, 2012.
- ¹⁹ Aris S. A new model of Asian regionalism: does the Shanghai Cooperation Organisation have more potential than ASEAN? // *Cambridge Review of International Affairs*. 2009. Vol. 22. Iss. 3. P. 451–467.
- ²⁰ Solingen E. *Comparative Regionalism: economics and security*. Abington: Routledge, 2015.
- ²¹ Söderbaum F. *Formal and Informal Regionalism* // *The Ashgate Research Companion to Regionalisms*. L.: Routledge, 2012.
- ²² В исследованиях, публикуемых на русском языке, также можно встретить формулировку «Метод АСЕАН».
- ²³ Haacke J. *ASEAN's Diplomatic and Security Culture: Origins, development and prospects*. Abington: Routledge, 2003.
- ²⁴ Katsumata H. *ASEAN's Cooperative Security Enterprise: Norms and Identities in the ASEAN Regional Forum*. Basingstoke: Palgrave, 2009.
- ²⁵ Kivimäki T. *The long peace of East Asia*, Abington: Routledge, 2016.
- ²⁶ Acharya A. Ideas, identity, and institution-building: From the 'ASEAN Way' to the 'Asia-Pacific Way'? // *The Pacific Review*. 1997. Vol. 10. Iss. 3. P. 319–346.
- ²⁷ Koga K. The Normative Power of the 'ASEAN Way': Potentials, Limitations and Implications for East Asian Regionalism // *Stanford Journal of East Asian Affairs*. 2010. Vol. 10. No. 1. P. 80–95.
- ²⁸ Mahubani K., Sng J. *The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace*. Singapore: Ridge Books, 2017.
- ²⁹ Koldunova E. Which "ASEAN Way" Forward?: Southeast Asia Perspectives on Peace and Institutions // *The Palgrave Handbook of Global Approaches to Peace* / Ed. by A. Kulnazarova and V. Popovski. Cham: Palgrave Macmillan, 2019. P. 347–366.
- ³⁰ Королев А.С. Переосмысление опыта построения сообществ безопасности. Пример АСЕАН // *Международные процессы*. 2019. Т. 7. № 3 (58). С. 80–98.
- ³¹ Mahubani K. *The New Asian Hemisphere. The Irresistible Shift of Global Power to the East*. N.Y.: Public Affairs, 2008. P. 84.
- ³² Severino R., Menon J. ASEAN as a Community: An Overview // *The ASEAN Economic Community: A Work in Progress* / Ed. by S. Das, J. Menon, O. Shrestha and R. Severino. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2013; Das S. *The ASEAN Economic Community and Beyond: Myths and Realities*. Singapore: ISEAS, 2015; Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: ИД «Форум», 2019; Королев А.С. Указ. соч.; Колдунова Е.В. Формирование сообщества АСЕАН: аспекты безопасности // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2007. № 10. С. 53–61.
- ³³ Acharya A. *Rethinking Power, Institutions and Ideas in World Politics*. Whose IR? L.: Routledge, 2014; Shih Ch. 'China's Rise Syndromes? Drafting National Schools of International Relations in Asia' // *Comparative Politics (Russia)*. 2014. No. 3 (17). P. 128–142; ASEAN as a Method. Re-centering Processes and Institutions in Contemporary Southeast Asian Regionalism / Ed. by C. Ergenc. L.: Routledge, 2021; Eun Y. Introduction: Southeast Asia in Global IR—A Reflexive Stocktaking in Research and Teaching // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2022. Vol. 44: 2 (August). P. 169–183.
- ³⁴ *The ASEAN Charter*. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008.
- ³⁵ Chalermpananupap T. The ASEAN Secretariat and Legal Issues Arising From ASEAN Charter // *Indonesian Journal of International Law*. 2009. Vol. 6. No. 2. P. 178–186.
- ³⁶ Lee E.Y.J. *Legal Development of the ASEAN Community Building* // *ASEAN International Law* / Ed. by E.Y.J. Lee. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 1–18.
- ³⁷ Ng J. Rule of Law as a Framework within the ASEAN Community // *ASEAN International Law* / Ed. by E.Y.J. Lee. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 161–174.
- ³⁸ *ASEAN Law and Regional Integration: Governance and the Rule of Law Southeast Asia's Single Market* / Ed. by D.A. Dasierto, D.J. Cohen. L.: Routledge, 2022.
- ³⁹ Tan K.Y.L. *ASEAN Law: Content, Applicability and Challenges* // *ASEAN Law and Regional Integration: Governance and the Rule of Law Southeast Asia's Single Market* / Ed. by D.A. Dasierto, D.J. Cohen. L.: Routledge, 2022. P. 39–56.
- ⁴⁰ *The ASEAN Charter*. P. 23.
- ⁴¹ Ng J.K.J., Liow Ch. *The Southeast Asian Dimensions: The ASEAN Model of Integration* // *The Regional World Order. Transregionalism, Regional Integration, and Regional Projects across Europe and Asia* / Ed. by Alexei D. Voskressenski and Boglárka Koller. Lanham: Rowman and Littlefield, 2019. P. 103–122.
- ⁴² Jones L. *ASEAN, Sovereignty and Intervention in Southeast Asia*. L.: Palgrave Macmillan, 2012.
- ⁴³ Tay S.S.C. *Institutions and Processes: Dilemmas and Possibilities* // *Reinventing ASEAN* / Ed. by S.S.C. Tay, J.P. Estanislao, H. Soesastro. Singapore: ISEAS, 2001.
- ⁴⁴ Achary A. *Constructing a Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order*. Abington: Routledge, 2014.
- ⁴⁵ Ba A. (Re) Negotiating East and Southeast Asia: Region, Regionalism, and the Association of Southeast Asian Nations. Stanford, CA: Stanford University Press, 2009.
- ⁴⁶ Ng J.K.J., Liow Ch. Op. cit.
- ⁴⁷ Milner A. *Regionalism in Asia* // *Europa Publications. The Far East and Australasia 2015*. Abingdon, Routledge, 2014. P. 68–76.

- ⁴⁸ *Narine S.* State Sovereignty, Political Legitimacy and Regional Institutionalism in the Asia-Pacific // *The Pacific Review*. 2004. Vol. 17. No. 3. P. 423–450.
- ⁴⁹ Самые первые диалоговые партнерства возникли у АСЕАН еще в конце 1970-х годов с Австралией, США, Японией и Европейским экономическим сообществом.
- ⁵⁰ *Viensucseso E.* ASEAN Centrality: An Autoethnographic Account by a Philippine Diplomat. Singapore: ISEAS, 2021.
- ⁵¹ *Khong Y.F., Nesadurai H.E.S.* Hanging Together, Institutional Design, and Cooperation in Southeast Asia: AFTA and the ARF // *Crafting Cooperation: Regional International Institutions in Comparative Perspective* / Ed. by A. Acharya, A.I. Johnston. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 33.
- ⁵² *Канаев Е.А.* Феномен «Driver's Seat» // *Международная жизнь*. 2010. № 10. С. 28–36.
- ⁵³ *Acharya A.* ASEAN and Regional Order: Revisiting Security Community in Southeast Asia. L.: Routledge, 2021; *Колдунова Е.В.* Региональные трансформации Юго-Восточной Азии и проблема справедливого регионального (и мирового) порядка // *Сравнительная политика*. 2019. Т. 10. № 4. С. 52–64.
- ⁵⁴ *Acharya A.* The Myth of ASEAN Centrality? // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 273–279; *Tan S.S.* A Tale of Two Institutions: The ARF, ADMM-Plus and Security Regionalism in the Asia Pacific // *Contemporary Southeast Asia: A Journal of International and Strategic Affairs*. 2017. Vol. 39. No. 2. P. 259–264; *Канаев Е.А.* Факторы успешности и конструирование Большой Евразии // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 3. С. 81–89.
- ⁵⁵ *Jones L.* Explaining the failure of the ASEAN economic community: the primacy of domestic political economy // *The Pacific Review*. 2016. Vol. 29. Iss. 5. P. 647–670.
- ⁵⁶ *Andal E.G.T.* ASEAN Centrality amidst Economic Integration in the Asia Pacific Region // *Journal of the Asia Pacific Economy*. 2017. Vol. 22. Iss. 2. P. 273–290.
- ⁵⁷ *Minilateralism in the Indo-Pacific. The Quadrilateral Security Dialogue, Lancang-Mecong Cooperation Mechanism, and ASEAN* / Ed. by Bhubhindar Singh and Sara Teo. Abington: Routledge, 2020.
- ⁵⁸ *Iwamoto K.* ASEAN Defends its Indo-Pacific “Centrality” between Quad and China // *Nikkei*. 2021. June 22. URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Asia-Insight/ASEAN-defends-its-Indo-Pacific-centrality-between-Quad-and-China> (accessed: 08.08.2021).
- ⁵⁹ *Caballero-Anthony M.* ASEAN Centrality Tested // *The Routledge Handbook of Asian Security Studies* / Ed. by Sumit Ganguly, Andrew Scobell and Joseph Chinyong Liow. Abington: Routledge, 2018. P. 217–228.
- ⁶⁰ *Amador III J.S.* The Continuing Erosion of ASEAN Centrality // *ASEAN Focus*. 2021. March 30. P. 2–3.
- ⁶¹ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конвент-МОНФ, 1997.
- ⁶² *Ciorciari J.* The Limits of Alignment: Southeast Asia and the Great Powers since 1975. Georgetown: Georgetown University Press, 2010; *Колдунова Е.В.* «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // *Международные процессы*. 2017. Т. 15. № 3 (50). С. 55–66.
- ⁶³ *Ефремова К.А.* АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности и перспективы // *Полис. Политические исследования*. 2020. № 3. С. 44–55.
- ⁶⁴ *Womack B.* China and Vietnam: The Politics of Asymmetry. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- ⁶⁵ *Hiebert M.* Under Beijing Shadow: Southeast Asia's China Challenge. Lanham: Rowman & Littlefield, 2020; *Heydarian R.V.* The Indo-Pacific: Trump, China, and the Struggle for Global Mastery. Singapore: Palgrave Macmillan, 2020.
- ⁶⁶ *The Deer and the Dragon: Southeast Asia and China in the 21st Century* / Ed. by D. Emmerson. Singapore: ISEAS, 2020.
- ⁶⁷ *Strangio S.* In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century. New Haven: Yale University Press, 2020; *Hiebert M.* Op. cit.
- ⁶⁸ *Strangio S.* Op. cit. P. 5.
- ⁶⁹ *Ibid.* P. 7–8.
- ⁷⁰ *Ibid.* P. 272–284.
- ⁷¹ См., например: *ASEAN-Russia: Foundations and Future Prospects* / Ed. by V. Sumsky, M. Hong, A. Lugg. Singapore: ISEAS, 2012; *ASEAN-Japan Relations* / Ed. by T. Shiraiishi, T. Kojima. Singapore: ISEAS, 2013; *Frost F.* Engaging the Neighbours. Australia and ASEAN Since 1974. Canberra: Australian National University, 2016; *ASEAN and India-ASEAN Relations. Navigating Shifting Geopolitics* / Ed. by M. Mayilvaganan. Abington: Routledge, 2022; *Contemporary Korea-Southeast Asia Relations: Bilateral and Multilateral* / Ed. by Lam Peng Er. Abington: Routledge, 2022.
- ⁷² *Ng J.* Multilateralism in 2021: Better than 2020? // *RSIS Commentary*. 2021. February 8. URL: <https://www.rsis.edu.sg/rsis-publication/cms/multilateralism-in-2021-better-than-2020/#.YRbDANMzbfJ> (accessed: 15.08.2021).

Раздел I

**АСЕАН В КОНТЕКСТЕ
МАКРОРЕГИОНАЛЬНЫХ
ПРОЦЕССОВ:
интеграционные
ВОЗМОЖНОСТИ И ВЫЗОВЫ**

Глава 1

Парадигма асеаноцентричного построения отношений в Восточной Азии

АННОТАЦИЯ: В главе исследуется феномен асеаноцентричности (центральности АСЕАН), рассматриваемый как принцип и как характеристика региональной динамики интеграционного поля в Восточной Азии. Автор выдвигает предположение, что в среднесрочной перспективе страны АСЕАН будут тратить значительные ресурсы на поддержание статуса центральности вместо того, чтобы извлекать из него выгоду. Эта гипотеза раскрывается в ходе анализа ментальных и геополитических истоков центральности, разбора наиболее типичных подходов к определению этого явления и выявления вызовов принципу центральности (разрыхление Ассоциации, соперничество великих держав, конкурирующие интеграционные проекты Китая).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, асеаноцентричность, центральность АСЕАН, интеграция, Восточная Азия, Юго-Восточная Азия.

ABSTRACT: The chapter explores the phenomenon of ASEAN centrality conceived of as a principle and as a feature of the regional integration dynamics in East Asia. The author assumes that in the medium term ASEAN countries will commit substantial resources to maintaining the centrality status rather than taking advantage of it. This hypothesis is underpinned by analyzing the mental and geopolitical origins of centrality, examining the most typical approaches to defining this phenomenon and identifying challenges to the centrality principle

(Association fragmentation, great power rivalries and Chinese competing integration projects).

KEYWORDS: ASEAN, ASEAN centrality, integration, East Asia, Southeast Asia.

Введение

ЦЕЛЬ настоящей главы – прочертить векторы эволюции «силы» (*charge*), «аттрактивности» (*attraction*) и содержания (*semantics*) популярного, в чем-то даже вирусного дискурса о «центральности АСЕАН» на фоне существенных сдвигов в региональной архитектуре Восточной Азии (трактуемой как институциональная конфигурация оформляющих многосторонние отношения структур), с одной стороны, и изменений в среде международной региональной безопасности – с другой. Под последней, вслед за А.Д. Богатуровым¹, мы будем понимать динамику соотношения потенциалов ведущих игроков, организованных по лидерскому или пространственному типу².

Первое, что важно уяснить в контексте обсуждения принципа «центральности АСЕАН», или – иначе – асеаноцентричности восточноазиатской региональной архитектуры, – это то, что речь идет именно о принципе, некоем начальном допущении в идеологии региональных элит восточноазиатских государств (как входящих в АСЕАН, так и находящихся за его контуром), отражающем консенсусное, взаимно разделяемое представление (конструкт) о предпочтительности структурирования многосторонних отношений в регионе через посредство и / или по образцу асеановских институтов. При этом речь не идет о констатации некоторой объективной данности, онтологически детерминирующей внешнеполитические мотивы, цели и стратегии государств, составляющих восточноазиатскую подсистему. Другими словами, центральность АСЕАН в ней есть не объективно существующий факт, а факт социальный³, поддерживаемый не реальным соотношением силовых потенциалов, а силой убеждений, взаимных коллективных ожиданий, комбинаций интересов международных акторов, в том числе него-

сударственных. В связи с этим существенно и то, что важную роль в утверждении нормативного характера принципа центральности АСЕАН сыграло эпистемическое сообщество — сеть экспертов и исследователей деятельности Ассоциации, идеализирующих объект своего исследования и нередко выдающих желаемое, но мнимое за действительное и объективно состоявшееся.

Вместе с тем причины, по которым данное допущение (идея о желательности ведения региональных дел на многосторонней основе при организующей и/или нормативной роли АСЕАН) обрело признаки регионального правила, обычной практики, «конвенции» для тех и для других государств, различны для разных групп восточноазиатских государств и подпитываются несовпадением их интересов. Таким образом, мы наблюдаем единство эффекта при разности исходных устремлений и условий⁴. Осознание этого обстоятельства выступает необходимой предпосылкой адекватного понимания потенциала результативности и долговечности принципа центральности в восточноазиатских политических реалиях.

Структурно настоящая статья делится на четыре части. Уже изложенная постановочная часть задает рамку общей трактовки принципа центральности как активно оспариваемого концепта, отчужденного от его предполагаемого субъекта и используемого различными акторами восточноазиатского регионального процесса в своих интересах. Вторая часть посвящена ментальным и геополитическим истокам центральности. В следующей, третьей, части будут рассмотрены наиболее типичные подходы к определению центральности, утвердившиеся в экспертных и политико-формирующих кругах. Четвертая часть анализирует вызовы принципу центральности — как с точки зрения потенциала Ассоциации соответствовать ожиданиям своей центральности, так и с точки зрения изменившихся взглядов неасеановских стран о предпочтительности следования этому принципу.

Исследовательский вопрос и рабочая гипотеза. Акцентирование отмеченного различия: центральность как онтологический архетип самоорганизации восточноазиатской подсистемы; и цен-

тральность — как интернализированный конструкт, фиксирующий ситуативное совпадение интересов разновеликих и разнородных игроков, консенсус, который в любой момент — при трансформации комплекса слагаемых региональной среды — может быть ревизован и «отменен», имеет фундаментальное значение для правильной оценки стратегической ситуации в восточноазиатском регионе. Вопреки тиражируемым, особенно в официальной асеановской экспертной среде, восторгам по поводу исторических достижений Ассоциации, выразившихся якобы как раз в первую очередь в способности замкнуть на себе отношения крупных региональных и внерегиональных акторов⁵, действительность такова, что мантра о центральности есть результат довольно рыхлого *компромисса игроков различного калибра о выгоды общения на площадке и видимости соблюдения правил АСЕАН*.

Поставленный нами исследовательский вопрос, на который хотя бы в первом приближении попробует дать ответ настоящая глава, состоит в следующем: при каких условиях баланс преимуществ и издержек от поддержания кажущейся «центральности» АСЕАН и соответствующих инвестиций в него сохранится и соответствующие усилия по поддержанию образа центральности будут считаться оправданными, а при каких конструкт центральности более не будет соответствовать интересам ключевых игроков (в АСЕАН и вне ее), а сама заинтересованность в сохранении центральности будет отвергнута в том числе самими асеановцами. Последнее, думается, может произойти как под влиянием обозначенных изменений в региональной среде и движимой этим институциональной архитектуре, так и по причине разрыхления асеановского консенсуса по поводу эффективности вкладываемых в сохранение центрального статуса самими юго-восточноазиатскими столицами усилий и ресурсов.

Отсюда — наша рабочая гипотеза: уже в среднесрочном периоде риск для Ассоциации будет, по-видимому, состоять в том, что Джакарта⁶, *вместо того чтобы извлекать преимущества из своей центральности, будет вынуждена затрачивать на поддержание*

этого статуса избыточные ресурсы, тогда как эффект от снижения соответствующих транзакционных издержек в региональной коммуникации будут, как и прежде, получать преимущественно внеасеановские страны. При этом уже за истекшие 10–15 лет соотношение издержек и преимуществ благоприятствовало неасеановским странам, а в последние 5–7 лет следование принципу центральности стало представлять все меньший интерес для великих региональных и условно региональных держав на фоне разрастания пространства сино-американской конфронтации.

Центральность АСЕАН как принцип и как характеристика региональной динамики

Изложенные выше предварительные замечания дают основания высказать три важных наблюдения о феномене асеаноцентричности⁷. Первое – само понятие асеаноцентричности, или центральности, семантически родственно другим понятиям, часто употребляемым в литературе при характеристике региональной роли АСЕАН, но в последние несколько лет утратившим популярность, таким как «интеграционный драйвер, или лидер» (соответственно – *driver/leader*), институциональный хаб, или очаг (*hub*), региональная точка опоры (*fulcrum*), интеграционное ядро (*nucleus*) и даже региональный авангард (*vanguard*), каждое из которых имеет свою историю хождения в асеановском и околоасеановском эпистемическом пространстве и маркирует разные оценочные позиции по поводу потенциала и перспектив Ассоциации, ее роли, места и удельного веса. Очевидно, даже не входя в детали семантической нюансировки элементов получившегося синонимического ряда, что понятие «центральности» как бы обнимает все выражаемые ими оттенки смысла, микшируя вместе с тем заложенную в каждом из них определенность. Термин «центральность» оказался, таким образом, максимально нейтральным зонтичным термином, в котором присутствуют идеи и локомотива, и движущей силы, и первого среди идущих, и идеи исходно-

го некоей срединности, но приглушающим оттенок качественного превалирования.

В этом смысле закономерно, что данный принцип этот, по смыслу объединяя практически все из приведенных выше значений, вместе с тем лишил лежащую в их основе базовую идею коннотации превосходства и избыточных эмоциональных обертонов, переся акцент на (инфра)структурное измерение⁸ в организации региональной среды и, что, наверное, даже более важно в логистике общерегиональной коммуникации.

Второе следствие состоит в том, что принцип центральности АСЕАН важен не для понимания Ассоциации как таковой. Он – преимущественно – про динамику, направленность связей и архитектуру (соотнесенность элементов конфигурации структуры отношений между восточноазиатскими государствами и институтами) всего восточноазиатского пространства и прежде всего представленных в макрорегионе АТР великих держав (России, Китая, США и Японии). Иными словами, центральность не есть наличный, непосредственно доступный ресурс асеановских столиц. Скорее, это – принцип организации восточноазиатского политического пространства, а его относительная сила и аттрактивность (англ. *attraction*, способность воздействовать на субъектов с целью мобилизации их ресурсов на решение интересующей вас задачи), флуктуирующая во времени, есть не что иное, как маркер динамики и качества отношений между АСЕАН как единым целым и великими державами, ее обступающими⁹. Более того, бенефициарами успешности реализации этого принципа (т.е. когда маркер центральности достигает максимальных значений) не-асеановцы выступают едва ли не в большей степени, чем страны АСЕАН и Ассоциация в целом.

Ну и, наконец, третье: из первых двух наблюдений следует, что агентность АСЕАН в наполнении принципа центральности не эксклюзивна и даже не первостепенна. Характерно в этом смысле высказывание филиппинского дипломата Германа Крафта, который сформулировал направление движения исторической миссии

Ассоциации следующим довольно точным образом: «Ассоциация пережила разительную эволюцию от структуры, приверженной недопущению вовлечения Юго-Восточной Азии в великодержавную конкуренцию, к организации, которая “приняла” идею центральности (читай — срединности) в контексте восточноазиатского и Азиатско-Тихоокеанского регионализма, процесса, который с необходимостью подразумевает согласие на вовлечение крупных держав региона»¹⁰.

Но принять идею не означает выдвинуть ее. Не случайно общим местом при интерпретации принципа центральности АСЕАН стало положение о том, что своим возникновением принцип центральности обязан не внутреннему единству и однородной геополитической идентичности, а специфической комбинации стратегических интересов великих держав в регионе, увидевших в поддержке данного принципа важные для себя преимущества, и возможности для этих держав локализовать свою дипломатическую игру в данном регионе, более эффективно адаптировав их к местной стратегической культуре, а асеановцы лишь указали им путь (*ASEAN Way*), каким образом сделать это наилучшим образом.

Структура регионального интеграционного поля в Восточной Азии и генезис идеи асеаноцентричности

Географические границы интеграционного поля в Восточной Азии подвижны. Для простоты мы будем рассматривать ВА как совокупность двух субрегиональных фрагментов — Северо-Восточной (СВА) и Юго-Восточной Азии (ЮВА), развитие каждого из которых характеризовалось рядом особенностей. *Во-первых*, в отличие от Северо-Восточной Азии (Китая, Кореи и Японии), институт государственности современного типа в Юго-Восточной Азии возник сравнительно недавно. Отсюда — ощущение уязвимости суверенитета, которое периодически обострялось из-за необходимости борьбы за него либо в силу идеологического размежевания мира в XX в., либо в моменты осложнения внутрорегиональных отношений, и, как ре-

зультат, особый акцент на принципе невмешательства в культуру межгосударственного общения¹¹.

Во-вторых, Юго-Восточная Азия исторически всегда была плотнее встроена в систему мировой торговли. Япония, Китай и Корея, напротив, долгое время ограждали себя от внешнего, в том числе экономического, проникновения. Как следствие, в странах ЮВА в XX в. развился комплекс зависимости от прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и внешней торговли. Свыше 50% прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ) и внешней торговли стран ЮВА приходится на соседние восточноазиатские страны¹². Неудивительно поэтому, что процесс экономической интеграции в АСЕАН облегчается исторически сформировавшейся терпимостью государств этого субрегиона к доминированию иностранного элемента в структуре их инвестиций и торговли, а идея центральности приобретает оттенок промышленно-инвестиционного хаба, преобладание в котором внешнего капитала не воспринимается как знак зависимости или подчиненности.

В-третьих, действенным нематериальным ресурсом стран Юго-Восточной Азии было и остается наличие среди местных элит активных сторонников сближения на основе азиатского культурного кода¹³. Их концепция сближения предусматривала движение интеграционного процесса в интересах малых и средних игроков, каковых в регионе большинство, а не крупных региональных держав, но с обязательным вовлечением последних (принцип «недискриминации великих держав»).

Между тем подобные идеи не приобрели бы большого резонанса, если бы не возникший в период деколонизации феномен азиатской антиколониальной солидарности, коллективного действия малых и средних стран, осознавших свою силу в единстве и сплоченности. Развитие экономического сотрудничества на групповой, региональной основе — один из наиболее популярных политических лозунгов среди большинства стран в этой части мира. Региональным лидерам — Японии и Китаю — с начала 1980-х годов приходилось соглашаться с необходимостью прислушиваться к мнению АСЕАН

и принимать его как единственную основу для обсуждения почти любых вопросов интеграционного характера, что и стало началом формирования принципа асеаноцентричности восточноазиатской региональной архитектуры¹⁴. Если в ЕС интеграцию направляли наиболее крупные страны (Франция и Германия), то в Восточной Азии это были малые и средние государства (АСЕАН), объединенные идеей «геополитического солидаризма и справедливости на антиколониальных началах».

Заинтересованность в экономическом росте толкала государства обеих частей Восточной Азии друг к другу, связывая их сначала узами торговли, производства и сырьевых поставок, а затем — необходимостью валютно-финансовой и технологической координации. Объединение субрегионов в регион происходило под действием растущей экономической взаимозависимости. При этом наиболее заметную, иницирующую роль в интеграционных процессах играли политики стран ЮВА, на импульсы которых реагировали Япония и США как потенциальные технологические и инвестиционные доноры.

С точки зрения самоидентификации участников интеграция в регионе представлена двумя типами взаимодействия. Группировки первого типа открыто провозглашают и решают задачи межгосударственного сближения. Это прежде всего признаваемое политиками и учеными ядро — АСЕАН, наиболее старое и влиятельное с точки зрения способности консолидации региона.

Второй тип взаимодействия характерен для японо-американского комплекса, АТЭС, а затем выросших, по существу, из американо-японского союза группировок последних нескольких лет (*AUKUS* и *QUAD*), которые формально не ставят перед собой задачи интеграционного характера, а выглядят как обычный военно-политический союз. На деле же, особенно японо-американский комплекс, они составляют серьезную контрасеановскую альтернативу¹⁵. Японо-американский комплекс, например, практически с самого начала продолжает индуцировать мощные протоинтеграционные импульсы, влияющие на динамику интеграции во всем регионе.

Хотя азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. произвел в экономике региона менее разрушительные последствия, чем ожидалось, психологически и политически он оказался рубежным с точки зрения путей развития интеграции. Именно тогда в странах АСЕАН с новой силой возродились антизападные, антиамериканские предубеждения, которые объективно способствовали возвратному интересу стран АСЕАН к интеграции на сугубо азиатской основе¹⁶. Идея сотрудничества в рамках АТЭС не была отвергнута открыто и полностью, но она явно и окончательно была отодвинута на периферию региональной политики.

Географически региональная интеграция в Восточной Азии наиболее ясно проявляет себя «концентрическими кругами» особых отношений: по узкому — в рамках АСЕАН, по более широкому — по линии отношений АСЕАН с Японией, Китаем и Южной Кореей¹⁷. По внешнему контуру выстраиваются отношения с другими региональными партнерами, в том числе неазиатскими. Структурно именно так наиболее наглядно может быть визуализирована идея асеаноцентричности.

Вместе с тем среди исследователей ведутся споры о потенциале интеграции в Восточной Азии на базе АСЕАН, ключевыми принципами которой по-прежнему остаются невмешательство стран в дела друг друга и «мягкий институционализм»¹⁸. Это странно, учитывая, что причины, по которым эти государства воздерживаются от внедрения наднациональных методов управления, понятны и хорошо отражены в литературе: ценность суверенитета в глазах молодых государств выше, чем для тех, кто успел пресытиться им и испытать на себе его отрицательные проявления. Для интеграционной практики в АСЕАН, а следовательно, и во всем регионе Восточной Азии характерен сознательный отказ от создания наднациональных органов принятия решений (типа Еврокомиссии и Совета министров ЕС), которые, как принято считать, желательны для более поздних стадий сближения — таможенного союза и общего рынка. Согласно формальной логике прохождения стадий насыщения государственным суверенитетом, именно незападные, а точнее —

неевропейские государства, должны были бы настаивать на использовании всех языков в статусе официальных, но не делают этого. Последнее закономерно – ведь они не трактуют демократию и демократичность как уважение прав меньшинств ценой ущемления прав большинства. В этом смысле следование принципу асеаноцентричности в восточноазиатской региональной инфраструктуре подкупает прежде всего превалированием в подходе асеановцев прагматизма, понимаемого как идеологическая нейтральность и отказ от ценностного универсализма, свойственного евроатлантическим подходам к институциональному строительству.

Стоит при этом подчеркнуть, что осуществляемые в рамках собственно АСЕАН проекты и не требуют внедрения инструментов наднационального регулирования. Последнее, например, полагается обязательным на стадии таможенного союза. Но страны АСЕАН не стремились к созданию таможенного или тем более валютного союза только между собой. Их планы сближения на узкогрупповой основе ограничились форматом зоны свободной торговли. Избранная ими формула зоны свободной торговли подразумевала снижение тарифных барьеров в отношении самих стран АСЕАН и не предполагала сооружение мощных таможенных барьеров по внешним границам группировки, как было бы естественно в случае принятия концепции таможенного союза¹⁹. Таможенный союз мыслим только на более широкой региональной основе, включая, как минимум, всю Восточную Азию. В ином случае его создание означало бы изоляцию от стран – Северо-Восточной Азии, субрегиона, где расположены ключевые торгово-экономические партнеры АСЕАН – Китай, Япония и Южная Корея. Для зоны свободной торговли наднациональные элементы управления не являются необходимыми.

Исторически назвав организацию «ассоциацией», страны-учредители АСЕАН, по-видимому, хотели подчеркнуть, что их целью является развитие сотрудничества, но при этом без ограничения политического суверенитета. Они «фактически и не помышляли об интеграции по западноевропейскому образцу»²⁰. Организационная структура АСЕАН воплощает суверенное равноправие стран-участ-

ниц. Важнейший рабочий орган АСЕАН – ежегодная конференция министров иностранных дел – проводится поочередно в столицах стран-участниц. Все остальные элементы организационного механизма – координационный совет, советы сообществ АСЕАН, специализированные комитеты (по связи и транспорту, торговле и промышленности, планированию, информации, туризму и т.д.) – также ежегодно перемещаются из столицы в столицу, акцентируя суверенитет каждой страны, а не наднациональность, или, заимствуя фразеологию европейской интеграции – «Азию отечеств», а не «Азиатское отечество».

В Европе индивидуальное представление о свободе, в том числе свободе воли, выразилось в индивидуалистичной трактовке представлений о суверенитете – сначала государя, а затем и государства, воплотившейся в системе голосования по принципу большинства. В Азии, в которой отсутствовало индивидуальное понимание свободы, вместо этого существовала традиция относительно мягкого и добровольного подчинения свободы личности интересам общества. Традиция индивидуального голосования – продукт более поздний, чем традиция коллективного действия. Поэтому в Азии именно консенсус, медленное, неторопливое, терпеливое продвижение к нему органично легли в основу отношений между суверенными государствами ЮВА²¹. Государства АСЕАН не были изначально готовы к процедурному голосованию и не придавали ему слишком большого значения, потому что неписанные договоренности могут быть более надежными, чем зафиксированные обязательства, не подкрепленные политической волей их исполнять. Сообразно этому, в переговорной традиции АСЕАН приоритетным является сначала сформировать общую политическую волю, а не получить формальное арифметическое большинство при манипулировании числом поданных голосов.

«Метод АСЕАН», таким образом, это осознанное, подтвержденное опытом систематическое движение к повышению эффективности индивидуальных усилий за счет коллективных действий. Принцип совместных действий вошел устойчивым элементом

во внешнеэкономическую и внешнеполитическую стратегию современных государств ЮВА. Он предполагает, что уже на этапе формирования национальных приоритетов развития в политике и экономике закладывалась парадигма совместного действия как основного инструмента достижения целей²². Иными словами, элементы сращивания во взаимодействии государств АСЕАН проявляются таким образом, что даже на самой исходной фазе выработки национальных политик они мыслятся в контексте общей позиции Ассоциации. При этом по форме это часто может выглядеть так, будто каждая страна действует изолированно. Фактор экономической рациональности, экономии ресурсов и опоры на групповую поддержку доказал свою эффективность.

Не случайно поэтому эти подходы оказались созвучны международно-политической ситуации в Восточной Азии и были оптимально откалиброваны под стратегию АСЕАН по выстраиванию партнерств с великими державами региона и фактически стягивания их в сеть, не требовавшую согласования позиций по ценностным и нормативным основам. В этом — изначальная аттрактивность «центральности» как архетипа сложившегося на сегодняшний день восточноазиатского регионального поля.

В Восточной Азии принципы управления объединительными процессами строго коррелировали с политическими условиями сотрудничества государств региона. «Спазмы забегания вперед», подобные «кризису пустого кресла» в ЕЭС 1965–1966 г. , когда интеграционная динамика не выдерживала напора административной реформы, менее типичны для восточноазиатской интеграции в силу более осмотрительного, выжидательного подхода к интеграции восточноазиатских государств. Кризисы, конечно, случались и здесь²³. Однако ввиду более низкой скорости сближения подобные кризисы не воспринимались в качестве таковых исследователями и политиками. Интеграционный процесс в Азии развивается медленно, но поступательно, способствуя принятию не всегда очевидной и объяснимой идеи центральности, или асеаноцентричности.

Подходы к определению центральности

Обычно под центральностью АСЕАН понимается сочетание нормативной предпосылки и эмпирической констатации того, что АСЕАН образует (и так и должно оставаться впредь — в этом состоит нормативный элемент) ядро усилий по институциональному оформлению регионализации во всей Восточной Азии. Сообразно этому принципу выстроена матрешечная структура по формуле АСЕАН+ (АСЕАН + Три, АСЕАН + Шесть, АСЕАН + Восемь, Восточноазиатский саммит, Региональный форум АСЕАН по вопросам безопасности...). В контексте перечисленных структур АСЕАН выступает как бы платформой или площадкой, удобным и к тому же освященным традицией консенсусности, миролюбия, толерантности, мультикультурализма и подчеркнутой (с англосаксонским флером) интернациональности форумом и обстановкой (сумма правил, норм, конценций, практик, т.е. культурой в английском смысле), где вопросы терпеливо и доброжелательно обсуждаются (правда, далеко не решаются) в духе взаимного уважения и неконфронтации²⁴. Это слабый принцип центральности, суть которого в том, что в восточноазиатских региональных делах нормативно предпочтительным является следование определенной культуре решения вопросов, описанных в литературе, и как «метод АСЕАН», коротко очерченный выше.

Максималистским вариантом прочтения такой трактовки (далее — сильный принцип центральности или просто сильный принцип, СП), однако, является по сути претензия на то, что без институционального опыта АСЕАН, без самой этой структуры не возникло бы ни одной из структур по формуле АСЕАН+.

В качестве варианта — синтеза сильного и слабого принципов может быть предложен такой тезис: центральность АСЕАН подразумевает, что институциональный опыт АСЕАН является оптимальным для построения любых типов многостороннего взаимодействия в Восточной Азии²⁵, отражая культурные и политические особенности международных отношений в этой части мира, следо-

вательно, только созданные с их учетом региональные организации в перспективе могут выдержать испытание временем и состояться.

Лапидарная экспликация этого принципа может быть представлена так: центрально АСЕАН есть разделяемое в границах всего Восточноазиатского макрорегиона представление о предпочтительности ведения региональных политико-дипломатических (подчеркнем: не экономических) дел с опорой на метод АСЕАН, о предпочтительности в Восточной Азии многосторонности, консенсуса и неконфронтационного, медлительно-выжидательного переговорного стиля, подразумевающего недискриминацию великих держав, невмешательство в принципы внутреннего политического устройства друг друга и идеологической нейтральности, культурно-лингвистическую надэтничность.

Парадоксальным образом, АСЕАН, возникшая по замыслу отцов-основателей как по преимуществу механизм преодоления экономической отсталости, сегодня характеризуется ярким своеобразием именно в политико-дипломатическом аспекте, воплощая новую для этой группировки парадигму проактивного политического действия.

Изложенный в такой формулировке принцип центральности опирается на два имплицитно присутствующих мифа восточноазиатского интеграционного нарратива, своего рода «мифа основания» (*foundational myth*), различающихся по степени своей аксиоматичности. Первый – относительно объективное – как бы отсылает нас к генезису восточноазиатского регионализма и напоминает, что АСЕАН – это колыбель восточноазиатской интеграции, не только первый и исходно плодотворный, но и поныне сохраняющий свою живучесть и потенциал роста интеграционный очаг, несущий на себе отчетливую местную специфику. В этом смысле «присягнуть на верность» принципу центральности в чем-то сродни принятию символа веры, кредо, воплощающего веру в подлинность избранных отцами-основателями Ассоциации подходов к организации региональной политики²⁶. АСЕАН есть ни больше ни меньше эталонная модель, по которой должны быть отлиты любые другие многосто-

ронные интеграционные и неинтеграционные формы региональной кооперации в Восточной Азии, если их создатели желают их эффективности и долговечности. (Наиболее яростные адепты принципа центральности придают ему расширительную трактовку, настаивая на том, что кодекс межгосударственного поведения, принятый среди стран Ассоциации и известный как «метод АСЕАН», вполне может быть масштабирован на любые регионы и создаваемые либо уже функционирующие в них группы регионального сотрудничества в зоне не-Запада.)

Второй «миф основания» состоит в том, что именно на площадке АСЕАН, в ее кулуарах, в переписке между выдающимися деятелями стран ЮВА рождались, дебатировались и шлифовались ключевые нормы и правила асеановской культуры, такие как консенсус, невмешательство, легализм, священность процедуры. Эти освященные временем каноны дипломатического поведения рассматриваются как своего рода условия допуска в сообщества²⁷.

Выше было приведено высказывание филиппинского дипломата о том, что главный вектор эволюции дипломатической стратегии АСЕАН состоял в переходе от цели не быть втянутой в междержавную конкуренцию к цели принятия невозможности избежать вовлеченности в междержавные отношения, но минимизировать риски доктриной центральности, основанной на поддержании своей консолидированности на переговорных треках с внегрупповыми игроками. Асеановцы как бы приняли идею, навязанную им под видом подчеркивания их исторических достижений и заслуг через возведение их в статус центрального игрока, а по сути удобного фона, на котором гасятся эксцессы великодержавного поведения, но вместе с тем снижаются транзакционные издержки за счет исключения эксцессов конфликтности²⁸. Да, темп достижения договоренностей от этого также снижается. Но зато повышается исполняемость принятых решений, т.е. эффективность многосторонней группировки (как правило, измеряемая как отношение имплементированных к подписанным договоренностям) растет, тогда как в литературе показано, что в других региональных груп-

пировках (за исключением Европейского союза) показатели таким образом понимаемой эффективности малы и стагнируют. Из этого обсуждения видно, что, с одной стороны, принцип центральности выражает ориентацию функционеров и политиков АСЕАН на эффективность.

В полном согласии с этим пониманием находились взгляды отцов-основателей АСЕАН. В шифр-телеграмме, направленной представительством Высокого комиссара в Сингапуре в Лондон, приводятся следующие слова одного из отцов-основателей Ассоциации, министра иностранных дел Сингапура Синнатамби Раджаратнама: «АСЕАН — это Ассоциация относительно бедных, слаборазвитых стран... Последнее, чем ей нужно заняться, — это пытаться взвалить на себя ношу решения идеологических, военных и оборонных проблем Юго-Восточной Азии. Даже решение одних только экономических вопросов переполнит чашу возможного для Ассоциации на многие годы вперед»²⁹.

Приходится согласиться, что прагматизм отцов-основателей АСЕАН и одна из приведенных выше трактовок центральности (как архетипа взаимодействия с великими державами, удобного прежде всего этим последним) отчетливо диссонируют с пафосом о центральности АСЕАН как эталонной модели, без воспроизведения которой любые попытки построения многосторонних институтов в Восточной Азии обречены на провал.

Из приведенной выше цитаты видно, что первоначальный расчет явно не включал в себя центральную роль в организации дипломатических усилий всего региона, но и в целом акцент ставился на создании любых других группировок в нем на своей платформе и по правилам своей бюрократической структуры.

Идея центральности АСЕАН не сразу была артикулирована именно таким образом. Первые упоминания этой концепции в официальных документах относятся к январю 2007 г., когда этот принцип был вписан в итоговые документы второго Восточноазиатского саммита, десятого саммита АСЕАН+3 и двенадцатого саммита АСЕАН.

В то же время претензии на новую роль АСЕАН в структурировании юго-восточноазиатского ареала стали проявляться значительно раньше, в сущности, предвосхищая концепцию центральности, что позволяет говорить о ее складывании *ante litteram* уже в начале 1990-х годов. За сравнительно короткий исторический интервал АСЕАН удвоила число своих членов и стала ведавать вопросами, от занятия которыми ее напрямую предостерегал Раджаратнам.

Сегодня центральность — концепция-стяжка современной внешнеполитической идентичности АСЕАН как регионального объединения. Она центрует все иные элементы его геополитического самопозиционирования и определяет стиль и направленность деятельности АСЕАН как надэтнического образования с нарастающей степенью мирополитической субъектности.

Центральность — новая по историческим меркам концепция. Она пришла на смену концепции нейтральности не как ее антитеза, но скорее как вариант «активного нейтралитета». Напрашивается аналогия с гипотезой об отложенном нейтралитете Центральной Азии, сформулированной А.Д. Богатуровым³⁰. Это и не вооруженный нейтралитет. Это нейтральность как равноудаленность при активном выстраивании внешних связей, акцент на формировании повестки.

Выстоит ли принцип центральности?

Принцип центральности АСЕАН сталкивается сегодня одновременно с двумя типами вызовов. Первый и наиболее очевидный (и в чем-то, как ни странно, наименее проблематичный) касается усугубляющейся великодержавной конкуренции конфронтационного типа между США и Китаем, каждый из которых стремится мобилизовать под свои знамена местных союзников. Данные во многом объективные с точки зрения динамики материально-силового измерения среды региональной безопасности, структурные тенденции невозможно блокировать с помощью политико-дипломатического инструментария. Принцип центральности АСЕАН в его слабой

версии — как предпочтительность присущей Ассоциации организационной культуры — здесь естественным образом оказывается под ударом, поскольку это культура периода «гегемонистской стабильности», а не фазы борьбы гегемона и контрлидера³¹. Время обострения междержавного соперничества объективно востребует иные культурно-поведенческие паттерны, и прославленный «путь, или метод, АСЕАН» в этом случае явно будет вынужден потесниться.

Второй вызов много сложнее. Речь идет об отчетливо обозначившемся когнитивном разрыве в идеологическом пространстве АСЕАН между, с одной стороны, пониманием центральности как дипломатической хитрости, уловки, доказавшей свою эффективность технологии выстраивания избирательной коммуникации с внегрупповыми государствами, в том числе глобальными и великими региональными державами, во взаимоприемлемом режиме и с минимальными статусными издержками, а с другой — признаками эффекта идеологического бумеранга, при котором, судя по возникающим ощущениям, представители региональных элит стран АСЕАН, похоже, всерьез уверовали в центральность как нормативную незаменимость АСЕАН при построении элементов региональной архитектуры, причем комплексной архитектуры, вбирающей в себя доселе, связанные с безопасностью. Фактически центральный нерв этих противоречий может быть сведен к противостоянию между сторонниками слабой и сильной версий принципа центральности. Обсудим подробнее, каковы возможные стратегии ответа на вызов слабой и сильной версиям принципа центральности в контексте меняющейся региональной архитектоники (термин А.Д. Воскресенского)³² и среды региональной безопасности.

Идея центральности была выдвинута после периода бурного экстенсивного и институционального роста АСЕАН и отразила стратегические и нормативные особенности момента. Ассоциация, продемонстрировав впечатляющий дипломатический потенциал в противостоянии Вьетнама и Камбоджи, вступила в постбиполярную эпоху окрыленная той видимой (мнимой) легкостью, с которой ей удалось вовлечь в свою коммуникативную орбиту

через систему много- и двусторонних диалоговых механизмов все ведущие мировые державы. Наиболее значимыми вехами на пути направляемого, как казалось Джакарте, процесса регионального институционального строительства было образование Регионального форума АСЕАН по безопасности в 1994 г. и созыв первого Восточноазиатского саммита в 2005-м. За этот период АСЕАН полностью «обняла» регион своими рамками, и даже, несмотря на временные трудности (а быть может, и благодаря им) азиатского финансового кризиса 1997 г., ей удалось сформировать нормативные и институциональные основы трех асеановских сообществ³³. Это был период, когда возникло стойкое впечатление, что все великие державы в регионе и вовне с пиететом относятся к историческим завоеваниям АСЕАН и старательно штудируют асеановский метод (*ASEAN Way*).

Именно в этот период и на этом фоне с 1994 по 2007 г. (год фиксации концепции в официальных документах) стала вызревать и обростать коннотациями идея центральности, или асеаноцентричности, как конституирующий принцип восточноазиатского регионального процесса, подразумевающая³⁴, что жизнеспособными в этом ареале окажутся только те группировки, которые будут либо выстроены по лекалам АСЕАН, либо (что лучше) напрямую на ней базироваться.

Но так, судя по всему, казалось только асеановским лидерам...

Между тем параллельно стала прорисовываться альтернативная версия асеаноцентричности, содержащая в себе стратегические и нормативные мотивы неасеановских игроков, не менее ее заинтересованных в придании Ассоциации центрального статуса. Да, действительно, идея центральности давала возможность асеановским столицам укрепить свою роль в мировой политике, найти свою нишу и обрести востребованность. Идея центральности понималась ими так, что АСЕАН имеет значение (*“ASEAN matters”*)³⁵. Но в еще большей степени выстраивание своей региональной политики крупными региональными и внерегиональными игроками позволяло им через посредство АСЕАН довольно эффективно ком-

муниципировать с местной неоднородной средой, дезавуируя любые обвинения в великодержавности и шовинизме. США, Япония, Сеул, Дели гораздо охотнее общались друг с другом в обставленном церемониалом асеановских встреч режиме саммитов и кокусов, нежели в том же трех- или четырехстороннем формате, но без малых и средних стран региона.

Поэтому совершенно неудивительно, что, вместо того чтобы запускать собственные интеграционные инициативы, Токио и Вашингтон с гораздом большим удовольствием предпочитали подсаживать их на адаптированную асеановскую грядку³⁶. У этой политической линии есть своя предыстория.

Подспудное соперничество между японо-американским вектором интеграции и основным ядром, воплощаемым странами АСЕАН, развернулось почти сразу после деколонизации большинства государств ЮВА.

На учредительном этапе интеграции внутри АСЕАН для реализации программы сближения в экономической сфере долгое время не было объективных предпосылок: в условиях местных экономик — однотипных (в них в основном преобладала навязанная метрополиями монокультура), в финансовом отношении зависимых, с низким уровнем накопления. Специфика отношений между двумя интеграционными очагами заключалась в том, что страны АСЕАН осознавали, что для развития им нужны связи с более сильными игроками — Японией и США, имевшими интересовавшие страны ЮВА инвестиции, технологии и рынки сбыта товаров.

Япония и США также видели в сотрудничестве со странами АСЕАН экономические преимущества³⁷. К началу 1970-х годов американо-японский союз уже представлял собой наиболее интегрированный комплекс в регионе, характеризующийся тесным сотрудничеством и даже координацией не только в сфере внешней торговли и финансово-экономического взаимодействия³⁸, но и по линии военно-политической кооперации. Сотрудничество между странами опиралось на систему разнопрофильных комитетов, комиссий и рабочих групп, действовавших на регулярной основе.

Инвестиционная стратегия Японии и США в Юго-Восточной Азии вырабатывалась и проводилась согласованно³⁹. Экономическая мысль толкала Токио и Вашингтон к новым, менее затратным вариантам построения сотрудничества и организации производства. Япония и США, особенно в свете нефтяного шока 1973 г. и рецессии 1974 г., готовились к рывку в сфере внедрения энергосберегающих и наукоемких производств. Для осуществления этого рывка им было абсолютно необходимо «сбросить» с себя технологии и отрасли с высоким коэффициентом энерго- и материалопотребления. В этом смысле появление немногочисленной группы обеспеченных в ресурсном отношении стран, готовых на партнерские отношения с Токио и жестко ориентированных на переход с добычи сырья на производство готовых изделий и на рост внутреннего потребления, создавало для Японии и США возможность прорыва.

Помимо этого, Япония и США видели в АСЕАН 1970-х годов источник нефти (Индонезия), газа (Бруней), а также минерального сырья (медь, каучук, пальмовое масло, тропическая древесина, потенциально — сжиженный природный газ). Токио и Вашингтон сами продолжали поиск перспективных рынков сбыта товаров и приложения капитала. К середине 1980-х годов АСЕАН (а это уже 6 государств — после присоединения в 1984 г. Брунея), совокупное население которой составляло 269 млн человек, казалась перспективным рынком⁴⁰.

Кроме того, Япония стремилась соразмерить свой возросший экономический потенциал с незначительной политической ролью. Но именно в Юго-Восточной Азии было много стран, помнивших о японском милитаризме и колониализме первой половины XX в. Японии было необходимо изгладить память об исторических обидах.

В 1977 г. была провозглашена «доктрина Фукуды»⁴¹, подтвердившая принцип отказа от применения силы в отношениях со странами ЮВА и провозгласившая переход на позиции тесного экономического сотрудничества с ними. Кроме того, в рамках этой доктрины Япония предлагала себя на роль посредника меж-

ду странами АСЕАН и коммунистическими режимами Восточного Индокитая.

Решение проблем, связанных с исторической памятью стран Юго-Восточной Азии, должно было существенно облегчить региональное доминирование Японии⁴². Но отчасти оттого, что признания вины японской политической элитой в полной мере не произошло, Токио выбрал наиболее легкий путь замирения – спонсировать экономики Юго-Восточной Азии через программы оказания помощи развитию и параллельно через реализацию инвестиционных проектов⁴³. Объемы экономической помощи Японии странам ЮВА росли пропорционально увеличению коммерческих и иных хозяйственных связей между ними. Изначально программа помощи была учреждена в 1950-х годах в рамках репарационных выплат, однако и они носили обусловленный характер, вынуждая страны-реципиенты идти на уступки в торговле с Японией. В некоторых публикациях отмечено, что репарации были задуманы как «инструмент возрождения японского промышленного потенциала и восстановления экономических связей со странами, входившими в «сферу сопроцветания»»⁴⁴.

Соединенные Штаты Америки были менее Японии заинтересованы в развитии экономических связей со странами АСЕАН. Их в большей степени привлекала возможность обеспечить себе доступ на японский рынок, прежде всего с точки зрения прямых иностранных инвестиций. Задача развития экономической интеграции между двумя странами была сформулирована во второй статье Договора безопасности 1960 г. Однако американо-японский интеграционный комплекс всегда был асимметричным. Громадный дефицит торгового баланса в пользу Японии с 1980-х годов усугублялся малой проницаемостью японского рынка для американских инвесторов⁴⁵. Обратной стороной асимметрии стало глубокое внедрение японской экономики в американскую через приобретение американских ценных бумаг. Японские вложения в американские долговые обязательства в 1980–1990-х годах, как в 2000-х годах – китайские, позволяли США жить не по средствам. Иными слова-

ми, поначалу Япония опосредовала экономическую вовлеченность США в регионе.

Заинтересованность стран АСЕАН в отношениях с Японией и США определялась желанием привлечь инвестиции и технологии, которое проявлялось в готовности разместить на территории государств ЮВА относительно простые производства, связанные либо с первичной переработкой сырья, либо со сборкой технически не очень сложных устройств из заранее изготовленных деталей.

В 1970–1980-х годах страны ЮВА, с одной стороны, и Япония и США – с другой, вступали в кооперацию, формула которой была так или иначе выгодна всем участникам. Активизировались японские транснациональные корпорации, давая повод говорить о политическом измерении внешнеэкономической деятельности Японии. «Динамика японской торговли, экономической помощи и инвестирования в отношении стран АСЕАН позволяла выявить существование целостной стратегии проникновения в регион, целью которой является повышение зависимости стран АСЕАН от Японии»⁴⁶.

В свою очередь, формула, выработанная в АСЕАН, предполагала, что Япония включалась в интеграционный процесс, но не должна была быть в нем равноправным участником в такой же степени, что и страны АСЕАН. Слабость экономических позиций АСЕАН компенсировалась «добавленной мощностью» их коллективного сотрудничества на узкой групповой основе. Это означало, что в отношении экономического сотрудничества с Японией члены АСЕАН стали выступать исключительно как одна сторона. Это – фактически фундамент того, что впоследствии стало именоваться центральностью.

Заключение. Есть ли будущее у принципа асеаноцентричности?

Общее заключение проведенного анализа подталкивает к мысли, что дальнейшее акцентирование идеи центральности чревато, как ни парадоксально, маргинализацией Ассоциации. Как мини-

мум, три соображения приобретают в этом контексте важнейшее значение.

Во-первых, негативным следствием идеи центральности при попытках настаивать на ее буквальном воплощении (в том числе когда настаивают внешние игроки, такие как Россия) может стать разрыхление Ассоциации, когда разные страны в отдельности или подгруппы внутри АСЕАН начинают специализироваться на взаимоотношениях с теми или иными партнерами по диалогу⁴⁷ и сознательно интегрировать их интересы и оценки региональной ситуации, подрывая единство платформы Ассоциации.

Второй вызов центральности состоит в его генетической связи с идеей нейтральности, т.е. сохраняющейся ориентации на недискриминацию великих держав, а следовательно, непримыкание ни к одной из них. АСЕАН, безусловно, удалось за прошедшие десятилетия заработать репутацию объективного и беспристрастного игрока⁴⁸. Но события последних десяти лет, как минимум начиная с объявленного президентом Б. Обамой поворота на Восток, и последовавшее при Д. Трампе обострение американо-китайских отношений практически не оставляют асеановцам пространства для маневра сохранения образа нейтрала. Фактически попытки США и Китая перетащить на свою сторону страны АСЕАН в противостоянии между собой в надежде на то, что принцип центральности АСЕАН священен и даст одной из двух держав, наиболее успешной в отщипывании по одной стране АСЕАН преимущество, подрывают саму эту центральность, так как нейтральность составляет ее неотъемлемое ядро.

Третий вызов центральности состоит в том, что Пекин, похоже, считает, что извлек достаточно тактических преимуществ из демонстрации лояльности асеаноцентричности (у Китая, как у любой крупной и дипломатически опытной страны, поистине обширный репертуар стилей и модусов взаимодействия с самыми разными типами внешнеполитических контрагентов, адаптируя свой инструментарий, риторику и подходы. Одна из ошибок экспертов, оценивающих влияние принципа центральности на внешнюю политику

Китая, состояла в том, что произошла асеанизация Китая. В действительности же Китай, до тех пор пока данная линия соответствовала его интересам, «играл» в асеаноцентричность).

Начиная с середины 2000-х годов Китай стал все более напористо продвигать свою версию восточноазиатского регионализма (прежде всего проект ВРЭП и инициативу «Пояса и пути»)⁴⁹, которой принцип асеаноцентричности если не мешал, то по крайней мере не способствовал. Произошло распараллеливание интеграционных тенденций. Кроме того, для усиления своей базы поддержки и Китай, и США заинтересованы в создании системы двусторонних (или мини-латеральных) союзов, в рамках которых проецировать свое влияние и детерминировать внешнеполитическое поведение более слабых союзников гораздо проще, чем в рамках даже слабо организованных мультилатеральных конструкций.

В целом историко-институциональный анализ эволюции парадигмы асеаноцентричности показывает, что сохранение этого принципа напрямую зависит от внутреннего единства АСЕАН и его нейтральности, понимаемой как равноудаленная вовлеченность в макрорегиональной среде. Отказ от одного или другого — верная предпосылка потери столь трудно обретенного статуса.

Примечания

- ¹ Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 39–47.
- ² Азиатско-Тихоокеанский регион и Центральная Азия: контуры безопасности: Учеб. пособие / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2001. — 355 с.
- ³ Цикл лекций профессора Марты Финнемор. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/finnemore/>.
- ⁴ Кобелев Е.В., Локишин Г.М., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире: Монография. М., 2019. С. 28–30.
- ⁵ 50 Years of ASEAN and Singapore / Ed. by Tommy Koh, Sharon Li-Lian Seah and Li Lin Chang. Singapore, 2017. P. 337–341.
- ⁶ Indraswari R. ASEAN Centrality: Comparative Case Study of Indonesia Leadership // JAS (Journal of ASEAN Studies). 2022. Vol. 10 (1). P. 13–14.

- ⁷ *Ефремова К.А.* АСЕАН как потенциальный субъект глобального управления: предпосылки, возможности, перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 3. С. 44–55.
- ⁸ *Мынкин Д.А.* Развитие инфраструктуры – вызов для интеграции стран АСЕАН // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 11. С. 64–70.
- ⁹ *Beeson M.* Decentered? ASEAN's Struggle to Accommodate Great Power Competition // *Global Studies Quarterly*. 2022. Vol. 2. P. 1–9.
- ¹⁰ Более подробно идея развита в статье Германа Крафта: *Kraft H.* Great Power Dynamics and the Waning of ASEAN Centrality in Regional Security: The Waning of ASEAN Centrality // *Asian Politics & Policy*. 2017. Vol. 9 (4). P. 597–612.
- ¹¹ Этот принцип зафиксирован в основополагающих документах АСЕАН: The ASEAN Declaration, 1967; Declaration of ASEAN Concord, 1976; Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia, 1976; ASEAN Vision.
- ¹² *Global Economic Prospects 2005: Trade, Regionalism, and Development*. Washington, DC: World Bank, 2005.
- ¹³ *Королев А.* Переосмысление опыта построения сообществ безопасности. Пример АСЕАН // *Международные процессы*. 2019. Т. 17. № 3 (58). С. 86.
- ¹⁴ *ASEAN-Japan Relations* / Ed. T. Shiraishi, T. Kojima. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2014.
- ¹⁵ *Ha H.T.* Understanding the Institutional Challenge of Indo-Pacific Minilaterals to ASEAN // *Contemporary Southeast Asia*. 2022. Vol. 44. No. 1. P. 1–30.
- ¹⁶ *Королев А. С., Васенева Е.А.* Инструменты обеспечения стрессоустойчивости АСЕАН в условиях кризисов: сравнительный анализ // *Юго-Восточная Азия: Актуальные проблемы развития*. 2022. Т. 2. № 2 (55). С. 34–49.
- ¹⁷ *Ефремова К.А.* Интеграционные процессы в Юго-Восточной Азии: этапы становления регионального комплекса // *Проблемы Дальнего Востока*. 2020. № 1. С. 15–26.
- ¹⁸ *Dosch J.* *The Changing Dynamics of Southeast Asian Politics*. Boulder, CO: Lynne Rienner, 2006.
- ¹⁹ *Chia S.Y., Plummer M.G.* *ASEAN Economic Cooperation and Integration: Progress, Challenges and Future Directions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- ²⁰ *Acharya A.* *The Rise of Asia: Who Takes the Lead*. London: Palgrave, 2008. P. 14.
- ²¹ *Ефремова К.А.* АСЕАН как «Нормативная сила»: предметное поле дискуссии // *Сравнительная политика*. 2019. № 4. С. 99–101.
- ²² *Acharya A.* *The Rise of Asia: Who Takes the Lead*. L.: Palgrave, 2008. P. 14.
- ²³ Первый кризис в этом смысле произошел почти сразу – в 1968 г., когда предусмотренная Декларацией очередность и регулярность министерских встреч были сорваны возобновлением претензий Филиппин на Сабах. См.: *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане: история и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны. М., 1997. С. 158.
- ²⁴ *Acharya A.* *ASEAN and Regional Order Revisiting Security Community in Southeast Asia*. L.: Routledge, 2021.
- ²⁵ *Caballero-Anthony M.* Understanding ASEAN's centrality: Based and prospects in an evolving regional architecture // *The Pacific Review*. 2014. No. 27 (4). P. 563–584.
- ²⁶ *Ефимова Л.М., Хохлова Н.И.* Концептуализация «азиатских ценностей» в Малайзии и Сингапуре // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64. № 1. С. 91–98.
- ²⁷ *Tan E.* Building ASEAN Identity Through Regional Diplomacy // *From Asia-Pacific to Indo-Pacific: Diplomacy in a Contested Region* / Ed. by R.G. Patman, P. Köllner, B. Kiglics. Singapore: Palgrave Macmillan Singapore, 2022. P. 235–255.
- ²⁸ *Beeson M.* Decentered? ASEAN's Struggle to Accommodate Great Power Competition // *Global Studies Quarterly*. 2022. No. 2. P. 1–9.
- ²⁹ В 1992 г. С. Раджаратнам придерживается схожей позиции. URL: <https://asean.org/the-founding-of-asean/asean-the-way-ahead-by-s-rajaratnam/>.
- ³⁰ *Богатуров А.Д., Дундич А.С., Троицкий Е.Ф.* Центральная Азия: «отложенный нейтралитет» и международные отношения в 2000-х годах. Очерки текущей политики. Вып. 4. М.: НОФМО, 2010. – 104 с.
- ³¹ *Королев А.С., Анасова А.М.* АСЕАН как зона столкновения интересов США и Китая // *Современная Азия и Африка*. 2020. № 8. С. 13–19.
- ³² *Воскресенский А.Д.* Новая мировая архитектура, макрорегиональные трансформации потенциально глобального характера и значение китайского опыта // *Сравнительная политика*. 2021. № 3. С. 5–20.
- ³³ *Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М.* Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2019.
- ³⁴ *Pangestu M., Armstrong S.* East Asian architecture of integration // *Handbook on East Asian Economic Integration* / Ed. by F. Kimura, M. Pangestu, S.M. Thangavelu, C. Findlay. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2021. P. 21–48.
- ³⁵ *Natalegawa M.* Does ASEAN Matter?: A View from Within. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2018.
- ³⁶ *Cook M., Ha H.T.* Beyond China, the USA and ASEAN: Informal Minilateral Options. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2020.
- ³⁷ *Trilateralism in East Asia: Japan, the United States, Asean*. Jakarta, 1986.

- ³⁸ US-Japan macroeconomic relations: Interactions and Interdependence in the 1980s / Yukio Noguchi and Kozo Yamamuro. Tokyo, 2003.
- ³⁹ Sutter R. The United States in Asia. Rowman and Littlefields Publishers, 2008.
- ⁴⁰ Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2009.
- ⁴¹ «Доктрина Фукуды» названа по имени 67-го премьер-министра Японии Такео Фукуды (1976–1978).
- ⁴² Dudden A. Troubled Apologies between Japan, South Korea and the United States. Amhearst, 2007.
- ⁴³ Miyashita A. Gaiatsu and Japan's foreign aid: rethinking the reactive-proactive debate // International Studies Quarterly. Vol. 43. No. 4. P. 699; Katada S.N. Japan's two-track aid approach: the forces behind competing trends // Asian Survey. Vol. 42. No. 2. P. 335.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Yoshitomi M., Graham E. Foreign Direct Investment in Japan. L., 1996. P. 111–136.
- ⁴⁶ Saravanamuttu J. The look east policy and Japanese economic penetration in Malaysia // Mahathir's Economic Policy / K.S. Jomo (ed.). Kuala Lumpur: Insan, 1988. P. 9.
- ⁴⁷ Колдунова Е.В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Июль–сентябрь. Т. 15. № 3 (50). С. 55–66.
- ⁴⁸ Goh E. ASEAN-Led Multilateralism and Regional Order: The Great Power Bargain Deficit // International Relations and Asia's Southern Tier / Ed. by G. Rozman, J.C. Liow. Singapore: Springer Singapore, 2018. P. 45–61.
- ⁴⁹ Маслов А.А., Сазонов С.Л. Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве усиливает интеграционную модель «Пояса и пути» // Сб. статей «Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации» / Отв. ред. Т.Н. Кучинская. Чита, 2021. С. 95–103.

Глава 2

Внешиполитические нарративы стран АСЕАН

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены приоритеты и дилеммы современной внешней политики стран–членов АСЕАН, их отношение к актуальным региональным, глобальным проблемам и угрозам. Выявлены как текущий расклад, так и среднесрочные перспективы баланса сил в регионе, различие позиций и предпочтений отдельных участников Ассоциации. Для анализа общей ситуации в ЮВА, целей и объектов политики стран АСЕАН и Ассоциации в целом установлены главные ориентиры, ценности, предпочтения этой политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: приоритеты внешней политики, страны АСЕАН, баланс сил и интересов в ЮВА, региональная стабильность и безопасность, задачи укрепления Ассоциации.

ABSTRACT: The chapter examines the priorities and dilemmas of the modern foreign policy of the ASEAN member countries, their attitude to current regional, global problems and threats. Both the current alignment and the medium-term prospects of the balance of power in the region, the difference in positions and preferences of individual members of the Association are revealed. In order to analyze the general situation in Southeast Asia, the goals and objects of the policy of the ASEAN countries and the Association as a whole, the main guidelines, values, preferences of this policy have been explored.

KEYWORDS: foreign policy priorities, ASEAN countries, balance of forces and interests in Southeast Asia, regional stability and security, tasks of strengthening the Association.

Введение

ИСТОЧНИКИ и методы исследования. В основу исследования положены данные ряда тематических экспертных опросов о современном положении в Юго-Восточной Азии и политике стран-членов АСЕАН. Первым такой опрос в 2014 г. организовал известный американский Центр стратегических и международных исследований (CSIS) и повторил его в конце 2019 г.¹ Сходные опросы с 2019 по 2022 г. проводили сингапурский Институт изучения Юго-Восточной Азии (ISEAS)² и японский МИД³. Это позволяет верифицировать выводы исследований, сопоставить подходы научных и практической (МИД Японии) организаций.

В научных опросах приняло участие по 1000 представителей политических, деловых, академических и медийных кругов стран-членов АСЕАН, японского МИД – 3000, которых организаторы обследований относят к «стратегическим элитам» ЮВА и Тихоокеанского региона. Итоги опросов дают уникальный срез общественного мнения, отражают взгляды как государств (косвенно), так и авторитетных специалистов, близких к правительственным кругам (прямо). Обработанные данные могут рассматриваться как отражение взглядов, предпочтений и ожиданий изучаемых стран. Эта возможность особенно ценна с учетом специфики открытых выступлений и материалов официальных лиц и органов, которые обычно стремятся облечь свои оценки в неопределенные формы или дать нужную картину.

Методология исследования опиралась, помимо столь своеобразного контент-анализа ответов экспертов, также на качественные методы, в том числе сравнительный и структурный анализ, была дополнена результатами конкретных научных исследований.

Цели, значение и структура исследования. Целью исследования являлись выявление предпочтений и дилемм стран АСЕАН по ос-

новным региональным темам, анализ текущего состояния и среднесрочных перспектив баланса сил в ЮВА, верификация установок региональных элит, сравнение позиций отдельных членов Ассоциации по одинаковым вопросам (ранее оно не проводилось, хотя открывает неизвестные точки зрения).

Итоги опросов и их интерпретация впервые получают отражение в российской науке, притом широко применяются в западном сообществе, поэтому представляют несомненный для нас исследовательский и практический интерес. Актуальность полученных выводов обусловлена растущим авторитетом и влиянием АСЕАН в мировой политике, особенно в условиях переформатирования глобального устройства.

В главе последовательно раскрыты сначала отношение АСЕАН к ведущим мировым державам, приоритеты между ними сегодня и в перспективе 10 лет, затем охарактеризованы стратегические вызовы и угрозы в ЮВА – как традиционные, так и нетрадиционные, меры по укреплению региональной стабильности и безопасности, а в заключение показаны основные задачи развития АСЕАН и выбор путей их решения.

Подход к теме. В Ассоциации пока слабо развиты наднациональные институты в области внешней политики и безопасности. Также практически нет коллективных договоренностей, которые обязаны выполнять отдельные государства в этой сфере. Каждый член сообщества самостоятельно определяет собственные приоритеты, которые формируются под воздействием внутривнутриполитических, исторических, цивилизационных и иных национальных факторов. Тем не менее благодаря курсу на единство действий членов Сообщества АСЕАН сложилось определенное общее понимание их внешнеполитических целей и алгоритма поведения на международной арене. Они изложены в принятом в 2015 г. на саммите АСЕАН в г. Куала-Лумпуре документе, озаглавленном «АСЕАН-2025: вместе в будущее»⁴. Это и позволяет говорить о предпочтениях и дилеммах внешней политики Ассоциации в целом.

Баланс сил мировых держав в ЮВА

Проблема влияния в ЮВА внешних сил по праву занимает ключевое место в политической повестке АСЕАН, которая считается с интересами великих держав и испытывает определенные ограничения самостоятельности. От того, кто признается ориентиром и лидером выработки нарративов развития, в решающей мере зависят позиции членов сообщества по вопросам внутренней и международной жизни. Выявление предпочтений помогает определить позиции ведущих мировых держав в ЮВА, оценить состояние и перспективы партнерства АСЕАН с ними. Этот вопрос тем более актуален, что официально АСЕАН не раскрывает геополитические акценты своих внешних связей, выставляя их в расплывчатом виде. Сообщество АСЕАН лишь четко заявляет, что заинтересовано в развитии дружеских взаимовыгодных связей и углублении сотрудничества с партнерами по диалогу (ими являются 11 стран: Австралия, Индия, Канада, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея, Россия, США, Япония, ЕС и Великобритания).

То, что наиболее *влиятельными политическими игроками* в ЮВА сегодня являются США и КНР, а их геополитическая конкуренция обостряется, хорошо известно⁵. Интерес представляют динамика и перспективы соотношения сил между ними, определение второго эшелона держав, которые имеют авторитет у стран АСЕАН и принимают участие в региональных процессах или сами претендуют на роль лидера.

Согласно опросам 2020–2022 гг., Китай опережает в части политического влияния США, существенно отстают Япония и ЕС – они воспринимаются как важные стратегические партнеры по хеджированию рисков соперничества США с Китаем⁶. При этом ЕС сохраняет приоритет, Япония немного отстает, но ее позиции в 2022 г. явно ослабли. Сторонников Японии больше в Лаосе, Вьетнаме, Сингапуре, на Филиппинах, ЕС – в Брунее, Камбодже, Индонезии, Малайзии, Таиланде. Великобританию, которая вышла из ЕС, поддерживают ее традиционные союзники – Бруней, Малайзия, Мьянма⁷.

В качестве силы, способной выполнять миссию посредника и гаранта, котируются, хотя и с большим отрывом от лидеров, также Австралия и Индия. Им отдается предпочтение в Камбодже, Мьянме и Таиланде, т.е. в странах с индуистской культурой⁸. О желании стран ЮВА расширить стратегический выбор говорит и поддержка таких партнеров, как Республика Корея⁹ и Великобритания. События 2022 г. показывают, что эту роль эффективно могла бы выполнять Россия, но доминирующие в ЮВА силы отодвигают ее.

Вывод о лидерстве Китая достаточно нетривиален, дает новое видение предпочтений властных элит АСЕАН. Даже Вьетнам отдает предпочтение КНР перед США, по опросу 2022 г.¹⁰ В Индонезии, Сингапуре и Малайзии выделяют роль Индонезии. Вьетнам и Филиппины сильнее других сожалеют о снижении вовлеченности США, тогда как Индонезия, Малайзия и Таиланд относятся к этому спокойно. Соперничество КНР и США особенно беспокоит Филиппины и Сингапур¹¹.

Признание КНР ведущей силой ЮВА сильнее выражено в близлежащих странах Индокитая (кроме СРВ), что показывает степень близости с Пекином и зависимости от него. Но большинство стран АСЕАН беспокоит усиление китайской мощи и воздействия. Данное беспокойство одинаково в морских и континентальных государствах, достигая максимума в СРВ, на Филиппинах, в Таиланде и Сингапуре.

В перспективе 10 лет эксперты АСЕАН ожидают еще более уверенного лидерства Китая, что обещает дальнейшую подвижку баланса сил в регионе в его пользу (более других в этом уверены в Таиланде), и примерно равного, но умеренного влияния Японии и Индонезии. Прогнозируется также повышение роли Индии, главным сторонником чего выступает Вьетнам¹². Исходя из этого, многие в АСЕАН стремятся укреплять связи с КНР, страхуясь от снижения влияния США. Вьетнам же, наоборот, ожидает сохранения сильных позиций США, призывает к повышению роли Японии и Индии для хеджирования рисков, проведения многополюсной политики.

Китай также признается ведущей *экономической силой* региона — еще более определенно, чем в политическом аспекте. Китайское влияние в сфере экономики сегодня преобладает и имеет тенденцию дальнейшего повышения через 10 лет, а других стран, включая саму АСЕАН, — наоборот. Перспективы США оцениваются невысоко, но в 2022 г. сочтены выросшими в сравнении с 2021 г. в Таиланде, Индонезии, Малайзии, Сингапуре. На Филиппинах и в Индонезии призывают к сохранению экономического влияния США, в Брунее, Камбодже, Малайзии больше сторонников повышения роли Китая¹³.

Считается, что тренд доминирования Китая будет крепнуть, несмотря на замедление темпов роста экономики¹⁴. В экономических преимуществах КНР больше уверены в Камбодже, Лаосе, Мьянме и Брунее, там же приветствуют экономический подъем своего северного соседа. Глубинно подобные надежды обусловлены тем, что подъем во многом способствует развитию стран ЮВА. Сотрудничество с КНР бесспорно принесло ощутимые выгоды большинству из них, особенно за счет инфраструктурного строительства, в том числе в ходе реализации Инициативы пояса и пути¹⁵.

Опросы выявили еще одну новую тенденцию: в текущем десятилетии экономическое влияние Японии практически сравняется с американским или даже превзойдет его, к лидерам подтянутся Южная Корея и Индия. В пользу Японии активнее выступают Индонезия и Таиланд. В том, что через 10 лет Индия займет одну из лидирующих экономических позиций в ЮВА, больше других уверены в Малайзии, меньше во Вьетнаме, оптимизм остальных сильно вырос с 2021 г. Характерно, что эксперты АСЕАН видят в ЕС по этому критерию самого слабого конкурента как на данном этапе, так и в перспективе. Это важный вывод с учетом такого, какие претензии, ожидания предъявлял Евросоюз в ЮВА еще недавно и как сократились его реальные возможности в 2022 г.

Разницу между КНР и Японией видится в том, что первая наращивает политическое влияние за счет экономического доминирования, вторая имеет довольно слабый политический вес, несмотря

на большую экономическую мощь. Возможно, это связано с высоким уровнем торговли стран АСЕАН с Китаем, а не с уровнем прямых иностранных инвестиций (ПИИ), по которым Япония является одним из лидеров в регионе.

Очевиден вывод, неутешительный для стран Запада и поучительный для России: быстрорастущее сегодня влияние Китая неизбежно усиливает его способность формировать региональные нарративы, чему во многом помогает реализация Пекином стратегической Инициативы пояса и пути¹⁶.

Для оценки ситуации в ЮВА важно, какие выводы члены АСЕАН делают из таких раскладов, и эти выводы не внушают нам оптимизма.

Анализ динамики настроений при администрации Байдена показывает одобрение активизации участия США в делах ЮВА в противовес китайскому. За это особенно ратуют Бруней, Таиланд и Сингапур. Опасаются сокращения вовлеченности США в дела региона сильнее во Вьетнаме и Лаосе¹⁷. Несмотря на длительный спад отношений во время президентства Трампа и снижение влияния США в регионе, многие страны считают США достойным доверия стратегическим партнером и гарантом своей безопасности. Приоритет США отдает больше стран, чем Китаю, причем этот выбор окреп в 2021–2022 гг. Наивысшее доверие США выражают представители Малайзии, Филиппин, Сингапура, в пользу Китая активнее настроены в Лаосе, Камбодже, Брунее¹⁸. Таким образом, ситуация парадоксальна: влияние Вашингтона в ЮВА на глазах падает, а доверие к нему все еще сохраняется.

На этом фоне характерны взгляды на развитие двусторонних отношений с КНР. В ближайшие годы страны АСЕАН проявляют склонность сохранять в них статус-кво, активнее других за это выступают элиты Вьетнама, Малайзии, Сингапура, Мьянмы, Филиппин. Надежду на улучшение отношений питают Лаос, Камбоджа, Индонезия, Бруней, опасаются их ухудшения Филиппины и Вьетнам¹⁹. В целом стремление к нормализации отношений выше, чем сомнения. Исходя из него и своей коммерческой выгоды, строится

позиция по торговому конфликту между Китаем и США. Действительно, этот конфликт сделал страны АСЕАН привлекательной экономической альтернативой для Китая, как показал пример СРВ²⁰. Ассоциация, имея соглашение о свободной торговле с КНР (АФТА), способна стать основной производственной базой для экспорта не только в страны с развитой экономикой, но и в Китай. Это будет иметь глубокие последствия для мировой торговли, экономики и политики. Интеграция экономик Китая и АСЕАН ускоряется торговой и политической напряженностью между Китаем и США.

Как отмечено, растущее влияние и все более активное поведение Пекина в региональных, внутренних делах порождают негативные ожидания. Среди них подозрения в том, что КНР стремится изменить («ревизовать») мировой порядок, включить ЮВА в сферу своего влияния, вести деструктивные акции. Такое мнение преобладает в 2022 г. уже в восьми странах АСЕАН (кроме Камбоджи и Таиланда), а не в четырех, как в 2020 г., особенно явно во Вьетнаме, Сингапуре и на Филиппинах. Немногие надеются, что китайское руководство «поступит правильно», когда дело коснется глобального мира, безопасности, прогресса и управления. Абсолютное меньшинство верит, что КНР, как ответственная держава, будет уважать сложившийся в ЮВА региональный порядок или что это — «добрая и благожелательная сила». Государства АСЕАН, признавая ее лидерство, подозревают в агрессивных планах, хотя негативные настроения постепенно убывают. Например, растет уверенность, что Китай будет уважать суверенитет стран АСЕАН²¹.

К конкретным угрозам со стороны Китая его партнеры относят усиление экономического господства, политического давления (это мнение доминирует в Лаосе и Мьянме), продолжение жесткой линии в ЮКМ и бассейне реки Меконг (мнение Вьетнама и Малайзии), применение экономических рычагов и туризма для корректировки внешнеполитического курса партнера (заботит Сингапур, Камбоджу, Малайзию). Угроза прямого вмешательства Китая во внутренние дела своей страны признается высокой в Мьянме и Камбодже. Вместе с тем снижается уверенность в возможности сделать дву-

стороннюю торговлю взаимовыгодной и уменьшить ее дисбаланс в пользу Китая. Группа тех, кто признает взаимные разногласия слишком большими, чтобы их можно было урегулировать, при этом невелика²².

Неудивительно при таком раскладе снижение доверия к Китаю. Во всех странах АСЕАН оно по уровню уступает недоверию, более характерному для Филиппин, СРВ, Таиланда, Индонезии и Мьянмы. Дефицит доверия выражает даже Камбоджа — ближайший партнер США. Недоверие порождено тем, что могущество Китая может угрожать интересам и суверенитету их страны. Это подозрение сильнее выражено на Филиппинах, в Брунее, Камбодже, Сингапуре, Мьянме. Немногие видят в Пекине надежного партнера и хотят иметь дело, надеясь на экономические ресурсы КНР и потенциал глобального лидера, или из уважения к достижениям китайской культуры и цивилизации²³.

Часть экспертов, которая смотрит на Китай со сдержанным оптимизмом, исходят из того, что он будет уважать суверенитет и внешнеполитический выбор партнера (этого ожидают в Камбодже, Мьянме, Таиланде, Сингапуре, Малайзии), согласится на решение территориальных споров в ЮКМ мирным путем на основе международного права (Бруней, Филиппины, Вьетнам). Тем самым строится основа для улучшения двусторонних отношений.

При таком разбросе оценок практически важен ответ на вопрос, какую из двух сверхдержав выберут страны АСЕАН, если придется. Согласно опросам, предпочтение получают США (сильнее других за это ратуют на Филиппинах, в Сингапуре, Индонезии), причем поддержка Штатов заметно выросла в 2021 г. относительно 2020 г. США вдвое опередили Китай в предпочтениях членов Ассоциации, его позиции соответственно ослабли. Притом ряды сторонников Китая сократились с семи до всего трех (Мьянма, Бруней, Лаос), что указывает на особую ориентацию самых малых стран ЮВА²⁴.

Вопрос в том, что в какой-то степени военное присутствие США может поддерживать стратегический баланс в ЮВА. Благожелательности власти США добиваются обещаниями дополнительного

внимания, благ, и эта работа активизировалась при администрации Байдена, проявившись на саммитах США–АСЕАН и ВАС в октябре 2021 г.²⁵ Такие действия рожают значимые нюансы в оценке странами ЮВА устремлений Пекина и различные, иногда противоречивые ожидания.

В итоге проведенного анализа установлено относительное снижение влияния США и изменение баланса политических, тем более экономических сил в АТР в пользу КНР с перспективой нарастания этой тенденции в текущем десятилетии. Вместе с тем выявлено, что члены АСЕАН все еще возлагают большие надежды на Вашингтон. Также констатировано усиление позиций Японии, средних держав – Индии, Кореи и, напротив, ослабление позиций РФ, которая игнорируется как влиятельный игрок в восприятии местных элит и главных мозговых центров АСЕАН, США и Японии.

Стратегические вызовы и нетрадиционные угрозы региону

Позиции и действия стран АСЕАН определяются также основными *геополитическими вызовами* региону ЮВА–АТР. Три вызывают наибольшую озабоченность: стратегическая конкуренция в регионе между США и КНР, включая последствия американо-китайской торговой войны; рост китайского экономического влияния; обострение обстановки в Южно-Китайском море (ЮКМ). Далее следуют экологические проблемы и снижение здесь военного присутствия США²⁶.

Поскольку первые из этих угроз охарактеризованы выше, остановимся на локальных вызовах, которые затрагивают и внешних партнеров АСЕАН.

По *ситуации в ЮКМ* большое беспокойство вызывают «агрессивные» действия Китая и милитаризация им акватории, вторжение кораблей КНР в ОЭЗ и континентальный шельф соседей. В фокусе внимания и конфронтация здесь США и Китая, поскольку она способна вызвать политический и даже военный кризис. Территориальные споры как сильную угрозу воспринимают в СРВ

и на Филиппинах. При этом во Вьетнаме не испытывают страха перед применением Китаем силы, надеясь на военное присутствие США в ЮКМ, а выражают озабоченность именно милитаризацией островов и т.п.²⁷

Что касается мер, которые предлагается предпринять для разрешения споров в ЮКМ, то региональный орган более разделен, чем когда-либо, по этому вопросу. АСЕАН выступает за выполнение принципов международного права и, в этом русле, за заключение обязательного Кодекса поведения сторон в ЮКМ всеми десятью членами АСЕАН и Китаем, чтобы создать механизм урегулирования конфликтов. Но отдельные государства-члены, углубляющие экономические и дипломатические отношения с Китаем, особенно Камбоджа и Лаос, более склонны поддерживать позицию Пекина²⁸. В этих странах, также в Мьянме и Таиланде полагают, что кодекс не удастся согласовать из-за разногласий участников. СРВ, как и Филиппины, настаивает на соблюдении международных конвенций, особенно по морскому праву, и осуждающего Китай вердикта Гаагского трибунала 2016 г. Предложение увеличить военное присутствие других держав в ЮКМ для сдерживания Китая не пользуется поддержкой, и надежды на США, интернационализацию урегулирования конфликта сильнее других во Вьетнаме²⁹. Он же играет ведущую роль в защите красных линий АСЕАН в переговорах по Кодексу поведения сторон.

По понятным причинам в разряд актуальных выдвинулись проблемы развития *Субрегиона Большого Меконга* (СБМ). Отношение к ним показывает, насколько члены АСЕАН видят здесь геополитический вызов. Мнения делятся примерно поровну, по опросам 2022 г.³⁰ Одни призывают решать эти проблемы на основе механизмов СБМ и действующих здесь программ, другие – в рамках общей повестки работы АСЕАН, третьи – с участием диалоговых партнеров и международных организаций. Высказываются опасения (со стороны Лаоса и Индонезии, но особенно Камбоджи и Мьянмы), что споры по этому поводу усилят раскол внутри Ассоциации. Бытует также мнение, что Китай имеет доминирующее влияние в СБМ

и страны АСЕАН ничего не смогут этому противопоставить (в этом больше уверены во Вьетнаме). За коллективные усилия по решению проблем Меконга активнее выступают страны ЮВА, испытавшие экологический урон и угрозу продовольственной безопасности, что естественно. В пользу этого приводятся и геополитические соображения о том, что АСЕАН должна играть более заметную роль в СБМ. Многие уверены, что значение и авторитет Ассоциации в континентальной части ЮВА упадут, если она потерпит фиаско в данном вопросе³¹. Вместе с тем члены АСЕАН, подчеркивающие важность темы СБМ, пока не готовы наладить должное взаимодействие по вопросам его развития.

Оценка геополитических рисков в последние годы меняется в связи с реформатированием по инициативе США макрорегиона, в котором живут народы ЮВА. Изобретение Вашингтоном *концепта ИТР* вместо АТР пока вызывает неоднозначную реакцию, не вышедшую за рамки неопределенности. Лишь малая часть экспертов признала пользу этого концепта, полагая, что он способствует созданию стабильного, многополярного порядка и эффективной диверсификации; более других его приветствует вьетнамская сторона. Но их оппоненты считают ИТР инструментом защиты геополитических интересов других стран, выступают против того, чтобы эту стратегию продвигала только одна держава, к тому же использовала ее для сдерживания конкурентов. Некоторые признают этот концепт неясным, требующим доработки, хотя доля таких снижается. Больше всего сторонников (кроме Камбоджи) у того, чтобы АСЕАН выработала свою взвешенную позицию по этому вопросу. Сомнения в необходимости нового концепта, которые пока преобладают, указывают на слабую поддержку данного проекта США³².

Страны АСЕАН сегодня больше беспокоят *нетрадиционные угрозы безопасности*, чем традиционные – военного характера³³. Традиционные угрозы, доминировавшие в прошлом, пока на втором плане, но с обострением в 2022 г. глобального конфликта между Востоком (во главе с РФ) и Западом, ставящего мир на грань новой войны, отношение может измениться. До этого политические

конфликты слабо беспокоили властные элиты АСЕАН, о чем говорят низкие оценки остроты внутривластной нестабильности, включая религиозные и этнические противоречия в ЮВА в 2021 г. по сравнению с 2020 г. В то же время как первоочередные угрозы стали восприниматься пандемия COVID-19, а за ней безработица и экономическая рецессия, лишь затем стоят последствия изменения климата, менее всего, согласно опросу 2022 г. в ЮВА ощущается опасность терроризма³⁴.

Среди глобальных угроз изменение климата признано наиболее опасным, что нашло отражение в политике АСЕАН. В период председательства Брунея (2021 г.) создан Центр климатических изменений, который организует работу по поддержанию устойчивости и экологической безопасности. Озабоченность по этой теме в ЮВА растет с 2010-х годов³⁵, и данная тенденция, скорее всего, утвердится. Сходный уровень тревоги вызывают природные бедствия, во многом вызванные изменением климата. Сильных бедствий, новые примеры которых дал 2021 г., больше опасаются в Индонезии, на Филиппинах и во Вьетнаме, последствий изменения климата – в Таиланде.

Изменение климата вызывает беспокойство по ряду причин, из которых главная состоит в том, что это серьезная и неотложная угроза благополучию стран, требующая изучения и реагирования. Она кроется в том, что глобальное потепление способно подрывать продовольственную безопасность, тормозить экономический рост, вызывать политическую нестабильность, провоцировать пандемии. В крайних случаях климатический сдвиг может создать обстановку, которая благоприятствует террористической деятельности³⁶.

Климатическая повестка особенно волнует в АСЕАН Филиппины и СРВ, где, по разным исследованиям, наиболее вероятны самые разрушительные последствия, хотя и здесь озабоченность в 2022 г. снизилась. В Индонезии больше тревоги рождает частые и интенсивные тропические циклоны³⁷. Не признающих эту опасность тоже немало. Они считают изменение климата долгим процессом, который не окажет влияния в период их жизни, не создаст непо-

средственной личной угрозы. Эти оппоненты указывают на отсутствие научной основы для повышенного алармизма или невозможность судить о последствиях потепления.

Второй по значимости *среди нетрадиционных угроз* в ЮВА считаются финансово-экономические кризисы и вытекающие последствия, прежде всего экономическая рецессия и безработица, усиление социально-экономического неравенства и разрыва в доходах. В меньшей степени они служат объектом внимания в СРВ, что понятно при относительном благополучии ее экономики. Наоборот, в Таиланде и Сингапуре беспокойство заметно выше, что отражает ныне вялые перспективы роста обеих стран и ощущение уязвимости, которая сохраняется у них после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.³⁸ Противодействие негативу видится в работающем с 2016 г. Экономическом сообществе АСЕАН и активизации финансовой интеграции в ЮВА. Обе меры имеют жизненную важность и представляют взаимный интерес для региона и его партнеров, в том числе финансовый трек может помочь сбалансировать риски, расширить сотрудничество и обеспечить новые источники капитала и роста³⁹.

К третьему уровню *нетрадиционных угроз* в ЮВА относятся те, которые возникают изнутри или по границе на политической почве. Территориальные и исторические споры воспринимают как высшую опасность Филиппины и Вьетнам, имеющие конфликты с Китаем, хотя в целом по ЮВА на эти споры смотрят спокойнее. Терроризм больше беспокоит Филиппины, Индонезию и меньше СРВ. Внутренние этнические конфликты, распространение ядерного оружия, как ни странно, вызывают наименьшую озабоченность. Анализ ответа на такие вызовы показывает, что сообщество АСЕАН отдает предпочтение предупреждению и разрешению конфликтов на межгосударственном уровне при координации совместных действий.

Характерна и реакция на процессы, которые поддерживают западные партнеры. Оказалось, что страны АСЕАН осуждают рост протекционизма и национализма в мире, поддерживают открытость и либеральные ценности. Угрозой средней значимости считается нарушение прав и интересов человека, неполное удовлетворе-

ние физических (в воде, пище и т.д.) и общественных потребностей (в образовании, медуслугах). Напротив, в Ханое спокойно относятся к нарушениям прав человека, внутривластной дестабилизации и расширению имущественного неравенства, к помехам для свободных и демократических выборов⁴⁰. Это означает, что некоторые страны ЮВА мало волнуют общие вопросы, не признаваемые актуальными их властями.

В 2019 г. *угроза эпидемий* не воспринималась всерьез, но в 2021–2022 гг. пандемия *COVID-19* и сопутствующие проблемы стали наиболее актуальными. Лидерами в обуздании коронавируса в ЮВА признаны Сингапур и Вьетнам, во внешней помощи по вакцинации против него со стороны 11 диалоговых партнеров АСЕАН – Китай, с отставанием – США, Австралия, Япония и ЕС, последней – Россия⁴¹. По мнению Вьетнама, Филиппин и Сингапура, эту роль лучше всего выполняют США; Камбоджа, Лаос, Бруней, Индонезия выделяют КНР; Бруней, Малайзия, СРВ – Японию. Озабоченность распространением болезни по сравнению с другими угрозами 2020–2022 гг. наиболее сильна в Лаосе, Мьянме и Индонезии. Меньше по этому поводу беспокоятся Сингапур, Таиланд и Бруней, возможно, благодаря своей более сильной медицине. В СРВ недовольство сменило начальную эйфорию вследствие провала национальной кампании вакцинации⁴². Опрос 2022 г. законно выявил рост недовольства эффективностью реакции на пандемию и ее последствия, показал снижение уверенности граждан в системах здравоохранения. Эпидемия также выявила уязвимость положения сообщества ввиду слабой реакции на внешние вызовы.

Больше доверия население проявило к вакцинам западного производства (Пфайзер, Модерна), заметно меньше – к китайским, совсем не пользуются поддержкой вакцины местного, индийского и российского производства. Этот результат отражает мощное давление гигантов мировой фарминдустрии на рынки ЮВА и недоучитывает реальную медицинскую ценность препаратов.

Выбор приоритетных угроз и вызовов показал, что объекты повышенной значимости для правящих элит АСЕАН (изменение

климата, экономическая нестабильность, иные проблемы нетрадиционной безопасности) не полностью совпадают с политическими акцентами США, других диалоговых партнеров, включая РФ, в регионе. В этом кроется причина недостаточного понимания державами реальных забот своих контрагентов в ЮВА, низкой эффективности взаимодействия с ними.

С точки зрения актуальных вызовов и угроз в регионе важно, какие механизмы военно-политического реагирования считаются главными. Выбор делается между АСЕАН (приоритет) и созданными на ее основе институтами – ВАС, АРФ, АДММ+. АДММ+ признается более важным механизмом, чем АРФ, для ответа на традиционные угрозы, продвижения сотрудничества в сфере обороны и безопасности. В частности, сложилось убеждение, что он оптимален для предупреждения межгосударственных конфликтов. Инициатор рамочной программы АДММ+ Вьетнам предлагает повысить частоту встреч с двухгодичной до ежегодной, считает этот механизм самым большим активом АСЕАН с точки зрения участия внерегиональных средних и крупных держав в решении оборонных вопросов⁴³. ВАС привлекателен институциональными преимуществами в сфере экономики, вкладом в создание предпосылок для формирования ВРЭП⁴⁴. Механизмы реагирования на эти вызовы выбраны в основном по принципу асеаноцентричности.

По вопросу реакции на обострение соперничества США–КНР в регионе предпочтения разделились. Единодушно (кроме Мьянмы) не нашел одобрения выбор одной стороны как опоры, слабую поддержку получило обращение к третьей стороне для гибкости стратегического маневра (активнее «за» СРВ). Больше всего сторонников у неприсоединения ни к США, ни к Китаю (к этому больше склонны в Сингапуре, Малайзии, Камбодже). Как считают Эммерс и Хьонг, «отказ от выбора между Вашингтоном и Пекином стал мантрой Юго-Восточной Азии в последние годы»⁴⁵.

Результирующим мнением стало воздержание членов Ассоциации от односторонней ориентации, в пользу баланса сил, что означает предпочтение многополюсной внешней политики⁴⁶. Под-

тверждением этого служит принятие лидерами АСЕАН в 2021 г. Декларации о приверженности принципу многосторонности в формировании региональной архитектуры отношений⁴⁷. Не случайно АСЕАН выработала систему стратегических партнерств, которые выполняют свою миссию, хотя эффективны в разной степени, если сравнивать на примере участия в ней США и России.

Приоритеты развития АСЕАН и укрепления стабильности региона

Согласно документу «АСЕАН-2025: вместе в будущее» государства-члены намерены продолжать углублять интеграционные процессы в ЮВА в целях реализации концепции Сообщества АСЕАН.

Меры обеспечения региональной стабильности и единства, устойчивого развития представляют собой, по существу, ответ политических элит стран АСЕАН на существующие угрозы и вызовы. Этот подход активнее поддержан в 2021–2022 гг. по сравнению с 2020 г. Его слабо разделяют в Лаосе, Мьянме и отстаивают Филиппины, Индонезия, Бруней и Вьетнам. Новые инициативы направлены на упрочение сотрудничества, безопасности и противодействие тенденциям раскола, которые подрывают дееспособность АСЕАН⁴⁸.

В сфере экономики абсолютное предпочтение отдается расширению торговли, интеграционных связей в целях дальнейшего роста и сглаживания существующих разрывов между группами 6 и 4. В том же ряду находятся меры по повышению экономического взаимодействия в АСЕАН и эффективности госуправления. Они также направлены на преодоление неравенства в ЮВА физического и человеческого капитала. Как в других развивающихся странах, данная задача порождена новыми реалиями технологического прогресса и интеграции глобальных рынков⁴⁹.

Сообщество АСЕАН поддерживает и использует различные институты и форматы торгово-экономической интеграции, рассматриваемые как наиболее нужные, причем приоритеты различаются по странам. Вьетнам и Малайзия наиболее высоко ценят

соглашения о свободной торговле (ССТ), являясь их основными бенефициарами внутри Ассоциации. При наличии почти десятка таких ССТ и успехе их работы большинство делает сегодня ставку на ВРЭП – крупнейшее торговое соглашение в мире, заключенное в ноябре 2020 г., признавая его значение для активизации торговли и инвестиционных потоков в их странах и в регионе в целом. Максимальный энтузиазм демонстрируют при этом эксперты Сингапура и Камбоджи, меньше других членов АСЕАН в позитивном эффекте для экономики уверены на Филиппинах⁵⁰. В целом есть сомнения, что участие КНР во ВРЭП приведет к снижению экономических трений в ЮВА. ИПП пользуются более активной поддержкой у Таиланда и Малайзии. Это отношение легко объясняется симпатиями или антипатиями к Китаю. Так, в Ханое настороженно воспринимают китайскую инициативу Нового Шелкового пути, как и политику Пекина в ЮВА.

Характерно отношение членов Ассоциации к одному из самых крупных и единственному в мире трансконтинентальному соглашению о свободной торговле – Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), в котором участвует лишь небольшая их часть. В ВП ТТП не входят КНР и США, что вызывает разную реакцию. Половина считает, что прием Китая даст положительный эффект, в том числе снизит экономические трения в ЮВА и поможет разрешению его торгового конфликта с США, проведению реформ, которые унифицируют стандарты китайской экономики по международному образцу. Столько же видят в участии Китая опасность усиления экономических и политических рисков для членов ТТП, в том числе сокращения потенциальных торговых выгод, и ослабления роли ТТП в многосторонней торговой системе.

Что касается выхода США из ТТП, доминирует мнение о пользе этого для Китая, который может заполнить образовавшийся вакуум и повысить свое влияние в регионе. Оппоненты упирают на негативный эффект, поскольку Вашингтон перенес акцент своей вовлеченности с инклюзивных соглашений о торговле на договоры о безопасности с ограниченным выбором партнеров. В целом СРВ

и другие страны сожалеют об отсутствии США в составе ВП ТТП и надеются на их возвращение.

Администрация Байдена, стремясь исправить это упущение и дополняя свою стратегию ИТР, включила в нее Формат экономического сотрудничества и электронной торговли. Он предлагает странам АСЕАН принять стандарты высокого уровня в сфере электронной торговли, организации труда и защиты окружающей среды. Такие стандарты предусмотрены пока только в ВП ТТП и отсутствуют во ВРЭП. Они, по признанию экспертов, могут противоречить краткосрочным экономическим и политическим интересам Ассоциации⁵¹.

Поскольку действующие ССТ с участием членов АСЕАН географически охватывают в основном АТР, они по понятной причине стремятся получить доступ к таким же преференциям в высокоразвитой экономике Европы. Уже несколько лет готовится торговое соглашение АСЕАН–ЕС, но подходы к нему различаются⁵². Большинство стран оценивает его позитивно и поддерживает, видя в этом путь, среди прочего, к расширению стратегического пространства для АСЕАН. Такая поддержка характерна для членов Ассоциации, имеющих двусторонние ССТ с ЕС, – Вьетнама и Сингапура, остальные предпочитают сначала заключить такие ССТ. Распространено также мнение, что различие политических и экономических систем в АСЕАН делает оформление общего ССТ слишком сложным, определяет ориентацию Европы на двусторонние соглашения. Среди конкретных преград называют, например, нарушение прав человека в Мьянме, Камбодже и на Филиппинах, хотя очевидно, что это политизированный, прозападный подход.

Во многом ориентация стран АСЕАН и их установки в этом вопросе зависят от того, в ком они видят лидера свободной торговли в мире. Данный вопрос приобрел дополнительную актуальность в условиях разрыва цепочек производства и поставок в глобальной, региональной торговле и упадка бизнеса из-за пандемии COVID-19. Предпочтения разделились между США и КНР, причем поддержка обеих держав существенно выросла за 2020–2022 гг., а ЕС и Япония потеряли часть своих сторонников⁵³. Представители бизнеса и фи-

нансового сектора проявляют эти взгляды более явно, они же по-ровну делят свои голоса между Японией и Китаем, ставя их на второй план в ряду лидеров. Некоторые члены Ассоциации призывают ее взять эту роль на себя, не делая ставку на США или ЕС. Больше других настаивают Бруней и Сингапур, как малые государства, нуждающиеся в общем рынке ЮВА. Филиппины, Индонезия, Камбоджа, Малайзия и Таиланд отдают предпочтение Евросоюзу. США – вынужденный выбор Вьетнама, Япония – Мьянмы, Китай – Лаоса⁵⁴.

Понимание причин пристрастия к открытости и интеграции, в том числе к механизму ССТ, дополняет картину внешнеполитических предпочтений стран АСЕАН. Как показали опросы, оно вызвано проявившимся на рубеже 2010–2020-х годов вакуумом глобального лидерства, ростом протекционизма и национализма в мире⁵⁵. Однако о главном пути реагирования на эти вызовы мнения разделились. Одна половина выступает за углубление сотрудничества с многосторонними партнерами АСЕАН, причем наиболее активно – Вьетнам, другая же делает ставку на институциональное упрочение самой Ассоциации и ускорение внутренней интеграции (лидируют Таиланд и Филиппины). Очень спокойно относятся к идее «укрепления региональной идентичности», которая нашла наибольший отклик в Малайзии и Сингапуре⁵⁶.

Среди форматов совместных действий с партнерами вне региона ЮВА растет популярность формируемых по инициативе США *QUAD*, *AUKUS*, а также объединяющей их концепции свободного и открытого ИТР. В 2022 г. одобрение Диалога четырех – США, Индии, Японии, Австралии – по безопасности (больше сторонников в Лаосе, Индонезии, Сингапуре, на Филиппинах) сильно превзошло его неприятие (Камбоджа), хотя подтвердило отсутствие доминирующей точки зрения на *QUAD*⁵⁷. Причина этого в том, что США, формируя де-факто антикитайский военный блок, скрывают истинные цели под лозунгами кооперации в вакцинации против COVID-19 и преодолении потепления климата.

Поддержке *AUKUS*, еще одного механизма обеспечения безопасности, противостоят опасения усиления гонки вооружений в реги-

оне и подрыва асеаноцентричности, нарушения режима нераспространения ядерного оружия. АСЕАН привлекает то, что он будет служить контрбалансом китайской военной мощи, и не смущают планы США создать своего рода «Восточное НАТО». Мьянма, Филиппины, Сингапур и СРВ – главные сторонники этого проекта⁵⁸.

Сторонников англосаксонской инициативы сегодня больше во Вьетнаме и Таиланде, *Quad* и концепцию Открытого и свободного ИТР приветствуют активнее на Филиппинах, а Малайзия занимает промежуточную позицию. В итоге же почти половина членов АСЕАН придерживается проамериканских предложений. Вместе с тем осознается, что новые форматы сотрудничества, созданные США и их западными партнерами в АТР, способны подорвать асеаноцентричность процессов в этом регионе. Понимая данную опасность, большинство, считая АСЕАН важнейшим институтом, отдает приоритет делу ее укрепления и интеграции, определяющему будущее Ассоциации.

Повестка вопросов развития стран Ассоциации, их *внутриполитических принципов и приоритетов* также показательна. Все члены сообщества активно выступают за укрепление ее институтов, взаимного доверия, предупреждение межгосударственных конфликтов, сохранение национального единства. Нами отмечено, что поддержка демократических норм (соблюдение свобод и прав человека, расширение гендерного равенства и т.п.), координация совместных действий на внешнем фронте также имеют широкую основу. Однако не все разделяют принцип невмешательства во внутренние дела друг друга (видимо, в связи с приходом военных в Мьянме), хотя это – основной принцип АСЕАН. Например, вьетнамские политики, принимая общие подходы, призывают к совместным действиям в сфере безопасности, обороны и на дипломатическом фронте, т.е. тем традиционным мерам урегулирования спорных вопросов, в которых они имеют преимущество и опыт⁵⁹.

Показательной в условиях такого разброса мнений является реакция АСЕАН на острый политический кризис в Мьянме. В ней от-

ражено, что эта страна – неотъемлемая часть блока и от гарантий ее стабильности зависят авторитет и репутация всей организации. Хотя меры были приняты, но не дали нужного эффекта, поэтому оценены в равной пропорции как адекватные и как неудовлетворительные. В 2022 г. одни признали принятые меры верными и своевременными, другие – медленными и мягкими⁶⁰. В целях урегулирования ситуации предложены на выбор независимый диалог со сторонами конфликта, скоординированная поддержка международных партнеров или применение более жестких мер против военной хунты вплоть до исключения Мьянмы из АСЕАН. В Лаосе сильнее других убеждение, что нельзя вмешиваться во внутренние дела члена своего сообщества, а в Малайзии, Сингапуре, Таиланде активнее призывают к давлению на нынешние власти Мьянмы.

Продавливание США и ЕС своих принципов защиты демократии и установления режима власти в любой стране сделало актуальнее определение лидеров в поддержании «порядка, основанного на правилах» и соблюдении международного права. Предпочтения стран АСЕАН в 2021–2022 гг. заметно изменились: на первое место с перевесом вышли США, на второе, не считая АСЕАН, опустился ЕС, заметно укрепились позиции КНР, которая прежде отставала от лидеров, ослаб авторитет Японии⁶¹. Эти западные по существу ценности больше других отстаивают Сингапур, СРВ, Малайзия и Филиппины, остальные сторонятся такого подхода.

При оценке состояния самой АСЕАН доминирует мнение, что она часто медленно реагирует на политические и экономические изменения в мире, не справляется с вызовами. Из этого делается вывод о *низкой эффективности действий* Ассоциации, ее неспособности быстро справиться с возникающими проблемами. Вторым по распространенности в 2022 г. оказалось опасение, что АСЕАН становится ареной конкуренции великих держав, в которой ее членам отведена подчиненная роль. Хотя большинство уверено в будущем организации, в СРВ и Сингапуре сильны сомнения в сохранении единства Ассоциации⁶². СРВ и Таиланд в отличие от соседей не считают АСЕАН самым важным региональным институтом/инициа-

тивной. Эти взгляды в ряде стран, в том числе во Вьетнаме, вызваны осознанием внутренней слабости, частично проистекающей из механизма принятия решений на основе консенсуса, из чего они делают вывод, что не могут полагаться на региональный орган для защиты своих национальных интересов⁶³.

Поэтому подъем политической роли и стратегического влияния АСЕАН признается главной задачей сегодня и на перспективу. За это выступают все члены Ассоциации, активнее всего Бруней, Камбоджа, Сингапур, и их уверенность крепнет⁶⁴. Хотя члены сообщества участвуют в общих делах, часть из них не считает интеграцию главной задачей, не до конца разделяет другие основные озабоченности, цели и договоренности. Растет понимание того, что это создает угрозу единству и солидарности сообщества.

С учетом заботы о предотвращении эрозии, использовании потенциала Ассоциации для выполнения принятых программ большую тревогу вызывает ее возможный раскол или неэффективность работы в условиях растущего давления со стороны крупных держав. Сильнее всего эту угрозу ощущают в Сингапуре, на Филиппинах, в Индонезии. Встречно приводится аргумент, в частности, в Малайзии и Вьетнаме, что некоторые партнеры сами не отдают приоритет АСЕАН. Довольно распространено мнение, что АСЕАН не имеет достаточных средств для противодействия внешним силам (оно доминирует в Малайзии, Индонезии, на Филиппинах). При этом почти единодушно признается, что Ассоциация будет и дальше сталкиваться с угрозами⁶⁵.

Заключение

Проведенный анализ выявил картину растущего китайского влияния в ЮВА и завершения эры безраздельного господства США. Вместе с тем отношение к Китаю очень разноречиво, проявляется глубокая озабоченность стратегической конкуренцией с США и ее воздействием на АСЕАН. Однако динамику баланса сил определяют не только эти сверхдержавы, но и Япония, Индия, Индонезия, другие

участники противоборства в регионе. Такое состояние может стать более подвижным и сложным по мере формирования многополярного мира Китаем и Россией, выступившими против американского доминирования в целом и в ЮВА в частности. Данные изменения вызревают постепенно, и до 2022 г. ожидалось, что их характер не трансформируется в период до конца нынешнего десятилетия.

При многообразии проблем, стоящих перед странами ЮВА, их элиты больше озабочены преодолением проблем нетрадиционной безопасности и экономических угроз, чем традиционными вызовами военно-политического характера. Большинство видит в АСЕАН ключевой механизм реагирования на региональные вызовы, выступает за ее общее укрепление и экономический подъем на основе новых механизмов взаимодействия типа ССТ. В ряду же внутриполитических задач приоритет отдается сохранению демократических ценностей, которые признаются важными для региональной стабильности и процветания, улучшению госуправления.

Сопоставление этих взглядов с приоритетами политики и участия США в регионе, главным из которых является сдерживание Китая, показало, что они не всегда и не во всем совпадают. Это создает определенную свободу действий для членов сообщества, позволяет строить взаимовыгодные отношения с КНР. Складывается возможность альянса и с другими державами, выступающими в защиту национальных интересов, против гегемонизма США, прежде всего с Россией. Однако пока она не пользуется должным вниманием со стороны членов АСЕАН, поиск примеров успешного решения проблем продолжается.

Примечания

- ¹ Powers, Norms, and Institutions: The Future of the Indo-Pacific from a Southeast Asia Perspective. Results of a CSIS Survey of Strategic Elites. Washington, June 2020 [CSIS 2020].
- ² The State of Southeast Asia: 2019 Survey Report [ISEAS 2019]; The State of Southeast Asia: 2021 Survey Report [ISEAS 2021]; The State of Southeast Asia:

- 2022 Survey Report. ASEAN Studies Centre at ISEAS-Yusof Ishak Institute. Singapore, February 2022 [ISEAS 2022]. URL: www.iseas.edu.sg
- ³ MOFA (Japan Ministry of Foreign Affairs) Multicountry Opinion Survey. Edelman Intelligence 2019. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100023100.pdf>.
- ⁴ Цветов П.Ю. Внешнеполитические приоритеты государств-членов АСЕАН в XXI веке // Актуальные проблемы международных отношений и внешней политики в XXI веке / Под ред. Т.В. Кашириной и В.А. Аваткова. Дипакадемия МИД РФ. М.: Изд-во «Дашков и К^о», 2017. С. 198.
- ⁵ The Reopening of ASEAN: Trade, Tourism and Travel // ASEAN Focus. 2022. March. No. 38. P. 2.
- ⁶ ISEAS 2022. P. 22. Согласно японскому опросу, в качестве главных и примерно равных по влиянию игроков в ЮВА названы Япония, Китай и США, за ними РК, Индия и Австралия. См.: MOFA Multicountry Opinion Survey.
- ⁷ ISEAS 2022. P. 33; CSIS 2020. P. 7.
- ⁸ ISEAS 2021. P. 34.
- ⁹ РК признается державой среднего уровня, которая оказывает растущее влияние на обстановку в ЮВА. См.: *Easley L-E. Middle Power National Identity? South Korea and Vietnam in US-China Geopolitics* // Pacific Focus 27. 2012. No. 3. P. 421–442; *Joon-Woo Park, Gi-Wook Shin and Donald W Keyser* (eds). *Asia's Middle Powers? The Identity and Regional Policy of South Korea and Vietnam*. Stanford: The Walter H Shorenstein Asia Pacific Research Center, 2013.
- ¹⁰ ISEAS 2022. P. 34.
- ¹¹ CSIS 2020. P. 13.
- ¹² Ibid. P. 8–9.
- ¹³ ISEAS 2022. P. 20.
- ¹⁴ ISEAS 2021. P. 20–21.
- ¹⁵ CSIS 2020. P. 11–12.
- ¹⁶ Ibid. P. 12.
- ¹⁷ ISEAS 2021. P. 39.
- ¹⁸ ISEAS 2021. P. 40; 2022. P. 32.
- ¹⁹ Ibid. P. 36.
- ²⁰ *Yeo George*. ASEAN as a beneficiary of the Sino-US trade war // Reuters. 11.10.2018. URL: <https://www.todayonline.com/commentary/asean-beneficiary-current-trade-war-between-us-and-china>.
- ²¹ ISEAS 2021. P. 35; ISEAS 2022. P. 34, 37.
- ²² ISEAS 2021. P. 37–38; ISEAS 2022. P. 36.
- ²³ ISEAS 2021. P. 42.
- ²⁴ Ibid. P. 33.

- ²⁵ Белый дом объявил о выделении 102 млн долл. на новые инициативы по расширению стратегического партнерства США и АСЕАН. 26.10.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/10/26/fact-sheet-new-initiatives-to-expand-the-u-s-asean-strategic-partnership/>.
- ²⁶ CSIS 2020. P. 13–14.
- ²⁷ ISEAS 2021. P. 14–15.
- ²⁸ *Emmers R. and Huong Le Thu.* Vietnam and the search for security leadership in ASEAN // Asian security. Routledge, 2020. P. 5. URL: <https://doi.org/10.1080/14799855.2020.1769068>.
- ²⁹ ISEAS 2021. P. 16.
- ³⁰ ISEAS 2022. P. 19.
- ³¹ ISEAS 2021. P. 18–19.
- ³² Ibid. P. 26.
- ³³ CSIS 2020. P. 15–16.
- ³⁴ ISEAS 2022. P. 2.
- ³⁵ CSIS 2020. P. 16–17.
- ³⁶ Security Challenges of Climate Change in Southeast Asia. October 5, 2021. URL: <https://www.csis.org/analysis/security-challenges-climate-change-south-east-asia>.
- ³⁷ ISEAS 2021. P.14; ISEAS 2022. P. 30.
- ³⁸ CSIS 2020. P. 17–18.
- ³⁹ Об актуальности этих проблем говорит тот факт, что в ЮВА 270 млн, или более 41% населения, — это «финансово обездоленные» люди, которые не имеют доступа к банковским счетам и кредитным картам, см.: *Murray Hiebert.* Southeast Asia Financial Integration and Infrastructure Investment // CSIS Briefs. 2018. May. P. 2, 3 URL: www.csis.org (accessed: 05.06.2018); ASEAN Statistical Yearbook 2021. The ASEAN Secretariat. Jakarta, December 2021. P. 3.
- ⁴⁰ CSIS 2020. P. 16–17.
- ⁴¹ ISEAS 2021. P. 13; ISEAS 2022. P. 13.
- ⁴² ISEAS 2021. P. 7; ISEAS 2022. P. 12.
- ⁴³ *Emmers R. and Huong Le Thu.* Vietnam and the search for security leadership... P. 9.
- ⁴⁴ CSIS 2020. P. 25–26.
- ⁴⁵ *Emmers R. and Huong Le Thu.* Vietnam and the search for security leadership... P. 10–11.
- ⁴⁶ ISEAS 2021. P. 32; ISEAS 2022. P. 31.
- ⁴⁷ The Reopening of ASEAN: Trade, Tourism and Travel. P. 2.
- ⁴⁸ *Emmers R. and Huong Le Thu.* Vietnam and the search for security leadership... P. 10–11.

- ⁴⁹ Asian Development Outlook 2012. Confronting Rising Inequality in Asia. P. 10; CSIS 2020. P. 21.
- ⁵⁰ ISEAS 2021. P. 28; CSIS 2020. P. 25–26.
- ⁵¹ *Natalegawa Andreyka and Poling Gregory B.* The Indo-Pacific Economic Framework & Digital Trade in Southeast Asia // CSIS, Washington DC, 2022.
- ⁵² ISEAS 2021. P. 31.
- ⁵³ ISEAS 2022. P. 24.
- ⁵⁴ ISEAS 2021. P. 24.
- ⁵⁵ CSIS 2020. P. 21.
- ⁵⁶ ISEAS 2021. P. 27.
- ⁵⁷ Отношение АСЕАН к этому блоку раскрыто в нескольких исследованиях, в том числе *ISEAS*, *CSIS* и *ASPI*. Оно изложено в «Восприятии QUAD странами Юго-Восточной Азии» — специальном отчете, опубликованном в Австралии (*ASPI*). См.: *Huong Le Thu.* The Quad and ASEAN: Old Misconceptions and New Prospects // ASEAN Focus. Op. cit. P. 10.
- ⁵⁸ ISEAS 2022. P. 3, 29.
- ⁵⁹ CSIS 2020. P. 19–22.
- ⁶⁰ ISEAS 2022. P. 3, 18.
- ⁶¹ Ibid. P. 26.
- ⁶² ISEAS 2021. P. 2, 8; ISEAS 2022. P. 10.
- ⁶³ *Emmers R. and Huong Le Thu.* Vietnam and the search for security leadership... P. 9.
- ⁶⁴ ISEAS 2021. P. 22–23.
- ⁶⁵ CSIS 2020. P. 26–27.

Глава 3

Китай и АСЕАН о региональной интеграции и безопасности: сходство и различия

АННОТАЦИЯ: Китай и АСЕАН — творцы и участники новой реальности в сфере региональных интеграционных проектов и многосторонних механизмов безопасности. Их подходы к этому, интересы и позиции, разумеется, не всегда совпадают, но тем более важно попытаться выявить как «точки сближения», так и различия, влекущие возможные риски. Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), созданное совместными усилиями Китая и АСЕАН в Ханое в 2020 г., знаменует новую реальность в экономике стран АТР и всего мира. Не менее важен сопоставительный анализ позиций КНР и АСЕАН по вопросам региональной безопасности, включая инициированное США Индо-тихоокеанское партнерство (ИТП). В новой стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе говорится о «центральной роли АСЕАН» в обеспечении региональной безопасности, однако фактически речь идет о готовности формировать альтернативную систему безопасности в регионе, вполне в духе НАТО и с очевидной антикитайской направленностью. Отношение АСЕАН к проекту ИТР, основанному на ценностных подходах и геополитических интересах, далеко не однозначно, поскольку инициаторы ИТП выступили с претензией на лидерство в многосторонних консультационных механизмах безопасности в АТР и регионе Южной Азии, при том что АСЕАН настаивает на своем видении «центральной роли» в их работе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономическая интеграция, региональная безопасность, Китай, АСЕАН, ВРЭП, Индо-Тихоокеанское партнерство.

ABSTRACT: China and ASEAN are creators and participants of a new reality in the field of regional integration projects and multilateral security mechanisms. Their approaches to this, interests and positions, of course, do not always coincide, but it is all the more important to try to identify both “points of convergence” and differences that entail possible risks. The Regional Comprehensive Economic Partnership Agreement (RCEP), jointly established by China and ASEAN in Hanoi in 2020, marks a new reality in the economies of the Asia-Pacific countries and around the world. No less important is a comparative analysis of the positions of China and ASEAN on regional security issues, including the Indo-Pacific Partnership (IPP) initiated by the US. The new US strategy in the Indo-Pacific region speaks of the “central role of ASEAN” in ensuring regional security, but in fact it is about the readiness to form an alternative security system in the region, quite in the spirit of NATO and with an obvious anti-Chinese orientation. ASEAN’s attitude to the IPP project, based on value approaches and geopolitical interests, is far from unequivocal, since the initiators of the IPP made a claim to leadership in multilateral security consultation mechanisms in the Asia-Pacific and South Asia region, despite the fact that ASEAN insists on its vision of «the central role of» in their work.

KEYWORDS: Economic integration, regional security, China, ASEAN, RCEP, Indo-Pacific Partnership.

Введение

КИТАЙ и АСЕАН — творцы и участники новой реальности в сфере региональных интеграционных проектов и многосторонних механизмов безопасности. Их подходы к этому, разумеется, не всегда совпадают, но тем более важно попытаться выявить как «точки сближения», так и различия, влекущие возможные риски. Это в первую очередь обусловило актуальность данного исследования.

Автор использовал методологию сравнительного анализа для сопоставления позиций АСЕАН и Китая по формированию и функ-

ционированию механизмов региональной экономической интеграции и безопасности, с учетом попыток США и других стран Запада реализовать свои стратегии «Индо-Тихоокеанского региона». Это позволяет более четко определить динамику и перспективы взаимодействия Китая и АСЕАН, с учетом интересов России в Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Китай и АСЕАН о региональной экономической интеграции

Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), подписанное на саммите АСЕАН в Ханое в 2020 г., знаменует новую реальность в экономике стран АТР и всего мира. Создается крупнейшая в мире зона свободной торговли с примерно 2,2 млрд потребителей и объемом ВВП 28 трлн долл., что составляет более 32% от общего мирового объема ВВП. К 2050 г. общий ВВП стран, заключивших соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве, может вырасти до 100 трлн долл.¹

Успех проекта ВРЭП обеспечили страны АСЕАН и Китай. Причем он интересен не только сам по себе, но и в сопоставлении с другим, не менее амбициозным — проектом Транстихоокеанского партнерства (ТТП), ныне Всеобъемлющего и прогрессивного Транстихоокеанского партнерства (ВПТТП).

ВРЭП, как и ВПТТП, предполагает либерализацию торговых и инвестиционных режимов, технологические обмены, защиту интеллектуальной собственности, разрешение торговых споров. Однако принципиальная разница между ними — в целях и подходах. Но если ВРЭП делает акцент на усилении экономической и торговой взаимосвязанности, то ВПТТП — на более радикальной либерализации торговли и имеет высокий «порог входа». Если ВРЭП может быть интересен практически всем странам региона, то ВПТТП — в основном крупным транснациональным корпорациям. Чего стоит, например, лишь одна статья Договора о ТТП, лишаящая государство права на участие в разрешении торговых споров. Или

статья, запрещающая передачу технологий при создании сборочных предприятий в других странах.

Такие положения ТПП были изначально неприемлемы, например, для Китая (который в ТПП и не звали). Но ТПП, на заключительном этапе своего создания, столкнулось с неприятным сюрпризом: в январе 2017 г. президент Трамп принял решение отказаться от участия в партнерстве. От этого решения в выигрыше оказался Китай, так как, самоустранившись из процесса создания многостороннего формата либерализации торговли и инвестиций в регионе, США, по сути, уступили Пекину пространство для упрочения своих амбиций и дали возможность играть более важную роль в выработке общих правил бизнеса.

Страны-участницы ТПП, в одночасье лишенные главного «бонуса» — доступа на американский рынок, — решили сменить название будущего объединения на «Всеобъемлющее прогрессивное Транстихоокеанское партнерство» (ВПТТП), таким образом подчеркнув то, что соглашение будет охватывать не только торговлю, но и сферы инвестиций, защиты интеллектуальной собственности, а также его «прогрессивность» и «передовой» характер в целом. Кстати, после этого Китай согласился участвовать в консультациях.

По мнению ряда российских экспертов, модель экономической интеграции, предлагаемая ВРЭП, отличается от других мегарегиональных блоков, предлагая более инклюзивную и открытую парадигму экономической интеграции по сравнению с ВПТТП или с исходной версией ТТП. Кроме того, ВРЭП, учитывая его масштабы, может взять на себя ведущую роль в создании координационной платформы для региональных интеграционных механизмов². При этом ряд стран АСЕАН входит как в одно, так и в другое интеграционное образование.

Что касается России, то высокий уровень обязательных требований, предполагавшихся соглашением по ТТП, явился серьезным барьером для ее подключения к партнерству (Россию, как и Китай, туда тоже не пригласили). Для России был неприемлем ряд тарифных ограничений по наиболее чувствительным товарным группам

в ее торговой структуре, а также нетарифные ограничения торговли, нормы регулирования которых в России в значительной степени отличаются от правил, предполагавшихся соглашением по ТТП: вопросы конкуренции, электронной коммерции, государственных закупок, интеллектуальной собственности, санитарных и фитосанитарных мер.

Не менее, а возможно, даже и более важным для России является то обстоятельство, что она, в отличие от таких торгово-экономических «гигантов», как США и Китай, в настоящее время заинтересована не столько в развитии либерализации региональной торговли, сколько в усилении ее прозрачности и торгово-экономической взаимосвязанности, создании справедливой, устойчивой и сбалансированной торгово-экономической системы в АТР, отвечающей приоритетам и уровню развития российской экономики, особенно ее экспортно-ориентированных товаропроизводящих отраслей.

Поэтому создание ВРЭП — хорошая новость для России и с геэкономической, и с геополитической точки зрения. Для опережающего социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и активизации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС также исключительно важно присоединение России к многосторонним институтам регионального развития, создаваемых Китаем, среди которых — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути.

Первый шаг навстречу ВРЭП уже сделан: ЕАЭС, включая Россию, подписал соглашения о зонах свободной торговли с Вьетнамом и Сингапуром, членами АСЕАН. А ВРЭП должно быть открыто для стран вне его зоны, в том числе партнеров по двусторонним соглашениям и свободной торговле.

Как отмечают в этой связи Е. Канаев и А. Королев, не менее важной задачей является развитие контактов между ЕАЭС и ВРЭП после завершения переговоров о его формировании. Цель предпринимаемых усилий должна состоять в мониторинге торговых и инвестиционных практик обеих инициатив, что в перспективе облегчит выстраивание межфирменных связей и альянсов между предпри-

тиями. Конечная цель таких усилий должна состоять в движении к Зоне свободной торговли ЕАЭС–АСЕАН, которая вобрала бы в себя лучшие практики и устранила бы обнаружившиеся недочеты ЗСТ ЕАЭС–Вьетнам³.

Помимо торгово-экономических аспектов, членство Китая во ВРЭП имеет и важные геополитические аспекты. По сути дела, Китай участвует в эксперименте по созданию общих правил для стран Восточной Азии, включая страны–члены АСЕАН. По мнению ряда экспертов, это так же важно, как вступление Китая в ВТО в 2001 г. Даже если ВРЭП регулирует свою экономическую активность лишь в краткосрочной перспективе, Китай видит долгосрочную важность следования общим региональным правилам⁴.

Историческое первенство АСЕАН в создании ВРЭП отражено в структуре внутреннего регулирования этого объединения. За его работой будет наблюдать «Объединенный комитет ВРЭП» с двумя сопредседателями: одним — от стран АСЕАН, другим — от стран, туда не входящих. Ежегодные заседания комитета будут проходить на ротационной основе, поочередно в одной из стран АСЕАН, а потом в стране, не являющейся членом АСЕАН⁵.

Анонсированная в мае 2022 г. инициатива «Индо-Тихоокеанской экономической основы для процветания» (*Indo-Pacific Economic Framework, IPEF*) стала логичным институциональным развитием новой Индо-Тихоокеанской стратегии США, принятой в феврале 2022 г. Она нацелена на сдерживание Китая и укрепление ВРЭП.

В документе заявлено: «Соединенные Штаты остаются инвестиционным партнером номер один в странах–членах АСЕАН, инвестируя больше, чем следующие три инвестиционных партнера Юго-Восточной Азии, вместе взятые»⁶.

Для США анонсированная многосторонняя инициатива — это последний шанс если не вернуть себе интеграционное лидерство, то хотя бы затормозить интеграционную активность Китая, предотвратить углубление повестки ВРЭП и, насколько это возможно, диверсифицировать цепочки поставок стратегически важных для США участников ВРЭП. Этот приоритет определяет и состав участ-

ников – присоединение к инициативе вышедшей из ВРЭП Индии и «системообразующего ядра» ВРЭП в лице Японии, Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и шести наиболее быстрорастущих стран АСЕАН.

При этом эксперты отмечают ряд особенностей китайской интеграционной стратегии «мягкой экспансии», когда по мере наращивания торговой зависимости партнеров от торговли с Китаем последний начинает инициировать пересмотр норм соглашений, углубление и расширение сфер и направлений либерализации, переходя от ограниченных сделок к комплексным соглашениям через систему дополнительных соглашений. Так было в случае соглашения с Гонконгом, которое в 2004 г. охватывало лишь несколько секторов услуг и инвестиции, и Макао; аналогично эволюционировало и соглашение с АСЕАН. Причем уровень преимущества интеграционного курса Китая, взятого два десятилетия назад, остается очень высоким.

По аналогичному сценарию может эволюционировать и ВРЭП. И хотя в нынешнем виде во ВРЭП фактически отсутствуют принципиально новые договоренности, а основное значение состоит в гармонизации норм ранее заключенных соглашений формата АСЕАН+ и унификации правил определения страны происхождения товаров, в перспективе не исключена дальнейшая либерализация торговли услугами, электронной коммерции и пр.

Если в торговле и цепочках поставок американцы пытаются идти по пути «догоняющего развития», играя на сдерживание Китая (еще больше набирающего обороты в контексте быстрого восстановления после острой фазы пандемии), то в области инвестиционной повестки США скорее действуют на опережение, стремясь сохранить высокую зависимость рынков ИТР от американских инвестиций (особенно в странах АСЕАН, где ПИИ из США суммарно превышают инвестиции из Китая, Японии и Южной Кореи)⁷.

Ян Сиюй, старший научный сотрудник Китайского института международных исследований, указывает на то, что *IPEF*, хотя содержит множество рыночных правил, которые соответствуют

взглядам АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион, на самом деле имеет политическую и стратегическую цель, направленную на то, чтобы сделать ее геостратегической, а не чисто экономической структурой. «США собираются использовать эту структуру, чтобы привлечь членов АСЕАН рыночной экономикой *IPEF*, а затем заставить их выбирать между Китаем и США»⁸.

У российских экспертов к экономической составляющей концепции ИТР еще больше вопросов. «Нет ясности, предполагает ли проект развитие трансграничной инфраструктуры на огромном пространстве Индо-Пасифики – что по определению затратно в финансовом отношении – и, если такое строительство планируется, какие страны, в каких объемах и на каких условиях будут его финансировать. Не прояснен вопрос и об институтах сотрудничества – ни одна из существующих на пространствах Тихого и Индийского океанов структур многосторонней дипломатии для этой задачи не подходит, а создавать новую без Китая бессмысленно»⁹.

К тому же, отмечают Е. Канаев и А. Королев, «проект ИТР может поставить Москву и Ханой по разные стороны баррикад. Малоприятным, но закономерным итогом станет потребность уточнить цель и содержание Всеобъемлющего стратегического партнерства РФ и СРВ, отталкиваясь не от риторики, а от практики конкретных дел». Как отмечают эксперты, в целом проект ИТР не дает России и АСЕАН дополнительного консолидирующего мотива и может разрушить ткань их взаимодействия, девальвируя усилия, которые стороны прилагали в течение десятилетий. Большое евразийское партнерство, напротив, открывает такие резервы диалога Россия–АСЕАН, осмысление глубины и масштабности которых только начинается¹⁰.

Китай и АСЕАН о механизмах региональной безопасности

Не менее важен сопоставительный анализ позиций КНР и АСЕАН по вопросам региональной безопасности. Со стороны АСЕАН ведущим механизмом многостороннего диалога по вопросам региональной безопасности в АТР является Региональный форум Ас-

социации государств Юго-Восточной Азии по безопасности (АРФ), образованный в 1994 г.

Форум объединяет 26 стран (Австралию, Бангладеш, Бруней, Вьетнам, Восточный Тимор, Индию, Индонезию, Камбоджу, Канаду, Китай, КНДР, Лаос, Малайзию, Монголию, Мьянму, Новую Зеландию, Пакистан, Папуа–Новую Гвинею, Республику Корея, Россию, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Шри-Ланку и Японию), а также Евросоюз. Председателем АРФ является министр иностранных дел страны, председательствующей в АСЕАН.

За годы со времени создания деятельность АРФ приобрела упорядоченный и хорошо структурированный характер. Она включает в себя обсуждение и реализацию мер транспарентности и доверия в регионе, превентивную дипломатию и создание механизмов предотвращения и урегулирования региональных конфликтов.

Основные направления деятельности АРФ – противодействие терроризму и транснациональной преступности, чрезвычайное реагирование, нераспространение и разоружение, морская безопасность. По каждому из этих направлений под со-председательством стран–членов АСЕАН и партнеров по диалогу раз в год проводится соответствующая Межсессионная встреча. Практическая работа ведется в рамках профильных Рабочих планов АРФ, утверждаемых на два-три года¹¹.

США стремятся сформировать в регионе военно-политические структуры в сфере региональной безопасности, по существу, альтернативные разработанным АСЕАН. К ним можно отнести четырехсторонний диалог по вопросам безопасности между США, Австралией, Индией и Японией (*QUAD*) и трехстороннее партнерство *AUKUS*.

Впервые идея *QUAD* прозвучала в 2007 г. как некая умозрительная конструкция. С приходом Дональда Трампа концепция *QUAD* обрела второе дыхание, и в ней все более отчетливо стала угадываться антикитайская составляющая. В 2018 г. Тихоокеанское командование США было переименовано в Индо-Тихоокеанское, и процесс «оформления» *QUAD* и Индо-Тихоокеанского партнерства пошел полным ходом.

Однако до формирования такого азиатского военного блока еще далеко, если таким планам вообще суждено сбыться, и тому есть ряд причин.

Во-первых, этому препятствуют правовые ограничения в пацифистской конституции Японии, а также традиционная политика неприсоединения Индии. Индия наверняка будет последней из тех, кто захочет хотя бы обсуждать этот вопрос.

Во-вторых, страны *QUAD* настолько тесно зависят от торгово-экономических отношений с Китаем, что вряд ли захотят портить с ним отношения из-за антикитайской риторики и политики Вашингтона: Китай был в 2019 г. главным импортером для товаров из Австралии, вторым по значению для товаров из Японии и третьим – для Индии.

В-третьих (и это главное), время традиционных военно-политических альянсов уходит в прошлое, и *QUAD* не является исключением. Для США это попытка «реинкарнации» системы союзнических отношений, которая была создана в Восточной Азии по итогам Второй мировой войны. Именно она породила взаимное отчуждение, территориальные споры и конфликты, законсервировала атмосферу холодной войны в регионе.

Тем не менее, по прогнозам экспертов, в обозримой перспективе четыре партнера с большой долей вероятности будут участвовать в оперативном сотрудничестве и координации без формальных договоренностей о союзе. Это даст им большую гибкость в практическом плане и позволит разрабатывать средства для совместной координации стратегий¹².

В октябре 2021 г. состоялся первый в истории очный саммит четверки *QUAD* в Вашингтоне. Его участники договорились о сотрудничестве в сфере безопасности, обмене спутниковыми данными и развитии сетей 5G. В совместном заявлении также говорилось о намерении провести учения по борьбе с пандемией в 2022 г., о планах по координации политики в отношении Афганистана и о запуске партнерства в области инфраструктуры, в том числе с Европейским союзом.

Несмотря на то что принимающая сторона, Белый дом, заявила, что участники саммита стремятся «создать свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион», очевидно, что все четыре страны объединило другое — у каждой есть проблемы с Китаем, а США уже объявили Китай своим главным стратегическим соперником.

Поэтому многие не без основания усмотрели за саммитом «четверки» антикитайскую направленность, тем более в контексте недавно продекларированного партнерства *AUKUS*. В сентябре 2021 г. США, Великобритания и Австралия объявили о создании трехстороннего пакта *AUKUS*, в рамках которого американцы и британцы намерены помочь австралийцам обзавестись атомными подводными лодками.

Новость о создании *AUKUS* в АСЕАН встретили с нескрываемым скептицизмом. Из десяти ее членов Индонезия и Малайзия выразили наибольшую обеспокоенность тем, что договор, который позволит Австралии приобретать атомные подводные лодки, может усилить региональную напряженность и повысить риск конфликта. Индонезия заявила, что «глубоко обеспокоена продолжающейся гонкой вооружений и демонстрацией силы в регионе», а премьер-министр Малайзии Исмаил Сабри Якоб предупредил, что *AUKUS* рискует «спровоцировать другие великие державы на более агрессивные действия».

В этой связи Бен Бланд, директор программы Института Лоуи в Юго-Восточной Азии, заявил, что страны АСЕАН опасаются, что приобретение атомных подводных лодок поставит Австралию на путь распространения ядерного оружия. «Они обеспокоены тем, что такое наращивание военной мощи вызовет конфликт на их заднем дворе и они не имеют большого права голоса в этом»¹³.

Ряд стран, включая Китай, призвали проверить договор между США, Австралией и Великобританией по продаже технологий атомных подводных лодок на предмет соответствия этого соглашения Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Эту озабоченность полностью разделил министр иностранных дел РФ Сергей Лавров, который обратился к самой сути проблемы:

«МАГАТЭ отвечает за режим нераспространения и за обеспечение того, что ядерная деятельность не переключается на военные нужды. Для подводной лодки уран должен обогащаться до девяноста процентов. Это оружейный уран. Наверное, нам придется попросить экспертизу МАГАТЭ»¹⁴.

В сентябре 2022 г. главой МАГАТЭ был представлен доклад в отношении сотрудничества между США, Великобританией и Австралией в рамках пакта *AUKUS*, который подвергся критике с китайской стороны. Как указали в постоянном представительстве Китая при Отделении ООН в Вене, доклад не имеет надлежащей правовой основы. В нем выборочно цитируются оправдательные заявления стран *AUKUS*, при этом не учитываются основные опасения международного сообщества по поводу рисков распространения ядерного оружия, связанных с трехсторонней сделкой. В докладе также проигнорирована официальная позиция многих стран о том, что *AUKUS* нарушает цель Договора о нераспространении ядерного оружия¹⁵.

В целом можно согласиться с экспертами, которые отмечают слабость и непроработанность проекта ИТР с военно-политической точки зрения. Как отмечает, например, А. Цветов, «энтузиазм стран вроде Вьетнама и Сингапура по поводу “силового” в своей изначальной задумке формата США–Индия–Япония–Австралия станет новым свидетельством слабости того самого регионального “порядка, основанного на правилах” (*rules-based order*), который “четверка” вроде как собирается защищать. Получается, что отстаивать верховенство международного права будут не универсальные для участия многосторонние механизмы, а полузакрытые “коалиции желающих”»¹⁶.

Китай, АСЕАН и концепции Индо-Тихоокеанского региона

Отношение Китая и АСЕАН к проекту Индо-Тихоокеанского региона далеко не однозначно, поскольку инициаторы ИТР (США, Япония и др.) выступили с претензией на лидерство в многосторон-

них консультационных механизмах безопасности в АТР и регионе Южной Азии, при том что АСЕАН настаивает на своей «центральной роли» в их работе.

В АСЕАН понимали, что если Ассоциация не выдвинет свою региональную концепцию, то продвижение западных стратегий ИТР отодвинет ее на обочину определения норм и правил многостороннего взаимодействия и она потеряет свое лидерство в таких форматах, как Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), Совещание министров обороны АСЕАН с партнерами по диалогу («СМОА плюс»), а также форматах «АСЕАН плюс один» (отношения «десятки» с каждым из ее диалоговых партнеров).

По инициативе Индонезии Ассоциация в 2019 г. приняла свой документ — «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» (*ASEAN Outlook on Indo-Pacific*). В итоговом заявлении саммита члены АСЕАН подтвердили «центральность, инклюзивность, взаимодополняемость АСЕАН, основанный на правилах и международном праве порядок, а также приверженность продвижению экономического взаимодействия в регионе в качестве основных принципов перспективы ассоциации в ИТР». «В этом отношении механизмы под руководством АСЕАН могут служить платформой для диалога и осуществления сотрудничества в ИТР, — отмечается в итоговом заявлении. — Мы призвали внешних партнеров поддержать и начать сотрудничество с АСЕАН в ключевых областях»¹⁷.

В документе АСЕАН говорится: «Юго-Восточная Азия находится в центре этих динамичных регионов и является очень важным проводником и порталом к ним. Поэтому в интересах АСЕАН возглавить формирование своей архитектуры экономики и безопасности и обеспечить, чтобы такая динамика продолжала приносить мир, безопасность, стабильность и процветание народам Юго-Восточной Азии, а также Азиатско-Тихоокеанского и Индо-Тихоокеанского регионов в целом»¹⁸.

Еще на этапе разработки «Видения» эксперты предупреждали о негативных последствиях фиксации в названии документа «ин-

до-тихоокеанской» терминологии, справедливо опасаясь того, что западные страны, и прежде всего США, воспользуются этим терминологическим совпадением, чтобы поставить знак равенства между своими стратегиями ИТР и «Видением» АСЕАН. Однако разработчики документа сочли, что на Западе попросту «одолжили» у АСЕАН «индо-тихоокеанскую» идею, вложив в нее свое геополитическое содержание.

Вышеуказанные прогнозы оправдались. После публикации «Видения» АСЕАН американские, японские и австралийские политики и дипломаты начали говорить о его «совпадении» со своими собственными стратегиями ИТР.

Между тем сравнение содержания западных доктрин ИТР с «Видением» АСЕАН свидетельствует о глубокой разнице в их содержании. Например, в «Видении» задекларированы такие принципы, как укрепление центральной роли АСЕАН, открытость, транспарентность, инклюзивность, уважение суверенитета, равенство, верховенство международного права. А в американской стратегии ИТР цель политики в этом регионе формулируется как «поддержка стратегического превосходства США»¹⁹.

В этой связи глава МИД КНР заявил, что АСЕАН предложила собственную перспективу и концепцию относительно регионального сотрудничества, многие принципы и идеи которых полностью совпадают с воззрением китайской стороны: «твердо придерживаться центрального положения АСЕАН; твердо придерживаться открытости, инклюзивности и прозрачности; твердо придерживаться диалога, а не противостояния; усиливать развитие экономического сотрудничества, укреплять взаимосвязанность, а также осуществлять всеобщее процветание»²⁰.

Данное заявление фиксирует близость позиций Китая и АСЕАН, тем более что военно-политическая составляющая проекта ИТР, так называемая *QUAD*, явно носит антикитайский характер.

Судя по различным направлениям политики администрации Байдена, китайские эксперты приходят к выводу о том, что объединение союзников и партнеров для противодействия региональному

влиянию Китая стало основной целью «Индо-Тихоокеанской стратегии». В результате смещения глобального стратегического фокуса США их новая Индо-Тихоокеанская стратегия включает безопасность, экономику, новые технологии, строительство инфраструктуры и другие аспекты в стремлении сделать эту стратегию многозадачной, междисциплинарной.

Продвижение США своей Индо-Тихоокеанской стратегии побудило страны за пределами региона последовать их примеру, особенно европейских союзников США. С 2019 г. Франция, Германия, Нидерланды и Европейский союз последовательно сформулировали стратегические документы по Индо-Тихоокеанскому региону, стремясь усилить свое присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе. Хотя Европа делает упор на «стратегическую автономию» и уделяет больше внимания укреплению экономических связей в своем диалоге с АСЕАН в рамках повестки дня США, ориентированной на региональную безопасность, и их тесного сотрудничества с Европой, будущая региональная политика и действия Европы вряд ли станут полностью независимыми от США.

В мае 2022 г. в Вашингтоне прошел специальный саммит США–АСЕАН, посвященный 45-летию диалогового партнерства между США и АСЕАН, который, по заявлению Белого дома, «продемонстрировал странам АСЕАН неизменную приверженность Америки региону». Лидеры АСЕАН и президент Байден обсудили взаимодействие в области здравоохранения, изменения климата, морского сотрудничества и экономических связей, а также «перспективы установления взаимовыгодного стратегического партнерства между АСЕАН и США».

Комментируя результаты саммита, китайские эксперты отметили, что «возвращение» администрации Байдена в Юго-Восточную Азию номинально направлено на возвращение к многосторонности и развитию сотрудничества между США и странами региона, но на деле способствует дальнейшему разделению и дисбалансу в регионе. «В русле своей Индо-Тихоокеанской стратегии США занимают замкнутыми “малыми кружками” и “клубами” в регионе.

Это привело к тому, что давнее давление на страны АСЕАН с целью “выбрать чью-то сторону” в стратегическом соперничестве между Китаем и США не исчезло, а усугубилось»²¹.

По мнению некоторых китайских ученых, «Соединенные Штаты никогда не добьются “свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона” путем разжигания конфронтации и создания антикитайского “малого круга”, а будут лишь наносить новые удары по региональному и даже глобальному порядку»²².

22 февраля 2022 г. в качестве председательствующей в ЕС Франция созвала государства–члены ЕС и пригласила представителей десятков стран Индо-Тихоокеанского региона и региональных организаций провести первый Форум сотрудничества Индо-Тихоокеанского региона на уровне министров под руководством ЕС. Одним из основных моментов этой встречи явилось то, что в ней приняли участие все страны АСЕАН, кроме Мьянмы, которая находится под санкциями ЕС, среди других участников было большое количество островных стран Индийского океана и южной части Тихого океана, а также соответствующие организации регионального сотрудничества. У них есть консенсус с ЕС в отношении недопущения конкуренции между Китаем и Соединенными Штатами и есть возможности для сотрудничества в таких областях, как изменение климата, борьба с загрязнением, рыболовство и помощь в целях развития. Позиция этих акторов определит, сможет ли ЕС действительно установить характеристики и основу своего индо-тихоокеанского стратегического сотрудничества.

Продвижение Европейским союзом своей индо-тихоокеанской политики может столкнуться с проблемами. Военное присутствие Евросоюза в Индийском океане будет неоднозначно воспринято в Индии и вряд ли получит поддержку АСЕАН, особенно в случае предполагаемых военных операций в Южно-Китайском море. Политика ЕС, по сути, исключает Китай, важную индо-тихоокеанскую страну, из политического «партнерского круга», что затруднит плавное развитие его сотрудничества в регионе»²³.

АСЕАН и американо-китайская стратегическая конкуренция

Как самая динамичная и успешная региональная организация, АСЕАН играет уникальную роль в китайско-американской конкуренции. Хотя ряд механизмов под руководством АСЕАН и «путь АСЕАН» имеют определенные ограничения, в последние годы АСЕАН берет на себя инициативу и реагирует активно и предусмотрительно, и ее политический выбор не только напрямую повлияет на ее отношения с Соединенными Штатами.

Юго-Восточная Азия является основным регионом для продвижения американской индо-тихоокеанской стратегии и китайской «Инициативы пояса и пути», и для Китая понимание влияния АСЕАН на конкуренцию между Китаем и США в регионе поможет лучше понять динамичные изменения в АСЕАН и улучшить качество сотрудничества Китая с ней.

Как региональная организация, состоящая из малых и средних стран, АСЕАН всегда была очень чувствительна к конкуренции крупных держав. Это результат неравенства в комплексной национальной мощи, а также того, что страны региона имеют глубокую историческую память о соперничестве великих держав. В годы холодной войны противостояние США и СССР стало причиной региональных войн, сильно затронувших страны АСЕАН. Конкуренция между США и Китаем обостряется.

Ввиду влияния географического положения, внутренней политики, политики союзов и других факторов АСЕАН уделяет пристальное внимание тенденциям развития китайско-американских отношений. При этом существуют индивидуальные различия в восприятии странами китайско-американской конкуренции, например, со стороны стран, вовлеченных в территориальные споры в Южно-Китайском море, и стран, не вовлеченных в них. Также есть различия в позициях стран с разным политическим строем и разным уровнем экономического развития.

Конкуренция между Китаем и США является ключевой переменной, влияющей на региональный и глобальный порядок. Она на-

носит серьезный ущерб региональной и международной среде, от которой зависит АСЕАН. Усиление китайско-американского соперничества вызывает растущую обеспокоенность относительно региональной политической безопасности и экономического развития. Опрос Института исследований Юго-Восточной Азии Сингапура, проведенный с 2019 по 2021 г., показал: доля респондентов, обеспокоенных тем, что АСЕАН станет местом или площадкой для соперничества великих держав, увеличилась с 62 до 69,1%. В 2020 г. она достигала 73,2%.

Однако в АСЕАН считают, что обострение конкуренции между Китаем и США фактически поставило АСЕАН перед дилеммой «выбора стороны». Учитывая, что ни Китай, ни США в настоящее время не являются доминирующей силой в Юго-Восточной Азии, стратегия баланса между великими державами по-прежнему актуальна. Однако реакция АСЕАН будет сдерживаться рядом внутренних и внешних факторов. Администрация Байдена надеется построить систему, конкурирующую с Китаем, объединив «страны-единомышленники», и отдельные страны АСЕАН также являются ключевым фактором такой политики²⁴.

Частью стратегической конкуренции США и КНР в регионе являются и их двусторонние отношения. Показательным примером может служить Индонезия. В июле 2022 г. президент Индонезии Джоко Видодо посетил Пекин и провел переговоры с председателем КНР Си Цзиньпином, которые были сосредоточены на укреплении экономического сотрудничества, торговли и инвестиций. Объем торговли между Индонезией и Китаем в 2021 г. превысил 120 млрд долл., подтвердив статус Китая как крупнейшего торгового партнера Индонезии. Импорт Индонезии из Китая в пять раз превышает общий объем экспорта США в Индонезию. Китай заявил о готовности участвовать в строительстве новой столицы Индонезии и промышленного парка Северный Калимантан, высокоскоростной железной дороги Джакарта–Бандунг, расширении сотрудничества в области финансирования развития и создания новых точек роста в области цифровой экономики и зеленого развития.

Обозреватели отмечают также, что в 2022 г. Индонезия принимает у себя саммит G20 и будет председательствовать в АСЕАН в следующем году, отвечая за координацию основных региональных и международных вопросов между государствами-членами, включая ситуацию вокруг Украины. Как урегулировать различные позиции стран G20, избежать конфронтации и координировать действия членов АСЕАН, чтобы сохранить единство, а не выбирать чью-либо сторону, — все это сложные вопросы, с которыми придется столкнуться Индонезии. «В мировой ситуации, полной нездоровой конкуренции и ослабления ценности многосторонности, Индонезия фактически будет более активно укреплять дух сотрудничества, солидарности и мира», — заявил министр иностранных дел Индонезии.

Показательно, что в эти же дни с визитом в Индонезии находился председатель комитета начальников штабов США Марк Милли. *Financial Times* сообщила, что визит Милли в Джакарту был направлен на то, чтобы убедить регион в том, что Соединенные Штаты намерены сохранить сильное присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе для противодействия Китаю. Это, по мнению китайских экспертов, показывает, что США будут еще больше усиливать свою очевидную конкуренцию и существенную конфронтацию с Китаем и Вашингтон стремится создать региональную среду вокруг Китая, благоприятную для США. При этом страны Юго-Восточной Азии всегда стремились к балансу между крупными державами, но сейчас Соединенные Штаты не желают видеть Юго-Восточную Азию, которая опирается как на Соединенные Штаты, так и на Китай. Что касается Китая, то развитие его отношений со странами Юго-Восточной Азии основано не на геополитической перспективе, а на внутренней мотивации развития и потребностях обеих сторон. А китайский ученый Вэй Чжэньюй в беседе с журналистами заявила, что ни страны АСЕАН, ни весь регион Юго-Восточной Азии не должны позволять Соединенным Штатам доминировать в своих внутренних делах или региональной политике. «Китай — сосед, от которого АСЕАН не может отойти»²⁵.

Администрация Байдена понимает, что путь, ориентированный на традиционную геостратегическую конкуренцию, приведет лишь к ограниченному эффекту реализации своей Индо-Тихоокеанской стратегии, поэтому она не подчеркивает роль жесткой силы США в других областях, помимо геополитики, как это делала администрация Трампа. В новой версии Индо-Тихоокеанской стратегии администрация Байдена не использует традиционную концепцию баланса сил, а вместо этого делает акцент на «балансе влияния» в пользу США.

Администрация Байдена придает большое значение конкуренции за влияние, расширяя круг союзников и партнеров, подчеркивая, что США будут уделять внимание «каждому уголку региона», включая Северо-Восточную Азию, Юго-Восточную Азию, Южную Азию, Океанию и тихоокеанские острова. Администрация Байдена также считает, что конкуренция между США и Китаем носит «глобальный характер», и поэтому подчеркивает «координацию внутри и за пределами Индо-Тихоокеанского региона», особенно участие ключевых союзников США в Европе (включая НАТО).

В то же время Соединенные Штаты стремятся использовать различные конкурентные инструменты для поддержки своих союзников и партнеров, включая усиление влияния ценностей, ускорение технологических инноваций и обмена, а также декларируя содействие по укреплению традиционной и нетрадиционной безопасности.

Администрация Байдена надеется взять на себя инициативу в прилегающих к Китаю районах, расширив поле конкуренции, но игнорирует тот факт, что во многих новых областях, особенно в сфере регионального сотрудничества, Китай обладает большими географическими и сравнительными преимуществами, поэтому Соединенные Штаты столкнутся с дилеммой «навязывания затрат».

Со своей стороны, Китай будет стремиться концентрировать ресурсы в сферах экономики, инфраструктуры, традиционной и нетрадиционной безопасности, «бороться с «высокой конкуренцией» со стороны США и их союзников и партнеров, которые напрямую

угрожают территориальной и суверенной целостности Китая. Только демонстрация существования «низкой конкуренции» повысит способность Китая формировать ситуацию и выигрывать инициативу». В то же время Китаю и Соединенным Штатам необходимо поддерживать диалог и общение, искать точки соприкосновения при сохранении разногласий²⁶.

Индо-Тихоокеанская стратегия США декларирует желание «работать с АСЕАН, чтобы повысить ее устойчивость в качестве ведущего регионального института». Однако в списке региональных партнеров страны АСЕАН упомянуты по отдельности. Также говорится о желании развивать отношения с «союзниками и партнерами за пределами региона», прежде всего с ЕС и НАТО, чтобы «согласовывать наши подходы и реализовывать наши инициативы в координации для увеличения эффективности»²⁷.

Заключение

Таким образом, две независимые переменные, т.е. экономический рост и сеть региональных платформ, сыграли важную роль в том, чтобы придать АСЕАН центральную роль в регионе. Сегодня АСЕАН стала пятой по величине экономикой в мире и, по прогнозам, станет четвертой в 2030 г. Торговля между АСЕАН и Китаем выросла в беспрецедентных масштабах с 9 млрд долл. США в 1991 г. до 685 млрд долл. США в 2020 г. В 2020 г. АСЕАН стала крупнейшим торговым партнером Китая, обогнав ЕС. Также АСЕАН укрепила свои позиции, взаимодействуя с крупными державами через свои платформы для диалога, такие как Региональный форум АСЕАН (ARF), «АСЕАН плюс шесть», Восточноазиатский саммит (EAS) и др.²⁸

Пекин стремится противостоять усилению американских партнерств в области безопасности, таких как *QUAD* и *AUKUS*, поддерживая центральную роль и региональные институты АСЕАН.

Однако, по мнению экспертов, центральная роль АСЕАН в долгосрочной перспективе может создать проблемы и для собственной стратегии Китая в отношении Юго-Восточной Азии. «Централь-

ная роль АСЕАН предполагает, что Китай не может доминировать в Юго-Восточной Азии и вытеснить США и Японию из региона. Перспективы АСЕАН отвергают не только военный блок, возглавляемый США, но и региональную структуру, возглавляемую Китаем. Стратегическая цель Китая в Юго-Восточной Азии — создать «Сообщество общей судьбы» путем продвижения китаецентристского экономического и политического регионального порядка»²⁹.

Однако в целом позиции АСЕАН и Китая по вопросам региональной экономической интеграции и региональной безопасности достаточно близки, чтобы служить основой для их взаимодействия и сотрудничества. В то время как АСЕАН еще стремится выработать окончательную позицию по вопросам индо-тихоокеанского партнерства, предлагаемого США, для Китая взаимодействие с АСЕАН во многом обусловлено сбалансировать эту концепцию, которая, как считают в Пекине, носит антикитайский характер.

Примечания

- ¹ Страны АСЕАН и их торговые партнеры подписали крупнейшее в мире соглашение о свободной торговле. URL: <http://classic.newsru.com/finance/15nov2020/aseanandpartners.html> (дата обращения: 28.04.2022).
- ² Лисоволик Я. ВРЭП: ключевая веха в развитии мегарегионализма. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/vrep-klyuchevaya-vekha-v-razvitiimegaregionalizma/> (дата обращения: 28.04.2022).
- ³ Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 1. С. 39.
- ⁴ *Oba Mie*. Signing of the RCEP and the Future Asian Order // *The Diplomat*. URL: <https://thediplomat.com/2020/12/signing-of-the-rcep-and-the-future-asian-order/> (accessed: 28.04.2022).
- ⁵ *Brian Gold*. Multilateralism Makes a Comeback: the RCEP, Canada, and China. URL: <https://www.asiapacific.ca/publication/multilateralism-makes-comeback-rcep-canada-and-china> (accessed: 28.04.2022).
- ⁶ Ibid.
- ⁷ *Арапова Е.* Индо-Тихоокеанская экономическая структура: американский ответ ВРЭП? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analy->

- tics/pryzhok-aziatskikh-tigrov-vv-prostranstvo-megaregionov/ дата обращения: 28.04.2022).
- ⁸ Zhang Hui, Xu Yeli and Bai Yunyi. US eyes 'luring' ASEAN to 'decouple from China' with its Indo-Pacific economic framework. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202205/1265514.shtml> (accessed: 28.04.2022).
- ⁹ Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций. 2019. Т. 12. № 1. С. 39.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Региональный форум АСЕАН по безопасности. URL: <https://asean.mgimo.ru/asean/regional-forums> (дата обращения: 28.04.2022).
- ¹² Портякова Н. Один за всех и против одного: как страны QUAD противостоят Китаю. URL: <https://iz.ru/1067356/nataliia-portiakova/odin-za-vsekh-i-protiv-odnogo-kak-strany-quad-protivostoiat-kitaiu> (дата обращения: 28.04.2022).
- ¹³ Máláixiyà jiāng yǔ zhōngguó tāolùn AUKUS dūncù àozhōu xiāochú dōngméng dānyōu [Аманда Ходж. Малайзия обсудит AUKUS с Китаем и призывает Австралию развеять опасения АСЕАН]. URL: <https://cn.theaustralian.com.au/2021/09/24/59099/>.
- ¹⁴ Пресс-конференция Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам недели высокого уровня 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2021 года. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4867149 (дата обращения: 28.04.2022).
- ¹⁵ Доклад главы МАГАТЭ по пакту AUKUS не имеет правовой основы – постпредство Китая при Отделении ООН в Вене. URL: <https://russian.news.cn/20220914/ac0fc65d1f7e4681bdde110caf7fc39/c.html> (дата обращения: 15.09.2022).
- ¹⁶ Цветов А. Индо-Тихоокеанский фронт: зачем на геополитической карте появился новый регион и что это сулит России? URL: <https://carnegie.ru/commentary/75706> (дата обращения: 28.04.2022).
- ¹⁷ АСЕАН утвердила перспективы в Индо-Тихоокеанском регионе с ведущей ролью блока в нем. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6582260> (дата обращения: 28.04.2022).
- ¹⁸ ASEAN Outlook on the Indo-Pacific. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Outlook-on-the-Indo-Pacific_FINAL_22062019.pdf (accessed: 28.04.2022).
- ¹⁹ Иванов А. Американский слон и европейские кролики в Азии. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/amerikanskiy-slon-i-evropeyskie-kroliki-v-azii/> (дата обращения: 28.04.2022).
- ²⁰ Ван И изложил позицию Китая в отношении концепции Индо-Тихоокеанского региона. URL: http://russian.news.cn/2019-08/01/c_138273510.htm (дата обращения: 28.04.2022).
- ²¹ Géhóngliàng: Dōngméng bù huì chéngwéi “yìn tài zhànlüè” qíz láiyuán [Гэ Хун-лян: АСЕАН не станет пешкой в «Индо-Тихоокеанской стратегии»]. URL: <https://opinion.huanqiu.com/article/47fAL3m6XMY>.
- ²² Sūnchéngzhào, ángjīngshū. Měi chōngshí “yìn tài zhànlüè” jiājù duì yàtài pòhuài. [США дополняют Индо-Тихоокеанскую стратегию, усиливая ущерб для АТР]. URL: <http://www.nanhai.org.cn/search-detail/12025/1.html> (дата обращения: 28.04.2022).
- ²³ Guó yán yuàn fābù. Fùdàn ōuzhōu guānchá (shíshí): Ōuméng “yìn tài” hézuò lùntán wèihé méi yāoqǐng zhōng měi liǎng guó? Fùdàn dàxué guóji wèntí yán jiū yuán. [Почему на Форум индо-тихоокеанского сотрудничества не пригласили Китай и США? Институт международных исследований Фуданьского университета]. URL: <https://fdi.fudan.edu.cn/9e/14/c21257a433684/page.htm> (дата обращения: 28.04.2022).
- ²⁴ Dōngméng duì zhōng měi jìngzhēng de rèn zhī y yìngduì yáng yuè [Ян Юэ. Познание АСЕАН и ответ на китайско-американскую конкуренцию]. URL: <https://www.ciis.org.cn/gjwtyj/dqqk/202107/P020210719448089523171.pdf>.
- ²⁵ Zuōkē dōngyà zhī xíng shǒu zhàn dào zhōngguó, yìnnì xuézhě: Zhōngguó shì dōngméng bān bù zǒu de línjū [Первая остановка поездки Джоко Видодо в Восточную Азию – Китай, индонезийский ученый: Китай – сосед, от которого АСЕАН не может отойти]. URL: http://cn.chinadiplomacy.org.cn/2022-07/27/content_78343207.html.
- ²⁶ Lǐ Chén: Bàidēng zhèngfǔ zhèngshì chūtái “yìn tài zhànlüè”. [Ли Чэнь: администрация Байдена официально обнародовала Индо-Тихоокеанскую стратегию]. URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/mggc/4651> (дата обращения: 28.04.2022).
- ²⁷ Indo-Pacific Strategy of the United States. February 2022. The White House, Washington. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/02/U.S.-Indo-Pacific-Strategy.pdf> (accessed: 28.04.2022).
- ²⁸ Anubha Gupta. Is AUKUS the New ASEAN in the Indo-Pacific? URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/is-aukus-the-new-asean-in-the-indo-pacific/> (accessed: 28.04.2022).
- ²⁹ Zhuoran Li. What Does ASEAN Centrality Mean to China? URL: <https://thediplomat.com/2022/06/what-does-asean-centrality-mean-to-china/> (accessed: 28.04.2022).

Глава 4

Политика США в отношении Ассоциации стран Юго-Восточной Азии

АННОТАЦИЯ: В главе рассматривается политика США в отношении АСЕАН как организации. Анализируется роль американской дипломатии в образовании Ассоциации, совпадение интересов двух сторон в противостоянии региональной политике правительства Китайской Народной Республики. Прослеживается процесс институализации и концептуализации отношений США с АСЕАН, определяется место АСЕАН в инициативах президентов США в первом десятилетии XXI в. С самого начала и до сего дня Белый дом рассматривает Ассоциацию как важный инструмент сохранения своих главенствующих позиций в экономике и политике западной части Тихого океана, как партнера в противодействии коммунистическому Китаю. За 45 лет официального сотрудничества США выработали целостный системный подход, который вообрал в себя различные программы взаимодействия в области экономики, региональной безопасности и гуманитарных связей. При этом следует признать, что Белый дом больше нацелен на развитие прямых связей с отдельными государствами-членами АСЕАН, но, выступая единым блоком, Ассоциации удается нейтрализовать некоторые гегемонистские поползновения Вашингтона. Белому дому удалось добиться от АСЕАН как организации поддержки своего внешнеполитического дискурса. Совместные документы США-АСЕАН содержат такие понятия, как «Индо-Тихоокеанский регион», «международный порядок, основанный на правилах», «свобода

морской навигации и авиаперелетов» и др. Кроме того, следует отметить, что правительство США признает центральную роль АСЕАН в Индо-Тихоокеанском регионе. Обе стороны сохраняют высокую степень заинтересованности в развитии отношений, обуславливая это необходимостью новых взаимовыгодных форм торгово-экономических связей, поддержания баланса в области региональной безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: США, АСЕАН, Китай, Россия, Барак Обама, Дональд Трамп, Джо Байден, Индо-Тихоокеанский регион, КВАД, COVID-19.

ABSTRACT: The chapter examines the US policy towards ASEAN as an organization. The article analyzes the role of American diplomacy in the formation of the association, the coincidence of the interests of the two sides in countering the rise of CPR. The process of institutionalization and conceptualization of US relations with ASEAN is traced, the place of ASEAN in the initiatives of US presidents in the 10th years of the XXI century is determined. From the very beginning to the present day, the White House considers the association as an important tool for maintaining its dominant position in the economy and politics of the Western Pacific, as a partner in countering communist China. Over 45 years of official cooperation, the United States has developed a holistic systematic approach that has incorporated various cooperation programs in the field of economics, regional security and humanitarian ties. At the same time, it should be recognized that the White House is more focused on developing direct ties with individual ASEAN member states, but by acting as a single bloc, the association manages to neutralize some of Washington's hegemonic overtures. The White House managed to get ASEAN, as an organization, to support its foreign policy discourse. The US-ASEAN joint documents contain such concepts as «Indo-Pacific region», «rules-based international order», «freedom of maritime navigation and air travel», etc. On the other hand, it should be noted that the US government recognizes the central role of ASEAN in the Indo-Pacific region. Both sides maintain a high degree of interest in the development of relations, conditioned by the need for new mutually beneficial forms of trade and economic ties, maintaining a balance in the field of regional security.

KEYWORDS: USA, ASEAN, China, Russia, Barack Obama, Donald Trump, Joe Biden, Indo-Pacific Region, QUAD, COVID-19.

Введение

ТРУДНО подвергнуть сомнению актуальность для сборника, посвященного 55-летию АСЕАН, исследования отношения к этой организации США – страны, с самого начала поддержавшей эту организацию и до сего времени уделяющей особое внимание данному направлению. Несмотря на то что и российские (Г.М. Локшин и коллеги¹), и зарубежные эксперты (К.С. Натан²) отмечают особую важность для США отношений с АСЕАН, работ, освещающих эту связь, немного.

Задачей автора данной статьи было определить цели американской политики в отношении АСЕАН, показать механизмы и институты сотрудничества США с АСЕАН, оценить результативность асеановского направления американской дипломатии, в том числе в сравнении с отношениями с АСЕАН таких государств, как КНР и Российская Федерация.

Американский фактор в образовании и функционировании АСЕАН

С самого начала своей деятельности АСЕАН встретила не только благожелательное отношение со стороны США, но и в значительной степени поддержку. Внимание американской дипломатии к региональному объединению стран Юго-Восточной Азии стало проявляться даже раньше, чем АСЕАН официально оформилась. Еще в 1963 г. американский политолог Р. Файфил писал: «В свете меняющейся обстановки некоммунистическим странам региона следовало бы взять на себя обязательства по созданию договора коллективной безопасности. К нему должны присоединиться все государства ЮВА от Филиппин до Бирмы и Индонезии. Учитывая национальные чувства его участников, договор мог бы носить название Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)... Несмотря на то что США не будут входить в предлагаемый договор безопасности ЮВА, они могли бы дать обещание использовать по просьбе членов

АСЕАН свои вооруженные силы для защиты и неприкосновенности ее членов в случае вооруженной агрессии извне»³.

Под меняющейся обстановкой нужно понимать подъем антиимпериалистического движения в регионе, прежде всего в таких странах, как Вьетнам и Лаос, которое в значительной мере поддерживалось китайскими коммунистами. Тем не менее АСЕАН появилась в 1967 г. вовсе не как региональный договор безопасности, хотя интересы защиты суверенитета, политической стабильности в странах ЮВА стояли в первом ряду повестки дня.

С подписанием в Бангкоке в августе 1967 г. министрами иностранных дел Индонезии, Малайзии, Таиланда, Филиппин и Сингапура декларации об образовании Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) начинается не только история этой организации регионального сотрудничества, но и появление важного субъекта мировой политики и экономики. С учетом особой роли региона Юго-Восточной Азии на сам факт образования АСЕАН не могли не обратить внимания в столицах ведущих мировых держав, в том числе в Вашингтоне. Администрация Л. Джонсона положительно отнеслась к появлению Ассоциации. Как отмечала американская исследовательница Кармиа Кэррол, такая позиция Белого дома объяснялась тем, что Ассоциация была «прозападной, антикоммунистической и преданной свободному предпринимательству»⁴. Вскоре после образования АСЕАН (в том же 1967 г.) вице-президент США Г. Хэмфри заявил, что «формирование АСЕАН очень важно для создания барьера на пути распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии, и США поддерживают АСЕАН»⁵. В Белом доме адекватно оценили то, что лежало в основе мотивов создания и функционирования организации. Ибо, как отмечал ведущий российский эксперт по АСЕАН Н.П. Малетин, «главной целью АСЕАН являлась многосторонняя защита внутренней стабильности, а сама Ассоциация была создана на антикоммунистической и преимущественно на антикитайской основе»⁶. Еще более четко указал на цели Белого дома в отношении АСЕАН К.С. Натан. Он пишет, что стратегической целью США в отношении АСЕАН было создание регионального блока как противовеса

влиянию в регионе Советского Союза, Вьетнама и Китая⁷. Он же считает, что АСЕАН оставалась в американском лагере на протяжении всего периода холодной войны⁸.

Советский исследователь Н.Г. Федулова почти полвека назад определила следующим образом цели американской политики регионализма в ее проявлении в Юго-Восточной Азии: заставить региональные объединения служить интересам американского империализма, обеспечить себе контроль за политикой независимых азиатских стран, использовать регионализм в качестве орудия своей экспансии⁹. Представляется, что эти оценки актуальны и по сей день.

Кроме того, проамериканские настроения превалировали в Ассоциации. В странах, учредивших АСЕАН, на США смотрели как на «гаранта обуздания подрывной антиправительственной деятельности и барьер для распространения коммунистической идеологии»¹⁰. Нелишним будет вспомнить, что два члена АСЕАН — Таиланд и Филиппины принимали своими вооруженными силами непосредственное участие в американской агрессии в Индокитае. Вместе с тем следует отметить, что высказанные проамериканскими правительствами в Сайгоне, Вьентьяне и Пномпене просьбы о приеме этих государств в АСЕАН были отклонены.

С окончанием американской агрессии в Индокитае в АСЕАН стала формироваться линия на расширение рядов Ассоциации за счет всех стран Юго-Восточной Азии, хотя до окончания холодной войны реализовать это было сложно из-за сохраняющегося противоборства в регионе США, КНР и Советского Союза. И сотрудничество США с АСЕАН после окончания Индокитайской войны было тесно связано с ее последствиями.

Речь идет о совместных действиях Вашингтона и стран АСЕАН по решению проблемы индокитайских беженцев. После падения в 1975 г. проамериканских режимов в Сайгоне, Пномпене и Вьентьяне десятки тысяч жителей этих стран, используя прежде всего морские пути, стали покидать родные края и обустраиваться в соседних Индонезии, Малайзии, Таиланде, на Филиппинах. Но это были временные лагеря их размещения. Правительства стран АСЕАН без эн-

тузиазма принимали мигрантов из Индокитая и прилагали усилия, чтобы направить потоки беженцев в США и другие богатые страны. Власти США были вынуждены пойти навстречу АСЕАН в этом вопросе: были приняты программы помощи беженцам через Комиссариат ООН по делам беженцев или, например, особая программа приема беженцев из Вьетнама, которая касалась тех вьетнамцев, которые сотрудничали в годы войны с американцами. К концу 1975 г. США приняли и расселили на своей территории порядка 130 тыс. беженцев из Индокитая, но это было в разы меньше, чем оставалось на территории стран АСЕАН, что не могло не вызывать реакции недовольствия в этих странах¹¹.

Следующим вопросом индокитайской повестки дня, на которой произошло сближение США и АСЕАН, стал камбоджийский. Ввод вьетнамских войск на территорию Камбоджи в декабре 1978 г. для устранения от власти клики «красных кхмеров» во главе с Пол Потом был с осуждением воспринят и в Вашингтоне, и в столицах стран АСЕАН. И в течение нескольких лет, когда части ВНА находились на территории Камбоджи, чтобы предотвратить реставрацию режима геноцида в этой стране, АСЕАН и США выступали с близких позиций, которые заключались в непризнании Народной Республики Кампучии, поддержке Коалиционного правительства Демократической Кампучии, в том числе сохранении за ее представителем места в Организации Объединенных Наций. Советский исследователь М.А. Халдин утверждал, что страны АСЕАН действовали в ООН по подсказке Вашингтона¹². Кроме того, США тайно оказывали помощь «красным кхмерам» через своего союзника — Таиланд¹³. Вьетнамский исследователь Чан Хьеп объясняет такую линию поведения США в камбоджийском вопросе их «антикоммунистическим, антивьетнамским и антисоветским курсом»¹⁴.

Антивьетнамский курс Вашингтона сошел на нет в середине 1990-х годов, когда нормализовались отношения между двумя странами. Известно, что СРВ была принята в АСЕАН в 1995 г. при поддержке Вашингтона¹⁵. Однако стремление использовать АСЕАН в американском противостоянии Москве сохранилось и по сей день.

Ситуация вокруг Украины после начала операции российских войск весной 2022 г. была использована Вашингтоном для очередной антироссийской кампании. В частности, в Белом доме хотели, чтобы страны АСЕАН присоединились к предпринятым Западом санкциям в отношении России и осудили Россию как агрессора. Но из десяти стран АСЕАН только Сингапур ввел санкции в отношении России, а официального осуждения действий Москвы вообще не было¹⁶, что, в частности, отразило совместное заявление автономного саммита США–АСЕАН, который прошел в Вашингтоне 12–13 мая 2022 г.¹⁷

Еще заметнее проявляется в 10-е годы XXI в. стремление Вашингтона заручиться поддержкой АСЕАН своего антикитайского курса. В качестве весьма свежего примера можно привести содержащееся в обнародованной в феврале 2022 г. «Индо-Тихоокеанской стратегии США» намерение Вашингтона создавать возможности сотрудничества АСЕАН с КВАД¹⁸. А КВАД, или Четырехсторонний диалог по безопасности, в котором участвуют США, Япония, Австралия, Индия, рассматривается во всем мире как образование, направленное против КНР.

Институционализация и концептуализация взаимодействия США с АСЕАН

Несмотря на установившееся с самого начала существования АСЕАН взаимодействие США с Ассоциацией, формальное закрепление этих отношений началось только через 10 лет после принятия Бангкокской декларации. Тем не менее к сегодняшнему дню эти отношения обеспечены солидной правовой и институциональной базой, которая охватывает политическое, экономическое и гуманитарное взаимодействие.

Однако следует сделать одно замечание. Несмотря на продолжительную историю сотрудничества, стороны не пришли к однозначному решению – как вести дела, на блоковой основе или межстрановой. В понимании К.С. Натана Вашингтон предпочитает строить

взаимодействие со странами Юго-Восточной Азии на индивидуальной основе, а асеановцы хотят, чтобы США сотрудничали с Ассоциацией, рассматривая ее как единый блок¹⁹.

В 1977 г. США стали диалоговым партнером АСЕАН. В 1978 г. американский президент Дж. Картер встретился в Вашингтоне с министрами АСЕАН, что стало Первой министерской встречей США–АСЕАН. В 1979 г. госсекретарь США С. Вэнс принял участие во встрече с министрами иностранных дел АСЕАН на о. Бали, что получило название первого официального диалога госсекретаря США и министров иностранных дел АСЕАН. В 1984 г. был создан деловой совет США–АСЕАН. В 2006 г. между США и АСЕАН подписано Соглашение о содействии торговле и инвестициям. В 2008 г. США первой из стран, не входящих в АСЕАН, аккредитовала своего посла при Ассоциации. С 2008 г. ежегодно стали проводиться встречи АСЕАН+1 (США) в местах проведения саммитов АСЕАН. В 2009 г. США присоединяются к Договору о дружбе и сотрудничестве (ТАС)²⁰, что обычно расценивается как принятие диалоговым партнером принципов, на которых, по мнению лидеров АСЕАН, должны основываться международные отношения в Юго-Восточной Азии.

В 2012 г., в рамках «разворота в Азию», провозглашенного президентом Б. Обамой, была запущена Инициатива по расширенному экономическому взаимодействию между США и АСЕАН (*US-ASEAN Expanded Economic Engagement Initiative*, сокращенно – *3E*), которая имеет директивное значение вплоть до наших дней. Она принималась с целью обеспечить большую надежность и стабильность торгово-экономических связей США с АСЕАН, повысить эффективность торговых потоков и цепочек поставок. Ежегодно подписываются планы реализации Инициативы 3E, регулярно проводятся проверки качества товаров, их соответствия стандартам, реализуются мероприятия по снижению технических барьеров. В рамках 3E принимались отдельные программы, например сотрудничества в электронной торговле. Принят рабочий план на 2021–2022 гг., который нацелен на ликвидацию последствий пандемии COVID-19 в странах АСЕАН. Также администрация Джо Байдена планирует

в рамках Инициативы 3Е делать упор на развитие цифровой экономики, с тем чтобы страны АСЕАН заняли прочную позицию как производители электроники и поставщики цифровых услуг²¹.

Еще одной программой, определившей стратегические рамки взаимодействия США и АСЕАН, стала инициатива “*US-ASEAN Connect*”, запущенная на автономном саммите США–АСЕАН в Калифорнии в 2016 г. Ее цели: улучшение координации экономического сотрудничества в регионе, развитие инноваций, подключение к сотрудничеству США–АСЕАН предприятий, предпринимателей, инвесторов. Инициатива действует и по сей день, приспосабливаясь к ситуации, порожденной пандемией COVID-19²².

Системность вносилась и в сотрудничество военных ведомств. В 2014 г. министр обороны США впервые принял своих коллег из АСЕАН на оборонном форуме США–АСЕАН на Гавайях.

Оформлены связи по линии общественности для целенаправленного воздействия на отдельные группы населения азиатских стран. В 2010 г. была образована Группа выдающихся деятелей США–АСЕАН, в 2013 г. объявлена Инициатива молодых лидеров Юго-Восточной Азии (*YSEALI*), а на следующий год принята программа стипендиатов из стран АСЕАН в университетах США. В программе *YSEALI* в 2016 г. участвовало почти 100 тыс. граждан АСЕАН в возрасте от 18 до 35 лет²³. Была также создана Академия женского лидерства США–АСЕАН. В 2015 г. стороны объявили свои отношения стратегическим партнерством.

Взаимодействие США и АСЕАН обеспечено и определенной концептуальной основой. В ходе саммита в Калифорнии в итоговом документе стороны утвердили принципы, которыми они обязались руководствоваться в своих отношениях. Первым из них стало взаимное уважение суверенитета, территориальной целостности, равенства и политической независимости всех наций; вторым — признание важности совместного процветания, устойчивого, инклюзивного экономического роста и развития, а также воспитания молодых людей для поддержания постоянного мира, развития и стабильности на взаимной выгоде. Вопросы политической

безопасности и стабильности, свободы мореплавания в Южно-Китайском море упоминались на несколько пунктов ниже. Стороны подтверждали приверженность «международному порядку, основанному на правилах». В документе отмечалась центральная роль АСЕАН в региональной архитектуре АТР²⁴.

Место АСЕАН в американских проектах второго десятилетия XXI в.

В ноябре 2017 г. сначала на саммите АТЭС в Дананге, а затем на саммите АСЕАН в Маниле президент США Д. Трамп представил свою концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Новая концепция охватывала широкий спектр областей от торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества до вопросов региональной безопасности. При этом на сайте Государственного департамента США, где изложено видение «Свободного и открытого ИТР», вопросы военной безопасности были поставлены на последнее место. В документе в первую очередь перечислены экономические программы в регионе на таких направлениях, как энергетика, инфраструктура, кибербезопасность. Дано обещание поощрять частный американский бизнес вкладывать капитал в экономику стран ИТР. Авторы концепции также ратуют за утверждение в регионе «эффективного управления» (*good governance*). Для этого странам региона будет оказана помощь в борьбе с коррупцией, в обеспечении гражданских свобод, в защите от «внешнего диктата». На это выделяются значительные суммы денег. Также увеличится американское финансирование таких мероприятий в области обороны и безопасности, как укрепление безопасности на море, миротворческие операции, противодействие транснациональной преступности, защита от природных катаклизмов²⁵.

В 2018 г. президент США подписал «Акт для подтверждения азиатской инициативы» (*Asia Reassurance Initiative Act — ARIA*), в котором указывалось, что в ИТР американские власти будут взаимодействовать с АСЕАН как с главной «региональной архитектурой»²⁶.

Несмотря на созидательную риторику, индо-тихоокеанская концепция Белого дома была оценена как новая попытка укрепления доминирующих позиций США. Эксперты «Валдай-клуба» справедливо посчитали тогда, что «в Дананге и Маниле Трамп сделал заявку на системную конфронтацию с Китаем, если тот не уступит американским претензиям на доминирование в АТР»²⁷.

А в Пентагоне не скрывали антикитайскую направленность индо-тихоокеанской концепции. «Озабоченность первостепенной важности для безопасности США вызывает стратегическое соперничество между государствами, порожденное геополитической враждой между свободным и репрессивным видением мира. В частности, Китайская Народная Республика под руководством Коммунистической партии Китая стремится переделать регион, исходя из достигнутого ею уровня модернизации армии, возможностей оказывать влияние и грабительской экономики, способных принуждать другие страны»²⁸, – говорилось в документе, касающемся стратегических планов американских военных в ИТР.

Отчасти поэтому реакция в странах АСЕАН на концепцию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» была настороженной, хотя сам термин «Индо-Тихоокеанский регион» был принят большинством стран региона, в том числе странами АСЕАН.

Вначале многих политиков и экспертов в Азии насторожила активизация военной составляющей американской концепции, конкретно имелись в виду КВАД – Четырехсторонний диалог по безопасности (*Quadrilateral Security Dialogue*) (США, Японии, Австралии, Индии), военно-морские маневры его участников, переименование Тихоокеанского командования ВМС США в Индо-Тихоокеанское. В то же время следует отметить, что, по данным опроса экспертов из стран АСЕАН, который в октябре 2018 г. провела сотрудница Австралийского института стратегической политики Ле Тху Хьонг, 55% респондентов посчитали, что КВАД будет содействовать миру и безопасности в регионе²⁹.

Но главное, чем озаботились лидеры стран АСЕАН, столкнувшись с индо-тихоокеанской концепцией Д. Трампа, – это выработ-

ка собственного подхода к региональной политике. Совместный документ «Взгляд АСЕАН на Индо-Тихоокеанский регион» был принят в июне 2019 г. на 34-м саммите АСЕАН в Бангкоке. По заявлению авторов этого документа, они не преследуют цель создать какие-то новые механизмы в регионе. В регионе есть структуры, считают они, в рамках которых можно обсуждать все проблемы, это – ВАС, АРФ, СМОА+, Расширенный морской форум АСЕАН и др. Можно это делать и в сотрудничестве с такими организациями Южной Азии, как *IORA* (Ассоциация кольца Индийского океана) и *BIMSTEC* (Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации).

По мнению асеановцев, концепция ИТР должна исходить из следующих положений:

- Азиатско-Тихоокеанский регион и Индийский океан – не одно непрерывное пространство, а плотно интегрированные и взаимосвязанные регионы, где АСЕАН играет центральную стратегическую роль;
- ИТР – регион диалога и сотрудничества, а не вражды;
- ИТР – регион развития и сотрудничества для всех;
- особую важность имеет морская часть региона и ее перспективы в будущей региональной архитектуре;
- страны АСЕАН выступают за развитие инфраструктурных соединений в новом регионе, включая институциональные и межличностные связи;
- главное условие участия АСЕАН в формате ИТР – признание центральной роли АСЕАН в регионе³⁰.

США вербально признали эту роль АСЕАН в регионе и в развитие экономической части своей концепции провели с 2018 г. несколько «Индо-Тихоокеанских бизнес-форумов». На этих площадках США запустили в 2020 г. партнерство «Меконг–США», в котором участвуют пять стран АСЕАН – Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, а также партнерство США–АСЕАН «Умные города».

Джо Байден, пришедший на смену Дональду Трампу, довольно медленно поворачивался в сторону АСЕАН. Новый президент не

только не выехал в первые 16 месяцев своего президентства в страны АТР, но и не вел таких активных телефонных разговоров с лидерами стран АСЕАН, как Д. Трамп.

Главные визиты в регион ЮВА членов команды Байдена, министра обороны Л. Остина, вице-президента США К. Харрис, госсекретаря США Э. Блинкена, состоялись во второй половине 2021 г. Основной целью этих визитов было убедить политическую элиту стран АСЕАН в том, что США не уходят из региона, Америка снова здесь, в стратегически важном для нее регионе. Тем не менее эти визиты вызвали определенное разочарование в политическом истеблишменте стран АСЕАН американской политикой в ИТР. В столицах ждут не столько высокопоставленных особ с Капитолийского холма, сколько конкретных деловых проектов, которые может предложить Америка. Азиатские авторы без стеснения критиковали заявления эмиссаров Белого дома, например выступление Э. Блинкена в Джакарте в декабре 2021 г., в котором они не увидели ничего нового. Оскомину им набили и постоянные утверждения об «угрозе китайского возвышения». Редактор журнала *The Diplomat* писал в те дни: «...правительству США было бы лучше отказаться от грандиозных повествований об отчуждении и адаптировать свое взаимодействие к потребностям каждого правительства в области социального и экономического развития, чтобы предоставить им больше возможностей противостоять Китаю, когда это необходимо»³¹.

Тем не менее Джо Байден не только принял участие в онлайн-режиме в регулярном саммите АСЕАН осенью 2021 г., но и провел в мае 2022 г. автономный саммит США–АСЕАН в Вашингтоне. На этих саммитах американский президент анонсировал новый проект своей администрации под названием «Индо-Тихоокеанская экономическая структура» (*Indo-Pacific Economic Framework*, сокращенно *IPEF*), в которую вошли семь стран из десятки АСЕАН (кроме Камбоджи, Лаоса, Мьянмы).

Важным документом, определяющим политику администрации Джо Байдена по отношению к ИТР и АСЕАН, в частности, была обнародованная в феврале 2022 г. «Индо-Тихоокеанская стратегия

США». Ассоциации в ней было отведено особое место. Отмечалось, что США приветствуют сильную и независимую Ассоциацию, «испытывают гордость» от того, что являются инвестиционным партнером № 1 для стран АСЕАН. В перспективе США намерены продвигать в ИТР такую схему развития экономики, которая будет содействовать технологической трансформации региона, способствовать развитию цифровой экономики, технологии 5G, лучшей адаптации к климатическим изменениям, снятию барьеров во внешней торговле. Администрация Джо Байдена анонсировала выделение 150 млн долл. на новые проекты сотрудничества США–АСЕАН. В документе содержалось обещание расширять двустороннее сотрудничество со странами Юго-Восточной Азии в целях укрепления безопасности в области здравоохранения и на морях, а также углублять связи между «простыми людьми»³².

Отмечая приоритет мер, направленных на развитие экономических и гуманитарных связей США с АСЕАН, следует обратить внимание, что в «Индо-Тихоокеанской стратегии» выражено настойчивое желание Вашингтона искать возможности сотрудничества АСЕАН с КВАД³³.

Сегодня партнерство США с АСЕАН, как отмечается на сайте Госдепа США, сфокусировано на пяти направлениях: 1) экономическая интеграция, 2) сотрудничество на море, 3) воспитание лидеров, 4) предоставление возможностей женщинам для самореализации, 5) транснациональные вызовы³⁴.

На автономном саммите в Вашингтоне президент Джо Байден провозгласил начало «новой эры в отношениях США–АСЕАН», не пояснив, что это значит³⁵. Возможно, он имел в виду, что в 2022 г. должно произойти оформление отношений двух сторон как «всеобъемлющего стратегического партнерства».

Заключение

На протяжении 55 лет, прошедших с момента основания АСЕАН, Ассоциация занимает важное место в тихоокеанской политике

США. При этом следует заметить, что президентские команды последнего десятилетия повышают эту важность, заявляя, что АСЕАН занимает центральное место в архитектуре Индо-Тихоокеанского региона и имеет решающее значение для собственной американской стабильности, экономических возможностей и «видения международного порядка, основанного на правилах». В то же время очевидным представляется констатация того факта, что преимущество Белый дом отдает экономическим рычагам воздействия на АСЕАН, хотя вопросы безопасности не снимаются с повестки дня. Антикитайские мотивы в деятельности АСЕАН, которые были поддержаны Вашингтоном на начальном этапе существования Ассоциации, в XXI в. стали еще более актуальными как основа взаимодействия двух сторон.

Сотрудничество США с АСЕАН строится в основном в тех же формальных рамках, как и сотрудничество КНР и Российской Федерации с Ассоциацией. Примерно в одно время великие державы стали партнерами по диалогу с АСЕАН, подписали ТАС, аккредитовали своих послов при АСЕАН, зафиксировали свои отношения (для КНР — это отношения всеобъемлющего стратегического партнерства, для России и США — стратегического партнерства), участвуют в работе таких форумов, как АРФ, ВАС, СМОА плюс и др.³⁶

По объему торгово-экономических связей с АСЕАН США отстают от Китая, но превосходят Россию. Также политические лидеры КНР опережают американцев в контактах с лидерами АСЕАН: за последние 30 лет (до 2022 г.) состоялось 30 саммитов КНР–АСЕАН и только девять саммитов США–АСЕАН и четыре Россия–АСЕАН³⁷.

Можно констатировать, что при президенте Б. Обаме стал формироваться целостный подход Белого дома к АСЕАН, последующие президенты Трамп и Байден также взяли его на вооружение, что говорит о том, что обе партии — и демократы, и республиканцы — придерживаются одинаковых или весьма близких позиций на сотрудничество с АСЕАН.

Экспертное сообщество оценивает в целом взаимодействие США с АСЕАН как успешное для обеих сторон, хотя существует мнени-

ние, что оно может быть и более эффективным, если Вашингтон в большей степени будет учитывать конкретные интересы отдельных стран–членов АСЕАН. Американцы более склонны достигать своих целей через двусторонние связи, хотя именно на двустороннем треке у них возникает больше вопросов, чем в отношениях с АСЕАН как единым блоком. Сотрудничая на двусторонней основе, США считают возможным включать некоторые страны в число своих друзей, подвергать остракизму других, чем вносят раскол в ряды АСЕАН. Но Ассоциации, выступая единым блоком, удастся сопротивляться диктату Вашингтона.

Белому дому удалось добиться от АСЕАН как организации поддержки своего внешнеполитического дискурса. Совместные документы США–АСЕАН содержат такие понятия, как «Индо-Тихоокеанский регион», «международный порядок, основанный на правилах», «свобода морской навигации и авиаперелетов» и др.

Обе стороны сохраняют высокую степень заинтересованности в развитии отношений, обуславливая это необходимостью новых взаимовыгодных форм торгово-экономических связей, поддержания баланса в области региональной безопасности.

Примечания

- ¹ Локшин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М. Сообщество АСЕАН в современном мире: Монография. М.: ИД «Форум», 2019. С. 199–201.
- ² Nathan K.S. US–ASEAN Relations in the Context of ASEAN's Institutional Development: Challenges and Prospects. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/singapur/04601/2007-3/nathan.pdf> (accessed: 30.05.2022).
- ³ Цит. по: Халдин М.А. АСЕАН без иллюзий. М.: Международные отношения, 1983. С. 8.
- ⁴ Carroll C.C. U.S.–ASEAN relations under Obama administration, 2009–2011. Georgetown University Washington, D.C., 2011. P. 5–6.
- ⁵ Цит. по: Чан Хьен. История Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в 1967–2000 годах. Краткий очерк. М.: РУДН, 2002. С. 29.
- ⁶ Малетин Н.П. АСЕАН: четыре десятилетия развития: Монография. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 23.

- ⁷ Nathan K.S. US–ASEAN Relations in the Context of ASEAN's Institutional Development: Challenges and Prospects. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/singapur/04601/2007-3/nathan.pdf> (accessed: 30.05.2022).
- ⁸ Ibid.
- ⁹ Федулова Н.Г. США: политика в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1975. С. 137.
- ¹⁰ Малетин Н.П. Указ. соч. С. 34.
- ¹¹ Carroll C.C. U.S.-ASEAN relations under Obama administration, 2009–2011. Georgetown University Washington, D.C., 2011. P. 5–6.
- ¹² Халдин М.А. АСЕАН без иллюзий. М.: Международные отношения, 1983. С. 70.
- ¹³ См.: Colhoun J. On the Side of Pol Pot: U.S. Supports Khmer Rouge // Action Bulletin. 1990. September. No. 34. P. 37–40.
- ¹⁴ Чан Хьен. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁵ Vietnam's foreign policy under doi moi / Ed. by Le Hong Hiep and Anton Tsvetov. Singapore: ISEAS Publishing, 2018. P. 201.
- ¹⁶ Мазырин В.М. Реакция Юго-Восточной Азии на спецоперацию России на Украине // Аналитические записки ИКСА РАН. Вып. 1. 2022. С. 10–11.
- ¹⁷ ASEAN–U.S. Special Summit 2022, Joint Vision Statement. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/13/asean-u-s-special-summit-2022-joint-vision-statement/> (accessed: 16.05.2022).
- ¹⁸ Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington, The White House, 2022. P. 9.
- ¹⁹ Nathan K.S. US–ASEAN Relations in the Context of ASEAN's Institutional Development: Challenges and Prospects. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/singapur/04601/2007-3/nathan.pdf> (accessed: 30.05.2022).
- ²⁰ U.S.–ASEAN Timeline. URL: <https://asean.usmission.gov/our-relationship/policy-history/u-s-asean-timeline/> (accessed: 20.04.2022).
- ²¹ The U.S.–ASEAN Expanded Economic Engagement Initiative. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/the-us-asean-expanded-economic-engagement-initiative/> (accessed: 20.04.2022).
- ²² U.S.–ASEAN Connect. URL // <https://asean.usmission.gov/connect/> (accessed: 20.04.2022)
- ²³ U.S.–ASEAN Summit in Sunnylands, 2016. URL: <https://asean.usmission.gov/readout-us-asean-summit-2016/> (accessed: 19.04.2022).
- ²⁴ Joint Statement of the ASEAN–U.S. Special Leaders' Summit: Sunnylands Declaration. URL: <https://asean.org/joint-statement-of-the-asean-u-s-special-leaders-summit-sunnylands-declaration/> (accessed: 19.04.2022).
- ²⁵ U.S. Department of State Press Releases. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/11/287433.htm> (accessed: 19.04.2022).
- ²⁶ Public Law 119-409. URL: <https://www.congress.gov/115/plaws/publ409/PLAW-115publ409.pdf> (accessed: 30.05.2022).
- ²⁷ Сумский В. Трамп, АТЭС, АСЕАН и азиатско-тихоокеанская (дез)интеграция. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-ates-asean> (дата обращения: 13.08.2019).
- ²⁸ Indo-Pacific Strategy Report 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/DEPARTMENT-OF-DEFENSE-INDO-PACIFIC-STRATEGY-REPORT-2019.PDF> (accessed: 13.08.2019).
- ²⁹ Huong Le Thu. Southeast Asian perceptions of the Quadrilateral Security Dialog. URL: <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2018-10/SR%20130%20Quadrilateral%20security%20dialogue.pdf> (accessed: 12.11.2019).
- ³⁰ ASEAN Outlook on Indo-Pacific. URL: <https://asean.org/asean-outlook-indo-pacific/> (accessed: 09.12.2019).
- ³¹ Strangio S. Assessing Antony Blinken's Jakarta Speech on the Indo-Pacific. URL: <https://thediplomat.com/2021/12/assessing-antony-blinkens-jakarta-speech-on-the-indo-pacific/> (accessed: 12.01.2022).
- ³² Indo-Pacific Strategy of the United States. Washington, The White House, 2022. P. 9, 11, 16.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ U.S.–ASEAN Timeline. URL: <https://asean.usmission.gov/u-s-asean-timeline> (accessed: 20.04.2022).
- ³⁵ Remarks By President Biden at the U.S.–ASEAN Special Summit. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/05/13/remarks-by-president-biden-at-the-u-s-asean-special-summit> (accessed: 16.05.2022).
- ³⁶ Ван Вэй, Цветов П.Ю. Сотрудничество Китая и России с АСЕАН: основные формы, направления, результаты // Обозреватель/Observer. 2021. № 1. С. 56–68.
- ³⁷ Российско-вьетнамское сотрудничество в контексте современной геополитической ситуации в Восточной Азии. М.: РУДН, 2022. С. 18.

Глава 5

АСЕАН и новые макрорегиональные и мини-латеральные форматы: Инициатива пояса и пути, Индо-тихоокеанские концепции, *AUKUS*

АННОТАЦИЯ: Глава посвящена анализу проблем, с которыми сталкивается Ассоциация Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в поисках ответа на развитие таких форматов, как Инициатива пояса и пути (ИПП), различные концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и военный блок *AUKUS* с участием Австралии, США и Великобритании. В первом разделе выявлено существо изменений глобальной конъюнктуры с точки зрения интересов АСЕАН: в условиях де-факто завершившейся однополярности, но пока недостигнутой многополярности Ассоциация стоит перед вызовами, связанными с фрагментацией мирового порядка. Второй раздел посвящен определению точек соприкосновения между ИПП, ИТР и *AUKUS*. Анализ возможной синергии этих инициатив с перспективным планированием АСЕАН, а также обобщение последствий их реализации для Ассоциации, в том числе с точки зрения цифрового сотрудничества, проведен в третьем разделе. Авторы приходят к выводу, что продвигаемые Вашингтоном и Пекином проекты принципиально несовместимы между собой и далеко не во всем отвечают целям АСЕАН. С точки зрения последних более перспективным выглядит

ИПП: ее реализация будет способствовать инфраструктурному развитию стран «десятки» и превращению Юго-Восточной Азии в унифицированное пространство ведения хозяйственной и коммерческой деятельности. В краткосрочной перспективе Ассоциации, скорее всего, удастся адаптировать свою политику к некоторым элементам этих инициатив. Однако уже в среднесрочной перспективе без качественного изменения своей глобальной роли АСЕАН не сможет выработать эффективный ответ на вызовы, аналогичные ИПП, ИТР и *AUKUS*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, Сообщество АСЕАН, США, Китай, Инициатива пояса и пути, Цифровой шелковый путь, Индо-Тихоокеанский регион, ИТЭРС, *QUAD*, *AUKUS*.

ABSTRACT: The chapter focuses on the challenges that the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is encountering in formulating its response to the formats the Belt and Road Initiative (BRI), the Indo-Pacific Region (IPR) and the military block AUKUS established by Australia, the US and the UK. Part One reveals the specificity of global changes from an ASEAN perspective: amidst the de-facto non-existing unipolar, but not yet multipolar world, the association is facing challenges emanating from a fragmentation of the world order. Part Two explores points of convergence between the BRI, the IPR and AUKUS. In Part Three, an analysis of their possible synergy with ASEAN's prospective plans, including from a digital perspective, is presented. The authors conclude that the projects advanced by Washington and Beijing are fundamentally incompatible and do not fully meet ASEAN's objectives. From the latter perspective, the BRI is more promising, as its realization contributes to the infrastructure development of the ASEAN member states and eventually to making Southeast Asia a unified economic and business area. In a short-term perspective, the association will most likely be able to adapt its policy to some elements of those initiatives. However, in a long-term perspective, unless qualitative changes in ASEAN's global role occur, the association will be unable to produce an appropriate response to the challenges similar to the BRI, the IPR and AUKUS.

KEYWORDS: ASEAN, ASEAN Community, US, China, Belt and Road Initiative, Digital Silk Road, Indo-Pacific Region, IPEF, Quad, AUKUS.

Введение

ИНИЦИАТИВА пояса и пути (ИПП), концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР) и военный блок с участием США, Австралии и Великобритании *AUKUS* – макрорегиональные и трансрегиональные форматы сотрудничества с потенциалом воздействия на глобальный уровень, прямо или косвенно затрагивающие АСЕАН. Для Ассоциации каждая из этих инициатив в отдельности, не говоря об их совокупности, представляет собой серьезный, а в случае с асеаноцентричными многосторонними диалоговыми форматами в чем-то даже экзистенциальный вызов.

Констатируя блистательные успехи Ассоциации в ответе на не менее серьезные вызовы в прошлом, отметим и иное обстоятельство: сейчас АСЕАН стоит перед принципиально новой задачей. Дело не в том, что ее решение будет осуществляться в условиях фрагментации международной среды, когда идет слом «несущих конструкций» долгосрочного сотрудничества, оценочный релятивизм стал новой нормой, а все договоренности по определению носят ситуативный характер – к этому Ассоциации не привыкать. И не в том, что между этими инициативами отсутствует хотя бы минимальная координация – АСЕАН справлялась и с более сложными задачами: чего стоит хотя бы успех ее усилий в формировании Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), когда за стол переговоров сели игроки с диаметрально противоположными приоритетами. И даже не в том, что ИПП, ИТР и *AUKUS* именно в их совокупности нужно увязать с перспективными планами Ассоциации. Главная причина в другом: ответ на упомянутые инициативы – как в отдельности, так и тем более в совокупности – требуют от АСЕАН принципиально иного целеполагания и инструментария его реализации, качественно отличающихся от того, что она делала до сих пор.

Сказанное выше определяет актуальность настоящего исследования, т.е. своевременность глубокого и нюансированного анализа этих форматов сквозь призму интересов, перспективных планов

и политики «десятки». Спектр поставленных его авторами задач варьируется от оценки влияния современных глобальных процессов на АСЕАН до выявления направлений, мер и механизмов координации между ИПП, ИТР и *AUKUS*, а также определения степени, в которой возможна адаптация этих форматов к целеполаганию и практической политике Ассоциации.

АСЕАН и фрагментация глобального сотрудничества

Лидеры АСЕАН неоднократно заявляли о том, что ее интересам соответствует формирование многополярного мира. О том же говорили и эксперты государств ЮВА. Вместе с тем современные условия знаменуют не переход к многополярности, а лишь фрагментацию глобального сотрудничества. Не исключено, что фрагментация станет первым шагом на этом пути, однако многополярный мировой порядок, как представляется, формируется не сам собой, а посредством целенаправленных усилий глобальных игроков, односторонних проявлений которых пока что не наблюдается. Однако если предположить, что многополярный мир все же состоится (что, повторимся, маловероятно в обозримой перспективе), АСЕАН вряд ли сможет автоматически стать одним из его полюсов. Рассмотрим эти три момента подробнее.

Начнем с фрагментации глобального сотрудничества, проявления которого появляются в достаточно большом количестве. Не ставя задачу перечислить их все и дать им исчерпывающую оценку, отметим главное: пандемия COVID-19 не подтолкнула международное сообщество к выработке коллективного ответа в интересах всех государств. Она не только не снизила накал в отношениях между США и Китаем, США и Россией, Китаем и Индией, равно как другими субъектами мировой политики, но и значительно обострила их. Не произошло «перезагрузки» институтов международного управления и регулирования, вступивших в глубокий кризис задолго до пандемии. Наоборот, политизация затронула те сферы, которые в теории не должны иметь (и, как правило, раньше не имели)

прямого отношения к политической конъюнктуре, – спорт, искусство и ряд иных. Не были созданы глобальные цепочки стоимости (ГЦС) в сфере производства вакцин и медицинского оборудования. Вместо этого США и Китай обвинили друг друга в рукотворном происхождении штаммов COVID-19, усилив элемент политизации в деятельности ВОЗ¹, а мировой рынок вакцин довольно скоро был поделен между крупнейшими производителями.

К дальнейшей фрагментации сотрудничества подталкивают и перспективы развития мировой экономики. Так, согласно одной из оценок, вероятность ее «жесткой посадки» составляет более чем 60% к 2024 г.² Однако международное сообщество вряд ли сможет выработать консолидированный подход к глобальным проблемам, спектр которых варьируется от принимающей формы постоянно-го явления инфляции и углубляющегося неравенства до сложностей перехода к низкоуглеродной энергетике. Причина состоит как в сложности самих проблем – а их появление обусловлено, по оценке российского экономиста С.Ю. Глазьева, взаимным наложением смены технологических и мирохозяйственных укладов с эффектом мультипликатора кризисных явлений³, усугубленным влиянием пандемии на мировое хозяйство и международные обмены, – так и отсутствием у ключевых глобальных игроков намерений решать проблемы совместными усилиями ради общего блага. Апофеозом абсурдности сложившейся ситуации стали сложности в достижении даже не общих, а индивидуальных целей: препятствия, которые западные кредиторы создали России в оплате ее международных финансовых обязательств в иностранной валюте после обострения кризиса на Украине в феврале 2022 г., носят искусственный характер и стали прямым следствием политизации глобальной среды.

На АСЕАН такая ситуация сказывается не лучшим образом. Глобальные цепочки стоимости с участием предприятий, расположенных в Юго-Восточной Азии, являются частью глобальных производственно-сбытовых сетей, и фрагментация сотрудничества фактически отсекает эти компании от многих партнеров. Показательным является пример Социалистической Республики Вьетнам (СРВ).

После запуска экономических реформ Вьетнам к настоящему времени превратился в пример ускоренного строительства успешной экономики, ориентированной на экспорт. В 2020 г. объем экспорта СРВ составил 283 млрд долл. США⁴, что в 50 раз больше, чем в 1995 г., когда СРВ вступила в АСЕАН. С 2010 по 2020 г. товарооборот СРВ рос в среднем на 13% в год – со 157 млрд долл. до 544 млрд долл. США⁵. Примечательно, что объем внешнеторгового оборота СРВ превышает ее ВВП в два раза – по этому показателю Вьетнам безоговорочно лидирует среди стран АСЕАН.

Одна из причин успеха – ориентированные на включение страны в ГЦС иностранные инвестиции. Подобный интерес зарубежного бизнеса обуславливается низкой стоимостью труда во Вьетнаме, его близостью к другим участникам ГЦС в ЮВА, благоприятными внутренними условиями развития предпринимательской деятельности. Только в 2020 г. приток новых ПИИ в СРВ составил порядка 28,5 млрд долл. США⁶.

Вместе с тем основная роль вьетнамских предприятий в ГЦС – сборка и упаковка, а не производство и услуги. Товары, поставляемые и производимые в результате кооперации в рамках ГЦС, составляют около 37% (! – *Е. К. и М. Т.*) в общем объеме товарооборота СРВ. Республика Корея, Китай, Япония и государства АСЕАН при этом выступают в качестве основных поставщиков «полуфабрикатов» в СРВ. Локализация производства во Вьетнаме сохраняется на уровне 36%, а возможности произвести высокотехнологичные компоненты фактически отсутствуют⁷.

Три четверти экспорта готовой продукции СРВ, включая производимую при помощи ГЦС (а ГЦС – это не только товаропроизводящие, но и товаропроводящие цепочки, включающие продажи и послепродажное обслуживание продукта), направлены на пять рынков – в США, ЕС, Китай, Японию и Республику Корея. При этом на долю первых двух рынков приходится более половины этого экспорта. США и ЕС являются крупнейшими потребителями собранной во Вьетнаме электроники⁸. Если к этому добавить, что США остаются основным рынком сбыта вьетнамской низкотехно-

логичной и трудоемкой продукции (а она тоже производится при помощи цепочек – например, обычной практикой был и остается пошив вьетнамской одежды и обуви в соседних Лаосе и Камбодже), гиперзависимость СРВ от ГЦС становится очевидной.

Хотя пример Вьетнама является наиболее наглядным, зависимость от ГЦС характерна, хотя и в разной степени, для большинства стран Ассоциации. В целом для АСЕАН фрагментация означает слом эволюционной парадигмы развития и быстрое, если не обвальное, наступление революционной фазы с типичными для нее элементами непредсказуемости. Проблема усугубляется не самыми радужными перспективами, которые несет Ассоциации и входящим в нее странам Четвертая промышленная революция. С одной стороны, предприятия стран ЮВА, особенно малые и средние, могут расширить возможности решать операционные задачи, связанные с масштабированием производства и бизнеса, например, при помощи краудфандинга. С другой – в перспективе цифровая трансформация экономики и бизнеса едва ли позитивно скажется на развитии этих государств. Перевод в онлайн-управление многих производственных процессов в странах ЮВА ударит по занятости, а вероятное появление большого количества людей, работающих в индустрии развлечений и масштабирующихся эпатажный и чаще всего примитивный контент, подорвет трудовую этику как основу общественных отношений. Моральный и идейный релятивизм – а это прямое следствие фрагментации глобального сотрудничества, частью которого является ценностно-идеологическая составляющая, – лишит общества ЮВА того фундамента, на котором строилась вся их послевоенная экономическая и социальная модернизация.

Что же касается перехода от глобальной фрагментации к многополярности, то перспективы этого не выглядят очевидными. Формирование многополярного миропорядка – это целенаправленный и длительный процесс со множеством пробуксовок и попятных движений, попыток, зачастую неудачных, гармонизировать интересы большого количества участников взаимодействия. Иными словами, это процесс не естественного, а рукотворного происхож-

дения. Он предполагает три составляющие: содержательную, институциональную и ценностно-идеологическую.

В содержательном отношении не вполне понятно, какие международные игроки реально, а не декларативно заинтересованы в многополярном мире и готовы внести реальный вклад в его формирование. Признаков того, что это соответствует интересам, например, США и Китая (если судить не по риторике, а по тем проектам, которые Пекин и Вашингтон готовы предложить партнерам с делегированием полномочий и ответственности), пока не видно. Как показала практика, такими проектами не стали даже борьба с международным терроризмом и предотвращение разработок ядерного оружия вне глобальных международных режимов нераспространения. Не смогла привнести консолидирующий компонент в международное сотрудничество и «зеленая» повестка развития. Вместо ориентира, стремление к которому должно пойти на благо всему человечеству, она все более отчетливо превращается в инструмент, при помощи которого развитые экономики рассчитывают сохранить контроль над развивающимися.

Не просматривается нормативной основы, на которой различные полюсы могут взаимодействовать друг с другом по мере своего формирования и после становления. Нет ясности и с точки зрения институтов всеобъемлющего сотрудничества гипотетического многополярного мира. Скорее наоборот: то, в отношении чего ясность присутствует, – а это результаты работы ООН и ВТО – говорит не в пользу многополярности. Яркий пример – антироссийские санкции: так как любые меры экономического принуждения могут быть применены только по решению ООН или ВТО, то происходящее сейчас является не чем иным, как развязанной против России экономической войной. Международные организации не только не предотвратили давление на Россию, идущее вразрез с нормами международного права, но даже не поставили перед собой задачу это сделать.

Идеологически-нормативное измерение современной международной обстановки также не свидетельствует в пользу становления

многополярного мира. С одной стороны, человечество движется в направлении большего культурного и идейного разнообразия. С другой стороны, это не подкреплено уже упоминавшимися содержательными и институциональными аспектами формирования многополярности. Некоторые страны безапелляционно объявляют свою модель развития универсальной и требуют от других государств ее де-факто копировать. Такой дисбаланс порождает множество проблем, которые варьируются от гибридных войн до соперничества между «зелеными» повестками развития. Конкурентами друг для друга становятся уже не столько различные субъекты глобальной политики, сколько международная среда в целом. В таких условиях позиции стран по тем или иным международным событиям формируются в зависимости не от существа последних, а от их интерпретаций, как показала практика, легко и органично переходящих в «фейковые» новости.

В перспективе идеологическая гетерогенность мира будет иметь тенденцию к усилению. К такому выводу подталкивает то, что страны Запада, требуя поддержки своих действий со стороны западных визави, не спешат предлагать им что-то взамен — будь то финансы, технологии или иные ресурсы. Развивающиеся страны рассматривают это как проявление того высокомерия и эгоизма, которые традиционно были и, как показывает практика, остаются характерными чертами политики Запада. Однако если раньше для этих стран было характерно стремление более или менее комфортно встроиться в западнцентричный мир, то сейчас они стали более самодостаточными⁹. Особенно ярко это проявляется на примере азиатских государств, где — на уровне как элит, так простых граждан — на подъеме националистические настроения, зачастую имеющие сильную антизападную составляющую.

Что же касается АСЕАН, уместно отметить следующий момент. Если предположить, что формирование многополярного мира все-таки состоится, превращение Ассоциации в один из его полюсов — а «десятка» рассматривает этот сценарий как единственно возможный — тоже не гарантировано. Заслуги АСЕАН вроде бы

очевидны: реализуется проект Сообщество АСЕАН — то, что не доведено до конца в 2015 г., будет выполнено к 2025 г., а при необходимости перенесено на более поздний срок. Позиционирование ЮВА как единого рынка и единой производственной базы, интегрированных в мировое хозяйство, стимулирует интерес со стороны транснационального бизнеса. Вступило в силу Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство, служащее экономической основой асеаноцентричных площадок многосторонней дипломатии — АРФ, Совещания министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+) и Восточноазиатский саммит (ВАС). Сами же эти структуры продолжают функционировать (чего-либо, напоминающего юго-восточноазиатский аналог Брекзита, пока не наблюдается), а некоторые из них имеют очевидные конкурентные преимущества в виде всеобъемлющего характера — например, в заседаниях АРФ имеет возможность принимать участие Северная Корея.

Проблема, однако, в том, что каждый центр многополярного мира должен оправдывать правомерность своего существования в таком качестве. Не ставя задачу определить раз и навсегда критерии такой правомерности, отметим главное: на сегодняшний день АСЕАН вряд ли может взять на себя реализацию некоего глобального мегапроекта, сопоставимого, например, с китайским. Без такого подтверждения своих возможностей — а подтверждать их нужно, повторимся, на глобальном уровне — заявления о «Глобальной АСЕАН» в любой из ее ипостасей останутся на уровне политической риторики. Без реализации такого проекта — а Ассоциация должна его инициировать, добиться поддержки со стороны других глобальных игроков и продемонстрировать убедительные результаты — она не сможет стать одним из мировых центров.

Если эта логика хотя бы отчасти верна, целесообразно ли в сложившихся условиях Ассоциации оставить попытки стать одним из таких центров? Для «десятки» это будет не лучший выход из ситуации, так как при таком сценарии она столкнется с гораздо более сильным давлением со стороны крупных глобальных игроков, чем

это происходило до сих пор. Международное пространство, в котором существует АСЕАН, — даже не глобальное, а региональное — становится все более конфликтным. При этом инструменты — как глобальные, так и региональные — купирования остроты проблем, как давно существующих, так и возникающих, не работают. К примеру, вердикт Постоянной палаты третейского суда в 2016 г. не повлиял на споры в Южно-Китайском море (ЮКМ). В последние годы на пространство Юго-Восточной Азии смещаются противоречия уже не только между глобальными игроками — КНР и США, но между ведомыми их усилиями мегапроектами. Среди них — идея Индо-Тихоокеанского региона, в особенности в ее американской версии (и ее различные институциональные проявления, как, например, *Quadrilateral Security Dialogue, QUAD*), Инициатива пояса и пути и созданный в 2021 г. США, Австралией и Великобританией блок *AUKUS*.

ИПП, ИТР и AUKUS: возможна ли синергия?

Судя по всему, тренд на превращение Азиатско-Тихоокеанского региона в арену противостояния ведущих глобальных держав (и ведомых их усилиями инициатив) в обозримой перспективе не претерпит существенных изменений. В условиях неизбежного перенасыщения регионального пространства конкурирующими проектами интересам АСЕАН будет отвечать избирательный подход к ним с объединением неконфликтующих между собой идей. Вопрос о том, насколько такие попытки синергии могут быть успешными, остается открытым.

Начнем с наименее конфликтных между собой инициатив — Четырехстороннего диалога по безопасности (*QUAD*) и *AUKUS*. Фактически странам «четверки» принадлежит первенство во введении в широкий политический оборот термина «Индо-Тихоокеанский регион». В этом плане правомерно ставить между *QUAD* и ИТР условный знак равенства. Целесообразность самого географического неологизма вызывает вопросы, которые многократно

поднимались в отечественном политологическом сообществе. Не углубляясь в них, остановимся на том, что ИТР в большей степени представляет собой политический проект, чем экономический или какой-либо иной. Его цель вполне понятна — нынешний советник Президента США по национальной безопасности Дж. Салливан, рассуждая о будущем *QUAD* еще до назначения на эту должность, заявил, что формат мог бы принимать меры сдерживания, аналогичные использовавшимся когда-то против СССР¹⁰. Очевидно, что под новой «целью» подразумевается Китай. При этом, если *QUAD* хотя бы старается маскировать свои задачи рассуждениями о всеобщем региональном благе и потенциальных выгодах, в том числе экономических, от своей деятельности для стран АТР, то целеполагание *AUKUS* выглядит максимально однозначно. Объединение трех англосаксонских стран в оборонительный альянс не оставляет других вариантов, кроме как считать его антикитайским — хотя бы из-за отсутствия других декларируемых тремя странами угроз.

Общее в двух проектах¹¹ — использование «индо-тихоокеанской» матрицы, идеологическая основа в виде «объединения демократий» и продвижения «порядка, основанного на правилах» (его точная дефиниция отсутствует, однако, как неоднократно заявлялось участниками, он не синонимичен «порядку, основанному на международном праве»), общая антикитайская нацеленность, возможность привлечения других государств региона. Это дает основания считать не только возможной, но и весьма вероятной координацию между *QUAD* и *AUKUS*. Первый из них (видимо, под давлением Индии) отходит от обороны и безопасности как основной сферы сотрудничества, перенося акцент на экономическое взаимодействие. Восполнить «выпадающую» сферу обороны и безопасности призван *AUKUS*.

Хотя *QUAD* и *AUKUS* являются элементами одного целого — институциональным оформлением американоцентричной антикитайской политики в регионе, — говорить об их полной синергии было бы преувеличением. Бесспорно, члены *AUKUS* — Австралия,

Великобритания и США — разделяют приоритеты *QUAD* (хотя и их понимание Индо-Тихоокеанского региона нельзя назвать идентичным), однако далеко не все страны, поддерживающие концепцию ИТР, одобряют идею создания де-факто военного альянса в регионе. Речь в первую очередь идет о Нью-Дели, который, будучи одним из основных идеологов «индо-тихоокеанства», показательно дистанцируется от продвигаемых под его вывеской однозначно антикитайских проектов.

Вызывает вопросы и возможность институционального взаимодействия двух форматов. Хотя бы потому, что о каких-либо институтах в обоих случаях речи не идет. Оба проекта остаются скорее неформальными объединениями по интересам, чем организациями. Они не имеют каких-либо отдельных органов или хотя бы отдельного информационного портала — их эволюция просматривается на основе публикуемых на сайтах внешнеполитических ведомств участников совместных заявлений и комментариях официальных лиц. Однако подобная «рыхлость» позволяет при необходимости оперативно запускать совместные инициативы или привлекать к ним другие государства. Главное — наличие консолидирующего мотива, в качестве которого остается и, видимо, будет оставаться антикитайская составляющая.

Более сложной является ситуация с возможной синергией американоцентричных проектов с китайской Инициативой пояса и пути. ИПП, хотя и по-прежнему фигурирует в официальном дискурсе в неопределенном статусе инициативы, имеет целеполагание, инструменты реализации и багаж уже осуществленных проектов. Принципиальное отличие ИПП от *QUAD* и *AUKUS* — акцент на экономической составляющей, а именно на инфраструктурном развитии участников сотрудничества.

Более или менее равновесных альтернатив американоцентричные площадки пока не предлагали. Запущенные ранее экономические проекты явно не способны конкурировать с ИПП по объемам финансирования. Осознавая это, США стремятся сместить акцент на нефинансовые аспекты. Так, в конце мая 2022 г. было заявлено

о создании Индо-Тихоокеанского экономического рамочного соглашения (*Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity, IPEF — ИТЭРС*), ее участниками стали четырнадцать государств — США, Австралия, Бруней, Индия, Индонезия, Япония, Малайзия, Новая Зеландия, Филиппины, Фиджи, Сингапур, Республика Корея, Таиланд и Вьетнам¹². В качестве ведущей цели формат ставит продвижение «лучших практик, стандартов и институтов» (не оставляя сомнений в том, о чьих практиках, стандартах и институтах идет речь), а не товаров или инвестиций. О какой-либо координации с ИПП архитекторы ИТЭРС не упоминают.

Со своей стороны, Китай также вряд ли будет стремиться координировать реализацию ИПП с инициативами ИТР/*QUAD*, *AUKUS* или любыми другими, запускаемыми под индо-тихоокеанской «вывеской». Залогом тому служит нарастание китайско-американских противоречий в различных сферах — от вопросов торговли и технологий до тайваньской проблемы при прежней и нынешней американской администрациях. Китай воспринимает американоцентричные проекты в качестве попытки окружить его сетью недружественных (а иногда — открыто враждебных) партнерств. Одновременно происходит усиление элементов соперничества во взаимодействии Пекина с Нью-Дели, Канберрой, Токио и Лондоном. Логика развития отношений Китая с этими странами вкуче с тональностью и содержанием заявлений китайских официальных лиц свидетельствуют: КНР не видит перспектив достичь с этими государствами договоренностей, которые бы соблюдались на устойчивой и долгосрочной основе.

Даже если не учитывать рассмотренные выше противоречия, остается неясным, каким образом ИПП и индо-тихоокеанские инициативы могут гипотетически сопрягаться именно с инструментальной точки зрения. С учетом разницы в их институциональном устройстве единственным вариантом остается «соавторство» Китая в принимаемых американцами и их единомышленниками совместных заявлениях. Однако, принимая во внимание четкое распределение ролей ведущего и ведомого при такой работе (исключением,

пожалуй, является только Индия), вероятность использования подобной модели в случае участия и США, и Китая стремится к нулю.

Отдельное направление анализа — цифровое измерение гипотетической координации или, наоборот, расхождения между ИПП и *QUAD/AUKUS*. Его можно разделить на три составляющие — непосредственную, опосредованную и инструментально-нормативную.

Под непосредственной координацией имеется в виду возможность увязки китайского Цифрового шелкового пути (ЦШП) и цифровой составляющей ИТЭРС. Такой увязки нет, и при сохранении нынешних тенденций она едва ли возможна. Дело не только в том, что конфронтация между КНР и США включает технологическое измерение, наиболее ярким проявлением которого стало давление американских властей на компанию *Huawei*. Главное — в другом: Вашингтон и Пекин по-разному смотрят на существо цифрового пространства. Согласно позиции Вашингтона, Интернет — это, прежде всего, пространство глобального сотрудничества, и государства являются лишь одним из его участников. Позиция Пекина иная: Интернет — это, прежде всего, продолжение физического пространства страны, следовательно, оно должно находиться под государственным контролем. Примеры заявлений руководства КНР о применимости принципа суверенитета к цифровой сфере¹³ — равно как попыток регулирования цифрового пространства законами и подзаконными актами, ставящими акцент на национальной безопасности и социальной стабильности¹⁴, — уже есть.

Некоторые параллели между китайским и американским проектами, однако, можно провести в том плане, что и Вашингтон, и Пекин, а следовательно, и ведомые ими мегапроекты не могут координировать свою цифровую политику в отношениях с третьими странами. Поскольку такая координация предполагает совместное участие в многосторонних форматах, важно то, что США не входят во ВРЭП, а Китай — в ИТЭРС. Не ставя задачу дать оценку, какая из этих инициатив позволяет лучше решать вопросы цифрового сотрудничества, отметим именно отсутствие многосторонних возможностей его координации усилиями США и КНР (и, соответ-

ственно, перспективы выстраивания такой координации между ИТЭРС и ЦШП).

Под инструментально-нормативной координацией понимается влияние на эволюцию глобальных стандартов цифрового сотрудничества. Изначально оно определялось США, стоявшими у истоков развития современных цифровых технологий после Второй мировой войны. Пробраз сети Интернет был создан Агентством передовых оборонных исследовательских проектов в 1960-е годы, после чего Вашингтон на десятилетия определял стандарты ИКТ-сотрудничества. Это было закреплено в Протоколе о коммуникациях в сети Интернет (*Internet Communications Protocol*), впоследствии получившем название *TCP/IP v4 (Transmission Control Protocol/ Internet Protocol)*. По мере коммерциализации Интернета в 1990-е годы именно этот стандарт стал действующим и общепринятым. В немалой степени этому способствовал коммерческий успех американских компаний, так или иначе связанных с ИКТ-сферой: *Apple, Google, Qualcomm* и прочих.

Рост глобальных амбиций и возможностей Китая, в том числе в цифровой сфере, естественным образом обусловил его стремление влиять на эти стандарты, а в идеале определять их. Это подкрепляется практикой конкретных дел. Китайские компании демонстрируют высокую патентную активность, а в перспективных планах КНР — повышение своей инновационной самодостаточности¹⁵. КНР играет заметную роль в разработке стандарта *TCP/IPv6* — альтернативы *TCP/IPv4*. Китайский регулятор регистрирует доменные имена при помощи иероглифов¹⁶. Поднебесная проводит резонансные международные мероприятия — например, Всемирную конференцию по вопросам развития Интернета в г. Учжень¹⁷ или Всемирную конференцию по вопросам развития искусственного интеллекта в г. Шанхай¹⁸. Отметим и то, что Генеральным секретарем Международного союза электросвязи является Чжао Хоулинь, а Ричард Ли, связанный с компанией *Huawei*, оказывает большое влияние на разработку стандартов 5G интернета¹⁹.

Такая политика КНР сопровождается строительством китайскими компаниями объектов инфраструктуры в странах, присоединивших-

ся к ИПП. При этом возведенные Китаем производственные и социальные объекты оснащены китайским ИКТ-оборудованием и работают на китайских программах. Их обслуживают китайские инженеры (или местные специалисты, получившие подготовку в КНР), на них устанавливают разработанные в Китае обновления. Когда результаты наберут критическую массу, для Поднебесной решение вопроса об изменении стандартов промышленного и цифрового сотрудничества в удобную для себя сторону не составит больших усилий.

Таким образом, попытка определить элементы синергии (или хотя бы минимальной координации) между ИПП и ИТР/*QUAD*, *AUKUS* приводит к следующему выводу: они существуют только между *QUAD* и *AUKUS*, а между ними и ИПП возможностей такой, пусть даже и ограниченной, координации нет. Учитывая, что прошло достаточно много времени, чтобы — при наличии минимальной политической воли — такие инструменты выстроить, отладить и увидеть предел их возможностей, их отсутствие говорит само за себя. Ожидать, что Пекин и Вашингтон, при усилении элемента конфликтности в отношениях друг с другом, приступят к выстраиванию координации между ведомыми их усилиями мегапроектами, оснований объективно немного.

ИПП, ИТР и *AUKUS* сквозь призму интересов и политики АСЕАН

Анализируя последствия такого развития событий для Ассоциации, целесообразно выявить элементы сходства и различия рассмотренных выше инициатив именно применительно к политике и перспективным планам «десятки». Ключевым элементом того и другого остается формирование Сообщества АСЕАН. Определяя сходства и различия этих инициатив (ИПП vs ИТР/*QUAD/AUKUS*) именно сквозь призму интересов АСЕАН, можно выделить следующие моменты.

Сходства таковы, что все эти инициативы имеют отчетливое глобальное измерение и Юго-Восточная Азия является важной

частью каждой из них. В случае ИПП это тот факт, что через ЮВА проходят два сухопутных коридора и участок «Морского шелкового пути XXI века», а обстановка в регионе благоприятна для реализации китайских интересов благодаря ранее наработанным активам Поднебесной. В их числе — многочисленные диаспоры этнических китайцев, узнаваемые компании и бренды, институты делового сотрудничества с участием местных предпринимателей с китайскими корнями. Применительно к ИТР и *AUKUS* — то обстоятельство, что сотрудничество между участниками этих инициатив может составить, по сути дела, единственный противовес политике Китая в целом в регионе и в частности в Южно-Китайском море, противоречия вокруг которого уже десятилетие назад вопреки желанию КНР переросли региональные рамки и обрели глобальный характер. АСЕАН, хотя бы того руководители входящих в нее стран или нет, придется встраивать или, по крайней мере, адаптировать свою политику под каждый из этих форматов сотрудничества.

Еще один фактор сходства — ИПП и ИТР/*AUKUS* подрывают эффективность АСЕАН-центричных многосторонних диалоговых форматов, таких как АРФ, СМОА+ и ВАС. ИТР и *AUKUS* содействуют поляризации региональной среды как необходимого условия для продолжения диалога между участниками ведомых усилиями Ассоциации многосторонних площадок на нейтральной и инклюзивной основе. АСЕАН и в относительно спокойных условиях бывало непросто осуществлять функции координатора упомянутых диалоговых площадок (критика со стороны внерегиональных партнеров Ассоциации стала звучать уже после брунейской сессии АРФ в 1995 г., когда Китай заблокировал обсуждение вопроса о Южно-Китайском море, а впоследствии американо-китайские противоречия привели к снижению эффективности АРФ, СМОА+ и ВАС). Настораживает, что принятый Ассоциацией документ «Видение АСЕАН Индо-Тихоокеанского региона» предполагает «интеграцию» АРФ, СМОА+ и ВАС в рамки ИТР: такой шаг способен существенно затруднить деятельность асеаноцентричных диалоговых площадок, отрицательно сказавшись на репутации «десятки». Применительно

к ИПП важно отметить: Китай выстраивает собственную систему безопасности на основе Инициативы пояса и пути, увязывая строительство инфраструктуры, развитие сотрудничества между предприятиями, укрепление деловых контактов с де-факто уступками стран ЮВА по вопросам политики и безопасности. Соответственно, эволюция существующих противоречий имеет высокие шансы пойти по устраивающему Китай сценарию.

Наконец, как ИПП, так и ИТР с *AUKUS* оказывают разобщающий эффект на выработку АСЕАН своей позиции по глобальным вопросам. Среди таковых особую важность имеет опять-таки спектр проблем, связанных с Южно-Китайским морем: от свободы судоходства до разработки ресурсов спорных участков этой акватории. Поскольку АСЕАН заинтересована в укреплении своих глобальных позиций, ей необходимо выступать как единое целое по вопросам глобальной безопасности и развития. Южно-Китайское море с крупными запасами природных ресурсов, расположенное на пересечении морских торговых путей из Тихого океана в Индийский, оказывает большое влияние на глобальную торговлю, экологию, а главное — энергетическую и продовольственную безопасность. Если первые два фактора носят долговременный характер, то значимость последнего на фоне продолжающейся специальной военной операции России на Украине будет усиливаться. Соответственно, необходимость для Ассоциации в укреплении единства по этой проблеме в последнее время значительно возросла, а ИПП с ИТР и *AUKUS* такому укреплению явно не способствуют.

Содействовать снижению остроты споров вокруг Южно-Китайского моря мог бы Кодекс поведения сторон в ЮКМ, переговоры о котором ведут Китай и АСЕАН. И хотя важность его принятия осознается во всех столицах, неизбежные компромиссы и уступки в ходе согласования его параметров крайне чувствительны для обществ стран, вовлеченных в споры, что объективно тормозит выход на какие-либо договоренности обязывающего характера. При этом необязывающий характер документа проблему не решит — повто-

рится ситуация с Декларацией о поведении сторон в ЮКМ, которая способствовала лишь временной разрядке.

Что же касается *различий*, то основное из них состоит в следующем: если ИПП, при всех издержках, предполагает содействие перспективным планам АСЕАН в сфере экономики, главным из которых остается формирование Экономического сообщества АСЕАН до 2025 г., то в случае с ИТР и *AUKUS* подобное содействие не просматривается. С начала развития инициативы ИТР у нее не было проработанной экономической повестки, связанной, прежде всего, с инфраструктурным строительством. Она представляла собой скорее своеобразный антикитайский манифест, чем детальный план конкретных действий. Не было понятно, кто, в каком объеме и на каких условиях будет финансировать необходимые мероприятия. Принятые в «допандемийный» период документы — а это «Меморандум о взаимопонимании между Японским банком по международному сотрудничеству (*JBIC*) и Корпорацией зарубежных частных инвестиций (США)», «Партнерство в целях качественного инфраструктурного развития» и Азиатско-африканский коридор роста — не проясняют этот принципиальный вопрос. Равно как и ИТЭРС, о планах создания которого было заявлено в феврале, а подробная информация появилась в мае 2022 г. Акцентированно вопрос об инфраструктуре звучит лишь в контексте Инициативы построения нового мира (*Build Back Better World*) участников Большой семерки. Однако, учитывая нарастание внутренних социально-экономических проблем в этих странах, они едва ли будут стремиться взять на себя финансирование необходимых проектов на обширном географическом пространстве.

Применительно к ИТЭРС уместно отметить: Вашингтон предлагает партнерам сотрудничество по ряду технических направлений. В их числе — цифровая торговля, обмены трудовыми ресурсами, защита окружающей среды, развитие зеленых технологий, противодействие коррупции и иные. В то же время этот формат сотрудничества не является традиционной ЗСТ и не дает тринадцати государствам АТР доступа на американский рынок. Вкупе с неопре-

деленными перспективами инфраструктурного строительства этот формат едва ли станет действительно интересен государствам ЮВА. Однако в декларативно-политическом плане участие в нем, надо полагать, не только сохранится, но и будет расширяться.

Что же касается ИПП, то значимость ее вклада в перспективные планы АСЕАН высока: Азиатский банк развития оценивает затраты на инфраструктуру в ЮВА в 2,8 трлн долл. США на 2016–2030 гг.²⁰ Ассоциация хорошо понимает важность как трансграничного инфраструктурного строительства — без него ЮВА не станет единым пространством ведения производственной и коммерческой деятельности, привлекательным для внерегиональных партнеров, — так и привлечения финансирования из внеасеановских источников, в том числе со стороны ИПП. Не будет без него и так необходимого «десятке» качественного изменения роли своих стран-участниц в ГЦС. С учетом того, что наибольшую выгоду от ГЦС получают игроки, контролирующие «высокотехнологичные» процессы (разработка технологии товара, его бренда, маркетинг, продажи и послепродажное обслуживание), те страны «десятки», на долю которых выпадают сборочные операции и простые услуги, рискуют тем, что их компании будут замкнуты на наименее прибыльных и низкотехнологичных сегментах ГЦС²¹. Изменение такой ситуации, как и реализация планов АСЕАН по повышению своего влияния на глобальные процессы, вряд ли возможно без масштабных инвестиций в трансграничную инфраструктуру.

В практическом аспекте, связанном с действиями АСЕАН, важны три момента. Первый из них — АСЕАН не смогла координировать свою политику одновременно в отношении ИПП и ИТР. С образованием *AUKUS* эта задача многократно усложнилась, так как усилилась ее глобальная составляющая применительно к ядерной проблематике. Сейчас АСЕАН значительно сложнее двигаться к формированию Зоны, свободной от ядерного оружия в ЮВА, что остается одним из приоритетных проектов Ассоциации. Но главное — в другом: на пространство азиатского юго-востока могут сместиться противоречия ядерных держав. Примечательна позиция

австралийских экспертов: единственный резон закупать атомные подводные лодки существует только в том случае, если ставится цель преследовать подводные лодки того же класса потенциально-го противника²². Соответственно, Южно-Китайское море имеет все шансы превратиться в арену соперничества между США и их союзниками и Китаем уже с элементами ядерного противостояния.

Второй момент таков, что попытка АСЕАН выстроить подход к инициативе ИТР — принятие документа «Индо-тихоокеанское видение АСЕАН» и реализация намеченных в нем целей по адаптации АРФ, «СМОА плюс» и ВАС к новой матрице — может привести к обратному результату, а именно к маргинализации этих диалоговых структур в приоритетах партнеров АСЕАН, а следовательно — центральной роли Ассоциации в системе многосторонних переговоров по вопросам безопасности. Причина очевидна: китайско-американские противоречия будут проецироваться на эти переговорные площадки в значительно большей степени, чем это происходило до сих пор. Усугубляет ситуацию и присоединение к диалоговым форматам новых участников (пока в «непостоянном» качестве), таких как Франция, Канада или ЕС — их добавленная стоимость минимальна, а однозначное позиционирование в американо-китайских спорах ведет к углублению разделительных линий.

Говорить о монолитности АСЕАН не приходится и без конкурирующих глобальных инициатив. Помимо территориальных споров в Южно-Китайском море, к очевидным «водоразделам» относится проблема Мьянмы. Чего стоит хотя бы отсутствие представителя Мьянмы за столом переговоров недавнего саммита США–АСЕАН. Однако более существенные вызовы единству «десятки» могут исходить от самих стран-членов, оказывающих влияние на позицию всей Ассоциации, балансирующей между двумя полюсами в АТР. С одной стороны, есть Сингапур, позитивно отзывающийся об *AUKUS*, с другой — к примеру, Камбоджа, зачастую подыгрывающая Китаю. «На распутье» находится Вьетнам, существенная часть элиты которого выступает за близкие к союзническим отношения с Западом. Поводом для этого является не только традиционная подозри-

тельность к Китаю: фактически Ханой рассчитывает на «новое экономическое чудо» за счет переноса производственных мощностей в страну из КНР.

Третий и наиболее важный момент состоит в следующем. Как уже отмечалось, до сих пор приоритетам АСЕАН соответствовала китайская Инициатива пояса и пути. Хотя Китай не скрывает намерений использовать свои экономические возможности для влияния на значимые для себя политические проблемы (а это, прежде всего, противоречия, связанные с Южно-Китайским морем), тем не менее он готов финансировать проекты, усиливающие конкурентоспособность АСЕАН и ее стран-участниц, включая строительство дорогостоящих объектов трансграничной инфраструктуры. В этом контексте для АСЕАН важно то, что ИПП не подразумевает, по крайней мере пока, создания каких-либо форматов и площадок, нацеленных на конкуренцию с асеаноцентричными структурами многосторонней дипломатии на пространстве АТР.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о корреляции цифровой составляющей ИТЭРС и ИПП с перспективными планами АСЕАН. Эти планы определены в ряде документов, основные из которых – Генеральный план АСЕАН по развитию цифрового сотрудничества до 2025 г., Рамочный план действий АСЕАН по цифровой интеграции на 2019–2025 гг. и Программа действий АСЕАН по цифровой трансформации для стимулирования экономического восстановления и интеграции в сфере цифровой экономики. В общем и целом их главным приоритетом является формирование в ЮВА единого пространства цифрового сотрудничества для реализации целей Сообщества АСЕАН до 2025 г.

Рассматривая ИТЭРС именно с этого ракурса, выделим ряд моментов. ИТЭРС не включает три страны АСЕАН – Лаос, Камбоджу и Мьянму, что само по себе идет вразрез с планами Ассоциации как единого целого. ИТЭРС, как уже упоминалось, не является классическим соглашением о свободной торговле и не дает его участникам преференций в доступе на рынки друг друга, что лишает цифровое сотрудничество прочного фундамента. Непонятно, как

ИТЭРС будет выстраивать диалог с другими многосторонними форматами и инициативами, имеющими цифровую повестку сотрудничества, прежде всего ВРЭП (учитывая, что переговоры между его участниками заняли почти восемь лет, согласовать хотя бы базовые направления взаимодействия ИТЭРС и ВРЭП становится крайне непросто). Наконец, отсутствие в ИТЭРС Китая изначально привносит в этот формат сотрудничества сильный элемент политизации, который распространяется и на цифровую сферу (политические и деловые элиты стран ЮВА не питают иллюзий относительно причин американского давления на компанию *Huawei*). По сумме этих обстоятельств цифровое сотрудничество между участниками АСЕАН и ИТЭРС (а в ИТЭРС, повторимся, вошли семь стран Ассоциации), скорее всего, будет заключаться в реализации на двустороннем уровне отдельных мероприятий или, в лучшем случае, программ технического содействия. О координации АСЕАН и ИТЭРС с точки зрения реализации перспективных планов Ассоциации как единого целого – будь то в содержательном, институциональном или ином отношении – речи идти не может.

Применительно к ИПП ситуация иная. Политика Китая, по крайней мере на уровне целеполагания, не направлена на раскол Ассоциации на страны, участвующие и не участвующие в инициативах Цифрового шелкового пути. Напротив, Поднебесная делает акцент на взаимодействии с АСЕАН именно как с единым целым. Запущены такие инициативы, как Форум электронной коммерции Китай–АСЕАН, Саммит по вопросам искусственного интеллекта Китай–АСЕАН, Информационная гавань промышленного сотрудничества Китай–АСЕАН в рамках Цифрового шелкового пути (*China–ASEAN Information Harbor Digital Silk Road Industry Cooperation*). Это сопровождается активностью китайских ИКТ-компаний в ЮВА, их политикой слияния и поглощения местных фирм схожего профиля, партнерствами с администрациями всех уровней в странах азиатского юго-востока. Закономерным результатом становится участие китайских компаний в планах развития этих стран и Ассоциации в целом. Из множества таких проектов уместно выделить Восточ-

ный экономический коридор инноваций Таиланда, Цифровой парк Таиланда и Сеть умных городов АСЕАН.

Проблема, однако, для Ассоциации состоит в том, что Китай расширяет инструменты контроля над отдельными странами ЮВА и регионом в целом. Поднебесная имеет основания поставить вопрос о защите своих инвестиций. Средства этой защиты могут быть самыми разными, вплоть до превращения ИКТ в инфраструктуру двойного назначения. Выстраивая диалог с соседями, Пекин может увязывать разрешение противоречий вокруг Южно-Китайского моря с прокладкой там подводных кабелей – планы таких работ уже есть²³. Такая политика «Интернет плюс» делает Юго-Восточную Азию территорией повышенной проницаемости для интересов Поднебесной, в чем Цифровой шелковый путь (ЦШП) играет одну из ключевых ролей.

Несмотря на такую мозаичную картину, страны ЮВА остаются заинтересованы в сотрудничестве с Китаем в формате ЦШП. Хотя бы потому, что деваться им, по большому счету, некуда: есть все основания ожидать не только активизации китайских ИКТ-компаний в ЮВА, но и реализации там ЦШП в его увязке с появившимся недавно новым направлением ИПП – Медицинским шелковым путем. Последний предполагает множество проектов, в которых заинтересованы страны ЮВА, начиная от сбора данных медицинских исследований при помощи цифровых инструментов и заканчивая так называемым Интернетом медицинских вещей, телемониторингом и снижением цен на дорогостоящие операции. Увязывая это со строительством производственной и социальной инфраструктуры и финансируя многие из необходимых мероприятий, Китайкратно повышает конкурентоспособность своих партнеров из ЮВА, а также Ассоциации в целом. Элиты стран азиатского юго-востока ясно осознают важность того и другого.

Сказанное выше подталкивает к следующему выводу: в условиях роста глобальной составляющей в эволюции проблем азиатского юго-востока АСЕАН будет уделять повышенное внимание ИПП и ИТР/*AUKUS*. Вместе с тем Ассоциации вряд ли удастся интегри-

ровать в свои перспективные планы эти инициативы именно в совокупности, хотя ее интерес к ИПП имеет устойчивую тенденцию к усилению.

Заключение

Анализ того, что несут форматы сотрудничества ИПП, ИТР и *AUKUS* Ассоциации и ее перспективным планам, подталкивает к ряду обобщающих оценок.

В тактическом плане, поскольку координация между рассмотренными выше форматами, равно как планами АСЕАН в их отношении, затруднительна, АСЕАН будет стремиться «развести их по разные стороны» в своей политике. С ИТР и *AUKUS* АСЕАН будет осуществлять избирательное, фрагментарное сотрудничество (возможны обсуждения и даже совместные действия – к примеру, по вопросам изменения климата), при одновременно предпринимаемых шагах по нейтрализации негативного образа обеих инициатив как антикитайских проектов. Однако мотивация развивать диалог с Пекином в контексте реализации Инициативы пояса и пути у Ассоциации будет значительно сильнее – именно из-за экономических причин.

Изменение отношения «десятки» к ИТР/*AUKUS* возможно в случае обрастания этих инициатив солидной экономической составляющей. Однако вероятность такого сценария остается невысокой. Формат *AUKUS* по своему изначальному замыслу далек от экономического сотрудничества, а мотивация участников ИТР развивать экономические проекты, финансируя их за счет собственных средств, остается ограниченной.

Более важно стратегическое измерение проблемы. Все описанное выше относится к предыдущему опыту АСЕАН, к той парадигме ее политики, которая была в чем-то хороша, а в чем-то нет, но была нацелена на решение проблем Юго-Восточной Азии. В современных условиях, а тем более в обозримой перспективе, этого недостаточно. Для решения глобальных задач нужны глобальное це-

лепологание, глобальные инструменты и глобальный статус. АСЕАН должна выстраивать координацию ИПП, ИТР и *AUKUS* не с превращением ЮВА в привлекательное пространство ведения хозяйственной и коммерческой деятельности, страны которого придерживаются более или менее одинаковых взглядов на существо ключевых международных проблем (такого единства у Ассоциации не было и в более спокойные времена, а в перспективе готовность к нему у стран «десятки» будет снижаться), а народы свободно перемещаются по пространству всего азиатского юго-востока. Такая координация должна выстраиваться с более высоким уровнем политики Ассоциации – реализацией ее усилиями глобальной инициативы, органичной частью которой являлось бы Сообщество АСЕАН. Пока в планах Ассоциации такая инициатива отсутствует даже на уровне целеполагания (да и неизвестно, что может собой представлять эта инициатива и возможно ли ее появление в принципе).

Вне зависимости от тактической и стратегической составляющих проблемы АСЕАН реагирует на нее в условиях углубляющегося миротрансформационного кризиса. Возможно, это лишь репетиция перед более серьезными испытаниями, когда вызовы, подобные ИПП, ИТР и *AUKUS*, станут для Ассоциации «новой нормальностью»? Тем любопытнее посмотреть, какую политику АСЕАН будет выстраивать в отношении этих инициатив и насколько эффективной она окажется в конечном итоге.

Примечания

- ¹ U.S. Vicious Slanders on China over COVID-19 Origins Tracing and the Truth // Xinhua. 2021. November 6. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/06/c_1310294848.htm (accessed: 21.07.2022).
- ² Roubini Sees a 'Hard Landing' for the Economy // Wealth Management. 2022. June 1. URL: <https://www.wealthmanagement.com/fix-income/roubini-sees-hard-landing-economy> (accessed: 21.07.2022).
- ³ Глазьев С.Ю. Глобальная трансформация через призму смены технологических и мирохозяйственных укладов // AlterEconomics. 2022. Т. 19. № 1. С. 93–115.

- ⁴ Vietnam: Export of Goods from 2010 to 2020 // Statista. 2022. March 8. URL: <https://www.statista.com/statistics/444771/export-of-goods-to-vietnam/> (accessed: 21.07.2022).
- ⁵ Vị thế và có đồ đồ kinh tế Việt Nam (Положение и структура экономики CPB) // Bộ Tài chính Việt Nam (Министерство финансов Вьетнама). 12.01.2021. URL: https://vst.mof.gov.vn/webcenter/portal/mvclstc/r/m/ptitut-suk/ptikitettc/ptikitettc_chitiet?dDocName=MOFUCM188702&dID=202885&_afLoop=383170028056086#%40%3F_afLoop%3D383170028056086%26centerWidth%3D100%2525%26dDocName%3DMOFUCM188702%26dID%3D202885%26leftWidth%3D0%2525%26rightWidth%3D0%2525%26showFooter%3Dfalse%26showHeader%3Dfalse%26_adf.ctrl-state%3Dtrvoj8nio_4 (дата обращения: 21.07.2022).
- ⁶ Tình hình thu hút đầu tư nước ngoài năm 2020 (Ситуация с привлечением иностранных инвестиций в 2020 году) // Bộ Kế hoạch và Đầu tư Việt Nam (Министерство планирования и инвестиций Вьетнама). 24.12.2020. URL: <https://fia.mpi.gov.vn/Detail/CatID/457641e2-2605-4632-bbd8-39ee65454a06/NewsID/a590e4ad-2ba7-48d7-af1e-7b613542fea3/MenuID/07edbbe1-67a3-484b-a4e2-b5faef1b9de5> (дата обращения: 21.07.2022).
- ⁷ Q&A: How Vietnam's Supply Chains Differ from its Peers and its Participation in Global Value Chains // Vietnam Briefing. 2021. March 30. URL: <https://www.vietnam-briefing.com/news/how-vietnams-supply-chains-differ-from-its-peers-and-participation-in-global-value-chains.html/> (accessed: 21.07.2022).
- ⁸ Vietnam's Integration in Global Value Chains: Opportunities and Vulnerabilities // US International Trade Commission. 2021. December. URL: https://www.usitc.gov/publications/332/executive_briefings/ebot_vietnam_integration_in_global_value_chains-opportunities_and_vulnerabilities.pdf (accessed: 21.07.2022).
- ⁹ Лукьянов Ф.А. Почему Западу не удастся вовлечь остальной мир в противостояние с Россией // Россия в глобальной политике. 04.07.2022. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/pochemu-zapadu-ne-udaetsya/> (дата обращения: 21.07.2022).
- ¹⁰ Building “Situations of Strength” // Brookings. 2017. February. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/02/fp_201702_ofc_report_web.pdf (accessed: 21.07.2022).
- ¹¹ Joint Leaders Statement on AUKUS // White House. 2021. September 15. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/09/15/joint-leaders-statement-on-aukus/> (accessed: 21.07.2022); Quad Joint Leaders Statement // White House. 2022. May 24. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/24/quad-joint-leaders-statement/> (accessed: 21.07.2022).

- 12 Statement by National Security Advisor Jake Sullivan on Fiji Joining the Indo-Pacific Economic Framework for Prosperity // White House. 2022. May 26. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/05/26/statement-by-national-security-advisor-jake-sullivan-on-fiji-joining-the-indo-pacific-economic-framework-for-prosperity/> (accessed: 21.07.2022).
- 13 China's Positions on International Rules-Making in Cyberspace // Ministry of Foreign Affairs of China. 2021. October 20. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjb_663304/zjzg_663340/jks_665232/kjlc_665236/qtwt_665250/202110/t20211020_10407225.html (accessed: 21.07.2022).
- 14 Evaluating Chinas New "Internet Information Service Algorithmic Recommendation Management" Regulations // Legal Tech News. 2022. April 21. URL: <https://www.law.com/legaltechnews/2022/04/21/evaluating-chinas-new-internet-information-service-algorithmic-recommendation-management-regulations/?slreturn=20220613115454> (accessed: 21.07.2022).
- 15 *Кириченко И.В., Кравцов А.А., Мамедьяров З.А., Шелюбская Н.В., Никитин А.В.* Мониторинг состояния мировой экосистемы инноваций за 2020–2021 гг. // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 1. С. 78–99.
- 16 Chinese Domain Name FAQ // China Internet Network Information Center. 2012. October 8. URL: https://www.cnnic.com.cn/PublicS/fwzx/zwymfaq/201210/t20121008_36618.htm (accessed: 21.07.2022).
- 17 Xi: Jointly Foster Stable Cyberspace // World Internet Conference. 2022. July 14. URL: <https://www.wuzhenwic.org/index.html> (accessed: 21.07.2022).
- 18 About World Artificial Intelligence Conference // WAIC. URL: <https://waicsea.com/#maintext> (accessed: 21.07.2022).
- 19 Huawei так сильна, что влияет на разрабатываемые стандарты 5G? // Nag News. 11.02.2019. URL: <https://nag.ru/material/34236> (accessed: 21.07.2022).
- 20 Connecting Asia Infrastructure for Integrating South and Southeast Asia // Asian Development Bank Institute. 2016. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/180191/adbi-connecting-asia-infrastructure-integrating-south-southeast-asia.pdf> (accessed: 21.07.2022).
- 21 *Кондратьев В.Б.* Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 3. С. 170–177.
- 22 *Бабонес С., Лукьянов Ф.А.* Австралия покупает не атомные субмарины, а входной билет в ядерную игру // Россия в глобальной политике. 28.09.2021. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/avstraliya-ne-atomnye-submariny/> (дата обращения: 21.07.2022).

- 23 China Builds Cable Maintenance Bases under South China Sea and East China Sea // Newsnpr. 2021. December 12. URL: <https://www.newsnpr.org/china-builds-cable-maintenance-bases-under-south-china-sea-and-east-china-sea/> (accessed: 21.07.2022).

Глава 6

Стратегическое партнерство России и АСЕАН в условиях региональной фрагментации

АННОТАЦИЯ: Стратегическое партнерство между РФ и АСЕАН на момент формирования в 2018 г. воспринималось как безусловный успех российской дипломатии на азиатско-тихоокеанском направлении и логичное продолжение политики поворота на Восток. Однако несколько лет спустя можно говорить о существенных сложностях партнерства данного типа, не в последнюю очередь в силу изначально завышенных ожиданий. И если на момент формального перехода к данному статусу у многих наблюдателей сохранялся оптимизм по поводу общего стратегического видения и готовности сторон работать сообща в реагировании на ключевые региональные и глобальные вызовы, а также способности сторон нарастить торгово-экономическое взаимодействие, за последние четыре года окно возможностей для реализации РФ и АСЕАН намеченных планов сократилось. Сохраняется несколько болевых точек для двустороннего взаимодействия на фоне общей фрагментации политико-экономической архитектуры в Азии и мире в целом. *Во-первых*, это неспособность России и АСЕАН сформулировать общий подход к Индо-Тихоокеанскому региону и де-факто отрицание Москвой самой концепции из-за ее избирательного подхода к международному сотрудничеству. *Во-вторых*, пандемия и последовавший за ней коронакризис продемонстрировали отсутствие тесной координации

в противодействии данному вызову. *В-третьих*, в подписанном и ратифицированном ВРЭП не представлена ни Россия, ни ЕАЭС. Наконец, обострение украинского кризиса усложняет полноценную реализацию стратегического партнерства и затрудняет, по крайней мере в краткосрочной перспективе, выполнение задач укрепления торгово-экономического и инвестиционного взаимодействия между сторонами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: РФ, АСЕАН, стратегическое партнерство, санкции, ЗСТ.

ABSTRACT: The strategic partnership between Russia and ASEAN at the time of its formation in 2018 was perceived as an unconditional success of Russian diplomacy in the Asia-Pacific region and a logical continuation of Russia's Pivot to the East policy. Several years later, however, one can speak about rising difficulties for this type of partnership, not least because of initially inflated expectations. At the time of the formal transition to this status many observers remained optimistic about the parties' shared strategic vision and willingness to work together to respond to key regional and global challenges, as well as their ability to increase trade and economic cooperation. Over the past years the window of opportunity for Russia and ASEAN to implement their plans has unfortunately significantly shrunk. There are several pain spots emerging in the bilateral cooperation amid the general fragmentation of the political-economic architecture in Asia and in the world. First, so far Russia and ASEAN proved to be unable to formulate a common approach to the Indo-Pacific region while Moscow de facto rejected the concept itself for its non-inclusiveness. Second, the pandemic and the following corona crisis demonstrated a lack of close coordination in confronting this challenge. Third, the region has witnessed signing and further ratification of the RCEP, which failed to include Russia or the EAEU or to secure other forms of their representation in this mega-regional project. Finally, the exacerbation of the Ukrainian crisis limited the room for maneuver for the strategic partners and questioned, at least temporarily, the prospects for strengthening trade, economic and investment cooperation between the parties.

KEYWORDS: Russia, ASEAN, strategic partnership, sanctions, FTA.

Введение

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ партнерство между Россией и АСЕАН на момент формирования в 2018 г. воспринималось как безусловный успех российской дипломатии на азиатско-тихоокеанском направлении и логичное продолжение политики поворота России на Восток. Поводов для воодушевления было множество.

Во-первых, АСЕАН, несмотря на все внутренние трудности, ограниченный дипломатический вес и замкнутость между двумя центрами силы — США и КНР, по-прежнему является ведущей многосторонней площадкой для диалога в АТР с уже сформированной системой институтов, инициатив и форматов диалогового партнерства. Устоявшееся на рубеже 1990–2000-х годов в практике регионального взаимодействия неписаное правило гласит: стремиться интегрироваться в АТР — должен получить «благословение» АСЕАН на участие в различных многосторонних форматах¹. Примером служит членство партнеров АСЕАН в Восточноазиатском саммите (ВАС), Региональном форуме АСЕАН (АРФ), Совещании министров обороны АСЕАН + (СМОА плюс), а также новоиспеченном Всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). По этой причине России было принципиально важно подкрепить юридической рамкой свой поворот на Восток и более тесное вовлечение в политико-экономические процессы в Юго-Восточной Азии и шире в АТР.

Во-вторых, главным активом российско-асеановских отношений на протяжении долгих лет служил дипломатический консенсус по ряду наиболее чувствительных вопросов международной политики и отсутствие сколь-либо серьезных разногласий на двустороннем уровне. Последнее выгодно отличало взаимодействие России и АСЕАН от многих других форматов диалогового партнерства с участием Ассоциации, которые были перегружены разного рода противоречиями. В первую очередь, речь идет о партнерских отношениях с Китаем и США, которые в разной степени и по различным вопросам вызывают беспокойство и даже раздражение среди элит стран Юго-Восточной Азии. К числу основных точек со-

пряжения между Россией и АСЕАН на протяжении долгого периода можно было отнести их позицию по вопросам недопустимости гегемонизма, поощрения национального эгоизма и протекционизма, отказа от формирования блокового характера отношений в АТР, подрыва свободной торговли².

В-третьих, неотъемлемым элементом любой стратегии государств по переориентации внешнеполитических направлений является наращивание торгово-экономического взаимодействия с «новыми» партнерами. И АСЕАН в этом отношении также является желанным направлением. Помимо экономического фактора в лице крупного и развивающегося потребительского рынка ЮВА свыше 670 млн человек и возможности увеличения экспортных поставок российской продукции, есть еще и административно-бюрократический компонент. Ассоциация в качестве единого целого и отдельные страны-члены объединения обладают значительным опытом в реализации соглашений о создании зон свободной торговли (ЗСТ) как с развивающимися, так и развитыми странами³. России, будучи крупнейшей экономикой пока еще молодого по меркам интеграционных объединений ЕАЭС, критически важно заручиться поддержкой АСЕАН и ее отдельных участников и использовать асеаноцентричные инструменты продвижения свободной торговли в качестве площадки для «обкатки» собственных еаэсоцентричных механизмов и наращивания переговорного опыта⁴. Частично этими соображениями продиктовано первое для ЕАЭС соглашение по ЗСТ с Вьетнамом, вступившее в силу в 2016 г., а также последовавшее в 2019 г. подписание соглашения о свободной торговле и рамочного соглашения о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Сингапуром.

Болевые точки стратегического партнерства: коронакризис

Важно при этом понимать, что формализация стратегического партнерства между Россией и АСЕАН пришлось на принципиально иной международный и региональный политико-экономиче-

ский контекст. Прежде всего, в 2018 г. на мир еще не обрушилась пандемия коронавируса, которая вылилась в масштабную гуманитарную и экономическую катастрофу и привела к еще большей фрагментации мирового порядка и архитектуры региональной безопасности. Коронакризис отчетливо показал уязвимость стратегического партнерства между Россией и АСЕАН, поскольку уровень координации и согласованности сторон в преодолении негативных последствий кризиса был далек от желаемого. В основном он ограничился отдельными обсуждениями общей ситуации и отправкой гуманитарной помощи в виде российской вакцины «Спутник V» в отдельные страны Ассоциации, преимущественно Вьетнам⁵. Однако объемы помощи были несоизмеримо меньше в сравнении с рядом других партнеров АСЕАН, прежде всего США, Китаем и ЕС, которые в дополнение к поставкам собственных вакцин оказывали активную финансовую и институциональную поддержку Ассоциации.

Так, например, вскоре после начала пандемии активизировалось многостороннее и двустороннее взаимодействие в рамках АСЕАН+3 (Китай, Япония, РК), а также Сопредседания старших должностных лиц по вопросам развития здравоохранения АСЕАН+3 (*APT SOMHD*)⁶. Однако ключевым событием в рамках сотрудничества в формате АСЕАН+3 стало решение создать в июле 2020 г. Фонд АСЕАН по противодействию COVID-19 и региональный резерв лекарственных препаратов и медицинских средств АСЕАН, который профинансировали многие диалоговые партнеры Ассоциации⁷.

Не стало исключением и взаимодействие России с АСЕАН в формате ЕАЭС по вопросам «ковидной дипломатии», где также наблюдалась низкая степень консолидации на практическом уровне. Главным событием в этой области стало продление в августе 2020 г. программы двустороннего сотрудничества до 2025 г., которая была пересмотрена и адаптирована с учетом «новой нормальности» в мировой экономике и мировой политике⁸. Помимо этого, можно отметить проведение 29 сентября 2020 г. круглого стола «ЕАЭС и АСЕАН: адаптационные механизмы стран для поддержания интеграцион-

ного развития в условиях кризиса» с участием представителей ЕЭК и Секретариата АСЕАН⁹.

В целом взаимодействие России и АСЕАН в практическом поле по предотвращению последствий коронакризиса носило и продолжает носить спорадический характер. Скорее в данном случае корректнее говорить об отдельных нишевых областях на примере производства вакцин и экспорта медикаментов и о сотрудничестве с отдельно взятыми странами-членами АСЕАН, а не с объединением в целом.

Индо-Тихоокеанское пространство

Еще одним ярким примером отсутствия зрелости в рамках стратегического партнерства и низкого уровня координации и взаимодополняемости применительно к вопросам региональной безопасности можно отнести подходы сторон к концепции Индо-Тихоокеанского региона. В 2018 г. АСЕАН еще не представила публично свое видение развития Индо-Тихоокеанского пространства, которое принципиально отличается от других версий ИТР, в первую очередь американской. Российская сторона неоднократно выступала с публичной критикой данной концепции. Наиболее последовательно российская критика концепции ИТР была сформулирована в выступлениях российского министра иностранных дел С.В. Лаврова. В большинстве своих публичных выступлений он акцентировал внимание на том, что вызовы региональному порядку создает именно американоцентричная версия ИТР¹⁰.

Подобные шаги по своей сути представляются логичными, поскольку сама АСЕАН стремится к тому, чтобы провести водораздел между американской версией ИТР, направленной на сдерживание КНР в регионе, и собственной, нацеленной на поддержание статус-кво и сохранение центральной роли АСЕАН в политических и экономических процессах в регионе. В этом отношении мы видим синхронизацию в восприятии намерений ключевых центров силы в ИТР, в частности, США со стороны России и АСЕАН¹¹. Тем

не менее к настоящему времени РФ в отличие от многих внерегиональных держав не сформулировала собственного видения Индо-Тихоокеанского пространства, что является в определенной степени преградой для диалога с Ассоциацией. Кроме того, с учетом очевидной фрагментации архитектуры региональной безопасности в зоне Тихого океана и растущего внимания АСЕАН к новому пространству, недооценка фактора ИТР в региональной политике Ассоциации и в ее подходах к выстраиванию российско-асеановского диалога по вопросам безопасности и экономики представляется контрпродуктивной для двусторонних связей и долгосрочных интересов РФ в целом.

Слабость торгово-экономических связей

Визитной карточкой российско-асеановского партнерства многие годы служило военно-техническое сотрудничество и взаимодействие в сфере обороны и безопасности в более широком смысле. В данном отношении можно особо отметить и системный диалог по линии военных ведомств, и консультации в формате ШОС–АСЕАН или ОДКБ–АСЕАН, где Россия активно представлена. В 2021 г. состоялось знаковое событие для обеих сторон – РФ и Ассоциация провели в Индонезии первые двусторонние военно-морские учения¹². Важно также отметить, что Россия является крупнейшим поставщиком вооружений в страны ЮВА в денежном выражении. По данным SIPRI, в период с 1999 по 2018 г. РФ экспортировала в регион вооружений на сумму 10,7 млрд долл., или 26% всего оружейного импорта ЮВА за этот период, в то время как показатель второго крупнейшего экспортера вооружений – США составил 8,2 млрд долл. (20% от общего импорта странами Юго-Восточной Азии)¹³.

Сотрудничество РФ и АСЕАН не ограничивается исключительно вопросами «жесткой» безопасности. Стороны интенсивно взаимодействуют в вопросах предотвращения последствий стихийных бедствий, в частности тайфунов или ураганов в ЮВА, энергетиче-

ской и информационной безопасности во многом из-за активного присутствия таких ведущих российских IT-гигантов, как Лаборатория Касперского или *InfoWatch*, на рынках Юго-Восточной Азии¹⁴.

Безусловно, невозможно игнорировать эти факторы или приносить их значимость. Однако представляется, что стратегическое партнерство по своему определению должно опираться на развитую экономическую базу двустороннего взаимодействия или, по крайней мере, ею подкрепляться. В этом отношении экономическое измерение российско-асеановских отношений до сих пор остается одним из самых слабых в рамках стратегического партнерства. Об этом говорят как сухие цифры, так и общая инфраструктура бизнес-диалога, которая включает в себя активность торговых представительств, бизнес-ассоциаций, работу торгово-промышленных палат и делового этнического лобби и т.д.

Статистически по уровню взаимного товарооборота Россия обгоняет лишь Канаду и Новую Зеландию в числе ведущих торгово-экономических партнеров Ассоциации среди полномасштабных диалоговых партнеров «десятки». При этом обращает на себя внимание и общий скромный товарооборот, слабая диверсифицированность российского экспортного портфеля, а также устойчивый тренд на отрицательное сальдо в торговле с АСЕАН. Любопытно, что, несмотря на пандемийные ограничения, взаимная торговля по итогам 2021 г. укрепилась и составила 20 млрд долл., увеличившись по сравнению с 2019 г. на 15%¹⁵. Это неплохой показатель с учетом всех социально-экономических затруднений, появившихся с началом пандемии. Однако данный рост в основном происходил за счет увеличения экспортных поставок стран АСЕАН в Россию. По состоянию на конец 2021 г. 63% двусторонней торговли приходилось на импорт в РФ, который в большинстве случаев рос более быстрыми темпами, чем российский экспорт в ЮВА¹⁶. При этом большую часть экспортного портфеля РФ в страны АСЕАН традиционно составляет продукция топливно-энергетического комплекса, на которую приходится от 45 до 62% всех российских поставок в регион в зависимости от периода¹⁷. Указанные тенденции носят системный

характер, и на данный момент явных предпосылок по исправлению баланса в торговле с Ассоциацией не наблюдается.

Формирование ВРЭП как потенциальный вызов экономическим связям России и АСЕАН

Не играет на руку двустороннему торгово-экономическому сотрудничеству и ратификация крупнейшего в мире соглашения о свободной торговле ВРЭП в 2022 г., в подписании которой еще несколько лет назад сомневались даже самые ярые оптимисты, особенно после выхода Индии из переговоров в 2019 г. Ни Россия, ни ЕАЭС не являются участниками ВРЭП, а перспективы присоединения Москвы или Союза к переговорному процессу в обозримом будущем близки к нулевым как по экономическим, так и геополитическим соображениям. Отсутствие России в этом престижном клубе означает буквально следующее — новые правила игры в торговле и инвестициях в АТР будут писаться без участия Москвы, равно как и восстановление и дальнейшая макрорегионализация торговых и технологических цепочек добавленной стоимости. В обоих случаях РФ отводится лишь роль наблюдателя за всеми этими процессами. Потенциальное решение проблемы «миски с лапшой» применительно к преференциальным торговым соглашениям в рамках ВРЭП грозит еще больше маргинализировать значимость РФ в качестве торгового партнера АСЕАН.

Обострение украинского кризиса

Как уже было отмечено ранее, ведущим ресурсом двусторонних отношений было общее стратегическое видение и единый дипломатический язык. Нередко это становилось важным инструментом укрепления российско-асеановских отношений и впоследствии — аргументом для вывода отношений на уровень стратегического партнерства. АСЕАН стремилась конструктивно воздерживаться и избегать критики или публичного обсуждения чувствительных

для РФ вопросов, включая украинский кризис и конфликтные тенденции в отношениях России с Западом¹⁸. Россия, в свою очередь, на протяжении многих лет пыталась придерживаться той же линии в отношении внутривосточных и региональных кризисов в Юго-Восточной Азии, например ситуации в Мьянме, череды государственных переворотов в Таиланде и политических неурядиц в Малайзии и Камбодже¹⁹. Однако самое важное заключается в том, что Россия максимально дистанцировалась от территориальной проблемы в Южно-Китайском море, которое превратилось в арену столкновения двух ключевых стратегических партнеров России в АТР — Китая и Вьетнама (помимо всех прочих стран, заявляющих о своих притязаниях на те или иные острова в ЮКМ).

История развития конфликта в ЮКМ показывает, что желаемое дистанцирование РФ от данной проблемы далеко не всегда успешно реализовывалось на практике. Один из примеров — военно-морские учения России и Китая в ЮКМ в 2016 г., которые были приняты «в штыки» со стороны других участников спора, прежде всего Вьетнама²⁰. Однако было бы ошибочно утверждать, что присутствие или позиция России по проблеме Южно-Китайского моря негативно воспринимается в регионе и представляет вызов какой-либо стороне конфликта.

Тем не менее резкое обострение украинского кризиса и де-факто деградация системы европейской безопасности с февраля 2022 г. создало принципиально новый контекст развития партнерства России и АСЕАН, а вместе с тем и вызовы как в общестратегической, так и экономической плоскости.

Стратегическое измерение двустороннего партнерства после 24 февраля 2022 г.

Начало специальной военной операции на Украине стало определенным вызовом стратегическому партнерству России и АСЕАН, которое по своей логике должно было предполагать если не открытую поддержку, то информирование о намерениях и согла-

сованность в действиях. Ничего из этого не наблюдалось, однако вместе с тем не последовало и прямой критики в адрес российских действий. Ассоциация на уровне министров иностранных дел стран-членов в присущей ей дипломатической манере выразила глубокую обеспокоенность военными действиями и ухудшением гуманитарной ситуации на Украине и призвала к немедленному прекращению огня и продолжению политического диалога мирным путем²¹. Примечательно, что в одностороннем документе Ассоциации Россия не была упомянута напрямую.

Справедливости ради, ожидать от объединения другой, более прямой позиции было бы опрометчиво. Вовлеченные в той или иной степени в конфликт стороны – Россия, США и ЕС – являются крупными акторами на мировой арене и, что немаловажно, имеют статус полномасштабных и стратегических партнеров АСЕАН. По этой причине прямая критика в адрес того или иного участника конфликта, упоминание сторон или, наоборот, открытая поддержка дискредитируют асеаноцентричный формат сотрудничества в глазах отдельных партнеров АСЕАН и означают ненужный для «десятки» подрыв своей репутации²².

Тем не менее сложившаяся обстановка и позиция Ассоциации вызывают вопрос о характере стратегического партнерства между РФ и АСЕАН. С одной стороны, конструктивное молчание и отказ в своих официальных заявлениях затрагивать вопросы территориальной целостности контрастируют с образом борца за независимость и суверенитет, который АСЕАН продвигала на протяжении многих десятилетий. С другой стороны, риторика и политика отдельных стран АСЕАН в отношении России претерпели по сравнению с предыдущими фазами кризиса серьезные изменения. В частности, Филиппины в жесткой манере высказались в адрес РФ по поводу обострения украинского кризиса²³. Еще дальше пошел Сингапур, который единственный из всех стран объединения напрямую обвинил РФ в развязывании конфликта и впоследствии ввел санкции²⁴. Характерно, что Ассоциация никак не воспрепятствовала или подвергла сомнению целесообразность введения Сингапу-

ром санкций без мандата СБ ООН в отношении России, хотя еще относительно недавно стороны выступали против односторонних мер и проявления любых форм дискриминации в политике или торговле. По иронии, в 2018 г. именно в Сингапуре было формализовано стратегическое партнерство между РФ и АСЕАН. И теперь всего несколько лет спустя можно было наблюдать символический откат в отношениях, пока что на уровне отдельных стран-членов АСЕАН.

Безусловно, не стоит забывать и о нейтральной и даже открытой поддержке России в данном конфликте. Об этом свидетельствуют, в частности, заявления официального представителя Мьянмы, генерала Зо Мин Туна или воздержание Лаоса и Вьетнама, двух крупнейших получателей российских вооружений в ЮВА, от голосования по специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 27 марта 2022 г. Тем не менее было бы неправильным игнорировать тревожные тенденции в развитии стратегического партнерства, которые лишь усилились с обострением украинского кризиса.

Экономическое измерение стратегического партнерства после 24 февраля 2022 г.

Сам масштаб санкционного удушения России на этот раз значительно больше по сравнению с 2014 г., что приводит к резкому повышению «токсичности» российской юрисдикции, особенно в финансовой сфере. Усиление санкционного давления в отношении РФ, вероятно, будет сопровождаться и более пристальным вниманием к сделкам со стороны американских надзорных органов, и расширением списка подсанкционных компаний РФ по мере продолжения специальной военной операции. В результате реализация существующих совместных инициатив и проектов между РФ и Ассоциацией, в особенности в торгово-экономической сфере, может оказаться под угрозой заморозки или полного срыва. Ранее мы уже неоднократно становились свидетелями подобных ситуаций на примере расстройств планов Индонезии в 2018 г. по закупке российских истребителей Су-35 и ряда проектов в энергетической

и машиностроительной сферах. Не исключен и изначальный отказ АСЕАН от обсуждения новых проектов в отдельных сферах с российской стороной ввиду опасения стран-членов Ассоциации попасть под огонь «вторичных» санкций от США.

Другим ощутимым вызовом для РФ в связи с финансовыми рестрикциями служит техническая невозможность компаний и организаций из стран АСЕАН осуществлять транзакции или заключать коммерческие сделки в долларах и евро с подсанкционными банками и предприятиями России. С этой проблемой уже столкнулись ряд хозяйствующих субъектов из РФ и стран Юго-Восточной Азии, осуществляющих совместную деятельность. Яркий, но далеко не единственный значимый пример – заморозка проекта по созданию во Вьетнаме ТЭС «Лонг-Фу 1», который реализует российская компания «Силловые машины», из-за неспособности сторон проводить операции в национальных валютах или использовать бартерные механизмы, а также запрета на поставку американского оборудования с долей около 30% в проекте, в частности паровых турбин с генераторами *General Electric*²⁵. Представляется, что в обозримом будущем до тех пор, пока не будут отлажены альтернативные механизмы взаиморасчетов и поставок товаров и услуг, количество замороженных проектов будет кратно множиться.

Возможные направления развития торгово-экономического сотрудничества после 24 февраля 2022 г.

Усиление санкционного давления на РФ логически вынуждает Москву в еще большей степени обратить свое внимание на азиатских партнеров, в особенности внеблоковых, к коим относится АСЕАН. Аналогичная картина наблюдалась в первой фазе украинского кризиса 2014 г., и сейчас логично ожидать нового всплеска интереса России к ЮВА. Учитывая потенциальные риски, которые возникают у стран-членов Ассоциации от прямого сотрудничества с РФ в экономическом измерении, логичным инструментом хеджирования данных рисков служит использование инфраструктур-

туры ЕАЭС как формально нейтральной площадки по следующим направлениям: налаживание каналов параллельного импорта из стран АСЕАН, создание и укрупнение цепочек добавленной стоимости (ЦДС) с партнерами из Юго-Восточной Азии и заключение серии соглашений по ЗСТ.

Налаживание каналов параллельного импорта. В условиях ограничения ввоза промышленной продукции и технологий из «недружественных» стран России важно оперативно наладить альтернативные поставки импорта из стран-партнеров, а также организовать каналы параллельного импорта. Особенно с учетом того, что национальные программы замещения импорта еще не заработали в полной мере. Для содействия параллельному импорту представляется возможной проработка мер по двум основным направлениям – минимизация рисков «вторичных» санкций при проведении внешнеторговых расчетов для контрагентов из стран Юго-Восточной Азии и выстраивание диверсифицированных логистических каналов для обеспечения бесперебойных поставок. Это подразумевает создание зарубежных торговых домов в странах ЕАЭС, которые могут служить страховочным механизмом, а также удлинение хозяйственной цепочки новых посредников из стран АСЕАН, которые отказались вводить санкции. На данный момент это все страны, за исключением Сингапура, с особым фокусом на Вьетнам, Филиппины, Индонезию и Малайзию.

Создание ЦДС и совместных предприятий. Представляется, что общее санкционное давление на РФ с большой вероятностью приведет к частичному или полному отказу и от российской неэнергетической продукции со стороны стран коллективного Запада. Для смягчения этих проблем следует рассмотреть возможности создания новых цепочек добавленной стоимости и совместных предприятий (СП) со странами, через которые возможны последующие поставки российской продукции на рынки ЕС и США. В развитие этого направления целесообразно вовлекать страны и объединения, с которыми у ЕАЭС уже выстроено институциональное взаимодействие, в частности в рамках меморандумов о взаимопонима-

нии. АСЕАН с ее разветвленной системой торгово-экономических и транспортных коммуникаций представляется перспективным партнером. К товарам с экспортным потенциалом и по мере увеличения ее конкурентоспособности может относиться продукция пищевой промышленности, нефте- и газохимии, химической промышленности и другие категории. Основная часть добавленной стоимости в таких проектах должна создаваться в России на правах крупнейшей экономики ЕАЭС, меньшая часть – в стране-партнере из Юго-Восточной Азии.

Создание новых ЗСТ с партнерами по ЮВА. Наконец, выстраивание обновленных торгово-экономических, кооперационных и инвестиционных связей России с АСЕАН в текущих условиях не будет полноценным без модернизации в рамках ЕАЭС системы преференциальных и непреференциальных сделок. С самого запуска ЕАЭС евразийская экономическая интеграция подкреплялась развитием внешнего контура взаимодействия, примером чему служит заключение ЗСТ с Вьетнамом в 2015 г.²⁶ Сюда же можно отнести непреференциальное торгово-экономическое соглашение с Китаем, ЗСТ с Сербией и Временное соглашение с Ираном. Однако ранее экономическая логика заключения подобных сделок была далеко не преобладающей, а позитивные эффекты для РФ и Союза в целом от реализации подобных соглашений минимальны, в частности от сделки с Вьетнамом²⁷. Отличался и механизм целеполагания соглашений – во многом он исходил от стремления ЕАЭС в качестве «молодого» интеграционного объединения протестировать новые для себя институциональные форматы с внешним миром. Отсюда и различный охват сделок – классическое ЗСТ, непреференциальное соглашение и Временное соглашение. Важно понимать, что и коридор возможностей для заключения торговых соглашений в рамках ЕАЭС с третьими странами до 24 февраля 2022 г. был шире.

В условиях тотального ужесточения санкций и попыток Запада добиться дипломатической и экономической изоляции России внешнеэкономический инструментарий ЕАЭС может быть выстроен вокруг решения двух ключевых задач российской экономики:

1) укрепления связей с альтернативными поставщиками товаров и технологий в РФ (из числа стран ЮВА), попадающих под санкционные запреты со стороны коллективного Запада; 2) создания условий для повышения конкурентоспособности и увеличения экспортных поставок российской продукции на рынки Юго-Восточной Азии, преимущественно азиатских, за счет снижения ввозных пошлин.

Заключение полноценной ЗСТ с Ассоциацией будет затруднено в силу отсутствия у Союза опыта ведения переговоров с интеграционными объединениями и приоритетами самой АСЕАН, в числе которых ЗСТ с ЕС и Канадой. Тем не менее это то направление, в котором стороны готовы двигаться в среднесрочной перспективе. Эту идею активно транслировали участники бизнес-диалога «ЕАЭС–АСЕАН» в рамках 25-го Петербургского международного экономического форума в июне 2022 г.²⁸ Потенциальными партнерами для заключения преференциальных сделок среди стран АСЕАН могут в обозримом будущем стать Индонезия и Малайзия. К тому же в ходе заседания Высшего Евразийского экономического саммита 27 мая 2022 г. главы государств стран–членов ЕАЭС объявили о старте переговоров с Индонезией по заключению ЗСТ²⁹. В текущих условиях, когда уровень политизации любых внешнеэкономических сношений ЕАЭС резко возрастает, выбор этих стран представляется логичным. Индонезия и Малайзия отказались присоединиться к антироссийским санкциям и продолжают рассчитывать на развитие экономических связей с Россией³⁰.

Однако экономическую логику тоже отменять не стоит. Обе страны являются развивающимися экономиками с емким внутренним рынком и растущим средним классом. Текущий товарооборот ЕАЭС с Индонезией и Малайзией незначителен. По итогам 2021 г. он составил 3,3 и 3,2 млрд долл. соответственно³¹. Тем не менее следует выделить несколько ниш, которые могут быть перспективными для экономических интересов РФ. С точки зрения экспорта Россия, помимо минерального сырья, крупнейшего экспортного товара в Индонезию и Малайзию, способна увеличить поставки угля

и стали, а также удобрений, когда возобновит поставки за рубеж. Особенно в случае создания ЗСТ с этими странами в рамках ЕАЭС.

Партнерство с Малайзией может быть полезно России для замещения части высокотехнологичной продукции. Малайзия в 2021 г. обогнала Тайвань и стала вторым крупнейшим (после КНР) поставщиком электронных интегральных микросхем, которые используются для производства автомобилей, систем спутниковой навигации, бытовой техники и т.д. Общий объем экспорта в РФ составил 269,5 млн долл.³² При этом страна не является исключительно точкой сборки конечной продукции и последующего реэкспорта, она располагает собственными мощностями для производства комплектующих. Любопытно также, что Вьетнам занял четвертое место по экспорту интегральных схем в Россию в 2021 г. (223,4 млн долл.)³³, однако Ханой уже имеет ЗСТ с ЕАЭС, поэтому в данном случае может идти речь о наращивании поставок данного вида продукции.

Безусловно, рассчитывать на то, что Малайзия или Вьетнам быстро и безболезненно смогут заменить Японию, Германию, Тайвань и США, не приходится. Однако бóльшая ставка на партнеров из Юго-Восточной Азии, используя институциональные возможности ЕАЭС, способна хотя бы частично компенсировать текущие потери в области высокотехнологичной продукции и сбалансировать КНР в поставках данного типа товаров для сохранения технологического суверенитета.

Заключение

Стратегическое партнерство России и АСЕАН за несколько лет своего существования не смогло полностью оправдать зачастую искусственно подогреваемые ожидания профильных министерств и части экспертного сообщества. Во многом это было понятно еще задолго до 2018 г., однако именно сейчас можно с уверенностью говорить о том, что подобный статус двусторонних отношений был выдан авансом и представлял скорее общую фиксацию позитивных свя-

зей, сложившихся на высшем уровне за последние годы, и декларацию о намерениях, нежели осознанную стратегию дальнейшего развития взаимодействия. При этом за прошедшие с момента подписания годы само стратегическое партнерство не раз проваливало проверку на прочность по ряду болезненных для обеих сторон вопросов. К их числу относится и координация усилий в противодействии коронакризису, и выстраивание рамочного взаимодействия в Индо-Тихоокеанском регионе, и устранение инерции в торгово-экономическом сотрудничестве, и синхронизация усилий на фоне обострения геополитической напряженности с февраля 2022 г.

Растущее санкционное давление в отношении России актуализирует поиск новой рамки партнерских отношений с АСЕАН. Безусловно, универсального и эффективного лекарства здесь и сейчас для сохранения хотя бы имеющегося багажа стратегического партнерства России и Ассоциации не существует. Однако частично поддержанию докризисной динамики может способствовать более активный переход отношений в многосторонний формат. В сфере безопасности представляется целесообразным налаживание контактов по линии ШОС–АСЕАН. В торгово-экономической сфере – ЕАЭС–АСЕАН. Подобные форматы сотрудничества озвучивались Россией еще в 2016 г. во время юбилейного саммита в Сочи, однако на практике не получили поддержку. В нынешних условиях ценность подобных форматов взаимодействия повышается, поскольку и ШОС, и ЕАЭС являются нейтральными площадками, которые позволяют России поддерживать более регулярные каналы коммуникации с АСЕАН и ее отдельными странами-членами с меньшими для обеих сторон рисками.

Примечания

- ¹ Колдунова Е.В. «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 55–66.
- ² Совместное заявление 3-го саммита Российская Федерация – АСЕАН о стратегическом партнерстве. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5360> (дата обращения: 01.06.2022).

- 3 Мепон J. RCEP and ASEAN: old and new // East Asia Forum. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2022/04/26/rcep-and-asean-old-and-new/> (accessed: 02.06.2022).
- 4 Канаев Е.А., Королев А.С. ЕАЭС и АСЕАН: результаты и перспективы сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 1. С. 64–72.
- 5 Мазырин В.М. О состоянии российско-вьетнамского стратегического партнерства // Вьетнамские исследования. 2021. № 4. С. 148–161.
- 6 ASEAN Plus Three senior health officials reaffirm cooperation to stop spread of 2019-nCoV // ASEAN.org. 20.02.2020. URL: <https://asean.org/asean-plus-three-senior-health-officials-reaffirm-cooperation-stop-spread-2019-ncov/> (accessed: 14.06.2022).
- 7 Chairman's Statement of the 24th ASEAN Plus Three Summit 27 October 2021 // ASEAN.org. URL: <https://asean.org/chairmans-statement-of-the-24th-apt-summit/> (accessed: 18.06.2022).
- 8 EAEU and ASEAN extended Cooperation Program until 2025 // Eurasian Economic Commission. 2020. August 28. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/2020-08-28-6.aspx> (accessed: 16.06.2022).
- 9 Gohar Barseghyan: "The pandemic has shown the need for coordinated actions at the level of integration associations" // Eurasian Economic Commission. 2020. October 1. URL: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/01-10-2020-6.aspx> (accessed: 18.06.2022).
- 10 Лавров: концепция Индо-Тихоокеанского региона не предполагает открытости и равноправия. ТАСС. URL: https://tass.ru/politika/11050135?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 12.06.2022).
- 11 Kireeva A. The Indo-Pacific in the Strategies of the US and Japan // Russia in Global Affairs. 2020. Vol. 18. P. 98–127.
- 12 Первые совместные военно-морские учения ВМФ России и стран АСЕАН начались в Индонезии // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/806139> (дата обращения: 11.06.2022).
- 13 Arms Flows to South East Asia. SIPRI. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2019-12/1912_arms_flows_to_south_east_asia_wezeman.pdf (accessed: 01.07.2022).
- 14 Канаев Е. et al. Russia and ASEAN. Key Cooperation Projects // RIAC. URL: https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russia-and-asean-key-cooperation-projects/?sphrase_id=31320720 (accessed: 03.07.2022).
- 15 Bilateral trade. Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Bilateral.aspx?nvp-m=%7c398%7c%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c%7c1%7c1%7c%7c1> (accessed: 19.06.2022).
- 16 Ibid.
- 17 Ibid.
- 18 Tsvetov A. After Crimea: Southeast Asia in Russia's foreign policy narrative // Contemporary Southeast Asia. 2016. P. 55–80.
- 19 Рогожин А.А., Рогожина Н.Г. Юго-Восточная Азия в приоритетах российской политики «поворота к Азии» // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 185–203.
- 20 Why Location of China-Russia South China Sea Drill Matters. Voanews. URL: <https://www.voanews.com/a/location-matters-for-russia-china-south-china-sea-drill/3448594.html> (accessed: 03.07.2022).
- 21 ASEAN Foreign Ministers' Statement Calling for a Ceasefire in Ukraine // ASEAN.org. 2022. March 3. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/03/ASEAN-Foreign-Ministers-Statement-calling-for-Ceasefire-in-Ukraine-EN.pdf> (accessed: 19.06.2022).
- 22 Королев А.С. Новый «поворот» или пробуксовка: влияние украинского кризиса на отношения России и АСЕАН // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-povorot-ili-probuksovka-vliyanie-ukrainskogo-krizisa-na-otnosheniya-rossii-i+-ASEAN/> (дата обращения: 01.07.2022).
- 23 Philippine Statement at the Emergency Special Session of the UN General Assembly on Ukraine. Republic of the Philippines. Department of Foreign Affairs. URL: <https://dfa.gov.ph/dfa-news/statements-and-advisoriesupdate/30160-philippine-statement-at-the-emergency-special-session-of-the-un-general-assembly-on-ukraine> (accessed: 18.06.2022).
- 24 MFA Spokesperson's Comments on the Situation in Ukraine. Ministry of Foreign Affairs of Singapore. URL: <https://www.mfa.gov.sg/Newsroom/Press-Statements-Transcripts-and-Photos/2022/02/20220224-Ukraine> (accessed: 20.06.2022).
- 25 Попавшие под санкции «Силовые машины» подали в суд на Вьетнам // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/business/30/10/2019/5db8261c9a7947dc86f80c4f> (дата обращения: 06.06.2022).
- 26 Мазырин В.М. Вьетнам: зоны свободной торговли // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 3. С. 72–82.
- 27 Королев А.С., Калачигин Г.М. Союз под напряжением: как санкции против России влияют на ЕАЭС. РБК. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/462891-souz-pod-naprazeniem-kak-sankcii-protiv-rossii-vliayut-na-eaes> (дата обращения: 10.06.2022).

- ²⁸ ЕАЭС–АСЕАН. Деловая программа. 25-й Петербургский международный экономический форум. URL: <https://forumspb.com/programme/business-programme/97251/#broadcast> (дата обращения: 23.06.2022).
- ²⁹ ЕАЭС начнет переговоры с Индонезией о заключении соглашения о свободной торговле. Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/eaes-nachnet-peregovory-s-indoneziey-o-zaklyuchenii-soglasheniya-o-svobodnoy-torgovle/>.
- ³⁰ Indonesia calls for negotiation and diplomacy after Russia attacks Ukraine, will not impose sanctions // Channel News Asia. URL: <https://www.channelnewsasia.com/world/putin-russia-ukraine-invasion-indonesia-thailand-philippines-malaysia-response-2517031> (accessed: 01.07.2022); Malaysia Says it Won't Sanction Russia for Invading Ukraine // Benar News. URL: <https://www.benarnews.org/english/news/malaysian/malaysia-wont-sanction-russia-over-ukraine-03082022150416.html> (accessed: 03.07.2022).
- ³¹ Bilateral trade // Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Bilateral.aspx?n-vpm=%7c398%7c%7c156%7c%7cTOTAL%7c%7c%7c2%7c1%7c2%7c1%7c1%7c%7c1%7c1%7c%7c1> (accessed: 19.06.2022).
- ³² Ibid.
- ³³ Ibid.

Глава 7

АСЕАН в системе БРИКС+: ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ СОТРУДНИЧЕСТВА?

АННОТАЦИЯ: В главе анализируется потенциал платформы БРИКС+ с точки зрения выстраивания более тесных финансово-экономических отношений между Россией и странами АСЕАН, а также между форматом БРИКС и Ассоциацией. Постулируется, что важность сотрудничества АСЕАН и БРИКС обусловлена растущей ролью ведущих развивающихся рынков в мировой экономике и стратегической ролью, которую АСЕАН играет в Тихоокеанском регионе. Оценивается также потенциал совместных действий БРИКС и АСЕАН в области создания антикризисных платформ как на пространстве Глобального Юга, так и в масштабах мировой экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, Россия, БРИКС, БРИКС+, Группа двадцати, Чингмайская инициатива.

ABSTRACT: The chapter analyzes the BRICS+ potential to contribute to tighter financial and economic relations between Russia and ASEAN member states, BRICS and ASEAN. The expanding role of developing economies in the world economy and ASEAN's strategic position in the Asia Pacific region makes ASEAN–BRICS cooperation an imperative. The chapter also assesses the potential of BRICS–ASEAN collective action in the sphere of anti-crisis management for the Global South in particular and for the world economy in general.

KEYWORDS: ASEAN, Russia, BRICS, BRICS+, G20, Chiang Mai Initiative.

Введение

В ЭКОНОМИЧЕСКИХ отношениях с АСЕАН Российская Федерация на протяжении последних нескольких десятилетий стремилась значительно нарастить уровень сотрудничества в торговой и инвестиционной сферах. На данном этапе можно констатировать, что уровень экономического взаимодействия остается значительно ниже своего потенциала, что отчасти можно объяснить непоследовательностью стратегии выстраивания партнерства с АСЕАН. Прежде всего не были явным образом обозначены российские приоритеты по выстраиванию двустороннего сотрудничества с отдельными странами АСЕАН, а также по заключению партнерств в торговой и инвестиционной сферах со всей региональной интеграционной группировкой.

Можно также отметить, что не были задействованы все возможные форматы для активизации экономического взаимодействия со странами АСЕАН. Предложенная Россией формула сотрудничества Евразийского экономического союза (ЕЭАС), АСЕАН и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) («ЕАЭС+АСЕАН+ШОС»), по всей видимости, пока не сработала как платформа выстраивания сотрудничества с АСЕАН. Возможно, необходимо искать более прагматичные/экономически обоснованные форматы взаимодействия России и ее партнеров по ЕАЭС с АСЕАН. Такого рода форматом вовлечения АСЕАН в более активное сотрудничество с Россией может стать БРИКС+ как предложенная Китаем площадка, которая может основываться на взаимодействии региональных интеграционных блоков. По сути, такое взаимодействие могло бы выступить в качестве платформы нового образца в мировой экономике, которая будет основываться на формате «интеграции интеграций».

Важность сотрудничества АСЕАН и БРИКС обусловлена растущей ролью ведущих развивающихся рынков в мировой экономике и стратегической ролью, которую АСЕАН играет в Тихоокеанском регионе, который в настоящее время является основным двигателем роста мировой экономики. Масштабы сотрудничества между

этими блоками могут стать еще более значительными, если экономики БРИКС будут продвигаться вперед в формировании платформы БРИКС+, основанной на сотрудничестве между региональными интеграционными структурами. В таких рамках модель сотрудничества «интеграция интеграций» позволит усилить экономическую интеграцию между АСЕАН и региональными блоками, такими как ЕАЭС, МЕРКОСУР, и другими интеграционными блоками, членами которых являются страны БРИКС.

Масштабы такого сотрудничества между региональными интеграционными блоками стран БРИКС и АСЕАН существенно расширились в последние годы, поскольку между АСЕАН и соответствующими зонами свободной торговли в рамках БРИКС был заключен ряд соглашений. В частности, в последние несколько лет Евразийский экономический союз подписал меморандум о сотрудничестве с АСЕАН, а создание ВРЭП фактически устанавливает региональную основу для сотрудничества между АСЕАН и Китаем. Все это происходит в дополнение к более ранним координационным инициативам, предпринятым региональными блоками стран БРИКС с АСЕАН.

В рамках данной главы предпринимается попытка оценить перспективы взаимодействия стран АСЕАН с блоком БРИКС в различных форматах, в том числе за счет механизма «интеграции интеграций» на платформе БРИКС+. Оценивается также потенциал совместных действий БРИКС и АСЕАН в области создания антикризисных платформ как на пространстве Глобального Юга, так и в масштабах мировой экономики. Как у БРИКС, так и у АСЕАН есть предпосылки для более активной роли на международной арене, и во многом реализация такого сценария будет зависеть от результатов взаимодействия АСЕАН и БРИКС в выстраивании платформ сотрудничества с остальными экономиками развивающегося мира.

Страны АСЕАН в системе БРИКС+

В 2022 г. председательство в БРИКС перешло к Китаю, что ознаменовалось своего рода перезапуском формата БРИКС+, который

был ранее инициирован Китаем в 2017 г. В рамках второго витка реализации инициативы БРИКС+ формат сотрудничества стран БРИКС с их партнерами из развивающихся стран был существенно расширен, при этом ключевым региональным представителем развивающихся стран на площадке БРИКС+ стала АСЕАН. Так, впервые была проведена встреча в формате БРИКС+ на уровне министров иностранных дел – помимо стран БРИКС, на нее были приглашены также представители Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Аргентины, Египта, Казахстана, Нигерии, Сенегала и две страны АСЕАН – Таиланд и Индонезия.

Кроме того, 19 мая 2022 г. в рамках реализации формата БРИКС+ был также проведен форум политических партий, аналитических центров и организаций гражданского общества БРИКС. Мероприятие проводилось в формате БРИКС+, с участием представителей стран АСЕАН и МЕРКОСУР: Камбоджи, Индонезии и Аргентины. Основной целью данного мероприятия было обсуждение международного сотрудничества в формате БРИКС+ и принятие совместного заявления о предложениях форума политических партий, аналитических центров и организаций гражданского общества БРИКС¹.

Наконец, в июне 2022 г. был проведен саммит БРИКС, при этом на саммит стран БРИКС+ были приглашены представители Алжира, Аргентины, Египта, Индонезии, Ирана, Казахстана, Сенегала, Узбекистана, Камбоджи, Эфиопии, Фиджи, Малайзии и Таиланда. Таким образом, из всех ключевых регионов Глобального Юга наибольшее представительство на саммите было у стран АСЕАН – из 13 стран-членов БРИКС 4 страны были представлены блоком АСЕАН.

Камбоджа была приглашена на саммит БРИКС+ как страна, председательствующая в АСЕАН, при этом премьер-министр Камбоджи Хун Сен заявил о необходимости укрепления взаимодействия между АСЕАН и странами БРИКС. В частности, премьер-министр Камбоджи отметил, что «БРИКС+ является важной возможностью для усиления сотрудничества с другими [развивающимися] странами... для интенсификации практического сотруд-

ничества в приоритетных секторах экономики для создания новых возможностей для занятости, снижения бедности и обеспечения продовольственной и энергетической безопасности»².

Активное участие стран АСЕАН в формате БРИКС+ в 2022 г. создало предпосылки для углубления взаимодействия блока АСЕАН не только со странами БРИКС, но и с другими интеграционными группировками Глобального Юга. Одним из возможных треков вовлечения АСЕАН в интеграционные платформы развивающихся стран может стать участие в построении платформы «Большой Евразии» на основе сопряжения крупнейших интеграционных блоков Евразийского региона. Такая платформа, помимо АСЕАН, могла бы включать в себя также ЕАЭС, ШОС, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, интеграционную группировку Южной Азии – Ассоциацию сотрудничества стран Южной Азии (СААРК) – и Инициативу стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК).

Возможной модификацией скоординированного механизма между АСЕАН и региональными интеграционными соглашениями БРИКС могла бы быть структура *BEAMS*, которая объединяет БИМСТЕК (Индия/Южная Азия), Евразийский экономический союз (Россия/Евразия), ЗСТ АСЕАН–Китай (Восточная Азия), МЕРКОСУР (Бразилия/Южная Америка), Южноафриканский таможенный союз (Южная Африка). Создание такой сети региональных интеграционных блоков значительно ускорит и расширит экономическое сотрудничество БРИКС+ и АСЕАН, а также может стать основой для стимулирования торговли и инвестиций по оси Юг–Юг.

Еще одной потенциальной областью сотрудничества между БРИКС и АСЕАН в рамках формата БРИКС+ могло бы стать более широкое участие стран АСЕАН в Новом банке развития БРИКС (НБР). В последние периоды число членов НБР увеличилось за счет новых членов из Африки (Египет), Ближнего Востока (Объединенные Арабские Эмираты, ОАЭ), Южной Америки (Уругвай) и Южной Азии (Бангладеш). Остаются значительные возможности для добавления новых членов НБР БРИКС из региона Восточной

Азии, в частности таких членов АСЕАН, как Индонезия, Таиланд, Камбоджа, Малайзия – стран, которые уже участвовали в саммите БРИКС+ в 2022 г. Это, в свою очередь, расширит масштабы экономического сотрудничества между БРИКС и АСЕАН через институты развития в таких областях, как проекты транспортной сопряженности, цифровая экономика и развитие человеческого капитала.

Механизмы взаимодействия БРИКС с АСЕАН

В налаживании более тесного экономического взаимодействия между БРИКС и странами АСЕАН, вероятно, имеет смысл следовать многовекторному подходу, который сочетает в себе повестку «интеграции интеграций» (взаимодействия АСЕАН как регионального блока в целом с региональными интеграционными блоками стран-членов БРИКС+) с двусторонними альянсами и соглашениями между отдельными странами АСЕАН и странами БРИКС+.

В этом отношении одной из наиболее обсуждаемых тем саммита БРИКС 2022 г. стала проблематика расширения ядра и возможного включения в БРИКС нескольких стран из числа участников саммита БРИКС+. В июне 2022 г. Иран и Аргентина подали официальные заявления на вступление в основное ядро стран БРИКС. В дальнейшем официальные представители Аргентины заявили о том, что Китай оказал поддержку процессу присоединения этой страны к группировке БРИКС. Российская сторона, приветствуя стремление Ирана и Аргентины присоединиться к БРИКС, заявила о том, что процесс вступления новых стран требует проработки критериев и условий данного процесса. Как отметил заместитель министра иностранных дел РФ Сергей Рябков, «заинтересованность в подключении к работе БРИКС на разных этапах обозначал целый ряд стран. Мы положительно смотрим на возможную перспективу расширения БРИКС и поддержали идею китайского председательства в текущем году активизировать соответствующие дискуссии... В любом случае быстрых решений ждать не стоит. Только достигнув понимания от-

носительно базовых параметров расширения, можно будет переходить к подбору кандидатов»³.

Следует отметить, что среди возможных кандидатов на включение в ядро БРИКС упоминалась Индонезия, а также Саудовская Аравия как представители развивающегося мира в «Большой двадцатке». По всей видимости, если расширение ядра стран БРИКС и будет происходить, то в обозримой перспективе данный процесс будет проведен за счет развивающихся стран «Группы двадцати».

В числе основных критериев для получения членства страны в ядре БРИКС необходимо включить фактор региональной роли кандидата, значимость кандидата в рамках регионального интеграционного блока, важность самого регионального интеграционного блока, который представляет кандидат. Все эти региональные факторы наверняка будут дополняться критериями, связанными с глобальной ролью и местом кандидата на членство в БРИКС в мировой экономике как на текущий момент, так и предполагаемые перспективы данной страны в мире на горизонте следующих нескольких десятилетий.

Практически по всем этим критериям наибольшие перспективы имеет Индонезия. С точки зрения прогнозируемого места в мировой иерархии крупнейших экономик мира, по данным *PWC*, Индонезия войдет в четверку лидеров к 2050 г.⁴ С населением в почти 280 млн человек Индонезия в 2022 г. была четвертой в мире по населению после КНР, Индии и США. По прогнозам ООН, к 2050 г. Индонезия останется в пятерке стран с наибольшим населением в мире⁵. Что касается вышеуказанных региональных критериев членства в БРИКС, можно отметить, что Индонезия является крупнейшей экономикой стран АСЕАН и единственным представителем АСЕАН в «Группе двадцати». АСЕАН при этом является одной из самых динамичных региональных интеграционных группировок в мире как по темпам экономического роста, так и с точки зрения количества и качества внешнеэкономических альянсов в других регионах мирового хозяйства. В этом отношении для БРИКС вовлечение Индонезии в формат БРИКС+ и/или в ядро основных стран БРИКС может дать наиболь-

шие мультипликативные эффекты с точки зрения создания более разветвленной сети альянсов на пространстве Глобального Юга.

Среди других стран АСЕАН одной из наиболее активных в рамках формата БРИКС+ в период 2017–2022 гг. был Таиланд. Именно эта страна была приглашена на саммит БРИКС+ в первый год проведения расширенного формата в 2017 г. В 2022 г. Таиланд фактически представлял две региональные группировки на саммите БРИКС+ – АСЕАН, а также БИМСТЕК, председательство в котором перешло к Таиланду в марте 2022 г. Таиланд входит в число ключевых партнеров в регионе АСЕАН для Китая и Индии, и в этих условиях данная страна может претендовать на более активное сближение и взаимодействие со странами БРИКС в ближайшие годы.

Антикризисные меры стран БРИКС и АСЕАН в постковидный период

На фоне пандемии в 2020 г. и нарастающих рисков спада мировой экономики в 2022 г. в число приоритетных направлений взаимодействия развивающихся стран выходит сотрудничество в рамках координации антикризисных мер. С учетом тех общих вызовов, с которыми сталкиваются экономики Глобального Юга, такая координация экономической политики требует не только и не столько взаимодействия на уровне отдельных стран, сколько координации на уровне регионов и основных региональных интеграционных блоков Глобального Юга. Для стран АСЕАН использование широкой антикризисной платформы в формате БРИКС+ могло бы дать значимые эффекты как в региональном масштабе Юго-Восточной Азии, так и на глобальном уровне.

Антикризисная платформа в формате БРИКС+ могла бы включать в себя как платформу для взаимодействия с региональными банками развития (с участием НБР БРИКС), так и платформу региональных финансовых организаций (с участием Пула валютных резервов БРИКС, ПУВР БРИКС)⁶. Для стран АСЕАН участие в рамках данной платформы, а также альянса региональных интеграционных

группировок БРИКС+ может быть ключевым инструментом улучшения доступа на быстрорастущие рынки Глобального Юга. Для стран БРИКС участие АСЕАН в системе антикризисного реагирования Глобального Юга является критичным в условиях, когда именно регион Юго-Восточной Азии и, прежде всего, страны АСЕАН демонстрируют одни из наиболее высоких темпов роста в мировой экономике, играя при этом роль основного генератора открытия рынков за счет заключения двусторонних и региональных торговых альянсов.

Быть может, наиболее перспективным антикризисным форматом с участием стран БРИКС и АСЕАН является платформа для региональных финансовых организаций, членами которых являются страны АСЕАН и БРИКС. В частности, ПУВР БРИКС, а также Евразийский фонд стабильности и развития (ЕФСР) совместно с Чиангмайской инициативой (*Chiang Mai Initiative Multilateralization*) регулярно участвуют в координационных инициативах с другими региональными финансовыми организациями и Международным валютным фондом (МВФ). В рамках такой антикризисной платформы может быть предпринята разработка скоординированных мер антикризисного реагирования, а также гармонизация стандартов и практик региональных финансовых организаций Глобального Юга.

В этом контексте необходимо изучить возможности создания платформы для региональных финансовых организаций с участием стран БРИКС+, которая бы объединяла, помимо ПУВР БРИКС, также такие региональные финансовые организации, как ЕФСР, Латинско-американский резервный фонд (*Fondo Latinoamericano de Reservas, FLAR*), Арабский валютный фонд, Чиангмайскую инициативу и другие организации. Целесообразно также рассмотреть возможность расширения числа стран членов/партнеров ПУВР БРИКС прежде всего за счет таких передовых стран АСЕАН, как Сингапур.

Ключевые дивиденды от создания системы антикризисного реагирования для стран Глобального Юга, которая бы основывалась на сотрудничестве региональных интеграционных блоков и их институтов развития, заключаются в том, что региональные организации обладают преимуществами по сравнению с глобальными

организациями (такими, как МВФ или Всемирный банк) в оценке региональных рисков и уязвимостей. Кроме того, в региональных банках развития могут реализовываться интеграционные проекты, которые могут способствовать усилению стимула от крупнейших экономик к остальным странам региона. Создание антикризисной платформы на основе региональных блоков позволит задействовать весь потенциал ресурсов Глобального Юга, которые доступны для поддержки экономики в период кризиса.

Именно за счет использования таких региональных платформ взаимодействия БРИКС+ и АСЕАН можно способствовать стимулированию расчетов в национальных валютах между развивающимися странами и созданию единой резервной валюты на пространстве стран БРИКС+. В данной сфере у стран АСЕАН есть ряд ликвидных валют – прежде всего сингапурский доллар, – которые могли бы более активно использоваться наряду с юанем между странами БРИКС и членами АСЕАН. Кроме того, можно также рассмотреть включение сингапурского доллара в корзину валют стран БРИКС+ в случае создания новой резервной валюты. Возможным треком для создания корзины валют является формат «R5+», в рамках которого в набор национальных валют данной корзины наряду с валютами стран БРИКС включаются также наиболее ликвидные валюты стран БРИКС+, в том числе региона АСЕАН⁷. Расширение круга резервных валют за счет создания новых резервных валют, таких как R5, могло бы снизить уязвимость экономик развивающихся рынков по отношению к экономическим кризисам, которые в прошлом происходили на фоне высокой долговой нагрузки и долларизации. Платформы региональных банков развития и региональных финансовых организаций могли бы поддерживать ликвидность операций в новой резервной валюте на мировых рынках.

Эффект синергии: как БРИКС+ и АСЕАН могут усилить свою глобальную роль

Создание более эффективных антикризисных механизмов взаимодействия АСЕАН и БРИКС могло бы способствовать усилению роли этих блоков не только на пространстве Глобального Юга, но и на глобальном уровне. Одним из важных аспектов реальной способности АСЕАН играть значимую роль на международной арене является нейтралитет, который блок соблюдает на фоне растущего соперничества между Китаем и США в Тихоокеанском регионе. Сингапур, как одна из ведущих экономик региона, сыграл важную посредническую роль в проведении американо-китайских и американо-северокорейских переговоров, направленных на снижение напряженности. Аналогичным образом АСЕАН в состоянии возглавить создание платформы стран/региональных организаций, которые могут координировать усилия по мирному посредничеству на глобальном уровне.

В стремлении сохранить сбалансированную и нейтральную позицию на международной арене АСЕАН может обратиться к вариантам более тесного сотрудничества с теми механизмами, которые объединяют Глобальный Юг и страны с развитой экономикой. АСЕАН добилась значительных успехов в этом направлении, создав Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) вместе с Китаем, Японией и Южной Кореей. В то же время есть возможность дополнить активные связи АСЕАН–ЕС более широким взаимодействием стран АСЕАН с платформами, разработанными Глобальным Югом.

Среди возможных направлений участия АСЕАН в сопряжении платформ развитых и развивающихся стран можно отметить роль Чиангмайской инициативы в работе платформы сотрудничества региональных финансовых организаций совместно с Европейским стабилизационным механизмом и МВФ. Сама Чиангмайская инициатива в рамках региональной финансовой организации функционирует в формате АСЕАН+3, объединяя та-

ким образом страны АСЕАН с такими развитыми странами, как Южная Корея, Япония и КНР.

Другой связкой для Глобального Севера и Глобального Юга с участием АСЕАН и БРИКС могло бы стать взаимодействие между региональными банками развития. Такого рода платформа с участием развитых и развивающихся стран могла бы включать в себя такие региональные банки развития с участием стран АСЕАН, как Азиатский банк развития, а также Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Со стороны развивающихся стран ключевым участником такой платформы мог бы стать Новый банк развития БРИКС, в то время как со стороны развитых стран региональные банки развития могли бы быть представлены Европейским банком реконструкции и развития, а также Европейским инвестиционным банком.

АСЕАН могла бы также стать ведущей силой в продвижении сотрудничества между региональными интеграционными механизмами на глобальном уровне. В этом отношении, с учетом своего нейтралитета и посреднических возможностей, АСЕАН могла бы возглавить создание глобальной платформы для региональных интеграционных соглашений — например, на основе формата R20 (региональная двадцатка) в рамках «Группы двадцати». Такая платформа, как R20, могла бы объединить региональные интеграционные механизмы, членами которых являются страны «Группы двадцати» (включая АСЕАН). В настоящее время в «Группу двадцати» входит только один региональный интеграционный блок, а именно ЕС. На данном этапе нет причин, по которым АСЕАН и другие ведущие региональные интеграционные механизмы не могли бы присоединиться к европейцам в обеспечении большей инклюзивности и легитимности «Группы двадцати».

Есть также ряд других направлений, которые АСЕАН могла бы использовать для оказания влияния на глобальное экономическое развитие. Одним из возможных путей может быть создание «круга друзей» среди тех региональных экономик, а также экономик по всему миру, которые разделяют ценности АСЕАН. Такой подход,

который можно назвать «АСЕАН+», мог бы включать создание совместных платформ по ключевым траекториям развития, таким как зеленое развитие, цифровая экономика, образование и здравоохранение (развитие человеческого капитала). Платформа БРИКС+ могла бы стать определенной моделью для развития формата «пояса друзей» для АСЕАН, а также источником потенциальных альянсов среди стран и регионов Глобального Юга. В цифровом пространстве можно использовать опыт Сингапура в построении цифровых экономических соглашений и масштабировать такие соглашения до уровня не только страновых, но и региональных/межрегиональных торговых соглашений (цифровая «интеграция интеграций»). АСЕАН может также играть более активную роль в глобальных и многосторонних организациях, таких как ВТО. В частности, АСЕАН совместно с партнерами по БРИКС+ может создавать союзы в рамках глобальных институтов с другими региональными группами Глобального Юга, чтобы продвигать программу снижения протекционизма и большей открытости.

Заключение

Развитие формата БРИКС+ в год председательства Китая в БРИКС способствовало сближению «Большой пятерки» с АСЕАН, что создает благоприятные условия для развития экономического сотрудничества между БРИКС и АСЕАН по ряду треков. Такого рода взаимодействие может реализовываться в формате сотрудничества стран БРИКС с отдельными странами АСЕАН, а также со всем региональным блоком на основе формата взаимодействия основных региональных интеграционных группировок развивающихся стран. Данный формат может быть дополнен платформами взаимодействия региональных банков развития и региональных финансовых организаций, в которых участвуют страны АСЕАН и БРИКС.

Построение таких платформ взаимодействия в периметре БРИКС+ могло бы способствовать реализации ряда значимых проектов в масштабах всего Глобального Юга. Прежде всего это

касается системы антикризисного реагирования развивающихся стран, которая могла бы взаимодействовать с крупнейшими международными институтами, такими как ВТО, МВФ и Всемирный банк. Кроме того, создание такой платформы может расширить возможности для стран БРИКС в стимулировании расчетов между развивающимися странами в национальных валютах в формате «R5+» с использованием наиболее ликвидных валют развивающихся рынков.

Сближение БРИКС и стран АСЕАН во многом облегчается растущим числом интеграционных проектов на пространстве Глобального Юга, а также переориентацией торговых и инвестиционных потоков стран БРИКС в сторону взаимодействия по оси «Юг–Юг». Тем не менее наряду с предпосылками для интенсификации сотрудничества по линии БРИКС–АСЕАН есть также и немало вызовов и потенциальных трудностей. Прежде всего это де-факто курс на нейтральность в условиях обострения противостояния между США и Китаем и опасения в ряде стран АСЕАН относительно роста региональной роли Китая в Азии. Можно также отметить, что как региональный блок АСЕАН значительно дальше продвинулся в области взаимодействия с ЕС и рядом развитых стран по сравнению с уровнем взаимодействия со странами БРИКС.

Для преодоления этих препятствий для стран БРИКС крайне важно направить развитие БРИКС+ в сторону большей открытости, причем не только с развивающимися, но и с развитыми странами. В этом отношении страны АСЕАН могут сыграть ключевую связующую роль между Глобальным Севером и Глобальным Югом. Данная роль может быть реализована как в рамках международных экономических организаций, так и на основе широких партнерств региональных интеграционных блоков и институтов развития, которые бы включали представителей развитых и развивающихся стран.

Год 2022-й стал особенным для АСЕАН на фоне того, что ряд ее видных членов взяли на себя председательство в некоторых ключевых глобальных и региональных организациях. В частности, Индонезия стала председателем «Группы двадцати», в то время как

Таиланд выполнял функции председателя АТЭС. В этом же ряду следует отметить значительную делегацию стран АСЕАН в рамках формата БРИКС+, проведенного КНР в год своего председательства. Прогресс, достигнутый АСЕАН в укреплении региональной стабильности в Юго-Восточной Азии, и широкая сеть глобальных альянсов, созданных группой и ее отдельными членами, могут дать ей основания претендовать в ближайшие годы на большую глобальную роль. Во многом ключом к реализации данного сценария может стать более активное сотрудничество стран АСЕАН с блоком БРИКС в рамках формата БРИКС+.

Примечания

- ¹ Форум политических партий и организаций гражданского общества БРИКС пройдет в формате БРИКС+ // TV BRICS. 19.05.2022. URL: <https://tvbrics.com/news/konferentsiya-stran-brics-i-asean-sostoitsya-19-maya/> (дата обращения: 08.10.2022).
- ² *Ry Sochan*. PM calls for digital economy co-op among emerging states // Phnom Penh Post. 2022. June 26. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national/pm-calls-digital-economy-co-op-among-emerging-states> (accessed: 08.10.2022).
- ³ Быстрых решений по расширению БРИКС ждать не стоит, заявили в МИД // РИА Новости. 28.06.2022. URL: <https://ria.ru/20220628/briks-1798837646.html> (дата обращения: 08.10.2022).
- ⁴ The World in 2050. The long view: how will the global economic order change by 2050? // Pricewaterhouse Coopers. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/research-insights/economy/the-world-in-2050.html#:~:text=As%20a%20result%2C%20six%20of,fall%20below%2010%25%20by%202050> (accessed: 08.10.2022).
- ⁵ World Population Prospects 2022 [Electronic resource] // United Nations. URL: <https://population.un.org/wpp/> (accessed: 08.10.2022).
- ⁶ *Аранова Е.Я., Лисоволик Я.Д.* Антикризисные импульсы БРИКС+: от стран БРИКС к региональным партнерам // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 08.09.2022. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/antikrizisnye-impulsy-briks-ot-stran-k-regionam/> (дата обращения: 08.10.2022).
- ⁷ *Lisovolik Y.* Boosting the USE of national currencies among BRICS // Russia in Global Affairs. 14.09.2018. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/boosting-the-use-of-national-currencies-among-brics/> (accessed: 08.10.2022).

II

Раздел

ОПЫТ И ДИЛЕММЫ
ИНТЕГРАЦИИ В АСЕАН:
внутрирегиональное
измерение

Глава 8

АСЕАН-4 в процессах региональной интеграции

АННОТАЦИЯ: В главе анализируется процесс интеграции четырех стран Индокитайского полуострова (Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа) в АСЕАН в историко-политическом и структурно-экономическом разрезе. Рассматриваются институциональные особенности интеграции разных скоростей в контексте интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии. Присоединение новых участников к АСЕАН в 1990-е годы стало безусловным успехом Ассоциации и помогло преодолеть идеологические расколы времен холодной войны. Для самих же четырех новых участников включение в региональные интеграционные процессы позволило улучшить свои социально-экономические показатели и за счет общей включенности АСЕАН в транснациональные производственные процессы получить дополнительные импульсы для экономического роста. Однако наряду с положительными результатами расширения спустя почти четверть века его реализации проявился и ряд сложных вопросов, связанных с необходимостью сохранения общей нормативной культуры, поддержания единства Ассоциации перед лицом усиления противоречий Китая и США в регионе, более артикулированного преодоления разрывов в уровнях социально-экономического развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, расширение, группа ВКЛМ, социально-экономические разрывы, интеграция разных скоростей, Вьетнам, Лаос, Мьянма, Камбоджа.

ABSTRACT: The chapter analyzes the process of integration of Vietnam, Laos, Myanmar and Cambodia (CLMV) in ASEAN from the historical, political and structurally economic perspectives. The authors focus on the institutional features of multi-speed integration in the context of regional integration in Southeast Asia. Enlargement of the 1990s, which resulted in the inclusion of all Southeast Asian countries in ASEAN became a success story and helped to overcome the ideological cleavages of the Cold War period. For the CLMV group joining the regional integration processes helped to upgrade their socio-economic indicators and join the transnational production chains thus getting an additional impulse for their economic growth. However quarter a century later it became evident that along with the positive results of the enlargement new challenges have emerged. They include, to name a few, the necessity to retain the regional normative culture, maintain Association's unity in face of growing Sino-US contradictions and articulate more visible Association's strategy of overcoming socio-economic cleavages.

KEYWORDS: ASEAN, enlargement, CLMV, socio-economic cleavages, multi-speed integration, Vietnam, Laos, Myanmar, Cambodia.

Введение

О ПЫТ международных интеграционных объединений свидетельствует о двух аналитически значимых примерах расширения региональных интеграционных группировок – Европейского союза (ЕС) и Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН)¹. В обоих случаях расширение продиктовано необходимостью преодоления расколов времен холодной войны, обеспечения региональной стабильности и экономического развития. Оно потребовало создания особых политико-экономических и правовых инструментов интеграции новых членов в условиях, когда полнейшая унификация подходов к старым и новым участникам оказалась сложнореализуемой. В конечном итоге процесс расширения привел к появлению «интеграции разных скоростей», или «дифференцированной интеграции»².

Вместе с тем включение в состав АСЕАН Вьетнама (1995 г.), Лаоса, Мьянмы (оба государства вступили в Ассоциацию в 1997 г.) и Кам-

боджи (1999 г.), происходившее, как и принятие в ЕС стран бывшего социалистического блока, после завершения холодной войны, имело свою региональную специфику и реализовывалось в иных социально-политических и экономических условиях, нежели расширение ЕС. При том что по мере расширения ЕС все более артикулированной становилась проблема разрыва в уровнях экономического развития между старыми и новыми участниками, в АСЕАН она имела гораздо более многомерный характер.

В середине 1990-х годов, когда начался процесс вступления в Ассоциацию государств Индокитая, Организация Объединенных Наций (ООН) относила все страны региона к числу развивающихся, а три из них — Камбоджу, Лаос и Мьянму включала в число наименее развитых стран³. Несмотря на то что согласно классификации ООН Бруней и Сингапур в это время уже достигли высокого уровня дохода на душу населения, а Малайзия, Филиппины и Таиланд — среднего⁴, все эти страны наряду с интеграционными задачами должны были решать собственные экономические проблемы. Особенно остро они проявились в период азиатского финансового кризиса 1997 г., затронувшего большинство стран-основательниц АСЕАН. При этом сохранялась существенная разница политических систем и политических режимов как внутри группы стран-основательниц, так и между старыми и новыми участниками.

К окончанию 2010-х годов при всех значимых достижениях интенсификации регионального взаимодействия в рамках АСЕАН, развившегося в создании в 2015 г. Сообщества АСЕАН, процесс полной интеграции Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи был все еще далек от завершения. Более того, на новом этапе развития Ассоциации он поставил АСЕАН перед рядом структурно иных политических, политэкономических и экономических вызовов и дилемм.

В данной главе отмечаются основные мотивы, побудившие страны-основательницы Ассоциации инициировать процесс расширения, рассматриваются институциональные механизмы, которые были созданы для интеграции новых участников, и обозначаются

основные политические, политэкономические и экономические вызовы, связанные с отношениями в рамках АСЕАН на современном этапе.

Логика расширения АСЕАН в конце XX в.

Присоединение к Ассоциации Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи (ВКАМ) обуславливалось целым комплексом соображений. Основным было стремление и старых, и новых участников преодолеть региональную раздробленность периода холодной войны, ситуацию, которую бывший министр иностранных дел Индонезии Марти Наталегева охарактеризовал как «фактическое существование двух Юго-Восточных Азий»⁵. Включение в АСЕАН всех стран Индокитая позволило перейти к тому состоянию региональной организации, которое задумывалось как возможное (искомое) отцами-основателями АСЕАН. Четвертый пункт Бангкокской декларации 1967 г. о создании Ассоциации предусматривал возможность присоединения к АСЕАН всех стран Юго-Восточной Азии, разделяющих цели, принципы и задачи Ассоциации⁶, а еще до завершения войны в Индокитае в 1975 г. представители Камбоджи, Лаоса и Южного Вьетнама начали посещать в качестве наблюдателей министерские встречи АСЕАН.

С политической точки зрения успешное расширение позволило всем странам региона использовать процесс регионализации в целях укрепления субъектности АСЕАН в международных отношениях и продемонстрировать реальную эффективность Ассоциации в деле решения проблем региональной безопасности⁷. Включение четырех новых участников в Ассоциацию, а также передача власти в Мьянме от военного правительства к гражданскому в 2010 г. на тот момент дали экспертному сообществу основания говорить об успехах стратегии вовлечения АСЕАН, противопоставляя ее американской и европейской политике санкций и интервенций⁸.

Экономические соображения включали желание участников регионального объединения увеличить внутренний рынок АСЕАН с точки зрения численности населения. В период с 1980 по 2020 г.

благодаря естественному приросту и процессу включения новых стран численность населения, проживающего в АСЕАН, выросла вдвое — с 355,1 млн человек до 661,8 млн⁹. Кроме того, страны-основательницы Ассоциации стремились создать условия для дальнейшей внутрирегиональной специализации и кооперирования, а также закрепить на рынках новых членов АСЕАН.

Процесс вступления в Ассоциацию всех новых участников имел свою специфику. Принятие Вьетнама диктовалось необходимостью интегрировать в региональные структуры одно из наиболее значимых в политическом, экономическом и социально-демографическом плане государств Юго-Восточной Азии. Для самого же Вьетнама вступление в АСЕАН стало поворотным моментом в трансформации его внешней политики и экономической стратегии¹⁰. Его успешная адаптация к нормам и практикам международного взаимодействия АСЕАН способствовала поэтапному присоединению к Ассоциации и других стран Индокитая¹¹.

После свержения в 1979 г. Пол Пота в Камбодже и установления там провьетнамского режима среди стран-основательниц АСЕАН развернулась напряженная дискуссия (иногда принимавшая форму внутриэлитных противоречий)¹² по поводу общих принципов политики Ассоциации в отношении этой страны. Основной вопрос заключался в том, необходимо ли АСЕАН продолжить курс на противостояние Вьетнаму и Камбодже, или же стоило бы перейти к политике вовлечения этих государств в общерегиональные процессы. Уже в конце 1990-х годов, когда все условия для принятия Камбоджи в Ассоциацию, казалось, были созданы, политическое противостояние двух премьер-министров¹³ — Хун Сена и принца Ранарита — привело к отсрочке вступления Камбоджи в АСЕАН на два года¹⁴. Тем не менее в 1999 г. процесс присоединения Камбоджи к Ассоциации все-таки был завершен.

Принятие Мьянмы было обусловлено стремлением АСЕАН не допустить избыточного роста влияния Китая в этой стране (перспектива, представлявшаяся крайне неблагоприятной для большинства стран Ассоциации¹⁵). Включение Мьянмы в АСЕАН рассматривалось

как разумная альтернатива при всей специфике существовавшего там политического режима. Институциональное объединение региона в рамках Ассоциации на тот момент имело для АСЕАН более приоритетное значение, чем осуждение политического руководства Мьянмы, тем более что и старые члены Ассоциации были далеки от идеальных типов демократии.

Страны Ассоциации рассчитывали нивелировать вызовы региональной стабильности, связанные с международной изоляцией мьянманского военного правительства и противостоянием центральной власти и национальных меньшинств, путем мягкого убеждения военной элиты в необходимости в конечном итоге осуществить политическую модернизацию. Шаги в этом направлении позднее, в 2010-х годах, помогли снизить западное санкционное давление на страну, хотя и не решили полностью проблему международных экономических ограничений.

В целом же вступление в АСЕАН Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи позволяло завершить процесс включения в единую региональную организацию бывших противников времен холодной войны и закрепить их общий выбор в пользу соразвития, а не конфронтации.

Условия и институциональные механизмы интеграции новых членов

Присоединение новых участников потребовало их адаптации к институциональной структуре и дипломатической культуре, которая на тот момент уже сформировалась в Ассоциации и собирательно обозначалась как «Путь АСЕАН» (*ASEAN Way*). Ассоциации потребовалось также создать особые механизмы для их экономической интеграции. Последние были закреплены в ряде документов АСЕАН и сформировали асеановский вариант дифференцированной интеграции.

К моменту присоединения новых участников в рамках АСЕАН уже были достигнуты договоренности о создании региональной

зоны свободной торговли (АФТА), подразумевавшей снижение тарифных ограничений на торговлю согласованными в ходе переговоров о ЗСТ категориями товаров. Соглашение о ЗСТ АСЕАН было подписано в 1992 г., и все страны, вступающие в АСЕАН позже, должны были также присоединиться к нему. При этом, однако, Ханойский план действий, принятый в 1998 г. в целях конкретизации программного документа Ассоциации «Видение АСЕАН 2020», определил разные временные сроки для снижения тарифов в ходе торговой либерализации для основной части стран АСЕАН (2000–2003 гг.), Вьетнама (2003–2006 гг.), Лаоса и Мьянмы (2005–2008 гг.)¹⁶.

В Ханойском плане была особо отмечена роль созданной в 1996 г. в рамках АСЕАН платформы по развитию сотрудничества стран Ассоциации, располагающихся в бассейне реки Меконг, — Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Таиланда (*ASEAN Mekong Basin Development Cooperation, AMBDC*). Несмотря на то что в течение последующих десятилетий взаимодействие в рамках данной платформы носило скорее периферийный характер и не получило должного внимания в рамках АСЕАН, по мере роста международной конкуренции в зоне Большого Меконга в 2020-х годах платформа стала рассматриваться как один из возможных инструментов усиления коллективных позиций АСЕАН в этом географическом ареале¹⁷. Более того, вопросы соразвития стран, расположенных в дельте реки Меконг, стали одними из приоритетных во вьетнамской повестке, продвигаемой в рамках Ассоциации.

Специально для группы новых участников Ассоциации была разработана и принята в 2000 г. Инициатива интеграции АСЕАН, а в 2001 г. — Ханойская декларация о сокращении уровней разрыва в целях повышения степени интеграции в рамках АСЕАН. Цель Инициативы интеграции АСЕАН заключалась в сокращении разрыва между старыми и новыми членами Ассоциации, оказании помощи ВКЛМ в переходе к рыночной экономике, в выработке торговой и инвестиционной политики, в телекоммуникационной сфере и области инфраструктуры.

Операционализации инициативы Ассоциацией послужили принятые последовательно четыре рабочих плана со сроками действия 2002–2008, 2009–2015, 2016–2020 и 2021–2025 гг. Они вводили проектный подход и содержали описание пяти конкретных направлений деятельности в рамках продвижения к заявленной цели. К их числу на этапе разработки первого, второго и третьего планов были отнесены сельское хозяйство и производство продовольствия, упрощение и гармонизация торговых практик, развитие микро-, малых и средних предприятий, образование и здравоохранение.

Принцип реализации проектов, заложенный в рабочие планы, заключался в том, что в рамках каждого из направлений должны были быть осуществлены проекты, инициированные и финансируемые либо диалоговыми партнерами АСЕАН, либо внешними организациями, либо шестью первыми членами АСЕАН (АСЕАН-6), либо самими новыми участниками (АСЕАН-4)¹⁸. Вместе с тем упомянутые выше планы фиксировали существенное отставание в процессе реализации проектов, призванных обеспечить внедрение лучших практик АСЕАН в пяти приоритетных сферах. Так, на этапе принятия третьего плана отмечалось, что при общем аккумулированном финансировании в 40 млн долл. США степень реализации проектов составляла менее 45%¹⁹. В рамках четвертого рабочего плана к пяти названным приоритетным отраслям были добавлены цифровизация и технологическое развитие (индустрия 4.0), гендерная и социальная инклюзивность и защита окружающей среды.

Отдельное внимание, по крайней мере на уровне документов, уделялось четырем индокитайским странам и в процессе создания Сообщества АСЕАН. Задачу перехода к нему обозначила Декларация согласия II, именуемая также Балийским соглашением II (2003 г.). В разделе, посвященном экономическому сообществу АСЕАН как одному из трех опор планируемого к запуску в 2015 г. Сообщества АСЕАН, было особо отмечено, что углубление и расширение интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии должно сопровождаться такими формами сотрудничества, которые бы позволили Вьетнаму, Лаосу, Мьянме и Камбодже в полной мере, наравне

с остальными членами Ассоциации, получить дивиденды от нового этапа интеграционного развития Ассоциации²⁰.

В процессе формирования экономического сообщества АСЕАН (ЭСА), одним из измерений которого стал переход Ассоциации к состоянию единого рынка и единой производственной базы, как и в случае со снижением тарифных барьеров в рамках АФТА, были введены временные послабления в части отмены тарифных барьеров для всех товаров, не включенных в списки чувствительных и наиболее чувствительных, и нетарифных ограничений. Гармонизация таможенных процедур в режиме «Единого окна АСЕАН» произошла в группе АСЕАН-6 к 2008 г., в странах АСЕАН-4 – не позднее 2012 г.²¹ В деле либерализации торговли услугами не установлены особые условия для АСЕАН-4, однако применена формула «АСЕАН-Х»²², позволяющая проявлять гибкость в плане временных сроков осуществления либерализации.

Одним из приоритетов инвестиционного сотрудничества в рамках экономического сообщества АСЕАН сделала увеличение инвестиций из стран АСЕАН-6 в страны АСЕАН-4²³. При этом в качестве основного механизма сокращения разрыва между первой и второй группой была определена Инициатива интеграции АСЕАН.

Таким образом, с формальной точки зрения за прошедшие более чем два десятилетия участия новых членов в АСЕАН было принято на вооружение два основных инструмента дифференцированной интеграции. Первый подразумевал фиксацию разных временных лимитов реализации интеграционных задач для двух групп стран, второй включал в себя набор конкретных проектов, реализуемых в рамках Инициативы интеграции АСЕАН.

Политические трансформации в новых странах-участниках: институциональные последствия для АСЕАН

С формальной точки зрения новые участники смогли достаточно быстро включиться в процесс институционального взаимодействия Ассоциации, которая, в отличие от ЕС, не требовала переда-

чи каких-либо полномочий на наднациональный уровень. Успехи такой адаптации даже позволили некоторым новым участникам, в первую очередь Вьетнаму, инициировать в ходе своих председательств новые форматы сотрудничества, функционально значимые с точки зрения взаимодействия АСЕАН с внешними контрагентами. В частности, к таковым можно отнести Совещание министров обороны стран АСЕАН с диалоговыми партнерами (СМОА+).

Со временем, однако, политические трансформации в ряде новых государств-членов АСЕАН (прежде всего Камбодже и Мьянме) дали основания для дискуссий в рамках Ассоциации относительно возможных и приемлемых (с учетом сохранения принципов уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга) механизмов политического воздействия на участников Ассоциации в условиях, когда их внутренние проблемы могли бы иметь региональные последствия.

Политический кризис в Камбодже в конце 1990-х годов вызвал к жизни дискуссии об инструментах типа Тройки АСЕАН – механизме, который должен был включать трех министров иностранных дел АСЕАН – предыдущего председателя Ассоциации, действующего и будущего. Документ, определяющий полномочия Тройки АСЕАН, был принят на 33-й министерской встрече АСЕАН, состоявшейся в Бангкоке 24–25 июля 2000 г. Согласно ему предполагалось, что Тройка АСЕАН будет функционировать как *ad hoc* инструмент, который поможет министрам АСЕАН быстрее реагировать на проблемы, связанные с региональной стабильностью и безопасностью. Вместе с тем в итоговой версии документа было особо подчеркнуто, что Тройка не сможет принимать каких-либо решений, затрагивать в своей деятельности внутренние дела стран Ассоциации и будет образована только при наличии консенсуса всех членов АСЕАН²⁴.

В связи с упомянутыми условиями на завершающих этапах принятия решения о новом институциональном механизме он сразу же подвергся критике как потенциально неработоспособный²⁵. Однако в условиях политического кризиса в Мьянме, связанного с возвращением военных к власти в феврале 2021 г., уже сама Кам-

боджа как председатель АСЕАН 2022 г. вновь обратилась к идее создания Тройки АСЕАН в составе представителей Брунея, Камбоджи и Индонезии для содействия процессу мирного урегулирования в Мьянме²⁶.

Отношения старых и новых участников Ассоциации стали предметом особого внимания в контексте обострившихся с 2010-х годов китайско-американских противоречий в регионе и реализации объявленной в 2013 г. Китаем Инициативой пояса и пути. Поскольку формально Инициатива пояса и пути ориентировалась в первую очередь на бедные и развивающиеся страны, Китаем было анонсировано значительное количество проектов в Лаосе, Камбодже и Мьянме. В ситуации с последней речь даже шла об особом экономическом коридоре «Китай–Мьянма».

В связи с ростом экономических взаимосвязей этих стран с Китаем и долговых обязательств перед ним в рамках АСЕАН возникли опасения того, что Китай сможет воспользоваться фактором разнонаправленности национальных интересов членов АСЕАН, а также разрывами в уровнях экономического развития, для того чтобы продвигать свои интересы не только в рамках двусторонних отношений с отдельными странами Индокитая, но и на многостороннем уровне. Еще до объявления Инициативы пояса и пути в 2012 г. в период председательства Камбоджи АСЕАН оказалась, по сути, разделена на сторонников Китая и США. Это особо отчетливо проявилось в отсутствии консенсуса по поводу принятия итогового коммюнике министерской встречи АСЕАН. Причиной разногласий стали формулировки, касавшиеся территориальных споров в Южно-Китайском море.

Позднее подобную ситуацию – китайское воздействие на отдельные страны АСЕАН, особо зависимые от Китая в экономическом плане, с целью блокирования тех или иных решений, принимаемых в рамках Ассоциации на основе консенсуса, – ряд авторов охарактеризовали как «прокси-вето»²⁷. При этом Китай действовал как единый игрок, а страны АСЕАН были ослаблены необходимостью поиска решения, приемлемого для всех. Вместе

с тем подобные действия было бы сложно приписать только Китаю, поскольку аналогичная логика прослеживается и в политике США. Среди примеров – американское влияние на Филиппины в 2012 г. в уже упомянутой ситуации с коммюнике министерской встречи и стремление использовать Вьетнам в качестве противовеса Китаю, включая вовлечение Вьетнама в мини-латеральный формат *QUAD+*.

Несмотря на усилия АСЕАН, предпринятые с момента вступления Мьянмы в Ассоциацию, ситуация в этой стране остается одним из наиболее сложных вопросов для АСЕАН. Как уже отмечалось, Мьянма вступила в АСЕАН в 1997 г., в период, когда страной управлял Государственный совет мира и развития, сформированный военными и пришедший на смену Государственному совету восстановления законности и порядка. С тех пор Ассоциация не раз оказывалась в сложном положении в связи с западной критикой военного режима и его действий в отношении генерального секретаря Национальной лиги за демократию (НЛД) Аун Сан Су Чжи, находившейся под домашним арестом с 1989 по 2010 г. и вновь арестованной после 1 февраля 2021 г.

Ситуация в Мьянме в 1990-е и 2000-е годы стала источником еще одной новации в деятельности АСЕАН – политики гибкого вовлечения, предложенной тогдашним министром иностранных дел Таиланда Сурином Питсуваном, впоследствии в 2008–2012 гг. занявшим пост генерального секретаря АСЕАН. Начавшийся в 2010 г. частичный транзит власти от военного правительства к гражданскому рассматривался в странах АСЕАН как существенный успех политики вовлечения. Характеризуя эти события как «современное чудо», сингапурские исследователи Кишор Махбубани и Джефффри Сэнг в год пятидесятилетия АСЕАН показательно противопоставляли «Путь АСЕАН» в решении мьянманской проблемы военным интервенциям западных стран в Ирак и Сирию²⁸. Именно поэтому отстранение от власти победивших на парламентских выборах 2020 г. представителей НЛД оказалось для Ассоциации неожиданным вызовом.

Необходимо отметить, что для многих стран АСЕАН нет ничего удивительного в том, что армия может выполнять двойную функцию и вмешиваться в политику. Это подтверждают примеры из политической жизни разных стран региона, включая совсем недавние. Так, самые «свежие» военные перевороты в Таиланде датируются 2006 и 2014 гг. (во втором случае военные так же, как и в Мьянме, заявляли о том, что происходящие события не являются военным переворотом). В Индонезии со времен правления генерала Сухарто (1968–1998 гг.) армия официально выполняла «двойную функцию» и до сих пор, несмотря на приход к власти гражданских президентов, продолжает оставаться важным игроком в пространстве политики, экономики, даже формирования нужных моральных ориентаций населения этой страны²⁹.

Тем не менее ситуация конца первой четверти XXI в. имела существенные отличия от конца века минувшего. По сравнению с предыдущими десятилетиями прямое военное вмешательство в политику (даже оправданное конституцией, как в случае с Мьянмой) уже не воспринималось как сугубо внутреннее дело, не затрагивающее страны АСЕАН в целом. Ситуация осложнялась тем, что на протяжении последнего десятилетия Мьянма рассматривалась как страна, которая смогла сделать шаг к современной политической системе, хотя и не полностью демократической. На фоне гибридных режимов, сложившихся во многих странах ЮВА, эти изменения десять лет назад вполне соответствовали общерегиональным трендам. В 2021 г. политический кризис в Мьянме усилил турбулентность в регионе, многие страны столкнулись с процессами растущей политической, социально-экономической, этноконфессиональной поляризации.

За последнюю четверть века существенные изменения произошли в деятельности самой АСЕАН. Формально принцип невмешательства во внутренние дела друг друга сохранился, однако в Хартии АСЕАН 2007 г. в статье 2, разделе 2 (h) был также закреплён принцип обеспечения «главенства права, надлежащего управления, принципов демократии и конституционности»³⁰. При этом прин-

цип невмешательства во внутренние дела друг друга подвергся переосмыслению: допустимым и возможным стало обсуждение внутренних проблем, особенно таких острых, как переворот в Мьянме, и имеющих как внутренние, так и международные последствия³¹.

Механизмы экономической интеграции индокитайских государств

Процесс экономической интеграции в ЮВА имеет географические подуровни, поэтому субрегиональные инициативы значимы для устранения разрывов в развитии, улучшения взаимосвязей, содействия международной координации, в целом продвижения устойчивого развития. Как следствие, параллельно с формированием и укреплением АСЕАН, отчасти независимо от него сложились иные форматы взаимодействия младших членов Ассоциации. Этот процесс отражает поиск дополнительных возможностей, альтернатив решения собственных социально-экономических проблем, вскрывает пока недостаточную эффективность общих механизмов сообщества. Поиск шел как внутри географического ареала ЮВА, так и в сопредельных регионах, был не во всем и не всегда продуктивен, отражая иногда неполную адекватность, слабость или громоздкость вспомогательных форматов. Тем не менее их значение и перспективы сохраняются с учетом меняющейся геополитической среды, ослабления единства и монолитности общей платформы АСЕАН.

«Младшие» члены Ассоциации используют для координации действий такие механизмы сотрудничества, как треугольник развития «Камбоджа–Лаос–Вьетнам» (*CLV*), Группа «четырёх» – Камбоджа, Лаоса, Мьянмы, Вьетнама (*CLMV*), вне АСЕАН – Программу экономического сотрудничества стран бассейна рек Иравади, Чаупью и Меконг (*АСМЕКС*) и др. Ассоциация в целом и отдельные ее члены извлекают большую выгоду из представляющих более широкую форму интеграции в мировую экономику соглашений о свободной торговле с рядом партнеров в АТР и вне региона.

Державы, стремящиеся укрепить позиции в ЮВА, активно лоббируют собственные интеграционные инициативы. Например, Китай, как главный конкурент, в 2015 г. образовал механизм Ланьцанцзян (китайское название Меконга) с участием Лаоса, Камбоджи, Мьянмы, Таиланда и Вьетнама. США, Япония альтернативно не без успеха реализуют Программу развития Нижнего течения реки Меконг. Претензии на влияние в регионе и поддержание с ним тесных связей во всех сферах обоснованно предъявляет соседняя Индия. Еще в начале 2000-х годов она образовала Ассоциацию БИМСТЭК как мостик между АСЕАН и Ассоциацией стран Южной Азии (СААРК), с тем чтобы наладить экономическую кооперацию с пограничной Мьянмой, имеющей окно в Индийский океан, и получить выход в Тихий океан через Таиланд³².

Среди этих подсистем выделяется по размерам и важности в социально-экономическом плане дополняющий платформу *AMBDC* Субрегион Большого Меконга (СБМ). Он включает наряду с группой ВКЛМ также Китай. Наличие развитых экономик (КНР и Таиланда) в составе СБМ создает для подъема отстающей «четверки» уникальный потенциал. Взаимозависимость участников требует совместных действий и открывает для этого дополнительно большие возможности за счет более богатых стран.

Действительно, достигнута положительная динамика в расширении торговли в СБМ, повышается взаимосвязанность, расширяется дорожная сеть, снижаются транспортные расходы. Во многом успехи получены в тех сферах, которые финансируются Китаем и насыщаются его техникой, товарами, часто и рабочей силой, что, конечно, минимизирует активность местного бизнеса. Позитивные результаты сотрудничества внутри СБМ во многом обеспечены широким набором механизмов, инициатив, доноров. Это облегчает доступ к различным источникам финансирования, которые необходимы для создания и развития инфраструктуры субрегиона, расширяет спектр консультативно-технической помощи, географию торговли, выбор предпочтений и проч.

Если страны и программы СБМ ориентированы в основном на поиск эффективных мер в социально-экономической сфере, то взаимодействие трех и/или четырех младших членов АСЕАН носит более комплексный, организованный характер, нередко с акцентом на политических задачах, а то и военную помощь. *CLV* и *CLMV* – более однородные и поэтому регулярно функционирующие форматы. По сути, это один формат, если учесть, что Мьянма регулярно выпадает из общего поля сотрудничества ввиду захвата власти военными.

Наиболее активные связи и взаимопомощь сложились между Вьетнамом, Лаосом и Камбоджей. Достижения и перспективы развития отношений между ними основаны на соблюдении принципов добрососедства, традиционного сотрудничества стран Восточного (французского) Индокитая и стремлении к долговременной стабильности. Они издавна строятся на более равноправной и доверительной основе. Благодаря тесному политическому взаимодействию ширятся торгово-экономические связи, развивая базу для общего укрепления двусторонних отношений, оказания помощи отстающим членам группы³³.

Вьетнам, как более развитая страна, имеет приоритет в паре с каждым из партнеров и в целом выступает неформальным лидером группы *CLV-CLMV* и донором. Лаос и Камбоджа служат главными объектами инвестиций из СРВ (1-е и 3-е места, на 2-м – РФ). На конец 2020 г. в Лаосе реализовывались 206 проектов (строительство ГЭС, дорог, добыча полезных ископаемых) и было вложено 5,14 млрд долл. ПИИ, в Камбодже – 187 инвестиционных проектов (в основном в области сельского, лесного хозяйства) на 2,76 млрд долл., причем в первом объеме ПИИ с 2015 г. вырос, во второй – сократился³⁴. Поток обратных инвестиций во Вьетнам из этих стран на порядок меньше: по итогам 2020 г. Камбоджей вложено 70,5 млн долл. в 27 проектов, Лаосом – 71 млн в 9 проектов, его капитал вырос заметно и размещен в более крупных проектах³⁵.

Взаимные инвестиции, совместное сооружение и эксплуатация объектов дополняются активным торговым обменом, что говорит

о насыщенном типе торгово-экономических связей между партнерами в Восточном Индокитае.

Двусторонний товарооборот с Камбоджей составил в 2021 г. 9,54 млрд долл. США, что в три раза превышает показатель 2015 г.³⁶ Подобный рост обусловлен резким увеличением импорта из Камбоджи — до 4,7 млрд долл., в результате чего всегда большой профицит вьетнамской стороны почти сошел на нет, сделав торговлю более сбалансированной и выгодной для партнера.

С Лаосом этот показатель в 2021 г. был скромнее — 1,4 млрд долл., причем вырос с 2015 г. вдвое. Примечательно, что Лаос достиг профицита в торговле с СРВ, поставив ему товаров на 0,77 млрд долл.³⁷, что свидетельствует о том, что ситуация складывается в его пользу.

Для торговли с Мьянмой до 2019 г. был характерен быстрый рост — почти в 3 раза до уровня около 1 млрд долл. На этом пике СРВ экспортировала товаров на 721 млн долл. и импортировала на 231 млн долл. Однако затем наметилась тенденция к спаду торговых отношений, что может быть вызвано периодом внутренней турбулентности в Мьянме. Устойчивый торговый профицит Вьетнама в 2021 г. сменился относительным балансом.

Активно идет обмен туристами. СРВ стабильно лидирует среди других стран. В 2019 г. она приняла 121 тыс. туристов из Камбоджи (при пике 404 тыс. в 2014 г.) и 50 тыс. из Лаоса (пик 142 тыс. в 2017 г.)³⁸. Камбоджу посетили 908 тыс. вьетнамских туристов (13% от общего приема). Пандемия COVID-19, нанеся большой ущерб членам «Группы четырех», в частности больно ударившая по туристической отрасли, стала серьезным испытанием их взаимовыручки и общности интересов. Так, в 2021 г., когда страны вновь открылись, Камбоджу посетило лишь 6,9 тыс. (около 7% от общего приема). В январе–июне 2022 г. Вьетнам нарастил отправку туристов в Камбоджу до 134 тыс. (26% от общего приема). При этом он существенно обошел прежнего лидера иностранного турпотока в Камбоджу — Китай (соответственно 30,7 тыс. человек)³⁹.

Меры АСЕАН по экономическому подъему группы ВКЛМ

Зафиксированные факты и последствия разрывов в уровнях развития на момент присоединения к Ассоциации новых участников помогли решению этой задачи за десятилетия после их приема. Прогресс опирался как на общие и специальные программы интеграции внутри Ассоциации, так и возможности многостороннего сотрудничества с диалоговыми партнерами. Перечисленные механизмы обеспечили, в том числе на основе снижения тарифных барьеров, торговую либерализацию⁴⁰, приток инвестиций и в итоге принесли быстрый рост национального дохода и улучшение жизни в группе АСЕАН-4. Обмен же опытом в ходе региональной социализации вывел эту группу в той или иной мере на общую траекторию развития. Достигнув позитивной экономической динамики, новые члены смогли сократить имевшийся отрыв от основателей АСЕАН, но он остается одним из наиболее существенных вызовов для общего экономического прогресса и интеграции членов Ассоциации.

Сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития, как одно из главных условий создания ЭСА (2015 г.), по официальным данным, было достигнуто на 66,7%⁴¹. Задача решается, в частности, через поддержку малого и среднего бизнеса, не только во всех членах Ассоциации, но с ориентиром прежде всего на «Группу четырех», где этот бизнес составляет основу экономики. Работа проводится на основе дорожной карты по развитию малого и среднего бизнеса (2004–2014 г.) и общей Инициативы интеграции АСЕАН.

Согласно дорожной карте построения ЭСА проводятся меры по так называемой выборочной интеграции «Группы четырех» в тех отраслях экономики, которые для нее актуальны и доступны. Эти меры призваны обеспечить общее гармоничное и взаимосвязанное развитие экономик стран-членов. В 2021 г. АСЕАН подвела промежуточные итоги движения к инклюзивному и устойчивому развитию в своем регионе в докладе «Перспективы развития Азии». Несмотря на большие экономические успехи,

Сообщество не справляется с такими социальными проблемами, как дефицит достойной работы, низкий уровень социальной защиты и рост неравенства.

Выполнение программы сокращения отставания в выбранных отраслях затруднено схожестью хозяйственных возможностей, преимуществ и специализации членов АСЕАН, прежде всего менее развитых. Они следуют экспортно-ориентированной модели с опорой на природные ресурсы, труд и обрабатывающую промышленность. Страны АСЕАН-6 естественным образом переносят в отстающие трудоемкое производство, что определяет как пути и перспективы специализации и промкооперации в ЮВА, так и медленное развитие вторых, поскольку сдерживает повышение их доходов.

В ходе второго этапа формирования ЭСА (2011–2015 гг., как и следующего этапа до 2025 г.) усилия были сосредоточены на развитии инфраструктуры и человеческих ресурсов, ИКТ, туризма, снижении бедности и повышении качества жизни, укреплении рыночных институтов.

В сфере туризма, например, достигнута активизация контактов между специалистами путем взаимного признания их дипломов, выработки единых профессиональных стандартов и программ обучения. Стратегический план АСЕАН по развитию туризма помог «Группе четырех» раскрыть свой потенциал: эта отрасль увеличила вклад в формирование ВВП во Вьетнаме, Камбодже, Лаосе (например, в СРВ до 10% за год), привлекла массу иностранных туристов и обеспечила популярность соответствующих курортов и стран. В 2021 г. принят специальный План развития туризма в странах АСЕАН после пандемии COVID-19. Восстановление и повышение устойчивости сектора особенно важно для группы ВКЛМ, где он серьезно пострадал от закрытия границ и мер ограничения притока международных туристов. В целом по АСЕАН число прибытий сократилось в 2019–2020 гг. на 82% – со 143 млн человек до 26 млн, а доходы отрасли упали на 76%⁴². Восстановление должно ускориться в 2023 г.

Тем не менее выделенные в качестве приоритетных сферы, по некоторым оценкам, не всегда соответствуют как потребностям отдельных стран ЮВА, так и соглашениям о свободной торговле нового поколения на двусторонней и региональной основе. Так, ряду членов АСЕАН необходимо преодолевать последствия климатических изменений, но эта задача пока не включена в программу. При ее разработке сказалось желание принять общую и дающую быстрый результат дорожную карту, а долгосрочные нужды отдельных стран не были учтены в должной степени.

Имеющиеся разрывы серьезно сдерживают процесс интеграции, делают потребность хозяйственной кооперации, комплексных мер поддержки группы АСЕАН-4 более неотложной. Решение задачи ведется на основе специального рабочего плана, согласно которому более развитые страны оказывают помощь отстающим. Этот план построен с учетом потребностей группы ВКЛМ и призван обеспечить в первую очередь способность равноправно участвовать во всех программах АСЕАН, выполнять национальные планы долгосрочного развития, осуществлять совместные действия в интеграционном поле.

Реальные успехи сокращения разрыва в уровне развития можно оценить только по изменению основных макроэкономических показателей: душевого дохода членов Ассоциации, соотношения внешнего товарооборота к ВВП, индекса человеческого развития, уровня бедности. Сравним для этого две группы – АСЕАН-6 и 4 (табл. 8.1). Если по размеру душевых доходов в ППС разрыв снижается, то цель приближается. Пример Вьетнама доказывает, что его отставание от развитых стран АСЕАН даже за небольшой отрезок времени (2016–2019 гг.) заметно уменьшилось при сохранении паритета с Камбоджей, Лаосом и Мьянмой, что подтверждает и их успех, а в целом результативность усилий по снижению разрыва в душевых доходах, значит, и уровне развития.

Несмотря на это, по абсолютному приросту ВВП, особенно в душевом измерении, страны АСЕАН-6 по-прежнему существенно, особенно Сингапур, Бруней, Малайзия, опережают ВКЛМ,

**Разрыв в уровне социально-экономического
развития членов АСЕАН**

Страна / группа	Душевой ВВП, долл., 2019 г.	Разрыв 2019 (2015)	Товарооборот / ВВП, %, 2019	ИЧР (место), 2019 (2016)	Уровень бедности, % в 2019	Уровень МБ, % в 2021
АСЕАН-6						
Бруней	64 848	7,7 (10,3)	108	47 (31)	н/д	0
Индонезия	12 335	1,5 (1,7)	37	107 (110)	9,4	3,62
Малайзия	29 620	3,5 (4,1)	123	62 (62)	5,6	0
Сингапур	101 649	12,1 (14,3)	322	11 (11)	н/д	н/д
Таиланд	19 277	2,3 (2,6)	110	79 (93)	6,2	0,58
Филиппины	9 302	1,1 (1,2)	69	107 (115)	16,7*	5,8
АСЕАН-4						
Вьетнам	8 397	1	198	117 (116)	5,7	4,9
Камбоджа	4 583	0,54 (0,55)	123	144 (143)	13,5***	37,19
Лаос	8 173	0,97 (1,01)	66	137 (141)	18,3*	23,07
Мьянма	5 370	0,6 (0,7)	61*	147 (148)	24,8**	38,32

Источник: World Development Indicators 2012–2020; Statistical Yearbook of Vietnam 2015. Hanoi, 2016. P. 920; Statistical Yearbook of Vietnam 2020. Hanoi, 2021. P. 933, 948, 998, 1021; ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021. P. 250; Oxford Poverty and Human Development Initiative. Global MPI data tables 2021.

Примечания: — душевой доход измерен в долларах США по паритету покупательной способности национальных валют, разрыв (раз) — на основе сравнения душевых доходов Вьетнама по текущему курсу доллара США (за 2015–2019 гг. вырос в 1,38 раза), взятых за 1, с другими странами–членами АСЕАН:

— под товарооборотом понимается суммарный объем торговли товарами и услугами;

— место в индексе человеческого развития по рейтингу ПРООН указано из 189 стран;

— уровень бедности по доходам, согласно национальным стандартам, показывает долю живущих на менее чем на 2 долл./сутки в международных ценах (долл.) 2005 г.

— МБ — многомерная бедность.

* — данные за 2018 г.; ** — за 2017 г.; *** — за 2016 г.

в чем проявляется эффект изначального превосходства их экономик (рис. 8.1).

Наряду с ростом доходов для преодоления отсталости не менее важно добиться снижения уровня бедности. Оно происходит во всех странах АСЕАН, причем быстрее в отстающих, хотя по-прежнему граница бедности в них намного выше (Вьетнам выгодно выделяется). Доля населения стран ЮВА, живущего в условиях нищеты (по классификации ООН менее чем на 2 долл. по ППС в сутки), снизилась с 38% в 2000 г. и 19% в 2010 г. до 12,4% в 2019 г.⁴³ Параллельно голодающая прослойка сократилась с 20,6% (1999 г.) до 13,4 и 7,3% (2020 г.) соответственно⁴⁴.

Более полную картину дает недавно введенный в оборот индекс многомерной бедности (МБ). В Лаосе, Камбодже, Мьянме он значительно выше уровня бедности по расходам. Это показывает, что, несмотря на то что в Таиланде, Индонезии и на Филиппинах

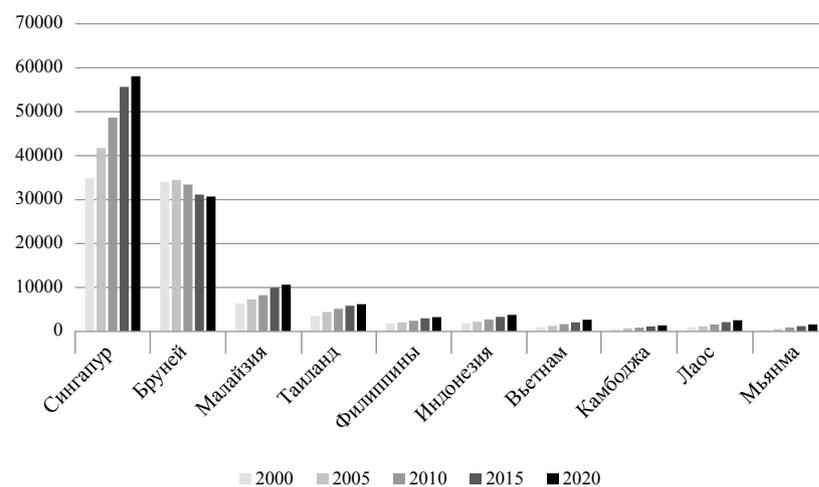

Рис. 8.1. Динамика изменения ВВП на душу населения в странах АСЕАН в 2000–2020 гг., долл. США

Источник: URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#>.

по-прежнему отмечается высокий уровень бедности по доходам, их население меньше ограничено в доступе к социальным услугам, удовлетворении основных потребностей в повседневной жизни. Между тем в Камбодже, Мьянме, Лаосе не только распространена бедность по доходам, но многие люди сталкиваются с такими ограничениями, что и определяет качество их жизни.

Закономерно, что ожидаемая продолжительность жизни выросла в ЮВА в среднем с 67,4 до 73,6 лет за 1999–2020 гг., в том числе в СРВ до 75,4 лет, Камбодже – до 70, Лаосе – до 68, Мьянме – до 67⁴⁵. В то же время в структуре населения увеличивается доля среднего класса, которая, например, в СРВ приближается к 30%⁴⁶. Это говорит о поступательных изменениях в ранее отсталых обществах, повышении их благосостояния и потенциала развития.

Доходы и расходы отражают только физическое состояние семьи, тогда как благосостояние зависит и измеряется другими критериями. Комплексно они представлены индексом человеческого развития (ИЧР), составляемым Программой развития ООН (ПРООН). За последние 10 лет национальные ИЧР большинства стран ЮВА выросли, но Мьянма, Камбоджа, Лаос показали наиболее впечатляющие темпы роста (соответственно на 1,3, 1,1, 1,0 п.п. в год). Индексы Филиппин, Таиланда и Вьетнама росли медленнее (на 0,76, 0,73, 0,60 п.п. соответственно). Относительно медленный рост в этих странах объясняется тем, что они уже подняли у себя уровень человеческого развития, поэтому добиться повышения темпов сложнее. Причем характерно, что высокий уровень МБ приводит к низкому уровню человеческого развития и наоборот⁴⁷. Бедность ограничивает доступ к образованию, работе, медицинскому обслуживанию и т.д., напрямую влияет на человеческое развитие. Столь различные результаты закономерны, отражая различные результаты снижения разрывов.

Лидеры АСЕАН и ученые не обращают на это особого внимания, приводя в подтверждение правоты своего курса свидетельства роста ВВП, как итог работы АФТА и других ССТ. Они доказывают, что при хорошей динамике экономики всех членов Ассоциации

младшие партнеры опережают остальных. Участники группы ВКЛМ благодаря обгоняющей динамике, вызванной среди прочих причин эффектом старта с низкого уровня, полученными льготами, программами помощи, действительно постепенно подтягиваются по уровню экономического развития к АСЕАН-6 (табл. 8.2). Подушевой доход в странах ВКЛМ увеличился с 2000 по 2020 г. с 672 до 2043 долл., т.е. в 3 раза, и до 2020 г. рос стабильно – на 6% ежегодно. Разрыв между двумя группами за тот же период по этому

Таблица 8.2

Экономический рост двух групп стран АСЕАН в 2010–2020 гг.
(объем ВВП, млн долл. по номиналу в текущих ценах / прирост, %)

Страна / группа	2010	2012	2014	2016	2017	2018	2019	2020
Вьетнам	116 300	155 820	186 224	205 521	224 043	241 157	261 779	271 799
	6,4	5,2	6,0	6,2	6,8	7,1	7,0	2,9
Камбоджа	11 229	14 011	16 674	19 427	22 252	24 609	27 104	25 377
	6,0	7,3	7,1	6,9	7,0	7,5	7,1	–3,1
Лаос	6 752	10 193	13 274	15 893	16 953	18 096	18 829	19 062
	8,1	7,9	7,6	7,0	6,9	6,3	5,5	3,3
Мьянма	41 004	60 282	66 331	64 632	67 268	76 331	66 500	70 177
	9,6	7,3	8,0	5,9	6,8	6,8	6,2	3,2
АСЕАН-4	175 285	239 527	280 558	301 929	330 100	360 074	374 032	386 411
	7,4	6,1	6,9	5,8	6,8	7,0	6,8	1,5
Доля ВКЛМ в ВВП, %	9,1	10,0	11,1	11,85	11,7	12,0	11,7	12,8
АСЕАН-6	1 721 574	2 103 669	2 293 032	2 246 609	2 475 346	2 636 625	2 792 321	2 611 799
	7,5	6,2	4,3	4,6	5,2	4,9	4,3	–4,6

Источник: ASEAN Community in Figures 2016: Table 4. Nominal GDP Jakarta, 2016; ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021. P. 40–41; World Bank Data 2021.

показателю сократился с 20,5 до 9,2 раза – более чем вдвое⁴⁸. По объему ВВП разрыв уменьшился за 2009–2021 гг. вдвое – с 11,6 до 6 раз. Соответственно поднялся вклад стран АСЕАН-4 в экономику региона – с 9 до почти 13%. Еще сильнее – в 2 раза – выросла за 2011–2020 гг. доля ВКЛМ во внешней торговле Ассоциации товарами – с 10 до 21%⁴⁹. Темпы роста на протяжении 2010-х годов у ВКЛМ не просто были в целом выше, но с 2012 до 2019 г. идут вверх, тогда как у АСЕАН-6 падают. Не случайно признается, что «история роста ВКЛМ – это история успеха АСЕАН..., показывающая потенциальные преимущества экономической интеграции»⁵⁰.

Констатируя успехи, мы видим, что они неравномерно распределяются внутри четверки, еще раз подтверждая зависимость экономического роста от естественных преимуществ. Сравнение показателей развития стран АСЕАН-4 между собой выявляет, что Вьетнам существенно превосходит соседей по размеру ВВП (Мьянму в 4, Камбоджу и Лаос в 11–13 раз по номиналу). В то же время вследствие более раннего осуществления рыночных реформ и исчерпания резервов экстенсивного роста экономическая динамика СРВ при заметной устойчивости иногда уступает отдельным партнерам по группе на 1–3 процентных пункта в год. В то время как размер ВВП Вьетнама увеличился за 2010–2020 гг. в 2,33 раза, у Лаоса рост оказался выше (2,82 раза), Камбоджи и Мьянмы немного ниже (соответственно 2,27 и 1,71 раза), хотя заметным.

Прогнозы и эффекты экономического сотрудничества АСЕАН

Зависимость темпов и результатов социально-экономического развития стран АСЕАН, особенно группы ВКЛМ, от торговли с внешними партнерами, их инвестиций, технологий и т.п. доказывает, что расширение этих отношений и повышение их качества, масштаба (ССТ нового поколения и более широкой географии) служат важнейшим механизмом преодоления отсталости младших членов Ассоциации. АСЕАН максимально использует этот ме-

ханизм и его богатые возможности, считает его приоритетным для решения своих задач.

Помимо отношений на базе ССТ, страны «четверки» активно развивают с теми же целями прямое торгово-экономическое сотрудничество с крупными державами – Китаем, США, Японией, ЕС, Россией. Оно приносит видимые результаты в разных сферах экономики и в разном объеме соответственно степени вовлеченности держав в дела ЮВА и Индокитая, в частности. Однако поскольку лидерами, остро конкурирующими между собой за влияние в ЮВА, выступают КНР и США⁵¹, это чревато расколом внутри Ассоциации на две фракции по их ориентации. Еще одним серьезным негативом, снижающим позитивные эффекты, является усиление зависимости объектов воздействия от их внешних партнеров, которое тем сильнее, чем мощнее донор.

Для того чтобы наглядно представить влияние ССТ, а по сути, их основных бенефициаров на страны АСЕАН, прежде всего ВКЛМ, используем метод количественных прогнозов (симуляции). Так, расчеты по гравитационной модели (методы общего и частичного равновесия) использованы для оценки вклада интеграционных торговых объединений в ускорение экономического развития участников. Лидеры АСЕАН доверяют прогнозу Кена Итакура, сделанному на два десятилетия вперед (до 2025 и 2035 гг.)⁵², и мы обратимся к нему, проверив его адекватность нынешнему развитию событий.

Автор исходил из предположения ВЭФ, что экономики членов АСЕАН до 2035 г. продолжат расти теми же темпами, что и до 2025 г.⁵³ Возможные сценарии отличались подъемом производительности труда: от максимальной до минимальной. Более низкие значения связаны, по мнению автора, с менее успешным выполнением программы ЭСА 2025, слабым освоением передовых зарубежных технологий. Главным контрфактором Итакура назвал возможное ухудшение внешней обстановки, например рост протекционизма в торговле, замедление глобальной экономики.

Как оказалось, негативный сценарий возобладал ввиду ряда причин. В 2020–2021 гг. экономики стран ЮВА, как и большинства

в мире, пострадали от пандемии COVID-19. Тенденции очередной рецессии в наиболее развитых государствах усилились не только по объективным причинам (цикличность хозяйственных процессов), но и вследствие конкретных просчетов политиков Запада, загнавших себя в ловушку необдуманном применением санкционных мер, по сути гибридной войны, против России и Китая.

Итакура предполагал, что в 2022 г. темпы роста экономик Индонезии, СРВ, Камбоджи, Малайзии, Сингапура и Таиланда останутся на уровне среднего значения 2009–2018 гг.⁵⁴, но по итогам 2011–2020 гг. ожидания оправдала лишь половина этих стран (Вьетнам, Индонезия, Сингапур – табл. 8.3). Упали же они не только у Брунея, Камбоджи, но и Мьянмы, а Филиппины и Лаос немного подняли показатели. Намеченной прогнозом динамики прироста – от 6,0 до 7,1% – добились лишь Камбоджа, Вьетнам и Мьянма. Из этого напрашивается вывод, что среднегодовой темп роста ВВП всей АСЕАН, по максимальному сценарию ожидавшийся на уровне 5,4%, вряд ли достигим в период до 2035 г., особенно если учесть глубину его падения из-за пандемии.

Об этом говорит тот факт, что средние темпы роста упали вдвое – с 6,1% в 2012 г. до 3,0% в 2020 г. Ведущие МФО прогнозируют их повышение в 2022 и 2023 гг. до 4,9–5,2%, в чем имеются большие сомнения. В 2019 г. – самом благоприятном до начала пандемии COVID-19 показатель равнялся 4,7%⁵⁵, тогда как до создания ЭСА, на основе реализации всех намеченных реформ, рост экономики в среднем по АСЕАН ожидался в 2025 г. на уровне 2010 г. – 7,1%⁵⁶. Новые прогнозы на 0,2–0,4 п.п. ниже наметок Итакуры (5,3–5,4% в 2025 г.).

Наряду с достижениями внутренних реформ в странах АСЕАН влияние на сокращение разрывов в развитии двух ее частей оказывает экономическая интеграция Ассоциации с внешними партнерами как на двусторонней, так и многосторонней основе. К базовым соглашениям с диалоговыми партнерами (КНР, Японией, РК, Индией, Австралией и Новой Зеландией), заключенным в 2000-е годы, добавились региональные соглашения нового поколения – ВП ТТП

Таблица 8.3

Сравнение темпов роста ВВП членов АСЕАН в 1999–2023 гг., %

Страна	В среднем за 1999–2008	В среднем за 2011–2020	Факт 2020	Факт 2021	Прогноз 2022*	Прогноз 2023
АСЕАН	6,7 (2007)	4,4	–3,2	3,0	4,9 (5,2)	5,2
Бруней	1,9	0,4	1,1	–1,1	4,2 (5,3)	3,6
Вьетнам	6,8	6,0	2,9	2,6	6,5 (6,2)	6,7
Индонезия	4,9	4,6	–2,1	3,7	5,0 (5,5)	5,2
Камбоджа	9,5	6,3	–3,1	1,9	5,3 (6,3)	6,5
Лаос	6,6	6,8	3,3	–2,4	3,4 (6,7)	3,7
Малайзия	5,5	4,0	–5,5	3,1	6,0 (4,8)	5,4
Мьянма	11,7	6,5	3,2	–17,9	0,3 (7,5)	5,6
Филиппины	4,6	4,7	–9,6	5,6	6,0 (7,0)	6,3
Сингапур	1,4	2,9	–4,1	7,6	4,3 (1,9)	3,2
Таиланд	4,8	2,3	–6,2	1,5	6,5 (3,0)	6,7

Источники: ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021. P. 40–41; ASEAN Secretariat (June 2022); IMF (April 2022); ADB (April 2022).

Примечание: * – за 2022 г. указаны текущий прогноз и значение, рассчитанное Итакура (в скобках). Первая цифра показывает ожидание преимуществ более развитых экономик.

и ВРЭП, в которых страны АСЕАН участвуют на индивидуальной основе.

Наиболее существенные выгоды получает группа ВКЛМ, о чем говорят фактические результаты предыдущего периода. Выгоды интеграции оказались минимальными в рамках АФТА (здесь СРВ и Камбоджа оказались в выигрыше среди других членов АСЕАН), но они значительно вырастают благодаря либерализации торговли, инвестиций в общерегиональном масштабе. Можно ожидать, что ВРЭП увеличит преимущества Камбоджи и Вьетнама благодаря суммарному эффекту всех ССТ. От стран ВКЛМ, чтобы добиться

большого, требуется охватить либерализацией как торговлю товарами и услугами, так и инвестиционную политику⁵⁷. В этом больше преуспевают Вьетнам и Лаос.

Высокие эффекты ССТ для ВКЛМ обусловлены рядом причин. Во-первых, несмотря на постоянное повышение доходов, эти страны еще стоят на низком уровне развития и способны углублять реформы и либерализацию. Образование крупных ССТ сулит расширение доступа к новым зарубежным рынкам и инвестициям. Темпы развития могут подняться за счет того, что «четверка» глубже будет вовлечена в региональные производственные цепочки, которые быстро растут на базе связки крупных производственных комплексов в этих странах с транснациональными корпорациями.

Заключение

Присоединение новых участников к АСЕАН в 1990-е годы стало значимым успехом Ассоциации и помогло преодолеть идеологические расколы времен холодной войны даже при сохранении многообразия политических систем и политических режимов. Процесс успешного объединения десяти стран ЮВА способствовал росту политической субъектности и активности АСЕАН в макрорегиональном и даже отчасти глобальном плане.

Ключевые соглашения и механизмы интеграции АСЕАН, реализуемые на их основе совместные действия позволяют странам АСЕАН, в том числе менее развитым, решать поставленные задачи, улучшать социально-экономические показатели, страховать от конфликтов между внерегиональными державами и других новых испытаний. Это же помогает получать эффекты масштаба производства в ЮВА, привлекать транснациональные компании, включаться в производственно-сбытовые сети. Развитие трансрегиональной интеграции за рамки АСЕАН через ССТ придало дополнительный импульс экономическому росту членов Ассоциации, прежде всего группы ВКЛМ.

Вместе с тем наряду с безусловно положительными результатами расширения по мере интеграции четырех новых участников проявился ряд сложных вопросов. Они касаются сохранения общей нормативной культуры АСЕАН, поддержания единства организации в формате АСЕАН-10 (в особенности в условиях усиления китайско-американских противоречий в регионе), преодоления разрывов в уровнях развития и разрешения новых внутривнутриполитических проблем в отдельных странах-участницах АСЕАН.

Примечания

- ¹ Первое расширение АСЕАН имело место в 1984 г. (в Ассоциацию вступил Бруней Даруссалам), второе – в 1990-е годы.
- ² О дискуссии на эту тему в научной литературе см., например: *Stubb A.C.G.* A categorization of differentiated integration // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34. No. 2. P. 283–295; *Schimmelfennig F., Winzen T.* Ever looser union?: Differentiated European integration. Oxford: Oxford University Press, 2020; Европейская интеграция / Под ред. О.В. Буториной, Н.Ю. Кавешникова. М.: Аспект Пресс, 2018; *Aimsiranun U.* Comparative Study on the Legal Framework on General Differentiated Integration Mechanisms in the European Union, APEC and ASEAN. ADBI Working Paper 1107. Tokyo: Asian Development Bank Institute, 2020.
- ³ *Human Development Report 1995*. N.Y. and Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 228.
- ⁴ В 1995 г. ООН относилась к странам, имеющим высокий уровень дохода на душу населения, государства с уровнем дохода 8625 долл. США на душу населения и выше, к странам со средним уровнем дохода – с доходом на душу населения в диапазоне между 696 и 8625 долл. на душу населения [*ibid.* P. 227].
- ⁵ *Natalegawa M.* Does ASEAN Matter? A View from within. Singapore: ISEAS, 2018. P. 23.
- ⁶ The ASEAN Declaration (Bangkok Declaration). Bangkok, August 8, 1967. ASEAN official Web site. URL: https://asean.org/asean2020/wp-content/uploads/2021/02/asean_declaration-1.pdf (accessed: 20.07.2002).
- ⁷ *Колдунова Е.В.* Дефицит лидерства в Восточной Азии: шансы для малых и средних стран // *Международные процессы*. 2011. Май–август. Т. 9. № 2 (26). С. 70–81.

- ⁸ *Mahbubani K., Sng J.* The ASEAN Miracle: A Catalyst for Peace. Singapore: Ridge Books, 2017; *Ефремова К.А.* Бирма // Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987–2017). М.: МГИМО, 2018.
- ⁹ ASEAN Key Figures. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2021. P. 3.
- ¹⁰ *Мазырин В.М.* Вьетнамская экономика сегодня. М.: ИД «Форум», 2013. С. 35.
- ¹¹ *Nguyen Vu Tung.* Vietnam's Membership of ASEAN: A Constructivist Interpretation // Contemporary Southeast Asia. 2007. December. Vol. 29. No. 3. P. 483–505.
- ¹² *Фомичева Е.А.* Внешняя политика Таиланда. М.: Наука, 1991; *Poonkham J.* A Geneology of Bamboo Diplomacy: The Politics of Thai Détente with Russia and China. Canberra: ANU Press, 2022.
- ¹³ В период с 1993 по 1998 г. в рамках существования коалиционного правительства в Камбодже были введены посты первого и второго премьер-министров. В 1993–1997 гг. пост первого премьер-министра занимал Нородом Ранарит, в 1997–1998 гг. – Унг Хуот (оба – представители партии ФУН-СИНПЕК), пост второго премьер-министра в это время занимал Хун Сен (Народная партия Камбоджи).
- ¹⁴ *Бектимирова Н.Н.* Королевство Камбоджа: динамика политического развития в XXI веке. М.: ИСАА МГУ, 2022. С. 425.
- ¹⁵ *Cribb R.* Burma's Entry into ASEAN: Background and Implications // Asian Perspective. 1998. Vol. 22. No. 3. P. 49–62.
- ¹⁶ Hanoi Plan of Action, December 15, 1998. ASEAN Official Web site. URL: <https://asean.org/hanoi-plan-of-action/>.
- ¹⁷ *Parameswaran P.* ASEAN's Growing Mekong Challenge // Wilson Center. 2021. November 30. URL: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/aseans-growing-mekong-challenge>.
- ¹⁸ Initiative for ASEAN Integration (IAI) Work Plan III. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. P. 29.
- ¹⁹ Ibid. P. 7.
- ²⁰ Declaration of ASEAN Concord II (Bali Concord II). ASEAN Official Web site. URL: <https://asean.org/speechandstatement/declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii/>.
- ²¹ ASEAN Economic Community Blueprint. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2008. P. 9.
- ²² Ibid. P. 11–12.
- ²³ Ibid. P. 14.
- ²⁴ The ASEAN Troika, Terms of Reference Adopted at the 33rd AMM // The World and Japan. 2000. July 25. URL: <https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/asean/20000725.O1E.html>.
- ²⁵ ASEAN Troika Has One Leg to Stand On // Stratfor. 2000. July 28. URL: <https://worldview.stratfor.com/article/asean-troika-has-one-leg-stand>.
- ²⁶ *Ry S.* PM Eyes Myanmar Peace Troika // The Phnom Penh Post. 2022. January 10. URL: <https://www.phnompenhpost.com/national-politics/pm-eyes-myanmar-peace-troika>.
- ²⁷ *Strangio S.* In the Dragon's Shadow. Southeast Asia in the Chinese Century. New Haven: Yale University Press, 2020.
- ²⁸ *Mahbubani K., Sng J.* Op. cit. P. 155.
- ²⁹ *Haripin M., Priamarizki A., Marzuki K.I.* The Army and Ideology in Indonesia. From Dwifungsi to Bela Negara. L.: Routledge, 2020.
- ³⁰ ASEAN Charter. ASEAN Web site. URL: <https://asean.org/storage/November-2020-The-ASEAN-Charter-28th-Reprint.pdf> (accessed: 21.03.2021).
- ³¹ Лекция Марти Наталегавы «АСЕАН и меняющаяся региональная динамика» в рамках Академических дней АСЕАН в МГИМО / Сайт Центра АСЕАН. URL: <https://asean.mgimo.ru/news/2021/natalegawa-03-21> (дата обращения: 21.03.2021).
- ³² Подробнее см.: *Faizal Yahya.* BIMSTEC and emerging patterns of Asian regional and interregional cooperation // Australian Journal of Political Science. 2005. September. P. 201–220.
- ³³ Вьетнамско-камбоджийские отношения продолжают развиваться // Нян зан Онлайн. 24.06.2017. URL: <http://ru.nhandan.com.vn/gapgodoithoi/gapgodoithoi-phongvan/item/416650.html>.
- ³⁴ Statistical Yearbook of Vietnam 2020. Hanoi: Statistical Publishing House, 2021. P. 293.
- ³⁵ Ibid. P. 282; *Dinh Trung Thành.* Đầu tư trực tiếp nước ngoài từ các nước ASEAN vào Việt Nam trong bối cảnh hình thành AEC (*Динь Чунг Тхань.* ПИИ из АСЕАН во Вьетнам в условиях формирования ЭСА) // Nghiên cứu Kinh tế. 2016. № 3. Tr. 64.
- ³⁶ URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually>.
- ³⁷ Statistical Yearbook of Vietnam (SYB) 2016. Hanoi, 2017. P. 560; SYB 2020. Op. cit. P. 655.
- ³⁸ Вьетнамско-камбоджийские отношения продолжают развиваться, указ. соч.; Statistical Yearbook of Vietnam 2020. P. 571.
- ³⁹ Tourism Statistics Report. First Semester 2022. MOT of Cambodia. Phnom Penh, 2022. P. 4.
- ⁴⁰ В процессе работы Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА) старшие члены Ассоциации уже в 2010 г. открыли свои рынки, предельно снизив тарифные барьеры, и лишь спустя 4–6 лет этого уровня либерализации торговли достигли страны ВКЛМ. Подробнее см.: *Локишин Г.М., Кобелев Е.В.,*

- Мазырин В.М.* Сообщество АСЕАН в современном мире // Экономическое сообщество: формирование и первые итоги. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 53–54.
- 41 *Severino R., Thuzar M.* ASEAN Economic Cooperation and its Political Realities. Moving the AEC beyond 2015: Managing Domestic Consensus for Community-Building. Singapore: ISEAS, 2016. P. 25. В последующий период уровень реализации задачи поднялся, так как АСЕАН сообщила о достижении в 2021 г. 11 из 13 экономических результатов, предусмотренных Программой ЭСА 2025: ASEAN Year in Review: 2021 / Lin J., Suvannaphakdy S., Martinus M. // ASEAN Focus, The Reopening of ASEAN: Trade, Tourism and Travel. 2022. No. 38. P. 3.
- 42 ASEAN Focus. Op. cit. P. 3, 26.
- 43 Celebrating ASEAN: 50 years of evolution and progress. Op. cit. P. 42; ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021. P. 19; ASEAN Statistical Leaflet 2021. ASEAN Secretariat. Jakarta, 2021. P. 1.
- 44 FAO and UNICEF. Asia and the Pacific. Regional Overview of food security and nutrition. Statistics and trends. Bangkok, 2021. P. 4. URL: <https://www.fao.org/3/cb7494en/cb7494en.pdf>.
- 45 Celebrating ASEAN... Op. cit. P. 43–44; The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.LE00.IN?locations=MY-KH-VN-TH-PH-ID-SG-BN-MM-LA>.
- 46 *Цветов А.П.* Новые социальные силы в современном Вьетнаме: групповые интересы и политическое участие // Вьетнамские исследования. Вып. 6. М.: ИДВ, 2016. С. 52–65.
- 47 *Нгуен Динь Туан.* Многомерная бедность и человеческое развитие во Вьетнаме и странах Юго-Восточной Азии: сравнительный анализ // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 49.
- 48 Celebrating ASEAN: 50 years of evolution and progress. Jakarta, 2017. P. 65. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed: 27.07.2022).
- 49 ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021. P. 53. Выбран период до начала пандемии.
- 50 *Intal Jr. et al.* ASEAN Rising: ASEAN and AEC Beyond 2015. Jakarta: ERIA, 2014. P. 45.
- 51 Подробнее см.: *Мазырин В.М.* Страны Индокитая в разрезе экономического роста // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 37–41. DOI 10.17994/IT.2017.15.3.50.3.
- 52 ASEAN@50 // The ASEAN Economic Community Into 2025 and Beyond. ERIA, Jakarta, 2018. P. 42.
- 53 World Economic Outlook 2017. April. Washington, DC: IMF, 2017.
- 54 ASEAN@50 // The ASEAN Economic Community Into 2025 and Beyond. Op. cit. P. 42.
- 55 ASEAN@50. Vol. 5. Op. cit. P. 43; ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, 2021. P. 40.
- 56 The Limited Impact of the ASEAN Economic Community on Skilled Labour Migration // ASEAN@50. The ASEAN economic community... Op. cit. P. 51.
- 57 *Vo Tri Thanh.* From AEC to RCEP: Implications for the CLMV // Trade Regionalism in the Asia-Pacific. Developments and Future Challenges / Sanchita B. Das and Masahiro Kawai (eds). Singapore: ISEAS, 2016. P. 147–166.

Глава 9

Субрегион Большого Меконга: объединяющие факторы и противоречия

АННОТАЦИЯ: Экономический рост, а также уровень благосостояния населения крайне тесно связаны с природными ресурсами, которыми богат Меконг. Вместе с тем по мере усиления экономической динамики возрастает и спрос на ресурсы реки, трансграничный характер которой таит в себе целый ряд угроз. Интеграция между странами субрегиона Меконга является единственным решением для обеспечения долгосрочной экономической жизнеспособности региона. В главе дается анализ экономической динамики СБМ, трансформации хозяйств субрегиона, роли ресурсов Меконга в этом процессе, рассматриваются основные противоречия, связанные с трансграничным характером реки, а также существующие механизмы и структуры сотрудничества между странами, оценивается их эффективность. Проведенный анализ выявил, что Меконг, выступая природным капиталом, катализирует развитие субрегиона. Неравномерное и не всегда эффективное распределение и эксплуатация этого капитала определяют проблемы устойчивого развития, порождают межгосударственные и межсекторальные противоречия. Вместе с тем выявлено, что экономическое планирование в странах бассейна Меконга остается фрагментированным как между странами, так и между секторами экономики. Несмотря на признание властями необходимости нового подхода для достижения устойчивого развития, сохраняется неадекватное рассмотрение краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных последствий различных вариантов буду-

щего развития в СБМ. Использование природных ресурсов Меконга не обеспечивает устойчивого благополучия и характеризуется наличием ряда факторов риска всех уровней — от субрегионального до глобального. По сути, решение данных проблем является одним из факторов формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: субрегион Большого Меконга (СБМ), Меконг, экономический рост, устойчивое развитие, интеграционные процессы, субрегиональные механизмы сотрудничества, взаимосвязанность, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд, Китай.

ABSTRACT: Economic growth, as well as the well-being of the population, is highly correlated with the natural resources that the Mekong is rich in. However, as economic dynamics strengthen, so does the demand for the river's resources, the transboundary nature of which poses a number of threats. Integration among the countries of the Mekong subregion is the only solution to ensure the long-term economic viability of the region. The chapter analyzes the economic dynamics of the GMS, the transformation of the economies of the subregion, the role of Mekong resources in this process, examines the main contradictions associated with the transboundary nature of the river, as well as the existing mechanisms and structures of cooperation between countries, assesses their effectiveness. The analysis has shown that the Mekong, as a natural capital, catalyses the development of the subregion. The unequal and not always efficient distribution and exploitation of this capital determines the problems of sustainable development, gives rise to interstate and intersectoral contradictions. At the same time, it was revealed that economic planning in the countries of the Mekong basin remains fragmented, both between countries and between sectors of the economy. While the necessity for or a new approach to achieve sustainable development is recognized by the authorities, there are still inadequate consideration of the short, medium and long term implications of various options for future development in the Mekong subregion. The use of the natural resources of the Mekong does not provide sustainable well-being and it is determined by a number of risk factors at all levels — from subregional to global. In fact, the solution of these problems is one of the factors in the formation of a zone of stability, economic development and environmental security in the region.

KEYWORDS: Greater Mekong subregion, Mekong, economic growth, sustainable development, integration processes, subregional cooperation mechanisms, connectivity, Vietnam, Cambodia, Laos, Myanmar, Thailand, China.

Введение

ПРОЦЕСС экономической интеграции АСЕАН географически многоуровневый, и поэтому субрегиональные инициативы особенно эффективны для устранения разрывов в развитии, улучшения взаимосвязи, содействия международной координации, а также продвижения устойчивого развития.

Пять материковых стран-участниц АСЕАН словно нитью объединены ключевой речной артерией и водной системой ЮВА и неразрывно связаны не только рекой, но и историческими торговыми путями с Китаем. Вместе с двумя регионами Китая, Гуанси-Чжуанским автономным районом и провинцией Юньнань, где река берет свое начало, они формируют субрегион Большого Меконга (СБМ, рис. 9.1). Он является домом для почти 350 млн человек, или 4,4% мирового населения.

СБМ представляет собой совокупность динамично развивающихся стран и регионов, существенно отличающихся друг от друга. С начала 1990-х годов в субрегионе стали появляться различные интеграционные программы и механизмы сотрудничества, главными целями которых было улучшение взаимосвязанности в различных сферах, преодоление отсталости и повышение уровня благосостояния населения. Особое место в программах занял вопрос освоения ресурсов Меконга, который выступает главным связующим звеном этих стран. Его ресурсы являются особенно важными для экономики субрегиона, его народов и окружающей среды. Принимая во внимание динамичное развитие СБМ, способствовавшего повышению интереса к использованию потенциала Меконга и чрезмерной эксплуатации его ресурсов, трансграничный характер реки таит в себе ряд угроз для устойчивого развития. Единственным решением для обеспечения долгосрочной экономической

Рис. 9.1. Карта субрегиона Большого Меконга

Источник: URL: <https://www.worldatlas.com/rivers/mekong-river.html>.

жизнеспособности субрегиона является интеграция между странами, входящими в его состав.

Стратегическая роль Меконга в субрегионе и зависимость дальнейшей траектории развития от его потенциала актуализирует исследования по данной проблематике. Актуальность и практическая значимость ее изучения также объясняется тем, что угрозы, возникающие в СБМ, нельзя рассматривать как исключительно

субрегиональные в силу того, что субрегион выступает важным поставщиком продовольствия на мировых рынках и снижение его поставок может стать вызовом глобальной продовольственной безопасности. Таким образом, данная проблема приобретает глобальный характер.

Задачами исследования выступают анализ экономических структур, их связь с ресурсами Меконга, выявление общих тенденций и объединяющих факторов развития стран субрегиона, раскрытие точек противоречий, а также изучение существующих механизмов сотрудничества и оценка их эффективности.

Проблемы и вызовы СБМ привлекают активное внимание научного сообщества. Публикации затрагивают отдельные аспекты изучаемой проблематики, общей их характерной чертой служит отсутствие комплексного подхода. Заметная часть работ затрагивает влияние развития гидроэнергетики на функционирование режима реки. Среди них статья К. Куенцер, И. Кэмпбэлл, в которой освещаются потенциальные риски от гидроэнергетических проектов¹.

Представляют интерес и работы, посвященные механизмам сотрудничества внутри субрегиона. Р. Грюнвальд анализирует роль сотрудничества Ланьцан-Меконг и изучает текущие вехи и проблемы в контексте регионального водного сотрудничества². Позицию АСЕАН по вопросам Меконга исследует Хоанг Тхи Ха³.

Стоит также отметить публикацию Н.Г. Рогожиной, в которой исследуются причины возникновения экологических и социальных проблем в дельте Меконга, а также проводится анализ характера взаимосвязи между экономическими и экологическими процессами развития⁴.

В данном исследовании был применен комплексный подход, позволивший проанализировать всю сложность взаимодействия экономической активности с окружающей средой, оценить степень влияния на природные ресурсы и потенциальные риски.

Характеристика экономик СБМ

Входящие в СБМ страны и территории находятся на существенно различных уровнях экономического развития, но уже два десятилетия демонстрируют весьма высокие темпы роста — 6–8%, которые способствовали повсеместному увеличению абсолютных показателей ВВП и его значения в пересчете на душу населения.

Ускорение экономической динамики сопровождалось и одновременно стимулировалось трансформацией отраслевой структуры производства. В 2000–2021 гг. вклад аграрного сектора в ВВП, за исключением Таиланда, повсеместно сократился: в Мьянме — с 57,1 до 23,5%, Камбодже — с 35,9 до 22,8, Лаосе — с 33,6 до 16,1, во Вьетнаме — с 24,5 до 14,6%. Лишь в Таиланде на протяжении двух десятилетий его вклад остался неизменным — 8,5%⁵.

Вместе с тем как таковой деаграризации хозяйств в СБМ не произошло. Субрегион остается преимущественно сельским — примерно 60% населения, или 208 млн человек, проживает в сельской местности, и подавляющее большинство в той или иной мере зависит от аграрного сектора. Немаловажную роль он сохраняет и в обеспечении занятости населения. Аграрный сектор поглощает 44% рабочей силы субрегиона, будучи более весомым в Лаосе (61%) и Мьянме (49%) и менее — во Вьетнаме (37%), Камбодже (35%) и Таиланде (31%)⁶.

Аграрный сектор удерживает ключевые позиции во всех без исключения странах СБМ и ввиду своей стратегической роли. Его рост является ключом к снижению бедности, потому как большая часть бедняков в субрегионе сосредоточена преимущественно в сельской местности. В настоящее время за чертой бедности в странах СБМ проживает 19% населения, а 15% его страдает от недоедания.

Аграрный сектор играет стратегическую роль и в поддержании продовольственной безопасности не только в субрегионе, но и мире в целом. Страны СБМ вносят заметный вклад в региональное и мировое аграрное производство, являясь лидерами по ряду видов

продукции. Так, субрегион формирует «рисовую чашу» Азии и производит пятую часть всего риса в мире. СБМ активно вовлечен и в мировую торговлю и играет важную роль в обеспечении глобальных поставок. Без китайских территорий на его долю приходится 31% мирового экспорта риса⁷.

Вместе с тем в период 2000–2020 гг. произошло увеличение роли индустриального сектора в экономиках СБМ. Так, темпы его роста составили в среднем по региону 8,9%. Его вклад в ВВП возрос в Камбодже с 21,9 до 36,8%, в Мьянме — с 10,2 до 35,2%, в Лаосе — с 16,5 до 34,1%. В то время как в Таиланде и Вьетнаме на фоне существенно-го роста валовой продукции индустриального сектора — в 4 и 8 раз соответственно, его доля, наоборот, сократилась с 36 до 33% в обеих странах, что является свидетельством постепенной сервисизации экономик.

Наилучшую динамику демонстрировал третичный сектор. Он рос в среднем на 9,5% в год. Сфера услуг наиболее развита в Таиланде и занимает самые существенные позиции в экономической структуре (58,3% ВВП). Мьянма, Вьетнам, Лаос и Камбоджа заметно уступают — 41,8, 41,6, 40,7 и 38,8%. Туризм был одним из главных двигателей третичного сектора. Обладая большим природным и историческим потенциалом, СБМ активно привлекал туристов, приток которых возрос с 13,2 млн в 2003 г. до 75,5 млн в предковидный год. Доход от туристической отрасли достиг 101 млрд долл.⁸ Вместе с туризмом развивался гостиничный и ресторанный бизнес, расширялась транспортная сеть.

Высокая динамика индустриального сектора и сферы услуг привела к ускорению процесса урбанизации, так как эти отрасли базируются в основном в городах. В результате доля городского населения возросла с 24 до почти 40%⁹. Несмотря на пока еще невысокий уровень урбанизации в целом в субрегионе, вклад городских районов большинства этих стран в ВВП существенно выше, чем их доля в населении — не менее половины в среднем и примерно 75% в Таиланде. В результате экономика стран СБМ приобрела черты индустриально-аграрной.

Меконг: одна река — одно будущее

Экономический рост, а также уровень благосостояния населения крайне тесно связаны с природными ресурсами, которыми богат Меконг. Прежде всего, он является источником пресной воды, одного из важнейших стратегических ресурсов, «голубого золота». Если человечество можно представить без нефти, металла или других полезных ископаемых, то без двух глобальных природных ресурсов — воздуха и воды представить невозможно.

Воды Меконга необходимы для сельскохозяйственных нужд — как для орошения, так и для плодородия почв. Они несут важные потоки наносов и питательных веществ, которые испокон веков служили лучшими удобрениями сельскохозяйственным землям.

Меконг богат и водным биоразнообразием, что предопределяет важность рыболовства в экономической структуре субрегиона и обуславливает его заметный вклад в мировое производство. На глобальном уровне, по оценкам различных источников, промыслы Меконга производят от 7 до 22% мировой пресноводной рыбы, тем самым справедливо прославляя СБМ как «рыбную корзину» Азии. Продукция рыбного промысла в бассейне Меконга выше, чем в любом сопоставимом географическом районе мира. В качестве примера можно привести Камбоджу, где интенсивность рыболовства и улов пресноводной рыбы на душу населения являются самыми высокими в мире¹⁰. Как гласит старая камбоджийская поговорка: «Где вода, там и рыба».

Вклад Меконга не ограничивается службой сельскохозяйственным и рыболовецким нуждам. И по мере структурной трансформации хозяйств субрегиона роль реки лишь возрастает. Меконг составляет основу систем энергоснабжения в субрегионе и является важным источником гидроэнергии, спрос на которую неуклонно возрастает пропорционально экономическому росту (7–8%) и отчасти служит его потребностям. Эксперты оценивают гидроэнергетический потенциал Меконга в 30 тыс. МВт в нижнем бассейне и 28,93 тыс. МВт — в верхнем.

Меконг представляет собой и важную транспортную артерию, хотя и не является судоходным на всей своей протяженности. Он служит важным торговым «коридором», соединяющим китайскую провинцию Юньнань и Таиланд, между которыми нет сухопутной границы. В верхнем и среднем его течении судоходство возможно только для небольших судов водоизмещением 250–300 т. Дельта Меконга может принимать более крупные суда и в большем количестве. На нее приходится 78% годового объема грузов и 89% пассажирских перевозок по Меконгу.

В отдаленных районах водный транспорт служит альтернативой наземному, а иногда и единственным средством, связующим с крупными центрами. Пассажирские перевозки по Меконгу также вносят большой вклад в развитие туризма – одного из моторов развития субрегиона. В последние годы в рамках программ сотрудничества стали активно развиваться туристические круизы, в том числе трансграничного характера¹¹.

Меконг выступает и в роли туристической достопримечательности, расширяя экологические маршруты в дельте Меконга, в его долине на территории Лаоса, а также по Тонлесапу. Достопримечательности и речные маршруты уникальны и представляют собой туристический ресурс со значительным потенциалом.

Река также является источником гравия, глины и песка, которые активно применяются в динамично развивающейся строительной области всех без исключения стран бассейна. Хотя СБМ является одним из наименее урбанизированных регионов мира, процесс урбанизации набирает обороты и ускоряет рост строительства, увеличивая потребности стран в стройматериалах.

Таким образом, ресурсы Меконга способствуют экономическому росту субрегиона. Однако динамичное экономическое развитие сопряжено с их чрезмерной эксплуатацией и порождает определенные вызовы и противоречия.

Противоречия

Вода не признает политических и государственных границ, что делает государства взаимозависимыми с точки зрения водопользования. Площадь прибрежных районов Меконга заметно варьируется по странам (табл. 9.1). Китай, располагая 21% общей площади бассейна и находясь в верховье реки, имеет беспрецедентно большое влияние на ее водосток. По мере роста его потребностей в водных ресурсах возрастает и водозабор, что вызывает неустойчивые и разрушительные изменения уровня воды ниже по течению¹².

На Мьянму приходится всего 3% всей площади бассейна Меконга, а прибрежные районы не превышают и 4% площади страны. Мьянма в наименьшей степени подвержена конфликту интересов, связанных с эксплуатацией природных ресурсов реки.

В то же время в Лаосе и Камбодже они занимают почти всю территорию страны и составляют более 85%. В рамках их границ сосредоточено 25 и 20% соответственно всей площади бассейна Меконга.

Таблица 9.1

Распределение территории бассейна Меконга по странам

Страна	Площадь бассейна (тыс. км ²)	Доля в общей площади бассейна (%)	Доля в общей площади страны (%)
Вьетнам	65	8	20
Камбоджа	155	20	86
Таиланд	184	23	36
Лаос	202	25	85
Мьянма	24	3	4
Китай	165	21	2

Источник: Rossi C.G., Srinivasan R. et al. Hydrologic evaluation of the lower Mekong River basin with the soil and water assessment tool model // International Agricultural Engineering Journal. 2009. January. No. 18 (1). P. 3.

На Вьетнам приходится лишь 8% бассейна, но вместе с тем район дельты Меконга играет крайне важную роль в экономике страны, прежде всего в аграрном секторе. Он составляет 20% территории страны, и в нем проживает пятая часть населения.

Интерес всех стран, расположенных в бассейне реки Меконг, к использованию ее потенциала в последние годы по мере роста потребностей в природных ресурсах для нужд сельского и рыбного хозяйства, промышленности, энергетики и города неуклонно поднимается, причем непропорционально долям в общей площади бассейна. В то же время трансграничный характер Меконга порождает межгосударственные противоречия и конфликты интересов как между соседями по субрегиону, так и между секторами экономики.

Первостепенным и широко обсуждаемым противоречием между странами является строительство ГЭС в верхнем течении реки, которые создают, с одной стороны, возможности, но с другой — серьезные вызовы, в особенности для стран ниже по течению. Бенефициарами от развития гидроэнергетического потенциала Меконга выступают в первую очередь Китай, активно развивающий гидроэнергетический потенциал как на своей территории, так и в других странах субрегиона, а также Лаос, где сосредоточена большая часть ГЭС. Доля гидроэлектростанций в производстве электроэнергии весьма высока в Лаосе и достигает 72%¹³. В 2020 г. производство электроэнергии в Лаосе составило 29,74 млрд кВт·ч, экспорт — 8,47 млрд кВт·ч¹⁴. Лаос стремится превратиться в электрическую батарейку Юго-Восточной Азии. Таиланд выступает важным инвестором и крупнейшим импортером лаосской электроэнергии и также удовлетворяет часть своих потребностей, таким образом, в определенной степени гарантирует свою энергетическую безопасность¹⁵.

В последние годы активно развивается гидроэнергетика и в Камбодже, масштабность проектов в которой существенно ниже. Тем не менее доля ГЭС в производстве электроэнергии также значима — 50%¹⁶. В стране еще в начале 2010-х годов уровень электрификации был низким, едва превышая 50%, что в купе с высокими ценами служило серьезным препятствием для привлечения ПИИ, одного

из главных катализаторов экономического роста. В 2011–2022 гг. в стране было построено 7 ГЭС общей мощностью 1328 МВт. В результате уровень электрификации возрос до 87%¹⁷.

Вместе с тем строительство ГЭС, как правило, сопряжено с двумя аспектами, оба из которых являются негативными. *Во-первых*, это чрезмерная зависимость от китайских инвестиций, а *во-вторых* — отрицательные стороны воздействия гидроэнергетики на окружающую среду, сопряженные с нарушением гидрологического баланса реки, а также естественных потоков рыбы, наносов и питательных веществ. Принимая во внимание скорее второй фактор, чем первый, руководство Камбоджи в 2020 г. заявило о приостановке двух гидроэнергетических проектов, подавая тем самым пример для стран в верховьях Меконга¹⁸.

Помимо экологических последствий, строительство дамб и плотин в верховьях реки ставит в зависимое положение страны, расположенные внизу по течению. Географическое положение позволяет прежде всего Китаю контролировать водные ресурсы, в том числе использовать такую возможность в политических целях. В 2016 г. китайское правительство сбросило воду из плотины ГЭС Цзинхун, чтобы смягчить затяжную засуху¹⁹. Некоторые специалисты интерпретировали сброс воды как знак доброй воли Китая²⁰. Другие видели в этом геополитический шаг для оказания большего влияния на страны нижнего течения и символический жест для получения дипломатической выгоды перед первой встречей лидеров стран СБМ в марте 2016 г.²¹

В 2018 г. на лаосской ГЭС произошел аварийный сброс 481 млн куб. м воды, в результате которого погибли и пропали без вести люди, а также пострадали большие площади сельскохозяйственных угодий и скот²².

Однако проблемы освоения Меконга не исчерпываются развитием гидроэнергетики. Все страны субрегиона используют его ресурсы в разной степени и для различных нужд. Общий водозабор в бассейне составляет 13% среднегодового стока Меконга, из которых на Вьетнам приходится примерно 52%, Таиланд — 29, Китай — 9,

Лаос — 5, Камбоджу — 3 и Мьянму — 2%. Львиная доля, или 80–90%, забора воды в бассейне используется для целей орошения²³. При этом большую часть используют Вьетнам и Таиланд, что обусловлено более развитыми и постоянно расширяющимися оросительными системами в этих странах.

Ирригация отчасти является залогом их производственного успеха, в результате которого Вьетнам и Таиланд вошли в десятку ведущих мировых производителей риса, расположившись на 5-м и 6-м местах соответственно. В дельте Меконга, которая составляет 8% общей площади бассейна и 20% территории Вьетнама, производится более половины всего риса страны и обеспечивается 90% экспортных поставок. Северо-восточные провинции Таиланда, занимающие 36% территории страны и 23% бассейна, также являются житницей страны, в которой собирают 50% всего урожая риса²⁴.

Однако у ирригации, как и всего остального, есть обратная сторона. Она способна вызвать изменения в естественных гидрологических режимах и связанные с этим экологические проблемы²⁵. Прежде всего, плохо скоординированное строительство приводит к заболачиванию, заиливанию каналов и притоков, их обмелению, а также к засаливанию почв²⁶. Последнее превратилось в серьезную угрозу для дельты Меконга, причем не только вьетнамских территорий, но и крайне значимых сельскохозяйственных районов Камбоджи²⁷.

Ирригационные сооружения увеличивают загрязнение воды путем попадания в нее удобрений. Принимая во внимание широкое применение химикатов для сельскохозяйственных нужд во Вьетнаме и нормы их внесения, существенно превышающие показатели соседних стран²⁸, развитие ирригации сопряжено с высокими рисками снижения качества воды, в том числе и грунтовых вод.

Более того, многие исследования показали, что ирригация несет негативные риски и для здоровья населения, сопряженные с распространением болезней, передающихся с водой²⁹. Районы с ирригацией в большей степени подвержены распространению кишечных и паразитарных инфекций, а также малярии, что способно

создать дополнительную нагрузку на систему здравоохранения и увеличить расходы населения на лечение.

Активно используются и грунтовые воды, которые питает система Меконга. Их уровень со временем снижается, а пополнение происходит достаточно медленно³⁰. Отмечается их избыточное и чрезмерное потребление во Вьетнаме для производства кофе, которое оценивается в 60%³¹. Повышенный забор грунтовых вод приводит к засухам, острой нехватке воды и потерям урожая не только во Вьетнаме, но и в соседних северо-восточных провинциях Камбоджи³².

Чрезмерное использование воды на сельскохозяйственные нужды поднимает вопрос и об эффективности распределения водных ресурсов между секторами. Как отмечалось ранее, их большая часть идет на нужды сектора с наименьшим вкладом в производство валовой продукции. Таким образом, затраты существенно преувеличивают над отдачей.

Вызывает опасения и добыча песка, гравия и глины, которая интенсивно начала развиваться в 1990-е годы. Однако невиданно широкий размах она приобрела лишь в последние годы с ускорением процесса урбанизации. Его добычей занялось множество компаний, часть которых работает нелегально, затрудняя государственное регулирование отрасли³³. В 2015 г. общий объем песка, добытого в дельте Меконга во Вьетнаме, составил 38 млн куб. м, а в 2020 г. — 47 млн куб. м³⁴. В тот же период в Камбодже, по данным, полученным со спутников, лишь на коротком участке реки добыча песка возросла с 24 млн куб. м до 59 млн куб. м³⁵. Географическая структура добычи в нижнем бассейне Меконга представлена абсолютным доминированием Камбоджи, на которую приходится 61% добытого песка. На поддержание строительного бума в Пномпене ежедневно требуется 15–20 тыс. куб. м песка³⁶. Доли Вьетнама, Таиланда и Лаоса составляют 20, 11 и 8% соответственно.

Крупномасштабная добыча песка имеет необратимые последствия для окружающей среды всего субрегиона. Она приводит к углублению русла реки, снижению уровня воды и разрушению

среды обитания многих речных организмов. Таким образом, чрезмерная эксплуатация этого ресурса сказывается на всех странах, и прежде всего тех, что расположены в низовьях течения.

Еще одним фактором, оказывающим существенное давление на природные ресурсы Меконга, является урбанизация. Она является ключевой частью быстрого перехода субрегиона от преимущественно аграрного к индустриально-аграрному типу хозяйства. Ее ускорение поднимает вопросы, связанные с транспортом, водоснабжением, инфраструктурой, управлением отходами, санитарией, экологической устойчивостью. Урбанизация становится одним из крупнейших факторов, способствующих изменению климата и росту загрязнения окружающей среды, в том числе Меконга, вдоль берегов которого расположены многие крупные городские центры – Пномпень, Хошимин, Кантхо, Вьентьян. Таким образом, преодоление негативных последствий быстрой урбанизации также является важным вопросом для стран СБМ.

Увеличение эксплуатации ресурсов привело к повышенной уязвимости и экономическим потерям от засух, наводнений, загрязнения воды, сокращения питательных веществ и наносов, геоморфологических изменений русла реки и, как следствие, понижению русла и росту засоленности прибрежных районов. В большей степени от экологических последствий страдают Камбоджа и Вьетнам. На них приходится примерно две трети общего ежегодного ущерба от наводнений в субрегионе³⁷.

В 2019 г. в субрегионе наблюдалась сильнейшая засуха, уровень Меконга опустился до рекордно низких отметок. Впервые за десятки лет полностью прекратилось движение речных судов между портами тайской провинции Чианграй, лаосской провинции Бокео и китайской Юньнань. Это вызвало почти полную остановку приграничной торговли между Таиландом, Лаосом и Китаем. Многие города, в том числе Вьентьян и Пномпень, столкнулись с перебоями водоснабжения. А сельскому хозяйству был нанесен серьезный урон, потери от которого оценивались в миллиарды долларов. Обмеление Меконга связали с вводом в строй трех

гидроэлектростанций, возведенных Китаем на своей территории в верховьях Меконга.

Данные показали, что во время сильной засухи в нижнем бассейне Меконга в 2019 г. китайские плотины ограничивали почти весь сток в верхнем течении Меконга. В течение всего 2019 г. таяние снега и количество осадков были нормальными или высокими для большей части китайской части бассейна³⁸.

Тем не менее совершенно очевидно, что проблема кроется не только в строительстве ГЭС и дамб в верхнем течении реки, а в целом комплексе факторов неверной эксплуатации речных ресурсов, некоторые из которых перечислены выше. Экономика субрегиона все больше зависит от капризов природы или все же скорее от ее уроков.

Неправильное использование природных ресурсов происходит отчасти из-за того, что их истинная экономическая ценность не признается, а нынешние и будущие последствия разрушения природного капитала сильно недооцениваются. Однако фактически это истощение не отражается на ВВП в краткосрочной перспективе. В долгосрочной же серьезные экологические последствия ставят под угрозу подчас дальнейшее развитие.

Решение проблем совместного использования водноэнергетических ресурсов в субрегионе имеет не только ключевое экономическое, но и огромное экологическое, политическое, в том числе и международное, значение. По сути, это один из основных факторов формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

Инициативы

С начала 1990-х годов Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам участвовали в различных соглашениях о сотрудничестве, в том числе с такими партнерами, как Китай, Япония и США, направленных на решение проблем Меконга. Перекрывающиеся по членству и охвату, эти договоренности, как правило, были связаны с управле-

нием общими водными ресурсами, устойчивым развитием, созданием инфраструктуры и региональной экономической интеграцией. За последние несколько лет сотрудничество активизировалось благодаря новым инициативам, возглавляемым крупными державами. На данный момент в субрегионе Меконга действуют более 13 структур и механизмов.

Одной из главных структур является *Комиссия по реке Меконг*, ставшая последователем Комитета по реке Меконг. Она представляет собой межправительственную организацию, созданную в 1995 г., и включает в себя Камбоджу, Лаос, Таиланд и Вьетнам, а Китай и Мьянма являются партнерами по диалогу. Комиссия призвана обеспечить эффективное и взаимовыгодное развитие реки Меконг при одновременном смягчении негативного воздействия на окружающую среду. Она также играет важную роль в качестве регионального центра знаний по управлению водными ресурсами.

Другой крупной программой сотрудничества стал *Субрегион Большого Меконга*. Он был основан в 1992 г. с целью реализации высокоприоритетных проектов в шести странах Меконга при поддержке Азиатского банка развития. Странами-членами являются Камбоджа, Лаос, Мьянма, Таиланд и Вьетнам, а также две китайские провинции. Программа была в основном сосредоточена на продвижении экономического и инфраструктурного развития путем создания региональных энергетических сетей, транспортных и экономических коридоров.

Инициатива Нижнего Меконга, официально предложенная в 2009 г., представляет собой многонациональное партнерство между США и пятью странами Меконга, а именно Камбоджей, Лаосом, Мьянмой, Таиландом и Вьетнамом. При американском спонсорстве она преимущественно служит платформой для решения проблем транснационального развития и политики в регионе Нижнего Меконга, стремится продвигать торговлю, предпринимательство и инновации. Инициатива Нижнего Меконга дополняется платформой *Друзья Нижнего Меконга*, которая объединяет доноров-«единомышленников», действующих в регионе, а именно Австралию, Японию,

Южную Корею, Новую Зеландию, ЕС. Ее цель — улучшить координацию помощи и обмен информацией, чтобы избежать дублирования программ развития.

Сотрудничество Ланьцанцзян–Меконг возникло в ноябре 2015 г. с участием шести стран-членов, а именно Китая, Камбоджи, Лаоса, Таиланда, Мьянмы и Вьетнама. Основными его целями являются повышение благосостояния людей, сокращение разрыва в развитии между странами региона и построение сообщества с общим будущим.

Основываясь на успехах Инициативы Нижнего Меконга, пять стран субрегиона Меконга вместе с США в 2020 г. запустили также проект *Партнерство Меконг–США*³⁹. Он охватывает широкий круг сфер взаимодействия, в том числе экономическую взаимосвязь, энергетическую безопасность, развитие человеческого капитала, управление трансграничными водными и природными ресурсами и нетрадиционную безопасность. Под последней понимается наращивание потенциала в области безопасности здоровья и реагирования на пандемии, противодействие транснациональной преступности, кибербезопасность и противодействие торговле людьми, незаконному обороту наркотиков и сохранение дикой природы.

В дополнение к этим основным региональным инициативам существуют другие проекты и механизмы с такими странами, как Япония, Южная Корея и Индия. Субрегион Меконга является важнейшей территорией китайской инициативы «Один пояс, один путь» и ключевым элементом американской стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона.

Несмотря на то что все пять стран, входящие в СБМ, являются членами АСЕАН и участницами платформы АСЕАН по сотрудничеству в деле развития бассейна Меконга, Ассоциация остается «сторонним наблюдателем» деятельности, связанной с Меконгом⁴⁰, а вопросы Меконга серьезно недооценены в ее повестке, в особенности в сравнении с ЮКМ. В 2020 г. Вьетнам пытался использовать свое председательство в АСЕАН, чтобы включить вопросы Меконга в повестку АСЕАН, однако его усилия не увенчались успехом.

В свете этих инициатив становится ясно, что совместная деятельность в Меконге расширяется для решения проблем, с которыми сталкиваются страны. В то же время такое сотрудничество несет в себе и конкурентный аспект на фоне сохраняющихся геополитических подводных течений.

Оценка эффективности механизмов сотрудничества

Ключевой задачей всех вышеперечисленных программ является повсеместное увеличение подушевого дохода населения и улучшение жизненных условий. В 2000–2021 гг. наблюдается положительная динамика в этом аспекте и происходит постепенное сближение уровней ВВП на душу населения по странам СБМ. Очевидные признаки увеличения сходимости подушевого ВВП по ППС подтверждает сокращение коэффициента вариации данного показателя – с 60 до 47%⁴¹. Если в 2000 г. объем подушевого ВВП по ППС в Камбодже составлял лишь 10% от уровня Таиланда, то в 2021 г. он вырос до 24%. Еще большее приближение к субрегиональному лидеру наблюдалось в Мьянме – с 8 до 22%, Лаосе – с 18 до 45%, во Вьетнаме – с 20 до 59%.

Вьетнам и Лаос почти достигли средних показателей субрегиона. Мьянма и Камбоджа, хотя и сократили свое отставание с почти четырехкратного, все еще отстают от среднего уровня региона в два раза (рис. 9.2). В последние годы «Группа четырех» успешнее догоняет субрегиональных соседей.

Сближение уровней развития обусловлено опережающими темпами роста наименее развитых Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Вьетнама (6–7%) по сравнению с относительно более богатым Таиландом (4%). Однако этот более высокий рост не компенсировал эффект низкой базы.

Наблюдается и положительная интеграционная динамика в расширении торговли внутри субрегиона – увеличиваются объемы торговых операций, возрастает значимость взаимных потоков, а также индекс интенсивности региональной торговли⁴². Активно реализуются задачи по достижению взаимосвязанности, расширя-

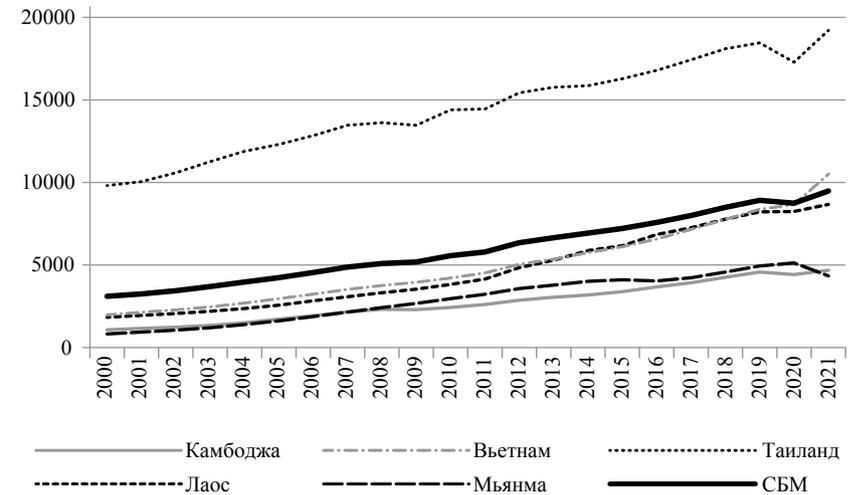

Рис. 9.2. Динамика подушевого ВВП по ППС в странах СБМ, долл. США

Источник: The World Bank.

ется дорожная сеть. В 2008–2020 гг. общая протяженность асфальтированных дорог в субрегионе возросла с 344 тыс. до 949 тыс. км без учета китайских территорий. 12 тыс. км составили новые современные приграничные дороги, финансируемые в рамках программы Субрегиона Большого Меконга⁴³. В результате сокращаются транспортные расходы.

Таким образом, можно говорить о положительных эффектах сотрудничества внутри субрегиона, подкрепленного различными механизмами и инициативами. Наличие нескольких механизмов создает больше возможностей для доступа к различным источникам финансирования, которые необходимы для создания и развития инфраструктуры субрегиона, расширяют спектр технической и консультативной помощи, географию торговли и различных предпочтений.

Несмотря на вышеупомянутые преимущества, нельзя недооценивать последствия слишком большого количества инициатив. Есть старая камбоджийская поговорка: «Когда слишком много людей

печет один и тот же нум ансом чрук (камбоджийский рисовый пирог со свиной), вполне вероятно, что пирог в результате сгорит». Та же логика применима и к текущей ситуации в субрегионе.

Несмотря на взаимосвязанность, экономическое планирование в странах бассейна Меконга остается фрагментированным. *Во-первых*, страны в пределах одного бассейна разрабатывают индивидуальные стратегии развития без достаточного учета друг друга или функций реки за пределами их границ. *Во-вторых*, наблюдается секторальная фрагментация. Развитие одного сектора экономики часто не учитывает сопряженные риски другого, плохо согласуется как внутри стран, так и за их пределами. *В-третьих*, можно отметить неадекватное рассмотрение краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных последствий различных вариантов будущего развития в Меконге. *В-четвертых*, отсутствует координация деятельности между различными министерствами и ведомствами внутри стран субрегиона.

По факту постоянное появление различных инициатив в этом не очень большом регионе не обеспечивает эффективного решения проблем, с которыми сталкиваются страны Меконга. Межправительственные структуры оказываются заложниками национальных интересов стран, преследующих свои экономические цели, а крупные державы продвигают свои интересы. Некоторые механизмы явно приводят к ослаблению других, поскольку они разрабатываются и управляются конкурирующими донорами. Как следствие, проблемы еще больше усугубляются. В результате возникают и объективные трудности с реализацией идей освоения Меконга, которые предполагают многоцелевое использование реки для нужд ирригации, навигации, гидроэнергетики, рыболовства с учетом потребностей сохранения устойчивости уникальной экосистемы.

Заключение

Меконг, играя важную роль в экономиках, выступает природным капиталом, катализирующим развитие субрегиона. В то же время неравномерное и не всегда эффективное распределение

и эксплуатация этого капитала определяют проблемы устойчивого развития, порождают межгосударственные и межсекторальные противоречия. Несмотря на существование множества механизмов сотрудничества, страны так и не сумели выработать единую основу взаимного учета интересов друг друга, предпочитая ориентироваться исключительно на национальные интересы. В субрегионе сохраняется проблема недостаточного взаимодействия.

Таким образом, острые вопросы остаются нерешенными, а положение в сфере использования природных ресурсов Меконга не обеспечивает устойчивого благополучия и характеризуется наличием ряда факторов риска всех уровней – от субрегионального до глобального. Будущие последствия разрушения природного капитала сильно недооцениваются. По сути, решение данных проблем является одним из факторов формирования в регионе зоны стабильности, экономического развития и экологической безопасности.

Примечания

- 1 Kuenzer C., Campbell I., Roch M. et al. Understanding the impact of hydropower developments in the context of upstream–downstream relations in the Mekong river basin // *Sustain Sci* 8. 2013. P. 565–584. URL: <https://doi.org/10.1007/s11625-012-0195-z>.
- 2 Grünwald R. Lancang-Mekong Cooperation: Present and Future of the Mekong River Basin. In *Politické vedy*. [online]. 2020. Vol. 23. No. 2. ISSN 1335–2741. P. 69–97. URL: <https://doi.org/10.24040/politickevedy.2020.23.2.69-97>.
- 3 Hoang Thi Ha, Farah Nadine Seth. The Mekong River Ecosystem in Crisis: ASEAN Cannot Be a Bystander // *ISEAS–Yusof Ishak Institute, Perspective*. 2021. No. 69. May 19. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-69-the-mekong-river-ecosystem-in-crisis-asean-cannot-be-a-bystander-by-hoang-thi-ha-and-farah-nadine-seth> (accessed: 05.06.2022).
- 4 Рогожина Н.Г. Экологические и социальные проблемы дельты реки Меконг во Вьетнаме // *Вьетнамские исследования*. 2022. Т. 6. № 2. С. 37–45.
- 5 The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NV.AGR.TOTL.ZS?locations=TH-KH-VN-LA-MM> (accessed: 12.06.2022).
- 6 Ibid.
- 7 FAOSTAT. URL: ????????????

- ⁸ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.ARVL?locations=KH-TH-MM-VN-LA> (accessed: 12.06.2022).
- ⁹ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS?locations=TH-KH-VN-LA-MM>.
- ¹⁰ Mekong Basin-Wide Fisheries Management and Development Strategy 2018–2022. MRC, 2017. P. 1
- ¹¹ URL: <https://www.cnn.com/2019/12/30/cruising-the-mekong-river-on-luxury-boats-through-cambodia-and-vietnam.html>.
- ¹² *Brian Eyer, Courtney Weatherby*. New Evidence: How China Turned off the Tap on the Mekong River // Stimson Center. 2020. April 13. URL: <https://www.stimson.org/2020/new-evidence-how-china-turned-off-the-mekong-tap/#4-the-2019-drought> (accessed: 10.05.2022).
- ¹³ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.HYRO.ZS?locations=TH-KH-VN-LA-MM> (accessed: 10.05.2022).
- ¹⁴ World Data info. Energy Consumption in Laos. URL: <https://www.worlddata.info/asia/laos/energy-consumption.php> (accessed: 10.05.2022).
- ¹⁵ *Thongphet Lamphayphan, Toshihisa Toyoda* et al. Export Supply of Electricity from Laos to Thailand: An Econometric Analysis // International Journal of Energy Economics and Policy. 2015. No. 5 (2). P. 450.
- ¹⁶ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EG.ELC.HYRO.ZS?locations=TH-KH-VN-LA-MM> (accessed: 10.05.2022).
- ¹⁷ Ibid.
- ¹⁸ *Ratcliffe R*. Cambodia scraps plans for Mekong hydropower dams // The Guardian. 2020. March 20. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/mar/20/cambodia-scraps-plans-for-mekong-hydropower-dams>.
- ¹⁹ China releasing water to Mekong River countries, 15 March 2016. URL: http://www.china.org.cn/environment/2016-03/15/content_38033620.htm.
- ²⁰ *Xing Wei*. Lancang-Mekong River Cooperation and Trans-Boundary Water Governance. A Chinese Perspective // China Quarterly of International Strategic Studies. 2017. Vol. 3. No. 3. P. 377–393.
- ²¹ *Grünwald R*. Lancang-Mekong Cooperation: Present and Future of the Mekong River Basin // Politické vedy. 2020. Vol. 23. No. 2. P. 69–97.
- ²² Inclusive Development International and International Rivers, Reckless Endangerment: Assessing Responsibility for the Xe Pian-Xe Namnoy Dam Collapse. July 2019. URL: http://www.internationalrivers.org/wp-content/uploads/sites/86/2020/08/ir-factsheet-2_year_xe_pian_dam_collapse_1_0.pdf.
- ²³ *Ying Meng, Junguo Liu* et al. Undermined co-benefits of hydropower and irrigation under climate changes // Resources, Conservation and Recycling. 2021. April. Vol. 167. P. 2. URL: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2020.105375>.
- ²⁴ Global Yield Gap Atlas. Vietnam. URL: <https://www.yieldgap.org/viet-nam> (accessed: 22.05.2022).
- ²⁵ *Milo Holy*. Is irrigation sustainable? // Canadian Water Resources Journal. 2013. No. 18 (4). 2013. P. 445. DOI: 10.4296/cwrj1804443.
- ²⁶ *Tran D.D., Weger J*. Barriers to Implementing Irrigation and Drainage Policies in An Giang Province, Mekong Delta, Vietnam // Irrigation and Drainage. Vol. 67. Issue S1. P. 82. URL: <https://doi.org/10.1002/ird.2172>.
- ²⁷ ដំណាំស្រូវយកចន្លោះឆ្នាំនេះ ពុំអាចស្រួលដុះបាន ឬស្រួលដុះ អាស៊ីត-នីត្រាត៍ខ្លាំង! (Посевы кешью сильно страдают от засоленности). Cambodiaist. URL: <https://cambonomist.com/news/cashew-crops-suffer-a-lot-because-of-salty-or-acid-dew-this-year/>.
- ²⁸ *Бурова Е.С*. Аграрный сектор Вьетнама на перепутье дорог: достижения, проблемы и перспективы // Независимый Вьетнам: национальные интересы и ценности. 2021. С. 103.
- ²⁹ *Milo Holy*. Is irrigation sustainable? // Canadian Water Resources Journal. 18:4. P. 445. DOI: 10.4296/cwrj1804443.
- ³⁰ FAO Aquastat Report. Transboundary River Basins – Mekong River Basin. 2011. Rome, 2011. P. 5.
- ³¹ *Бурова Е.С*. Указ. соч. С. 111.
- ³² *Кан К*. Mekong coffee growers struggle with drought and a warming climate // Earth Journalism Network. 2019. October 7. URL: <https://earthjournalism.net/stories/mekong-coffee-growers-struggle-with-drought-and-a-warming-climate> (accessed: 02.06.2022).
- ³³ *Рогожина Н.Г*. Экологические и социальные проблемы дельты реки Меконг во Вьетнаме // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 2. С. 37–45.
- ³⁴ *Park E*. Measuring the real cost of sand mining in the Mekong // Eco-Business. 28.02.2022. URL: <https://www.eco-business.com/opinion/measuring-the-real-cost-of-sand-mining-in-the-mekong/> (accessed: 12.06.2022).
- ³⁵ *Alka Tripathy-Lang*. Satellites Spy on Sand Mining in the Mekong. Eos // Science News by AGU. 21.12.2021. URL: <https://eos.org/articles/satellites-spy-on-sand-mining-in-the-mekong> (accessed: 12.06.2022).
- ³⁶ URL: http://www.mme.gov.kh/documents/254/MME_National_Mineral_Policy-KH.pdf.
- ³⁷ Mekong River Commission. Flood and Drought. URL: <https://www.mrcmekong.org/our-work/topics/flood-and-drought/> (accessed: 06.05.2022).
- ³⁸ *Brian Eyer, Courtney Weatherby*. Op. cit.
- ³⁹ Mekong-US Partnership. URL: <https://www.usaid.gov/asia-regional/lower-mekong-initiative-lmi>.

- ⁴⁰ Hoang Thi Ha, Farah Nadine Seth. The Mekong River Ecosystem in Crisis: ASEAN Cannot Be a Bystander // ISEAS–Yusof Ishak Institute, Perspective. 2021. No. 69. May 19. URL: <https://www.iseas.edu.sg/articles-commentaries/iseas-perspective/2021-69-the-mekong-river-ecosystem-in-crisis-asean-cannot-be-a-bystander-by-hoang-thi-ha-and-farah-nadine-seth> (accessed: 05.06.2022).
- ⁴¹ Бурова Е.С. Интеграционные процессы и развитие аграрного сектора стран субрегиона Большого Меконга // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2020. №2. С. 42.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ ADB. The Greater Mekong Subregion Economic Cooperation Program Strategic Framework 2030. 2021. P. 2.

Глава 10

Путь Вьетнама от конфронтации к сближению с АСЕАН

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история отношений Вьетнама с АСЕАН, выделены причины присоединения Вьетнама к Ассоциации, показаны его достижения в области региональной интеграции, а также обозначены актуальные вызовы на этом направлении. В качестве теоретической основы автором выбрана концепция «держав среднего уровня» применительно к Вьетнаму. Активная деятельность Социалистической Республики Вьетнам в рамках объединения позволяет говорить о постепенно формирующемся ее «секторальном лидерстве» в отдельных сферах сотрудничества с Ассоциацией, таких как безопасность, взаимодействие «новых» и «старых» членов группировки, общественное здравоохранение и продвижение интересов АСЕАН на мировой арене. Перспективы развития отношений Вьетнама с «десяткой» и его секторальное лидерство будут зависеть от международной обстановки, социально-экономических ресурсов страны и консолидации самой группировки. На сегодняшний день АСЕАН выступает для Вьетнама важным внешнеполитическим инструментом, благодаря которому ему удастся сохранять хоть и ограниченный, но необходимый для стабильного экономического развития баланс сил и не допустить тем самым экономической или политической зависимости от какой-либо из сторон.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Вьетнам, АСЕАН, держава среднего уровня, средняя держава, секторальное лидерство, регионализм, интеграция.

ABSTRACT: The proposed paper aims at analyzing the history of Vietnam–ASEAN relations, highlighting the reasons for Vietnam’s membership of ASEAN, marking its achievements in regional integration, and revealing new challenges that Vietnam faces in that respect. The theoretical framework of the following research is the concept of middle powers by examining the Vietnam case. The paper argues that the rising level of Vietnam’s activity in ASEAN suggests the formation of “sectoral leadership” by Vietnam in following areas: security, engagement between “new” and “old” ASEAN members, public healthcare and advancing ASEAN interests on the international arena. Future Vietnam-ASEAN relations and its “sectoral leadership” within the organization will be much dependent on international context, Vietnam’s socio-economic means to play this role and the ASEAN consolidation. The author concludes that today Vietnam views ASEAN as an essential tool for foreign policy that allows preserving a certain balance of powers necessary for its stable economic development and that prevents overdependence on any particular party.

KEYWORDS: Vietnam, ASEAN, middle power, sectoral leadership, regionalism, integration.

Введение

ИСТОРИЯ взаимодействия Социалистической Республики Вьетнам (СРВ) с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) во многом уникальна. Ханю удалось не только трансформировать образ «страны-изгоя» и нормализовать отношения с ближайшими соседями, но и успешно закрепить за собой лидерские позиции в рамках объединения.

Процесс того, как меняется восприятие Вьетнама в рамках Ассоциации, отчетливо прослеживается в зарубежной и отечественной литературе, посвященной данной проблематике. В научных исследованиях начала 1990-х годов авторы задавались вопросом, каким образом коммунистический Вьетнам сможет интегрироваться в новую систему региональных отношений, смогут ли страны-основательницы и новый член организации найти точки соприкосновения и насколько расширение состава объединения целесообразно

но¹. Сегодня же эксперты и обозреватели называют Вьетнам одним из лидеров АСЕАН², способным составить конкуренцию одной из стран-основательниц – Индонезии³ и успешно продвигающим интересы Ассоциации в отношениях с крупными региональными и внерегиональными акторами.

Существенно изменилась риторика и лидеров стран-основательниц Ассоциации в отношении Вьетнама. Так, премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю в своих мемуарах сравнивал вьетнамцев с «пруссакими Юго-Восточной Азии» и высказывал сомнения относительно готовности включения СРВ в состав организации в первые годы взаимодействия⁴. Тем не менее спустя десятилетия, оценивая итоги председательства Вьетнама в АСЕАН в 2020 г., лидеры Индонезии, Малайзии, Сингапура и других стран–членов Ассоциации неоднократно подчеркивали в своих выступлениях важную роль Вьетнама и его приверженность идеям АСЕАН⁵, а также высоко оценивали его вклад в развитие Ассоциации. Действительно, именно присоединение СРВ к АСЕАН в 1995 г. позволило в дальнейшем воплотить мечту «отцов-основателей» о полном региональном единстве.

На сегодняшний день Вьетнам является пока что единственным представителем четверки новых членов Ассоциации, который в наибольшей степени смог адаптироваться к формализованным и неформализованным практикам АСЕАН в отличие от своих ближайших соседей – Камбоджи, Лаоса и Мьянмы⁶. Действия и политика Ханоя в рамках объединения позволяют рассматривать его в качестве непризнанного лидера индокитайского «квартета»⁷, который выступает в качестве примера для остальных «новых» членов организации и отстаивает их интересы. Вместе с тем предметом дискуссии сегодня становится увеличивающийся разрыв в уровнях развития между Вьетнамом и тремя странами Индокитая и, как следствие, вопрос правомерности включения его в состав «квартета» АСЕАН.

Анализ взаимодействия Вьетнама с АСЕАН, с одной стороны, позволит объяснить, почему именно ему наиболее безболезненно уда-

лось адаптироваться к структуре Ассоциации, с другой – оценить и обосновать закрепление за ним статуса неформального лидера индокитайской «четверки».

Причины вступления Вьетнама в АСЕАН

Первоначально Ханой рассматривал Ассоциацию как продукт экспансионистской политики США в регионе, деятельность которой была направлена, прежде всего, на реализацию интересов Вашингтона и на дестабилизацию региональной обстановки в области безопасности в Юго-Восточной Азии. Однако стоит подчеркнуть, что этот подход не подразумевал полного отказа Вьетнама от идеи подключения к региональным процессам в перспективе, а скорее подчеркивал прагматизм вьетнамской дипломатии. Несмотря на декларируемую политику в отношении Ассоциации в середине 1970-х годов, в Ханое внимательно следили за принятием в АСЕАН таких основополагающих документов как Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии 1976 г., одним из ключевых положений которого стало провозглашение открытости объединения для вступления других стран Юго-Восточной Азии⁸.

Ответной реакцией на Балийский договор стало принятие в 1976 г. МИДом СРВ политики «четырёх принципов в отношении региона», одной из целей которой объявлялось развитие межрегионального сотрудничества в интересах мира, независимости и нейтралитета государств Юго-Восточной Азии⁹. На основе анализа содержания данных документов можно заключить, что уже на первых этапах развития отношений Вьетнама со странами АСЕАН декларировались схожие цели, направленные на обеспечение стабильности, понижение уровня конфликтности в регионе, выработку взаимоприемлемых механизмов сотрудничества и противодействия дискриминации стран региона на международной арене и в мировой торговле. Немаловажную роль в сближении сторон сыграло турне первого премьер-министра СРВ Фам Ван Донга по всем пяти странам АСЕАН (Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд,

Филиппины) в 1978 г., по итогам которого были заложены основы для нормализации вьетнамо-асеановских отношений.

Однако провозглашение полпотовской Демократической Кампучии, выступавшей с антивьетнамскими лозунгами, и впоследствии возникновение «камбоджийской проблемы»¹⁰ значительно ухудшили начавшийся процесс нормализации отношений Вьетнама с АСЕАН и, как итог, отложили вопрос членства Вьетнама в этом объединении на несколько лет.

Дискуссии вокруг возможного вступления Вьетнама в Ассоциацию возродились уже в «посткамбоджийский» период в 1980-е годы, когда в стране были объявлены масштабные экономические и политические реформы, известные как политика обновления «Дой мой», важной составляющей которой была новая внешнеполитическая стратегия, ориентированная на диверсификацию и многовекторность международных связей.

В литературе, посвященной анализу причин вступления Вьетнама в состав АСЕАН, доминирует тезис о том, что решающее значение для Ханоя вступить в Ассоциацию имели те экономические выгоды, которые он получал в результате своего членства в объединении¹¹. К их числу стоит отнести приток иностранных инвестиций, выход на новые экспортные рынки, предоставление официальной помощи развитию и возможность изучения экономических моделей более развитых стран–членов Ассоциации, в особенности опыт Сингапура.

Вместе с тем наравне с экономическими причинами имели вес и политические соображения, повлиявшие на решение Вьетнама стать неотъемлемой частью региональной группировки. Политические круги Вьетнама волновал вопрос обеспечения легитимности и устойчивости политического режима во главе с Коммунистической партией Вьетнама (КПВ) наравне с развитием национальной экономики. Другими словами, был также важен опыт соседних стран АСЕАН, где проблема обеспечения стабильности и легитимности правящих режимов была так же актуальна, как и для Вьетнама.

В этом контексте представляют значительный интерес вьетнамские документы, посвященные изучению стран АСЕАН и оценкам рисков вступления Вьетнама в состав Ассоциации. К примеру, в докладе 1992 г. Национальной политической академии Хо Ши Мина, посвященном анализу политических систем и режимов стран АСЕАН, подчеркивалось, что правительства АСЕАН хотя и придерживались прозападного и антикоммунистического курса, однако прежде всего имели национально ориентированный характер, стремились защищать свои национальные интересы, укреплять и развивать основы государственности, особенно в области экономики¹². Их формула национального строительства подразумевала экспортно-ориентированную экономику, построение демократических институтов, однако в отдельных случаях допустимость сохранения авторитарных режимов была во многом схожа, по мнению авторов доклада, с провозглашенной моделью развития Вьетнама¹³. Именно благодаря этому осознанию наличия схожих целей и общих подходов к процессам национальной модернизации сторонам удалось перейти к конструктивному диалогу.

Очевидно и то, что Вьетнам стремился за счет участия в АСЕАН улучшить имидж страны на международной арене и приобрести опыт подключения к региональным интеграционным процессам, которые рассматривались Ханоем как весьма полезное «подспорье» в выполнении задач по вхождению в систему мирохозяйственных связей. Вьетнам также нуждался в новой площадке для переговоров, где он мог бы продвигать свои инициативы, отстаивать свои интересы и решать существующие проблемы в рамках регионального формата, а не путем их более широкой интернационализации. Еще одним немаловажным фактором было то, что в условиях распада СССР Вьетнам, столкнувшись с так называемым кризисом идентичности¹⁴, стремился добиться отождествления своей страны с Ассоциацией, поскольку в Ханое не желали оказаться изолированными от стремительно набирающих темпов интеграционных процессов в ЮВА.

Таким образом, можно констатировать, что на итоговое решение вьетнамского руководства о подключении к деятельности АСЕАН в 1995 г. повлиял целый комплекс причин. Ханой исходил из того, что вступление в АСЕАН позволит консолидировать и укрепить существующий политический режим с минимально возможными потенциальными изменениями, стимулировать экономические преобразования и обеспечить стабильность и безопасность в регионе, необходимые для его развития. В результате Вьетнаму удалось не только занять свое место в системе межгосударственных связей в регионе ЮВА, но и перейти к более активному участию в интеграционных процессах, а также укрепить лидерские позиции в определенных нишах регионального сотрудничества, представляющих для него особый интерес.

Вьетнам и АСЕАН сегодня: феномен «секторального лидерства»

К настоящему времени Вьетнам накопил значительный опыт взаимодействия с АСЕАН и достиг немалых результатов на этом направлении. За более чем уже 25-летнюю историю вьетнамо-асеановских отношений он трижды председательствовал в Ассоциации (в 1998, 2010 и 2020 гг.)¹⁵, выполнял функции координатора диалоговых партнерств Ассоциации, реализовал ряд важных инициатив и стал успешным примером адаптации новых участников к структуре АСЕАН.

Немаловажную роль в этом процессе сыграло назначение вьетнамского дипломата Ле Лыонг Миня на должность генерального секретаря Ассоциации на период с 2013 по 2017 г. Кроме того, благодаря открытию постоянного представительства Вьетнама в АСЕАН и формированию специального отдела по связям с АСЕАН в структуре МИД значительно увеличилось число вьетнамских дипломатов, свободно владеющих английским языком, знающих и понимающих специфику Ассоциации и работы секретариата в Джакарте.

Представляется, что «мягкой» адаптации Вьетнама к деятельности АСЕАН также способствовали накопленная база знаний о группировке в годы раннего взаимодействия до вьетнамо-камбоджийского конфликта, а также установленные межличностные контакты между главами государств как в ходе официальных двусторонних визитов, так и по межпартийной линии. Еще одним немаловажным фактором, благодаря которому Вьетнам смог стать «своим» в Ассоциации, является его политическая культура, которая вписывается в общее поле разнообразных политических культур Юго-Восточной Азии, сочетая в себе черты конфуцианского и буддийского ареалов, но обладая собственной спецификой, связанной с традицией выборочного заимствования и адаптации лучших элементов культур других народов¹⁶.

Говоря о лидерских амбициях Вьетнама и о его притязаниях на ведущую роль в рамках Ассоциации, следует отметить, что в Ханое внимательно следят за развитием дискуссии по данной проблематике, однако, трезво оценивая свои возможности и ресурсы, Вьетнам на сегодняшний день не претендует на абсолютную роль «локомотива» объединения. Вьетнамское руководство исходит из того, что приоритетное значение для него имеют реализация и форсирование внутренних экономических реформ, направленных на достижение главной национальной цели — превращения Вьетнама в индустриально развитую страну. Однако с определенной долей уверенности можно заявить о постепенно формирующемся «секторальном лидерстве» СРВ в АСЕАН.

Секторальное лидерство — феномен, свойственный государствам среднего уровня, к числу которых многие западные¹⁷, а также вьетнамские авторы стали¹⁸ причислять Вьетнам относительно недавно. Категория «средних держав» включает в себя страны, которые ограничены определенным кругом внешнеполитических вопросов, за рамки которых по причине своего географического положения и ограниченности ресурсов они выйти не могут. Государства среднего уровня, прежде всего, стремятся обеспечить себе некую «международную автономию» и сохранить свою субъектность в системе

международных отношений за счет коллективных усилий, дипломатических, а также экономических инструментов внешней политики. Исходя из этого, наиболее эффективным внешнеполитическим ресурсом для держав среднего уровня является их деятельность в международных и региональных организациях. Объединяясь в коалиции, средние державы, с одной стороны, приобретают возможность оказывать системное, хоть и до определенной степени лимитированное влияние на международный порядок, тем самым сдерживать соперничество великих держав, с другой — обозначить те ниши специализации, в рамках которых та или иная страна имеет достаточно ресурсов и возможностей для секторального лидерства.

АСЕАН является наглядным примером подобного рода объединения средних и малых стран, где нет общепризнанного лидера¹⁹ как такового, а формат взаимодействия позволяет отдельным членам данной группировки закреплять за собой определенные области специализации, соответствующие их целям и национальным интересам. Другими словами, АСЕАН выступает той самой институциональной площадкой, в рамках которой Вьетнам приобретает возможность проявлять себя в различных аспектах «секторального лидерства»: в роли «катализатора» (привлечение крупных региональных и внерегиональных акторов к асеаноцентричным механизмам), «координатора» (в рамках координации диалоговых партнерств) и «инициатора» (запуск вьетнамских инициатив)²⁰.

Стремление Вьетнама занимать ведущие позиции в рамках АСЕАН обусловлено тем, что подобное «секторальное лидерство» позволяет ему обеспечить относительно стабильную региональную безопасность, необходимую для реализации его собственных национальных интересов, и одновременно усилить роль АСЕАН в поддержании того регионального порядка, в рамках которого малые и средние страны ЮВА имеют весомый голос на международной арене, а другие международные акторы вынуждены с их мнением считаться.

Отличительной чертой «секторального лидерства» является то, что оно не исключает возможности объединения нескольких

членов организации в коалицию, с тем чтобы оказывать влияние на другую группу членов объединения в решении актуальных вопросов сотрудничества²¹. Следуя данной логике, «секторальное лидерство» Вьетнама особенно явно проявляется в продвижении им интересов менее экономически развитых членов Ассоциации в диалоге с «пятеркой» государств-основателей. Именно Вьетнам был инициатором принятия такого рода соглашений, как «Соглашение о сотрудничестве в целях устойчивого развития бассейна реки Меконг»²², а также «Ханойской декларации о сокращении разрыва в уровне социально-экономического развития»²³, которая является продолжением Инициативы интеграции АСЕАН²⁴, ставящей основной целью сближение уровней экономического развития стран-членов АСЕАН и снижение уровня отставания Ассоциации от мировых темпов развития.

Принимая во внимание особые отношения Вьетнама с Лаосом и Камбоджей, их географическую близость и интенсивные торговые связи, Ханой видит себя в роли «социализатора» этих «новых» членов объединения со «старыми». Вьетнамское руководство полностью отдает себе отчет о тех серьезных рисках, которые связаны с усилением китайского присутствия в субрегионе, и стремится хоть и ограниченными, но дипломатическими и экономическими методами сбалансировать Китай. Перед СРВ стоит задача показать своим примером ближайшим соседям, что «мягкая» адаптация к структуре АСЕАН возможна, а региональная интеграция приносит свои политические и экономические выгоды. Иными словами, СРВ стремится не допустить развития негативного сценария, при котором страны Индокитайского полуострова дистанцируются от АСЕАН и будут руководствоваться в своих действиях исключительно ориентацией на интересы великих держав.

Вместе с тем перед Вьетнамом стоит еще одна не менее амбициозная задача — убедить «первую пятерку» АСЕАН в том, что «новые» члены группировки, несмотря на их значительное отставание, смогут адаптироваться к структуре АСЕАН и объединение должно продолжать свою деятельность в том составе, в котором оно функ-

ционирует сейчас. Именно поэтому Вьетнам активно лоббирует различные инициативы, направленные как на выстраивание конструктивного диалога между «молодыми» и «старыми» членами организации, так и на сокращение разрыва в уровнях экономического развития и интенсификацию внутренней взаимной торговли.

Другой, не менее важной составляющей «секторального лидерства» является восприятие самими членами объединения того, насколько многосторонний механизм сотрудничества эффективен и выгоден для них с точки зрения обеспечения региональной и национальной безопасности²⁵. Учитывая географическое расположение Вьетнама, вынуждающее его постоянно маневрировать в отношениях с такими крупными игроками, как Китай, США и с недавних пор Индия, а также территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ), становится очевидным, что АСЕАН приобретает для Вьетнама особое значение в контексте региональной безопасности. Ханой, который пытается, прежде всего, интернационализировать противоречия в акватории ЮКМ и не допустить включения данной проблематики в формат двусторонних переговоров с Пекином, видит в Ассоциации важный инструмент для продвижения данной повестки.

Исходя из этого, можно говорить о стремлении Вьетнама закрепить за собой позицию «секторального лидера» в АСЕАН в сфере безопасности. В первую очередь СРВ активно продвигает в предпочтительном ей направлении нормы и особую культуру международного поведения АСЕАН среди внешних партнеров организации, известную как «Путь АСЕАН» (*ASEAN Way*), суть которого заключается в сохранении принципов консенсуса и невмешательства во внутренние дела во избежание конфликтов между АСЕАН и ее диалоговыми партнерами²⁶. В частности, именно благодаря инициативе Вьетнама в год его председательства в АСЕАН в 2010 г. был запущен новый механизм сотрудничества — Совещание министров обороны АСЕАН плюс (СМОА+) с привлечением диалоговых партнеров организации. Новый формат, по различным оценкам, является в некоторых аспектах более эффективным, чем такие важные площадки,

как, например, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) или Восточноазиатский саммит (ВАС)²⁷.

Что касается территориальных споров в Южно-Китайском море, то стоит отметить, что Вьетнам адекватно оценивает возможности Ассоциации, не питая иллюзий относительно скорого разрешения данного спора усилиями объединения. Тем не менее, принимая во внимание рост экономического и дипломатического давления со стороны Китая на Лаос и Камбоджу, а также сдержанную позицию других стран-членов Ассоциации, Вьетнам стремится закрепить свое «секторальное лидерство» в вопросе ЮКМ, с тем чтобы эта проблематика, по крайней мере, не была исключена из повестки «десятки», а при более позитивном развитии событий был достигнут прогресс в переговорах по Кодексу поведения сторон в Южно-Китайском море. Иными словами, Ханой старается не допустить ситуации, в которой Китай смог бы воспользоваться внутренними противоречиями между членами АСЕАН и в результате взять под свой полный контроль акваторию ЮКМ.

С недавних пор «секторальное лидерство» Вьетнама также является в контексте проблемы реки Меконг. Для Вьетнама вопрос Меконга имеет особое значение, в связи с чем включение данного пункта в повестку вьетнамского председательства в АСЕАН в 2020 г. было логичным шагом. Как и в отношении ЮКМ, Вьетнам выступает за инклюзивный и многосторонний подход к решению этой проблемы с привлечением к диалогу, прежде всего, государств бассейна реки Меконг (Таиланд, Лаос, Камбоджа, Мьянма) и под эгидой АСЕАН. Такая позиция обусловлена тем, что на фоне многочисленных конкурирующих между собой инициатив Китая²⁸, США²⁹, Японии³⁰, Южной Кореи³¹ и Индии³² по сотрудничеству в бассейне Меконга включение данного вопроса в повестку Ассоциации и закрепление за ней центральной координирующей роли позволят ей не оставаться сторонним наблюдателем в решении одной из ключевых субрегиональных проблем. Объединение коллективных усилий для поиска решения проблемы Меконга, по некоторым оценкам, может также способствовать сокращению разрыва

в уровнях развития и, как следствие, большей интеграции «четверки» в состав объединения³³. О намерении Вьетнама быть лидером в этой области сотрудничества дополнительно свидетельствуют дискуссии о его готовности взять на себя разработку Кодекса поведения сторон в бассейне р. Меконг³⁴.

Еще одним проявлением «секторального лидерства» Вьетнама является его активная деятельность в борьбе с пандемией COVID-19, начало которой пришлось на год его председательства в АСЕАН в 2020 г. Несмотря на сложный пандемийный год, Вьетнам успешно справился с ролью председателя и смог оперативно перенести все запланированные мероприятия в дистанционный формат. Одновременно с этим им было запущено немало инициатив, нацеленных на поиск эффективных мер борьбы с последствиями пандемии коронавируса и выработку единого подхода АСЕАН к реагированию на современные нетрадиционные вызовы безопасности. Так, по итогам 37-го саммита АСЕАН в Ханое были запущены такие механизмы, как Фонд АСЕАН по противодействию COVID-19³⁵ и Региональный центр АСЕАН по чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения³⁶. Подходы АСЕАН также нашли отражение в принятых итоговых документах, а именно в Рамочной программе комплексного восстановления АСЕАН³⁷, Декларации АСЕАН о транспортном коридоре³⁸ и Стратегической рамочной программе АСЕАН по чрезвычайным ситуациям в области общественного здравоохранения³⁹.

Как уже говорилось ранее, «секторальное лидерство» подразумевает наличие у той или иной страны достаточного объема ресурсов, необходимых для закрепления собственных позиций. Обращаясь к кейсу Вьетнама, следует отметить, что, в отличие от своих ближайших соседей, его опыт в борьбе с COVID-19 стал успешным примером для подражания не только в регионе ЮВА, но и за его пределами. Оперативное реагирование, мобилизация населения, широкая общественная осведомленность о COVID-19, разработка и производство собственной вакцины⁴⁰, а также медицинских изделий и широкая «вакцинная дипломатия»⁴¹ – ресурсы, благодаря

которым Вьетнам сегодня претендует на «секторальное лидерство» в области общественного здравоохранения. Основная цель Вьетнама заключается в том, чтобы снизить социально-экономические последствия распространения коронавирусной инфекции и сохранить относительно стабильные экономические темпы роста. Однако в Ханое также исходят из того, что активная «медицинская дипломатия» не только позволит улучшить имидж страны на международной арене и в регионе, но и предоставит возможность продемонстрировать себя в роли ответственного члена международного сообщества⁴² — еще одна важная характеристика, приписываемая державам среднего уровня⁴³.

Другим, не менее ценным ресурсом, которым обладает современный Вьетнам, является широкая сеть установленных им международных контактов, которую он сформировал с момента провозглашения внешней политики диверсификации. На сегодняшний день Вьетнам имеет 17 стратегических партнерств, 13 всеобъемлющих партнерств и является членом 17 торговых соглашений⁴⁴. Особый статус всеобъемлющего стратегического партнерства носят отношения с Россией, Китаем и Индией. Именно благодаря этим связям Вьетнаму удастся выступать в роли координатора и активно продвигать Ассоциацию на международной арене как важного субъекта международных отношений, чей голос необходимо принимать во внимание.

Так, по инициативе Вьетнама и благодаря его дипломатическим усилиям в 2010 г. — в год его председательства в АСЕАН — к составу ВАС одновременно присоединились и Россия⁴⁵, и США. В 2020 г., несмотря на решение Индии не присоединяться к соглашению о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП)⁴⁶, СРВ удалось завершить длительные переговоры подписанием крупнейшего соглашения о свободной торговле⁴⁷.

Кроме того, на площадке ООН по вьетнамской инициативе состоялось открытое заседание СБ ООН на тему «Сотрудничество ООН с региональными и субрегиональными организациями в поддержании международного мира и безопасности: роль АСЕАН», в работе

которого приняли участие Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш и Генеральный секретарь АСЕАН Лим Джок Хой⁴⁸. Еще одной центральной инициативой Вьетнама стало проведение первого диалога между лидерами форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и АСЕАН на полях саммита АТЭС в 2017 г.⁴⁹ — новый формат встречи, цель которого состояла в том, чтобы еще раз подчеркнуть, что ведущую роль в региональных интеграционных процессах сохраняет за собой Ассоциация, интересы которой следует учитывать. Таким образом, можно говорить о формировании «секторального лидерства» Вьетнама в продвижении интересов АСЕАН на международной арене и в привлечении к Ассоциации новых диалоговых партнеров.

Тем не менее, несмотря на те явные успехи, которые Вьетнам достиг по линии развития отношений с АСЕАН, дальнейшая эволюция его «секторального лидерства» будет зависеть от нескольких факторов. *Во-первых*, это приверженность самого Вьетнама идеям Ассоциации⁵⁰ и позиционирование ее в качестве той единой и единственной, по сути, платформы, благодаря которой Ханой удастся балансировать и отстаивать свои национальные интересы. На фоне сближения Вьетнама с такими новыми форматами, как Четырехсторонний диалог по безопасности (*Quad*)⁵¹, его участия в новой американской инициативе — Индо-Тихоокеанской экономической структуре⁵² и нового дополнения к известной формуле «четыре нет» о возможности расширения оборонного сотрудничества в зависимости от внешних обстоятельств⁵³ возникает ситуация, противоречащая принципам инклюзивности АСЕАН. При дальнейшем обострении обстановки в регионе и без вовлеченности Вьетнама в дела Ассоциации не исключено, что его до сих пор успешная практика балансирования и маневрирования на международной арене может быть значительно ограничена.

Во-вторых, «секторальное лидерство» Вьетнама во многом будет зависеть от социально-экономических возможностей страны, т.е. от того, удастся ли СРВ в дальнейшем сохранять сегодняшние динамичные темпы экономического роста и не попасть в ловушку сред-

него дохода. Кроме того, очевидно, что «секторальное лидерство» будет зависеть и от того, признают ли другие члены организации Вьетнам в качестве подобного хоть и не полномасштабного, но лидера и не воспримут ли в столицах АСЕАН активные действия Вьетнама как вызов. Очевидно, что особо важное влияние на потенциал «секторального лидерства» Вьетнама будет оказывать тот геополитический и геоэкономический контекст, в рамках которого он будет реализовывать свою внешнюю политику в отношении АСЕАН⁵⁴.

Заключение

Таким образом, за длительную историю развития вьетнамо-асеановских отношений Вьетнам существенно расширил свое участие в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и претендует сегодня уже на роль «секторального лидера» в отдельных областях регионального сотрудничества. Трезво оценивая собственные ресурсы и возможности, КРВ не стремится быть главной движущей силой АСЕАН, а старается сосредоточить свои усилия на тех пунктах региональной повестки, которые отвечают национальным интересам Вьетнама и где он может выступить с релевантными ситуациями инициативами.

Представленный анализ показал, что на данном этапе Вьетнам занимает лидерские позиции в сфере безопасности (проблема ЮКМ и проблема Меконга), в сфере продвижения норм АСЕАН среди внешних членов организации и на международной арене (инициатива СМОА+, привлечение новых диалоговых партнеров, асеановские мероприятия на площадке ООН), в области общественного здравоохранения (инициативы по борьбе с пандемией COVID-19) и в отстаивании интересов менее развитых членов организации (Камбоджи, Лаоса и Мьянмы). Фокусирование именно на этих направлениях сотрудничества обусловлено, с одной стороны, тем, что Вьетнам уже накопил необходимый опыт для проявления лидерских инициатив, с другой — тем, что подобный формат лидерства позволяет ему извлечь ряд выгод и преимуществ из

региональной интеграции, необходимых для реализации главной национальной цели — превращения СРВ в современную индустриально развитую страну.

Вместе с тем, в условиях стремительно меняющегося миропорядка и появления в регионе различного рода новых объединений, ставящих под вопрос центральную роль Ассоциации, «секторальное лидерство» Вьетнама может быть существенно ограничено. Перспективы Вьетнама в АСЕАН также во многом будут зависеть от позиций других членов группировки и эффективности «десятки» в решении региональных проблем. Трезво оценивая сильные и слабые стороны АСЕАН, Вьетнам видит в ней единственный на сегодняшний день инструмент, благодаря которому он может балансировать и маневрировать между ведущими державами с минимальными потерями для страны, в связи с чем одной из ключевых внешнеполитических задач для КРВ остается укрепление и усиление позиций АСЕАН в современной системе международных отношений.

Примечания

- ¹ *Hoang A.T.* Why Hasn't Vietnam Gained ASEAN Membership? // *Contemporary Southeast Asia*. 1993. December. Vol. 15. No 3. P. 280–291; *Goodman A.E.* Vietnam and ASEAN: Who Would Have Thought it Possible? // *Asian Survey*. 1996. Vol. 36. No 6. P. 592–600.
- ² *Huong L.T.* Vietnam Shows ASEAN Valuable New Form of Leadership // *Nikkei Asia*. URL: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Vietnam-shows-ASEAN-valuable-new-form-of-leadership> (accessed: 05.05.2022); *Huong L.T.* Vietnam Steps Up to Take ASEAN Leadership Role // *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/31/vietnam-asean-leadership-role-south-china-sea-diplomacy/> (accessed: 05.05.2022).
- ³ *Emmers R.* *Huong L.T.* Vietnam and the Search for Security Leadership in ASEAN // *Asian Security*. 2021. Vol. 17. No 1. P. 64–78; *España J.B.B., Gill D.M.* Indonesia and Vietnam: The Quest for ASEAN Leadership // *Geopolitical Monitor*. URL: <https://www.geopoliticalmonitor.com/indonesia-and-vietnam-the-quest-for-asean-leadership/> (accessed: 05.05.2022).
- ⁴ *Ли К. Ю.* Из третьего мира в первый. История Сингапура 1965–2000. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 290.

- ⁵ Vietnam's Positive Contributions as ASEAN Chair in 2020 // Nhan Dan. URL: <https://en.nhandan.vn/202011asean/> (accessed: 11.06.2022).
- ⁶ Колдунова Е.В. Балансирование во внешней политике Вьетнама: достижения, перспективы, вызовы // Компартия Вьетнама: новая веха в истории. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 48.
- ⁷ Урлятов В.Ф. Расширение АСЕАН: Мотивы, значения, последствия // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 89. URL: https://asean.mgimo.ru/images/files/Urlyarov_ASEAN-Enlargement_ru.pdf (дата обращения: 11.06.2022).
- ⁸ Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/20131230235433.pdf> (accessed: 11.06.2022).
- ⁹ Việt Nam và ASEAN: Tìm Đền Nhau qua Gian Nan (Вьетнам и АСЕАН в поисках друг друга через трудности) // Phó Thủ Tổng Chính Phủ Phạm Bình Minh (сайт вице-премьера Вьетнама Фам Бинь Миня). URL: <https://phambinhminh.chinhphu.vn/viet-nam-va-asean-tim-den-nhau-qua-gian-nan-10516609.htm> (дата обращения: 11.06.2022).
- ¹⁰ Камбоджийская проблема — термин, применяемый в отношении целого комплекса вопросов, связанных с приходом к власти в Камбодже националистической леворадикальной группировки «красных кхмеров» во главе с Пол Потом и разразившимся военным конфликтом между Вьетнамом и Камбоджей в 1979 г. Позиция АСЕАН в отношении конфликта заключалась в осуждении действий Вьетнама, а введение вьетнамских войск на территорию Камбоджи расценивалось как угроза независимости и территориальной целостности данной страны. Итогом военной операции СРВ в Камбодже стало свержение режима Пол Пота и образование Народной Республики Кампучия.
- ¹¹ Gainsborough M. Vietnam and ASEAN: The Road to Membership? // The Pacific Review. 1993. Vol. 6. No. 4. P. 381–387.
- ¹² Nguyen VT. Flying Blind: Vietnam's Decision to Join ASEAN. Singapore: ISEAS, 2021. P. 175.
- ¹³ Ibid.
- ¹⁴ Nguyen VT. Vietnam's Membership of ASEAN: A Constructivist Interpretation // Contemporary Southeast Asia. 2007. Vol. 29. No. 3. P. 495.
- ¹⁵ Подробнее об этом см.: Вершинина В.В. Председательство Вьетнама в АСЕАН в 2010 и 2020 гг.: итоги и перспективы // Азия и Африка сегодня. 2021. № 4. С. 48–53.
- ¹⁶ Марченко Е.А. Характерные черты политической культуры современного Вьетнама // Вьетнамские исследования. 2012. Т. 1. № 2. С. 155.
- ¹⁷ Asia's Middle Powers? The Identity and Regional Policy of South Korea and Vietnam / Ed. by Joon-Woo Park, Don Keyser, Gi-Wook Shin. Stanford, CA: Shorenstein Asia-Pacific Research Center, 2013; Emmers R., Teo S. Regional Security Strategies of Middle Powers in the Asia-Pacific // International Relations of the Asia-Pacific. 2014. Vol. 15b. No. 2. P. 185–216; Easley L-E. Middle Power National Identity? South Korea and Vietnam in US–China Geopolitics // Pacific Focus. 2012. Vol. 27. No. 3. P. 421–442.
- ¹⁸ Ngoại Giao Cường Quốc Tầm Trung: Lý Thuyết, Thực Tiễn Quốc Tế và Hàm Ý cho Việt Nam. Tác Giả: PGS.TS. Đỗ Thị Thủy (Chủ Biên). Hà Nội: NXT: Chính Trị Quốc Gia Sự Thật, 2021 (Внешняя политика держав среднего уровня: теория, международная практика и значение для Вьетнама / Под ред. До Тхи Тхуи. Ханой: Государственная политика, 2021); Le D.T., Vu T.T.N. Khái Niệm Cường Quốc Tầm Trung và Liên Hệ với Việt Nam // Lý Luận Chính Trị (Ле Динь Тинь, Бу Тхи Тху Нган. Понятие средней державы и связь с Вьетнамом // Политология). URL: <http://lyluanchinhtri.vn/home/index.php/quoc-te/item/3153-khai-niem-cuong-quoc-tam-trung-va-lien-he-voi-vietnam.html> (дата обращения: 20.06.2022). Le D.T. The Middle Power Goal and Vietnam's Diplomatic Outlook Beyond 2030 // International Studies. 2018. December. No. 39. P. 65–97; Le D.T. A Multi-level Approach to Vietnam Foreign Policy: From Security Preoccupation to Middle Power Role // Strategic Analysis. 2021. Vol. 45. No. 4. P. 321–335; Do T.T. Vietnam's Emergence as a Middle Power in Asia: Unfolding the Power-Knowledge Nexus // Journal of Current Southeast Asia Affairs. 2022. Vol. 41. No. 2. P. 1–24.
- ¹⁹ Номинально лидером АСЕАН часто принято считать Индонезию, аргументируя это тем, что она является страной-основательницей объединения, а также ее географическими, демографическими и экономическими показателями. Вместе с тем ведутся дискуссии относительно того, видит ли себя Индонезия в качестве подобного лидера и хватит ли у нее внутренних и внешних ресурсов для того, чтобы определять региональную повестку.
- ²⁰ Le D.T. A Multi-level Approach to Vietnam Foreign Policy: From Security Preoccupation to Middle Power Role. P. 326.
- ²¹ Emmers R., Thu L.H. Vietnam and the Search for Security Leadership in ASEAN // Asian Security. 2021. Vol. 17. No. 1. P. 65.
- ²² Agreement on the Cooperation for Sustainable Development of the Mekong River Basin. URL: <https://www.mrcmekong.org/assets/Publications/policies/agreement-Apr95.pdf> (accessed: 22.06.2022).
- ²³ Hanoi Declaration on Narrowing Development Gap for Closer ASEAN Integration. URL: <https://asean.org/ha-noi-declaration-on-narrowing-the-development-gap-2001/> (accessed: 22.06.2022).
- ²⁴ Initiative for ASEAN Integration. Work Plan III. // ASEAN. URL: <https://asean.org/storage/2016/09/09rev2Content-IAI-Work-Plan-III.pdf> (accessed: 22.06.2022).

- ²⁵ *Emmers R., Thu L.H.* Vietnam and the Search for Security Leadership in ASEAN. P. 66.
- ²⁶ *Viensuceso E.* ASEAN Centrality: An Autoethnographic Account by a Philippine Diplomat. Singapore: ISEAS, 2021. P. 93.
- ²⁷ *Tan S.C.* Strengths and Weaknesses of the ADMM and ADMM-Plus 10 // Policy Report. Roundtable on the Future of the ADMM/ADMM-Plus and Defence Diplomacy in the Asia Pacific. S. Rajaratnam School of International Studies, 2016. P. 10–12. URL: https://www.rsis.edu.sg/wpcontent/uploads/2016/02/PR160223_Future-of-the-ADMM.pdf (accessed: 22.06.2022).
- ²⁸ Комиссии Ланьцанцзян–Меконг (*Mekong–Lancang Cooperation*).
- ²⁹ Инициатива Нижнего Меконга (*Lower Mekong Initiative*).
- ³⁰ Сотрудничество Японии и Меконга (*Mekong–Japan Cooperation Framework*).
- ³¹ Всеобъемлющее партнерство государств Меконга и Кореи, нацеленное на взаимное процветание (*Mekong–Korea Comprehensive Partnership for Mutual Prosperity*).
- ³² Диалог стран бассейна рек Меконг и Ганг (*Mekong–Ganga Dialogue*).
- ³³ *Vu Txu Txu Hgan.* Включение вопроса о Меконге в повестку АСЕАН и вьетнамскую дипломатию средней державы // Вьетнамские исследования. 2022. Т. 6. № 1. С. 17–27.
- ³⁴ *Pham X.D.* Vietnam's Mekong Middle Power Diplomacy // Fulcrum. URL: <https://fulcrum.sg/vietnams-mekong-middle-power-diplomacy/> (accessed: 20.06.2022).
- ³⁵ Terms of Reference. The COVID-19 Response Fund // ASEAN. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/53-Finalised-and-APPROVED-TOR_COVID-19-ASEAN-Response-Fund.pdf (accessed: 20.06.2022).
- ³⁶ Joint Statement by ASEAN World Health Assembly 74 Delivered by H.E. Gra-ta Endah Werdaningtyas // WHO. URL: <https://apps.who.int/gb/statements/WHA74/PDF/ASEAN-PL.pdf> (accessed: 20.06.2022).
- ³⁷ ASEAN Comprehensive Recovery Framework // ASEAN. URL: <https://asean.org/book/asean-comprehensive-recovery-framework/> (accessed: 20.06.2022).
- ³⁸ ASEAN Declaration on an ASEAN Travel Corridor Arrangement Framework // ASEAN. URL: <https://asean.org/asean-declaration-on-an-asean-travel-corridor-arrangement-framework/> (accessed: 20.06.2022).
- ³⁹ ASEAN Strategic Framework for Public Health Emergencies // ASEAN. URL: <https://asean.org/asean-strategic-framework-for-public-health-emergencies/> (accessed: 20.06.2022).
- ⁴⁰ Во Вьетнаме разрабатываются три вакцины: *NanoCovax*, *COVIAC* и *Vabio-tech*. По сообщениям Министерства здравоохранения СРВ, в ближайших планах осуществлять поставки национальной вакцины не только для местного потребителя, но и на экспортный рынок.
- ⁴¹ Вьетнам стал первой страной в Юго-Восточной Азии, где планируется локализация производства российской вакцины *Sputnik*. Одновременно в стране представлены почти все существующие на сегодняшний день вакцины против COVID-19. Помимо импорта, Вьетнам активно экспортировал медицинские маски и средства гигиены в соседние страны (Лаос, Камбоджу), а также в европейские страны (Францию, Германию, Италию, Испанию и Великобританию), обгоняя, по некоторым оценкам, Китай.
- ⁴² *Le D.T., Nguyen T.T.* Promoting Health Diplomacy in the Fight against COVID-19: the Case of Vietnam // Revista Brasileira de Política Internacional. 2022. Vol. 65. No. 1, e002. URL: <https://www.redalyc.org/journal/358/35870295002/html/> (accessed: 20.06.2022).
- ⁴³ *Higgott R.* Issues, Institutions and Middle Power Diplomacy: Action and Agendas in the Post-Cold War Era // Niche Diplomacy Middle Powers after the Cold War / Ed. by Andrew F. Cooper. L.: Macmillan Press, 1997. P. 25–45.
- ⁴⁴ *Sách Xanh Ngoại Giao Việt Nam 2020* (Голубая книга «Дипломатия Вьетнама 2020) // Bộ Ngoại Giao Việt Nam (Министерство иностранных дел Вьетнама). URL: <https://baoquocte.vn/bao-in/sach-xanh-ngoai-giao-viet-nam-2020.paper> (дата обращения: 20.06.2022).
- ⁴⁵ *Сумский В.В.* Почему нас не было в ВАС и почему нас теперь туда зовут // ПИР-Центр. URL: <https://mail.pircenter.org/media/content/files/0/13406394970.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).
- ⁴⁶ *Gupta S., Ganguly S.* Why India Refused to Join the World's Biggest Trading Bloc // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/11/23/why-india-refused-to-join-rcep-worlds-biggest-trading-bloc/> (accessed: 20.06.2022).
- ⁴⁷ ASEAN Hits Historic Milestone with Signing of RCEP // ASEAN. URL: <https://asean.org/asean-hits-historic-milestone-with-signing-of-rcep/> (accessed: 20.06.2022).
- ⁴⁸ Hội Đồng Bảo An Lần Đầu Tiên Thảo Luận Tăng Cường Hợp Tác giữa Liên Hợp Quốc – ASEAN và Những Đóng Góp của ASEAN trong Duy Trì Hòa Bình và An Ninh Quốc Tả (Впервые на заседании Совета Безопасности ООН обсудили вопросы укрепления сотрудничества между ООН и АСЕАН, а также вклад АСЕАН в поддержание международного мира и безопасности) // ASEAN Vietnam 2020. URL: https://asean2020.vn/web/asean/xem-chi-tiet1/-/asset_publisher/ynfWm23dDfPd/content/hoi-ong-bao-an-lanau-tien-thao-luan-tang-cuong-hop-tac-giua-lien-hop-quoc-asean-va-nhung-ong-gop-cua-asean-trong-duy-tri-hoabinh-va-an-ninh-quoc-te (дата обращения: 20.06.2022).
- ⁴⁹ Secretary-General of ASEAN: ASEAN and APEC Can Achieve More by Working Together // ASEAN. URL: <https://asean.org/secretary-general-of-asean-asean-and-apec-can-achieve-more-by-working-together/> (accessed: 20.06.2022).

- ⁵⁰ *Emmers R., Thu L.H.* Vietnam and the Search for Security Leadership in ASEAN. P. 10.
- ⁵¹ *Nguyen D.* US-led Trade Network Could Strengthen Vietnam's Place in Global Supply Chains // VNExpress. URL: <https://e.vnexpress.net/news/business/economy/us-led-trade-network-could-strengthen-vietnam-s-place-in-global-supply-chains-4103610.html> (accessed: 20.06.2022).
- ⁵² *Huynh T.S.* Vietnam Eyes Pragmatic Gains from the Indo-Pacific Economic Framework // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2022/06/vietnam-eyes-pragmatic-gains-from-the-indo-pacific-economic-framework/> (accessed: 20.06.2022).
- ⁵³ Sách Trắng Quốc Phòng Việt Nam 2019 (Белая книга по вопросам национальной обороны Вьетнама 2019) // Nghiên Cứu Quốc Tế (Международные исследования). URL: <https://nghiencuuquocte.org/wp-content/uploads/2019/12/Sach-trang-quoc-phong-VN-2019.pdf> (дата обращения: 20.06.2022).
- ⁵⁴ *Emmers R., Thu L.H.* Vietnam and the Search for Security Leadership in ASEAN. P. 10.

Глава 11

Сотрудничество Камбоджи с АСЕАН: экономические выгоды и трудности

АННОТАЦИЯ: В данной главе делается попытка оценить степень и вектор фактической экономической интеграции Камбоджи в регион, а также выявить выгоды от членства Камбоджи в АСЕАН. Дается анализ динамики объемов торговли товарами и услугами с блоком, их вклада во внешнеторговую отрасль страны, показателей значимости и интенсивности взаимных потоков, динамики притока ПИИ, расширения туристических потоков и их роли в развитии экономики, а также движения рабочей силы. Проведенный анализ выявил, что АСЕАН играет возрастающую роль в развитии внешней торговли страны, не только удовлетворяет внутренние потребности населения, но и способствует расширению экспорта, а также быстрыми темпами наращивает торговое взаимодействие. Немаловажный вклад Ассоциация вносит в привлечение ПИИ, причем не только потому, что сам является крупным инвестором, но и потому, что содействует их притоку от внешних партнеров. Либерализацию торговли и увеличение ПИИ способствуют постепенному включению Камбоджи в глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС), хотя степень ее участия остается относительно низкой. Более того, вклад Камбоджи в региональную производственную базу и ГЦДС ограничивается узким кругом отраслей, что обусловлено низкой степенью диверсификации ее производственной базы. Также выявлено, что АСЕАН играет ключевую роль в расширении туристических потоков и развитии индустрии туризма —

одного из ведущих экономических моторов страны. Немалый вклад в подъем экономики Камбоджи вносит и экспорт рабочей силы, однако последний во многом происходит не под влиянием интеграционных программ, а зачастую неформальным путем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Камбоджа, АСЕАН, экономическое развитие, экономическая интеграция, торговля, иностранные инвестиции, туризм, глобальные цепочки добавленной стоимости, миграция.

ABSTRACT: This chapter attempts to assess the degree and vector of Cambodia's actual economic integration into the region, as well as to identify the benefits of Cambodia's membership in ASEAN. The article provides an analysis of the dynamics of trade in goods and services with bloc, their contribution to the country's external trade, indicators of the significance and intensity of mutual flows, the dynamics of FDI inflows, the expansion of tourist flows and their role in the economy development, as well as the movement of labor. The analysis revealed that ASEAN plays an increasing role in the development of the country's external trade, satisfies not only the internal needs of the population, but also contributes to the expansion of exports, and is also rapidly increasing trade interaction. The Association makes an important contribution to attracting FDI, not only being a major investor, but also facilitating their inflow, but also facilitating their inflow from external partners. Trade liberalization and increased FDI promote Cambodia's gradual inclusion in global value chains (GVCs), although its participation remains relatively low. Moreover, Cambodia's contribution to the regional production base and GVCs is limited to a narrow range of industries, due to the low degree of production diversification. It was also revealed that ASEAN plays a key role in expanding tourist flows and developing the tourism industry, one of the country's leading economic engines. A significant contribution to the rise of the Cambodian economy is also made by labor migration, but the latter is largely not influenced by integration programs and often takes place informally.

KEYWORDS: Cambodia, ASEAN, economic development, economic integration, trade, foreign investment, tourism, global value chains, migration.

Введение

ДОЛГИЕ годы Камбоджа находилась в практически полной изоляции от мирового сообщества. Узость внутреннего рынка, на котором подавляющее большинство потребителей обладали слабой покупательной способностью или же вовсе находились за чертой бедности, вкупе с низкой инвестиционной активностью внутри страны и слабым доверием инвесторов извне, а также низкоквалифицированной рабочей силой потенциально ограничивали возможность достижения нормальной экономической динамики. Именно поэтому власти страны четко осознавали необходимость скорейшего включения в мировую экономическую архитектуру.

Присоединение Камбоджи к АСЕАН в 1999 г. дало ей возможность покончить с региональной и международной изоляцией, помогая расширять партнерские отношения с большим количеством стран и территорий в мире, наращивая рынок и привлекая больше ресурсов, что открыло окно возможностей для достижения высоких темпов экономического роста. В предковидные времена Камбоджа стала одной из самых динамичных экономик Азии. Так, в период 1993–2019 гг. средние темпы прироста ВВП составили 8,7%¹.

Следствием высоких темпов роста экономики стало увеличение объема ее ВВП почти в 10 раз. В 1993 г. ВВП составлял 2,5 млрд долл., в 2019 г. достиг 27,09 млрд долл., а к 2021 г. под влиянием кризиса, вызванного пандемией COVID-19, сократился до 26,96 млрд долл.² Благодаря быстрому росту национального богатства заметно возросла и его величина в пересчете на душу населения. Подушевой ВВП возрос с 254 до 1643 долл.³ Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения составили 6,7% в 1993–2021 гг. В результате Всемирный банк официально пересмотрел статус экономики Камбоджи, переведя ее в 2015 г. из разряда стран «с низким уровнем дохода» в страну «с доходом ниже среднего».

Экономический прогресс в стране стимулировался и во многом определялся внешними детерминантами, одной из которых стало присоединение к АСЕАН и дальнейшая региональная эконо-

номическая интеграция. При анализе последней различают два ее вида: *de jure* и *de facto*. Как отмечает Вятт-Уолтер, экономическая интеграция *de jure* относится к сознательной политике государств по координации экономической деятельности в регионе⁴. Таким образом, в центре такой интеграции в АСЕАН выступает политика правительств, направленная на создание экономического сообщества АСЕАН (ЭСА), в основе которого лежит четыре «опоры»: создание единого рынка и производственной базы, повышение экономической конкурентоспособности региона, сокращение разрыва в уровне социально-экономического развития и интеграция АСЕАН в глобальную и региональную экономику⁵. Камбоджа, будучи участницей АСЕАН, ратифицировала ряд соглашений, де-юре участвует в интеграционных процессах. Траектория экономического развития, изложенная в Национальном стратегическом плане, тесно связана с членством Камбоджи в АСЕАН. Пномпень усердно работает над тем, чтобы интегрировать свою экономику с экономикой более широкого сообщества.

Экономическая интеграция *de facto* выражается в росте экономического взаимодействия в регионе. Как отмечает Э. Харрелл, она зачастую может быть не связана с экономической интеграцией *de jure*⁶.

Автор ставит перед собой цель оценить степень и вектор фактической экономической интеграции в регион, а также выявить выгоды от членства Камбоджи в АСЕАН. В центре внимания находится анализ динамики объемов торговли товарами и услугами с Ассоциацией, их вклада во внешнеторговую отрасль страны, показателей значимости и интенсивности взаимных потоков, динамики притока ПИИ, а также движения рабочей силы.

Тема экономической интеграции Камбоджи в регион, ее влияния на развитие страны практически не разработана, что придает научную новизну данному исследованию. Подход, используемый при изучении данной проблематики, носит комплексный характер и позволяет впервые дать оценку значимости экономической региональной интеграции Камбоджи. Вопросы, поднятые в данной

статье, находят отражение в различных зарубежных публикациях, затрагивающих отдельные аспекты изучаемой проблематики. Правовая база, идеи и факты процесса интеграции в АСЕАН излагаются в публикациях секретариата АСЕАН, таких как Справочник экономического сообщества АСЕАН, План экономического сообщества АСЕАН⁷. Основные проблемы, с которыми сталкивается Камбоджа в этом процессе, освещаются в рабочем документе камбоджийского института развития ресурсов «АСЕАН 2030: совместный рост для экономического процветания – справочный документ о проблемах Камбоджи»⁸. Ряд работ фокусируется на одной из основополагающих целей экономического сообщества – преодолении разрывов в развитии между участниками АСЕАН. Среди них заслуживает внимание работа М. Макгилливрея и Д. Карпентера «Сокращение разрыва в развитии в АСЕАН», в которой разрыв в развитии рассматривается как основная проблема создания ЭСА⁹. Эта проблема также освещается в главе В.М. Мазырина и Е.В. Колдуновой данной монографии.

Торговое сотрудничество

Страны АСЕАН идут по пути либерализации торговли и создания единого рынка товаров. Главным компонентом создаваемого общего рынка является свободное движение товаров, регулируемое Соглашением стран АСЕАН о свободной торговле товарами (АТИГА)¹⁰. По состоянию на 2020 г. ввозные пошлины были полностью отменены на 98,6% товаров для обеспечения свободного движения товаров¹¹. Эти меры направлены на всестороннюю интеграцию региона и ускорение экономического роста стран-членов.

Либерализация торговли способствовала увеличению товарооборота со странами–участницами организации. Однако анализ динамики развития взаимной торговли выявляет существенные расхождения в статистических данных, в результате чего представляется весьма сложным оценить роль соседей по региону в развитии внешней торговли страны.

По данным ООН, такие расхождения в «зеркальной статистике», получаемой при сопоставлении данных торговых партнеров, существуют практически у всех стран. Тем не менее разрывы между статистикой камбоджийских ведомств и отдельных партнеров по АСЕАН в разы превосходят друг друга. При этом расхождения в статистике наблюдаются не только на уровне различных страновых ведомств, но и на едином портале статистических данных АСЕАН. Последний публикует взвешенные оценки на основе данных таможенных служб отдельных стран. В частности, основным источником данных о внешней торговле Камбоджи являются таможенные декларации, представляемые таможенными органами (Главным таможенно-акцизным управлением – ГТАУ)¹².

По данным АСЕАН, опубликованным на основе камбоджийской статистики, в 2003–2021 гг. объем взаимной торговли между Камбоджей и АСЕАН увеличился почти в 7 раз – с 1,79 млрд до 12,12 млрд долл. Камбоджа наращивала торговлю с АСЕАН весьма быстрыми темпами – в среднем ежегодно на 12%, что сопоставимо с общими темпами роста внешней торговли страны и отдельными ключевыми торговыми партнерами, такими как ЕС (12%) и США (10,5%). Вместе с тем по этому показателю АСЕАН существенно уступала Китаю, с которым взаимная торговля Камбоджи росла в среднем на 23% в год.

В то же время, согласно «зеркальной статистике» стран-партнеров, суммарно товарооборот Камбоджи и АСЕАН за тот же период возрос в 16 раз – с 1,61 млрд до 25,79 млрд долл. Темпы роста взаимной торговли достигли 16% и превышали показатель по отрасли в целом, но опять же уступали КНР. А разрыв в данных по товарообороту в 2021 г. составил 13,67 млрд долл., или 2,1 раза (рис. 11.1).

Торговые операции с блоком носят крайне несбалансированный характер и отличаются растущим торговым дефицитом Камбоджи, что вызвано опережающими темпами роста экспорта над импортом. По данным камбоджийских ведомств, экспорт увеличился ежегодно в среднем на 12% – со 144 млн долл. до 1,203 млрд долл. в 2003–2021 гг. Импорт рос на 14% в год – с 1,02 до 10,92 млрд

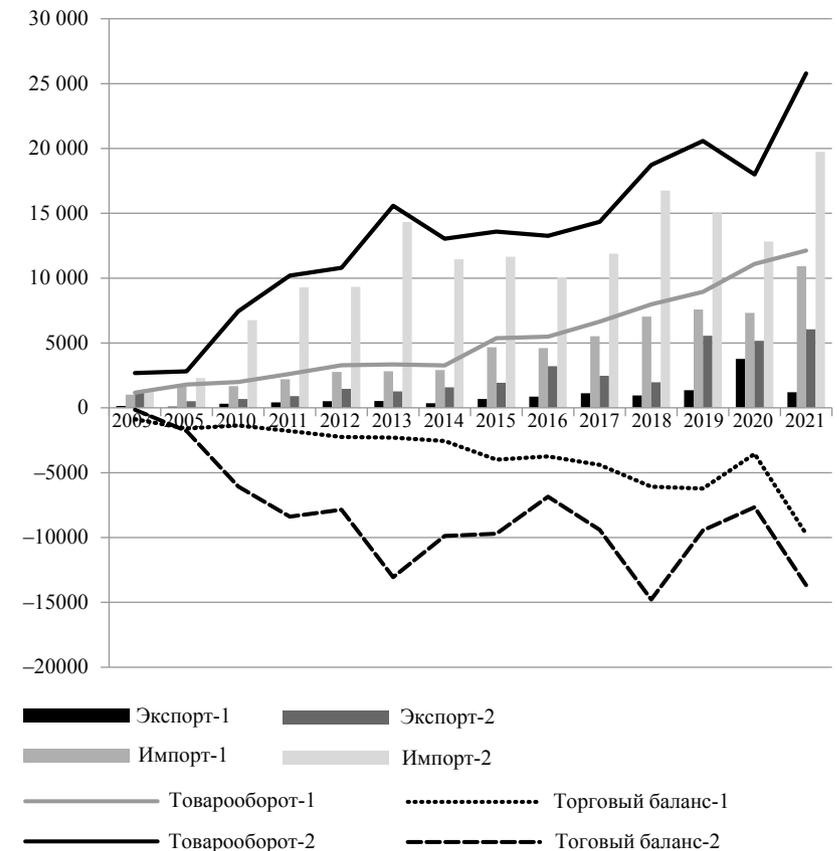

Рис. 11.1. Динамика товарооборота между Камбоджей и АСЕАН в 2003–2021 гг., млрд долл. США

Источник: ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/trade-annually>.

Примечание. 1 – составлено по камбоджийским данным; 2 – по данным остальных стран-участниц АСЕАН.

долл. (см. рис. 11.1). Дефицит торговли преумножился более чем в 11 раз – с 882 млн до 9,72 млрд долл.

По данным статистических служб других стран объединения, экспорт увеличивался на 14% ежегодно – с 513 млн до

6,05 млрд долл., а импорт на 16% – с 1,41 млрд до 19,73 млрд долл. Торговый дефицит возрос в 7,6 раза – со 143 млн до 13,68 млрд долл.

Эти расхождения требуют уточнения роли АСЕАН в камбоджийских внешнеторговых потоках. По данным Камбоджи, страны АСЕАН выступают прежде всего поставщиком товаров, и эта тенденция укрепляется, что подтверждает неуклонный и весьма динамичный рост импорта. В то время как экспорт в страны объединения растет относительно медленнее и отмечен серьезными колебаниями (см. рис. 11.1), что обуславливает быстрый рост торгового дефицита. По данным же других стран-участниц, несмотря на существенный торговый дефицит и опережающие темпы роста импорта по сравнению с экспортом, АСЕАН также увеличивает свою роль в качестве рынка сбыта камбоджийской продукции и делает это весьма динамично, замедляя рост дефицита взаимной торговли.

Ввиду колоссальных расхождений в статистических данных совершенно очевидно, что объем внешней торговли Камбоджи существенно превышает официальный уровень в 42,44 млрд долл. Поэтому объективно сложно оценить вклад АСЕАН во внешнеторговую отрасль Камбоджи и значимость взаимных потоков. Расчет этих показателей был построен на основе камбоджийской статистики. Так, доля АСЕАН во внешней торговле Камбоджи сократилась с 35,8 до 28,6%, а в отдельные годы проседала и до 19,8%. Суммарно вклад всех стран АСЕАН во внешнюю торговлю Камбоджи является крупнейшим, уступая в отдельные годы Китаю (за исключением Гонконга и Тайваня) (рис. 11.2). Следует отметить, что объем взаимной торговли Камбоджи и Китая, по данным китайской таможенной службы, также превосходит камбоджийский показатель. В 2021 г. он составил 13,66 млрд долл.¹³ Однако это существенно меньше суммарных показателей стран-участниц АСЕАН.

На первых этапах восстановления Камбоджи поставки из соседних стран играли важную роль. Они удовлетворяли внутренний спрос, который не мог быть обеспечен камбоджийским производством, а также обслуживали потребности экономики и экспортные производства, что очевидно на примере фурнитуры и комплекту-

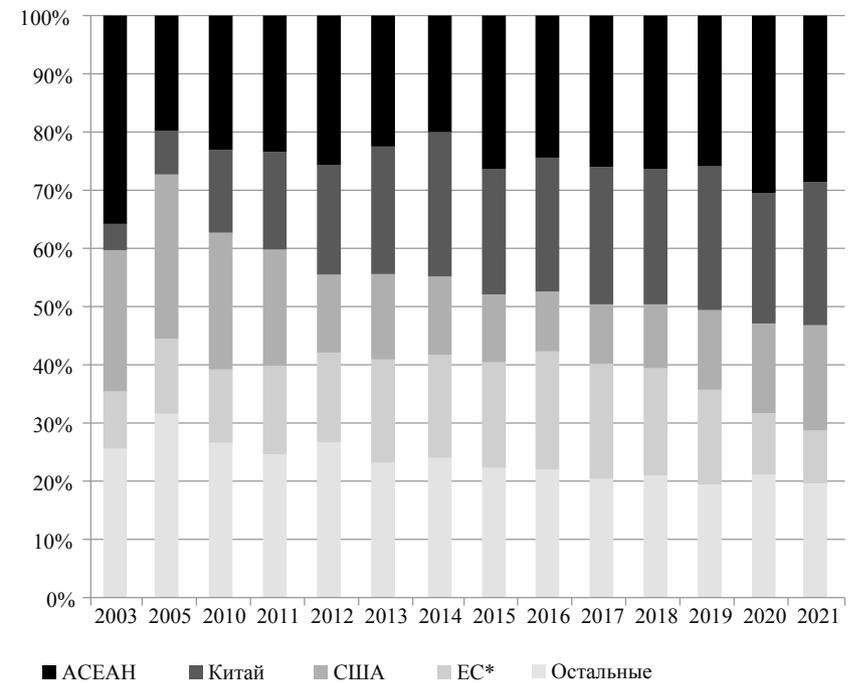

Рис. 11.2. Динамика географической структуры внешней торговли Камбоджи
Источник: ASEANSTAT (на основе данных ГТАУ Камбоджи).

Примечание: * – в 2003–2019 гг. в графике представлены данные взаимной торговли с ЕС-28, в 2020–2021 гг. – с ЕС-27.

ющих для текстильной и обувной промышленности. В настоящее время камбоджийское промышленное производство остается все еще крайне слабо диверсифицированным, хотя заметен определенный сдвиг в этом направлении. Оно имеет в основном экспортную ориентацию. В результате Камбоджа для удовлетворения внутреннего спроса сохраняет импортную зависимость, в особенности от относительно дешевых товаров из соседних стран, обладающих сравнительными преимуществами. Более низкие импортные пошлины способствуют наполнению рынка более дешевыми товара-

ми, что, в свою очередь, приводит к снижению стоимости жизни и увеличению покупательной способности. Общественное потребление играет важную роль в формировании ВВП – 72% в 2021 г. и расширяется быстрыми темпами – в среднем 9% (2003–2021 гг.).

При этом на камбоджийском рынке наметилась определенная тенденция сокращения доли асеановских продуктов и вытеснения их китайскими. Вклад стран АСЕАН в импорт Камбоджи сократился с 58 до 42%.

Что касается роли АСЕАН как экспортного рынка, то она возрастает. Даже по заниженным данным камбоджийских ведомств, рост экспорта позволил заметно увеличить вклад АСЕАН – с 4,7 до 7,1%. Хотя доля асеановского рынка остается относительно низкой, он обладает большим потенциалом для камбоджийских экспортеров.

Положительной динамикой отмечен показатель взаимной открытости. В соответствии с камбоджийскими данными, он увеличился несущественно – с 36 до 44%, в то время, как, по данным стран-партнеров, он вырос почти в 3 раза – с 34 до 95%. Существенно возрос индекс интенсивности торговли – с 1,0 до 5,6 в 2003–2021 гг.¹⁴, что подтверждает заинтересованность стран во взаимной торговле.

Роль отдельных стран внутри АСЕАН во взаимной торговле с Камбоджей существенно различается. Торговые потоки с блоком, как и миром в целом, у Камбоджи крайне концентрированы. Крупнейшими торговыми партнерами среди стран АСЕАН являются Вьетнам, Таиланд и Сингапур. В соответствии с камбоджийской статистикой, их доля во внешней торговле с блоком составляет 28,8, 28,0 и 30,5% соответственно. По данным же стран-партнеров, она достигает 36,9%, 30,6 и 26,4%. Таким образом, на эти три страны АСЕАН приходится от 87 до 94% всех торговых операций с блоком.

Именно с этими тремя странами наблюдаются наиболее существенные статистические расхождения. Так, к примеру товарооборот с Вьетнамом, по данным камбоджийских ведомств, составляет 3,5 млрд долл., с Таиландом – 3,4 млрд долл., с Сингапуром – 3,7 млрд долл. В то же время в «зеркальной» статистике он

достигает 9,5 млрд долл. с Вьетнамом, 7,9 млрд долл. с Таиландом и 6,8 млрд долл. с Сингапуром.

Заметно различается и характер торговли с СРВ. Так, например, по камбоджийским данным, она носит дефицитный характер. Однако, по данным вьетнамских ведомств, взаимная торговля относительно сбалансированна. Экспорт во Вьетнам составляет 4,7 млрд долл., импорт – 4,8 млрд долл., а торговый дефицит не превышает 120 млн долл.

Причин для появления асимметрии данных много. К ним относятся различные подходы к сбору и расчету торговой статистики, практика определения стран-партнеров при расчете торговых партнеров, реэкспорт, функционирование международных производственных сетей и фрагментация производства, особенности методологии подсчета стоимости экспорта и импорта, временные лаги между отправкой и получением товара, разница в валютных курсах и таможенных режимах, контрабанда.

При сопоставлении структуры камбоджийско-вьетнамской зеркальной статистики обращают внимание на существенные расхождения по статьям аграрного экспорта, прежде всего овощей и фруктов, каучука и изделий из него, риса, ввозные пошлины, которые обнулены. Также наблюдаются различия и в промышленных группах товаров, такие как узлы и компоненты для электронной промышленности. Вероятно, одним из основополагающих факторов столь сильной асимметрии статистики служит разрыв в уровне развития инфраструктуры, служащий барьером для внедрения инноваций и препятствующий внедрению новейших систем мониторинга торговых потоков. В Ассоциации реализуется инициатива создания «Единого окна АСЕАН», отвечающего целям упрощения процедур безбумажной торговли¹⁵.

Инвестиционное сотрудничество с АСЕАН

Инвестиции являются важным элементом общих усилий АСЕАН по экономической интеграции. Основная цель АСЕАН заключает-

ся в дальнейшем повышении привлекательности региона путем установления открытого, прозрачного и предсказуемого инвестиционного режима в регионе. С 2012 г. действует Всеобъемлющее инвестиционное соглашение стран АСЕАН (АСИА), которое ратифицировано всеми членами организации, кроме Индонезии и Таиланда. Оно нацелено на получение как внутренними, так и внешними инвесторами больших выгод и защиту своих интересов.

Присоединение Камбоджи к АСЕАН способствовало росту притока инвестиций не только от партнеров по блоку, но и из других стран, так как членство в АСЕАН является для иностранного бизнеса весомым бонусом. Став частью динамично растущего объединения, Камбоджа проводит институциональное совершенствование в соответствии с региональными и международными стандартами. Камбодже удалось создать хорошие условия для привлечения ПИИ, в результате чего их объем неуклонно увеличивался. Если в 1993 г. получено немногим более 7 млн долл., то в 2021 г. — 3,4 млрд долл. Основной тенденцией стало увеличение доли ПИИ в ВВП с 0,35 до 12,6%¹⁶.

Страны АСЕАН играют заметную роль в инвестиционном процессе в Камбодже, хотя их вклад в приток ПИИ в страну сократился с 44% в 2003 г. до 22,8% в 2021 г. В основном сокращение доли стран АСЕАН происходило на фоне существенного роста китайских инвестиций. После Китая АСЕАН является вторым крупнейшим инвестором в Камбоджу. В последние годы на страны–партнеры по блоку приходится 21–22% всех накопленных инвестиций в Камбодже (табл. 11.1).

Ключевыми инвесторами среди стран АСЕАН выступают Сингапур (29% всех ПИИ из АСЕАН), Вьетнам (27%), Таиланд (20%). Основными сферами приложения иностранных инвестиций из АСЕАН являются сельское хозяйство, пищевкусовая промышленность, фармацевтическая отрасль, строительство, производство строительных материалов. В сфере услуг страны АСЕАН наиболее активно инвестируют в банковский сектор. На рынке Камбоджи оперируют малайзийский *PayALLZ* и *Maybank*, вьетнамский *Vietcombank*,

Таблица 11.1

**Динамика и структура накопленных инвестиций
в Камбодже в 2014–2021 гг., млрд долл.**

Страна / группа	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
АСЕАН	4,38	4,82	5,56	6,11	7,08	7,78	8,05	8,99
	21,80	22,00	22,8	22,60	23,30	22,90	21,80	21,70
Китай	6,04	6,65	7,26	7,89	8,618	9,73	10,83	12,06
	30,10	30,40	29,8	29,20	28,30	28,60	29,30	29,30
Гонконг	1,47	1,53	1,79	2,17	2,56	2,96	3,26	3,38
	7,30	6,90	7,30	8,00	8,40	8,70	8,80	8,20
Тайвань	1,21	1,31	1,41	1,59	1,75	1,96	2,10	2,46
	6,00	5,90	5,70	5,80	5,80	5,80	5,60	6,00
Южная Корея	2,81	2,89	3,04	3,21	3,54	3,79	4,01	4,89
	14,00	13,10	12,4	11,80	11,60	11,10	10,80	11,90
Япония	0,98	1,18	1,30	1,52	1,84	2,02	2,18	4,43
	4,80	5,30	5,30	5,60	6,00	5,90	5,90	10,80
Всего	20,06	21,90	24,37	27,04	30,36	33,98	36,90	41,02
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/fdi-by-hosts-and-sources-stock>.

таиландский *Kasikornbank* и *SCB*. Помимо этого, страны АСЕАН активно вкладывают капитал в сферу недвижимости, а также некоторые инфраструктурные проекты.

Включение Камбоджи в единую региональную производственную базу

Либерализация торговли и экономическая открытость стали предварительным условием для включения Камбоджи в региональную производственную базу и глобальные цепочки добавленной стоимости (ГЦДС). По мере роста объемов международной торговли и притока ПИИ возрастает и возможность активизации ее уча-

ствия в ГЦДС, создания дополнительных рабочих мест и добавленной стоимости, особенно внутренней добавленной стоимости¹⁷.

В 2019 г. Камбоджа продемонстрировала относительно высокую долю экспорта внутренней добавленной стоимости в ВВП в размере 13%, обогнав по этому показателю соседей из группы ВКЛМ (Вьетнам – 12%, Лаос – 10, Мьянма – 9%), но серьезно отставая от средней по региону (33%). Более развитые страны АСЕАН продемонстрировали гораздо лучшие результаты. Например, в таких странах, как Малайзия, Сингапур и Таиланд, наблюдается значительное влияние экспортных отраслей на их экономику: экспорт внутренней добавленной стоимости в ВВП составил 63, 43 и 37% соответственно¹⁸.

Для расчета степени участия в ГЦДС можно использовать два ключевых показателя: прямое участие, которое измеряет долю экспорта, который является промежуточным звеном в экспорте других стран; и обратное участие, которое измеряет долю импортируемых промежуточных продуктов, встроенных в экспорт¹⁹. Для Камбоджи первый составляет 26,2%, в то время как второй – 17,5%. Индекс участия Камбоджи в ГЦДС составил 43,7%, что ниже среднего показателя по АСЕАН – 49,9%. Самый высокий индекс участия в регионе наблюдается у Сингапура – 62,8%, за ним следуют Малайзия (58,0%), Вьетнам (53,4%), Таиланд (51,5%), Филиппины (46,4%), Камбоджа, Бруней (42,2%) и Индонезия (41,1%)²⁰.

Относительно невысокая степень участия Камбоджи объясняется ее моделью экономического роста, которая опирается в основном на иностранную добавленную стоимость в сочетании с торговыми преференциальными режимами и низкоквалифицированной рабочей силой.

В десятку ключевых партнеров Камбоджи по ГЦДС входят страны АСЕАН, Китай, Южная Корея, Япония и США. Наибольшую взаимосвязь в ГЦДС в АСЕАН Камбоджа демонстрирует с Вьетнамом, Таиландом, Сингапуром, Малайзией и Индонезией.

Общее участие Камбоджи в ГЦДС пока ограничивается несколькими отраслями экономики. Это, в первую очередь, сельскохозяйственные отрасли, а также текстильная, кожевенная, обувная, пи-

щевкусовая и электронная промышленность. Так, доля аграрной продукции, включенной в ГЦДС, в экспорте составляет 3,6%, а обрабатывающей промышленности – 17,9%²¹.

Причиной является низкая степень диверсификации производственной базы Камбоджи. Все это отражается на производительности, качестве продукции и, как следствие, приводит к слабой конкурентоспособности камбоджийских товаров как на местном, так и на экспортных рынках. Наполнение рынка более дешевыми товарами из соседних стран, в частности Вьетнама и Таиланда, тормозит развитие и диверсификацию собственной промышленности, что негативно сказывается на эффективности товарного рынка.

Основным фактором низкой конкурентоспособности стала отсталая, не удовлетворяющая нужды производства инфраструктура. Состояние коммунальных сетей, связи, транспорта, здравоохранения не отвечает современным требованиям, а цены на услуги выше, чем в регионе в среднем. Например, в коммунальной сфере цены на электричество, телефонную связь, транспортные перевозки в 2–3 раза выше, чем в соседних странах. Все это препятствует росту инвестиций, как национальных, так и иностранных, а также негативно сказывается на стоимости и качестве товаров.

Низкая производительность труда, невысокое качество товаров тормозят диверсификацию экономики и внешнеэкономических связей, которые являются одним из движущих факторов развития экономики. По показателям экономической сложности Камбоджа находится на 102-м месте из 127 в мире. Камбоджийский экспорт отличается высокой степенью концентрации как товарной, так и географической. В последние годы пять товаров составляли 80% от общего объема экспорта; на два рынка приходилось 69% товарного экспорта²².

Проведенные в 2019 г. Министерством промышленности Камбоджи исследования свидетельствуют о том, что большинство предприятий сосредоточено только на простейших операциях. Так, в аграрном секторе по-прежнему превалирует первичная переработка. Приготовление, измельчение, сушка, обжаривание или упаковка

являются наиболее распространенными видами деятельности, создающими добавленную стоимость. Однако нередко большая часть сельскохозяйственной продукции Камбоджи, включая маниоку, кукурузу и орехи кешью, официально и неофициально экспортируется в соседние Таиланд и Вьетнам для переработки на экспорт.

Отчасти описанные выше статистические расхождения могут объясняться и подключением страны к ГЦДС, специфика которых и характерная фрагментация производства приводят к серьезным искажениям данных. В теории отличить экспорт от реэкспорта можно по тем ролям, которые играют страны, вовлеченные в конкретную цепочку добавленной стоимости. На практике установить тип потока бывает крайне сложно, потому как необходимо однозначно определить, что такое «достаточно значительное изменение», позволяющее стране заявить себя в качестве страны происхождения товара.

Туризм и транспорт

Либерализация сферы услуг в АСЕАН происходит по направлениям, намеченным Рамочным соглашением АСЕАН по услугам (АФАС), включающим семь пакетов обязательств по либерализации таких секторов, как дистрибуция и оказание бизнес- и профессиональных услуг, строительство, образование, финансовые услуги, здравоохранение и охрана окружающей среды, морской транспорт, телекоммуникации и туризм²³. Последний является ключевым сектором сферы услуг в Камбодже, формируя существенный профицит торговли услугами.

Членство в АСЕАН стало важнейшим фактором развития туризма, одного из ведущих драйверов экономического роста. Его вклад в ВВП достигает 16,3%. Туристические услуги являются также ведущей экспортной статьёй, придавая профицитный характер торговле услугами и серьезно компенсируя дефицит торговли товарами (рис. 11.3). В 2019 г. экспорт туристических услуг составил 4,7 млрд долл., или 80% всего экспорта услуг²⁴.

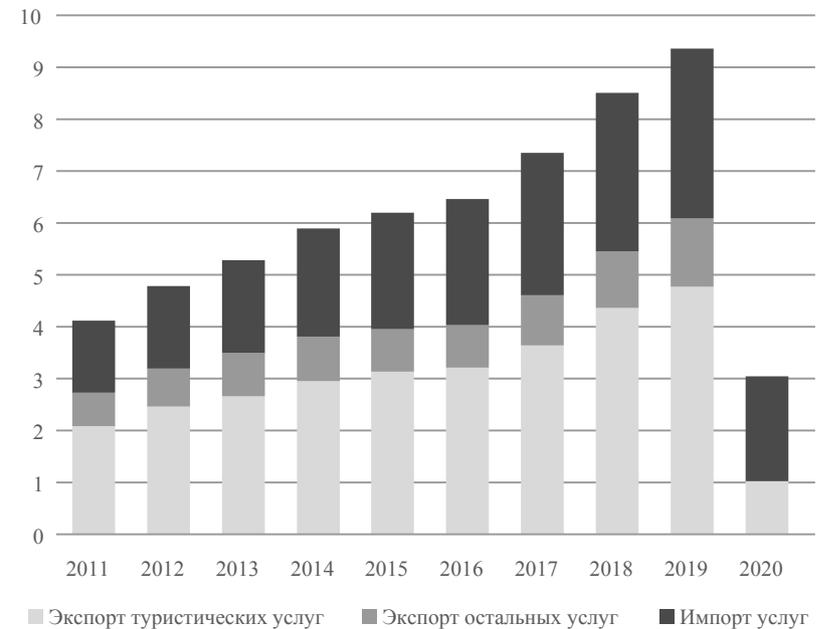

Рис. 11.3. Динамика торговли услугами

Источник: ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/sits-by-reporters-and-services>.

Обладая заметно более скромной туристической инфраструктурой, в особенности на первых этапах восстановления экономики, по сравнению с соседними странами, Камбоджа серьезно проигрывала им в качестве отдельного направления для путешествий. Туристические пакеты с посещением нескольких стран обладают большим спросом, нежели предложения отдельной страны. Именно поэтому одну из ключевых ролей в динамике туристического потока сыграли региональные и субрегиональные программы. В результате он вырос в Камбодже более чем в 14 раз — с 466 тыс. до 6,6 млн поездок в 2000–2019 гг. А доходы отрасли увеличились со 166 млн долл. до 4,9 млрд долл.²⁵

В допандемийный период страны АСЕАН являлись вторым крупнейшим поставщиком туристов на рынок Камбоджи после Китая. Численность прибывших туристов из стран региона суммарно составляла 2,22 млн человек, а из Китая — 2,36 млн человек. Доля туристов из других стран АСЕАН равнялась 33%. Открывшись вновь после пандемии, соседи по региону стали играть существенно более заметную роль в туристических потоках. В 2021 г. на них пришлось 70% поездок, что помогло восстановлению отрасли после COVID-19.

Увеличение туристического спроса влечет за собой рост капитальных вложений в инфраструктурные подразделения и увеличение реального объема производства услуг и товаров туристского потребления, что является верными признаками активизации экономической деятельности. Импульс роста, начало которому положил туризм, передается по цепочке другим отраслям экономики. Таким образом возникает мультипликативный эффект от туризма.

В первую очередь развитие туризма повлекло за собой строительство сопутствующей инфраструктуры. В период 2000–2019 гг. количество отелей увеличилось со 179 до 531, а гостевых домов — с 60 до 1218. Большая часть из них сосредоточена в Пномпене (35%) и в Сиём Риапе (23%). Загруженность отелей и гостевых домов возросла с 30 до 72%²⁶.

Наметилась тенденция к укрупнению отелей. На камбоджийский рынок стали приходить всемирные гостиничные бренды, что обернулось усилением конкуренции в сфере гостеприимства. Как отмечает камбоджийская газета *Phnom Penh Post*, заметная часть туристов отдает предпочтение отелям с мировым именем, рассчитывая, таким образом, на гарантию качества услуг²⁷.

Усиление конкуренции наметилось и среди более мелких игроков рынка, так как местное население стало инвестировать в жилую недвижимость и сдавать ее на короткий срок по более привлекательным ценам²⁸.

Увеличение туристических потоков также сказалось на развитии ресторанного бизнеса, который в силу небольших доходов населения был на крайне низком уровне. Современный ресторанный

рынок Камбоджи в своем развитии достаточно молод, но пережил несколько стадий развития. На сегодняшний день снята проблема дефицита, улучшилось качество данного вида услуг. В настоящее время в туристических центрах можно встретить широкое разнообразие различных форматов кафе и ресторанов, а также кухонь.

Членство в АСЕАН положительно отразилось на развитии транспорта и, как следствие, росте пассажирского и грузового потока, чему содействовали Генеральный план взаимосвязанности АСЕАН и Политика открытого неба, также известная как Единый авиационный рынок АСЕАН. Их реализация создала благоприятные условия для воздушного, морского и наземного транспортного сообщения.

Положительная динамика наблюдалась в авиaperевозках. Ежегодно с 2004 г. на 20% увеличивался международный пассажиропоток, составив в 2019 г. 3,3 млн человек. С развитием авиасообщения наметилась тенденция к увеличению доли прибывающих туристов воздушным транспортом.

Миграционные потоки

В последнее десятилетие Камбоджа переживает значительные демографические изменения, которые проявляются в снижении рождаемости, увеличении продолжительности жизни и, как следствие, в трансформации возрастной структуры населения. На сегодняшний день 31% населения моложе 14 лет и только 5% старше 65 лет²⁹. Как следствие, доля трудоспособного населения возрастает и имеет тенденцию к увеличению. В 2021 г. уровень экономической активности населения составил 85,4%. Камбоджа, обладая потенциалом роста трудоспособного населения, сталкивается с ежегодным расширением спроса на рабочие места, став крупным источником предложения рабочей силы.

В то же время в ряде стран АСЕАН, таких как Таиланд, Сингапур и Малайзия, происходит старение населения и снижение уровня рождаемости. В результате они нуждаются в рабочей силе из других стран, чтобы сохранить или снизить темпы убыли трудоспособного

населения. Принимая во внимание ограниченные возможности трудоустройства внутри Камбоджи, а также более высокий уровень заработной платы на рынке труда в соседних странах, многие камбоджийцы уезжают на заработки в соседние страны региона.

Интеграция в миграционной сфере происходит главным образом без взаимосвязи с либерализацией трансграничного перемещения рабочей силы. Это объясняется тем, что в рамках ЭСА решается задача достичь свободного перемещения прежде всего квалифицированных кадров, в то время как в Камбодже, несмотря на существенные преобразования, качество и квалификация трудовых ресурсов остаются крайне низкими³⁰. Большая часть мигрантов покидают страну в поисках работы в отраслях, не требующих высокой квалификации. И главным образом это происходит не по официальным каналам, в том числе нелегальным путем.

Менее трети камбоджийских рабочих мигрируют легально. Основными факторами, побуждающими рабочих-мигрантов отправляться за границу по неофициальным каналам, являются высокая стоимость оформления документов и длительность этого процесса. По данным Международной организации труда за 2020 г., стоимость оформления необходимых документов для мигранта составляла 169–304 долл.

В 2015 г. была запущена программа миграции «Треугольник» в АСЕАН, которая предоставляет техническую помощь и поддержку с общей целью максимального увеличения вклада трудовой миграции в справедливый, инклюзивный и стабильный рост в АСЕАН³¹. Она является частью глобальных усилий Международной организации труда (МОТ) по содействию справедливой миграции и направлена на решение таких проблем, как высокая стоимость, длительность и значительная сложность в оформлении документации, борьба с гендерным неравенством среди мигрантов, эксплуатацией и жестоким обращением. «Треугольник» в АСЕАН оказывает помощь непосредственно трудящимся-мигрантам и их сообществам через восемь ресурсных центров для рабочих-мигрантов, которые управляются в партнерстве с государственными учреждениями, профсоюзами и организациями гражданского общества. С момен-

та запуска программы до конца 2021 г. было охвачено 43 тыс. рабочих-мигрантов.

По данным Министерства труда, 1,3 млн камбоджийцев трудятся за рубежом. Основным направлением экспорта рабочей силы служит Таиланд, куда направляется 92% всех мигрантов, или 1,2 млн человек³². Большинство из них работает на относительно низкооплачиваемых местах, сосредоточенных в трудоемких секторах экономики, включая аграрный сектор, строительство, производство. Около одной трети имеет заработок ниже минимального уровня оплаты труда в Таиланде³³.

Второе место по приему камбоджийских рабочих занимает Южная Корея. На нее приходится 45 тыс. На третьем месте расположилась Малайзия (23 тыс. человек)³⁴. В этих странах камбоджийцы трудоустраиваются в основном обслуживающим персоналом, нянями, домашним персоналом.

Увеличение трудовой миграции ведет к неуклонному росту денежных переводов от мигрантов на родину. В 2019 г. они составили свыше 1,5 млрд долл., или чуть больше 5% ВВП, а в 2021 г. достигли 3 млрд долл., или 11% ВВП. Притом эти данные существенно ниже реальных переводов и представляют только средства, отправленные по официальным каналам. По данным же полевых исследований, весомая часть переводов отправляется неофициальным путем через знакомых. Трансферты мигрантов существенно улучшают социально-экономическую ситуацию в Камбодже. Поток переводов содействует росту уровня сбережений, потребления, в том числе расходов на образование и охрану здоровья родственников мигрантов. Снижается уровень бедности домохозяйств. Таким образом, трудовая миграция выступает важным фактором экономического и социального динамизма.

Заключение

Присоединение Камбоджи к АСЕАН в 1999 г. дало ей возможность покончить с региональной и международной изоляцией и от-

крыло «окно возможностей» для достижения высоких темпов экономического роста.

Готовясь к вступлению в АСЕАН, Камбоджа разработала и провела ряд реформ для улучшения институциональных и правовых норм, влияющих на экономическое, государственное управление и судебную систему. Руководство страны также создало привлекательный инвестиционный климат. В результате в страну направился поток иностранных инвестиций, которые в первую очередь аккумулировались в экспортных отраслях, ставших моторами развития.

Вступление Камбоджи в АСЕАН также способствовало увеличению торговли с членами Ассоциации и усилению значимости взаимных торговых потоков. Участие в АСЕАН открыло стране доступ не только к региональному рынку, но и к рынкам ключевых партнеров организации, что позитивно сказалось на подключении Камбоджи к мировой торговле. Региональное сотрудничество и процесс интеграции также способствовали росту индустрии туризма, которая стала одним из основных драйверов экономического роста Камбоджи, а также положительно отразились на развитии транспорта.

Позитивный эффект присоединения к АСЕАН проявился и в росте миграционных потоков. Регулярные денежные переводы от мигрантов стали важным стабилизирующим фактором и способствовали повышению внутренней инвестиционной активности, прежде всего в таких отраслях, как сельское хозяйство, а также непосредственно повлияли на успехи в деле борьбы с бедностью.

Вместе с тем основная проблема региональной экономической интеграции заключается в сохранении разрывов в уровне развития отдельных стран-членов. Seriously отставая от партнеров по блоку, Камбодже сложнее выдерживать конкуренцию, привлекать больше ПИИ, оставаясь в региональных интеграционных процессах в качестве поставщика сырья и производителя трудоемкой продукции. Ее слаборазвитая производственная база, низкая степень диверсификации, относительно более высокая стоимость производства являются существенным препятствием интеграции. В то же вре-

мя создание единого рынка товаров, по мере реализации которого снижаются тарифные и нетарифные меры, а внутренний рынок Камбоджи наполняется разнообразной продукцией, в некотором роде выступает серьезным препятствием, сдерживающим и усложняющим процесс индустриализации Камбоджи, ее включения в ГЦС.

Примечания

- 1 Рассчитано по Data World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KH> (accessed: 25.08.2021).
- 2 The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=KH> (accessed: 25.08.2021).
- 3 Ibid.
- 4 *Wyatt-Walter A.* Regionalism, Globalization, and World Economic Order // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order* / Ed. by L.L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 74–121.
- 5 ASEAN Economic Community Blueprint. Jakarta, 2008. P. 6–29.
- 6 *Hurrell A.* Regionalism in Theoretical Perspective // *Regionalism in World Politics: Regional Organization and International Order* / Ed. by L.L. Fawcett, A. Hurrell. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 37–73.
- 7 ASEAN Economic Community Factbook, ASEAN Economic Community Blueprint.
- 8 ASEAN 2030: Growing Together for Economic Prosperity – the Challenges Cambodia Background Paper. CDRI, Phnom Penh, 2014.
- 9 *McGillivray M., Carpenter D.* Narrowing the Development Gap in ASEAN. L., 2013.
- 10 Экономика стран Юго-Восточной Азии / Под ред. В.М. Мазырина. М.: ИДВ, 2020. С. 37.
- 11 ASEAN Economic Community. Trade in Goods. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/trade-in-goods/>.
- 12 ASEANSTAT. Metadata and notes. URL: https://cdn.aseanstats.org/public/docs/metadata/imts/summary/KH_Summary.pdf.
- 13 General Administration of Customs of PRC. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/4fa6c0f4-fe9e-4e23-be97-5ec6422f498a.html>.
- 14 Рассчитано по ASEANSTAT.
- 15 ASEAN Single Window. Trade Facilitation for the ASEAN Economic Community. URL: <https://asean.org/our-communities/economic-community/asean-single-window/>.

- ¹⁶ ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org>.
- ¹⁷ Фонтанье Ф. Торговля добавленной стоимостью (TIVA). ОЭСР. Молдова, 2018. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/documents/ece/ces/ge.20/2018/mtg3/NatWS/1.2_OECD_long_RU.pdf.
- ¹⁸ Kha Sok, Runsinarith Phim, Socheat Keo, and Veara Kim. Connecting Cambodia's SMEs to regional value chains: the “bridging gap” and “missing link”. ADB Institute Working Paper Series. 2020. P. 8.
- ¹⁹ Глобальные производственно-сбытовые цепочки в сельском хозяйстве и продовольствии: обобщение анализа ОЭСР. Центр компетенций по взаимодействию с международными организациями. ВШЭ. 04.02.2020. URL: <https://globalcentre.hse.ru/news/339292824.html>.
- ²⁰ Kha Sok, Runsinarith Phim et al. Op. cit. P. 9.
- ²¹ Ibid. P. 8.
- ²² Рассчитано по ASEANSTAT.
- ²³ Экономика стран Юго-Восточной Азии. Указ. соч. С. 40.
- ²⁴ ASEANSTAT. URL: <https://data.aseanstats.org/sits-by-reporters-and-services>.
- ²⁵ Tourism statistics report 2022. Tourism Statistics Department, National Institute of Tourism, Ministry of Tourism of Cambodia. Phnom Penh, 2022.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ Moeun Nhean. More hotels, more problems // Phnom Penh Post. 16.02.2017. URL: <https://www.phnompenhpost.com/post-property/more-hotels-more-problems>.
- ²⁸ Бурова Е.С. Тенденции развития туристической отрасли Камбоджи // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 1. С. 19.
- ²⁹ The World Bank Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SPPOP65UP.TO.ZS?locations=KH>.
- ³⁰ របាយការណ៍ស្តីពីគ្រឹះស្ថានកម្មមនុស្ស ពលកម្មមកម្មជាតិ ឆ្នាំ២០១៩ ។ វិទ្យាសាស្ត្រថ្នាក់ជាតិស្តីពី កុកសុក្កផ្លែនៃការ (Исследование трудовых ресурсов Камбоджи, 2019 г. Национальный институт планирования). URL: http://www.nis.gov.kh/nis/CLFS/CLFS19_Final_Full%20Report_KH.pdf.
- ³¹ Migration Triangle ASEAN. ILO. URL: https://www.ilo.org/asia/projects/WCMS_428584/lang--en/index.htm.
- ³² Hom Phanet. Labour optimism as remittances rise // Phnom Penh Post. 2022. February 28. URL: <https://www.phnompenhpost.com/business/labour-optimism-remittances-rise>.
- ³³ International Organisation of Migration (IOM). UN Migration. Cambodian Labour Migrants in Thailand: IOM Study. Bangkok, 28.06.2019. URL: <https://www.iom.int/news/cambodian-labour-migrants-thailand-iom-study>.
- ³⁴ Hom Phanet. Op. cit.

Глава 12

Лаос–АСЕАН: 25 лет общего пути

АННОТАЦИЯ: В главе рассматриваются процессы взаимодействия ЛНДР с АСЕАН и результаты 25 лет членства в Ассоциации. Структурно глава состоит из трех основных разделов. Первый посвящен истории сближения Лаоса с АСЕАН, в нем дается анализ целей страны при вступлении в члены организации, проблем, которые республике пришлось решать для достижения полноценного участия в Ассоциации. Второй раскрывает основные направления взаимодействия в области политики и безопасности. В третьем анализируются особенности участия ЛНДР в процессах экономического сотрудничества и интеграции, динамика экономического развития страны, результаты, которых страна достигла к настоящему времени. В итоге автор делает вывод, что членство в АСЕАН дало позитивные плоды, способствовавшие укреплению политических и экономических позиций ЛНДР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: безопасность, внутривластная стабильность, реформы, устойчивое развитие, либерализация экономики, интеграция, взаимосвязанность, выход из категории наименее развитых стран.

ABSTRACT: This chapter considers the processes of interaction of the Lao PDR with ASEAN and the results of the 25 years membership of Laos in Association. The chapter consists of three main parts. The first one is devoted to the history of Laos drawing closer to ASEAN. This part contains the analysis of the Laos goals at the moment of its accession to the organization, as well as the problems the Republic had to resolve in order to achieve the full-bodied participation in the As-

sociation. The second part reveals the main directions of interaction in the field of politics and security. The third one gives the analysis of the special features of the Lao PDR participation in the processes of economic cooperation and integration, the dynamics of economic development of the country, the results the country achieved up to the present. In the end the author comes to a conclusion that ASEAN membership brought the fruits promoting the strengthening of political and economic positions of the Lao PDR.

KEYWORDS: security, internal political stability, economic reforms, sustainable development, economic liberalization, integration, connectivity, leave the number/group of least development countries.

Введение

ДАННАЯ глава посвящена теме 25-летнего членства ЛНДР в АСЕАН, которое отмечалось в 2022 г. Автор ставит задачу рассмотреть несколько важных блоков проблем: какое влияние на развитие страны оказало членство в организации, какой уровень взаимодействия и интеграции достигнут ныне между Ассоциацией и ЛНДР, каких политических и экономических результатов достиг Лаос за этот период. Актуальность данной работы связана с тем, что это первая попытка анализа процессов взаимодействия ЛНДР и Ассоциации за четверть века.

История сближения и цели вступления в АСЕАН

В отношениях ЛНДР с АСЕАН можно условно выделить два периода. Первый охватывает 1975–1991 гг. – период вначале конфронтации, а затем постепенного сближения. Для отношений шестерки стран-основательниц АСЕАН, находившихся тогда под политическим и военным влиянием США, и трех стран Индокитая (Лаоса, Вьетнама и Камбоджи), политической доктриной которых было построение коммунистических обществ, в те годы были характерны недоверие и враждебность. Для ЛНДР в 1970-х – начале 1980-х годов особенно жесткими были отношения с Таиландом. Од-

нако в 1980-е годы в АСЕАН началось постепенное формирование новой концепции развития Ассоциации, направленной на углубление интеграции и обеспечение безопасности в регионе ЮВА через объединение всех стран региона ЮВА в рамках АСЕАН. В основу взаимодействия были положены принципы мира и нейтралитета, провозглашена политика развития добрососедских отношений со странами Индокитая, что привело к постепенному изменению отношений между двумя группами государств, способствовало их сближению. Это положило начало второму периоду взаимоотношений между двумя группами государств региона, начавшемуся с 1992 г. и длящемуся по настоящее время. Эти годы стали временем подготовки государств Индокитая к вступлению в Ассоциацию и в итоге к объединению в рамках АСЕАН всех стран ЮВА.

Важную роль в присоединении ЛНДР к АСЕАН имело изменение политического и экономического положения страны, произошедшее после распада Советского Союза и мировой социалистической системы. Изменение основ мирового порядка и региональной стабильности, утрата политической и экономической поддержки со стороны СССР поставили руководство республики перед необходимостью поиска новых путей обеспечения собственной внешнеполитической безопасности, внутренней стабильности и хозяйственного развития. После 1991 г. власти республики рассматривали разные варианты жизни страны, включая самостоятельное развитие при сохранении наиболее тесных отношений с Вьетнамом, сближение с Китаем, однако довольно быстро пришли к мнению о присоединении к АСЕАН. Во многом решающее значение имел взятый СРВ – главным политическим партнером и «старшим братом» Лаоса, курс на вступление в Ассоциацию.

Начатая во второй половине 1980-х годов в ЛНДР, вслед за Вьетнамом и Китаем, трансформация экономической политики на основе рыночно ориентированных реформ в последующем облегчила процессы экономического «встраивания» в АСЕАН. Основными слагаемыми нового курса стали постепенное разгосударствление, продвижение к рыночным принципам ценообразования, последо-

вательное вовлечение страны в мировую торговлю, снятие значительной части ограничений на деятельность частного, в том числе иностранного, капитала, курс на привлечение иностранных инвестиций в качестве важнейшего источника финансовой поддержки и стимула развития национальной экономики, который позднее получил название «политики открытых дверей». Лаос заявил о готовности к развитию сотрудничества со «всеми дружественными странами». В начале 1990-х годов была в основном сформирована нормативно-правовая база, регулирующая хозяйственную деятельность в новых условиях. В августе 1991 г. принята Конституция ЛНДР, закрепившая равные права всех форм собственности, в том числе собственности иностранных инвесторов. В итоге в Лаосе была создана юридическая база для свободного предпринимательства, вполне соответствующая мировой практике.

При вступлении в Ассоциацию Лаос преследовал широкий спектр целей. Партийно-правительственное руководство страны исходило из того, что членство в ней станет определенным «политическим зонтиком», придаст стране политический вес на международной и региональной арене, повысит ее возможности разрешения сложных вопросов в рамках двусторонних отношений со странами-соседями – членами Ассоциации, в частности с Таиландом, укрепит безопасность республики с учетом быстрорастущего веса АСЕАН в региональной и мировой политике, а также станет дополнительной опорой для сохранения внутренней политической стабильности, суверенитета и территориальной целостности.

Для Лаоса была принципиально важна линия Ассоциации на сохранение «равной удаленности от великих держав», превращение региона в зону мира, свободы и нейтралитета, принцип невмешательства во внутренние дела своих членов, что снимало имевшие место на первых порах опасения лаосцев о возможном давлении на Лаос со стороны «старых» членов АСЕАН, направленном на изменение его политической системы и политики построения «рыночного социализма». Очень позитивно в ЛНДР была оценена выраженная в Сингапурской декларации 1992 г. странами АСЕАН решимость

развивать новые отношения дружбы и сотрудничества со странами Индокитая и активно содействовать восстановлению и развитию их экономик.

Серьезные расчеты у ЛНДР были на то, что, с учетом декларируемых АСЕАН задач достижения устойчивого развития региона ЮВА, расширения взаимовыгодного сотрудничества в торговой и экономической сферах, членство в организации создаст потенциал для экономического развития страны через интеграцию в региональную экономическую систему, обеспечит доступ к финансовым ресурсам Ассоциации, повысит инвестиционную привлекательность Лаоса и, следовательно, увеличит приток прямых иностранных капиталовложений в национальное хозяйство республики, что будет стимулировать развитие принципиально важных для ЛНДР отраслей, которые были определены руководством страны в качестве «локомотива» развития экономики – транспортной и производственной инфраструктуры, аграрного сектора, промышленности, опирающейся на местную ресурсную базу, экспортноориентированных производств, развитие людских ресурсов.

С начала 1990-х годов, т.е. со времени подготовки к вступлению в организацию, углубление партнерских отношений с АСЕАН в лаосских партийно-правительственных документах стало рассматриваться в качестве одной из приоритетных целей внешней политики страны. В 1992 г. ЛНДР (вместе с СРВ) подала заявку на вступление в АСЕАН – на конференции министров иностранных дел АСЕАН в Маниле подписала договор о Дружбе и сотрудничестве в ЮВА 1976 г. и документ о присоединении к АСЕАН в качестве наблюдателя. В 2012 г. по случаю 45-й годовщины АСЕАН и 15-летия вступления Лаоса в члены Ассоциации Т. Сисулит, который тогда был министром иностранных дел, а ныне является президентом страны, заявил, что присоединение ЛНДР к Ассоциации стало поворотным моментом для страны, проводящей под руководством Народно-революционной партии политику мира, дружбы и сотрудничества¹.

Лаосу потребовалось пять лет переходного периода для того, чтобы стать полноправным членом Ассоциации в 1997 г. На пер-

вых порах подготовительная работа по вступлению в Ассоциацию усложнялась не только крайне низким уровнем экономического развития страны, недостаточной ориентацией Лаоса во многих асеановских механизмах, отсутствием у государства квалифицированных специалистов в этой сфере, но и серьезным языковым барьером (английский язык, который в АСЕАН является рабочим, не был распространен в ЛНДР), нехваткой финансовых ресурсов для внесения членских взносов². Однако руководство ЛНДР проявило политическую волю для ускоренного встраивания в асеановские структуры взаимодействия. Усилия направлялись на повышение степени «открытости» экономики страны, последовательную либерализацию торговли и инвестиционного климата, финансового и банковского сектора, системы налогообложения, изменение тарифной политики, расширение частного предпринимательства, формирование благоприятной среды для привлечения иностранных капиталов и технологий. Для иностранных инвесторов были открыты привлекательные сферы, в частности, они получили допуск к инвестированию в энергетику, геологоразведку и разработку широкого спектра полезных ископаемых.

Принятие в члены АСЕАН Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и Мьянмы – государств с иными, чем у стран-основательниц, политическими системами и идеологическими установками, имеющих более низкий уровень экономического развития, привело к возникновению внутри АСЕАН группы так называемых «молодых» асеановских стран (тройка стран Индокитая – Вьетнам, Лаос и Камбоджа получили также название «северного крыла» АСЕАН). Это объективно требовало больших целенаправленных усилий Ассоциации по встраиванию «новичков» в действующие механизмы и программы организации, успешной адаптации их в новых реалиях. В этот период ЛНДР, уже как член АСЕАН, продолжала сохранять особые отношения с близкими ей Вьетнамом и Камбоджей, став участницей инициированного СРВ – традиционным лидером в этой тройке стран, механизма ежегодных встреч на уровне премьер-министров, который был запущен в 2004 г. и получил название «треугольника

развития». Было заявлено, что данный механизм направлен на координацию прежде всего экономических, а также политических интересов стран «северного крыла» АСЕАН между собой и давал им возможность выступать консолидированным блоком перед странами Ассоциации. Со временем его активность снизилась, но на начальном этапе работы в асеановском пространстве он, видимо, был достаточно важен тройке «молодых» членов организации для отстаивания своих позиций и интересов.

Сотрудничество в сфере политики и безопасности

Ныне ЛНДР является участницей всех современных механизмов, программ и проектов Ассоциации, реализуемых в рамках главной современной цели АСЕАН – формирования Сообщества АСЕАН и его основных слагаемых – Сообщества политики и безопасности (СПБА), Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА) и Социально-культурного сообщества АСЕАН.

ЛНДР вносит достаточно активный вклад в продвижение внутри- и внешнеполитических инициатив АСЕАН. Особое значение придается руководством страны Региональному форуму АСЕАН по безопасности (АРФ) как главной площадке обсуждения политических проблем региональной и международной безопасности. Лаосская дипломатия довольно активно участвует в его деятельности. ЛНДР принимает общий подход к разрешению конфликтов, включающий разработку и осуществление мер доверия, создание структур превентивной дипломатии и реализацию согласованных мер по урегулированию конфликтов.

Для позиции республики по региональной и международной проблематике характерна устойчивая ориентация на выработку конструктивных подходов к разрешению острых политических проблем, спорных вопросов с опорой на международное право, Устав ООН и основополагающие документы Ассоциации. Лаос поддерживает стремление АСЕАН укреплять внутреннее единство и солидарность как основной способ преодоления возникающих проти-

воречий и споров. За 25 лет членства в АСЕАН ЛНДР, можно сказать, сформировала свою «нишу», часто выступая в качестве своеобразного буфера, содействующего сглаживанию возникающих трений и противоречий, достижению консенсуса как внутри организации, так и АСЕАН с ее партнерами. В качестве примера деятельности ЛНДР по поддержке внутриасеановских интересов и мирному разрешению внутренних конфликтов АСЕАН можно привести согласие республики в 2014 г., с учетом политической ситуации, уступить свою очередь председательства в Ассоциации Мьянме, вклад Лаоса в преодоление конфликта между Таиландом и Камбоджей из-за храма Преа Вихеа в 2016 г. Лаосская позиция, как правило, совпадает с мнением большинства стран «десятки», тем не менее в принципиально важных для страны вопросах ЛНДР способна открыто высказывать свое мнение³.

По важнейшему для АСЕАН конфликту в Южно-Китайском море Лаос, судя по всему, так же как и другие страны Ассоциации, против китайской экспансии в данном регионе. ЛНДР поддерживает консолидированную позицию АСЕАН о необходимости соблюдения международного права и Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, а также Декларации о поведении сторон в ЮКМ, подписанной АСЕАН с Китаем в 2002 г. Лаос, не имеющий выхода к морю, не является стороной этого спора, однако на его позицию оказывают влияние отношения с Вьетнамом и Китаем. ЛНДР связана со «старшим братом» Вьетнамом, который является активным участником спора, «особыми отношениями» политического и экономического характера, что налагает на руководство страны определенные обязательства. Кроме того, Китай в последние годы занял место основного инвестора и кредитора страны. И это вынуждает ЛНДР проявлять свою позицию очень сдержанно и осторожно.

ЛНДР поддерживает консолидированную позицию АСЕАН по вопросу создания нового блока в составе США, Великобритании и Австралии (*AUKUS*). Асеановское сообщество внимательно следит за формированием новой реальности в регионе, считая, что это может стать серьезным новым вызовом в сфере политической ста-

бильности и безопасности в АТР с учетом сложных китайско-американских отношений⁴.

Большое значение лаосское руководство придает сотрудничеству АСЕАН по проблемам безопасности, активно работая на треке Сообщества политики и безопасности АСЕАН. Его механизмы в стране считают важным механизмом преодоления возникающих противоречий и споров и усиления способности государств Ассоциации противостоять традиционным и нетрадиционным вызовам и угрозам. ЛНДР – постоянный участник встреч министров иностранных дел и обороны стран АСЕАН, встреч начальников штабов, командующих видами вооруженных сил, совместных военных учений стран АСЕАН по противодействию актам терроризма, морского пиратства и трансграничной преступности (правда, участие ЛНДР ограничивается направлением либо небольших контингентов, либо делегаций наблюдателей).

Актуальным и эффективным здесь считают механизм встреч министров обороны стран АСЕАН и стран–партнеров по диалогу (*ADMM+*) и проходящих в промежутке между ними совещаний старших должностных лиц (*SOM*) министерств обороны этих стран. Наиболее важным для себя лаосцы считают сотрудничество в сфере гуманитарной помощи и ликвидации последствий стихийных бедствий, военной медицины, проведении операций по поддержанию мира и разминированию. При этом сотрудничеству в области гуманитарного разминирования, помогающему решать эту чрезвычайно болезненную и актуальную проблему в Лаосе, который со времени войны в Индокитае относится к наиболее пострадавшим от бомбардировок странам мира, отводится особое место. ЛНДР участвует в программах создания систем раннего оповещения на основе обмена информацией, линий «горячей связи» между руководством и отдельными ведомствами разных стран, военных учениях различного формата⁵. Так, лаосские наблюдатели принимали участие в одном из последних масштабных учений в формате АСЕАН и стран–партнеров по диалогу, прошедших в начале декабря 2021 г., – первых в истории военно-морских учениях России

и АСЕАН в Индонезии⁶. В рамках этого же формата в последние годы осуществляется российско-лаосское сотрудничество в рамках гуманитарного разминирования.

ЛНДР стремится активно участвовать в асеановском сотрудничестве по борьбе с нетрадиционными угрозами. И если тема морского пиратства для Лаоса не представляет актуальности, то проблемы терроризма, трансграничной преступности, незаконной миграции, наркотрафика, энергетической и продовольственной безопасности, преодоления последствий природных бедствий, эпидемий Лаос считает для себя очень важными. Здесь отмечают, что пандемия COVID-19, которой в Лаосе пытались противостоять не только самостоятельно, но и при помощи партнеров по АСЕАН, очень четко выявила необходимость объединения коллективных усилий.

Членство в организации усилило позиции республики при решении сложных двусторонних вопросов с асеановскими странами-соседями. После вступления ЛНДР в Ассоциацию страна значительно улучшила свои отношения с Таиландом. За четверть века между ними не было ни одного конфликта, сопровождавшегося военными действиями, в отличие от 1970–1980-х годов. В начале 2000-х годов ЛНДР смогла наконец завершить многолетний процесс юридического оформления своих государственных границ, закрыв тем самым проблему пограничных споров со странами-соседями – Китаем, Вьетнамом, Камбоджей и, прежде всего, с Таиландом. Также была решена политически острая многолетняя проблема лаосских беженцев и прекращения существования в Таиланде их лагерей.

Экономическое взаимодействие

Для ЛНДР экономические интересы членства в Ассоциации являются приоритетными: Лаос стремится получить от интеграционных инициатив Ассоциации как можно больше для внутреннего социально-экономического развития. За четверть века республика была вовлечена во все макроэкономические проекты и программы АСЕАН по формированию Экономического сообщества (включая

создание АФТА, инструмента ее реализации – СЕПТ, Инвестиционной зоны АСЕАН, реализации программы «Видение АСЕАН 2020», Ханойского плана действий, а затем Вьентьянской программы действий и др.), в том числе в реализуемую ныне десятилетнюю программу построения ЭСА, разработанную до 2025 г. Лаос поддерживает главные векторы этой программы, направленные на создание общего рынка и производственной базы, превращение ЮВА в конкурентоспособный регион, интеграцию в региональную и глобальную экономику, сокращение разрыва в уровнях социально-экономического развития стран-членов.

Лаос начал свое членство в АСЕАН с очень низкого старта, поэтому основными задачами стало создание в стране соответствующих институтов для обеспечения способности страны полноценно участвовать в проектах и программах АСЕАН. После вступления Лаоса в Ассоциацию начатые в стране прорыночные реформы были встроены в программы экономического реформирования Ассоциации. Особенностью реформирования в Лаосе является то, что оно проводится как бы сверху вниз и не только определяется реальными, текущими интересами и потребностями различных секторов и отраслей в самом Лаосе, но и лежит в русле общих асеановских экономических преобразований, формируя будущую национальную экономическую среду.

Для Лаоса, который по классификации ООН относится к наименее развитым странам мира (НРС), особо важно максимальное вовлечение в программы Ассоциации по сокращению разрыва в уровне экономического развития стран-членов, которые осуществляются в рамках Инициативы интеграции АСЕАН (ИАИ). ЛНДР участвует в реализации специального рабочего плана Ассоциации, выстроенного с учетом потребности «четверки» (Лаоса, Камбоджи, Вьетнама и Мьянмы) и сфокусированного на таких направлениях, как укрепление рыночных институтов, развитие инфраструктуры и ИКТ, развитие человеческих ресурсов и снижение бедности.

Важное значение ЛНДР придает работе в рамках механизма совещаний министров экономики АСЕАН и их отраслевых органов,

рассматривая данные совещания в качестве основной площадки по обсуждению текущих и перспективных задач, координации действий в продвижении и углублении практического сотрудничества. Оно ведется в отраслях, которые избраны Ассоциацией в качестве приоритетных для развития интеграционных процессов: производстве аграрной продукции, каучука, рыболовстве, производстве текстиля, одежды, лесной промышленности, развитии телекоммуникаций и ИКТ, воздушного транспорта, логистики, туризма, здравоохранения. Руководством ЛНДР, которое в 2006 г. объявило о переходе к индустриализации и модернизации, все эти отрасли также рассматриваются как наиболее важные для собственного экономического развития. ЛНДР заявляет о готовности к участию в производственной кооперации и специализации, в частности, через размещение в стране различных сборочных производств, цепочек вспомогательных услуг.

Вступление ЛНДР в члены Ассоциации сделало республику участником процесса формирования общего рынка путем последовательной либерализации торговли, главным механизмом которого была АФТА. Лаос, так же как и другие страны, был включен в работу по снижению тарифных барьеров, однако, с учетом низкого уровня развития, ЛНДР и другим «молодым» асеановцам был дан более длительный по сравнению с другими членами АСЕАН период проведения работ. В 2018 г. ЛНДР, в соответствии с установленными сроками, выполнила свои обязательства, установив льготные тарифные ставки в диапазоне 0–0,5% на 98,6% товарных групп в рамках внутриасеановской торговли⁷. Лаос также выполняет условия ныне действующего Соглашения стран АСЕАН о свободной торговле товарами (ATIGA) от 2010 г. В соответствии с задачами реформирования торговли в 1998 г. ЛНДР подала заявку на вступление в ВТО и в феврале 2013 г. стала ее 158-м членом, что рядом экспертов было расценено как подтверждение приверженности либеральным экономическим реформам и готовность к их продолжению.

Однако политика снижения тарифных ставок воспринималась в Лаосе, особенно в первые годы, достаточно настороженно. Госу-

дарственные усилия неизменно направлялись на формирование условий для расширения внутреннего товарооборота, укрепление производств, работающих на обеспечение внутренних потребностей страны, расширение экспорта и замещение импорта. И здесь опасались, что снятие тарифных барьеров снизит уровень защиты немногочисленных лаосских предприятий и будет сдерживать рост национального производства. Однако опасения в целом не оправдались. Возможно, это было связано с очень ограниченной номенклатурой и малыми объемами производимых в стране товаров для внутреннего потребления и на экспорт. Статистика свидетельствует, что национальное производство, сфера услуг и торговля развиваются достаточно динамично. Показательно, что в отличие от развитых членов АСЕАН доля внешней торговли Лаоса со странами Ассоциации оказалась самой высокой: в 2016 г. она составляла 63,7%⁸. Однако это связано не с заметным расширением географии лаосской торговли, а определяется ростом товарооборота с государствами–соседями и традиционными торговыми и экономическими партнерами Лаоса – Таиландом и Вьетнамом.

Для лаосской торговли характерен определенный парадокс. Страна достаточно успешно расширяет свою внешнюю торговлю за счет как традиционных, так и новых товаров, при том что в самой республике пока не сложился единый внутренний рынок. Приграничные провинции ориентированы на развитие тесных торговых и экономических связей с соседними районами Таиланда и Вьетнама. Лаосские же товары, производимые на внутренний рынок, зачастую не могут пробиться даже на национальный уровень и остаются в пределах районов их производства.

Постепенно лаосская экономика вовлекается в формирование асеановского рынка услуг, однако вследствие слабости хозяйственной системы и неразвитости соответствующих структур и институтов этот процесс носит ограниченный характер. Тем не менее ЛНДР участвует в различных соглашениях в этой области – Рамочном соглашении АСЕАН о свободной торговле услугами (AFAS), финансовой (AFIF) и банковской (ABIF) интеграции. По показателю «Раз-

витость финансового рынка» в индексе глобальной конкурентоспособности Лаос занимает ныне 74-е место среди 140 стран⁹. В рамках либерализации банковской деятельности ЛНДР еще в 1990-е годы провела банковскую реформу и допустила для работы в стране иностранные банки. В целях содействия развитию банковской системы применяется упрощенная процедура регистрации коммерческих банков и финансовых институтов. Минимальный уставный капитал должен составлять не менее 12 млн долл. (для отделений иностранных банков – не менее 6 млн долл.)¹⁰.

В соответствии с политикой формирования Экономического сообщества АСЕАН, согласно которой в странах «северного крыла» Ассоциации предусматривалось открытие фондовых бирж, а также в рамках подготовки Лаоса к вступлению в ВТО в 2011 г. во Вьентьяне начала работу лаосская биржа ценных бумаг (*LSX*). Ее создание проходило при финансовом и техническом содействии Южной Кореи. В настоящее время на бирже торгуются акции пяти лаосских государственных компаний. Уставный фонд биржи достаточно скромно и определен в 20 млн долл.¹¹ Несмотря на формальный характер лаосской биржи, перспективы ее работы в качестве механизма формирования цивилизованного рынка ценных бумаг в Лаосе в целом положительны.

Важным для Лаоса сегментом рынка услуг, который и в интеграционных программах Ассоциации и в национальной стратегии экономического развития рассматривается как приоритетный, является туристическая сфера. Отрасль начала формироваться практически с нуля в конце 1990-х годов и развивается очень динамично во многом благодаря усилиям АСЕАН. Лаос включен в Стратегический план Ассоциации по развитию туризма, в рамках которого в стране ведется работа по подготовке кадров, налаживанию связей с зарубежными турфирмами, созданию логистических условий, в частности либерализация визового режима, инвестиционное содействие. С учетом изначально слабого развития туристических услуг для Лаоса выбрана ниша «экологического туризма». ЛНДР включена в туристический «треугольник»

Таиланд – Лаос–Камбоджа, что позитивно влияет на развитие отрасли во всех трех странах.

За годы членства в Ассоциации ЛНДР заняла достаточно значимое место в крупных инфраструктурных проектах Ассоциации, нацеленных на интеграцию и развитие взаимосвязанности как между членами АСЕАН, так и со странами-партнерами в Восточной Азии, прежде всего с Китаем. Географическое положение ЛНДР в центре Индокитая без выхода к морю всегда было серьезным сдерживающим фактором для экономического развития страны. Однако после вступления Лаоса в АСЕАН и объединения в ее рамках практически всей ЮВА это превратилось для страны в значимый потенциал роста. Лаос стал быстро становиться одним из центров пересечения транспортно-логистических потоков. Он вовлечен в план развития взаимосвязанности АСЕАН (*Master Plan on ASEAN Connectivity*), в соответствии с которым в регионе через созданный при участии АзБР Инвестиционный фонд ведется сооружение ключевых инфраструктурных объектов. Транспортное и логистическое «освоение» лаосской территории Ассоциацией идет прежде всего через реализуемый с начала 2000-х годов проект строительства трех транспортных и транспортно-экономических коридоров между странами региона. «Север–Юг», «Юг–Юг», «Восток–Запад» связывают через Лаос Китай и Таиланд, Вьетнам и Таиланд, Вьетнам и Мьянму. Вдоль этих коридоров создаются Специальные экономические зоны с иностранным участием. Лаос – участник соглашений АСЕАН в области воздушных перевозок, направленных на улучшение транспортного сообщения между странами Ассоциации, он присоединился к режиму «открытого неба».

Важную роль для экономики страны имеет реализация финансируемых в основном АзБР проектов и программ освоения региона Большого Меконга, которые ориентированы главным образом на транспортное и логистическое, а также энергетическое развитие. Лаосу, на долю которого приходится 27,2% территории всего водосборного бассейна Меконга и 51% гидроэнергетического потенциала нижнего бассейна Меконга, в них отводится заметное место¹².

Мощный стимул для своего развития в последние годы получила лаосская гидроэнергетика. Определяющее влияние на темпы ее роста оказывают экономические интересы и растущие потребности стран Ассоциации в энергетических ресурсах. Лаос, который ныне называют «электрической батареей» АСЕАН, включен в планы энергетического развития Ассоциации, создания в регионе единой энергетической системы. Лаосская электроэнергия должна стать важным слагаемым энергетической безопасности региона.

Оценивая процессы и динамику экономического развития страны за годы членства в Ассоциации, надо признать, что республика развивалась достаточно динамично. Лаос получает довольно значительную помощь на цели развития в рамках специальных программ ООН, в частности «Целей развития тысячелетия», и связанных с ней программ достижения устойчивого развития (*SDGs*) и выхода из категории НРС, через механизмы круглых столов, донорского сообщества, по линии двусторонних связей, но и вклад АСЕАН значителен, усилия Ассоциации приносят свои положительные плоды.

С 2000-х годов республика держит довольно высокие темпы ежегодного прироста ВВП, постепенно растут доходы на душу населения, снижается уровень бедности. По лаосским официальным оценкам, решение задачи достижения устойчивого развития шло успешно по широкому спектру направлений. В 2008–2013 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял порядка 8%. Его максимальные значения были отмечены в 2007 г., когда он достиг 9%. Затем с 2014 по 2018 г. он постепенно снижался с 8 до 6% и в 2019 г. составил 5,5%. В постоянных ценах ВВП страны за 20 лет увеличился в 10 раз – с 14 000 млрд в 2000 г. до 140 000 млрд кип. в 2021 г.¹³

Доход на душу населения в 2020 г. составил 2642 долл. США. Показатель уровня бедности населения снизился с 24,6% в 2013 г. до 16,9% в 2020 г. Уровень национальной продовольственной безопасности в 2020 г. достиг 69%¹⁴.

По прогнозам, темпы прироста ВВП до 2025 г. должны сохраняться на уровне 6–7%, таким образом, ЛНДР претендует остаться в группе стран с наиболее высокими в Ассоциации показателями

роста¹⁵. Но пандемия COVID-19 оказала серьезное негативное влияние на развитие страны, привела к значительному сокращению хозяйственной активности, прежде всего в сфере услуг – торговле и туризме. Лаос смог удержать положительные макроэкономические показатели – в 2020 г. темпы прироста ВВП составили 3,3%, в 2021 г. – 3,5%¹⁶, однако стране потребуется несколько лет для восстановления динамики развития.

Несмотря на хорошие темпы роста в прошедшие годы, ЛНДР тем не менее не смогла достичь намеченной цели покинуть группу наименее развитых стран к 2020 г. Этот срок был перенесен на 2024 г., а к 2030 г. Лаос должен войти в нижнюю подгруппу государств со средним уровнем развития. Однако в связи с экономическими последствиями пандемии республика, возможно, будет вынуждена вновь скорректировать свои цели по ускоренному экономическому подъему.

Определенные изменения за последнюю четверть века произошли в структуре лаосской экономики. Страна продвинулась в решении задачи перехода от сырьевой экономики к экономике, основанной на обработке сырья и оказании услуг. Доля промышленности в ВВП выросла с 21,1% в 1999 г. до 33,3% в 2020 г.; сельского хозяйства, напротив, уменьшилась с прежних 57 до 16,5%. Вклад сферы услуг в 2020 г. составил 39,6%¹⁷.

Довольно высока была динамика развития внешней торговли республики, постепенно меняется ее структура. Растет сбалансированность, так как импорт растет более медленными темпами, чем экспорт. Если в 2000 г. импорт составлял 33%, а экспорт 22% от ВВП, то, несмотря на пандемию, ЛНДР смогла не допустить обрушения показателей, и в 2021 г. они были 30 и 32,1% соответственно¹⁸. Изменения произошли и в номенклатуре экспортных товаров. Основной статьей экспортных поступлений ныне стала электроэнергия, которая продается преимущественно в Таиланд и, в меньшей степени, во Вьетнам. В 2020 г. ЛНДР продала за рубеж примерно 80% произведенной электроэнергии, ее доля в экспорте составила 30,6%. После начала добычи меди и золота эти металлы заняли прочное ме-

сто в экспорте страны (в 2020 г. – 14,6%)¹⁹. Новой статьёй лаосского экспорта стал латекс (в основном он идет в Китай и Вьетнам), однако в лаосском сельскохозяйственном экспорте по-прежнему высока доля сырья и товаров с низкой степенью переработки.

Лидерами во внешнеторговых связях ЛНДР среди стран АСЕАН неизменно остаются Таиланд, Вьетнам, а из стран-партнеров – Китай. В 2020 г. в экспорте Лаоса на Таиланд пришлось 44,4%, Вьетнам – 16,9, Китай – 23,9; в импорте – 49,7, 10 и 25,8% соответственно²⁰. Хотя Таиланд сохраняет позиции лидера, в последние годы Китай неуклонно усиливает в Лаосе свои внешнеторговые позиции.

Заметные отраслевые и технологические сдвиги произошли в структуре промышленности. В последние годы стали формироваться высокотехнологические производства в сфере гидроэнергетики и добывающей промышленности, появились новые, небольшие производства по сборке из компонентов электронной автомобильной, авиационной техники, расширился ассортимент изделий легкой и пищевой промышленности. Однако этот процесс сдерживается сохраняющейся нехваткой квалифицированных кадров.

Как уже упоминалось, за период членства в АСЕАН в стране возникла и получила быстрое развитие туристическая отрасль. За период с 1989 по 2019 г. турпоток вырос с 2,6 тыс. до 4,3 млн человек. Ожидалось, что в ближайшие годы будет достигнут уровень 5 млн туристов, что для страны с 7-миллионным населением является серьезным показателем. Однако пандемия COVID-19, в результате которой доступ в страну туристов был закрыт два года, нанесла отрасли разрушительный удар, и потребуется время и большие финансовые вложения для его восстановления.

Туризм в Лаосе имеет свои особенности. Основной поток туристов идет из Таиланда – ежегодно более 2 млн человек, которые приезжают в Лаос посетить родственников, поклониться буддистским святыням, закупить товары. Второе место принадлежит вьетнамцам – до 1 млн человек в год, третье – китайцам (более 500 тыс. человек), которых влекут в Лаос в большей степени интересы биз-

неса. Туристов из европейских стран, Канады, США и Австралии немного – порядка 300 тыс. в год²¹.

Банковская сфера республики пока остается малоинтересной для асеановских партнеров, за исключением той же тройки стран – Таиланда, Вьетнама и Китая. Наиболее крупными банками этих стран в Лаосе являются *Joint Development Bank* (Таиланд), *Lao Viet Bank* (65% акций – *Bank for Investment and Development of Vietnam*, 35% – банк внешней торговли ЛНДР). Из других банков АСЕАН действуют также *ACLEDA Bank Laos* (Камбоджа) и *International Commercial Bank Lao Ltd.* (Малайзия).

Ныне в ЛНДР создано достаточно хорошее транспортно-логистическое сообщение с соседними странами – Таиландом, Вьетнамом и Китаем. На границе Лаоса с этими государствами функционирует около 20 международных контрольно-пропускных пунктов, через которые идут грузо- и пассажиропотоки. За последние 20 лет построено 5 современных мостов через Меконг, соединяющих Лаос с Таиландом, действует 3 международных аэропорта. Основной и ныне уже работающий коридор «Восток–Запад» проходит через Центральный Лаос и связывает Вьетнам, Лаос, Таиланд и Мьянму. Его ввод в строй экономит до 40 дней при транспортировке грузов из Японии и Кореи в страны Европы. Другой коридор, «Север–Юг», выстроенный с китайским участием, прошел через север Лаоса и связал китайскую провинцию Юньнань с Таиландом. Третий коридор, «Юг–Юг», должен связать Вьетнам, Лаос и Камбоджу.

С включением Лаоса в проекты создания железнодорожной сети АСЕАН в республике началось формирование нового вида транспорта – железнодорожного. В 2009 г. в пригород Вьентьяна через мост лаосско-тайской дружбы был протянут первый 12-километровый участок железной дороги, позволивший наладить пассажирское и грузовое сообщение лаосской столицы с Таиландом. В 2014 г. начал работать крупный контейнерный склад, и создается логистический хаб для обслуживания грузоперевозок из Таиланда в Лаос и Китай.

Лаос также вовлечен в грандиозный китайский проект «Один пояс, один путь». Частью его стало строительство лаосского участка железной дороги длиной около 500 км, которое было завершено в декабре 2021 г. и связало китайскую провинцию Юньнань через горные северные провинции Лаоса и лаосскую столицу Вьентьян с железнодорожной сетью Таиланда. Стоимость проекта участка в Лаосе составила порядка 7 млрд долл. США, 70% объема инвестиций обеспечивает Китай, 30% – Лаос²².

Участие ЛНДР в программах АСЕАН по развитию информационно-коммуникационных технологий дало толчок к становлению в стране этого сектора. Произошло расширение телекоммуникационной инфраструктуры, улучшение качества предоставляемых услуг, начата реализация проекта электронного правительства ЛНДР.

В этой сфере также довольно сильны позиции трех региональных партнеров Лаоса. В рамках реализации национальной программы развития телекоммуникационной отрасли в ноябре 2015 г. при содействии КНР был осуществлен запуск первого лаосского телекоммуникационного спутника *Lao Sat 1*. В числе основных операторов сотовой связи в Лаосе помимо национальных также лаосско-таиландская *Lao Telecom Company* и лаосско-вьетнамская *Star Telecom Company*. Ныне доступ к интернет-услугам имеет свыше 50% населения страны²³.

За период членства в Ассоциации ЛНДР смогла добиться устойчивого роста прямых иностранных инвестиций (ПИИ). С 1989 по 2020 г. объем накопленных ПИИ составил свыше 32 млрд долл.²⁴

Наибольший интерес внешние инвесторы проявляют к сферам, связанным с использованием возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов: гидроэнергетике, геологоразведке и добыче полезных ископаемых, крупному плантационному сельскому хозяйству, сфере услуг, включая торговлю, транспорт и связь. За 1989–2018 гг. в энергетiku инвестировано порядка 30%, геологоразведку и добывающую промышленность – почти 22%, сферу услуг – 18, аграрную сферу – около 11, промышленность и ремесла – около 6%, что составило 86% всех ПИИ²⁵.

Ныне в ЛНДР работают инвесторы из более 40 государств. Но основные капиталовложения (свыше 70% инвестиций) осуществляют Таиланд, Вьетнам и Китай. Страны АСЕАН на двусторонней основе по-прежнему мало инвестируют в лаосскую экономику.

Таиланд является традиционным лидером торгово-экономических связей с Лаосом, сфера его интересов широка. Это гидроэнергетика, транспорт, услуги, аграрная сфера. Он выступает главным импортером лаосской электроэнергии и последовательно наращивает ее закупки. Тайцы рассчитывают стать одним из центров торговли электроэнергией, энергетическим хабом, перепродавая лаосскую электроэнергию в Малайзию, а через нее в другие страны АСЕАН.

Вьетнамские интересы охватывают транспорт, связь, добывающую сферу, сельское хозяйство (плантации гевеи и кофе).

В последние годы Китай потеснил традиционного лидера – Таиланд и вышел на первое место. Китайские капиталы вкладываются в транспорт, геологоразведку и добычу полезных ископаемых, крупное плантационное хозяйство (гевея и чай), энергетiku, связь. Так, в период мирового финансового кризиса 2007–2009 гг. китайские компании приобрели у австралийской компании «Оксиана» крупное и единственное тогда в Лаосе предприятие по производству золота и меди (провинция Саваннакхет), а со строительством второго предприятия в провинции Сиенгкхуанг фактически стали монополистами в этой сфере. Введение в эксплуатацию железной дороги также дало Китаю возможность транзита своих товаров до Сингапура.

В инвестиционной сфере пока сохраняется много серьезных проблем. Развитие логистических связей (например, функционирование специальных экономических зон), транспортной сети (речь идет о грузовом транзите по международным транспортным коридорам, об эксплуатации железной дороги), строительство ГЭС и водохранилищ порождают негативные экологические последствия – ведут к вырубке лесов, изменению водного баланса, постепенному разрушению экосистем и в итоге к нарушению сельскохозяйствен-

ного цикла. Это ставит Лаос перед необходимостью развития пока еще находящегося в зачаточном состоянии сотрудничества с АСЕАН в экологической сфере.

Другой блок проблем связан с необходимостью ужесточения правового и административного контроля, упорядочения деятельности иностранных инвесторов. Таиландские, вьетнамские и китайские предприниматели, имеющие крупные концессии, в том числе на ведение плантационного хозяйства, часто работают без должных разрешений, что ведет к ущемлению прав местного населения, теряющего в результате передачи территорий зарубежным инвесторам свои сельскохозяйственные угодья и, как следствие, доходы и привычный образ жизни.

Еще один блок проблем связан с тем, что транспортное и сельскохозяйственное «освоение» страны иностранным бизнесом не приносит стране тех доходов, на которые она могла бы рассчитывать. Эксплуатацией и обслуживанием транспортных коридоров, железнодорожной магистрали занимаются главным образом иностранные партнеры Лаоса. Сельскохозяйственная продукция вывозится из страны преимущественно в переработанном виде. И для изменения ситуации Лаосу предстоит еще длительная и экономически очень сложная работа.

Заключение

Итоги 25-летнего членства в АСЕАН для ЛНДР в целом достаточно позитивны. ЛНДР заняла свое, вполне достойное, место в АСЕАН, как страна, проводящая взвешенную политику, направленную на сглаживание острых ситуаций внутри Ассоциации и устойчиво поддерживающую асеановское большинство. Республика смогла обеспечить свою внутривнутриполитическую стабильность, повысить безопасность, укрепить свою роль на международной арене.

Республика достигла хороших результатов в экономическом развитии, о чем свидетельствуют довольно высокие и стабильные темпы экономического роста, постепенное повышение уровня

жизни населения. Цели и задачи экономического развития АСЕАН, включение ЛНДР в базовые, долгосрочные экономические проекты, интеграционные процессы стали одним из локомотивов, двигающих лаосскую экономику. За прошедшие четверть века в стране значительное развитие получили транспортная, логистическая, аграрная сферы, промышленность, прежде всего энергетика страны, увеличился экспорт, возрос приток иностранных инвестиций, окреп национальный бизнес. При этом приносящие ныне стране значительные доходы гидроэнергетическая и туристическая отрасли за годы членства в Ассоциации были фактически созданы с нуля. Страна значительно продвинулась в решении экономической и политической задачи достижения устойчивого развития, выхода из категории наименее развитых стран.

Однако в экономических взаимоотношениях ЛНДР с АСЕАН есть свои особенности и проблемы. Интеграционные процессы не смогли сколь-либо заметно диверсифицировать экономические, торговые и инвестиционные связи Лаоса внутри Ассоциации. Лаосская экономика, ее инвестиционная сфера, за исключением традиционных партнеров Лаоса, остается для бизнеса развитых стран АСЕАН в целом малопривлекательной. В результате в настоящее время хозяйственные связи Лаоса внутри Ассоциации практически остаются неизменными, основные позиции в этой сфере по-прежнему занимают Таиланд и Вьетнам, а из стран – диалоговых партнеров АСЕАН – Китай, причем последний довольно быстро усиливает свою экономическую экспансию в Лаос.

Процессы экономического и инвестиционного сотрудничества идут по линии углубления связей прежде всего в тех сферах, которые наиболее важны и экономически привлекательны для партнеров Лаоса по АСЕАН. Это транспорт и связь, логистика, гидроэнергетика, добывающая и аграрная сферы, туризм. В связи с этим при характеристике лаосского экономического взаимодействия в рамках Ассоциации более верно, как представляется, говорить не об углублении интеграционных связей Лаоса внутри Ассоциации, а скорее о продолжении прежней тенденции, выраженной в про-

должающемся усилении экономической взаимосвязанности страны с узким кругом традиционных партнеров, прежде всего Вьетнамом, Таиландом и Китаем.

Примечания

- 1 *Kham Vorapheth*. Contemporary Laos. Development Path and Outlook of a Nation, White Lotus, 2015. P. 114.
- 2 *Иоанесян С.И.* Индокитай: тенденции, проблемы и перспективы экономического сотрудничества с АСЕАН: Сб. статей «АСЕАН: Итоги, проблемы, перспективы». М.: ИВ РАН, 1998. С. 110.
- 3 *Райков Ю.А.* Лаос в системе международных отношений Азиатско-Тихоокеанского региона в начале XXI века. М.: Дипломатическая академия МИД РФ, 2010. С. 143.
- 4 «ກອງທັບລາວ». 29.09.2021 (газета «Народная армия Лаоса», на лаосском языке).
- 5 «ກອງທັບລາວ». 03.12.2021 (газета «Народная армия Лаоса», на лаосском языке).
- 6 «ກອງທັບລາວ». 03.12.2021 (газета «Народная армия Лаоса», на лаосском языке).
- 7 Министерство промышленности и торговли ЛНДР. Годовой отчет, 2019 (на лаосском языке); *Kham Vorapheth*. Contemporary Laos. Development Path and Outlook of a Nation. White Lotus, 2015. P. 116.
- 8 *Локишин Г.М., Кобелев Е.В., Мазырин В.М.* Сообщество АСЕАН в современном мире. М.: ИД «Форум», 2019. С. 58; ASEAN Secretariat Statistical Database, 2017.
- 9 Экономика стран Юго-Восточной Азии. М.: АНО Издательско-информационный центр «Наука», 2020. С. 258.
- 10 Там же. С. 259.
- 11 Там же. С. 260.
- 12 Лаос: Справочник. Изд-во «Восточная литература» РАН, 1994. С. 10; «ສປປລາວ. LAO PDR». Справочное издание, 2004 (на лаосском и английском языках).
- 13 Key Indicators Database — ADB 2020, 2021.
- 14 Annual Economic Report, Lao Statistics Bureau, Ministry of Planning and Investment, Vientiane 2019, 2020.
- 15 Сообщество АСЕАН в современном мире. Указ. соч. С. 75.
- 16 Annual Economic Report. Op. cit.

- 17 Ibid.
- 18 Ibid.
- 19 Ibid.
- 20 Ibid.
- 21 Lao National Tourism Administration. Annual Statistic.
- 22 *Вилай М.* Строительство лаосско-китайской железной дороги будет способствовать развитию туризма и инвестиций с АСЕАН и Китаем (на лаосском языке) // Информационное агентство «ຂ່າວສານປະເທດລາວ» 24.11.2020 (на лаосском языке).
- 23 Annual Economic Report, Lao Statistics Bureau, Ministry of Planning and Investment, Vientiane, 2020.
- 24 Annual Economic Report. Op. cit.
- 25 Экономика стран Юго-Восточной Азии. Указ. соч. С. 263.

Глава 13

Мьянма в АСЕАН: испытание партнерством

АННОТАЦИЯ: Взаимоотношения Мьянмы с Ассоциацией стран Юго-Восточной Азии изначально имели непростой характер. За 55 лет, прошедших с момента основания АСЕАН, они эволюционировали от искреннего стремления лидеров региональной группировки инкорпорировать Мьянму (Бирму) в свои ряды до нарастающего раздражения асеановского политического истеблишмента недоговороспособностью мьянманских властей, вплоть до появления заявлений о необходимости так или иначе ограничить уровень присутствия Мьянмы в АСЕАН и даже исключить ее из этой организации. В данной главе рассматриваются побудительные мотивы, основные этапы эволюции, внешние и внутренние причины трансформации асеановской позиции по Мьянме и мьянманской позиции в отношении АСЕАН. Особое внимание уделено китайскому, американскому и советско-м/российскому факторам их формирования, а также внутримьянманским сюжетам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мьянма, Бирма, АСЕАН, региональная интеграция.

ABSTRACT: Myanmar's relationship with the Association of Southeast Asian Nations have always been uneasy. Over the 55 years that have passed since the founding of ASEAN, they have evolved from the sincere desire of the lead-

ers of the regional group to incorporate Myanmar (Burma) into their ranks to the growing irritation of the ASEAN political establishment with non-negotiability of the Myanmar authorities, up to the calls to somehow limit the level of Myanmar's presence in ASEAN or even expel it from this organization. This chapter examines the motives, the main stages of evolution, the external and internal reasons for the transformation of the ASEAN position on Myanmar and the Myanmar position on ASEAN. Particular attention is paid to the Chinese, American and Soviet/Russian factors of their formation, as well as internal situation in Myanmar.

KEYWORDS: Myanmar, Burma, ASEAN, regional integration.

Введение

В НЕРАЗРЫВНОЙ цепи, символизирующей единство АСЕАН, Мьянма является, пожалуй, самым слабым звеном. Эта крупнейшая страна Индокитайского полуострова, проводящая «активную и независимую» внешнюю политику, не привыкла считаться с мнением своих соседей по региону (да и вообще с чьим бы то ни было мнением) в вопросах, касающихся ее национальной безопасности и внутренних дел. Сложность заключается в том, что целый ряд проблем, решение которых мьянманские политики и военные привыкли рассматривать как свою прерогативу, был интернационализирован международными средствами массовой информации и начал восприниматься в общерегиональном контексте¹. Таким образом, странам АСЕАН приходится погашать «долги» мьянманского руководства мировому сообществу за счет того «кредита доверия», который они наработали за долгие годы взаимодействия со своими западными партнерами по диалогу, рискуя самим попасть под санкции вслед за Нейпидо. Очевидно, что сложившаяся ситуация не устраивает ни одну из заинтересованных сторон.

Ниже мы рассмотрим динамику мьянманско-асеановских отношений за минувшие полстолетия и постараемся понять, какие субъективные мотивы и объективные факторы лежат в ее основе.

Предыстория партнерства

Выдающийся мьянманский политический деятель, архитектор независимости Мьянмы генерал Аун Сан еще в январе 1946 г. в одном из своих выступлений пророчески произнес: «В действительности, возможно, когда-нибудь окажется нужным и практически выполнимым создание, скажем, Соединенных Штатов Индокитая, включающих Французский Индокитай, Таиланд, Малайю, Индонезию и нашу страну. Это не идеалистическая концепция. К этому вполне может привести историческое развитие этих стран, имеющих много общих этнических, стратегических, экономических и других черт»². И в самом деле, попытки объединения начали предприниматься в регионе с конца 1950-х годов. После трех-четырёх фальстартов в августе 1967 г. была образована Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Это событие, вне сомнения, стало ключевой исторической вехой на пути к успешной региональной интеграции, которую мы наблюдаем сегодня. Однако Мьянма, несмотря на заветы генерала Ауна Сана, не вошла в число стран-основательниц АСЕАН.

Возникает закономерный вопрос: почему?

На заре развития регионального сотрудничества в Юго-Восточной Азии Мьянма (в те годы называвшаяся Бирмой) неоднократно получала предложения о присоединении к региональным интеграционным процессам. Ее приглашали вступить сначала в Ассоциацию Юго-Восточной Азии (АСА, 1961–1967 гг.), а затем и в созданную на ее основе АСЕАН (1967 г.). Впервые идея образования региональной группировки с участием Мьянмы прозвучала из уст премьер-министра Малайи Тунку Абдул Рахмана еще в конце 1959 г., однако тогда она не встретила понимания у мьянманской стороны. В мае 1967 г., уже после военного переворота в Янгоне, индонезийский министр иностранных дел Адам Малик, находясь с визитом в Мьянме, предложил генералу Не Вину принять участие в создании АСЕАН, но получил отказ. В апреле 1968 г. и апреле–мае 1972 г. тема вступления Мьянмы в АСЕАН вновь поднималась официальными лицами Малай-

зии и Индонезии во время бесед с представителями мьянманского военно-политического истеблишмента, однако и на этот раз заручиться согласием руководства Мьянмы асеановцам не удалось³.

Логика выступавших с многократными предложениями к Мьянме государств-основателей АСЕАН была вполне ясна: создавая региональное объединение юго-восточноазиатских государств, обеспечивая неуклонным ростом военно-политического влияния коммунистического Китая, они, безусловно, стремились к расширению своих рядов за счет ранее нейтральных государств, разделяющих их озабоченности. Мьянма идеально подходила на роль нового члена подобного объединения, поскольку для нее китайский фактор имел особую значимость. Янгонскому правительству (сначала гражданскому, а затем и военному) приходилось регулярно отражать атаки антиправительственных вооруженных группировок, базировавшихся вдоль протяженной мьянманско-китайской границы, которым негласно покровительствовали то Пекин, то Тайбэй. Ситуация особенно обострилась во второй половине 1960-х годов в связи с попытками экспорта «культурной революции» из Китая в близлежащие страны. Казалось, что в этой ситуации Мьянма напрямую нуждалась в поддержке своих соседей по региону и должна была бы с радостью принять их приглашение к политическому и социально-экономическому сотрудничеству. Однако этого не произошло.

Чтобы понять мотивы мьянманского руководства, обратимся к истории китайско-мьянманских отношений. Версии этой истории, в зависимости от источника, существенно разнятся. На официальном уровне подчеркивается «братский» (*паунхо*) характер двусторонних отношений, всячески сглаживаются присущие им противоречия и целенаправленно стирается память о межгосударственных конфликтах. Эта же тенденция прослеживается и в научной литературе. Так, в монографии «История китайско-мьянманских отношений», изданной в Пекине в 2000 г., автор (профессор-бирманист, бывший директор института Юго-Восточной Азии Университета Сунь Ятсена) лишь вскользь упоминает об имевшей место в 1967 г. попытке экспорта в Мьянму «культурной революции» и последо-

вавшими за ней антикитайскими погромами, буквально в одном абзаце приводя скудную хронологию тех событий⁴. Независимые мьянманские аналитики, напротив, относятся к Китаю с плохо скрываемым подозрением, акцентируя внимание на том, что Пекин является недобросовестным партнером и придерживается по отношению к Мьянме политики «двойных стандартов», параллельно развивая «межгосударственные» отношения с официальным Нейпидо и «межпартийные» отношения с его оппонентами — этническими вооруженными группировками.

Неудивительно, что в период социалистического развития (1962–1988 гг.) Мьянма занимала подчеркнуто нейтральную позицию, не склоняясь ни на сторону СССР, ни на сторону коммунистического Китая. Этим она и привлекла отцов-основателей АСЕАН, стремившихся продемонстрировать всему миру подлинно региональный характер своей новой организации, которую международные аналитики (во многом справедливо) рассматривали как проамериканскую группировку. Однако, несмотря на вооруженный конфликт с повстанцами-маоистами, Мьянма предпочла решать свои проблемы в одиночку, все дальше и дальше скатываясь к экономической автаркии и тотальной социально-политической деградации. В этом, собственно, и заключается причина, по которой Мьянма не сумела превратиться в новую индустриальную страну по примеру ряда своих соседей по региону.

Во второй половине 1980-х годов Юго-Восточную Азию захлестнула третья «волна демократизации» (термин С. Хантингтона⁵). «Революция народовластия», в ходе которой был свергнут филиппинский диктатор Фердинанд Маркос, правивший страной более двадцати лет, всколыхнула протестные движения в других государствах региона. В результате кровавых событий 1987–1988 гг., кульминацией которых стали массовые антиправительственные выступления «четырёх восьмерок» (8 августа 1988 г.), социалистический строй в Мьянме, доказавший свою несостоятельность, был низвергнут. Однако демократизации мьянманского государства и общества, за которую боролись протестующие, так и не произо-

шло: 18 сентября 1988 г. армия произвела государственный переворот, и Мьянма вновь оказалась в ситуации прямого военного правления. Результаты выборов, прошедших 30 мая 1990 г., на которых с большим отрывом победила продемократическая оппозиция, были фактически аннулированы Государственным советом по восстановлению законности и правопорядка (правлящим органом военного режима).

Это решение Госсовета вызвало шквал негодования на Западе, обвинившем мьянманских военных в узурпации власти и политическом преследовании активистов Национальной лиги за демократию (НЛД). Однако в самом регионе Юго-Восточной Азии отношение к событиям, происходящим в Мьянме, было не столь однозначным. Государства-члены АСЕАН, в целом разделяя озабоченность своих западных партнеров по диалогу, предпочли применить в отношении Мьянмы политику «конструктивного вовлечения» (*constructive engagement*), которая подразумевала сочетание гибких дипломатических подходов и расширенного экономического сотрудничества⁶. Они справедливо полагали, что политика санкционного давления на государство, только-только начинающее открывать свою экономику внешнему миру, не принесет положительных результатов ни для него самого, ни для всего региона. Более того, для них была неприемлема сама идея такого давления, идущего вразрез с центральным принципом АСЕАН — политикой невмешательства во внутренние дела друг друга.

Нужно сказать о том, что в конце 1980-х — начале 1990-х годов, после урегулирования Кампучийского кризиса и вывода вьетнамских войск из Камбоджи, центральным пунктом региональной повестки дня стало развитие сотрудничества между бывшими противниками по холодной войне. Как изящно высказался тогдашний премьер-министр Таиланда Чатчай Чунхаван, необходимо было «превратить Индокитай из поля боя в рыночную площадь»⁷. В связи с этим развернулась дискуссия о принятии в АСЕАН социалистических стран Восточного Индокитая и Мьянмы, отказавшейся к тому времени от социалистического пути развития и провозгласившей

курс на строительство многопартийной рыночной демократии. На четвертом саммите АСЕАН, прошедшем в январе 1992 г. в Сингапуре, вопрос расширения организации обсуждался вместе с приглашенными в качестве гостей представителями стран Восточного Индокитая, остававшихся на тот момент за рамками региональных интеграционных процессов. По результатам этих обсуждений Вьетнам был принят в АСЕАН в июле 1995 г., Мьянма и Лаос – в июле 1997 г., а Камбоджа – в апреле 1999 г.

Что же изменилось в сознании военно-политического руководства Мьянмы за эти три десятилетия? Почему преемники генерала Не Вина решили отойти от стратегии строгой изоляции и начали развивать сотрудничество с другими юго-восточноазиатскими государствами? Этому радикальному повороту «лицом к региону» можно найти сразу несколько объяснений.

Во-первых, с приходом к власти в СССР М.С. Горбачева, взявшего курс на нормализацию советско-американских отношений и окончание холодной войны, в Юго-Восточной Азии образовался временный «вакуум силы», который поспешили заполнить региональные державы, и в первую очередь Китай. В этом кроется одна из причин того, что АСЕАН не распалась как карточный домик, потеряв цель своего существования (что ей предрекали некоторые западные журналисты), а, наоборот, сумела трансформироваться и адаптироваться к происходящим в регионе переменам. Она отошла с проамериканских позиций, взяв на себя роль балансира, согласующего и гармонизирующего интересы крупных внерегиональных держав: США, Китая, Индии, Японии, Австралии, стран Евросоюза и России. Гибкая система диалоговых партнерств, позволяющая АСЕАН как региональной организации сохранять нейтралитет, не принимая чью-либо сторону, импонировала Мьянме, вполне отвечая ее собственной стратегии нейтралитета и неприсоединения.

Во-вторых, после событий «четырёх восьмерок» Мьянма, только-только начинающая открывать свою экономику внешнему миру, оказалась в жесткой международной изоляции в связи с санкциями, наложенными на нее США и их европейскими союзниками.

Учитывая крах автаркической политики опоры на собственные силы, практиковавшейся при Не Вине, новое поколение мьянманских генералов рассчитывало на успех политики открытости и рыночных реформ, проводимой Госсоветом. Для этого оно стремилось перенимать передовой международный опыт, заимствовать зарубежные технологии и привлекать иностранных инвесторов из азиатских государств – в первую очередь из Юго-Восточной и Восточной Азии. Поэтому вступление в АСЕАН рассматривалось мьянманскими стратегами как важный шаг на пути к реформированию национальной экономики по образу и подобию новых индустриальных стран региона⁸.

В-третьих, участие в региональной интеграционной группировке, стремящейся соблюдать равноудаленность от крупных внерегиональных центров силы, позволило бы Мьянме сократить свою зависимость от Китая, которая к середине 1990-х годов превратилась для нее в очень серьезную, экзистенциальную проблему. К тому времени Пекин занял фактически монопольную позицию на мьянманском внутреннем рынке, став крупнейшим поставщиком широкой номенклатуры товаров – от продукции легкой промышленности до современных систем вооружений. Китайские бизнесмены и контрабандисты легко проникали на территорию Мьянмы через не подконтрольные союзной администрации участки мьянманско-китайской границы и быстро натурализовывались, скупая удостоверения личности граждан страны у коррумпированных мьянманских чиновников⁹. Эта ситуация крайне беспокоила военное руководство Мьянмы, которое было вынуждено тем не менее игнорировать подобные факты, чтобы не вступать в конфронтацию с Пекином.

В-четвертых, две страны, с которыми Мьянма традиционно имела особо доверительные отношения – а именно, Индия и Япония, – оказались в числе ярых критиков нового военного режима. Индия, «самая большая демократия мира», открыто поддержала мьянманскую продемократическую оппозицию, поскольку между лидером НЛД, До Аун Сан Су Чжи, и тогдашним премьер-ми-

нистром Индии, Радживом Ганди, существовали теплые личные отношения. Мать мьянманской оппозиционерки, До Кхин Чжи, в 1961–1967 гг. возглавляла посольство Мьянмы в Индии, где ее дочь познакомилась с сыновьями Индиры Ганди, Санджаем и Радживом¹⁰. Эта дружба, пронесенная сквозь десятилетия, стала причиной существенного охлаждения индийско-мьянманских отношений в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Что касается Японии, то, будучи государством-членом «Большой семерки», она присоединилась к западным санкциям против Мьянмы, приостановив официальную помощь развитию (ОПР), предоставлявшуюся этой стране. Лишившись весомого политического и экономического балансира, позволявшего частично сглаживать последствия нарастающего давления со стороны Китая, мьянманский Госсовет был вынужден искать альтернативу индийской и японской поддержке в лице регионального объединения государств Юго-Восточной Азии.

Инкорпорирование Мьянмы и стран Восточного Индокитая в состав АСЕАН было выгодно и самим асеановцам, поскольку они тем самым не только укрепляли свой геостратегический периметр, не давая Пекину закрепиться на территории Индокитая, но и получали новые перспективные рынки и дополнительный доступ к источникам ценных природных ресурсов (в том числе энергетических)¹¹. Вместе с тем вступление Мьянмы в региональную организацию Юго-Восточной Азии на правах ее полноценного участника категорически не устраивало западных партнеров АСЕАН по диалогу, которые предпочли бы видеть ее «государством-изгоем», наподобие Ирана или Северной Кореи. Любая международная легитимация мьянманского Госсовета, «украденная» у НЛД победу на выборах в мае 1990 г., была для них неприемлема. Однако АСЕАН проявила неожиданную неуступчивость, обосновывая свою позицию тем, что Мьянме требуется «социализация» в области прав человека и только политика «конструктивного вовлечения» способна принести свои позитивные плоды.

Среди ярых противников принятия Мьянмы в АСЕАН числились такие влиятельные фигуры, как американский финансист венгер-

ского происхождения Джордж Сорос, известный филантроп и борец с авторитарными режимами по всему миру. В 1994 г. принадлежащий Дж. Соросу фонд «Открытое общество» запустил отдельный мьянманский проект, формально преследовавший благотворительные и культурно-просветительские цели, но на деле активно занимавшийся финансовой поддержкой мьянманских диссидентов и идеологической подготовкой продемократических активистов. По странному совпадению, незадолго до вступления Мьянмы в АСЕАН международные спекулянты обрушили тайландский рынок ценных бумаг, спровоцировав азиатский финансовый кризис 1997–1998 гг. Но, несмотря на все усилия западных стратегов и лоббистов, положительное решение по Мьянме было принято, и 23 июля 1997 г. она стала полноправным членом Ассоциации.

Проблемы и достижения

Отношения Мьянмы с ее партнерами по АСЕАН изначально были непростыми. Долгое время, несмотря на полноценный официальный статус страны-участницы Ассоциации, ее членство оставалось ограниченным, а порой и вовсе номинальным. Так, Брюссель категорически возражал против участия Мьянмы в межрегиональном форуме Азия–Европа (АСЕМ) в качестве делегата со стороны АСЕАН. Европейская и азиатская стороны не сразу смогли прийти к компромиссу по этому вопросу. Положительного решения по Мьянме удалось добиться лишь на Ханойском саммите, состоявшемся в октябре 2004 г., когда АСЕАН заблокировала вступление в АСЕМ десяти новых членов ЕС до тех пор, пока участие Камбоджи, Лаоса и Мьянмы не будет одобрено. Эта пакетная сделка продемонстрировала решимость АСЕАН отстаивать свою позицию в отношении Мьянмы, несмотря на недовольство западных партнеров. Вместе с тем с годами эта решимость, не всегда подкреплявшаяся ответными шагами Янгона/Нейпидо, начала ослабевать.

Впрочем, нельзя сказать, что Мьянма не ценила свое членство в АСЕАН или сознательно саботировала усилия Ассоциации по

гармонизации отношений с внешним миром. Мьянманское правительство периодически прислушивалось к советам и рекомендациям своих соседей по региону, особенно если эти советы высказывались в ненавязчивой, деликатной форме. Так, в июле–августе 2003 г. на форуме «Азия–Европа», где присутствовал мьянманский министр иностранных дел У Вин Аун, руководством Таиланда был предложен неформальный проект «дорожной карты» для Мьянмы из пяти пунктов, предусматривающий: 1) освобождение До Аун Сан Су Чжи и других видных деятелей НД, томящихся за решеткой; 2) установление доверия между правительством и оппозицией; 3) разработку и принятие новой конституции; 4) подготовку к проведению парламентских выборов и 5) организацию свободных выборов в парламент.

Первоначально эта идея была встречена мьянманским руководством без энтузиазма, но уже в конце августа 2003 г. премьер-министр страны генерал Кхин Ньон представил мьянманской и мировой общественности доработанную и принятую Госсоветом «дорожную карту» к демократии, включающую семь пунктов: 1) созыв Национальной конвенции по выработке новой конституции, деятельность которой была приостановлена в 1996 г.; 2) поэтапное осуществление процесса, необходимого для перехода к «подлинной и дисциплинированной демократии»; 3) разработка новой конституции в соответствии с базовыми принципами, заложенными Национальной конвенцией; 4) принятие конституции на национальном референдуме; 5) проведение свободных и честных выборов в Союзную Ассамблею (общенациональный законодательный орган) в соответствии с новой конституцией; 6) открытие Союзной Ассамблеи нового созыва в соответствии с новой конституцией; 7) строительство современной, развитой и демократической нации под руководством лидеров государства, избранных Союзной Ассамблеей, а также правительства и других центральных органов власти, сформированных Ассамблеей¹².

Кроме того, в 2004 г. АСЕАН удалось настоять на том, чтобы Мьянма, охваченная политическим кризисом, добровольно отка-

залась от проведения на своей территории очередного саммита АСЕАН (который в итоге принял у себя Лаос). Летом–осенью 2007 г., в разгар так называемой «шафрановой революции» (антиправительственных выступлений против повышения цен на топливо, в которых активное участие принимали буддийские монахи), Сингапур как председатель Ассоциации высказал глубокую озабоченность событиями, разворачивающимися в Мьянме, призвав все стороны к мирному диалогу. Трудно сказать, насколько мнение АСЕАН оказалось услышано в Нейпидо, тем не менее показательным стало заявление мьянманского правительства о том, что первые три пункта его «дорожной карты» уже выполнены и можно переходить к четвертому пункту – проведению референдума по новой конституции. Этот шаг, безусловно, был позитивно встречен лидерами стран АСЕАН, не теряющими надежду на постепенную эволюцию правящего режима Мьянмы в сторону большей либерализации и демократизации.

Текст новой мьянманской конституции в окончательной редакции был опубликован 9 апреля, а сам референдум был назначен на 10 мая 2008 г. Однако за неделю до запланированной даты всенародного волеизъявления на южную часть Мьянмы обрушился тропический циклон Наргиз, причинивший катастрофические разрушения: гибель около двухсот тысяч человек, разрушение жилых домов, потерю семенного фонда и тяглогового домашнего скота, засоление плодородных пахотных земель в дельте Иравади морской водой. Тем не менее Госсовет даже в условиях масштабного природного бедствия, от которого пострадало не менее 2,5 млн человек, не стал отменять референдум по конституции, а лишь отсрочил голосование в пострадавших районах, перенеся плебисцит на 24 мая. Это решение мьянманских властей глубоко возмутило мировое сообщество, требующее от Нейпидо отказаться от проведения референдума и разрешить международным волонтерам оказывать гуманитарную помощь жителям регионов, наиболее пострадавших от последствий циклона. Однако Госсовет, в свою очередь, потребовал от международных благотворительных орга-

низаций предоставлять помощь нуждающемуся в ней населению Мьянмы исключительно по официальным каналам, на что получил принципиальный отказ.

В этой ситуации страны-члены АСЕАН, собравшись на экстренное совещание 19 мая, сформировали рабочую группу по гуманитарной помощи пострадавшим от циклона Наргиз, которую возглавил Генеральный секретарь Ассоциации, бывший министр иностранных дел Таиланда Сурин Питсуван. Благодаря ее активной деятельности, асеановцам удалось усадить за стол переговоров представителей мьянманского правительства и чиновников ООН, что помогло устранить взаимные опасения и доставить гуманитарную помощь тем, кто в ней действительно нуждался. Таким образом, АСЕАН сыграла чрезвычайно важную роль в нормализации отношений Госсовета с внешним миром. Этот жест доброй воли был по достоинству оценен мьянманским правительством, и оно приложило все усилия для реализации своей «дорожной карты», способной улучшить его изрядно подпорченный майскими событиями международный имидж.

В соответствии с принятой под надзором военных конституцией 7 ноября 2010 г. были проведены первые за тридцать лет всеобщие выборы в союзный парламент. Главная оппозиционная партия, НЛД, отказалась пройти предвыборную регистрацию, поскольку ее бессменный лидер, До Аун Сан Су Чжи, находилась под домашним арестом. Предсказуемо на выборах победу одержала проармейская Партия солидарности и развития Союза (ПСРП), возглавляемая бывшим премьер-министром страны, отставным генералом У Тейн Сейном. 30 марта 2011 г. председатель Госсовета Тан Шве официально передал властные полномочия новому главе государства, завершив тем самым длительный период военного правления в Мьянме. В ответ на это 17 ноября 2011 г. на XIX Саммите АСЕАН было официально объявлено о том, что лидеры стран Юго-Восточной Азии, учитывая положительную политическую динамику, приняли решение предоставить Мьянме право в 2014 г. занять кресло председателя Ассоциации.

Постепенно к политическому диалогу с Нейпйидо начали подключаться и страны Запада. В 2011–2012 гг. Мьянму посетили главы внешнеполитических ведомств США, Великобритании, Франции, Канады. После сокрушительной победы НЛД на довыборах 2012 г. ведущие развитые державы начали ослаблять санкции, введенные ими ранее против отдельных представителей мьянманского бизнеса и правящей элиты. Действующий на тот момент президент США Барак Обама дважды (в 2012 и 2014 гг.) приезжал в Мьянму, где встречался с До Аун Сан Су Чжи и другими видными оппозиционерами. Кульминацией процесса демократизации, запущенного мьянманскими военными, стала убедительная победа НЛД на всеобщих парламентских выборах 8 ноября 2015 г. Лидеры АСЕАН с удовлетворением признали результаты этих выборов, рассчитывая, что новое правительство страны будет обладать безупречной репутацией в области защиты прав человека (и, соответственно, «мьянманский вопрос» перестанет быть постоянным раздражителем в отношениях Ассоциации со странами Запада). Но их надеждам не суждено было сбыться.

Партнерство под угрозой?

Буквально через полгода после прихода к власти НЛД новое демократическое правительство, в котором До Аун Сан Су Чжи заняла пост государственного советника (неконституционная должность, введенная *ad hoc*, примерно соответствует рангу премьер-министра), столкнулось с очередным обострением рохинджийского конфликта. Взаимная неприязнь между коренным буддийским населением Ракхайнской национальной области и представителями непризнанной мусульманской народности бенгальского происхождения, компактно проживающими на севере Ракхайна и называющими себя «рохинджа», подспудно тлела уже многие десятилетия, периодически разгораясь до грубых оскорблений на религиозной почве, недоказанных обвинений в умышленном нанесении вреда и причинении ущерба, а также агрессивных нападений и жестоких

погромов. Однако на этот раз ситуация вышла далеко за рамки типичной коммунальной розни.

9 октября 2016 г. три пограничных поста в Маундо и Ратейдауне (западные районы Мьянмы, граничащие с Бангладеш) подверглись скоординированным нападениям рохинджийских боевиков, которых насчитывалось около четырехсот человек. Основную массу нападавших составили жители окрестных деревень, а руководил ими полевой командир Ата Улла — выходец из семьи эмигрантов-рохинджа, прошедший боевую подготовку в лагерях исламистов на территории Пакистана и Афганистана. В результате этих терактов погибли сотрудники пограничной полиции, было похищено огнестрельное оружие и боеприпасы. Ответственность за происшедшее взяла на себя группировка под названием «Движение веры», позднее переименованная в «Армию спасения рохинджей Аракана»¹³. В ответ на эту кровавую провокацию мьянманские силовые структуры начали полномасштабную контртеррористическую операцию. Дестабилизация обстановки в Ракхайне привела к тому, что, по данным ООН, около 860 тыс. рохинджа были вынуждены покинуть места, куда их предки переселились из Британской Индии еще в середине XIX в., и бежать в соседнюю Бангладеш¹⁴.

В свете этих событий мировое сообщество ожидало от До Аун Сан Су Чжи, получившей в 1991 г. Нобелевскую премию мира за свою правозащитную деятельность, каких-то действий или хотя бы высказываний в поддержку рохинджа. Но она молчала. Тогда на портале *Change.Org* появилась петиция, созданная группой индонезийских активистов, с требованием лишить ее звания нобелевского лауреата, которая быстро набрала популярность¹⁵. Многие западные наблюдатели были шокированы тем, что До Аун Сан Су Чжи не только не возвысила голос в защиту рохинджа, но и лично отправилась в Международный суд ООН в Гааге, чтобы опровергнуть обвинения в геноциде, предъявленные Мьянме Гамбией, одной из стран-участниц Организации исламского сотрудничества (ОИС), в ноябре 2019 г. Кроме того, мьянманское руководство заявило о неправомерности судебного производства, возбужденного против

Мьянмы Международным уголовным судом (также находящимся в Гааге), в связи с тем, что Мьянма не подписывала Римский статут 1998 г., согласно которому был учрежден МУС, и неподсудна его решениям¹⁶.

Вся эта ситуация рикошетом ударила по АСЕАН, которая была вынуждена очередной раз оправдываться перед мировым сообществом за «некорректное» поведение одного из ее членов. Проблема мусульман-рохинджа расколола Ассоциацию по конфессиональному признаку: в то время как большая часть государств-членов выразила понимание мьянманской позиции, такие влиятельные мусульманские страны, как Малайзия и Индонезия, обрушились на Нейпидо с резкой критикой, протестуя против негуманного обращения с их единоверцами. Региональная общественная организация «Парламентарии АСЕАН за права человека» выступила с публичным порицанием своих правительств за их неспособность принять согласованное решение по спасению рохинджа от произвола мьянманских властей. Один из влиятельнейших политиков Юго-Восточной Азии, Махатхир Мохамад, заявил о том, что он глубоко разочарован политикой Су Чжи в отношении рохинджа и ее попытками «защитить то, что недопустимо защищать»¹⁷.

Однако основная доля осуждения досталась все-таки не гражданскому, а военному руководству Мьянмы, которое непосредственно планировало и осуществляло контртеррористическую операцию в Ракхайне. В силу особенностей мьянманской Конституции 2008 г., все силовые структуры на тот момент подчинялись Верховному главнокомандующему вооруженными силами Мьянмы, старшему генералу Мин Аун Хайну. Именно этот человек, по версии международных правозащитников, должен был нести ответственность за всевозможные правонарушения, совершенные его подчиненными во время проведения зачисток рохинджийских поселений от террористов. При этом доводы мьянманской стороны, свидетельствующие о серьезности положения и опасности террористической угрозы, в том числе и для мирных жителей Ракхайна, страдающих от радикалов-исламистов, не принимались ими к сведению.

На фоне обострения рохинджийского кризиса очередным испытанием для АСЕАН стали события 1 февраля 2021 г. в Нейпидо, когда собравшийся на экстренное совещание Совет национальной обороны и безопасности Мьянмы отстранил от власти действующего президента У Вин Мьина, госсчетника До Аун Сан Су Чжи и других видных членов правящей партии, обвинив их в подгосовке результатов прошедших в ноябре 2020 г. всеобщих парламентских выборов. В соответствии с пунктом «С» статьи 40 Конституции 2008 г., гарантом исполнения которой являются вооруженные силы Мьянмы, в стране был установлен режим чрезвычайного положения и властные полномочия были переданы старшему генералу Мин Аун Хлайну. В ответ избранные от НДД депутаты нового созыва объявили о создании «правительства национального единства» и призвали своих сторонников к борьбе против «диктатуры». Сначала антиправительственные выступления носили мирный характер, но после их жесткого силового подавления армией и полицией, применявшими в том числе спецсредства и огнестрельное оружие, «городские партизаны» начали проводить ответные вооруженные акции, жестоко расправляясь с «предателями» и «пособниками кровавой хунты», подозреваемыми в симпатиях к военным.

Ввиду разворачивающихся событий лидеры АСЕАН оказались перед непростой дилеммой: признать законность смены власти в Нейпидо и смириться с новой реальностью, в которой им придется взаимодействовать с Мин Аун Хлайном как с главой временного правительства Мьянмы, или не признавать легитимность февральского переворота и потребовать (как они требовали от мьянманской армии уже не раз) освобождения До Аун Сан Су Чжи и других политических заключенных. В первом случае они попадали под яростный огонь зарубежной критики (а возможно, и под международные санкции) за открытую поддержку режима, который многие мьянманцы сами называли «диктаторским»; во втором они поступались основополагающим принципом АСЕАН — принципом невмешательства во внутренние дела друг друга. Кроме того, главам государств и правительств стран Юго-Восточной Азии необходимо

было учитывать мнение собственных граждан, зачастую полагающих, что АСЕАН слишком медленно реагирует на мьянманский политический кризис, который разрушает ее изнутри¹⁸.

В этих условиях 24 апреля 2021 г. лидеры АСЕАН собрались на внеочередной саммит в Джакарте, где Мьянму представлял председатель Государственного административного совета, старший генерал Мин Аун Хлайн. На встрече за закрытыми дверями обсуждалась текущая политическая обстановка в стране и предлагались варианты, способные вывести ситуацию из сложившегося тупика. Проблема усугублялась тем, что в рядах АСЕАН не было единства по поводу того, какую позицию следует занять в отношении мьянманских событий. Расхождение мнений не позволило государствам-членам Ассоциации выступить с совместным заявлением по результатам этого саммита. Тем не менее в финальном заявлении председателя АСЕАН (которым в 2021 г. являлся Бруней-Даруссалам) был упомянут «Консенсус из пяти пунктов», к которому в итоге пришли совещавшиеся:

1. Следует немедленно прекратить насилие в Мьянме, и все стороны должны приложить к этому максимум усилий.
2. Необходимо начать конструктивный диалог между сторонами конфликта, чтобы найти мирное решение в интересах всего народа.
3. Будет назначен специальный посланник председателя АСЕАН, который при помощи Генерального секретаря АСЕАН должен способствовать переговорному процессу.
4. АСЕАН предоставит Мьянме гуманитарную помощь через Координационный центр АСЕАН по гуманитарной помощи для ликвидации последствий катастроф.
5. Делегация специального посланника АСЕАН посетит Мьянму, чтобы встретиться со всеми вовлеченными в конфликт сторонами¹⁹.

Эти пять пунктов консенсуса, достигнутого в результате компромисса между Мин Аун Хлайном и лидерами остальных стран АСЕАН, так и не были полностью выполнены. Получив от мьянманских властей очередной отказ посетить До Аун Сан Су Чжи и свергнутого президента У Вин Мьина, находящихся под следствием,

специальный посланник АСЕАН, второй министр иностранных дел Брунея Эриван Юсоф передал полномочия своему камбоджийскому коллеге Прак Сокхону. Прак Сокхон, в отличие от своего предшественника, был более прагматичен и добился от мьянманских властей согласия на краткосрочный рабочий визит, который состоялся 21–23 марта 2022 г. Его сопровождали Генеральный секретарь АСЕАН Лим Джок Хой, исполнительный директор Координационного центра АСЕАН по гуманитарной помощи для ликвидации последствий катастроф Ли Ям Мин и другие официальные лица. Но, несмотря на определенный дипломатический прогресс, встретиться с арестованным руководством НЛД ему также не удалось.

После срыва миссии Эривана Юсофа АСЕАН проявила ранее не свойственную ей принципиальность и отказала Мин Аун Хлайну в праве дальнейшего участия в асеановских саммитах, пригласив взамен некоего «неполитического представителя», который мог бы замещать мьянманское руководство на переговорах глав государств и правительств АСЕАН. Однако Мьянма отказалась от такого сублимированного участия в деятельности Ассоциации, справедливо указав на то, что введение подобных мер, открыто дискриминирующих одно из государств — ее членов, категорически недопустимо и противоречит основополагающим документам АСЕАН. Между тем эта мера во многом была вынужденной, поскольку в текущей геополитической обстановке странам Юго-Восточной Азии приходилось считаться с тем, как на их решения отреагируют в Пекине и Вашингтоне. Оставив место Мьянмы вакантным, они избавляли себя от необходимости выбирать между созданным военными Государственным административным советом (ГАС), фактически контролирующим ситуацию в стране, и самопровозглашенным Правительством национального единства (ПНЕ), координирующим подрывную деятельность проамериканских активистов из-за рубежа.

Не вдаваясь в причины февральских событий 2021 г., попробуем оценить, насколько предсказуемыми были их последствия для самой Мьянмы и для АСЕАН в целом. Если говорить откровенно, то мьян-

манский сюжет был вполне типичен для Юго-Восточной Азии, где вмешательство армии в политический процесс не является чем-то экстраординарным. В одном лишь сопредельном Таиланде с момента провозглашения конституционной монархии (1932 г.) власть сменялась непарламентским путем тринадцать раз. Последний раз тайландские военные свергли демократически избранное правительство Йинглак Чиннават в мае 2014 г., точно так же, как свергли правительство ее брата Таксина Чиннавата в сентябре 2006 г. Однако реакция мирового сообщества на события в Таиланде и в том, и в другом случае была несравненно мягче, нежели в случае Мьянмы.

Возникает закономерный вопрос: чем Мьянма принципиально отличается от Таиланда и других стран-партнеров по АСЕАН? Что определило такое резко негативное отношение к ней в западных столицах?

Начать, наверное, следует с анализа того геополитического фона, на котором разворачивались события вокруг Мьянмы. Это крупнейшее государство Индокитая, расположенное на побережье Бенгальского залива, являлось (и продолжает оставаться) стратегически значимым объектом американо-китайского соперничества. США на протяжении десятилетий формировали благоприятный международный имидж лидера мьянманской продемократической оппозиции, и есть основания полагать, что электоральные кампании ее партии готовили опытные политтехнологи, прекрасно владеющие методами убеждения колеблющегося избирателя²⁰. В Вашингтоне с энтузиазмом встретили победу НЛД на довыборах 2012 г. и на последующих всеобщих парламентских выборах 2015 г., рассчитывая, по-видимому, что До Аун Сан Су Чжи, придя к власти, будет проводить проамериканскую политику. Но реальность обманула все ожидания: свой первый зарубежный визит госпожа госсветник нанесла не в Вашингтон, а в Пекин и в дальнейшем придерживалась скорее прокитайского курса.

Ответные меры из Вашингтона не заставили себя ждать. Внезапно обострившийся рохинджийский конфликт и последовавшая за ним кампания откровенной травли До Аун Сан Су Чжи в мировых

средствах массовой информации немало способствовали развенчанию ее тщательно конструированного образа бескомпромиссной правозащитницы, которой некогда восхищался весь мир. Взамен в 2017 г. было создано янгонское отделение фонда «Открытое общество», принадлежавшего Дж. Соросу, в задачи которого входила поддержка «нового поколения политических лидеров, которые смогут обеспечить проведение демократических реформ в стране»²¹. Очевидно, что, разочаровавшись в бывшей диссидентке, Вашингтон начал готовить ей смену в лице молодых (и легко управляемых) мьянманских активистов. К чему привела такая политика, наглядно продемонстрировали события «весенней революции», последовавшей за февральским переворотом 2021 г. Выдвижение новых лидеров продемократического движения способствовало превращению До Аун Сан Су Чжи в икону-фантома и потере старыми (во всех отношениях) руководителями НЛД рычагов влияния на молодое, более радикальное поколение мьянманских революционеров. «Поколение Z», как они сами себя называют, поддерживает тесные контакты со своими соратниками за рубежом посредством соцсетей, обмениваясь опытом организации протестных и террористических акций в городских условиях, а их информационную и финансовую поддержку обеспечивает самопровозглашенное «правительство национального единства», которое действует от лица До Аун Сан Су Чжи, пока она находится в заключении.

Все эти факторы объясняют, почему интеграция Мьянмы в ряды АСЕАН оказалась гораздо сложнее, чем интеграция социалистических Вьетнама и Лаоса, и даже сложнее, чем интеграция постполпотовской Камбоджи.

Что же должно измениться, чтобы эта интеграция удалась?

Как представляется, возможных вариантов для Мьянмы у АСЕАН не много. Лимит готовности стран-участниц Ассоциации оказывать мьянманскому режиму открытую поддержку уже практически на исходе. Единственное, что может помочь нормализовать мьянманско-асеановские отношения, — это проведение свободных и честных выборов, на которых будет представлен весь спектр политических

партий страны, включая опальную НЛД. Тем не менее нет гарантии, что даже электоральная победа способна придать международную легитимность нынешним мьянманским властям, поскольку против них запущен мощный маховик западной пропаганды, нацеленной на легитимацию подпольного «правительства национального единства» и его боевого крыла — «сил народной обороны» (объявлены официальным Нейпидо террористическими организациями). Учитывая то, что нынешнее правительство страны в значительной степени ориентировано на Россию, в условиях антироссийской истерии, захлестнувшей США и их союзников, рассчитывать на его международное признание маловероятно. Ситуацию может спасти лишь позиция Пекина, который, похоже, готов поддержать Мин Аун Хайна в его борьбе с активистами «Поколения Z», входящими в так называемый «Альянс любителей чая с молоком» (*Milk Tea Alliance*), памятуя об их антикитайских демаршах и тесных связях с инициаторами гонконгских протестов 2019–2020 гг. В любом случае АСЕАН придется выбирать одну из сторон в американско-китайском противостоянии, чего они всеми силами стремятся избежать (и до сих пор им это удавалось). Поэтому, скорее всего, решение временно ограничить мьянманское присутствие на саммитах и встречах АСЕАН до уровня «неполитического представителя» останется для Ассоциации наилучшей стратегией на ближайшие пару лет.

Примечания

- ¹ См.: *Ефремова К.А.* Кризис вокруг рохинджа: национальные, региональные и глобальные аспекты // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2018. Т. 1. № 1 (38). С. 144–160.
- ² Цит. по: *Листопадов Н.А.* Особенности внешней политики Мьянмы (Бирмы): История и геополитика. М.: Научная книга, 1998. С. 160.
- ³ *Jorgensen-Dahl A.* Regional Organization and Order in South-East Asia. L.: Macmillan, 1982. P. 91.
- ⁴ *Юй Динбан.* Чжун-мянь гуаньси ши. Бэйцзин: Гуанмин жибао чубаньшэ, 2000. = 余定邦. 中緬关系史. 北京: 光明日报出版社 (История китайско-мьянманских отношений), 2000 年. С. 349–350.

- ⁵ Хантингтон С.П. Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. — 368 с.
- ⁶ Marchi L. ASEAN vis-à-vis Myanmar: what influences at play? // The London School of Economics and Political Science Working Paper. 2014. P. 3.
- ⁷ «Mr. Chatichai gave the symposium its theme when he announced on taking of office nine months ago, as Thailand's first elected leader since 1976, that he wanted to turn Indochina "from a battlefield into a marketplace". [Цит. по: *Erlanger S.* Thailand Seeks to Shape a 'Golden Peninsula' // *The New York Times*. 1989. April 30. Section 1. P. 19. URL: <https://www.nytimes.com/1989/04/30/world/thailand-seeks-to-shape-a-golden-peninsula.html> (accessed: 15.06.2022).
- ⁸ *Mya Than.* Myanmar in ASEAN: Regional Cooperation Experience. Singapore: ISEAS, 2005. P. 84–85.
- ⁹ *Mya Maung.* On the Road to Mandalay: A Case Study of the Sinonization of Upper Burma // *Asian Survey*. 1994. No. 5 (34). P. 453.
- ¹⁰ *Листопадов Н.А.* Загадка Су Чжи // *Азия и Африка сегодня*. 1998. № 1. С. 47–48.
- ¹¹ *Cribb R.* Burma's entry into ASEAN: Background and implications // *Asian Perspective*. 1998. No. 3 (22). P. 49–62.
- ¹² *Ефремова К.А.* Бирма/Мьянма: парадоксы демократического транзита (1987–2017). М.: МГИМО-Университет, 2018. С. 122–123.
- ¹³ Myanmar: A New Muslim Insurgency in Rakhine State. ICG Asia Report № 283. 15 December 2016. URL: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/283-myanmar-a-new-muslim-insurgency-in-rakhine-state.pdf> (accessed: 15.06.2022).
- ¹⁴ Доклад по ситуации в Мьянме описывает продолжающиеся нарушения прав человека // Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. 17.09.2020. URL: <https://www.ohchr.org/ru/stories/2020/09/myanmar-report-details-ongoing-human-rights-violations> (дата обращения: 15.06.2022).
- ¹⁵ Take back Aung San Suu Kyi's Nobel Peace Prize // *Change.Org*. URL: <https://www.change.org/p/take-back-aung-san-suu-kyi-s-nobel-peace-prize> (accessed: 15.06.2022).
- ¹⁶ *Симония А.А.* Гаагский процесс: Аун Сан Су Чжи отрицает геноцид в Мьянме // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*. 2020. № 46 (1). С. 118.
- ¹⁷ 'Defending the indefensible': Malaysia's Mahathir slams Suu Kyi over Rohingya crisis // *Reuters*. Singapore. 2018. November 13. URL: <https://www.reuters.com/article/us-asean-summit-malaysia-myanmar-idUSKCN1N12W> (accessed: 15.06.2022).
- ¹⁸ *The State of Southeast Asia: 2022 Survey Report*. Singapore: ISEAS – Yusof Ishak Institute, 2022. P. 15–18.
- ¹⁹ Chairman's Statement on the ASEAN Leaders' Meeting, 24 April 2021, ASEAN Secretariat, Jakarta, Republic of Indonesia. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/Chairmans-Statement-on-ALM-Five-Point-Consensus-24-April-2021-FINAL-a-1.pdf> (accessed: 15.06.2022).
- ²⁰ *Козьма П.Н.* Сказки о «весенней революции» // *ЖЖ «Житель Янгона»*. 10.08.2021. URL: <https://dragon-naga.livejournal.com/86681.html> (дата обращения: 15.06.2022).
- ²¹ The Open Society Foundations in Myanmar // *The Open Society Foundations*. 19.01.2021. URL: <https://www.opensocietyfoundations.org/newsroom/the-open-society-foundations-in-myanmar> (accessed: 15.06.2022).

Глава 14

Дилеммы внешней политики Индонезии в отношении АСЕАН

АННОТАЦИЯ: Глава посвящена проблеме содержания и концептуализации внешней политики Индонезии в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Основное внимание уделяется конструктивистскому анализу проблемы взаимозависимости индонезийской внешней политики и развития АСЕАН. Этот феномен проявляется, с одной стороны, в том, что АСЕАН необходима Индонезии для транслирования в мир своего понимания мироустройства и реализации национальных интересов на региональном и глобальном уровнях, а с другой стороны, в том, что Индонезия оказывает прямое влияние на формирование ценностных основ и институциональных механизмов Ассоциации, а также способствует консолидации позиций стран «десятки» по ключевым вопросам. Соответственно, снижение приоритетности АСЕАН для Индонезии или снижение ее роли внутри Ассоциации способны существенно повлиять на эффективное функционирование интеграции в условиях трансформации современного миропорядка. Не меньшее значение имеет анализ того, как Индонезия исторически позиционирует себя внутри АСЕАН и как определяет пути ее развития в будущем. Также рассматриваются основные инициативы Индонезии по организации институциональной структуры Ассоциации. Уделяется внимание тому, как АСЕАН способна институционально ограничивать возможности внешней политики Индонезии. В концептуальном плане авторский анализ опирается на поло-

жения конструктивистского направления в теории международных отношений. Современная внешняя политика Индонезии на асеановском направлении рассматривается через призму наиболее значимых примеров (кейсов) реализации этой политики с точки зрения взаимодействия и взаимовлияния Индонезии и АСЕАН на усиление или ограничение субъектности друг друга в рамках системы международных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, Индонезия, конструктивизм, дипломатия, интеграция, Юго-Восточная Азия, ценностная сила, нормативная сила, идентичность, политическая культура.

ABSTRACT: This chapter provides the Indonesian foreign policy overview and conceptualization within the framework of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN). The general attention is paid to the constructivist analysis of the issue of interdependence between Indonesian foreign policy and the development of ASEAN. On the one hand, ASEAN is indispensable for Indonesia in terms of broadcasting its worldview and implementing national interests at the regional and global levels. On the other hand, Indonesia directly influences the values and institutional mechanisms formation within ASEAN, as well as, contributes to the consolidation of the ten countries' positions on the key issues of the ASEAN's agenda. Therefore, reducing the priority of ASEAN for Indonesia or reducing its role within the Association can significantly affect the proper functioning of regional integration in the context of the contemporary world transformation. Equally important is the analysis of how Indonesia has historically positioned itself within ASEAN and how it determines the path of its development in the future. The author also considers main Indonesia's initiatives for ASEAN institutional development. The chapter also looks at the institutional limits of ASEAN from the viewpoint of Indonesia's foreign policy. Thus, applying constructivist theory and the case method, the author analyzes the contemporary foreign policy of Indonesia towards ASEAN as well as the most remarkable cases of this policy's implementation from the point of interaction and mutual influence between Indonesia and ASEAN on strengthening or limiting each other's capabilities within the international relations system.

KEYWORDS: ASEAN, Indonesia, constructivism, diplomacy, integration, Southeast Asia, value power, normative power, identity, political culture.

Введение

ИНДОНЕЗИЯ является одной из стран-основательниц АСЕАН и часто воспринимается исследователями в качестве регионального лидера, ведущей страны Ассоциации. Это положение обусловлено тем, что Индонезия изначально играла значительную роль в развитии региональной интеграции, содействовала выработке совместных принципов взаимодействия стран региона, их общих ценностей и механизмов функционирования АСЕАН. В то же время АСЕАН для Индонезии, в некоторой степени, выступала ограничителем внешней политики, особенно в решении принципиальных региональных вопросов, связанных с применением силы или политики давления. Именно поэтому в определенные периоды истории Индонезия зачастую принимала политические решения, соответствовавшие прежде всего ее национальным интересам, но тормозившие развитие региональной интеграции¹. Такая двойственность в подходах к региональной политике обусловлена традиционной дилеммой индонезийской дипломатии, связанной, с одной стороны, с необходимостью усиления внутренних позиций, в том числе и в географической зоне своего влияния (островной части Юго-Восточной Азии, или Нусантары), а с другой — с продвижением регионального и глобального авторитета Индонезии как значимого актора и международного посредника².

Актуальность настоящего исследования, таким образом, заключается в необходимости изучения уникального положения Индонезии как страны, способной влиять на ценностную структуру, цели и задачи АСЕАН, но в то же время как политической силы, в значительной степени зависимой от АСЕАН, которая, в свою очередь, является краеугольным камнем индонезийской дипломатии.

Перед Индонезией сегодня по-прежнему стоит историческая задача построения сбалансированной взаимозависимости между глобально ориентированной и регионально ориентированной внешней политикой³. Выход Индонезии на общемировой уровень как средней державы с ограниченным глобальным влиянием спо-

собен повлиять на снижение приоритетности АСЕАН во внешней политике страны и, соответственно, на вовлеченность Индонезии в поддержание стабильности и даже жизнеспособности Ассоциации. Аналогично потенциальная изоляция и снижение уровня внешнеполитических амбиций Джакарты в связи с возможными политическими и экономическими кризисами внутри страны и в мире также в значительной степени повлияет на способность Ассоциации к принятию эффективных решений, поскольку Индонезия была и остается серьезной нормативной и ценностной силой, претендующей на консолидацию АСЕАН по региональным и глобальным вопросам.

Другой проблемой, на которую следует обратить внимание, является внутреннее восприятие АСЕАН в Индонезии как важной площадки для прямой реализации и трансляции в мир индонезийских подходов к мироустройству. Эти подходы основаны на идеологии-философии Панча Сила и концептуальных доктринах общественно-политической мысли Индонезии⁴. В современном мире, где способность акторов международных отношений к созданию ценностей и норм поведения выступает важным ресурсом влияния на мировой порядок, АСЕАН приобретает особую значимость для Индонезии. АСЕАН также является частью исторической идентичности Индонезии, и множество сюжетов и кейсов, связанных с успехом индонезийской дипломатии, относятся к деятельности Индонезии в АСЕАН.

Концептуально также можно предположить, что свойственные АСЕАН принципы нейтралитета и консенсуса проявлялись во внешней политике Индонезии еще в период борьбы за независимость. Ранее, в период расцвета национально-освободительных движений, индонезийская антиколониальная и нейтралистская риторика также значительно повлияла на социально-политическую мысль в Юго-Восточной Азии. Таким образом, к моменту формирования АСЕАН Индонезия уже обладала собственными развитыми идеологическими наработками, основанными на принципах социальной справедливости и осознания необходимости создания стабильной

системы регионального устройства. Активное участие Индонезии в создании и организации Движения неприсоединения повлияло на формирование ее имиджа как борца с колониализмом и империализмом на глобальном и региональном уровнях.

Однако важно отметить, что если в рамках Движения неприсоединения у Индонезии были серьезные «идеологические» конкуренты в лице Индии, Югославии, Египта и стран Африки, то в АСЕАН Индонезия долгое время оставалась наиболее опытной с точки зрения конструирования смыслов и определения мировоззренческих подходов молодых держав к региональному устройству. Отсюда следует, что необходимость исследования самоидентификации Индонезии в АСЕАН и восприятия ее элитами возможностей Ассоциации как проводника индонезийских ценностей придает теме настоящего исследования особую актуальность. Подход, представленный в главе, позволяет также проанализировать возможности конструктивистского инструментария для анализа процессов асеановского строительства, влияния ценностных аспектов на асеановское направление внешней политики крупнейшей страны Ассоциации.

Исходя из положений актуальности и научной проблемы данного исследования, следует определить и спектр задач, необходимых для подробного раскрытия указанной темы. В первую очередь важным представляется рассмотреть роль и место АСЕАН в структуре внешней политики Индонезии, что также включает анализ позиций и мнений представителей индонезийских национальных элит по участию Индонезии в деятельности Ассоциации на различных исторических этапах. Затем предлагается выявить степень влияния индонезийских ценностей политической культуры на становление принципов функционирования АСЕАН, ее миссии, целей и задач. Также необходимо рассмотреть реализацию индонезийских ценностей в рамках АСЕАН через воплощенные в жизнь инициативы Индонезии по развитию и трансформации механизмов функционирования Ассоциации, помимо этого, изучение проблемы взаимозависимости Индонезии и АСЕАН как разноуровневых акторов

региональной и глобальной политики также представляется интересным для подробного раскрытия темы.

Данное исследование проведено в рамках конструктивистской теории международных отношений и теории региональных исследований с применением ряда общенаучных принципов и методов. Методология также характеризуется использованием принципов историзма, научной объективности и достоверности, системного анализа. Основным подходом к исследованию в работе является историко-генетический подход, позволяющий проследить зарождение ключевых исторических особенностей развития внешней политики Индонезии в отношении АСЕАН и их трансформацию на протяжении истории. Подобный подход позволяет выявить преемственность между историческими этапами и рассмотреть развитие причинно-следственных связей в структуре индонезийской государственности, в рамках которых сформировались самобытные основы индонезийской внешней политики на асеановском направлении.

Предпосылки создания АСЕАН и роль Индонезии в формировании контуров региона Юго-Восточной Азии (1945–1967 гг.)

Лидеры Индонезии не только внесли существенный вклад в разработку концептуальных основ государственности внутри страны, но и в целом пытались оказать влияние на формирование региональной системы международных отношений и бороться с практикой колониализма на мировом уровне⁵. Эти идеи и конкретные шаги индонезийских элит по их реализации в значительной степени повлияли на развитие фундамента будущей АСЕАН и ее принципов.

В первую очередь, представляется важным обратить внимание на такую идею, как индонезийский нейтрализм. Идеологическое восприятие региональных проблем первым президентом Индонезии Сукарно основывалось на идее последовательного обо-

собления региона от угроз холодной войны, а соответственно, его нейтрального пути развития. Выбор одной из сторон конфликта грозил обернуться вовлечением молодых и недавно освобожденных стран в невыгодное блоковое противостояние⁶. Вместо этого Сукарно предложил рассматривать сверхдержавы как выгодных для развития союзников, которых, однако, следовало ограничить в возможностях влияния на регион в случае потенциального их возвращения в региональные дела в рамках неокOLONиальной политики. Сукарно также опасался влияния капиталистической системы, напрямую связывая ее с новыми формами зависимости развивающихся стран от развитых.

Действенным оружием отца-основателя Индонезии против двух систем стало наличие у индонезийцев своей национальной идеологии Панча Сила (пять принципов для построения индонезийского государства, предложенные Сукарно еще в 1945 г.) и индонезийского социализма – «мархаэнизма», отрицавшего классовую борьбу и делавшего акцент на национальном самосознании. Развитие подобной идеологии явилось следствием не только внешних общерегиональных, антиколониальных устремлений, но и внутренней необходимости построения государства на базе этнолингвистической и религиозной плюралистической модели, в условиях рассредоточения населения, занимавшего значительные и обособленные друг от друга территории⁷.

Отсюда следует, что у Индонезии изначально не было иного пути, помимо продвижения собственной модели государственного строительства как успешной и для других стран. Этот шаг позволил Индонезии составить конкуренцию другим популярным в регионе идеологиям. Предлагаемый Сукарно и другими лидерами «третий путь» опирался на усиление националистических тенденций стран региона, выгодных для национального строительства, процветания элит и довольства народа при высоком уровне стабильности. С учетом особой важности вопросов идентичности для стран, можно говорить о том, что индонезийская модель безусловно допускала заимствования извне некоторых капиталистических или социали-

стических элементов, но при условии сохранения собственного национального идеологического ядра.

Политическая система Индонезии с упором на национализм, мультиэтничность и мультиконфессиональность была близка общерегиональному постколониальному восприятию действительности в соседних с Индонезией странах. Обретя независимость, они в условиях нарастания противоречий холодной войны в очередной раз должны были, по мнению сверхдержав, выбирать сторону и путь развития. Этот подход мог отрицательно сказаться на возможностях развития самих государств региона, потому транслируемая Индонезией модель национальной самобытности рассматривалась многими как привлекательная и перспективная⁸.

Анализируя тезис о том, что созданию АСЕАН предшествовали попытки формирования региональных или внерегиональных объединений с участием стран ЮВА, необходимо обратить внимание на то, как лидеры стран региона пытались осмыслить будущую архитектуру регионального взаимодействия и роль Индонезии в этих процессах. Индонезия внесла активный вклад в деятельность Бандунгской конференции – конференции 29 стран Азии и Африки, прошедшей в Бандунге (Индонезия) 18–24 апреля 1955 г. Генеральным секретарем конференции был назначен Руслан Абдугани – в ту пору Генеральный секретарь Министерства иностранных дел Индонезии. В помещенной в заключительном коммюнике «Декларации о содействии всеобщему миру и сотрудничеству» конференция призвала к экономическому и культурному сотрудничеству между странами, к разоружению и запрещению производства, испытаний и применения атомного и термоядерного оружия, к урегулированию всех споров мирными средствами⁹. Она способствовала укреплению национального самосознания народов Азии и Африки и дальнейшему росту национально-освободительного движения.

После Бандунга последовала Белградская конференция 1961 г., ставшая решающей в деле создания Движения неприсоединения. Среди государств будущей АСЕАН на момент 1967 г. от ЮВА на конференции была представлена лишь Индонезия, объявившая свою

страну находившейся вне биполярной системы наряду с другими странами Движения.

Необходимо обратить внимание на то, что препятствием к сближению стран ЮВА в тот период выступила попытка Индонезии использовать военную силу в рамках индонезийско-малайзийской конфронтации. Президент Филиппин Диосдадо Макапагал обратился к премьер-министру Малайи Абдул Рахману и президенту Индонезии Сукарно с предложением о проведении встречи в трехстороннем формате. Так появилась на свет идея создания конфедерации малайских народов – Мафилиндо (акроним, образованный из первых букв названий стран-членов). Сторонами декларировалась приверженность сторон так называемой «Доктрине Макапагала», предусматривавшей развитие дружественных взаимоотношений и создание конфедерации Мафилиндо, а также оговаривались условия самоопределения территории британского Северного Борнео (Сабаха). Однако подобная инициатива наткнулась на противоречия сторон в отношении дальнейшей ее реализации¹⁰.

Стремление Индонезии закрепить за собой региональное лидерство столкнулось не только с внутренними противоречиями в Юго-Восточной Азии, но и с угрозой появления внешних игроков из стран капиталистического лагеря. Этому способствовали исторические связи Малайзии с Британией и Филиппин с США. 30 августа 1951 г. был заключен американо-филиппинский Договор о взаимной обороне, предполагавший размещение на Филиппинах военных баз США. Перед регионом встала опасность втягивания в холодную войну. В 1954–1956 гг. США инициировали создание аналогичного НАТО блока СЕАТО (Организация Договора Юго-Восточной Азии) в составе таких стран, как Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Пакистан, США, Таиланд, Филиппины, Франция¹¹.

Таким образом, на начальном этапе мы можем обозначить следующие ценностные ориентиры Индонезии, которые страна проецировала на региональные отношения, и проблемы, с которыми сталкивалось распространение этих ценностей (табл. 14.1).

Индонезийские ценности и принципы регионального устройства и препятствия к их реализации на разных уровнях 1945–1965 гг.

Уровень	Ценность/ принцип	Инструмент	Препятствие
Глобальный	Нейтрализм/неприсоединение	Развитие Движения неприсоединения, формирование его идеологических основ, антиколониальная борьба	Вмешательство сверхдержав и метрополий в политику молодых держав, неоколониализм и холодная война
Региональный	Выбор национализма и равноправной дипломатии суверенных государств как основной и удобной идеологии странами региона	Идеология Панча Сила, мархаэнизм и иные идеологические принципы, разработанные Сукарно и выгодно показывающие преимущества сосредоточения на самобытной националистической модели развития	Существование конкурирующих идеологий, влияющих на общества ЮВА, например коммунистической и социалистической
Национальный	Экономическое развитие без потрясений, укрепление экономики и социальной структуры, единства народов Индонезии, позитивный имидж Индонезии как сильной страны региона	Невмешательство страны в процессы холодной войны, ее нейтральный, но активный статус, равноудаленное сотрудничество со сверхдержавами	Идеологически обусловленные политические проекты президента Сукарно по эскалации конфронтации с Малайзией и присоединению Папуа, идеологические противоречия основных политических и религиозных сил в стране

Особенности асеановского направления внешней политики Сухарто (1965–1998 гг.)

Несмотря на то что после прихода к власти генерала Сухарто после переворота 1965 г. ключевую роль в политике и экономике страны начали играть военные, Сухарто видел в создании регионально-го блока хорошую возможность обеспечить Индонезии развитие, построенное на прагматизме в выборе партнеров, а не на революционных лозунгах и конфронтации в стиле его предшественника. В определенной степени новые подходы Сухарто к развитию Индонезии повлияли и на более положительный имидж страны у соседей, так как Сукарно по-прежнему ассоциировался с его геополитическими проектами последних лет нахождения у власти. Сухарто поддержал продолжение внешнеполитического курса Сукарно в части борьбы с колониализмом и формирования Движения неприсоединения, однако сделал упор на более позитивное восприятие развитых стран как источника технологий и концептуальных решений для развития Индонезии¹².

Философской базой консолидации АСЕАН в то время становится идея «азиатского нейтрализма». Война во Вьетнаме способствовала закреплению некоммунистических стран Юго-Восточной Азии на позициях отстраненности от Вашингтона, Москвы и Пекина. Другой важной идеей в тот период становится стремление к решению региональных вопросов силами стран региона без вовлечения крупных внешних акторов.

Нейтрализм не исключал возможности сохранения отдельными участниками АСЕАН соглашений с внешними державами в сфере безопасности, модернизации и наращивания собственных вооруженных сил, однако политика была направлена против активного военно-политического вмешательства внешних держав¹³. В 1971 г. эта философия нашла свое отражение в Декларации о превращении АСЕАН в зону мира, свободы и нейтралитета¹⁴. Однако, у Джакарты были, безусловно, у Джакарты были и свои оппоненты в лице Филиппин, Таиланда и Сингапура,

и если первые достаточно долгое время были союзниками США и хотели сохранить эти отношения, то Сингапур в том числе высказывал опасения по поводу намерений Индонезии или Малайзии «его поглотить», из-за чего также расценивал присутствие американцев в регионе как необходимое¹⁵. При этом, несмотря на некоторые расхождения в позициях с соседями, ценностная и нормативная сила Индонезии как лидера Ассоциации проявилась в трансформации вектора внешней политики вышеупомянутых стран в пользу более высокой вовлеченности в поддержание нейтрального статуса региона.

С 1974 г., после выхода Восточного Тимора из-под управления Португалии, Сухарто начал проводить активную политику присоединения этой территории. В 1980-х годах в связи с серьезными имиджевыми потерями из-за восточнотиморского кризиса Индонезия с подачи министра иностранных дел Мохтара Кусумаатмаджа резко активизировала усилия по улучшению внешнеполитического образа страны. С точки зрения развития АСЕАН для данного периода характерны усилия Индонезии по установлению безъядерной зоны в ЮВА. Еще в 1976 г. по инициативе Филиппин и Таиланда была распущена созданная в 1954 г. Организация Договора о коллективной безопасности в Юго-Восточной Азии (СЕАТО). Филиппины поставили вопрос о выводе американских военных баз, располагавшихся на территории страны на основании договора между США и Филиппинами о взаимной обороне от 1953 г. США также потеряли свои базы в Южном Вьетнаме. Все это в значительной степени привело к усилению позиций Индонезии и поддержке ее идей в отношении деятельности АСЕАН.

Необходимо отметить, что членство Индонезии в АСЕАН способствовало смягчению неблагоприятного влияния восточнотиморской кампании на региональное и международное положение страны. Ближайшие соседи Индонезии по региону воздержались от особо критических замечаний в адрес Джакарты. Индонезия извлекла выгоду из важнейшей составляющей «Метода АСЕАН» — невмешательства в дела друг друга, вследствие чего остальные

члены Ассоциации восприняли восточнотиморскую проблему как внутреннее дело самой Джакарты в зоне ее влияния. Параллельно с восточнотиморской кампанией Индонезия продолжала курс на формирование нормативной основы функционирования АСЕАН. Например, стоит отметить значительную роль Индонезии в проведении Балийского саммита АСЕАН в 1976 г., в ходе которого после подписания Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Декларации согласия АСЕАН было завершено договорное оформление АСЕАН. В первую очередь это можно охарактеризовать как демонстрацию солидарности национальных государств в условиях успехов консолидации коммунистических режимов в Индокитае¹⁶.

В 1980–1990-х годах обострился камбоджийский кризис, связанный с падением режима «красных кхмеров» и вводом вьетнамских войск в Камбоджу. Страны АСЕАН в этой связи собрались для обсуждения проблемы сохранения мира, безопасности в Юго-Восточной Азии. АСЕАН призвала все страны региона соблюдать принципы ООН и уважать независимость, суверенитет, территориальную целостность других стран. В начале 1980 г. Индонезия и Малайзия предприняли попытку поиска новых путей подхода к «камбоджийской проблеме». Результатом их деятельности явилась Куантанская декларация, которая призывала Советский Союз и Китай воздержаться от вмешательства во внутренние дела стран Индокитая. Индонезия при этом заявила, что «камбоджийская проблема» – проблема международная и на региональном уровне решена быть не может, потому также поддержала и ограниченное участие внешних акторов в процессе урегулирования.

Страны АСЕАН высказывались за «всеобъемлющее политическое урегулирование в Камбодже» и настаивали на проведении международной конференции под эгидой ООН. АСЕАН также выдвинула идею проведения неофициальной встречи в виде форума для начала диалога между Вьетнамом и Камбоджей¹⁷. Индонезия в дальнейшем поддержала волну расширения АСЕАН в 1980–1990 гг. и, что интересно, довольно прагматично подошла

к сотрудничеству со странами, которые ранее сама воспринимала как «угрозу региональной стабильности». Во многом это также можно связать с тенденцией к усилению процесса глобализации и необходимостью формирования более ярко выраженной субъектности АСЕАН. Некоторые исследователи даже полагают, что Индонезия, наоборот, воспринимала вхождение стран Индокитая в АСЕАН как фактор усиления стабильности и устойчивости Ассоциации в постбиполярный период, поскольку продвигаемые Индонезией инициативы и принятые документы распространялись бы теперь и на Индокитай. В 1995 г. странами АСЕАН был подписан Бангкокский договор о безъядерной зоне в ЮВА, который также существенно «осложнял жизнь» великим державам и их возможным планам полномасштабного военного присутствия, в том числе и с ядерными арсеналами в ЮВА.

В экономической сфере страны Ассоциации, при активном участии Индонезии, проводили линию на углубление внутрорегиональной интеграции и торговой либерализации на базе подписанного в 1992 г. Соглашения о создании Зоны свободной торговли АСЕАН (АФТА), рамочного соглашения о Зоне инвестиций АСЕАН (АИА) и схемы Промышленного сотрудничества АСЕАН (АИКО). Этот шаг Индонезии был воспринят как противоречащий ее прагматизму, поскольку во имя усиления экономической интеграции Индонезия жертвовала своим традиционным протекционистским и прагматическим курсом в экономике¹⁸.

Несмотря на эти благоприятные результаты, достигнутые при активном участии Индонезии, в период азиатского финансового кризиса 1997 г. страну накрыла волна сепаратизма, забастовок против президента Сухарто и резкого вывода инвестиций и иностранных капиталов из Индонезии, за которыми последовало и падение самого режима Сухарто, и ослабление региональной роли Индонезии. Таким образом, с учетом создания АСЕАН и развития активной роли Индонезии в регионе, мы можем наблюдать изменение в структуре индонезийских ценностей, принципов и интересов в отношении региональной интеграции (табл. 14.2).

Таблица 14.2

Индонезийские ценности и принципы регионального устройства

и препятствия к их реализации на разных уровнях, 1967–1998 гг.

Уровень	Ценность/принцип
Глобальный	Нейтрализм/прагматизм
Региональный	Усиление субъектности и нейтралитета АСЕАН как главного механизма интеграции, обеспечения экономического развития, безопасности и разрешения региональных противоречий
Национальный	Экономическое развитие без потрясений, укрепление экономики и социальной структуры, единства народов Индонезии, позитивный имидж Индонезии как сильной страны региона

Инструмент	Препятствие
Усиление роли Индонезии в ООН, участие в деятельности международных организаций, вовлечение в политические процессы мусульманского мира (палестинская проблема)	Холодная война, вмешательство сверхдержав в региональные дела и внутреннюю политику стран региона
Активное участие в создании и развитии структуры АСЕАН, выработка соглашений, договоров и иных концептуализирующих и сдерживающих нормативных механизмов сотрудничества, определяющих возможности и нормы поведения государств региона	Угрозы идеологического (коммунизм), военно-политического (военные успехи стран региона в сдерживании сверхдержав и строительстве конкурентных моделей (Вьетнам) и экономического характера (кризисы)
Невмешательство страны в процессы холодной войны, ее нейтральный, но активный статус, ограниченное сотрудничество со сверхдержавами с уклоном в прагматизм и стремление получить западные инвестиции и технологии	Военная операция Индонезии в Восточном Тиморе и военные действия на Папуа, противоречия военного режима, гражданских чиновников и религиозных о развитии внешней политики, секьюритизация внешней политики и усиление националистических тенденций и волюнтаризма в вопросах применения силовых стратегий в регионе

Роль Индонезии в конструировании институциональной системы АСЕАН на современном этапе (2004 г. — н.в.)

После свержения режима Сухарто перед Индонезией и ее политическими элитами встали задачи по преодолению последствий азиатского финансового кризиса 1997 г., коррупции, бюрократии и nepотизма «нового порядка», а также серьезных имиджевых последствий действий Индонезии в Восточном Тиморе. Нельзя говорить о том, что элиты периода «реформации» были новыми,

так как почти все деятели этого периода происходили из числа сухартовских приближенных, принявших демократизацию, либо были выходцами из числа подавляемых и ранее контролируемых режимом политических демократических или религиозных партий, имевших, однако, серьезное влияние на электорат и на общество в целом (как, например, Демократическая партия борьбы Индонезии Мегавати Сукарнопутри или мусульманская Партия единства и развития).

Последовательная политика согласования интересов новых и старых элит привела к идеологическому переформлению внешней и внутренней политики. Зависимость партий от народных настроений и высокая степень плюрализма поставили лидеров страны перед необходимостью проведения сбалансированных реальных реформ в сторону демократизации армии и снижения ее влияния на политику и общество, а также дебюрократизации госслужбы, в состав которой входил и МИД Индонезии, более не контролируемый военными назначенцами от имени президента. Стране удалось восстановить экономику, провести децентрализацию местного управления, преодолеть угрозу терроризма и сепаратизма отдельных территорий, пережить серьезные стихийные бедствия и даже разрешить миром противоречия по вопросу независимости Восточного Тимора¹⁹.

С возрождением экономической мощи Индонезии и успешного перехода к демократизации с индонезийской спецификой во внутренней политике в период «реформации» страна в очередной раз предприняла попытку взять на себя ведущую роль в АСЕАН путем продвижения идеи создания различных организаций по правам человека и демократизации в рамках Ассоциации, что отражало новый статус и идейную направленность внешней политики Индонезии как демократической державы. Исследователи отмечают, что наибольшей эффективности индонезийская дипломатия на асеановском направлении добилась уже после прихода к власти первого всенародно избранного президента Сусило Бамбанг Юдойоно. Безусловно, к этому моменту Индонезии вновь удалось в значительной степени восстановить свой политический и экономический потенциал.

Юдойоно учитывал преемственность идеологических и концептуальных основ индонезийской дипломатии при Сукарно и Сухарто. В связи с этим Панча Сила, концепция роли Индонезии как посредника и миротворца, а также доктрина «Активной и независимой внешней политики» сохранили свой особый статус. Основное внимание в рамках асеановской политики того периода необходи-

мо уделить деятельности двух влиятельных министров иностранных дел Индонезии — Хассана Вираюды (2001–2009 гг.) и Марти Наталегавы (2009–2014 гг.). С точки зрения концептуальных основ внешней политики они способствовали добавлению в арсенал индонезийской дипломатии таких концепций, как «Индонезия — лидер мусульманского мира»²⁰, «Индонезия — четвертая по населенности в мире демократия»²¹, «тысяча друзей и ни одного врага»²² и доктрина «динамического равновесия»²³. Важно отметить, что еще до прихода Юдойоно Вираюда занимавший пост министра иностранных дел при президенте Мегавати Сукарнопутри начал последовательную реформу внешней политики.

Эти нововведения позволили Индонезии стать более гибкой и адаптироваться к мировым событиям, представляя миру самобытные подходы к преодолению глобальных проблем. Например, Индонезия проявила себя как «борец с исламофобией» после терактов 11 сентября 2001 г. в США, но при этом поддержала необходимость коллективного противодействия мировому терроризму, предлагая взвешенный подход к оценке и разработке проблемы исламизма и религиозного экстремизма в мусульманской среде. Также Индонезия выступала за создание незападного понимания концепции прав человека и демократии, критикуя западный мир за недостаточное внимание к вопросам социальной справедливости и политизацию демократических идей как инструмента достижения национальных интересов.

После успеха «Балийского согласия» 1976 г., которое привело к заключению Договора о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии, Индонезия всячески стремилась усилить свою роль в рамках «Балийского согласия II», заключенного в 2003 г., с целью сделать большой скачок в экономике через усиление интеграции и уничтожение экономических барьеров в регионе. Также в рамках «Бали II» страны впервые дали определение «демократического мира»²⁴.

С точки зрения Индонезии проведение демократических принципов позволило бы сформировать собственный подход АСЕАН к уважению норм демократии и прав человека. Большую роль сы-

грала Индонезия в закреплении этих идей в Уставе АСЕАН 2007 г., поворотном документе, придавшем объединению международную правосубъектность в полном смысле этого слова²⁵. Предложения со стороны Индонезии включали отказ от политики невмешательства, основы политики Ассоциации начиная с ее формирования в 1960-х годах и учреждения органа по защите прав человека. Однако подобная структура изначально не была поддержана другими странами-членами и начала функционировать лишь в 2009 г.

Исходя из этого, также в рамках АСЕАН можно выделить два крупных института, инициатива создания которых была выдвинута Индонезией, в том числе и с целью закрепления и продвижения своего демократического образа. Эти институты – Сообщество АСЕАН в области политики и безопасности и Межправительственная комиссия АСЕАН по правам человека – формировались при активном участии вышеупомянутого Марти Наталегавы. Здесь мы можем наблюдать продвижение индонезийских ценностей в новом качестве, так как Сообщество в области политики и безопасности должно было способствовать выработке норм предотвращения конфликтов, а создание органа по защите прав человека должно было отразить намерения демократической Индонезии содействовать выработке самобытных асеановских подходов к этому важному понятию XXI в. Однако в ряде случаев институционализация оказалась недостаточной, так как упиралась в принципы суверенитета, которые не могли быть ограничены даже обязательствами внутри АСЕАН. Учитывая данный контекст, важно также рассмотреть, как Индонезия на современном этапе способствовала урегулированию проблем безопасности.

Политика Индонезии в области обеспечения региональной безопасности и урегулирование территориальных споров

Традиционно вопросы безопасности являются значимыми для индонезийской внешней политики в рамках АСЕАН. С появлением угроз нового типа, таких как терроризм и религиозный экстре-

мизм, перед лицом которых Индонезия оказалась наиболее уязвима, вопросы безопасности стали волновать Джакарту в еще большей степени. Подобные трансформации совпали с намерениями индонезийской стороны реформировать АСЕАН в новом столетии для того, чтобы преобразовать Ассоциацию в механизм эффективного противодействия угрозам всех типов²⁶.

К настоящему времени Индонезия продолжает тенденцию активного участия в обеспечении региональной безопасности, главным из вопросов в отношении которой является урегулирование конфликтов и споров между самими членами АСЕАН, поскольку именно они в первую очередь угрожают стабильности региона и функционированию самого объединения. Роль, которую играет Индонезия в урегулировании конфликтов, отражает намерения республики стабилизировать политическую напряженность и обезопасить регион. Подобная политика позволяет Индонезии проявить свои лидерские амбиции и улучшить свой имидж в качестве демократической страны, выступающей за мир в регионе.

Такая позиция находит свое отражение в двух основных конфликтах недавнего времени, показательных с точки зрения успешности индонезийской дипломатии. Первый – это территориальный спор между Таиландом и Камбоджей по поводу статуса храмового комплекса Преа Вихеар в 2011 г. и спор по поводу островов в Южно-Китайском море между КНР и несколькими странами-участницами АСЕАН. Конфликт вокруг храма Преа Вихеар берет свое начало еще в 1958 г. К началу этого века Таиланд по-прежнему высказывал претензии в отношении территории, на которой был расположен храм, несмотря на решение Международного Суда, признавшего в 1962 г. суверенитет Камбоджи над данной территорией. Противоречия двух стран обострились в 2008 г. после объявления храма объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО, военные столкновения на границе имели место в 2008–2011 гг.

В ответ на эскалацию конфликта в начале 2011 г. Индонезия предприняла более активные действия по сравнению с пассивной позицией, занятой другими членами АСЕАН. Министр иностран-

Таблица 14.3

Индонезийские ценности и принципы регионального устройства

и препятствия к их реализации на разных уровнях, 2004–2014 гг.

Уровень	Ценность/принцип	Инструмент	Препятствие
Глобальный	Нейтрализм/продвижение интересов региональных акторов на глобальном уровне/продвижение индонезийских подходов к урегулированию мировых проблем	Гибкие концептуальные основы внешней политики, обосновывающие новую роль Индонезии как демократической страны, авторитетной в мусульманском мире и открытой для сотрудничества со всеми странами	Угрозы безопасности нового типа, рост религиозного экстремизма, вторжение США в Ирак и Афганистан, критика процесса демократизации в Индонезии со стороны некоторых западных стран
Региональный	Усиление субъектности АСЕАН как главного механизма интеграции, обеспечения экономического развития, безопасности и разрешения региональных противоречий. Формирование единства АСЕАН в новом столетии	Трансформация структуры АСЕАН, выработка новой политической культуры коллективного лидерства и большей ответственности друг перед другом, создание новых институтов и программных документов, выражающих коллективную позицию «десятки» по наиболее важным глобальным и региональным вопросам	Территориальные споры и иные политические противоречия стран-участниц, избирательность в поддержке принципов и механизмов АСЕАН странами Ассоциации, значительный экономический разрыв между странами Нусантары и Индокитая, влияние сверхдержав и их интеграционных экономических и политических проектов, размывающих субъектность АСЕАН
Национальный	Экономическое развитие без потрясений, укрепление экономики, привлечение инвестиций и получение доступа к передовым технологиям, демократизация политической сферы, большая социальная ориентированность политиков и их приверженность повышению качества жизни населения	Упор на активное развитие двусторонних отношений через расширение сети диппредставительств, реформа МИД и других профильных министерств, включение в цели и задачи дипломатии социальных позиций	Внутренняя нестабильность, рост сепаратизма и экстремизма, межпартийная борьба за власть на всех уровнях, конфликт новых (постреформационных) и старых (сухартовских) элит

ных дел Индонезии Марти Наталегава провел переговоры с лидерами обоих государств во время неофициальной встречи министров в Джакарте 22 февраля 2011 г. Переговоры проходили по инициативе АСЕАН, однако полностью велись индонезийской стороной. Сторонам удалось добиться режима прекращения огня, а Индонезия, в свою очередь, даже смогла обеспечить участие своих военных и гражданских наблюдателей в контроле за соблюдением прекращения огня. В своей книге «На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри» Марти Наталегава вспоминает, что Индонезия, будучи в этот

год председателем АСЕАН, стремилась к выработке культуры доверия внутри Ассоциации, подразумевавшей, что все ее члены должны были быть заинтересованы в соблюдении общих правил и получении общих выгод. Наталегава определял ценностные ориентиры Индонезии в тот период как приверженность коллективному лидерству. Позиция Индонезии в разрешении спора должна была восприниматься не как позиция отдельной страны, а как выражение общего взгляда участников АСЕАН в отношении необходимости преодоления этой проблемы путем диалога²⁷.

По сравнению со спором о статусе храма Преа Вихеар конфликт интересов в Южно-Китайском море еще в большей степени отражает значимость проблемы безопасности для Индонезии. Индонезия на протяжении всего конфликта не опасалась высказывать свои претензии более влиятельному Китаю. В 2012 г. на саммите министров АСЕАН, когда из-за позиции Камбоджи, экономически зависимой от КНР, впервые в истории Ассоциации членам АСЕАН не удалось принять совместное коммюнике, Марти Наталегави предпринял беспрецедентные усилия по согласованию позиций всех сторон и добился принятия впоследствии документа под названием «Шесть принципов АСЕАН», который провозглашал единую позицию стран АСЕАН и призывал все стороны конфликта соблюдать нормы международного права. Немаловажно и то, что подобные действия Наталегави оказали серьезное влияние на формирование последующей жесткой позиции Индонезии по вопросу Южно-Китайского моря.

Таким образом, президент Юдойоно показал себя как эффективный лидер Индонезии в ключевых вопросах регионального сотрудничества. Внешняя политика Индонезии, разработанная при участии таких министров иностранных дел и интеллектуалов, как Хассан Вираюда и Марти Наталегави, оказалась в достаточной степени эффективной для возвращения Индонезии в когорту средних держав с ограниченным глобальным влиянием после кризиса и реформирования общества. Индонезия по-прежнему отстаивала видение региона, сформированное еще в период обретения независимости, однако использовала новые инструменты реализации своих интересов и опиралась на пересмотренную и сбалансированную концептуальную матрицу (табл. 14.3).

Внешняя политика и АСЕАН при президенте Джокко Видодо (2014 г. — н.в.)

Победивший на выборах 2014 г. сторонник инновационных идей губернатор Джакарты Джокко Видодо, известный также как Джокви, сын плотника из Суракарты, явил нации новый тип полити-

ческого лидерства, человека из низов, который «сделал себя сам» и в итоге преодолел «монополию потомственных элит на высший уровень управления страной».

Важно отметить, что Индонезия даже с приходом к власти администрации нового типа (менее элитарной и близкой к народу) сохранила во внешней политике прежние принципы нейтралитета, защиты интересов и стремления играть роль проводника ценностей демократии и прав человека. Эти принципы возможно охарактеризовать как основополагающие для двух сроков Джокко Видодо, однако второй срок президента, начавшийся в 2019 г., отличался большей сдержанностью в плане реализации глобальных проектов и глобальной роли Индонезии, так как на это повлияли внешние кризисы, такие как пандемия COVID-19. Изначально Джокви продолжил линию на всеобъемлющее участие Индонезии в мировой политике, но был вынужден пересмотреть эти принципы в рамках второго срока.

Кейс президентства Джокви интересен тем, что в рамках его первого и нынешнего сроков Индонезия снижала приоритетность АСЕАН в своей внешней политике, сначала из-за курса на глобальное лидерство, а затем, после пандемии и последовавшего кризиса, из-за курса на изоляцию и симплификацию задач внешней политики до решения сугубо экономических вопросов и проблем здравоохранения. Одной из магистральных идей первого срока Джокко Видодо стала инициатива по превращению Индонезии в крупную морскую державу региона. В 2014 г. президент представил правительству новую концепцию «Индонезия — Морская ось мира» (ИМОМ)²⁸. Министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди, продолжая идею президента, отметила, что новая концепция представляет и новый уровень самосознания Индонезии²⁹. Ранее страна пыталась улучшить свой имидж на мировой арене и восстановить престиж, но никогда не выдвигала подобных инициатив, претендующих на ярко выраженное лидерство³⁰. Для Индонезии концепция морской оси отражает в первую очередь ее геоэкономические и геостратегические интересы, предполагает значительное расши-

рение сферы влияния страны и затрагивает основные направления развития международной и региональной экономической политики. С точки зрения внутренней политики развитие морской инфраструктуры позволит создать новые рабочие места и привлечь инвестиции для улучшения уровня жизни населения³¹.

Ранее, в 1957 г. Индонезия также провозгласила морскую стратегию «Индонезия – нация-архипелаг» (индонез. *Wawasan Nusantara*)³². Эта концепция брала свое начало в философии морских культур племен индонезийского побережья и была направлена на сплочение и усиление единой идентичности народов страны. Благодаря политике «нация-архипелаг» Индонезии удалось добиться расширения территориальных вод страны до 12 морских миль и закрепить границы на международно-правовом уровне³³. Ранее упомянутый министр иностранных дел Мохтар Кусумаатмаджа еще при Сухарто выступал защитником и автором юридического обоснования этой философской концепции. В современном варианте она стала более ориентированной на глобальную роль Индонезии, выступая своего рода альтернативой другим интеграционным проектам³⁴.

Реализация политики морской оси привела к закономерному снижению приоритетности АСЕАН во внешней политике Индонезии, хотя ранее Ассоциация являлась ведущим направлением в этой сфере. В самом начале деятельности администрации Джокови его советник по иностранным делам и известный аналитик Ризал Сукма также подтвердил, что роль АСЕАН будет постепенно снижаться во внешней политике: «Ранее мы говорили, что АСЕАН – это центр нашей внешней политики, но теперь сама внешняя политика станет основным приоритетом»³⁵. «Морская ось» в представлении элит позиционировалась практически равной Инициативе пояса и пути КНР, а также представлялась открытой для интеграции со всеми проектами, как китайскими, так и западными.

После получения позиции непостоянного члена в Совет Безопасности ООН (СБ ООН) в 2018 г. Индонезия развернула активную деятельность в СБ и Комитете по правам человека ООН, где стала продвигать новые предложения и инициативы, реализуемые ранее

на региональном уровне. Некоторые эксперты вновь заговорили о снижении роли АСЕАН для Индонезии, так как теперь она могла реализовывать свои интересы на более высоком, глобальном уровне, в том числе и обсуждать проблемы региона, такие как кризис рохинджа в Мьянме.

После глобального подъема последовал период некоторого самоизоляции индонезийской дипломатии по причине внутренних запросов населения, а соответственно, и целей администрации. К моменту выборов 2019 г. Джоко Видодо не удалось достигнуть всех изначальных целей внешнеполитического курса, который был установлен им ранее. В стране тем временем сформировался запрос на улучшение инфраструктурной и экономической ситуации, а потому те обещания, которые Джокови дал народу в рамках своего переизбрания на второй срок, поставили президента перед необходимостью расставить приоритеты в пользу иностранных инвестиций и развития инфраструктуры, что сделало дипломатию более узконаправленной и экономически ориентированной³⁶.

После победы на выборах Джокови заявил, что Индонезия и далее продолжит выступать гарантом мира, соблюдения международного права и консолидатором усилий по урегулированию кризисных ситуаций. Также он отметил растущее количество бизнес-контрактов и выгодных соглашений с соседями по АСЕАН и странами Азии в целом, обратив внимание именно на экономическую сторону взаимодействия.

Пандемия еще больше обострила необходимость использовать средства дипломатии для сохранения устойчивости экономики в этот трудный период, поэтому большинство ключевых направлений внешней политики переориентировались под экономические нужды. Большую роль в реализации этого дипломатического курса сыграла сеть двусторонних связей, которая развивалась еще со времен президентства Мегавати Сукарнопутри. Однако зависимость от иностранных инвестиций и проектов стала причиной того, что Индонезия по ряду вопросов оказалась в сложном положении относительно выбора своего внешнеполитического курса.

После нормализации ситуации в сфере здравоохранения в 2021 г. Индонезия вновь обратила внимание на АСЕАН как проверенную площадку реализации своих интересов и донесения своей позиции до игроков глобального уровня. На это повлиял ряд региональных кризисов, среди которых особое место занимает смена власти и политический кризис в Мьянме и создание *AUKUS* как одного из первых блоков такого типа в регионе со времен холодной войны.

С начала февральского кризиса 2021 г. в Мьянме Индонезия заняла последовательную позицию в отношении прихода к власти военных и необходимости восстановления демократии в стране. Именно Индонезия одной из первых начала говорить о необходимости выработки новых концептуальных подходов к деятельности АСЕАН в условиях кризиса из-за опасений вмешательства крупных держав в дела региона и фрагментации АСЕАН на противоборствующие блоки. Министр иностранных дел Индонезии Ретно Марсуди приложила немалые усилия для консолидации позиции с Малайзией и Сингапуром по «консенсусу Пяти пунктов» – плану АСЕАН по урегулированию в Мьянме. Аналогичную позицию Индонезия заняла и по вопросу отстранения политических представителей Мьянмы от участия в саммитах АСЕАН³⁷.

С появлением блока *AUKUS* Индонезия обвинила США и Австралию в дестабилизации региональной безопасности, отметив потенциальные риски появления ядерного оружия в Юго-Восточной Азии (являющейся безъядерной зоной согласно Бангкокскому договору 1995 г.). В рамках 38 из 39 саммитов АСЕАН и смежных саммитов 26–28 октября 2021 г. Индонезия внесла значительный вклад в подготовку итоговых документов по широкому спектру актуальных и значимых вопросов, таких как переход стран АСЕАН к четвертой промышленной революции, создание механизмов реагирования на глобальные угрозы, борьба с изменениями климата и поддержание центральности АСЕАН в решении региональных вопросов. Примечательно, что развитие экономики после пандемии, инновационные технологии и зеленая повестка стали новыми ориентирами во внешней политике Джоко Видодо, которые впослед-

ствии не только были проработаны Индонезией на уровне АСЕАН, но и определены как значимые элементы повестки в рамках председательства страны в G20 в 2022 г.³⁸

Таким образом, сложившаяся региональная ситуация вызвала необходимость незамедлительной реакции Индонезии как на политические проблемы одной из стран «десятки», так и на противостояние США и КНР. Из этого следует, что АСЕАН вновь стала восприниматься как площадка реализации жизненно важных интересов Джакарты, а защита субъектности Ассоциации – как защита важных для Индонезии ценностей, определенного регионального порядка, обеспечивающего высокий статус страны в региональных и мировых делах. Если ранее Индонезия рассматривала выход на глобальный уровень как альтернативу АСЕАН, то теперь страна, заняв пост председателя G20 в 2022 г., действовала на глобальном уровне, но также была вынуждена активно консолидировать асеановские позиции с учетом наличия значительных расхождений между странами Ассоциации по ряду вопросов региональной повестки. В настоящее время, несмотря на повышенное внимание Индонезии к украинскому урегулированию и преодолению продовольственного кризиса, можно предположить, что Джакарта планирует реализовывать данную глобальную повестку уже на региональном уровне в год своего председательства в АСЕАН в 2023 г.

Заключение

Внешняя политика Индонезии на асеановском направлении может рассматриваться с точки зрения нескольких уровней реализации, влияющих друг на друга. Эти уровни – глобальный, региональный и национальный соответственно – опираются в своей концептуализации на две категории индонезийских ценностных ориентаций. Их следует понимать как совокупность взглядов Индонезии (ее элит, академического сообщества, простых граждан) на развитие Индонезии как государства, ее положения как регионального актора и ее роль в мире как игрока глобальной системы меж-

дународных отношений. Первая категория ценностей может быть обозначена как ценности-константы — это идеология Панча Сила и доктрина «Активной и независимой внешней политики».

Ценностные константы определяют стремление Индонезии построить такой региональный порядок, при котором Индонезия и страны региона сохранят свою независимость от внешних акторов, способность развиваться без потрясений и эффективно решать проблемы в рамках регионального взаимодействия. Это полностью отвечает заложенным в Панча Сила принципам единства Индонезии, социальной справедливости и демократического управления для ее народа, так как без суверенитета и понятных правил регионального взаимодействия эти принципы не могут быть реализованы. При этом уважение суверенности и самобытности внутри региона и способность ограничивать воздействие внешних акторов на региональный уровень действительно отвечают и ценностям активной и независимой внешней политики, так как, например, обладая возможностью «опоры на регион», Индонезия способна критически реагировать на действия крупных держав в регионе, сдерживая их активность и попытки разделить АСЕАН по ряду ключевых региональных вопросов.

Вторая категория может быть определена как «новые ценности», понимаемые как совокупность концептуальных основ малого и среднего уровней, которые были приняты индонезийским руководством на определенных исторических этапах для решения конкретных задач. Сюда может быть отнесена и антиколониальная риторика сукарновского и сухартовского периодов, а также демократическая и происламская повестка периода «реформации» и постреформационного периода Юдойоно. Особенностью этих «новых ценностей» является удобство их интеграции с постоянными основами, что позволяет сделать внешнюю политику более гибкой и устойчивой к кризисам на различных направлениях. Их выражение также осуществлялось через концепции, предлагаемые региону индонезийским руководством, например концепция «динамического равновесия» Марти Наталегавы. Исходя из представлен-

ного анализа, мы можем отметить, что региональный и национальный уровни практически никогда не изменялись с точки зрения продвигаемых ценностей и принципов. Индонезия до и после создания АСЕАН увязывала свое существование с региональной стабильностью и невмешательством в дела региона. Самый неустойчивый уровень реализации внешней политики — глобальный. Индонезия на этом уровне определяла довольно разные цели и задачи.

С точки зрения АСЕАН этот уровень может быть рассмотрен как альтернатива Ассоциации, так как Индонезия при получении возможности выхода на глобальный уровень (обычно через получение статуса и полномочий в рамках международных организаций и форумов) стремилась продвигать асеановскую повестку уже там, что часто «оставляло позади» асеановские институты и снижало эффективность АСЕАН, поскольку другие страны не обладали такой возможностью «глобального представительства», как Индонезия. Национальный уровень, в свою очередь, не меньше повлиял на асеановскую политику, поскольку после каждого кризиса внутри страны Индонезия теряла возможность активно участвовать в региональных делах, как, например, после финансового кризиса 1997 г. и пандемии COVID-19. Оба периода при этом характеризовались и активным подъемом внешней политики после кризиса, что наблюдалось при президенте Юдойоно и в настоящее время при президенте Джоко Видодо. Главным инструментом Индонезии в работе с АСЕАН по-прежнему остается формирование политической культуры Ассоциации через ее институционализацию и кодификацию ее ключевых принципов.

Отсюда следует, что Индонезия продолжит стремиться к повышению субъектности АСЕАН, равно как и вовлечению других влиятельных держав в институциональные структуры, способные ограничить вероятность возникновения прямого военного конфликта и усилить влияние на ситуацию внерегionalных игроков. Соответственно, можно сделать вывод о восстановлении влияния Индонезии на региональную политику, которое, однако, ограничивается эскалацией американско-китайских противоречий в регионе. Таким

образом, внешняя политика Индонезии на асеановском направлении представляется сложным, многогранным явлением, в основе которого лежит система самобытных концептуальных принципов, сформировавшихся в результате исторического развития индонезийской государственности и под влиянием международных и региональных вызовов.

Примечания

- 1 Anwar D.F. Indonesia in ASEAN Foreign Policy and Regionalism. St. Martin's Press, 1994. P. 216.
- 2 Sukma R. Islam in Indonesian Foreign Policy Domestic Weakness and the Dilemma of Dual Identity / R. Sukma (ed.). L.; N.Y.: Routledge. 2008. P. 41.
- 3 Santoso Y.W., Azzahra F.S., & Toreh E.N. (eds). Indonesia's path toward middle-power. Airlangga University Press, 2020. P. 14.
- 4 Ponka T., Kuklin N., Sibarani D.M. The Historical Influence of the Javanese Ethnicity and Culture on the Political Consciousness and Mentality of Indonesian People // Proceedings of the 4th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2019). 2019. P. 2172.
- 5 Pero S.D.M. Leadership in Regional Community-Building Comparing ASEAN and the European Union. Springer Singapore, 2019. P. 68.
- 6 Понька Т.И., Сибарани Д.М., Куклин Н.С. Индонезийские подходы к восприятию международных отношений и мировой политики // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2018. Т. 10. № 3. С. 286.
- 7 Darmaputera E. Pancasila, and the search for identity and, modernity in Indonesian Society: a cultural and ethical analysis. Brill, 1988. P. 177.
- 8 Leifer M. Dilemmas of Statehood in Southeast Asia. University of British Columbia Press, 1972. P. 124.
- 9 Подробнее см.: Dasasila Bandung, Hasil Konferensi Asia-Afrika // Kompas. URL: <https://www.kompas.com/stori/read/2022/03/15/090000779/dasasila-bandung-hasil-konferensi-asia-afrika?page=all>. (accessed: 18.07.2022).
- 10 Manullang A.C. Pilar-pilar Pancasila. Setia Sakti, 2010. P. 120.
- 11 Ide Anak Agung Gde Agung. Twenty Years Indonesian Foreign Policy 1945–1965. De Gruyter. 2019. P. 187.
- 12 Куклин Н.С. Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии, исторический аспект // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. № 2 (51). С. 334.
- 13 Yates R. Understanding ASEAN's Role in Asia-Pacific Order. Springer International Publishing, 2019. P. 110.
- 14 Hänggi H. ASEAN and the ZOPFAN concept. Regional Strategic Studies Programme ISEAS. 1991. P. 22.
- 15 Weatherbee D.E. Indonesia in ASEAN Vision and Reality. ISEAS. 2013. P. 18.
- 16 Ibid. P. 7.
- 17 Anthony M.C. Regional Security in Southeast Asia Beyond the ASEAN Way. ISEAS. 2005. P. 94.
- 18 Chandra A.C. Indonesia and the ASEAN Free Trade Agreement Nationalists and Regional Integration Strategy. Lexington Books/Rowman & Littlefield Pub, 2008. P. 152.
- 19 Куклин Н.С. Демократические тенденции во внешней и внутренней политике постреформационной Индонезии: исторический аспект. С. 335.
- 20 Данная концепция подразумевала принятие Индонезией своей особой роли в мусульманском мире, так как ранее из-за необходимости поддержания религиозного баланса внутри страны сухартовские власти опасались введения в политический дискурс понятий, связанных именно с исламом, и обосновывали свои действия на Ближнем Востоке (например, поддержку Палестины) исключительно через понятия «антиколониальной» борьбы. После наступления периода «реформации» и всеобщего внимания к исламским сообществам после вторжения США в Ирак и Афганистан мусульманские партии стали оказывать большее влияние на политику, что привело к широким обсуждениям и впоследствии к адаптации миссии Индонезии как страны с самым большим мусульманским населением, а соответственно, и с большим уровнем ответственности в Умме.
- 21 После демократизации общественной жизни на принципах индонезийской самобытной демократии, проистекающей в том числе из идей социальной справедливости Панча Сила, Индонезия стала позиционировать себя как значительная незападная демократия. С точки зрения внешней политики это существенно расширяло возможности взаимодействия с США и западными странами, так как обновленный имидж Индонезии соответствовал популярной в то время теории демократического мира. При этом, говоря о незападном характере и отличиях своих подходов к демократии, Индонезия пыталась продемонстрировать развивающимся странам свой путь к демократизации, так как западные идеи не всегда сочетались с особенностями этих сообществ.
- 22 Данный многовекторный подход был провозглашен в инаугурационной речи Юдойоно после его переизбрания на второй срок. По его мнению, «Индонезия находится в такой стратегической ситуации, когда ни одна

- страна не воспринимает Индонезию как врага и нет страны, которую Индонезия считает врагом. Таким образом, Индонезия может свободно осуществлять свою внешнюю политику во всех направлениях, имея тысячу друзей и ни одного врага».
- 23 В рамках председательства Индонезии в 2011 г. в АСЕАН Марти Наталегави провозгласил концепцию «динамического равновесия», согласно которой в регионе формировались бы такие механизмы управления и распределения интересов, при которых взаимовыгодно учитывались бы интересы мировых и средних региональных держав. Отсюда следует, что институционализация АСЕАН и углубление механизмов сотрудничества смогли бы повысить субъектность АСЕАН и ее способность сдерживать сверхдержавы во имя интересов безопасности региона.
- 24 Подробнее см.: Declaration of Bali Concord II // ASEAN. URL: asean.org/speechandstatement/declaration-of-asean-concord-ii-bali-concord-ii/.
- 25 Acharya A. Indonesia Matters: Asia's Emerging Democratic Power. World Scientific Publishing Company, 2008. P. 58.
- 26 Mietzner M. Indonesia: Yudhoyono's Legacy between Stability and Stagnation // Southeast Asian Affairs. 2020. No. 4. P. 119–120.
- 27 Наталегави М. На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри / Пер. с англ. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 101.
- 28 Weatherbee D. Indonesia's Foreign policy in 2016. Garuda Hovering // Southeast Asian Affairs. 2017. ISEAS–Yusof Ishak Institute. P. 165.
- 29 Agastia I.G.B.D., Perwita A.A. B. Jokowi's Maritime Axis: Change and Continuity of Indonesia's Role in Indo-Pacific // Journal of ASEAN Studies, 3. 2015. No. 1. P. 36.
- 30 Marsudi R. Tiga Prioritas Politik Luar Negeri Indonesia. 2014 // Sindonews. URL: <http://international.sindonews.com/read/947842/40/tiga-prioritas-politik-luar-negeri-indonesia-1420705386> (accessed: 22.06.2022).
- 31 Ефимова Л.М. Индонезийская «Морская ось мира» и китайский «Морской шелковый путь XXI века» // Вестник МГИМО-Университета. Серия: Мировая политика. 2015. № 6 (45). С. 196–204.
- 32 Yudi K.W. Strengthening the Indonesian Archipelagic Vision: New Map of the Unitary State of the Republic of Indonesia // Palarch's Journal of Archaeology of Egypt/Egyptology. 2020. № 17 (9). P. 5108.
- 33 Подробнее см.: Mochtar Kusumaatmadja Sang Konseptor Wawasan Nusantara // Media Indonesia. URL: <https://mediaindonesia.com/humaniora/409961/mochtar-kusumaatmadja-sang-konseptor-wawasan-nusantara> (accessed: 18.07.2022).
- 34 Kuklin N.S. Indonesia as the global maritime axis // Языки и культуры: перспективы развития в XXI веке: Материалы кафедрального студенческого круглого стола с международным участием, Москва, 14 ноября 2016 г. М.: Цифровичок, 2016. С. 146.
- 35 Подробнее см.: Prashanth Parameswaran. Is Indonesia Turning Away from ASEAN Under Jokowi // The Diplomat. 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/12/is-indonesia-turning-away-from-asean-under-jokowi/> (accessed: 18.05.2022).
- 36 Подробнее см.: Diplomacy becoming more down-to-earth // The Jakarta Post. URL: <https://www.thejakartapost.com/academia/2019/08/31/diplomacy-becoming-more-down-to-earth.html> (accessed: 11.07.2022).
- 37 Подробнее см.: Ку克林 Н.С. Председательство Индонезии в G20: новая заявка на глобальное лидерство // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/predsedelstvo-indonezii-v-g20-novaya-zayavka-na-globalnoe-liderstvo/> (дата обращения: 18.07.2022).
- 38 Подробнее см.: G20 Presidency of Indonesia // G20. URL: <https://g20.org/> (accessed: 18.05.2022).

III

Раздел

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
СТРАН АСЕАН

Глава 15

Технологическое развитие и цифровая трансформация в странах АСЕАН: тенденции, проблемы, перспективы

АННОТАЦИЯ: В главе рассматриваются процессы технологического развития и цифровой трансформации с учетом исторических аспектов экономического подъема отдельных государств АСЕАН как новых индустриальных стран и в контексте современного этапа цифровизации экономических систем стран региона. Анализируются возможности, которые цифровая трансформация создает для экономик стран Юго-Восточной Азии, перспективные планы цифровизации как на региональном, так и национальном уровне. Вместе с тем при всех положительных эффектах использования цифровых инструментов отмечаются также ограничения, связанные с их использованием. Инонациональная технологическая база, недостаточный учет фактора китайско-американских противоречий, рассмотрение задач цифровизации в отрыве от экономических реалий многих стран Ассоциации, внутрирегиональный и внутринациональные цифровые разрывы оказываются среди значимых факторов риска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: технологическое развитие, цифровая трансформация, АСЕАН, ИКТ, НИОКР.

ABSTRACT: This chapter focuses on the processes of technological development and digital transformation in ASEAN taking into account historical context of their

economic rise as newly industrialized economies. It also assesses the current state of digitalization of regional economies, the opportunities created by the digital sphere and the regional and national strategic plans of Southeast Asian countries in the sphere of digital development. Apart from rendering counter to the positive effects of digitalization for the region, the chapter, however, also focuses on risks and challenges related to it. Among them is the dependency on the transnational IT corporations, the spillover of Sino-American tensions in the high tech sphere, existing gap between digitalization plans and real economic situation in many ASEAN member states, intraregional and intra-national digital divides.

KEYWORDS: technological development, digital transformation, ASEAN, ICT, R&D.

Введение

УСКОРЕНИЕ социальных трансформаций, связанных с технологическими процессами, стало очевидным явлением для большинства региональных сегментов современного мира. Изменения, категориально относимые к четвертой промышленной революции, использование быстрого Интернета и искусственного интеллекта на первый взгляд создало дополнительные возможности для бизнеса и экономических систем в целом, однако одновременно породило серьезные риски и дисбалансы¹. Страны АСЕАН в данном отношении представляют собой пример сочетания отмеченных возможностей и вызовов, поскольку при всем стремлении воспользоваться новой технологической волной остаются крайне уязвимыми в плане обеспечения информационной безопасности государственных и общественных структур. Не менее серьезные проблемы может создать для стран Ассоциации и возможная роботизация многих трудозатратных производственных процессов, за счет которых ранее формировались целые сегменты экономических систем стран Юго-Восточной Азии.

Основные тенденции научно-технологического и инновационного векторов экономического развития стран АСЕАН во многом обусловлены тем, что исторически эти государства не относились

к странам «технологического ядра». Развитию отдельных государств региона до уровня высокоразвитых стран (Сингапур) и стран со средним уровнем развития (Малайзия, Таиланд, Индонезия, Филиппины) и в общеэкономическом, и в технологическом плане способствовало включение в орбиту крупных транснациональных компаний (ТНК). Это были в первую очередь японские корпорации, реализовавшие модель специализации и кооперирования в региональных рамках через вынос производств и установление внутрифирменных связей между головным предприятием в Японии и филиалами в Юго-Восточной Азии². В отдельных случаях технологическому развитию способствовала взаимосвязь стран региона с Соединенными Штатами, Южной Кореей, некоторыми европейскими странами.

Особенность такой модели заключалась в том, что предприятия транснациональных корпораций не способствовали радикальному повышению национального научно-исследовательского потенциала стран Юго-Восточной Азии. Однако, ориентируясь на возможности использования значительного количества дешевой рабочей силы, они содействовали становлению и развитию технологических и в некоторых случаях даже высокотехнологических отраслей в экономике этих стран, используя их в качестве удобных локаций для размещения производств отдельных компонентов или «отверточной» сборки.

При этом специфика отношений политической элиты и крупного местного (как правило, инонационального, китайского) капитала в странах региона дополнительно консервировала ситуацию «бестехнологического» развития³. В результате негласного консенсуса крупный бизнес мог получать сверхприбыль, пользуясь своим монопольным положением в экономических системах стран Юго-Восточной Азии без открытой конкуренции, но должен был отдавать часть доходов политической элите в виде «ренты»⁴, т.е. экономической поддержки правящей элиты. Таким образом, отсутствие конкурентной среды не поощряло местный бизнес к инновациям.

В результате в регионе сложилась парадоксальная ситуация. Доля высокотехнологичного экспорта в общем промышленном экспорте отдельных стран Юго-Восточной Азии в отдельных случаях могла достигать 50–70% (Филиппины, Малайзия), при том что расходы на НИОКР в большинстве стран региона на протяжении всей первой четверти XXI в. колебались в диапазоне от 0,04–0,1 % от ВВП (Бруней, Камбоджа, Лаос, Мьянма) до 0,2–1% (Филиппины, Таиланд, Малайзия, Вьетнам, Индонезия). Единственным исключением в данном ряду оставался Сингапур, стабильно удерживавший расходы на НИОКР на уровне порядка 2% от ВВП⁵.

Данный феномен получил отражение в целом ряде научных исследований, отмечавших структурные особенности и асимметрии в развитии высокотехнологичной сферы в регионе при общей направленности государств Юго-Восточной Азии на сохранение высокой динамики экономического роста⁶. При этом процессы цифровизации в странах АСЕАН, по сути, стали развиваться в условиях отмеченных выше асимметрий и разрывов в уровне развития между самими странами Ассоциации.

Цифровая трансформация экономических и социальных процессов, получившая дополнительный импульс в глобальном масштабе благодаря пандемии COVID-19 2020–2022 гг., оказала на страны Юго-Восточной Азии двоякое влияние. С одной стороны, она продемонстрировала огромные возможности для быстрой реорганизации бизнеса и экономики в весьма густонаселенном регионе, где значительная часть населения имеет доступ к Интернету (пусть даже этот доступ осуществляется преимущественно через мобильные устройства). С другой стороны, она привела к тому, что риски и вызовы, связанные с ИТ-сферой, угрозы информационной безопасности, а также проблемы недофинансирования отрасли, характерные для стран региона, стали особенно заметны. Так, например, страны АСЕАН, ряд из которых уже разработали национальные стратегии развития искусственного интеллекта (в частности, Индонезия), существенно отставали с точки зрения финансовых вложений в эту сферу от ведущих западных

стран (почти в 160 раз от США, в 30 раз от Великобритании) и Китая (в 20 раз)⁷.

Учитывая сказанное выше, в данной главе рассматривается специфика технологического развития стран АСЕАН, а также региональные и страновые особенности процессов цифровизации как неотъемлемой составляющей этого развития на современном этапе.

Специфика технологического развития стран Юго-Восточной Азии

В целом Юго-Восточная Азия не однородна с точки зрения уровня научно-технологического развития. В регионе есть страны-лидеры (Сингапур, Малайзия), ставящие цели формирования национальных инновационных систем, и страны, пока что отстающие в этом отношении.

Сингапур, ранее – колония Великобритании, получил статус самоуправляющегося государства в 1959 г. В 1963–1965 гг. город был частью Малайской Федерации, но из-за комплекса политических, социально-этнических и экономических проблем вышел из ее состава. Изначально в поисках источников экономического роста правительство сделало ставку на реэкспорт большой группы товаров, используя благоприятное географическое положение города-государства. Однако параллельно предпринимаемые усилия по импортозамещению входили в противоречие с тарифным режимом, который был благоприятен для реэкспорта, но ущемлял интересы собственного нарождающегося производства. Выходом из ситуации стало создание свободной экономической зоны, которая охватывала только порт и район Джуронг. Как отмечает отечественный исследователь Л.Ф. Пахомова, Сингапур стал пионером в области создания СЭЗ, тогда как остальные страны региона последовали его примеру лишь спустя десятилетие⁸.

С 1960-х годов Сингапур начал реализацию пошаговой стратегии научно-технологического развития. Первыми ее этапами, аналогично многим странам Восточной Азии, было создание промыш-

ленных производств, ориентированных на привлечение большого количества рабочей силы. В 1970-х годах повышение качества рабочей силы позволило начать привлекать в Сингапур более сложные промышленные производства, такие как электроника, нефтехимия и т.д. С 1991 г. в стране началась реализация пятилетних планов развития науки и конструкторских разработок. Действующий в настоящее время план рассчитан на период до 2025 г. и в качестве приоритетных областей определяет превращение Сингапура в хаб суперсовременного промышленного производства, развитие системы здравоохранения с использованием современных технологий, разработку технологических решений для городской среды, построение «умной нации» и цифровой экономики, поддержку научных исследований и инновационного предпринимательства⁹. Сейчас в Сингапуре действуют два технопарка: Биополис и Сингапурский научный парк. Деятельность первого сконцентрирована на разработках в области биомедицины. В Сингапурском научном парке работает более 350 предприятий и институтов, занимающихся информационными и телекоммуникационными технологиями, разработкой программного обеспечения, биомедициной, новыми технологиями в пищевой и химической промышленности.

По сути, у Сингапура не было альтернативы высокотехнологическому развитию, которое стало условием выживания и затем сохранения достигнутого благосостояния города-государства. Создатель сингапурского экономического чуда премьер-министр Сингапура в 1959–1990 гг. Ли Куан Ю отмечал: «Каждый новый прорыв в технологической сфере: появление контейнеров, развитие пассажирских и грузовых авиаперевозок, спутниковой связи, межконтинентальных оптико-волоконных линий связи — двигал Сингапур вперед. В течение следующих 50 лет технологическая революция вызовет огромные изменения... Жители Сингапура должны будут проявить находчивость в том, как воспринять и приспособить эти открытия, использовать их с пользой для себя и других»¹⁰.

Развитие высокотехнологичных секторов промышленности в соседней с Сингапуром Малайзии также стало результатом развития

по восточноазиатской модели от замещения импорта к экспортной ориентации. Первый из названных этапов в целом соответствовал первому пятилетнему плану (1966–1970). Второй и последующие пятилетние планы были направлены на реализацию программы новой экономической политики, ставившей своей целью создание социально справедливой экономической системы, которая учитывала бы интересы всех этнических сегментов малайзийского общества, и в особенности малайцев-*бумипутра*, коренного населения Малайзии. Ориентация малайзийских предприятий на экспорт начала формироваться в период 1970-х годов. Фактором, способствующим активной индустриализации Малайзии, стало развитие энергетической промышленности. Центральным ее элементом стала государственная компания «Петронас», основанная в 1974 г.¹¹

С начала 1980-х годов Малайзия при премьер-министре Махатхире Мохамеде начала реализацию стратегии «Взгляда на Восток» (или «Равнения на Восток», *Look East Policy*), в рамках которой была сделана ставка на заимствование японского и южно-корейского опыта модернизации в области диверсификации экономической системы. Данная стратегия предполагала, что государство должно обеспечивать максимально благоприятные условия для развития, в то время как частный бизнес и корпорации предоставят финансовые ресурсы для модернизации, включая ее технологическую составляющую¹². В 1961 г. тогда еще не занимавший премьерский пост Махатхир Мохамед впервые посетил Японию. Впоследствии в своих мемуарах он оставил запись о том, насколько его впечатлил процесс послевоенной трансформации этой страны. Было очевидно, что и для своей страны Махатхир Мохамед желал таких же кардинальных и положительных изменений. В частности, он писал: «После разрушительной войны страна восстанавливалась с невероятной быстротой. По сути дела, она превращалась в одну гигантскую фабрику, производившую всевозможные промышленные товары и процветавшую благодаря экспорту... Если мы станем такими же трудолюбивыми, изобретательными и целеустремленными, думалось мне, то как же тогда преобразится Малайя!»¹³.

Помимо прочего, одним из амбициозных проектов Махатира Мохамеда было создание «национального автомобиля», т.е. собственной автомобильной промышленности в Малайзии. С этой целью в 1983 г. была основана компания «Протон»¹⁴. Первый малайзийский автомобиль, Протон Сага, был создан к 1985 г. на основе разработок японской компании «Мицубиси».

В 1991 г. правительством была принята программа «Перспективы-2020», ставившая задачу к 2020 г. превратить Малайзию в самостоятельную индустриально развитую нацию. К концу XX в. Малайзии действительно удалось достичь существенных успехов в промышленном развитии. В 2000 г. доля промышленности составляла более трети ВВП. Среди экспортных отраслей наиболее доходным было в первую очередь производство электронного оборудования, а также пальмового масла и продуктов на основе пальмового масла, производство продукции легкой промышленности, производство сжиженного природного газа и нефти¹⁵. Учитывая экспортные успехи электронной промышленности, для дальнейшего усиления высокотехнологической составляющей в структуре экспорта правительством Малайзии был запущен проект создания Мультимедийного суперкоридора, современного технологического парка, базирующегося к югу от столицы Малайзии Куала-Лумпура. Частью этого проекта стал также новый город Сайберджай, основанный в 1997 г. в 40 км от столицы и являющийся сосредоточением предприятий, работающих в области развития мультимедийной промышленности.

Однако Малайзия не смогла в полной мере преодолеть проблемы, препятствующие формированию комплексной национальной инновационной системы. Стратегия развития, реализуемая за счет предоставления контрактов японским и южнокорейским фирмам, а не за счет более масштабного обучения зарубежным технологиям самих малайзийских предпринимателей, вовлекла Малайзию в порочный круг: государство, при всех его достижениях и успехах в высокотехнологичной области, не создавало достаточных стимулов, побуждающих малайзийских предпринимателей каким-либо

образом вносить собственный инновационный вклад в развитие экономической системы страны¹⁶.

Индонезия продемонстрировала еще один пример амбициозного проекта по формированию национальной технологической системы, предпринятый в период президентства генерала Сухарто. Сухарто приступил к управлению страной в 1967 г. в результате переворота, отстранившего от власти первого президента Индонезии Сукарно. К этому моменту индонезийская экономика находилась в кризисном положении. Сухарто обратил свои усилия на то, чтобы восстановить в стране позиции иностранного капитала, существенно ограниченные в период Сукарно, и переориентировать Индонезию на взаимодействие в первую очередь с западными капиталистическими странами. Целью таких изменений были модернизация и индустриализация страны по модели других индустриализирующихся восточноазиатских стран.

Особенностью индонезийской модели технологического развития было то, что ключевую роль в нем играло именно государство, а точнее — режим «нового порядка» и компании, руководители которых были тесно связаны с Сухарто. Зульфикар Амир, исследовавший технологическую политику режима Сухарто, отметил три взаимосвязанных концептуальных положения, которые определяли эту политику вплоть до 1990-х годов. Первое заключалось в представлении о том, что Индонезия должна стать развитым и процветающим государством, чьи экономические достижения основывались бы именно на высокотехнологичном развитии. Второе положение предполагало, что именно государство, а не рыночные механизмы или свободное предпринимательство должно было определять задачи и формат технологического развития. Третья концептуальная установка вытекала из предыдущей и ориентировала государство на мобилизацию всех возможных ресурсов — финансовых, интеллектуальных и прочих — на институционализацию и организацию приоритетных научных проектов¹⁷.

В результате в Индонезии произошла серьезная бюрократизация технологического развития, воплощением которой стали

специальные агентства, в частности Индонезийское агентство по оценке и применению технологий (*BPPT, Badan Pengkajian dan Penerapan Teknologi*), созданное в 1978 г. по предложению Б.Ю. Хабиби, тогдашнего министра науки и технологий, инженера по образованию и впоследствии преемника Сухарто на президентском посту. Агентство возглавлялось самим министром, что было не характерно для такого рода структур. Деятельность агентства концентрировалась на 11 достаточно крупных областях, включая аэрокосмическую сферу, морские разработки, энергетику, транспорт, телекоммуникации и электронику, исследования свойств материалов, биотехнологии, технологии производственного процесса, оборонные технологии, экологические технологии, технологии управления человеческими ресурсами¹⁸.

Важным направлением технологической деятельности режима Сухарто стали усилия по развитию собственной авиационной промышленности. В этих целях в 1976 г. в Бандунге, также по инициативе Б.Ю. Хабиби, был создан Национальный центр авиационной промышленности (*IPTN, Industri Pesawat Terbang Nusantara*). Центр занимался разработкой индонезийского регионального самолета N-250. Его прототип совершил первый тестовый полет в 1995 г. Однако дальнейшая деятельность Центра была приостановлена из-за азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг. Полностью финансирование авиастроительной отрасли прекратилось, когда в 1999 г. Б.Ю. Хабиби ушел с поста президента¹⁹.

Опыт Индонезии в развитии высокотехнологичной сферы представляет собой сочетание серьезных успехов, но одновременно и структурных противоречий, вызванных не только сложностями перехода на новый уровень развития, но и характером социальной организации этого развития. Среди причин возникших противоречий исследователи называют как низкую коммерческую отдачу от национальных проектов в области высоких технологий, так и сложности в отношениях между технбюрократами, учеными, и специалистами, занимавшимися планированием экономического развития²⁰.

Так же как Сингапур, Малайзия и Индонезия, Таиланд в течение нескольких десятилетий целенаправленно реализовывал стратегию индустриализации и модернизации. В течение 1970-х годов он осуществлял стратегию импортозамещения, а в 1980-е годы перешел к развитию своих экспортных возможностей за счет производства сначала потребительских товаров и текстиля, а позднее — комплектов для автомобильной промышленности, электроники и других готовых продуктов. В 1981 г. впервые в истории страны доля промышленного производства превысила долю сельскохозяйственного в структуре ВВП²¹.

В начале этого века эксперты Всемирного банка охарактеризовали достижения Таиланда в экономическом развитии как «одну из величайших историй успеха». В 2011 г. Всемирный банк поместил Таиланд в категорию «стран с уровнем развития выше среднего». Это страны, в которых доход на душу населения (рассчитанный по Атласному методу) находится в диапазоне от 3976 долл. США до 12 275 долл. США. По оценкам Банка, в Таиланде в 2011 г. этот показатель составил более 4 тыс. американских долларов. Однако в территориальном плане экономическая структура страны развивалась неравномерно, возникли серьезные территориальные диспропорции в доходах населения. В промышленном производстве доминировал Бангкок, попытки децентрализации производства были не очень успешными. Таиландский исследователь Сомбун Сирипрачай объясняет проблемы, с которыми столкнулся Таиланд, технологической инерцией и слабостью государства, которое на самом деле не смогло осуществить коренную трансформацию экономической и социальной системы и создать институты, которые бы способствовали этой трансформации в долгосрочном плане²². В результате Таиланд, перейдя на стадию экспортной ориентации, которую С. Сирипрачай справедливо характеризует в первую очередь как часть торговой политики, а не эквивалент стратегии развития²³, так и остался на уровне производства сложных товаров за счет простых операций.

После начала реформ обновления в 1986 г. Вьетнам вслед за соседями по региону приступил к созданию экономики, ориентиро-

ванной на экспорт. В 1990–2010-е годы в экономике Вьетнама произошли существенные структурные сдвиги, свидетельствовавшие о постепенном повышении доли промышленного производства в структуре ВВП и сокращении вклада сельского хозяйства²⁴. Вместе с тем в качестве основных драйверов технологического развития, так же как и в ряде соседних стран, зачастую выступали в первую очередь иностранные предприятия, а не собственные научные разработки. В 2010 г. в Хошимине начала работать крупнейшая зарубежная сборочная фабрика американской компании «Интел» (*Intel*). В августе 2022 г. на предприятиях на севере Вьетнама стартовала тестовая сборка продукции американской компании «Эпл» (*Apple*) с перспективой ее дальнейшего расширения. Несмотря на то что значительный сегмент технологической и инновационной базы Вьетнама зависит от иностранных ТНК, в 2021 г. по показателям Глобального инновационного индекса, рассчитываемого Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Вьетнам оказался инновационным лидером в группе стран с уровнем дохода ниже среднего²⁵.

В экономическом и технологическом плане развитие Лаоса, Камбоджи и Мьянмы было затруднено в связи с необходимостью преодолеть наследие индокитайских войн (в случае Лаоса и Камбоджи) и урегулировать внутренние политические противоречия (в случае Камбоджи и Мьянмы).

На общерегиональном уровне страны Юго-Восточной Азии, объединенные в Ассоциацию стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), не раз отмечали, что высокотехнологическое развитие и тем более инновационное возможно для них только в связке с внешними партнерами. В соответствии с этим пониманием в документах АСЕАН — Генеральном плане АСЕАН по наращиванию взаимосвязанности от 2010 г., Плане действий АСЕАН в области науки и технологий на 2007–2015 гг., Плане действий АСЕАН в области науки, технологий и инноваций на 2016–2025 гг., — по сути, был отражен коллективный запрос на формирование такого рода партнерства.

Области, которые страны АСЕАН полагают для себя приоритетными с точки зрения высокотехнологического развития, можно объединить в девять блоков²⁶. К ним относятся:

- биотехнологии, включая биотехнологии в области производства продовольственных товаров и садовых культур, использование микроорганизмов для очистки воды, почв, других объектов от органических загрязнений, технологии улучшения качества домашнего скота, технологии разработки и коммерциализации новых продуктов на основе биологических ресурсов, технологии биоинформатики;
- научное и технологическое обеспечение продовольственной сферы, включая новые технологии производства продовольственных товаров, технологии производства пищевых продуктов, содержащих добавки, которые увеличивают их питательную ценность;
- технологии развития инфраструктуры и ресурсного обеспечения, включая технологии менеджмента, прогнозных исследований, развитие виртуального института АСЕАН по науке и технологиям;
- исследования океана, включая морские биотехнологии, технологии противодействия трансграничному переносу загрязнения морских пространств;
- новые материалы, включая технологии создания наноматериалов, материалов с особыми функциональными качествами, биоматериалов и биомедицинских материалов, технологии создания экологически чистых материалов, включая биоразлагаемый пластик и пригодные для переработки материалы;
- метеорология и геофизика, включая технологии изучения процессов изменения и флуктуаций климата, метеорологические и геофизические технологии;
- микроэлектроника и информационные технологии, включая мультимедийные приложения, системы электронного образования, встраиваемые системы и робототехнику, электронные системы наблюдения и контроля, технологии обработки изображений, системы технического зрения;
- альтернативные источники энергии, включая новые и возобновляемые источники энергии (биомасса, солнечная энергия, то-

пливные элементы), экологически чистые технологии производства энергии из угля и природного газа, технологии комбинированного производства тепловой и электрической энергии;

- космическая деятельность и практическое применение ее результатов, включая геоинформационные технологии, коммуникационные технологии, технологии использования информации, полученной со спутников, применение микроспутников и малых спутников, измерительных преобразователей (датчиков), наземного оборудования.

Цифровая трансформация: региональный и национальный уровни

Региональный уровень. Как следует из представленных выше приоритетных направлений технологического развития, информационно-коммуникационные технологии уже на протяжении достаточно длительного времени представляли особый интерес для АСЕАН. Это объясняется тем, что именно благодаря сфере ИКТ многие страны региона в 1990–2000-е годы смогли перейти к развитию технологически более сложных отраслей и добиться существенных экономических успехов.

Стремление стран Юго-Восточной Азии закрепить за собой нишу регионального кластера-производителя информационно-коммуникационных технологий совпало с революционными изменениями в данной области. Их основное содержание заключалось в появлении так называемых модульных стандартов для большого спектра продуктов, применяемых в сфере ИКТ²⁷. Подобные стандарты означали создание простых и легко сочетаемых интерфейсов данных продуктов, что позволило снизить издержки на их производство за счет его пространственно-горизонтальной диверсификации. Такие изменения, в свою очередь, помогли выстроить региональные производственные цепочки, которые позволяли создавать и укомплектовывать продукт с гораздо меньшими затратами, чем это происходило в рамках технологических процессов многих вертикально

структурированных компаний. Одним из показательных примеров в этой области стало производство полупроводников. Оно начало активно развиваться в Малайзии, Таиланде, на Филиппинах, позднее во Вьетнаме, однако его движущими силами были не национальные игроки, а основные мировые высокотехнологические гиганты этой отрасли – сначала американские компании «Интел», «Микрон», «Тексас Инструментс», «Амкор Текнолоджи», немецкая «Инфинеон Текнолоджис», позднее китайская «Тонгфу Микроэлектроникс» и др.

Сотрудничество в информационно-коммуникационной сфере в рамках АСЕАН на региональном уровне началось в 2005 г. Подводя промежуточные итоги этого взаимодействия и определяя задачи на будущее, в 2015 г. в рамках организации был принят Генеральный план АСЕАН в области ИКТ. Он определил четыре области приоритетного развития: 1) использование ИКТ в качестве инструмента регионального развития, 2) стремление закрепить роль АСЕАН в качестве глобального хаба в области ИКТ, 3) повышение качества жизни населения стран Ассоциации благодаря ИКТ, 4) использование ИКТ для углубления региональной интеграции²⁸.

В октябре 2019 г. секторальное направление сотрудничества в области ИКТ было официально переименовано в сотрудничество АСЕАН в области цифровизации. Его отдельными значимыми векторами на современном этапе стало развитие электронной коммерции, технологий для создания «умных городов», сотрудничество в области преодоления цифрового разрыва между странами-членами Ассоциации (в том числе с точки зрения доступа к Интернету). В целом в предшествующее пандемии десятилетие страны АСЕАН демонстрировали очень высокие общерегиональные темпы роста доступа к сети Интернет (рис. 15.1), хотя его национальные показатели по-прежнему существенно различались (табл. 15.1). В разы за аналогичный период вырос доступ к мобильной связи (с помощью которой, напомним, большинство жителей стран региона получает доступ к интернет-услугам) (рис. 15.2 и табл. 15.2).

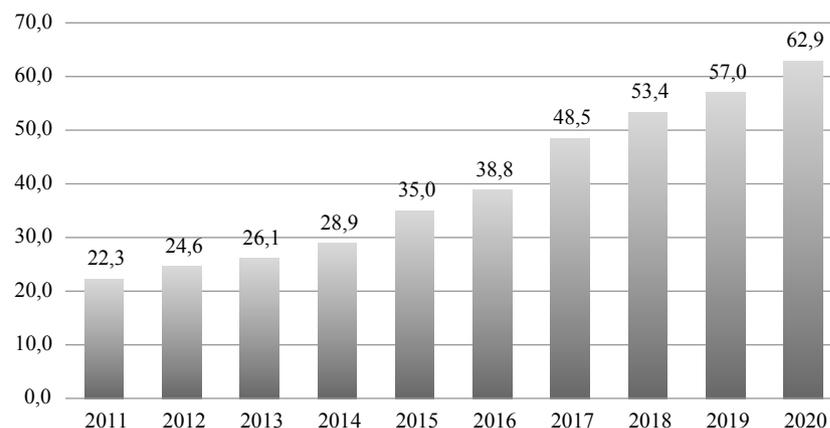

Рис. 15.1. Количество пользователей Интернета в АСЕАН на 100 человек, 2011–2020 гг. (оценочные данные)

Источник: ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2021. P. 264.

Таблица 15.1

Количество пользователей Интернета
в странах АСЕАН на 100 человек, 2011–2020 гг.

Год	Бруней	Камбоджа	Индонезия	Лаос	Малайзия	Мьянма	Филиппины	Сингапур	Таиланд	Вьетнам
2011	53,0	3,1	12,3	9,0	61,0	1,0	29,0	71,0	23,7	41,9
2012	56,0	4,9	14,5	10,7	65,8	4,0	36,2	72,0	26,5	39,5
2013	64,5	6,8	14,9	12,5	67,0	8,0	37,0	81,0	28,9	43,9
2014	68,8	9,0	17,1	14,3	67,5	11,5	39,7	82,0	34,9	48,3
2015	71,2	19,0	22,0	18,2	71,1	21,7	53,7	79,0	39,3	43,5
2016	75,0	25,6	25,4	21,9	78,8	25,1	55,5	81,0	47,5	46,5
2017	90,0	32,4	32,3	25,5	80,1	30,7	60,1	84,4	52,9	58,1
2018	94,6	65,0	39,8	25,5	81,2	33,1	67,9	88,2	56,8	69,8
2019	95,0	78,3	47,7	25,5	84,2	33,1	63,7	88,9	66,7	68,7
2020	–	78,8	53,7	–	89,6	–	–	92,0	77,8	70,3

Источник: ASEAN Statistical Yearbook 2021. P. 264.

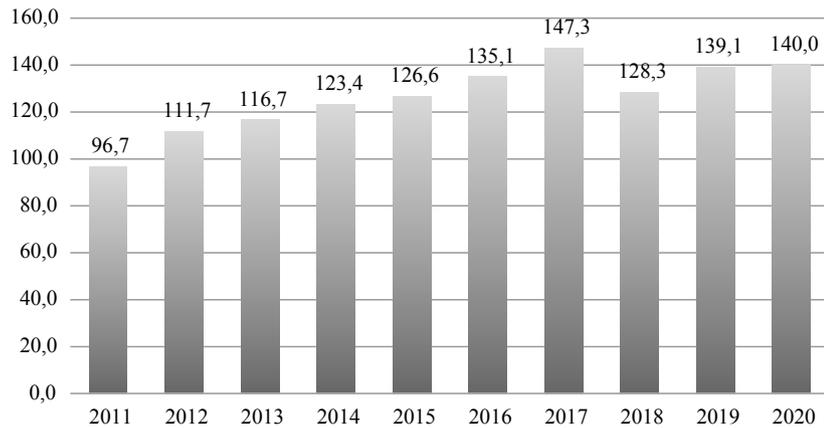

Рис. 15.2. Доступ к мобильным телефонам на 100 человек в АСЕАН, 2011–2020 гг. (оценочные данные)

Источник: ASEAN Statistical Yearbook 2021. P. 264.

Таблица 15.2

Доступ к мобильным телефонам на 100 человек
в странах АСЕАН, 2011–2020 гг.

Год	Бруней	Камбоджа	Индонезия	Лаос	Малайзия	Мьянма	Филиппины	Сингапур	Таиланд	Вьетнам
2011	112,7	108,0	102,5	87,2	127,0	2,4	98,1	149,6	114,6	144,9
2012	117,5	129,6	114,9	66,0	140,0	7,4	104,5	151,9	125,2	148,3
2013	115,4	135,4	125,9	69,1	143,6	13,3	103,5	156,3	137,5	137,9
2014	113,1	132,7	126,5	67,8	148,5	51,6	110,0	146,9	141,4	150,1
2015	108,1	133,0	132,6	53,1	143,9	75,7	115,8	146,5	152,7	128,8
2016	120,7	124,9	149,1	55,4	141,2	89,3	109,2	146,9	172,6	128,0
2017	128,3	116,0	164,4	53,4	136,1	89,8	110,1	146,8	175,6	126,9
2018	131,9	119,5	119,3	51,9	134,5	113,8	126,2	148,8	180,2	147,2
2019	132,7	129,9	126,1	60,8	139,6	137,7	154,8	155,6	186,2	141,2
2020	120,4	–	130,1	–	135,1	–	–	144,1	166,6	142,7

Источник: ASEAN Statistical Yearbook 2021. P. 264.

Представленная выше повышательная динамика доступа к Интернету и его использованию объясняет, почему в дальнейшем развитии цифровизации экономических процессов странам АСЕАН виделись существенные возможности не только для упрощения регуляторных процедур интеграционных процессов, но и для повышения странового и общерегионального ВВП. Институциональными элементами общерегиональных процессов цифровизации стали План действий АСЕАН в области цифровой интеграции, рассчитанный на 2019–2025 гг.²⁹, Соглашение АСЕАН об электронной коммерции (2019 г.)³⁰ и Генеральный план АСЕАН в области ИКТ (2020 г.)³¹.

В июне 2020 г., уже в период пандемии, американской неправительственной организацией «Эйжа фондейшн» (*Asia Foundation*) была запущена программа *Go Digital ASEAN Initiative*, предполагавшая расширение доступа к цифровым инструментам для более чем 200 тыс. человек, проживавших в отдаленных сельских районах или представлявших сообщества, имеющие ограниченные экономические возможности. Общий бюджет программы составил 3,3 млн долл. США. Наиболее активно программа реализовывалась в пиковые годы пандемии коронавируса нового типа (2021–2022 гг.). Она способствовала росту цифровых компетенций ее участников (81% малых и средних предприятий, подключившихся к программе, расширили свою клиентскую базу, 77% смогли перенести свой бизнес в онлайн, а 25% смогли сохранить деловые операции благодаря онлайн-инструментам³²) и увеличению возможностей для трудоустройства.

В условиях продолжавшейся пандемии в 2021 г. Бруней выделил цифровизацию в качестве отдельного приоритета повестки своего председательства. В январе 2021 г. состоялась первая встреча министров стран АСЕАН по цифровизации. По ее итогам был принят Генеральный план АСЕАН по цифровизации на 2021–2025 гг.³³ Процессы, связанные с цифровизацией, были отдельно прописаны в новой редакции Генерального плана АСЕАН по увеличению взаимосвязанности, рассчитанной на период до 2025 г.³⁴

Перечисленные выше документы обозначили важные направления сотрудничества для стран АСЕАН в цифровой сфере в условиях сохраняющихся рисков пандемии и тех тенденций, которые стали определяющими для современного облика стран региона и до нее, включая рост миграционных потоков, гиперактивную урбанизацию, необходимость обеспечения населения новыми рабочими местами. Вместе с тем, как отмечали многие аналитики, перспективные планы АСЕАН в области цифровизации не в полной мере учитывали фактор роста китайско-американских противоречий в технологической сфере, недостаток квалифицированной рабочей силы, которая могла бы реализовать эти планы в полной мере, а также не представляли однозначного ответа на вопрос об источниках финансирования цифровых инициатив, в особенности для малого и среднего бизнеса³⁵. Генеральный план АСЕАН по цифровизации на 2021–2025 гг. фиксировал в качестве одного из препятствий для расширения доступа к телекоммуникационным услугам низкий уровень инвестиций в данную отрасль на национальном уровне, однако не давал однозначного ответа, как решить данную проблему. Так, в качестве возможных опций отмечалось возможное привлечение инвестиций из других государств Ассоциации, поиск любых других источников инвестиций либо стимулирование телекоммуникационных операторов, работающих в масштабах всей Юго-Восточной Азии, к поиску инвестиций «из глобальных источников»³⁶.

Национальный уровень. Помимо сотрудничества на региональном уровне, процессы цифровизации активно разворачиваются на уровне отдельных стран Ассоциации. Национальные планы и стратегии по цифровизации разрабатываются и внедряются практически во всех странах АСЕАН.

Как уже отмечалось ранее, цифровизация является неотъемлемой компонентой сингапурского действующего стратегического плана в области исследований, инноваций и предпринимательства. Его бюджет на период 2021–2025 гг. составляет 24 млрд сингапурских долл. (порядка 17 млрд долл. США) и является беспрецедентным за весь период разработки соответствующих планов.

В Индонезии действует дорожная карта по цифровизации, рассчитанная на период 2021–2024 гг. Она нацелена на обеспечение населения более качественным доступом к телекоммуникационным услугам и преодоление цифрового разрыва внутри страны. В рамках дорожной карты было выделено десять приоритетных отраслей цифровизации: транспорт и туризм, торговля и финансовые услуги, сельское хозяйство, медиа и индустрия развлечений, сектор недвижимости, здравоохранение, образование, цифровизация промышленности и государственного управления³⁷.

В Малайзии в дополнение к национальному стратегическому документу о достижении общего благосостояния к 2030 г. в 2021 г. был принят план по развитию цифровой экономики (*MyDIGITAL*). В плане была сформулирована задача по построению экономики высокого дохода, которая должна опираться на процессы цифровизации, и превращению Малайзии в регионального цифрового лидера³⁸. Документ определил три магистральных направления цифровизации. Первое касается обеспечения 100%-ного доступа в Интернет для всего населения, доступа всех студентов к онлайн-образовательным ресурсам, а также создание 500 тыс. новых рабочих мест благодаря цифровым процессам. На втором направлении – в области деятельности бизнеса – в качестве целевых показателей заявлены 30%-ное увеличение производительности труда во всех секторах экономики и рост ВВП на 22,6% к 2030 г. На третьем треке – в области государственного управления – запланирован перевод 80% государственных услуг в полноценный онлайн-формат и обеспечение 100%-ной цифровой грамотности среди государственных служащих³⁹.

В Таиланде развитие цифровых процессов является частью более масштабной государственной программы, обозначаемой как «Таиланд 4.0». Программа включает два компонента и подразумевает общую трансформацию экономической системы страны с учетом четвертой промышленной революции и развитие масштабного восточного экономического коридора, проходящего по территориям провинций Чонбури, Районг и Чачёнгсау с выходом в Сиамский

залив. С 2017 г. в Таиланде начал реализовываться проект по расширению доступности Интернета в сельских районах, в результате которого порядка 75 тыс. сельских поселений были подключены к глобальной сети⁴⁰.

Различные государственные планы в области цифровизации реализуются на Филиппинах с начала 2000-х годов. В их ряду стоит отметить Стратегическую дорожную карту в области ИКТ (2006–2010), Цифровую стратегию Филиппин (2010–2016) и Стратегию цифровой трансформации Филиппин (2016–2022). Их задачи заключались в повышении цифровой грамотности населения, более активном использовании цифровых инструментов в экономическом секторе и государственном управлении. Вместе с тем период пандемии выявил серьезную уязвимость Филиппин с точки зрения охвата населения доступом в Интернет, его качества и возможности использования в сферах образования и здравоохранения⁴¹.

Вьетнам уделяет особое внимание процессам цифровизации, в развитии которых руководству страны видится ключ к дальнейшему технологическому и экономическому подъему. В этом контексте в мае 2022 г. решением премьер-министра № 569 была введена в действие Стратегия развития науки, технологий и инноваций. Одной из ключевых задач ее реализации является постепенное сокращение отраслей с низким уровнем производительности труда и устаревшими технологиями и переход к более передовым производствам, включая те, которые являются стержневыми для четвертой промышленной революции, с опорой на цифровизацию всех отраслей экономики⁴². Во Вьетнаме также действует национальная программа цифровой трансформации, рассчитанная на период до 2025 г. и предполагающая, что к моменту ее завершения 80% государственных услуг должны предоставляться в онлайн-режиме с возможностью доступа к ним с мобильного телефона, национальные базы данных должны быть полностью переведены в электронный формат, значительная доля внутреннего документооборота государственных органов власти на всех уровнях будет осуществляться электронно, а сектор цифровой экономики составит 20% ВВП⁴³.

Процессы цифровизации постепенно охватывают и другие страны региона – Камбоджу, Лаос, Мьянму, – однако там их развитие оказывается осложнено более низким уровнем развития технологий и экономики в целом.

При том что все страны АСЕАН возлагают большие надежды на цифровизацию своих экономик, зачастую недооцененными в плане вызовов остается сохраняющаяся зависимость этих государств от иностранных технологий, в частности обеспечивающих функционирование интернет-сетей нового поколения (5G). Вместе с тем доступ к 5G и распространение соответствующих технологических стандартов уже давно стали объектом противоречий Китая и США со всеми вытекающими рисками формирования взаимоисключающих технологических сфер.

Интенсификация процессов цифровизации требует более серьезного обеспечения информационной безопасности и постоянно расширяющихся возможностей облачных хранилищ, в то время как статистика доступа населения стран АСЕАН к безопасным серверам пока что остается не очень обнадеживающей (табл. 15.3). Из всех стран региона только Бруней и Сингапур превосходят среднемировые значения по этому показателю, в то время как все остальные страны АСЕАН серьезно отстают. Так, даже применительно к Малайзии разрыв между среднемировым уровнем и национальным составляет 1,5 раза, в случае Вьетнама – 3,7 раза, Таиланда и Индонезии – порядка 6.

Несмотря на значительное число государственных стратегий и планов по развитию цифровой сферы, в последние годы страны Ассоциации по-прежнему оставались уязвимыми для растущего количества рисков в области информационной безопасности. Среди основных угроз в киберпространстве для АСЕАН в 2020 г. Интерпол выделил следующие: использование ботнет-сетей, фишинг, атаки с использованием корпоративной электронной почты (*BEC*-атаки), распространение банковских троянов, распространение программ-вымогателей, криптоджекинг (использование зараженных устройств для скрытого майнинга криптовалют)⁴⁴.

Таблица 15.3

**Количество безопасных интернет-серверов
на 1 млн человек, 2020 г.**

Страна	Количество безопасных серверов
Бруней	15 749
Камбоджа	189
Индонезия	1 878
Лаос	53
Малайзия	7 494
Мьянма	14
Филиппины	114
Сингапур	12 8378
Таиланд	1 908
Вьетнам	3 106
Среднемировые значения	11 4999

Источник: World Bank Development Indicators. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/IT.NET.SECR.P6?end=2020&start=2010&view=chart>.

Заключение

Цифровизация позволила странам региона сделать существенный рывок в развитии, отчасти нивелировать отрицательные экономические и социальные эффекты пандемии. Экономические дивиденды в ряде отраслей смогли получить даже наименее развитые страны региона. Достижения в области ИКТ дали основания странам АСЕАН активно заявлять о своих лидерских амбициях в данной сфере не только в макрорегиональном, но и глобальном масштабе.

Однако при всех видимых положительных эффектах цифровой трансформации регион продолжает оставаться уязвимым по целому ряду параметров. Инонациональная технологическая база, недостаточный учет фактора китайско-американских противоречий, активно распространившихся на технологическую сферу, рассмотрение задач цифровизации зачастую в отрыве от реальных

экономических возможностей многих стран Ассоциации, внутри-региональный и внутринациональные цифровые разрывы могут привести к тому, что желаемые результаты будут достигнуты далеко не в полной мере. Отмеченные выше проблемы могли бы быть отчасти решены в партнерстве с внешними игроками, однако рост конфронтационных тенденций в мировой системе может оказаться дополнительным фактором риска для практической реализации подобных партнерств и региональной цифровой трансформации.

Примечания

- ¹ Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Geneva: World Economic Forum, 2016.
- ² Dent Ch. East Asian Regionalism. Abington: Routledge, 2008.
- ³ Studwell J. Asian Godfathers. Money and Power in Hong-Kong and South-East Asia. L.: Profile Books, 2007. P. xxiv–xxv.
- ⁴ Political business in East Asia / Ed. by E.T. Gomez. L.: Routledge, 2002; Robinson R. Indonesia: The Rise of Capital. Singapore: Equinox Publishing, 2008. P. 250–270; Studwell J. Op. cit.
- ⁵ Research and Development Expenditure (% of GDP). World Development Indicators. UR: <https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS> (accessed: 24.09.2022).
- ⁶ McKay S.C. Satanic Mills or Silicon Islands? The Politics of High-Tech Production in the Philippines. Manila: Ateneo de Manila University Press, 2006; Studwell J. How Asia Works. Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. L.: Profile Books, 2013; Лунев С.И., Колдунова Е.В. Развитие социально-политической мысли, высоких технологий и науки в крупнейших странах Азии. М.: Academia, 2015; Афро-азиатские страны и новые технологии / Отв. ред. Н.Н. Цветкова. М.: ИВ РАН, 2019; Экономика стран Юго-Восточной Азии / Под ред. В.М. Мазырина. М.: АНО ИИЦ «Наука», 2020; Колдунова Е.В., Лунев С.И., Лунева Е.С. Роль университетов и фабрик мысли в крупнейших странах Азии в развитии науки и высокотехнологической сферы. М.: МГИМО, 2022.
- ⁷ ASEAN faces wide AI gap as Vietnam and Philippines lag behind // Financial Times. 2020. October 23. URL: <https://www.ft.com/content/e99fcb64-2a26-4fa8-9911-03942fbf4493> (accessed: 24.09.2022).
- ⁸ Пахомова Л.Ф. Модели процветания. Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. С. 23.

- ⁹ Research, Innovation and Enterprise 2025 Plan. Singapore: National Research Foundation, 2020.
- ¹⁰ Ли Куан Ю. Сингапурская история: из «третьего мира» – в первый. М.: МГИМО-Университет, 2005. С. 651.
- ¹¹ Подробнее о роли «Петронас» в развитии Малайзии см.: Пахомова Л.Ф. Указ. соч. С. 88–90.
- ¹² Махатхир бин Мохамад о современном мире (беседа с Виталием Наумкиным). М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 7.
- ¹³ Mohamad M. A Doctor in the House: The Memoirs of Tun Dr Mahathir Mohamad. KL: MPH Group Publishing, 2011. P. 161.
- ¹⁴ Название компании является акронимом от *Perusahaan Otomobil Nasional Sendirian Berhad* (Национальная автомобильная компания с ограниченной ответственностью). На момент создания компания полностью принадлежала государству и ее руководителем был сам премьер-министр. В 2012 г. «Протон» приобрела малайзийская компания *DRB-HICOM*.
- ¹⁵ Andaya B.W. A History of Malaysia / B.W. Andaya, L.Y. Andaya. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001. P. 319.
- ¹⁶ Studwell J. How Asia Works. Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. L.: Profile Books, 2013. P. 112.
- ¹⁷ Подробнее см.: Amir S. The Technological State in Indonesia: the co-constitution of high technology and authoritarian politics. Abington: Routledge, 2013. P. 12–16.
- ¹⁸ Ibid. P. 65.
- ¹⁹ Он занимал этот пост в 1998–1999 г. Его предшественник – Сухарто – ушел с президентского поста в 1998 г. в результате массовых волнений, охвативших Индонезию в период экономического кризиса.
- ²⁰ Amir S. Op. cit. P. 165.
- ²¹ Kaosa-ard M. Economic Development and Institutional Failures in Thailand // TDRI Quarterly Review. 1998. March. Vol. 13. No. 1. P. 3–11.
- ²² Siriprachai S. Industrialization with a Weak State. Thailand's Development in Historical Perspective / Ed. by K. Sugihara, P. Phongpaichit, C. Baker. Singapore: NUS Press, 2012. P. 134–156.
- ²³ Ibid. P. 155.
- ²⁴ Мазырин В.М. Вьетнамская экономика сегодня. Итоги 25 лет рыночной трансформации (1986–2010 гг.). М.: ИД «Форум», 2013. С. 104.
- ²⁵ Global Innovation Index 2021. Tracking Innovation through COVID-19 Crisis. Geneva: WIPO, 2021. P. 23.
- ²⁶ Подробнее см.: ASEAN Plan of Action on Science, Technology and Innovation (APASTI) 2016–2025. Implementation Plan. Jakarta: The ASEAN Secretariat, 2017.
- ²⁷ Making IT. The Rise of Asia in High Tech / Ed. by H.S. Rowen, M.G. Hancock, and W.F. Miller. Stanford: Stanford University Press, 2007. P. 4.
- ²⁸ We're Stronger When We're Connected. ASEAN ICT Master Plan 2015. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/2012/Economic/TELMIN/ASEAN%20ICT%20Masterplan%202015.pdf> (accessed: 24.09.2022).
- ²⁹ ASEAN Digital Integration Framework Action Plan (2019–2025). URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2018/02/AECC18-ASEAN-DIFAP_Endorsed.pdf (accessed: 24.09.2022).
- ³⁰ ASEAN Agreement on Electronic Commerce 2019. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20190306035048.pdf> (accessed: 24.09.2022).
- ³¹ ASEAN ICT Master Plan 2020. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/02/V4-Final-Draft->. URL: [AIM2020_Review_Final_Draft_19Nov2020.pdf](https://asean.org/wp-content/uploads/2021/02/V4-Final-Draft-) (accessed: 24.09.2022).
- ³² “Go Digital ASEAN” Impact Summary Report: MSMEs, job seekers benefit from digital skills training. URL: <https://asean.org/go-digital-asean-impact-summary-report-msmes-job-seekers-benefit-from-digital-skills-training/> (accessed: 24.09.2022).
- ³³ ASEAN Digital Masterplan (2021–2025). URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/08/ASEAN-Digital-Masterplan-2025.pdf> (accessed: 24.09.2022).
- ³⁴ Master Plan on ASEAN Connectivity (MPAC) 2025. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2018/01/47-December-2017-MPAC2025-2nd-Reprint-.pdf> (accessed: 24.09.2022).
- ³⁵ Quah Say Jye, Chen K. Digital Masterplan: Getting the Next Five Years Right for ASEAN // The Business Times. 2021. August 19. P. 19.
- ³⁶ ASEAN Digital Masterplan (2021–2025). P. 19.
- ³⁷ Hani A. Indonesia Unveils its Latest Digital Transformation Strategy. October 21, 2021 // URL: <https://opengovasia.com/indonesia-unveils-its-latest-digital-transformation-strategy/> (accessed: 23.09.2022).
- ³⁸ Malaysia Digital Economy Blueprint. Putrajaya: Economic Planning Unit, Prime Minister's Department, 2021. P. 10.
- ³⁹ Ibid. P. 11.
- ⁴⁰ Thailand's Digital Transformation Boosts Data Industry // The Bangkok Post. 2021. July 2. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/2142475/thailand-digital-transformation-boosts-data-industry> (accessed: 24.09.2022).
- ⁴¹ Ona Sh. Digitalization Agenda 2022: Towards a Resilient Philippines Through Digital Transformation and Inclusion // Beyond the Crisis: A Strategic Agenda for the Next President / Ed. by Victor Andres 'Dindo' Manhit. Manila: Albert Del Rosario Institute for Strategic and International Studies, 2022. P. 357–386.

- ⁴² Decision No. 569/QĐ-TTg dated May 11, 2022 on Promulgating the strategy for development of science, technology and innovation by 2030 // URL: <https://hethongphapluat.com/decision-no-569-qd-ttg-dated-may-11-2022-on-promulgating-the-strategy-for-development-of-science-technology-and-innovation-by-2030.html> (accessed: 24.09.2022).
- ⁴³ Program on national digital transformation approved. Vietnam Law and Legal Forum. September 24, 2022. URL: <https://vietnamlawmagazine.vn/program-on-national-digital-transformation-approved-27272.html> (accessed: 24.09.2022).
- ⁴⁴ ASEAN Cyberthreat Assessment 2020. Key Insights from the ASEAN Cybercrime Operations Desk. Singapore: Interpol, 2020.

Глава 16

Климатическая и экологическая повестка АСЕАН: нарастающие риски и перспективные ответы

АННОТАЦИЯ: Глава посвящена рассмотрению основных климатических и экологических рисков для устойчивого развития стран АСЕАН. Во введении обозначены ключевые цели и задачи АСЕАН в области экологии и адаптации к изменению климата, а также выделены основные препятствия на пути к их реализации. Далее приводится краткий обзор текущих тенденций демографического и социально-экономического развития региона в контексте их взаимосвязи с ухудшением условий окружающей среды. Затем дается характеристика основных тенденций изменения климата на территории АСЕАН и их последствий. Показано, что климатические изменения представляют угрозу для жизни и здоровья населения, а также продуктивности хозяйства. Выявлены главные проблемы экологического характера, присущие странам АСЕАН, среди них загрязнение воздуха, сокращение площади лесов, деградация почв, дефицит пресной воды, сокращение биологического разнообразия, загрязнение твердыми бытовыми отходами, высокий уровень выбросов парниковых газов. В заключение обосновывается необходимость комплексного подхода к решению проблем устойчивого развития, экологии и климата, разработки системы мер, которая бы позволила сохранить уникальные природные ресурсы стран АСЕАН в будущем без ущерба для благосостояния населения в настоящем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: изменение климата, экологическая ситуация, устойчивое развитие, АСЕАН, стихийные бедствия, загрязнение, адаптация, снижение рисков, защита окружающей среды, благосостояние населения.

ABSTRACT: The chapter is devoted to the main climate and environmental risks for the sustainable development of ASEAN member states. The introduction outlines the key goals and objectives of ASEAN in the field of environment preservation and adaptation to climate change, and highlights the main obstacles to their implementation. Then paper continues with a brief overview of current trends in the demographic and socio-economic development of the region in the context of their relationship with environmental deterioration and the negative impacts of climate change. Then, a description of the main trends in climate change in ASEAN and their consequences is given. It is shown that these tendencies pose a threat to population's life and health, as well as to the economic production. The main environmental problems inherent in the ASEAN countries are identified, including air pollution, deforestation, soil degradation, fresh water shortage, biodiversity reduction, solid waste pollution, and high levels of greenhouse gas emissions. In conclusion, the authors substantiate the necessity of an integrated approach to solving the problems of sustainable development, ecology and climate, the development of a set of measures that would allow preserving the unique natural resources of the ASEAN countries in the future without compromising the well-being of the population in the present.

KEYWORDS: climate change, state of environment, sustainable development, ASEAN, natural disasters, pollution, adaptation, risk reduction, environmental protection, public welfare.

Введение

РЕГИОН АСЕАН обладает богатейшими природными ресурсами, в том числе биологическими. На его территории сосредоточено 20% всех известных видов растений и животных, а также находятся уникальные морские экосистемы¹. Однако к концу XX в. страны АСЕАН начали сталкиваться со все более серьезными экологическими нагрузками и проблемами, которые угрожают не только живой

природе, но и дальнейшему устойчивому развитию общества. Так, задачи в области экологии и климата входят в 13 из 17 Целей ООН в области устойчивого развития². Природные ресурсы играют особенно важную роль в обеспечении продовольственной и энергетической безопасности, а также в поддержании широкого спектра видов экономической деятельности в странах-участницах АСЕАН. Ухудшение состояния окружающей среды и учащение стихийных бедствий в значительной мере вызваны глобальным изменением климата, поэтому климатическая повестка не менее актуальна для региона.

В свете этого уже с конца 1990-х годов АСЕАН приступила к разработке и институализации региональных программ по защите окружающей среды и борьбе с глобальным изменением климата. К настоящему моменту странами-участницами организации был подписан целый ряд соглашений в данной области, включая Соглашение АСЕАН по проблеме трансграничного задымления (2002 г.)³, договор о создании Природоохранной сети АСЕАН по защите дикой природы (2005 г.)⁴, Себуанскую декларацию об энергетической безопасности Восточной Азии (2007 г.)⁵. Регулярно проводятся встречи министров⁶ и ответственных должностных лиц АСЕАН⁷ по вопросам окружающей среды.

В 2015 г. был принят план социально-культурного развития АСЕАН до 2025 г.⁸, в котором были определены следующие цели в рамках достижения «устойчивости»:

- С. 1. Сохранение биоразнообразия и устойчивое управление природными ресурсами.
- С. 2. Экологически устойчивые города.
- С. 3. Устойчивый климат.
- С. 4. Устойчивое потребление и производство.

Для реализации этих целей в 2016 г. был принят Стратегический план АСЕАН по окружающей среде⁹, в котором заявлены семь основных направлений действий:

- 1) сохранение биоразнообразия и устойчивое управление природными ресурсами;

- 2) защита морских и прибрежных экосистем;
- 3) сбережение водных ресурсов;
- 4) создание экологически устойчивой городской среды;
- 5) адаптация к изменению климата и смягчение его последствий;
- 6) борьба со свалками и загрязнением;
- 7) стимулирование устойчивого потребления и производства для построения экономики замкнутого цикла.

Однако на пути достижения вышеупомянутых целей страны АСЕАН могут столкнуться с целым рядом трудностей и препятствий, связанных с некоторыми особенностями как их природно-географического положения, так и социально-экономического развития:

- 1) высокое число стихийных бедствий, включая засухи, тайфуны и наводнения, и накопленный из-за них ущерб и экономический стресс;
 - 2) обширная береговая линия с многочисленными прибрежными городами и высокой концентрацией экономической деятельности в прибрежных районах;
 - 3) сравнительно высокая плотность населения и его концентрация в прибрежных районах;
 - 4) высокая интенсивность миграции населения как внутригосударственной, так и трансграничной;
 - 5) высокий уровень бедности населения;
 - 6) значительная зависимость общества и экономики от секторов, на которые непосредственно влияет изменение климата (сельского, лесного и рыбного хозяйства);
 - 8) высокая зависимость стран АСЕАН от «грязных» источников энергии, в том числе рост доли угля в энергопроизводстве;
 - 7) особенности региональной и глобальной экономической интеграции, вызывающие риски для продовольственной безопасности стран-импортеров продукции сельского, лесного и рыбного хозяйства из АСЕАН;
- и др.

В свете вышеизложенного в данном исследовании авторы ставят следующие задачи:

- 1) оценить текущую климатическую и экологическую ситуацию в странах АСЕАН;
- 2) определить главные климатические и экологические риски для стран региона;
- 3) оценить уровень уязвимости к ним и возможности адаптации;
- 4) выделить потенциальные препятствия на пути реализации программ адаптации;
- 5) предложить практические рекомендации, ориентированные на обеспечение устойчивого развития стран АСЕАН с учетом климатической и экологической повестки.

Социально-экономический контекст

Численность населения стран АСЕАН продолжает увеличиваться (рис. 16.1), хотя темпы ее роста в целом снижаются со второй половины XX столетия, как и показатели рождаемости во всех странах-участницах Ассоциации. На 2021 г. общая численность населения АСЕАН превысила 673 млн человек и составила 8,6% населения мира. Темп роста численности населения в среднем снизился до 1,1%. При этом АСЕАН отличается высокой плотностью населения. В 2021 г. она достигала 150 человек на 1 кв. км, что превосходит среднемировое значение данного показателя в 2,5 раза¹⁰. Особенно плотно заселены Сингапур, Филиппины, Вьетнам, Индонезия.

Параллельно с этим продолжают развиваться процессы урбанизации, растет доля городского населения (рис. 16.2). В среднем по АСЕАН данный показатель в 2021 г. достиг 50%. Самой урбанизированной страной-участницей Ассоциации остается город-государство Сингапур, где все население проживает в городской местности. В Брунее и Малайзии уровень урбанизации приближается к 80%. Быстрее всего доля городского населения растет в Лаосе (3,2% в год), Камбодже (3,1% в год) и Вьетнаме (2,7% в год). При этом обостряются связанные с данным процессом проблемы, характерные для развивающихся стран: субурбанизация, ложная урбанизация, рост неравенства между городом и селом. Зачастую инфраструктура в горо-

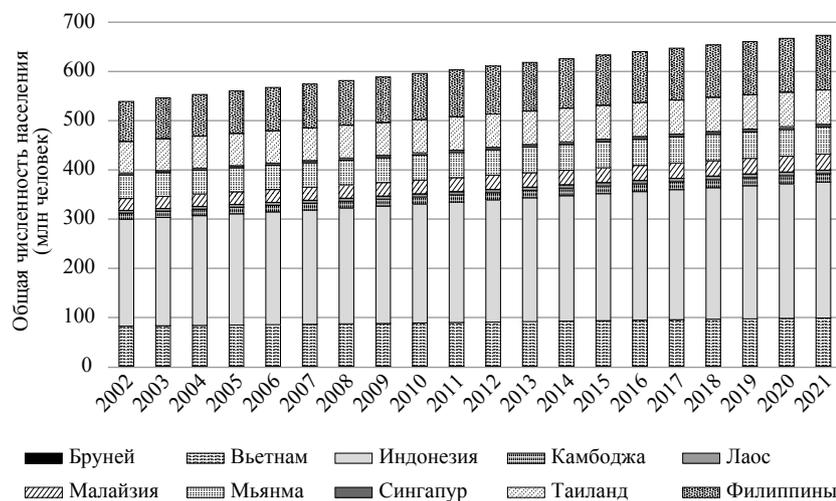

Рис. 16.1. Численность населения стран АСЕАН в 2002–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.06.2022).

дах оказывается недостаточной для быстрорастущего населения, что снижает его обеспеченность питьевой водой, продуктами питания, а также ухудшает доступность санитарных систем, служб здравоохранения и т.д.

Экономика региона динамично развивается. За двадцатилетие с 2002 по 2021 г. совокупный ВВП стран АСЕАН вырос в 5 раз и достиг 3,3 трлн долл. США (рис. 16.3). По прогнозам, к 2030 г. АСЕАН станет четвертой крупнейшей экономикой мира¹¹. Больше всего за последние пять лет (2017–2021 гг.) выросли экономики Вьетнама (рост ВВП на 21,3% в постоянных ценах долл. США 2015 г.), Лаоса (15,5%), Камбоджи (14,9%), Индонезии (12,2%). Однако рост ВВП в пересчете на душу населения остается куда более скромным¹².

По мере развития меняется и отраслевая структура экономик стран АСЕАН. Снижается доля сельского хозяйства в ВВП. Особенно сильно она сократилась в странах, где имела высокие значения:

Рис. 16.2. Уровень урбанизации стран АСЕАН в 2002–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.06.2022).

в Мьянме с 55,5% в 2002 г. до 23,5% в 2021 г., в Лаосе с 33,4 до 16,1%, в Камбодже с 31,1 до 22,8%. В части стран АСЕАН процесс индустриализации еще продолжается (рис. 16.4). За последнее двадцатилетие доля промышленности выросла в ВВП Мьянмы на 23,2%, в Лаосе — на 15,8, в Камбодже — на 12,6%. Другие страны АСЕАН уже вступили в постиндустриальную фазу, доля промышленности в их экономиках сокращается, растет третичный сектор. Доля услуг за последние 20 лет возросла в ВВП всех стран-участниц Ассоциации. Однако стоит отметить, что рост промышленности и торговли в традиционно аграрных странах связан с развитием обрабатывающих отраслей, работающих с продукцией сельского хозяйства. Аграрный сектор остается основным нанимателем в регионе, доля занятых в нем достигает 61% от общей занятости в Лаосе, 49% в Мьянме, 37% во Вьетнаме, а в среднем по региону без учета Сингапура и Брунея составляет 31%¹³.

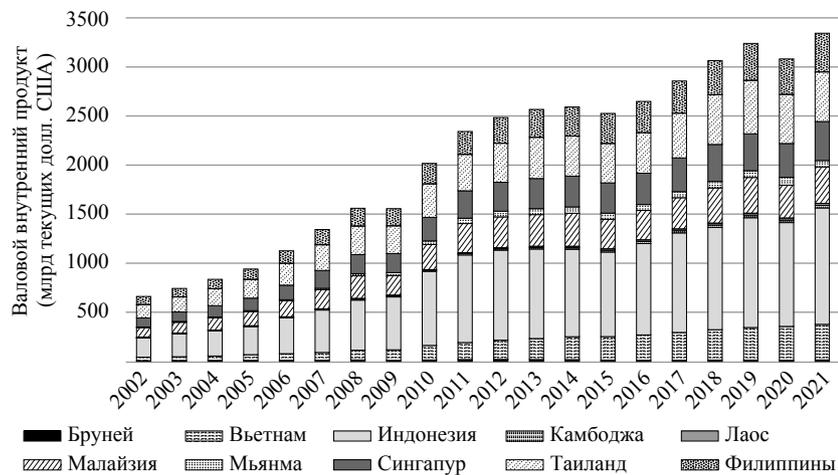

Рис. 16.3. ВВП стран АСЕАН в 2002–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.06.2022).

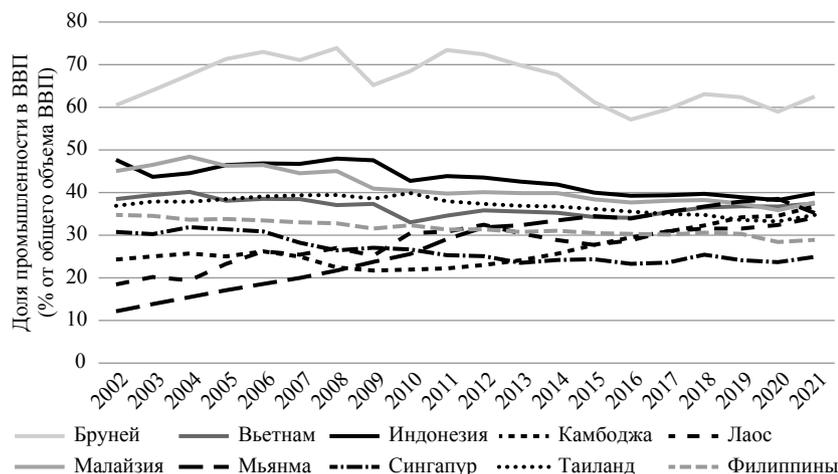

Рис. 16.4. Уровень индустриализации стран АСЕАН в 2002–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.06.2022).

Примечание: данные по Вьетнаму недоступны.

Суммируя, отметим следующие особенности демографического и социально-экономического развития АСЕАН. Прежде всего, рост численности населения и его сравнительно молодой средний возраст создают большой спрос на всевозможные товары и приводят к экстенсивному экономическому росту за счет масштабов, однако интенсивность производств растет не столь заметно. При этом сохраняется зависимость экономики от отраслей, напрямую связанных с природными ресурсами, климатическими условиями и экологической обстановкой.

Изменение климата и его последствия

Среднегодовые температуры в регионе АСЕАН в последние 50 лет росли со скоростью порядка $0,1-0,3^{\circ}\text{C}$ за 10 лет, что не превышает скорости роста глобальной температуры¹⁴. Однако скорость роста среднегодовых температур в отдельных странах АСЕАН за последнее десятилетие (2012–2021 гг.) значительно превосходит эти показатели (табл. 16.1). Особенно быстро теплеет в северной части региона (Вьетнам, Лаос, Филиппины, Камбоджа, Таиланд). Согласно некоторым прогнозам, к 2100 г. рост температур в Юго-Восточной Азии может достигнуть $4,8^{\circ}\text{C}$ по сравнению с 1990 г.¹⁵

При этом климат становится более засушливым, среднегодовое количество осадков сокращается (см. табл. 16.1). За последнее десятилетие (2012–2021 гг.) количество осадков сократилось более всего также в северных странах АСЕАН (Филиппины, Лаос, Мьянма, Таиланд). Засухи в этих странах наступают особенно часто с июня по сентябрь, когда сезон дождей приходит в юго-западную часть региона. Во время сезона дождей интенсивность осадков возрастает во всех странах АСЕАН¹⁶. Изменение погодных условий в регионе во многом связано с глобальными природными феноменами Эль-Ниньо и Ла-Нинья¹⁷. Однако климатические прогнозы говорят о том, что тенденция к сокращению количества осадков в ближайшие десятилетия изменится на противоположную¹⁸.

Таблица 16.1

Изменения основных климатических показателей стран АСЕАН за 2012–2021 гг.

Страна	Изменение среднегодовых температур за 2012–2021 гг. (°С / 10 лет)	Изменение среднегодового количества осадков за 2012–2021 гг. (мм / 10 лет)
Бруней	0,2	–146
Вьетнам	0,9	–52
Индонезия	0,1	0,1
Камбоджа	0,6	–16
Лаос	0,9	–452
Малайзия	0,3	–147
Мьянма	0,4	–366
Сингапур	0,1	437
Таиланд	0,6	–361
Филиппины	0,7	–549

Источник: рассчитано авторами на основе данных World Bank Climate Change Knowledge Portal. URL: <https://climateknowledgeportal.worldbank.org> (дата обращения: 14.06.2022).

Еще одним глобальным явлением, представляющим значительную опасность для устойчивого развития стран региона, является повышение уровня моря. При условии реализации инерционного сценария роста выбросов парниковых газов (RCP 8.5) к 2100 г. уровень моря в некоторых районах, таких как дельта реки Меконг, может повыситься более чем на 1 м по сравнению в 1990 г.¹⁹, что приведет к затоплению значительных площадей. Данный процесс представляет особую опасность для стран АСЕАН в силу большой протяженности береговой линии (за исключением Лаоса, не имеющего выхода к морю) и сосредоточения в низинных прибрежных районах значительной доли населения, крупных городов, включая столицы, важных сельскохозяйственных и промышленных районов (табл. 16.2). Уже в 2030 г. прибрежные и речные наводнения могут затронуть 97% площади Манилы, 96% площади Бангкока, 16% пло-

Таблица 16.2

Прибрежные территории стран АСЕАН, расположенные на высоте ниже 5 м над уровнем моря, и доля проживающего в них населения, на 2010 г.

Страна	Территории, расположенные на высоте ниже 5 м над уровнем моря				Доля населения, проживающего на этих территориях (% от общей численности населения)	
	городские		сельские		городское	сельское
	кв. км	% от общей площади	кв. км	% от общей площади		
Бруней	15,07	0,26	6,89	0,12	1,07	0,54
Вьетнам	2 598,80	0,80	47 580,92	14,61	7,33	29,64
Индонезия	4 193,40	0,22	48 064,53	2,56	3,76	3,61
Камбоджа	111,94	0,06	4 671,19	2,63	0,65	6,54
Лаос	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
Малайзия	980,78	0,30	3 380,07	1,03	3,14	1,96
Мьянма	459,75	0,07	23 538,32	3,54	2,92	8,05
Сингапур	29,81	4,45	24,81	3,71	5,67	4,67
Таиланд	4 273,62	0,84	10 566,01	2,07	6,29	4,05
Филиппины	746,36	0,25	6 979,69	2,38	2,37	3,28

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 14.06.2022).

щади Джакарты²⁰, что причинит экономический ущерб, достигающий до нескольких сотен миллиардов долларов (512 млрд долл. США в случае Бангкока), и приведет к необходимости эвакуации миллионов человек.

Изменение климата становится причиной роста частоты и масштабов экстремальных погодных явлений, таких как волны жары,

сильные ливни, засухи, речные и прибрежные наводнения. В большей или меньшей степени они наблюдаются на территории всех стран АСЕАН (табл. 16.3). Помимо того, риск стихийных бедствий увеличивает само расположение региона в поясе циклонов и на стыке тектонических плит, однако значимой тенденции к росту геофизических опасных природных явлений (землетрясения, цунами, извержения вулканов) не отмечается, поскольку они не связаны с климатическими процессами.

Аналогичным образом под влиянием изменения климата продолжает возрастать количество внезапных катастрофических стихийных бедствий гидрометеорологического характера (рис. 16.5). За 2012–2021 гг. особенно заметно выросла частота наводнений. Они составили 72% всех опасных погодных явлений. Также часты торнадо (13%) и штормы (7%).

Таблица 16.3

Экстремальные погодные явления в странах АСЕАН

Страна	Экстремальные погодные явления	
	наблюдаемые сегодня	прогнозируемые к 2100 г.
Бруней	Частые паводки, лесные пожары, сильные ветры и оползни	Повышение уровня моря в ближайшие 30–50 лет. Рост количества осадков, приводящий к наводнениям и оползням
Вьетнам	Увеличение числа засух, экстремальных осадков, супертайфунов и периодов тайфунов	Увеличение числа сильных и очень сильных тайфунов, интенсивности засух, количества жарких дней
Индонезия	Экстремальные ливни, увеличение числа наводнений, штормов и засух	Усиление влияния Эль-Ниньо, рост числа прибрежных наводнений, лесных пожаров
Камбоджа	Речные и дождевые паводки, высокая изменчивость режима осадков	Учащение очень сильных ливней, засух и наводнений
Лаос	Учащение очень сильных ливней, засух и наводнений	Учащение наводнений и засух

Окончание табл. 16.3

Страна	Экстремальные погодные явления	
	наблюдаемые сегодня	прогнозируемые к 2100 г.
Малайзия	Рост интенсивности осадков	Рост числа и продолжительности засушливых периодов, очень сильных ливней и речных наводнений
Мьянма	Рост интенсивности циклонов, засух и наводнений	Увеличение количества экстремально жарких дней
Сингапур	Общая тенденция к увеличению среднегодового количества осадков с 2192 мм в 1980 г. до 2727 мм в 2014 г.	Повышение контраста между влажными и засушливыми сезонами, рост частоты и интенсивности сильных ливней
Таиланд	Увеличение количества экстремально жарких дней, частоты наводнений	Увеличение количества экстремально жарких дней, частоты и интенсивности сильных ливней
Филиппины	Увеличение количества очень сильных ливней, экстремально жарких дней, засух, лесных пожаров, изменение активности тайфунов	Увеличение количества очень сильных ливней, экстремально жарких дней, изменение активности тайфунов, штормовые приливы в прибрежных районах

Источник: ASEAN State of Climate Change Report: Current Status and Outlook of the ASEAN Region toward the ASEAN Climate Vision 2050. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2021. – 167 p.

Стихийные бедствия представляют большую опасность для устойчивого развития региона, поскольку приводят к гибели населения, наносят ущерб его здоровью и влекут за собой значительные потери для экономики (табл. 16.5). Только прямой материальный ущерб от всех природных катастроф в АСЕАН за 10 лет составил 3,74 млрд долл. США²¹. Не менее значительным является и косвенный ущерб, который связан с прерыванием экономической деятельности на пострадавших территориях, необходимостью эвакуации значительного количества населения, утратой трудоспособности пострадавшими и т.д.

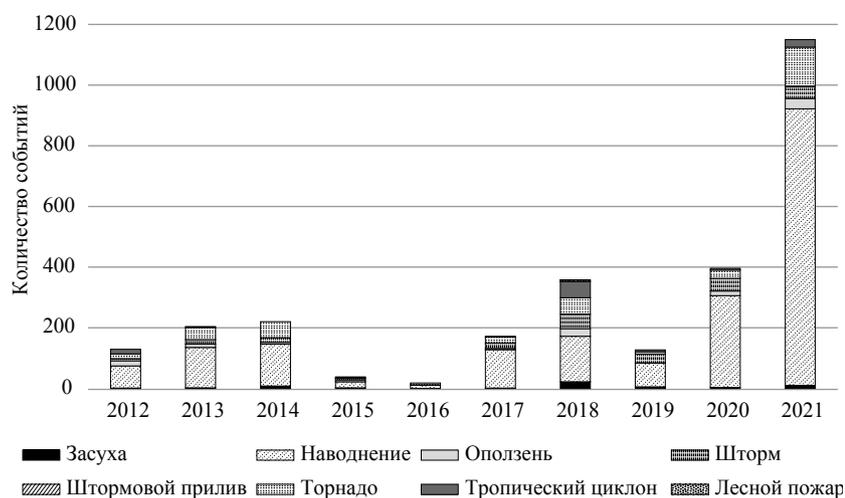

Рис. 16.5. Стихийные бедствия гидрометеорологического характера в АСЕАН в 2012–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных ASEAN Disaster Information Network. URL: <https://adinet.ahacentre.org> (дата обращения: 20.06.2021).

Помимо прямого материального ущерба, изменение климата несет риски для развития отдельных отраслей экономики и здоровья населения. Особенно сильно оно затрагивает отрасли, напрямую зависящие от состояния природных ресурсов и окружающей среды, а именно сельское, лесное и рыбное хозяйство, а также туризм, которые по-прежнему остаются важнейшими для рынка труда, ВВП и экспорта большинства стран АСЕАН (табл. 16.6). Косвенно снижение продуктивности аграрного сектора региона ставит под удар и продовольственную безопасность в странах-импортерах их сельскохозяйственной продукции. Помимо нехватки питьевой воды и продуктов питания, риски для здоровья населения несет распространение инфекционных заболеваний из-за наступления такого режима температур и осадков, которые являются более благоприятными для их возбудителей, а также обострение хронических заболеваний дыхательных органов, сердечно-сосудистой

Таблица 16.4

Крупные гидрометеорологические стихийные бедствия в странах АСЕАН в 2012–2021 гг. и их последствия

Страна	Кол-во бедствий за 10 лет ^a	Кол-во погибших (чел.) ^a	Кол-во пострадавших (чел.) ^a	Кол-во эвакуированных (чел.) ^b	Кол-во потерявших жилье (чел.) ^a	Материальный ущерб (тыс. долл. США) ^a
Бруней	0	0	0	0	0	0
Вьетнам	73	1 361	17 564 289	4 127 230	312 210	14 726 814
Индонезия	133	1 837	5 795 467	4 247 489	20 070	7 534 300
Камбоджа	14	310	5 844 153	513 655	57 950	602 000
Лаос	15	189	2 001 780	156 668	45	356 050
Малайзия	31	114	2 788 149	696 309	—	1 884 800
Мьянма	28	686	3 319 645	3 605 407	15 075	125 600
Сингапур	0	0	0	0	0	0
Таиланд	40	450	24 545 551	274 137	18 154	5 995 161
Филиппины	117	11 801	95 635 037	43 637 120	434 872	19 941 821

Источник: составлено авторами на основе данных а) EM-DAT. URL: <https://public.emdat.be/data> (дата обращения: 20.06.2022); б) Internal Displacement Monitoring Center. URL: <https://www.internal-displacement.org/database/displacement-data> (дата обращения: 20.06.2022).

Примечание: по методологии EM-DAT, к крупным стихийным бедствиям относятся события, в результате которых погибло 10 и более человек, либо пострададо 100 и более человек, либо было объявлено чрезвычайное положение.

системы, тепловые и солнечные удары. По прогнозам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), при реализации инерционного сценария изменения климата к 2050 г. в Юго-Восточной Азии недоедание может стать причиной до 5,5 тыс. дополнительных смертей ежегодно; малярия и кишечная инфекция будут уносить на 1 тыс. жизней больше, и на 10 тыс. человек больше может погибнуть за год из-за жары²².

Таблица 16.5

**Прогнозируемые негативные последствия изменения
климата для стран АСЕАН**

Последствия	Страны, подверженные негативным последствиям
Снижение продуктивности рисоводства и других сельскохозяйственных культур из-за изменения режима температур и осадков	Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Таиланд, Филиппины
Засоление почв из-за изменения режима осадков и подъема морской воды	Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Филиппины
Гибель кораллов, изменение видового состава рыб и другие негативные последствия для морских экосистем из-за повышения температуры воды	Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Мьянма
Негативные последствия для прибрежных экосистем из-за повышения уровня моря и наводнений, риск оползней	Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Филиппины
Сокращение площади мангровых лесов, снижение продуктивности рыбного хозяйства и производства креветок	Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Мьянма, Филиппины
Затопление прибрежных территорий из-за повышения уровня моря	Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Сингапур, Филиппины
Сокращение запасов пресной воды из-за уменьшения количества осадков, что будет иметь последствия для продовольственной безопасности населения, растениеводства и животноводства	Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины
Повреждения объектов инфраструктуры из-за роста числа наводнений и других стихийных бедствий	Вьетнам, Лаос, Малайзия, Мьянма, Таиланд, Филиппины
Рост частоты респираторных заболеваний из-за учащения лесных пожаров, повреждение пожарами лесных экосистем	Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Мьянма

Окончание табл. 16.5

Последствия	Страны, подверженные негативным последствиям
Распространение инфекционных заболеваний (малярии, лихорадки Денге и др.) из-за изменения режима температур и осадков	Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины

Источник: составлено авторами на основе ASEAN State of Climate Change Report.

Таким образом, можно заключить, что глобальное изменение климата представляет повышенную опасность для стран АСЕАН как в силу их географического положения, так и в силу особенностей демографического и социально-экономического развития. В числе внеприродных факторов, повышающих риски, особенно следует выделить концентрацию населения и важных экономических центров в прибрежных районах, а также зависимость экономики и рынка труда от сельского, лесного и рыбного хозяйства, которая сохраняется в большинстве стран АСЕАН.

Экологические проблемы

Изменение климата вкупе с ростом населения и стремительным экстенсивным экономическим развитием в регионе АСЕАН привели к изменению условий окружающей среды, которые связаны главным образом с загрязнением и чрезмерной эксплуатацией природных ресурсов. В свою очередь, сложные связи, действующие в любых экологических системах, порождают каскадные эффекты, в результате чего одни негативные явления начинают усугублять другие, создавая потенциал для разворачивания серьезных биологических и социально-экономических кризисов, а также значительно сокращая возможности по борьбе с изменением климата и адаптации к нему.

Загрязнение воздуха является серьезной экологической проблемой для региона. По данным некоторых исследований, все население Вьетнама, Камбоджи, Лаоса, Мьянмы, Сингапура, Таиланда постоянно подвергается воздействию загрязненного воздуха, концентрация вредных частиц $PM_{2.5}$ в котором превышает рекомендованные ВОЗ нормы (10 мкг на куб. м)²⁴. Уровень воздействия загрязненного воздуха на население особенно высок в городской местности, где может превышать нормы ВОЗ в 5–10 раз. В среднем по стране уровень загрязнения воздуха особенно высок в Мьянме и Вьетнаме. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Брунее, где уровень загрязнения воздуха взвешенными частицами составляет в среднем 6 мкг на куб. м и все население подвергается его воздействию в границах нормы, установленной ВОЗ (см. табл. 16.6).

Загрязнение воздуха является самой серьезной экологической проблемой с точки зрения вреда, которое оно наносит здоровью человека. По оценкам ВОЗ, ежегодно оно становится причиной 7 млн смертей в мире, вызывая инсульт, болезни сердца, рак легких, хронические обструктивные заболевания легких и респираторные инфекции, включая пневмонию²⁵. В таких странах АСЕАН, как Лаос, Филиппины, Мьянма, Камбоджа, уровень смертности от заболеваний, которые могли быть вызваны загрязнением воздуха, превышает среднемировые показатели (см. табл. 16.6). Основываясь на статистических оценках средней стоимости человеческой жизни, можно заключить, что загрязнение воздуха, таким образом, причиняет странам АСЕАН ущерб в сотни миллиардов долларов ежегодно.

Загрязнение воздуха тесно связано с выбросами парниковых газов, которые становятся основной причиной изменения климата. По данным за 2019 г., совокупные выбросы углекислого газа (CO_2) в странах АСЕАН составили 5,1% всех мировых выбросов (1,75 млн кт)²⁶. По мере роста экономики и численности населения объем выбросов в АСЕАН увеличивается. Главными источниками выбросов CO_2 являются энергетика, промышленность и транспорт (рис. 16.6). Подробнее о проблеме сокращения выбросов парниковых газов в контексте борьбы с изменением климата будет сказано ниже.

Таблица 16.6

Основные показатели ситуации, связанной с загрязнением воздуха, в странах АСЕАН

Страна	Загрязнение воздуха частицами $PM_{2.5}$, среднегодовые значения за 2017 г. (мкг / куб. м)	Доля населения, подвергающегося воздействию частиц $PM_{2.5}$ в степени, превышающей норму, рекомендованную ВОЗ, за 2017 г. (%)	Уровень смертности от причин, связанных с загрязнением воздуха, за 2016 г. (на 100 тыс. чел.)
Бруней	6	0,0	13,3
Вьетнам	30	100,0	64,5
Индонезия	17	95,6	112,4
Камбоджа	26	100,0	149,8
Лаос	25	100,0	188,5
Малайзия	16	90,5	47,4
Мьянма	36	100,0	156,4
Сингапур	19	100,0	25,9
Таиланд	26	100,0	61,5
Филиппины	18	96,4	185,2
В среднем по миру	46	91,3	114,2

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 25.05.2022).

Другим значительным источником атмосферного загрязнения в АСЕАН являются лесные пожары. Вызываемое ими трансграничное задымление остается серьезной проблемой, для решения которой странами АСЕАН было принято отдельное соглашение²⁷. Пожары и вызванные ими задымления не только представляют опасность для жизни и здоровья населения, но также подрывают работу туристического сектора, доля которого в общем объеме экспорта остается сравнительно значительной для ряда стран

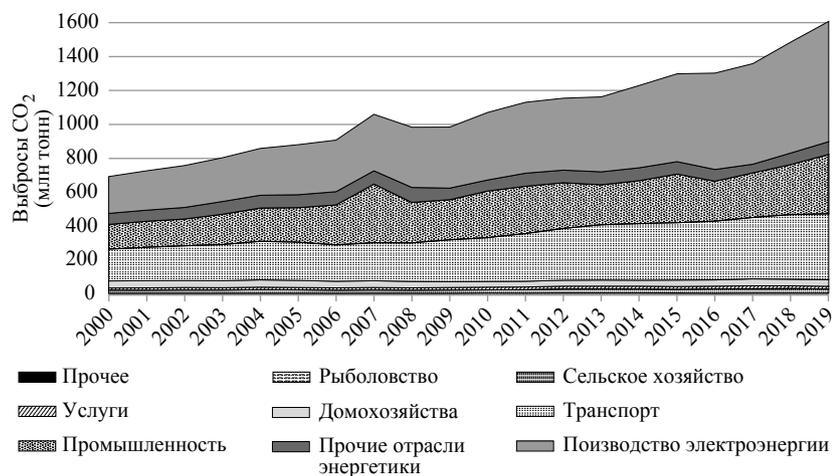

Рис. 16.6. Выбросы CO₂ по секторам экономики в АСЕАН за 2000–2019 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 16.06.2022).

АСЕАН (напр., 25% экспорта Камбоджи, 20% экспорта Таиланда в допандемийном 2019 г.)²⁸.

Сокращение площади лесов – еще один серьезный экологический вызов для устойчивого развития АСЕАН. Леса выполняют важнейшие экологические функции, связанные с сохранением биологического разнообразия, защитой почв от эрозии, поглощением углекислого газа, а лесное хозяйство остается источником заработка для значительной части населения стран региона²⁹. При этом темпы сокращения лесов на территории стран-участниц заметно превышают среднемировые показатели и являются одними из самых больших в мире. Самое заметное сокращение площади лесов наблюдается в Мьянме, Камбодже, Индонезии (табл. 16.7), что связано с экстенсивным развитием сельского хозяйства и промышленности, которое продолжает оставаться характерным для значительного числа стран региона в целом. При этом Вьетнаму за последние 50 лет удалось достигнуть немалых успехов в восстанов-

Таблица 16.7

Площадь лесов в странах АСЕАН

Страна	Площадь лесов на 2020 г. (кв. км)	Изменение площади лесов на 2020 г. по сравнению с 1990 г. (%)	Доля площади лесов в общей площади страны на 2020 г. (%)
Бруней	3 800,0	-8,0	72,1
Вьетнам	146 430,9	56,2	47,2
Индонезия	921 332,0	-22,3	49,1
Камбоджа	80 683,7	-26,7	45,7
Лаос	165 955,0	-7,0	71,9
Малайзия	191 140,4	-7,3	58,2
Мьянма	285 438,9	-27,2	43,7
Сингапур	155,7	5,0	22,0
Таиланд	198 730,0	2,6	38,9
Филиппины	71 885,9	-7,6	24,1
Мир	39 958 245,9	-3,2	30,7

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 27.05.2022).

лении лесных массивов, которые намеренно уничтожались в ходе войны 1955–1975 гг., в том числе при помощи химикатов, военными США³⁰, поскольку служили укрытием для партизан.

Причиной вырубки лесов становится добыча древесины, зачистка под пашни и пастбища, а также коммерческие плантации каучука и масличной пальмы³¹. Также лесные массивы уничтожаются в ходе добычи угля и других полезных ископаемых, строительства гидроэлектростанций³². Больше всего от изменения характера землепользования страдают уникальные для региона мангровые леса и лесные болота, представляющие собой сложные, специфические экосистемы. Зачастую они осушались под пашни без учета их уникальной роли в том числе в обеспечении водного баланса и сдерживании подъема морской воды. Восстановление этих лесных массивов крайне затруднительно. На сегодняшний день площадь

природных лесов сокращается во всех странах АСЕАН, а восстановление касается искусственно высаженных лесных массивов, которые в основном выращиваются из коммерческих сортов для хозяйственных нужд³³.

Деградация почв также связана с изменением характера землепользования и несет серьезные риски. В АСЕАН продолжает расти площадь сельскохозяйственных земель, т. е. пахотных земель и угодий, занятых многолетними сельскохозяйственными культурами или постоянными пастбищами. В Таиланде, Филиппинах и Вьетнаме их доля больше, чем в среднем по миру (табл. 16.8). Причиной расширения сельскохозяйственных угодий является рост численности населения в регионе, который ведет к повышению спроса на соответствующую продукцию, прежде всего на продукты питания. Кроме того, АСЕАН является крупным мировым экспортером каучука, пальмового масла, зерновых культур, сахарного тростника, чая, кофе, какао, орехов и др. Соответственно, увеличение численности населения и повышение спроса в странах-импортерах сельскохозяйственной продукции подталкивает к росту данную отрасль в странах-участницах АСЕАН, что ведет не только к росту экспорта и ВВП, но также к новым экологическим рискам, связанным с изменением характера землепользования. Расширение сельскохозяйственных земель является одной из главных причин обезлесения, о котором говорилось выше.

Рост сельскохозяйственных отраслей также привел к использованию чрезмерного количества удобрений (рис. 16.7) в стремлении повысить продуктивность почв, что стало причиной загрязнения почв химикатами и только снизило их плодородность³⁴. Поскольку зачастую под пашни переходят земли, которые были заняты лесами, то утрата лесного покрова вызывает эрозию почв. Недобросовестное использование солоноватой воды для поливов вкупе с повышением уровня моря вызвало проблему засоления почв, особенно в дельте реки Меконг, что делает такие земли практически непригодными для выращивания сельскохозяйственных культур³⁵.

Таблица 16.8

**Площадь сельскохозяйственных земель
в странах АСЕАН**

Страна	Площадь с/х земель на 2018 г. (кв. км)	Изменение площади с/х земель на 2018 г. по сравнению с 1990 г. (%)	Доля площади с/х земель в площади страны на 2018 г. (%)
Бруней	144,0	30,9	2,7
Вьетнам	121 688,0	80,9	39,2
Индонезия	623 000,0	38,2	33,2
Камбоджа	55 660,0	24,9	31,5
Лаос	23 940,0	44,2	10,4
Малайзия	85 710,0	26,9	26,1
Мьянма	128 890,0	23,6	19,7
Сингапур	6,6	-67,0	0,9
Таиланд	221 100,0	3,4	43,3
Филиппины	124 400,0	11,7	41,7
Мир	47 953 427,5	26,5	36,9

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 27.05.2022).

Таким образом, изменение характера землепользования, вызванное нуждами экономики, наносит трудновосполнимый ущерб не только живой природе, но и перспективам самого экономического развития, подрывая благосостояние населения и продовольственную безопасность.

Сокращение биологического разнообразия отчасти связано с описанными выше проблемами. Деградация различных экосистем, будь то лесных, морских, водных, сухопутных, ведет к вымиранию целых видов животных и растений (табл. 16.9).

Причиной тому становится развитие городов, транспортной инфраструктуры, промышленности, сельского хозяйства. Магистраль социально-экономического развития начинают проходить через особо охраняемые территории³⁶. Ущерб живой природе наносят

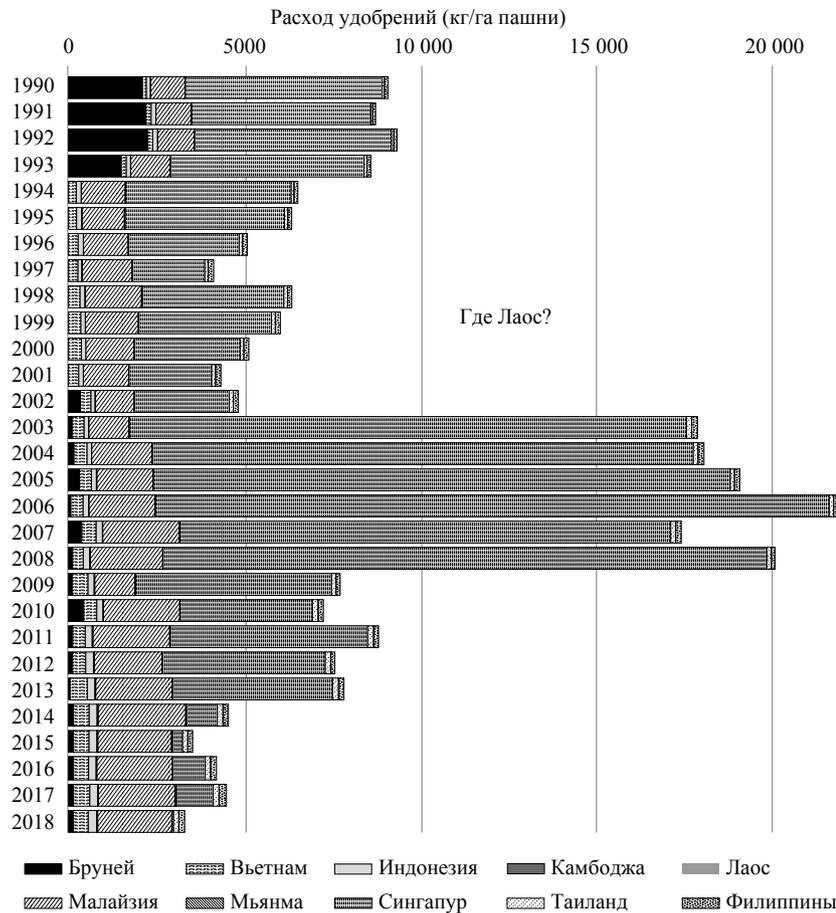

Рис. 16.7. Расход удобрений в странах АСЕАН в 1990–2018 гг. (кг / га пашни)

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 27.05.2022).

также вызванное этими источниками загрязнение различных типов, чрезмерная эксплуатация отдельных видов биологических ресурсов (т.е. чрезмерно интенсивное рыболовство, охота, заготовка растений и т.д.), изменение ареалов обитания видов, появление не-

Таблица 16.9

Количество биологических видов, находящихся под угрозой вымирания, по странам АСЕАН на 2022 г.

Страна	Млекопитающие	Птицы	Рептилии	Амфибии	Рыбы	Моллюски	Растения	Грибы	Прочее	Всего
Бруней	37	39	10	2	61	0	182	0	18	349
Вьетнам	63	51	75	74	141	30	308	0	159	901
Индонезия	212	161	77	28	366	42	977	2	331	2 196
Камбоджа	44	32	23	8	94	1	51	0	81	334
Лаос	49	30	35	10	56	16	80	1	7	284
Малайзия	80	67	60	36	183	45	1 317	4	279	2 071
Мьянма	54	57	38	5	98	3	110	0	74	439
Сингапур	17	23	8	0	68	1	69	0	176	362
Таиланд	64	66	42	11	153	16	232	1	198	783
Филиппины	42	91	40	27	143	3	903	1	345	1 595

Источник: составлено авторами на основе данных International Union for Conservation of Nature's Red List of Threatened Species. URL: <https://www.iucnredlist.org/about/background-history> (дата обращения: 29.05.2022).

характерных ранее возбудителей болезней и вторжение человека (табл. 16.10).

Отдельную проблему представляют изменение экосистем и утрата биологического разнообразия морей и прибрежных территорий. Рост температур и различные виды загрязнения угрожают уникальным коралловым рифам, мангровым лесам, морским лугам (местам произрастания водорослей). Данные факторы ведут к изменению видового состава рыб, моллюсков, снижению продуктивности креветочных ферм, в то время как биоресурсы морских экосистем представляют основной источник белка в рационе питания населения региона³⁷.

Таблица 16.10

Источники угрозы вымирания биологических видов в АСЕАН

Угроза	Источник угрозы	Количество видов, находящихся под угрозой вымирания по этой причине в АСЕАН на янв. 2022 г.
Жилая и коммерческая застройка	Жилье и городские районы; коммерческие и промышленные зоны; туризм и зоны отдыха	797
Сельское хозяйство и аквакультура	Однолетние и многолетние недревесные культуры; древесно-целлюлозные плантации; животноводство и скотоводство; морская и пресноводная аквакультура	1 560
Производство энергии и добыча полезных ископаемых	Бурение нефтяных и газовых скважин; горное дело и разработка карьеров; возобновляемая энергия	287
Транспортно-логистические коридоры	Автомобильные и железные дороги; инженерные коммуникации; судходные пути; авиатранспортные коридоры	163
Эксплуатация биологических ресурсов	Добыча наземных животных; сбор наземных растений; лесозаготовка и заготовка древесины; лов рыбы и добыча водных ресурсов	1 487
Активность человека	Развлекательные мероприятия; боевые действия, гражданские беспорядки и военные учения; работа и другие виды деятельности	181
Изменение экосистем	Пожары и пожаротушение; строительство плотин и управление водными ресурсами	404

Окончание таблицы 16.10

Угроза	Источник угрозы	Количество видов, находящихся под угрозой вымирания по этой причине в АСЕАН на янв. 2022 г.
Чужеродные или паразитарные виды и нехарактерные заболевания	Инвазивные, чужеродные, нехарактерные виды или заболевания; местные паразитарные виды или опасные заболевания; внедренный генетический материал; проблемные виды неизвестного происхождения; вирусные и прионные заболевания; заболевания неизвестного происхождения	181
Загрязнение	Бытовые и городские сточные воды; промышленные и военные стоки; сточные воды сельского и лесного хозяйства; бытовой мусор и твердые отходы; загрязняющие вещества в атмосфере; энергетическое (световое, шумовое, термальное) загрязнение	366
Геологические явления	Извержения вулкана; землетрясения, цунами; лавины и оползни	25
Изменение климата и экстремальные погодные условия	Изменение ареалов обитания; засухи; экстремальные температуры; штормы, наводнения и др.	207
Прочее		11

Источник: составлено авторами на основе данных International Union for Conservation of Nature's Red List of Threatened Species. URL: <https://www.iucnredlist.org/resources/threat-classification-scheme> (дата обращения: 29.05.2022).

На сегодняшний день в странах АСЕАН полностью исчезли 26 видов животных и растений³⁸. Изменения видового состава могут привести к выходу экосистем из равновесия, что повлечет серьезные последствия для безопасности и здоровья населения, а также его хозяйственной деятельности.

Дефицит пресной воды может стать ощутимым в ряде стран АСЕАН уже в недалеком будущем, о чем свидетельствуют сложившиеся на сегодняшний день тенденции (табл. 16.11). По причине увеличения численности населения и развития экономики потребность в воде и для бытовых, и для хозяйственных нужд стремительно растет. Более того, запасы чистой питьевой воды находятся под угрозой из-за засух, подъема морской воды в прибрежных районах в устьях рек, загрязнения почвы, недостаточной очистки сточных вод³⁹.

За последние годы ситуация с доступом населения к чистой питьевой воде и средствам санитарии значительно улучшилась в большинстве стран АСЕАН (табл. 16.12), однако последние тенденции развития не дают повода для абсолютного оптимизма. Из-за роста численности населения и стремительной урбанизации с присущими ей проблемами данные показатели вновь начинают снижаться в таких странах, как, например, Индонезия, Мьянма, Филиппины. Причиной этому является недостаточность коммунальной инфраструктуры в городской местности и неудовлетворительное пространственное планирование.

Большая концентрация населения в городах повышает риски также за счет увеличения объемов сброса сточных вод, бытовых и промышленных отходов. Как уже отмечалось выше, города эти зачастую расположены в низинных прибрежных районах, где повышение уровня моря и штормовые приливы угрожают засолением почв и резервуаров пресной воды, а изменение климата вкупе с хозяйственной деятельностью человека ведет к изменению режимов речного стока, исчезновению болотных лесов и эрозии почв.

Возрастание дефицита пресной воды может стать причиной распространения инфекционных заболеваний, значительно снизить

Таблица 16.11

Объем забора пресной воды в странах АСЕАН за 2017 г.

Страна	Забор пресной воды		Забор пресной воды для нужд отраслей (% от общих объемов забора)		
	млрд куб. м	% от внутренних запасов	сельское хозяйство	промышленность	домохозяйства
Бруней	0,09	1,08	5,76	—	164,67
Вьетнам	81,86	22,78	94,78	3,75	1,47
Индонезия	222,64	11,03	85,21	4,10	10,69
Камбоджа	2,18	1,81	94,00	1,51	4,49
Лаос	7,32	3,84	95,90	2,32	1,78
Малайзия	6,71	1,16	45,65	29,90	24,45
Мьянма	33,23	3,31	88,56	1,49	9,95
Сингапур	0,49	82,02	4,00	51,00	45,00
Таиланд	57,31	25,53	90,37	4,85	4,78
Филиппины	92,75	19,36	73,28	17,09	9,63
В среднем по миру	3 880,97	9,08	71,28	16,80	11,92

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 29.05.2022).

устойчивость сообществ к засухам и волнам жары, подорвать продуктивность растениеводства и животноводства.

Ликвидация отходов — еще один важнейший вопрос экологической повестки АСЕАН. По мере роста производства и потребления возрастает и количество отходов различных классов. По данным за 2016 г., в Юго-Восточной Азии и Океании производилось 468 млн тонн твердых отходов ежегодно, что составляло около 23% от мирового производства отходов⁴⁰. Однако в пересчете на душу населения этот показатель для рассматриваемого региона не столь высок и составляет 0,56 кг твердых бытовых отходов на человека в день. По странам АСЕАН — в среднем 1,4 кг на человека в день, в основ-

Таблица 16.12

**Ситуация с доступом населения стран АСЕАН
к чистой питьевой воде и санитарно-канализационным системам**

Страна	Внутренние возобновляемые ресурсы пресной воды на душу населения на 2017 г. (куб. м)	Доступ населения к чистой питьевой воде (%)		Доступ населения к санитарно-канализационным системам (%)		Уровень смертности, связанной с небезопасной питьевой водой, низким уровнем санитарии и гигиены (на 100 тыс. населения) за 2016 г.
		на 2006 г.	на 2017 г.	на 2006 г.	на 2017 г.	
Бруней	20 024,45	99	100,0	80	92,0	0,1
Вьетнам	3 799,34	92	94,9	65	86,4	1,6
Индонезия	7 627,78	80	87,5	80	73,1	7,1
Камбоджа	7 533,07	65	64,8	28	76,0	6,5
Лаос	27 383,74	60	77,5	48	75,3	11,3
Малайзия	18 646,73	95	96,5	94	96,0	0,4
Мьянма	18 785,17	80	83,9	82	78,3	12,6
Сингапур	106,91	100	100,0	100	100,0	0,1
Таиланд	3 243,90	90	99,1	90	99,7	3,5
Филиппины	4 554,40	93	93,3	78	73,6	4,2

Источник: составлено авторами на основе данных World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org>; ASEAN Statistical Yearbook 2010; ASEAN Statistical Yearbook 2021.

ном за счет большого объема производства таких отходов в Сингапуре (табл. 16.13). Для сравнения, производство твердых бытовых отходов в Северной Америке достигает 2,21 кг на человека в день⁴¹. Иными словами, большие экономики и богатые общества с развитым потреблением производят больше отходов, чем развивающиеся и наименее развитые страны.

Хотя количество мусора, производимое в самих странах АСЕАН, сравнительно невелико, многие страны региона импортируют

Таблица 16.13

**Производство твердых бытовых отходов по странам АСЕАН,
по оценкам на 2017 г.**

Страны	Объем производства / год (тонн)	Производство на душу населения (кг / чел. / год)	Объем производства опасных отходов / год (МТ)	Объем производства электронных отходов / год (МТ)
Бруней	210 480	1,40		
Вьетнам	22 020 000	0,84		1609 775
Индонезия	64 000 000	0,70		
Камбоджа	1 089 429	0,55		
Лаос	77 380	0,69		8 000
Малайзия	12 840 000	1,17	1 517 434	
Мьянма	841 508	0,53		
Сингапур	7 514 500	3,76	411 180	110 000
Таиланд	26 770 000	1,05	3 300 000	368 314
Филиппины	14 660 000	0,69	1 693 857	39 000 000

Источник: Waste Management in ASEAN Countries: Summary Report. Bangkok: United Nations Environment Programme, 2017. – 64 p.

отходы, в том числе и нелегально, в обход национальных запретов⁴². Причины этого явления чисто экономические: как и в случае экспорта вредных производств из развитых стран, экспорт отходов связан с более низкой ценой их утилизации в развивающихся странах. В то же время основным методом переработки отходов в странах АСЕАН остается их захоронение на свалках⁴³. Такая утилизация отходов создает дополнительные выбросы парниковых газов.

Часть мусора попадает в моря во время транспортировки, усугубляя угрозы для морских экосистем и рыбного хозяйства АСЕАН. Отдельную проблему для АСЕАН составляет загрязнение пластиковыми отходами морских экосистем, которое особенно заметно, например, у берегов Индонезии, Филиппин, Таиланда, Вьетнама⁴⁴. Постепенно пластик распадается на микрочастицы,

которые могут проникать в организм человека через потребление воды, морепродуктов, морской соли, водорослей и т.д., нанося ущерб его здоровью.

Развитие энергетики и борьба с изменением климата путем снижения выбросов парниковых газов являются обязательством стран АСЕАН в рамках Парижского соглашения, а также поддерживаются многочисленными региональными и национальными проектами и инициативами, включающими в том числе и предоставление субсидий⁴⁵.

Основным источником выбросов CO₂ в странах региона является производство электроэнергии из угля (рис. 16.8), причем за последние два десятилетия (2000–2020 гг.) доля угля в производстве энергии в АСЕАН в целом возросла более чем в 2 раза. Причиной этого является рост потребностей в электроэнергии со стороны растущего населения и развивающегося производства, а уголь остается дешевым и легкодоступным источником энергии, зна-

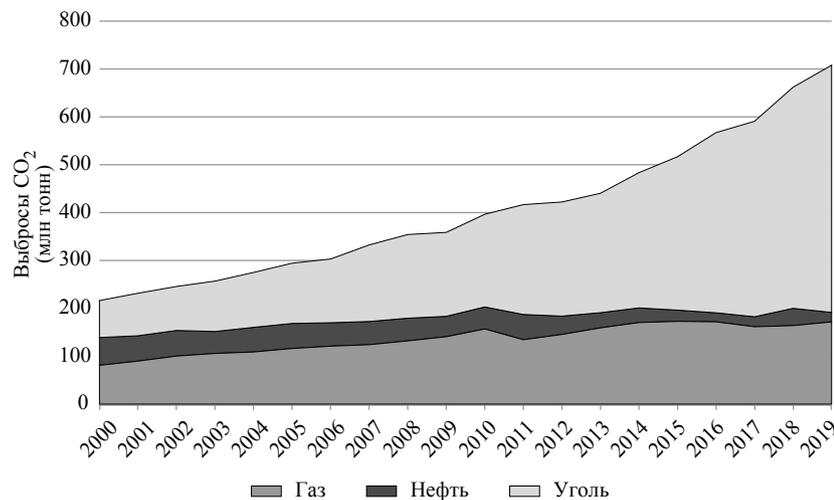

Рис. 16.8. Выбросы CO₂ по источникам энергии в АСЕАН за 2000–2019 гг.

Источник: составлено авторами на основе данных International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 16.06.2022).

чительными запасами которого обладают Индонезия, Малайзия, Вьетнам, Таиланд.

Внутренних запасов ископаемого топлива, по оценкам экспертов, достаточно для обеспечения потребностей внутренних рынков АСЕАН, но страны–экспортеры энергоносителей продолжают одновременно и импортировать их. Хотя запасы более «чистых», чем уголь, газа и нефти потенциально значительны в Мьянме, Вьетнаме, Камбодже, Индонезии, Малайзии, Брунее, но их разведка, добыча и транспортировка развиваются не столь успешно из-за нехватки транспортной инфраструктуры, в том числе трубопроводов с большой стоимостью прокладки, линий электропередачи, а также из-за фиксированных цен на газ⁴⁶, снижающих прибыльность его добычи.

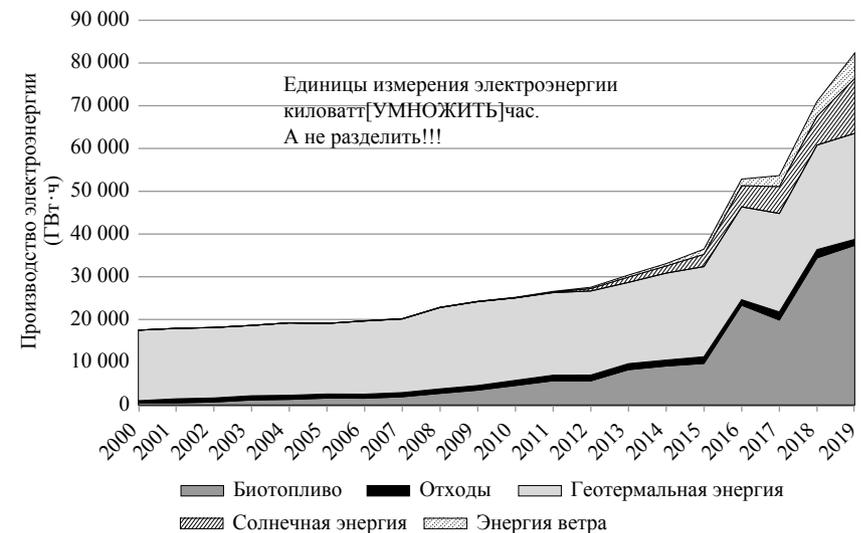

Рис. 16.9. Производство возобновляемой электроэнергии в АСЕАН за 2000–2019 гг., за исключением гидроэнергетики

Источник: составлено авторами на основе данных International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/data-and-statistics> (дата обращения: 16.06.2022).

Аналогичным образом, большие объемы инвестиций необходимы и для развития «зеленой» энергетики. Производство энергии из возобновляемых источников в странах АСЕАН за 20 лет (с 2000 по 2020 г.) выросло почти в 5 раз, однако его доля в общем объеме составляет лишь 7%, а наиболее значительными из «зеленых» источников остаются геотермальная энергия (добываемая в районах вулканической активности) и биотопливо (включая сжигание древесины) (рис. 16.9).

Таким образом, снижение выбросов парниковых газов и переход на более «чистые» источники энергии, с одной стороны, важен для стран АСЕАН в рамках борьбы с изменением климата и задач по улучшению экологической ситуации, но с другой стороны, остается серьезным вызовом для продолжения социально-экономического развития стран, экономики которых еще находятся в стадии становления и не обладают запасами финансовых ресурсов для широкомасштабных инвестиций, равно как и соответствующими технологиями.

Заключение

Рассмотренные нами факты свидетельствуют о том, что проблемы развития экономики, повышения уровня жизни населения, сбережения здоровья людей, адаптации к климатическим изменениям, улучшения экологической ситуации и борьбы с глобальным изменением климата в действительности представляют собой единый комплекс задач, тесно связанных между собой⁴⁷. Следовательно, для выработки успешной политики в области экологии и климата необходимо рассматривать потенциальные риски и возможности в данной сфере в более широком контексте демографического и социально-экономического развития.

Необходимо межсекторальное и международное сотрудничество для решения подобных нетрадиционных вызовов. Широкой координации требует, например, борьба с трансграничными угрозами, такими как загрязнение воздуха или морской акватории.

Вопросом международного уровня является также поддержание продовольственной безопасности в случае снижения продуктивности аграрного сектора АСЕАН. Заключение межгосударственных соглашений и пристального контроля за исполнением на местах требуют браконьерство, импорт отходов, размещение «грязных» производств из развитых стран, торговля квотами на выбросы парниковых газов.

«Зеленый поворот» в целях борьбы с изменением климата предполагает переход к устойчивой энергетике с нулевыми выбросами CO₂, устойчивому сельскому хозяйству и безотходной экономике замкнутого цикла. Все это требует внедрения передовых технологий, значительных финансовых затрат, способно привести к сокращению рынка труда в данных областях и снижению их производства⁴⁸. Экономика большинства стран АСЕАН (за исключением Сингапура и Брунея) в значительной мере опирается на сельское, лесное и рыбное хозяйство, доля третичного сектора и наукоемких производств в них крайне низка, поэтому выполнение подобных программ для них влечет гораздо более ощутимые риски, чем для развитых стран, и затраты, которые эти государства могут оказаться не в состоянии позволить себе. Но в то же время продолжение «бизнеса как обычно» приведет к дальнейшей деградации окружающей среды, которая будет нести все больше опасностей для жизни и здоровья людей и причинять все большие убытки.

Поэтому программы в области защиты окружающей среды и борьбы с изменением климата должны опираться на беспроигрышные стратегии, которые не лишат страны АСЕАН права на дальнейшее развитие и не будут вести к снижению уровня жизни населения. Для этого необходимо проведение более точных оценок и прогнозов ситуации как применительно к экологии и климату, так и применительно к экономике и социально-демографическому развитию, а для этого необходимо совершенствование систем непрерывного мониторинга и сбора данных, развитие методологии научных исследований в области так называемой экономики изменения климата.

В свете этого актуальной задачей представляется развитие международных фондов помощи в интересах развития и «зеленых фондов». Важным аспектом является также развитие страхования от стихийных бедствий. Следует заметить, что финансовые аспекты приобретают особое значение на фоне экономического спада в большинстве стран мира, вызванного эпидемией коронавируса в 2019–2021 гг. В частности, данные статистики свидетельствуют о том, что объемы выброса парниковых газов возрастают в такие периоды, поскольку экономики нуждаются в восстановлении и реализация дорогостоящих экологических программ сворачивается.

АСЕАН имеет большой потенциал в области развития регионального сотрудничества и интеграции. Сокращение дифференциации стран-участниц по уровню экономического развития способно еще более ускорить интеграционные процессы в будущем. В интересах экологической повестки важными инициативами представляются интенсификация обмена ресурсами и технологиями, развитие меж-национальных энергетических систем за счет строительства линий электропередачи, газопроводов и нефтепроводов, а также передача технологий и обмен информацией. Последние могут быть интенсифицированы на базе уже существующих соответствующих органов Ассоциации.

Примечания

- ¹ Fifth ASEAN State of the Environment Report. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2017. — 246 p. ISBN: 978-602-6392-71-8.
- ² Цели в области устойчивого развития // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 14.06.2022).
- ³ ASEAN Agreement on Transboundary Haze Pollution // ASEAN Main Portal. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEANAgreementonTransboundaryHazePollution-1.pdf> (accessed: 05.05.2022).
- ⁴ ASEAN Launches the ASEAN Wildlife Law Enforcement Network (ASEAN-WEN) // Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora. URL: <https://cites.org/eng/news/sundry/2005/ASEAN-WEN.shtml> (accessed: 05.05.2022).

- ⁵ Cebu Declaration on East Asian Energy Security // Asia Pacific Energy Portal. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/2585> (accessed: 05.05.2022).
- ⁶ 16th ASEAN Ministerial Meeting on the Environment and the 16th Meeting of the Conference of the Parties to the ASEAN Agreement on Transboundary Haze Pollution // ASEAN Main Portal. 22.10.2021. URL: <https://asean.org/16th-asean-ministerial-meeting-on-the-environment-and-the-16th-meeting-of-the-conference-of-the-parties-to-the-asean-agreement-on-transboundary-haze-pollution/> (accessed: 05.05.2022).
- ⁷ 32nd Meeting of the ASEAN Senior Officials on Environment // ASEAN Main Portal. URL: <https://asean.org/events/32-nd-meeting-of-asean-senior-officials-on-environment-asean-and-related-meetings/> (accessed: 05.05.2022).
- ⁸ ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. — 27 p.
- ⁹ Development of the Post-2015 ASEAN Strategic Plan on Environment. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2016. — 15 p.
- ¹⁰ World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/EN.POP.DNST> (accessed: 14.06.2022).
- ¹¹ The World in 2050: The Long View How will the global economic order change by 2050? PricewaterhouseCoopers LLP, 2017. URL: <https://www.pwc.com/gx/en/world-2050/assets/pwc-the-world-in-2050-full-report-feb-2017.pdf> (accessed: 03.05.2022).
- ¹² ASEAN Statistical Yearbook 2010. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2010. — 244 p.
- ¹³ World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 14.06.2022).
- ¹⁴ Intergovernmental Panel on Climate Change (IPCC). Global Warming of 1.5°C: IPCC Special Report on Impacts of Global Warming of 1.5°C above Pre-industrial Levels in Context of Strengthening Response to Climate Change, Sustainable Development, and Efforts to Eradicate Poverty. Cambridge: Cambridge University Press, 2022. — 616 p. DOI: 10.1017/9781009157940.
- ¹⁵ The Economics of Climate Change in Southeast Asia: A Regional Review / Weiss J. Van Zant E., Clancy M. et al. (eds). Manila: Asian Development Bank, 2009. — 223 p.
- ¹⁶ ASEAN State of Climate Change Report.
- ¹⁷ Fifth ASEAN State of the Environment Report.
- ¹⁸ The Economics of Climate Change in Southeast Asia: A Regional Review / Weiss J. Van Zant E., Clancy M. et al. (eds). Manila: Asian Development Bank, 2009. — 223 p.
- ¹⁹ Church J.A., Clark P.U., Cazenave A. et al. Sea Level Change // Climate Change 2013: The Physical Science Basis. Contribution of Working Group I to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / T.F.

- Stocker, D. Qin, G.-K. Plattner, M. Tignor, S.K. Allen, J. Boschung, A. Nauels, Y. Xia, V. Bex and P.M. Midgley (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 2013. — 1535 p.
- 20 Wang J., Kim M. The Projected Economic Impact of Extreme Sea-Level Rise in Seven Asian Cities in 2030. Greenpeace East Asia, 2021. — 26 p.
- 21 ASEAN Disaster Information Network. URL: <https://adinet.ahacentre.org/> (accessed: 20.06.2021).
- 22 Quantitative risk assessment of the effects of climate change on selected causes of death, 2030s and 2050s. Geneva: World Health Organization, 2014. — 115 p.
- 23 Твердые частицы — частицы с аэродинамическим диаметром $\leq 2,5$ мкм. Считаются наиболее опасными для здоровья человека, так как легче проникают в организм за счет малого диаметра.
- 24 What are the WHO Air quality guidelines? // World Health Organization. URL: <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/what-are-the-who-air-quality-guidelines> (accessed: 25.05.2022).
- 25 Compendium of WHO and other UN guidance on health and environment, 2022 update. Geneva: World Health Organization, 2022. — 189 p.
- 26 World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org> (accessed: 25.05.2022).
- 27 ASEAN Agreement on Transboundary Haze Pollution // ASEAN Main Portal. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEANAgreementon-TransboundaryHazePollution-1.pdf> (accessed: 05.05.2022).
- 28 World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/ST.INT.RCPT.XP.ZS> (accessed: 27.05.2022).
- 29 Forest futures — Sustainable pathways for forests, landscapes and people in the Asia-Pacific region. Asia-Pacific Forest Sector Outlook Study III. Bangkok: Food and Agriculture Organization, 2019. — 352 p.
- 30 *Stellman J., Stellman S., Christian R.* et al. The extent and patterns of usage of Agent Orange and other herbicides in Vietnam // *Nature*. 2003. Vol. 422. P. 681–687.
- 31 Forest futures — Sustainable pathways for forests, landscapes and people in the Asia-Pacific region. Asia-Pacific Forest Sector Outlook Study III. Bangkok: Food and Agriculture Organization, 2019. — 352 p.
- 32 Southeast Asia Energy Outlook 2022. International Energy Agency, 2022. — 140 p. URL: <https://www.iea.org/reports/southeast-asia-energy-outlook-2022> (accessed: 29.05.2022).
- 33 *Yurdi Yasmi, Rehan Ul Haq.* Forest change in the Greater Mekong Subregion (GMS). Myanmar: Food and Agriculture Organization, 2017. — 76 p.
- 34 Status of the World's Soil Resources: Main Report. Rome: Food and Agriculture Organization, 2015. — 650 p.
- 35 *Нгуен К.Т., Лукьянец А.С., Моисеева Е.М.* Климатические изменения как фактор миграции населения из дельты реки Меконг во Вьетнаме // Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития: Сб. ст. Серия: Демография. Социология. Экономика / Под ред.: С.В. Рязанцева, М.Н. Храмовой, А.С. Максимовой. М., 2019. С. 15–22.
- 36 *Tordoff A.W., Duckworth J.W., Macfarlane Ch.* et al. Ecosystem Profile: Indo-Burma Biodiversity Hotspot, 2020 Update. Washington, DC: Critical Ecosystem Partnership Fund, 2020. — 438 p.
- 37 The State of World Fisheries and Aquaculture 2022. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2022. — 236 p.
- 38 International Union for Conservation of Nature's Red List of Threatened Species. URL: <https://www.iucnredlist.org/about/background-history> (accessed: 29.05.2022).
- 39 United Nations Environment Programme. Global Environment Outlook — GEO-6: Healthy Planet, Healthy People. N.Y.: Cambridge University Press, 2019. — 745 p.
- 40 Trends in Solid Waste Management // World Bank. URL: https://datatopics.worldbank.org/what-a-waste/trends_in_solid_waste_management.html (accessed: 30.05.2022).
- 41 Average per capita generation of municipal solid waste worldwide in 2016, by region // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/916618/global-per-capita-generation-of-municipal-solid-waste-by-region/> (accessed: 30.05.2022).
- 42 *Gregorio A., Bueta R.P.* Waste Trade in Southeast Asia, 2021 Report. Quezon: EcoWaste Coalition, 2021. — 34 p.
- 43 Waste Management in ASEAN Countries: Summary Report. Bangkok: United Nations Environment Programme, 2017. — 64 p.
- 44 *Shuker I.G., Cadman C.A.* Indonesia — Marine Debris Hotspot: Rapid Assessment Synthesis Report. Washington, D.C.: World Bank, 2018. — 42 p.
- 45 Подробнее см.: ASEAN State of Climate Change Report.
- 46 АТР глазами экспертов (международная экспертиза 2005–2019 гг.): Колл. монография / Отв. ред. Л.С. Рубан. М.: ИПИ РАН, МГИМО МИД РФ, КНУ, Цинхуа, 2019. — 360 с.
- 47 *Stern N.* The Economics of Climate Change: The Stern Review. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — 712 p.
- 48 The employment impact of climate change adaptation / Input Document for the G20 Climate Sustainability Working Group International Labour Office. Geneva: International Labour Organization, 2018. — 46 p.

Глава 17

Сфера высшего образования в странах Индокитая в фокусе политики «мягкой силы»

АННОТАЦИЯ: При значительной разнице в уровне развития страны Индокитая характеризует демографическая активность, рост «индекса человеческого развития», доходов и производства. При этом углубляются диспропорции между странами по уровню образования и квалификации рабочей силы, развитию высшего образования и науки. Решение указанных противоречий в рамках системы образования стран Индокитая является очень актуальным. Его поиск автор ведет в рамках концепции «мягкой силы», обратившись к анализу школьного образования в странах Индокитая, изучения иностранного языка, прежде всего, как инструмента реализации «мягкой силы»; эволюции высшего образования в странах Индокитая. Произведен сравнительный анализ российских образовательных и аналогичных проектов США, Европы, КНР в Индокитае. Сделан вывод, что высшее образование СРВ служит проводником российской гуманитарной политики в регионе. Критически осмыслена активность российских университетов в Индокитае, что позволило выявить ключевые противоречия российского образования как инструмента «мягкой силы» по линии квота — платные студенты, системная работа — быстрые результаты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Индокитай, «мягкая сила», гуманитарная политика, высшее образование, университет, школа, язык.

ABSTRACT: With a significant difference in the level of development, the countries of Indochina are characterized by demographic activity, the growth of the «human development index», income and production. At the same time, disproportions between countries are deepening in terms of the level of education and qualifications of the labor force, the development of higher education and science. The solution of these contradictions within the framework of the education system of the countries of Indochina is very relevant. The author searches for it within the framework of the concept of soft power, referring to the analysis of school education in the countries of Indochina, learning a foreign language, first of all, as a tool for implementing soft power; evolution of higher education in the countries of Indochina. A comparative analysis of Russian educational and similar projects of the USA, Europe, China in Indochina was made. It is concluded that higher education in Vietnam serves as a conductor of Russian humanitarian policy in the region. The activity of Russian universities in Indochina is critically considered, which made it possible to identify the key contradictions of Russian education as a tool of soft power along the quota line — paid students, systematic work — quick results.

KEYWORDS: Indochina, soft power, humanitarian policy, higher education, university, school, language.

Введение

ПОСЛЕДСТВИЯ происходящих сейчас в мире событий, в том числе для сферы образования, еще сложно оценить, однако в отношении российской гуманитарной политики, образовательных проектов в Юго-Восточной Азии уже можно ожидать перезагрузки или новой попытки перезапуска того поворота на Восток, который был заявлен Российской Федерацией с 2014 г.

В определенной мере это актуализирует рассмотрение высшего образования в странах Индокитая в фокусе «мягкой силы» при сохранении внимания ко всем прочим факторам, к которым можно отнести высокие темпы роста населения, повышение «индекса человеческого развития», доходов, производства, что делает регион весьма привлекательным рынком сбыта для товаров и услуг, лока-

лизации производства, местом для реализации долгосрочных инвестиционных проектов, а также экспорта образовательных услуг¹.

Обозначенные позитивные моменты существуют на фоне углубляющейся диспропорции между странами по уровню образования, квалификации рабочей силы, а также развитию высшего образования и науки. Последнее обуславливает запрос ряда стран региона на изменение сложившегося тренда экспорта абитуриентов и импорта специалистов высокой квалификации, создание собственных научных школ и сильных университетов. Для других стран региона актуальным остается развитие школьного образования при весьма ограниченных возможностях на уровне программ высшего образования. И если для первых актуальна инициация программ развития высшего образования со стороны правительств, развитие частного высшего образования, то для вторых на первое место выходит проблема качества школьного образования и заимствования университетских программ.

При всех обозначенных различиях регион привлекает немало глобальных игроков рынка образовательных услуг, в том числе из России, хотя российское образование не считается сильнейшим или приоритетным. Вместе с тем обозначенные противоречия в образовании, в совокупности с усилением геополитического и цивилизационного противостояния России и коллективного Запада, создают определенное «окно возможностей» как для продвижения российского образования в Индокитае, так и реализации гуманитарной политики в целом. Переход от возможности к реализации во многом связан с переосмыслением самой российской гуманитарной политики, пониманием отечественного образования как «мягкой силы», признанием проблем российского высшего образования, преодолением идеализации советского наследия.

Сфера образования в странах Индокитая

При значительно различающемся уровне школьного образования в странах Индокитая, варьирующемся от высокого в СРВ до

слабого в Мьянме, обусловленного колониальным наследием, слабой индустриализацией и, как следствие, остро стоящей проблемой качества общего образования, к концу XX в. ряд стран, прежде всего Вьетнам, Лаос и Камбоджа, достигли значительных успехов в развитии школьного образования, в том числе при помощи Советского Союза. Как следствие, в настоящее время СРВ имеет 100-ную образованность населения², с 70%-ной долей выпускников школ, желающих поступить в высшие учебные заведения³. В Лаосе, который только с 1990-х годов начал развивать высшее образование, ситуация иная, но общая тенденция сохраняется, поскольку рост поступающих в вузы имеет кратный показатель⁴. Для Мьянмы, в которой образованием охвачена незначительная часть населения, сохраняется актуальность развитие общего школьного образования. Таиланд, сделавший ставку на заимствование западной системы образования, имеет по состоянию на 2014 г. 52,5% выпускников школ, продолживших обучение в вузах⁵.

Неравномерность охвата граждан общим образованием и разное качество преподавания коррелируют с социально-экономическим развитием указанных стран и находят отражение на более высоком уровне образования – университетском, а также в развитии научных исследований и образовательных программ. Так, если для СРВ со 175 государственными и 60 частными вузами, а также Таиланда со 156 вузами в плане развития высшего образования актуальны разработка программ перспективного развития университетов, их интеграции в мировое научное пространство, то перед остальными странами региона стоит задача повышения качества высшего образования в целом. Отмеченную неравномерность в развитии образования страны региона как усугубляют, так и стремятся компенсировать, не только опираясь на собственные силы, но также привлекая других «игроков» мирового образовательного пространства, что актуализирует противоречие между развитием собственной образовательной системы и заимствованием чужой.

В качестве исторического прецедента создания собственной образовательной системы можно рассматривать формирование

вьетнамского школьного и университетского образования на основе советского опыта. Как следствие, сегодня в системе общего образования во Вьетнаме преподавание русского языка осуществляется в 11 школах. Количество учащихся, изучающих русский язык в этих образовательных учреждениях, в 2021/22 уч. г. составляет 985 человек⁶. Русский язык во вьетнамских школах имеет статус второго иностранного языка, который является обязательным предметом по выбору (наряду с другими иностранными языками) в учебной программе спецшкол. Русский язык на территории СРВ также представлен как единственный язык освоения программы в двух российских средних общеобразовательных школах: средней школе при Посольстве России во Вьетнаме, а также средней школе совместного российско-вьетнамского предприятия «Вьетсовпетро». Общее количество учащихся в 2020 г. составляло более 500 человек (в том числе около 80% россиян)⁷.

Во Вьетнаме преподавание русского языка осуществляется также в вузах разной ведомственной принадлежности: Министерства образования и подготовки кадров, Министерства юстиции, Министерства промышленности и торговли, Министерства обороны, Министерства общественной безопасности. Сегодня в СРВ 6 вузов занимаются подготовкой преподавательских кадров: Институт иностранных языков при Ханойском государственном университете (ИИЯ при ХГУ), Ханойский университет (ХУ), Тхайнгуенский университет (ТУ), Институт иностранных языков при Хюэском университете (ИИЯ при ХюэУ), Институт иностранных языков при Данангском государственном университете (ИИЯ при ДГУ), Хошиминский педагогический университет (ХоШГУ).

Русский язык как специальность изучается также в Академии военных наук. Кроме того, за последние годы изучение русского языка было введено в двух частных университетах в Ханое: Ханойском университете предпринимательства и технологий (ХУПТ), набор на курс русского языка в котором впервые удалось осуществить в 2018 г., и Ханойском университете технологий и управления «Дружба» (ХУТУ), где впервые во Вьетнаме была введена специ-

альность «русский язык в сфере туризма». Общее количество вузов, в которых ведется преподавание русского языка, — 18. Количество обучающихся русскому языку в образовательных организациях высшего образования — 3728 человек⁸.

В конце 2019 г. Министерством образования и подготовки кадров Вьетнама (МОиПК) была запущена работа по внедрению реформы, предполагающей определенные изменения в системе изучения иностранных языков, согласно которым должна была появиться возможность изучать русский язык как первый иностранный наряду с английским и китайским, а также выбрать русский как второй иностранный в массовой начальной и средней школе, начиная с 3-го класса⁹. Реализация данной реформы могла бы создать условия для реального продвижения русского языка во Вьетнаме, однако она так и не была запущена, в том числе и по причине отсутствия внимания и заинтересованности с российской стороны к упомянутым изменениям. Вместе с тем другие государства давно и очень активно осуществляют направление преподавателей во вьетнамские учебные заведения (вузы и школы) из числа носителей языка, оборудуют классы для проведения занятий по своим языкам, оснащают школы учебниками и наглядными пособиями.

Изучение иностранного языка на уровне общего образования является наиболее эффективным инструментом реализации «мягкой силы». Это в полной мере относится и к получению образования в стране, язык которой изучался школьником. На этом уровне количественные показатели изучающих русский язык отражают количество российских образовательных квот: 965 мест на 2020/21 уч. г. и 1000 мест на 2022/23 уч. г. Тогда как по данным А.А. Соколова, поток образовательных мигрантов из Вьетнама на коммерческое обучение только в 2016 г. составил около 140 тыс. человек, в том числе: в Японию — 38 тыс., в Австралию — 31 тыс., в США — 28 тыс., в Китай — 13 тыс., в Великобританию — 11 тыс., другие страны Европы — 18 тыс. При этом 90% юношей и девушек отправляются на обучение за границу за свой счет и только 10% — направляются государством. Россия, к сожалению, не занимает лидирующих позиций по ком-

мерческому обучению вьетнамцев, поскольку, наоборот, 90% учащихся, приезжающих в российские вузы, едет по межправительственному соглашению и только 10% — за свой счет¹⁰.

Стоит также отметить, что, несмотря на довольно высокую стоимость обучения в американских вузах (в среднем от 40 до 45 тыс. долл. США в год, не считая расходов на кампус и пропитание, всего порядка 4–5 тыс. долл.), молодые вьетнамцы называют именно США наиболее популярной страной для получения образования. В ходе обучения большинство из них устраиваются на работу, а затем после получения диплома об образовании закрепляются за границей и не думают о возвращении домой¹¹. Такой итог можно считать успешно реализованной американской политикой «мягкой силы», еще раз оговоримся, касательно граждан страны, история отношений с которой достаточно сложна. Российская гуманитарная политика в сфере образования в СРВ не показывает таких результатов, несмотря на гораздо более позитивную историю отношений и статус всеобъемлющего стратегического партнерства двух стран.

Относительно других стран Индокитая достижения российской образовательной политики еще скромнее. Таиланд с ориентацией на интернационализацию образования и приоритет билингвального образования имеет несколько русскоязычных школ и только 3 университета, в которых изучают русский язык. Это университет Тхаммасат, университет Чулалонгкорна и Рамканхенгский университет. Российская образовательная квота, ежегодно выделяемая для Таиланда, составляет всего 50 человек. Для Лаоса, как мы уже отмечали, при низком уровне школьного образования и необходимости решения проблемы качества университетского образования, было бы чрезвычайно актуально включение лаосских вузов в программы университетского обмена с российскими партнерами как для профессорско-преподавательского состава, так и студентов. Российская образовательная квота, ежегодно выделяемая для Лаоса, составляет 100 человек. Камбоджа, переживающая активный рост числа университетов и обучающихся и ориентированная на англоязычный сегмент мирового образования, неоднократно вы-

ступала с инициативой по установлению сотрудничества с крупными российскими университетами. Однако это предложение не нашло поддержки как в количестве российских образовательных квот (ежегодно на Камбоджу выделяется всего от 8 до 10 мест), так и в качестве инициативы со стороны российских вузов по развитию двустороннего взаимодействия. Для Мьянмы с весьма незначительным количеством обучающихся в школах и 10% населения, получающего высшее образование¹², российская образовательная квота в 8 человек выглядела бы обоснованной при условии набора на эти места кандидатов в общенациональном масштабе и отбора лучших, а также при компенсации за счет квоты не только обучения, но также проезда и ежемесячной выплаты, соотносимой с МРОТ по РФ. Возвращаясь к школьному образованию, отметим, что доступность и престижность школьного обучения на английском языке, а также практически отсутствие возможности обучения в школе на русском языке ограничивает потенциал российской «мягкой силы» в этой стране. Локальные мероприятия по обучению русскому языку для желающих поступать в российские военные вузы решают насущные задачи, но не перспективные.

В большинстве случаев изучение иностранного языка в рамках школьных образовательных программ находит отражение как на следующих уровнях образования, в колледжах и университетах, так и в образовательных программах академической мобильности, возможностях получения образования в странах изучаемого языка. Достаточно часто формат получения такого образования предполагает поддержку различных некоммерческих организаций, которые являются одним из основных инструментов реализации иностранной «мягкой силы» в регионе. Так, образовательные программы США достаточно многочисленны и рассчитаны на различный контингент участников. Ключевыми выступают программы Университета Фулбрайт (*The Fulbright Programs*), стипендиальные программы Хьюберта Хамффри (*Hubert H. Humphrey Fellowship Program*), студенческие интенсивные программы изучения английского языка (*Undergraduate Intensive English Language Study Program*,

UIELSP), стипендиальные программы изучения английского языка для подростков в возрасте от 14 до 18 лет из малообеспеченных семей (*English Access Microscholarship Program*), стажировки учителей и преподавателей английского языка из США в учебных заведениях стран Юго-Восточной Азии (*English Language Fellow Program*), а также программы по линии публичной дипломатии¹³. На уровне высшего образования партнерские отношения устанавливаются между вузами посредством создания двусторонних образовательных программ (в сетевой форме реализации), программ обмена преподавателей и студентов.

Такие страны, как Мьянма, Камбоджа и Лаос, получают значительную помощь на развитие образования от международных организаций: Всемирного банка и Международной ассоциации развития, ЮНЕСКО, Британского совета, Азиатского банка развития, Австралийского агентства по международному развитию, Японского агентства международного сотрудничества, что, конечно, определяет содержание образовательных программ¹⁴.

«Мягкая сила» США, транслируемая через образовательные проекты, охватывает не только саму сферу образования, но и гуманитарные инициативы в целом. Так, американская организация *YSEALI* (Инициатива молодых лидеров Юго-Восточной Азии), которая в том числе реализует программу Агентства США по международному развитию (*USAID*) «Единение Меконга через образование и обучение» (*Connecting the Mekong Through Education and Training*), пятилетнюю образовательную программу для школьных учителей в дельте Меконга, ориентированную на такие страны, как Бирма (Мьянма), Камбоджа, Лаос, Таиланд и Вьетнам¹⁵, финансово поддерживает различные гуманитарные проекты.

Серьезную конкуренцию США в борьбе за расположение молодежи Индокитая составляют образовательные организации Китайской Народной Республики. Представляется важным выделить основные факторы, обеспечивающие конкурентоспособность китайского образования в регионе. Прежде всего, это всестороннее участие государства в распространении национального образова-

ния за рубежом в рамках продвижения деятельности института Конфуция. Помимо этого, многие вузы КНР сегодня занимают высокие позиции в международных рейтингах (так, согласно рейтингу *Education Index* в первую сотню лучших мировых университетов входят 12 китайских¹⁶, по версии рейтинга *Times Higher Education*, Университет Гонконга занимает десятую строчку в первой сотне вузов мира¹⁷). Присутствие в мировых образовательных рейтингах китайских университетов определяет их высокий международный статус и привлекательность для получения образования иностранными студентами. Не меньшую роль играет экономический потенциал КНР и карьерные возможности, открывающиеся для изучающих китайский язык и получающих образование в университетах Китая. В совокупности с наличием в ряде стран Индокитая значительной китайской диаспоры (только в СРВ она насчитывает 1,5 млн человек¹⁸) китайские образовательные проекты играют значительную роль в регионе, и влияние китайской «мягкой силы» будет возрастать, в том числе и через развитие частного высшего образования. Примером может служить актуальная ситуация с частным образованием Таиланда и Камбоджи, когда объем инвестиций из Китая делает инвесторов, по сути, владельцами частных вузов и, значит, позволяет оказывать влияние на содержание образовательных программ, воздействовать на умы и сердца студентов.

В качестве промежуточного итога реализации российской «мягкой силы» через сферу образования можно сделать вывод, что для России в Индокитае все еще сохраняются большие возможности, обеспеченные наследием советской образовательной системы и долгой позитивной историей сотрудничества. При этом общим для всех стран трендом является сокращение числа изучающих русский язык в пользу прежде всего английского и китайского, что свидетельствует о сужении пространства возможностей. Из всех стран Индокитая только с Вьетнамом возможно сотрудничество на всех уровнях образования, а также в научной сфере. От школы до университета существует возможность изучения русского языка, ряд российских университетов реализуют совместные исследования.

Более того, как региональный лидер, СРВ и вьетнамские университеты могут выступать проводниками российской «мягкой силы» в регионе. Для этого необходима поддержка со стороны российских университетов вьетнамским вузам, реализующим программы по русскому языку, направленная прежде всего на совершенствование методики преподавания русского языка как иностранного, расширение программ студенческого обмена и стажировок преподавателей русского языка.

Расширение возможностей для получения российского школьного образования актуально для всех стран региона. Для Лаоса и Мьянмы востребованы программы развития школьного образования, что открывает перспективы для реализации российских образовательных проектов, в том числе может являться обоснованием для целевой подготовки педагогических кадров по государственной квоте в российских университетах. В отношении механизма предоставления квоты на обучение требуется его существенное изменение, проведение в общенациональном масштабе отбора лучших выпускников. Также актуальны уже озвученные выше изменения, касающиеся оплаты не только обучения, но также проезда и предоставления ежемесячной выплаты. Тренд на развитие высшего образования, в том числе в формате частного образования, в Камбодже и Таиланде открывает «окно возможностей» для российских университетов и инвесторов при условии долгосрочности вложений и программ сотрудничества. Отметим, что даже такие достаточно локальные проекты будут способствовать значительному росту изучающих русский язык, качеству его преподавания в школах и вузах региона.

Изучение русского языка осуществляется также на базе Российских центров науки и культуры, Русских домов культуры. В большинстве случаев это единственная возможность изучения русского языка для широкого круга желающих. В ряде других случаев изучение ограничено определенными категориями граждан. Во Вьетнаме и Камбодже существуют возможности изучения русского языка в рамках дополнительного образования в организациях

Министерства обороны и Министерства общественной безопасности. Они проводят курсовое обучение, но только для своего контингента, который в дальнейшем направляется на учебу в Россию: по программам бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. В СРВ курсовое обучение со специальными целями проводится для курсантов Академии народной полиции (АНП) и Академии народной безопасности (АНБ). Ежегодно подготовку в упомянутых профильных академиях проходят порядка 50 человек. С 2015 до 2020 г. Россия посредством Российского центра науки и культуры (РЦНК) курировала образовательный процесс в АНБ и АНП, оказывала курсам методическую и учебную помощь. Этот опыт можно считать успешным для СРВ и Камбоджи, а также возможным для распространения. Достаточно ограниченные, специфические образовательные направления могут играть большую роль в продвижении российского влияния в Индокитае. Такие программы предложены не только по военным специальностям, но также освоены ряд российских образовательных программ сферы культуры и искусства, которые традиционно высоко оцениваются на мировом рынке образовательных услуг.

«Мягкая сила» общественных институций

Как показала мировая практика, наиболее успешным форматом продвижения «мягкой силы» являются общественные организации и институции, аффилированные с государством по сетевому принципу. Действию многочисленных гуманитарных инициатив в Индокитае Россия может противопоставить сегодня опять-таки то небольшое, что было сформировано при СССР. С 2016 г. при непосредственном участии Людмилы Алексеевны Вербицкой во Вьетнаме возобновила свою деятельность языковая общественная организация – Вьетнамская ассоциация преподавателей русского языка и литературы (ВАПРЯЛ), в состав которой входят все преподаватели русского языка в стране. Сегодня ВАПРЯЛ продолжает сотрудничество с Международной ассоциацией преподавателей русского

языка и литературы (МАПРЯЛ, г. Москва): участвует в различных конференциях, семинарах и съездах. Важно отметить, что ВАПРЯЛ остается единственной подобной национальной ассоциацией в регионе Юго-Восточной Азии.

Другим успешным примером российской «мягкой силы» можно считать общественные организации русофонов Вьетнама, объединившие несколько миллионов человек¹⁹. Среди них «Общество любителей России», «Ностальгия по СССР», «Общество любителей русской музыки», «Ассоциация выпускников вузов г. Астрахани», «Сердце советской России» и многие другие, всего около 100 организаций. Перечисленные объединения включают в среднем от 5 тыс. до 80 тыс. человек. Их деятельность подразумевает продвижение положительного имиджа России во Вьетнаме посредством проведения встреч, организации делегационных обменов, поездок в Россию, совместных с другими вьетнамскими гражданами празднований российских государственных и традиционных праздников. Заметную роль в популяризации русского языка и российского образования в регионе играют Ассоциации выпускников российских (советских) вузов, поддержка которых усилила бы культурное присутствие России в Юго-Восточной Азии.

Дилеммы российского образования в Индокитае

Политика Российской Федерации в сфере подготовки студентов из стран Индокитая отличается от деятельности США и КНР в указанной сфере. Как уже отмечалось, подавляющее большинство студентов и аспирантов обучается в России по программам, финансируемым в рамках межправительственных соглашений с этими странами. Органы государственной власти России и стран региона не везде напрямую участвуют в наборе на указанные места и, соответственно, не уделяют особого внимания качественному отбору кандидатов на правительственную российскую квоту.

Вместе с тем, несмотря на то что одним из критериев эффективности российских вузов, установленных государством, является

международное сотрудничество²⁰, сегодня не приходится говорить об активном присутствии отечественных организаций на рынке образовательных услуг Индокитая. Причем если мы будем рассматривать показатели российского экспорта образовательных услуг в его общей структуре, то на первый взгляд ситуация может оцениваться как вполне позитивная. В количественном отношении студенты из стран Азии занимают более 18% от общего числа иностранных студентов, обучающихся в РФ²¹. Конечно, с той оговоркой, что большая их часть — это китайские студенты. Однако приоритетными странами для обучения студентов из Индокитая являются университеты США, Китая, Западной Европы, Австралии и Японии, и сравнение с основными конкурентами рынка образовательных услуг, тем более пространства реализации «мягкой силы», дает результаты явно не в пользу России.

Например, по данным ЮНЭСКО на 2019 г., в США обучалось 6039 студентов из Таиланда, 6314 в Великобритании, 7659 в Австралии, 3140 в Японии и только 125 в России. И если для Таиланда такие цифры можно считать ожидаемыми в силу традиционной внешнеполитической ориентации страны, то количество обучающихся в странах мира из СРВ и Лаоса, наиболее лояльно настроенных к РФ, позволяют говорить о чрезвычайно малом влиянии России в этой сфере. Студенты из СРВ в 2019 г. в наибольшем количестве обучались в университетах Японии — 40 633, США — 25 951, Австралии — 17 389, Канады — 7161, Франции — 4307, и только 1013 студентов приходится на РФ²². Иначе говоря, российское образование не является приоритетным для абитуриентов региона, чему можно дать ряд объяснений.

Указанная статистика, прежде всего, отсылает к очевидному тезису о том, что «мягкая сила» находится в зависимости от «жесткой» силы, прежде всего экономической. Выбор образования, как и возможность продвижения собственных смыслов посредством образования, напрямую связаны с экономическим потенциалом страны. Напомним, что, по данным Всемирного банка, за период с 2008 по 2017 г. ВВП Камбоджи вырос более чем в 2 раза, Лаоса — более

3 раз, Вьетнама — более чем в 2 раза, тогда как ВВП России за тот же период времени сократился на 10% в силу целого ряда причин²³. И несмотря на то что объемы экономик стран Индокитая и РФ несопоставимы, Россия не является для этих стран приоритетным экономическим партнером.

Политические факторы, которые также влияют на выбор партнеров в реализации образовательных проектов, а подчас на саму возможность реализации образовательных программ в той или иной стране, в отношении большинства стран региона можно считать благоприятными для России, с некоторыми оговорками на сегодняшнюю геополитическую ситуацию. Со всеми странами региона Россия не имела военных конфликтов, а для Вьетнама, Лаоса и Камбоджи сыграла большую роль в их национальном самоопределении. Достаточно вспомнить о том, что Советский Союз, правопреемницей которого выступает Российская Федерация, являлся одним из первых государств, признавших суверенитет Вьетнама и оказавших всемерную поддержку «молодому» государству, которая проявилась во время конфликтов, погрузивших регион в военные действия фактически до 80-х годов XX в. Не случайно, что политическая, экономическая и военная система Социалистической Республики Вьетнам строилась по советским лекалам и ориентировалась на СССР. В геополитическом плане, в условиях сложных отношений между Китаем, с одной стороны, и Вьетнамом и Советским Союзом — с другой, важное значение имело именно военно-политическое партнерство наших двух стран, которое выразилось не только в оказании СРВ всесторонней политической, военно-технической и другой помощи, но и в присутствии советского Тихоокеанского флота на военно-морской базе Камрань, а в ходе китайско-вьетнамской войны 1979 г. и в прямом давлении на КНР со стороны СССР, приведшем к остановке китайского наступления на Ханой и выводу НОАК (Народно-освободительной армии Китая) с захваченных территорий Вьетнама.

Заметим, что при содействии СССР в некогда колониальных странах создавались системы здравоохранения, образования, обо-

роны, энергетики, формировалась собственная высшая школа. Все перечисленное в своей совокупности составляет тот фундамент лояльности и пространство для продвижения российских культурных ценностей, которое позволяет сегодня говорить о «мягкой силе» РФ в Индокитае. Однако со временем этот ресурс исчерпывается, что является проблемой, требующей комплексного решения не только через увеличение количества образовательных квот, но посредством изменения самой гуманитарной (и образовательной) политики РФ на этом направлении и, как минимум, создания концепции гуманитарной политики России.

Активность российских университетов в Индокитае, равно как и в других регионах мира, может быть описана через такие дилеммы, как «государственные образовательные квоты vs платные студенты» и «необходимость системной работы vs желание быстрых результатов». Сразу оговоримся, что приведенные противоречия достаточно условны, но взаимосвязаны. Они отражают произошедшие изменения в самой российской системе высшего образования, финансирование которой происходит как из бюджетных источников, так и внебюджетных, т.е. доходов от предоставления образовательных услуг и исследований. Предметом анализа может стать и проблема рассогласования российской гуманитарной политики и политики образовательной, но остановимся только на некоторых аспектах.

Поскольку оценка российских университетов происходит на основе комплексного мониторинга эффективности деятельности организаций высшего образования²⁴, рассчитываемого за прошедший год, планирование деятельности, международной в том числе, происходит на год. Из тринадцати показателей мониторинга по международной деятельности одиннадцать касаются количественных значений иностранных студентов по различным категориям (далее зарубежье и страны СНГ) и уровням образования (бакалавриат, магистратура и аспирантура). Два остальных фиксируют объем средств, полученных образовательной организацией от выполнения НИОКР от иностранных граждан и иностранных юридических лиц, а также объем средств от образовательной деятельно-

сти, полученных образовательной организацией от иностранных граждан и иностранных юридических лиц.

В результате мы сравниваем количественные показатели по набору иностранных студентов и заработанные средства. Логика мониторинга эффективности толкает университеты к увеличению только этих значений, т.е. набору как можно большего числа иностранных студентов. Больше квот и больше студентов как принцип выстраивания международной деятельности для российских университетов на первый взгляд не противоречит продвижению российской «мягкой силы». Однако он же, в совокупности с «коротким» планированием и отсутствием согласования (нередко наличием каких-либо точек пересечения вообще) с задачами по реализации «мягкой силы», приводит к тому, что из географии российского экспорта образования выпадают страны и регионы. Так, на фоне большого и динамичного Китая страны Индокитая остаются периферийными для сотрудничества.

Безусловно, исключения составляют университеты, реализующие языковые программы, нуждающиеся в прохождении практики студентами в странах Индокитая, но такое сотрудничество нельзя назвать массовым. Оно «не работает» на выполнение количественных показателей мониторинга, равно как и на продвижение российской «мягкой силы» через образование, которое включает ограниченные языковые или иные «специфические» направления подготовки — к таким можно отнести образование в военных вузах, обусловленное давним сотрудничеством в этой сфере.

Более длительный период планирования задан в программах развития университетов, в своем большинстве рассчитанных на 3–5 лет. Они включают количественные показатели, охватывающие не только контингент и объем средств, но также совместные образовательные программы, договоры о сотрудничестве, стажировки преподавателей, входящую и исходящую студенческую мобильность. Как и в предыдущем случае, разработка программ развития университетов не предполагает согласования с программами по реализации российской гуманитарной политики в мире и отдельных

регионах. Автономность университетов в этом вопросе, как и ориентированность в отчетности на количественные показатели, отсутствие у Министерства науки и высшего образования России функции регулятора этих процессов, нередко приводит к заключению договоров ради самих договоров, а выбор зарубежных партнеров определяется личными контактами или предпочтениями. В отношении стран Индокитая проявляется географическая ограниченность сотрудничества, при которой университеты Дальнего Востока имеют преимущество в сотрудничестве, но также им и ограничивается пул университетов, которым регион интересен.

Доминанта набора иностранных студентов диктует для университетов желание быстрых результатов. Упрощенно это выражается в следующей последовательности: заключение договора с университетом — организация обмена; или участие в образовательной выставке / установление контакта с рекрутинговым агентством — набор студентов. Столкновение с социокультурной спецификой региона и необходимостью системной, длительной работы приводит к разочарованию и невозможности быстрого достижения желаемого результата. Более того, такой результат не является целью для государства как представителя заинтересованной стороны, так и страны — адресате усилий наших университетов. С учетом ограниченности ресурсов практически всех отечественных вузов (как кадровых, так и финансовых), о системной и долгосрочной реализации своих образовательных проектов, при условии их понимания как полноценной «мягкой силы», говорить сложно. Более того, очевидна необходимость интеграции усилий отдельных университетов с одновременной локализацией ресурсов и согласованием деятельности с целями и задачами российской гуманитарной политики. Подобные структуры успешно функционируют в том числе и в странах Индокитая. Это Институт Конфуция, Университет Фулбрайта, аналогов которым у России нет, за исключением не слишком удачного опыта работы фонда «Русский мир», деятельность которого носит ограниченный характер, тогда как он мог бы стать проводником отечественной «мягкой силы» за рубежом.

В этой связи Россия на сегодняшний день ограничивается использованием единственного такого ресурса за рубежом – своего государственного института – Федерального агентства «Россотрудничество» и его представительств. Заметим, весьма ограниченных как в кадровом, так и финансовом отношении.

Немаловажный нюанс заключается в географической ограниченности сотрудничества – взаимодействии с теми, кого университеты «знают» лично. Можно предположить, что такое глобальное потрясение, как пандемия, могло бы изменить эту ситуацию. Мы видим, что допандемийные стратегии российских вузов относятся к количественно ориентированным, что ограничивает продвижение отечественной «мягкой силы» посредством образовательных проектов в странах с небольшим населением и количеством молодежи, готовой к поступлению в вузы. Постпандемийная реальность принесла новые вызовы, от технических проблем интернет-покрытия, достаточно актуальных для стран Индокитая, до необходимости совершенствования методик дистанционного обучения. И в целом, не поменяла мышление университетского менеджмента в отношении организации международного сотрудничества. Преодоления прежних стереотипов не произошло, и ресурсы дистанционной коммуникации, весь потенциал новых образовательных технологий не привели к появлению новых программ сотрудничества с регионом или интересных и резонансных проектов.

Небольшая территория покрытия Интернетом и, как следствие, недоступность интернет-образовательных ресурсов для жителей Индокитая является проблемой постпандемийного периода. Одновременно решение этой проблемы могло бы открыть новые возможности для изучения русского языка как иностранного языка первого выбора для широких масс в школах региона. Позволило бы тиражировать позитивный образовательный опыт российских школ за рубежом с целью завоевания престижа и авторитета на рынке школьного образования отдельных стран. Тем более что методическое сопровождение и технологии онлайн-обучения уже отработаны российскими университетами за прошедший учебный год.

На уровне университетов тот импульс в развитии онлайн-коммуникации, который уже состоялся, может быть использован для преодоления локальности связей и бессистемности коммуникаций. В частности, для инициации совместных образовательных программ, не только языковых, с университетами Индокитая. В странах, где есть такая потребность, прежде всего в Лаосе и Камбодже, онлайн-технологии могут использоваться для научной коммуникации и реализации программ повышения квалификации преподавателей университетов. Равно как и для обратного – образовательных программ в российских университетах и бизнес-школах, имеющих страновую специфику и ориентированных на регион Индокитая. Подобные программы сейчас уже реализуются в формате Россия–Китай, Россия–Индия Московской школой управления Сколково и могут быть дополнены программами Россия–СРВ или Россия–Таиланд.

Заключение

Анализ реализации российских образовательных проектов в Индокитае и выделение сопряженных с ними контекстов позволяют сделать вывод о том, что в текущем состоянии оно не является инструментом «мягкой силы». Трансляция ценностей и смыслов российской культуры осуществляется на весьма ограниченное количество учеников школ и студентов университетов, а также тех, кто по образовательной квоте поступает в российские университеты. Для последних насущной задачей является увеличение численности иностранных студентов, а также рост доходов от их обучения.

Как следствие, можно констатировать отсутствие не только четко артикулированных задач по продвижению российского образования за рубежом, но и стратегии гуманитарной политики Российской Федерации в целом. В отношении Индокитая ее можно охарактеризовать как рассогласованную и разнонаправленную в разрезе символического, институционального и субъектного измерений.

На уровне субъектов реализации «мягкой силы» взаимодействие носит ситуативный характер, что выражается в отсутствии стратегии и долгосрочного планирования международного сотрудничества университетов, спонтанности контактов, приоритетности количественных показателей в ущерб качественным, часто в имитации договорной деятельности без продолжения реального сотрудничества.

На институциональном уровне отмечается слабое ресурсное обеспечение. Ограниченность ресурсов отдельных университетов обрекает их на стремление к «быстрым результатам» и концентрации на тех направлениях, которые «работают» на выполнение отчетных показателей. Во многом это обусловлено отсутствием регулятора в этой сфере и четко артикулированной позиции, в том числе в формате рекомендаций Министерства науки и высшего образования, Россотрудничества и МИД. Решение обозначенной проблемы возможно через различные формы интеграции университетов в национальные консорциумы для продвижения российского образования в регионе, но также через создание надуниверситетских структур по примеру Университета Канады, эффективно концентрирующих культурный капитал российских вузов и локализуемых в регионе. Одновременно такая институция будет способна преодолеть автономность образовательных организаций в отношении гуманитарной политики РФ, сможет осуществлять долгосрочное планирование и привлекать необходимые ресурсы.

Востребованность символического измерения российской «мягкой силы», ценностей и смыслов сегодня стремительно меняется. Россия способна предложить не только востребованные образовательные продукты, т.е. знание как таковое, но, что не менее важно, новое понимание «мягкой силы». Ее трактовку не как манипуляции, управление через «завоевание ума и сердца», а как взаимодействие равных, взаимно обогащающихся в ходе межкультурного диалога. Концептуально это возможно через экспликацию смыслов «гуманитарного» как определяющего специфику гуманитарной политики и «мягкой силы» как ее части. При этом гуманитарным воздействи-

ем следует считать не только то, что «обеспечивает» права человека, гарантирует уровень его жизни, но также то, что направлено на сохранение человека именно как человека в социальном и культурном его измерении.

Для стран Индокитая с их колониальным прошлым и неоконическими контурами будущего такое знание и концептуальные установки гуманитарного взаимодействия могут быть значимы. «Мягкая сила» как обогащающее всех знание будет способствовать не только лояльности России на уровне государств, но также на уровне сообществ и конкретных людей, солидарность с Россией будет скреплена на уровне ценностей и идей, чувств и эмоций. Но это возможно при условии, что российское образование, как и регулятор в лице федеральных органов власти, сумеют создать не только конкурентные образовательные продукты мирового уровня, но также механизмы продвижения образования как «мягкой силы», сформулировать концепцию российской гуманитарной политики.

Примечания

- ¹ Локализация исследования странами Индокитая обусловлена тем, что именно в эти страны, в отличие от других стран АСЕАН, в критическом объеме экспортировались образовательные услуги России, что позволяет осмыслить как актуальное состояние образовательной политики, так и перспективы реализации российской «мягкой силы» в регионе.
- ² Dân số Việt Nam (Nguồn) URL: <https://danso.org/viet-nam/> (дата обращения: 28.09.2022).
- ³ Число поступающих в Лаосе в учебные заведения, предоставляющие среднее и высшее специальное образование, увеличилось с 2,3% всех выпускников школ в 1999 г. до 16,7% в 2012 г. *Пряжникова О.Н.* Тенденции развития высшего образования в странах Восточной и Юго-Восточной Азии // Экономические и социальные проблемы России. 2018. С. 141.
- ⁴ Там же. С. 143.
- ⁵ *Пряжникова О.Н.* Тенденции развития высшего образования в странах Восточной и Юго-Восточной Азии // Экономические и социальные проблемы России. 2018. С. 145.
- ⁶ По данным РЦНК в Ханое.
- ⁷ По данным РЦНК в Ханое.

- ⁸ По данным РЦНК в Ханое.
- ⁹ Постановление № 1400/QĐ-TTg от 30/09/2008.
- ¹⁰ Соколов А.А. Современная образовательная миграция из Вьетнама: возможности и вызовы // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2017. Вып. XXXV. № 35. С. 185.
- ¹¹ Там же. С. 195–200.
- ¹² Пряжникова О.Н. Там же. С. 134.
- ¹³ U.S. Embassy & Consulate in Vietnam. URL: <https://vn.usembassy.gov/vi/education-culture-vi/tai-tro-hocbong/> (accessed: 28.09.2022).
- ¹⁴ Пряжникова О.Н. Там же. С. 144.
- ¹⁵ U.S. Mission to ASEAN. URL: <https://asean.usmission.gov/education-culture/leaders/> (accessed: 28.09.2022).
- ¹⁶ Рейтинг университетов мира QS. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings/qs/> (accessed: 28.09.2022).
- ¹⁷ The world university ranking. URL: https://www.timeshighereducation.com/rankings/impact/2019/overall#!/page/0/length/25/sort_by/rank/sort_order/asc/cols/undefined (accessed: 28.09.2022).
- ¹⁸ По данным РЦНК в Ханое.
- ¹⁹ По данным РЦНК в Ханое.
- ²⁰ Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования. 2018 г. (на основе данных формы № 1-Мониторинг за 2017 г.) (утв. Минобрнауки России 30.03.2018 № ИК-139/05вн). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295007/ (дата обращения: 28.09.2022).
- ²¹ Меликян А.В. Институциональные факторы, влияющие на результаты экспортной деятельности российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21. № 6. С. 70.
- ²² Global Flow of Tertiary-Level Students. URL: <http://uis.unesco.org/en/uis-student-flow#slideoutmenu> (accessed: 28.09.2022).
- ²³ Реальный ВВП на душу населения по ППС. URL: https://tredeconomy.ru/data/wdi/KHM/NY_GDP_PCAP_PP_KD (дата обращения: 28.09.2022).
- ²⁴ Мониторинг деятельности организаций высшего образования. URL: <https://monitoring.miccedu.ru/> (дата обращения: 28.09.2022).

Глава 18

Процессы миграции в странах АСЕАН и их влияние на Российскую Федерацию¹

АННОТАЦИЯ: В главе обсуждаются вопросы, связанные с динамикой миграционных процессов в странах АСЕАН в контексте демографических изменений, текущей социально-экономической ситуации, внутрирегиональной интеграции, а также влияния пандемии COVID-19 на внутреннюю и международную мобильность населения. Общая численность населения стран АСЕАН в настоящее время превышает 660 млн человек. Для большинства стран Ассоциации, которые имеют расширенный тип воспроизводства населения, международная миграция является важным компонентом социально-экономического развития. В регионе АСЕАН мы можем говорить о нескольких устойчивых миграционных коридорах: из Мьянмы в Таиланд и Бангладеш, из Индонезии в Малайзию, из Малайзии в Сингапур, из Лаоса в Таиланд. Существование этих миграционных коридоров определяется значительными масштабами экономического сотрудничества между странами. Отмечается, что около 70% миграционных потоков сосредоточено внутри региона. При этом велика доля нелегальной миграции, а трудовая эксплуатация мигрантов и торговля людьми являются самыми сложными проблемами, стоящими на повестке дня МОМ и УВКБ ООН. Для региона характерны высокие темпы феминизации миграции. Важным трендом последнего десятилетия является активизация международной образовательной миграции и академической мобильности. Страны АСЕАН становятся все более активными игроками на рынке образовательных услуг и являются уже

не только странами-донорами, но и странами-реципиентами образовательных мигрантов. В исследовании также проводится анализ визовых режимов между Россией и странами АСЕАН. В частности, показывается, что взаимная или односторонняя отмена краткосрочных виз способствует развитию туризма между нашими странами. Высокий интерес российских граждан и наиболее тесные торгово-экономические отношения с некоторыми странами АСЕАН привели к формированию в них значительного пласта русскоязычной экономики. Наиболее широко русскоязычная экономика представлена в таких странах, как Вьетнам, Таиланд, есть определенный потенциал роста в Индонезии, Лаосе, Мьянме. Показано, что русскоязычная экономика в странах АСЕАН не только формируется за счет развития туризма из России и торговли, но представляет собой более глубокий феномен, оказывающий значимое воздействие на экономику принимающих стран.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международная миграция, Российская Федерация, страны АСЕАН, визовый режим, трудовая миграция, образовательная миграция, беженцы, пандемия COVID-19.

ABSTRACT: This chapter discusses issues related to the dynamics of migration processes in the ASEAN countries in the context of demographic changes, the current socio-economic situation, intra-regional integration, as well as the impact of the COVID-19 pandemic on domestic and international mobility. The total population of the ASEAN countries now exceeds 660 million people. For most countries of the Association, which have an expanded type of population reproduction, international migration is an important component of socio-economic development. In the ASEAN region, we can talk about several sustainable migration corridors: from Myanmar to Thailand and Bangladesh, from Indonesia to Malaysia, from Malaysia to Singapore, from Laos to Thailand. The existence of these migration corridors is determined by the significant scale of economic cooperation between countries. It is noted that about 70% of migration flows are concentrated within the region. At the same time, the share of illegal migration is high, and the labor exploitation of migrants and human trafficking are the most difficult problems on the agenda of IOM and UNHCR. The region is characterized by high rates of migration feminization. An important trend of the last decade is the intensification of international educational migration and academic mobility. ASEAN countries are becoming

more and more active players in the international educational market, and are no longer only donor countries, but also recipient countries of educational migrants. The study also analyzes visa regimes between Russia and ASEAN countries. In particular, it is shown that the mutual or unilateral cancellation of short-term visas contributes to the development of tourism between our countries. The high interest of Russian citizens and the closest trade and economic relations with some ASEAN countries led to the formation of a significant layer of the Russian-speaking economy in them. The most widely Russian-speaking economy is represented in such countries as Vietnam, and Thailand, there is a certain growth potential in Indonesia, Laos, and Myanmar. It is shown that the Russian-speaking economy in the ASEAN countries is formed not only through the development of tourism from Russia and the trade, but is a deeper phenomenon that has a significant impact on the economy of the host countries.

KEYWORDS: international migration, Russian Federation, ASEAN countries, visa regime, labor migration, educational migration, refugees, COVID-19 pandemic.

Введение

ИЗМЕНЕНИЯ в масштабах и направлениях международной миграции в странах АСЕАН в последние годы весьма примечательны. Общая численность населения в десяти странах АСЕАН на середину 2020 г. составляла уже 669 млн человек, что свидетельствует о значительном демографическом потенциале. Для стран АСЕАН в целом можно говорить о дальнейшем росте населения, однако конкретные страны имеют разнонаправленную демографическую динамику, обусловленную сложившимися режимами воспроизводства населения. В регионе АСЕАН мы можем выделить страны как с быстро стареющим населением, так и достаточно молодые, с прогрессивной демографической структурой; страны, уязвимые к изменению климата и подверженные стихийным бедствиям; страны, которые испытывают самые большие разрывы в уровне жизни населения и благосостоянии граждан. Здесь же представлены и страны с одними из самых высоких в мире темпов роста экономики.

Для объяснения тех миграционных процессов, которые к настоящему времени сложились в странах АСЕАН, мы можем развить теорию Хекшера–Олина². Фактически трудоизбыточные страны АСЕАН являются экспортёрами рабочей силы в другие страны Ассоциации, а также третьи страны. В результате в стране происхождения мигрантов частично снимается проблема безработицы, в том числе молодежной. За счет денежных переводов трудовых мигрантов повышается уровень благосостояния значительной доли домохозяйств и обеспечивается текущее потребление. Возвращающиеся же на родину трудовые мигранты получают за время работы в зарубежных странах дополнительные профессиональные компетенции, позволяющие им в дальнейшем более успешно выстраивать свою профессиональную траекторию в стране происхождения. При этом, развитие национальных экономик стран АСЕАН требует привлечения высококвалифицированных кадров, недостаток которых может быть компенсирован благодаря привлечению нужных специалистов из других зарубежных стран, а также благодаря активной подготовке молодых специалистов в вузах стран АСЕАН. Поэтому значительные усилия стран Ассоциации направлены в настоящее время на привлечение молодых талантов, развитие системы профессионального образования в приоритетных областях народного хозяйства и достижение договоренностей в области взаимного признания квалификаций.

Миграционные процессы в странах АСЕАН, как и во всем мире, начиная с 2020 г. следует анализировать через призму тех изменений, которые повлекла за собой пандемия COVID-19. Часть этих изменений носила относительно кратковременный характер, другая же часть — вызвала качественные сдвиги на мировом рынке труда. Начавшаяся пандемия коронавирусной инфекции привела к повсеместным ограничениям внутренней и международной мобильности, усилению пограничного контроля, введению дополнительных процедур, связанных с наймом иностранной рабочей силы. Мигранты во всем мире стали одной из наиболее уязвимых категорий населения. Представители международных организаций с первых

дней пандемии обращали внимание на трудности, с которыми столкнулись мигранты из-за ограничительных мероприятий. Основные были связаны с ограничением доступа к получению медицинской помощи, потерей работы или частичным сокращением занятости. В первые месяцы ограничительных мероприятий фиксировалось значительное падение объемов денежных переводов мигрантов, а значит, дополнительная уязвимость возникала и для семей трудовых мигрантов, которые лишились источника дохода. Национальные правительства должны были оперативно реагировать на возникшие вызовы, поэтому в самые кратчайшие сроки на уровне отдельных стран были выработаны практические решения, направленные на регулирование международной миграции и продление статусов мигрантов, находящихся в текущих странах пребывания³.

Миграционные процессы в странах АСЕАН: глобальные тренды и влияние пандемии COVID-19

Миграция между странами АСЕАН и в другие регионы мира имеет множество причин, однако, как и в других регионах мира, преобладающей формой является трудовая миграция. Для этого региона мы можем выделить направление «юг–юг», внутрирегиональные перемещения, а также миграцию на Ближний Восток. Другими видами миграции являются образовательная миграция, миграция с целью воссоединения семей, вынужденная миграция из-за политических и военных конфликтов.

В последние годы активизировались миграционные процессы, обусловленные изменением климата и окружающей среды, которые наиболее ярко проявляются в таких странах, как Вьетнам, Таиланд, Филиппины, Индонезия⁴. В основном причины климатических миграций в странах АСЕАН связаны с затоплением прибрежных территорий, наводнениями, оползнями.

Рост масштабов миграции между странами АСЕАН и с третьими странами и расширение географии миграционно привлекательных стран обусловлены сложившейся демографической структурой на-

селения. Основные демографические характеристики по странам АСЕАН представлены в табл. 18.1.

Страны АСЕАН многократно различаются по абсолютной численности населения – от наименьшей в Брунее до максимальной в Индонезии, а также режимами воспроизводства. Так, расширенный

Таблица 18.1

Основные выборочные показатели демографического развития стран АСЕАН в 2011–2020 гг.

Страна	Численность населения, тыс. человек		Доля городского населения в 2020 г., %	Суммарный коэффициент рождаемости в 2017 г.	Доля населения в возрасте от 65 лет и старше в 2020 г., %	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2019 г., лет
	2011 г.	2020 г.				
Бруней	393,4	453,6	78,3	1,7	6,0	77,4
Камбоджа	14 521,3	16 338,1	35,7	2,5	6,0	75,5
Индонезия	241 990,7	270 203,9	56,7	2,1	6,2	71,3
Лаос	6 385,1	7 261,2	36,3	2,8	4,4	66,0
Малайзия	29 062,0	32 583,8	76,7	1,9	7,0	74,7
Мьянма	50 149,0	54 817,9	29,9	2,4	6,6	66,6
Филиппины	94 823,8	108 772,0	47,4	2,7	5,6	72,7
Сингапур	5 183,7	5 685,8	100,0	1,2	15,2	83,7
Таиланд	66 214,0	68 127,8	51,4	1,4	13,0	75,7
Вьетнам	88 145,8	97 582,7	36,8	2,0	8,0	73,6

Источник: составлено на основании данных Статистического ежегодника АСЕАН в 2021 г.: ASEAN Statistical Yearbook 2021. Jakarta, ASEAN Secretariat, December 2021. Chapter 1. Population. P. 3–10; Chapter 2. Education and Health. P. 18–19. URL: https://asean.org/wp-content/uploads/2021/12/ASYB_2021_All_Final.pdf (accessed: 22.07.2022).

Примечание: ожидаемая продолжительность жизни при рождении для Филиппин указана по состоянию на 2017 г.

тип воспроизводства характерен для Камбоджи, Индонезии, Лаоса, Мьянмы, Филиппин. Вьетнам показывает переход к стационарному типу, суженный тип воспроизводства в настоящее время фиксируется для Брунея, Таиланда, Малайзии и Сингапура (см. значения суммарных коэффициентов рождаемости в табл. 18.1). Тем не менее и во Вьетнаме, и в Малайзии в ближайшей перспективе еще будет продолжаться рост населения благодаря молодой демографической структуре. Поэтому миграция, как внутренняя, приводящая к перераспределению населения внутри страны, так и международная, будет являться важным механизмом снижения напряженности на рынках труда стран АСЕАН. Процессы старения населения наиболее ярко выражены в настоящее время в Сингапуре и Таиланде. Среди стран АСЕАН Сингапур выделяется как страна с одним из самых высоких в мире стандартов качества жизни населения и высоким уровнем доходов. В то же время это и страна с одним из самых низких в мире уровнем рождаемости. Рост населения Сингапура уже давно обеспечивается исключительно за счет международной миграции и политики привлечения квалифицированных специалистов.

Характерной чертой миграционных процессов в странах АСЕАН является то, что значительная часть потоков сосредоточена внутри региона (около 70%). При этом велика доля нелегальной миграции, а трудовая эксплуатация мигрантов и торговля людьми являются самыми сложными проблемами, стоящими на повестке дня Международной организации по миграции.

Еще одной особенностью являются высокие темпы феминизации миграции. Это объясняется высоким спросом в ряде стран на домашнюю работу. Например, 61% мигрантов из Таиланда – женщины, а в Малайзии их доля 57, в Лаосе – 56, в Филиппинах и Камбодже – по 54% в общей численности мигрантов из этих стран⁵. В абсолютных цифрах лидируют Филиппины с более чем 3 млн женщин-мигрантов, Индонезия – около 2 млн, Вьетнам – 1,7 млн женщин-мигрантов⁶. В странах АСЕАН преобладающими странами назначения домашних работников являются Таиланд, Сингапур и Малайзия; основными странами происхождения являются

Индонезия, Филиппины, Мьянма и Вьетнам. Женщины-мигранты в основном происходят из относительно бедных сельских районов, где сложно найти работу. Существующие социальные сети мигрантов, развитие средств коммуникации, а также наличие агентов по миграции и вербовщиков способствуют нахождению работы как в других регионах своей страны, так и за рубежом. Мужчины-мигранты, как правило, преобладают в миграции из сельских в сельские районы и в сезонной миграции, а также в таких секторах, как строительство, сельское хозяйство, тяжелая промышленность, рыболовство и вождение такси/мототакси⁷.

Поскольку значительное число мигрантов задействовано в неформальном секторе экономики, часто на низкооплачиваемой работе с пренебрежением к технике безопасности и без заключения официальных трудовых договоров, это сопряжено с высокими рисками эксплуатации и злоупотреблений со стороны работодателей. Это включает, среди прочего, социальную изоляцию и дискриминацию, продолжительный рабочий день и тяжелую физическую работу, а также отсутствие или ограниченный доступ к предметам первой необходимости и сервисам, в том числе к образованию, здравоохранению, санитарии, нормальному жилью, питьевой воде и продуктам питания⁸. Типичным примером является тайский рыболовный сектор, где эксперты МОМ и МОТ, а также ряд негосударственных организаций помощи мигрантам выявили не только обман и принудительный труд, но и то, что 17% рабочих фактически находились в рабстве и не могли уехать⁹.

К сожалению, нередки случаи, когда мигранты из стран АСЕАН имеют нелегальный статус в стране назначения. Это относится, в частности, к примерно 10% филиппинского населения за рубежом, а также часто регистрируется для мигрантов из Вьетнама, уезжающих в основном в Европу, Северную Америку и регион Персидского залива¹⁰.

Внутри АСЕАН в настоящее время выделяются несколько устойчивых миграционных коридоров: из Мьянмы в Таиланд и Бангладеш, из Индонезии в Малайзию, из Малайзии в Сингапур, из Лаоса

в Таиланд¹¹. Экономическое сотрудничество в рамках АСЕАН делает существующие миграционные коридоры устойчивыми во времени.

Важной тенденцией в странах АСЕАН является миграция из сельских районов в города, т.е. процесс урбанизации. Доля населения, проживающего в городах, выросла за последние десять лет во всех без исключения странах АСЕАН. Это привело к быстрому росту населения городов. В частности, мы можем рассмотреть сельско-городские миграции на примере Вьетнама, который показывает значительные темпы урбанизации. В целом для Вьетнама доля городского населения все еще остается невысокой и составляет чуть выше 35%. Однако в последние годы темпы урбанизации серьезно выросли, миграционные потоки село–город приобрели весьма внушительные масштабы, о чем говорят высокие ежегодные темпы роста численности населения в городах: от 4,54% в 2011 г. до 3,61% к 2019 г. В период с 2011 по 2017 г. наибольшими темпами росла численность населения городов Ханоя (с 6761 до 7420 тыс. чел.) и Хошимина (с 7498 до 8444 тыс. чел.). Если говорить о последствиях внутренней миграции населения Вьетнама, то, безусловно, она приносит положительные дивиденды. В первую очередь — для самих мигрантов, позволяя увеличивать доходы домохозяйств, снижая таким образом уровень бедности в провинциях, на макроуровне — способствует перераспределению трудовых ресурсов и росту человеческого капитала за счет повышения уровня образования внутренних мигрантов, получения ими дополнительных профессиональных компетенций. Однако, говоря о внутренней миграции населения Вьетнама, нельзя не отметить и ряд негативных последствий таких перемещений. В частности, отмечается рост давления на городскую инфраструктуру (это и повышение нагрузки на городской общественный транспорт, увеличение трафика на городских магистралях, рост нагрузки на медицинские учреждения, школы, систему водоснабжения, рост потребления электроэнергии)¹².

Надо отметить, что эти проблемы не новы и не уникальны и характерны для многих стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Аналогичная ситуация складывается в большинстве крупных городов стран мира. Можно выделить и экологические последствия сельско-городских миграций. Так, массовые миграции село–село приводят к чрезмерной эксплуатации почв и наносят ущерб окружающей среде. Для крупных городов остро стоит проблема загрязнения воздуха, обусловленная высокими темпами роста личного автотранспорта (характерной особенностью стран АСЕАН является чрезвычайно высокая концентрация на автомагистралях мототранспорта – мопедов или мотоциклов). Высокая загазованность городских магистралей заставляла жителей крупных городов носить защитные маски и в период до пандемии.

Для стран АСЕАН также важным трендом последнего десятилетия является активизация международной образовательной миграции и академической мобильности. Страны Ассоциации становятся все более активными игроками на рынке образовательных услуг и являются уже не только странами-донорами, но и странами-реципиентами образовательных мигрантов. Ведущие университеты стран-участниц через реализацию англоязычных программ привлекают молодые таланты, которые впоследствии с определенной вероятностью могут остаться в той или иной стране, пополняя демографический и интеллектуальный потенциал принимающих стран.

Данные об образовательной миграции в регионе являются неполными, однако дают нам возможность судить об основных трендах. С одной стороны, можно отметить, что студенты из Китая, Японии и Кореи охотно приезжают с целью обучения в вузы таких стран, как Малайзия, Филиппины и Сингапур. Этому способствует развитое англоязычное образование.

С другой стороны, студенты из стран АСЕАН также стремятся получать образование за рубежом. Главной страной назначения для таких студентов являются США (668 тыс. иностранных студентов, половина из которых приходится на Китай), далее следуют Австралия, Великобритания, Россия (в России среди стран дальнего зарубежья максимальное количество иностранных студентов приходит-

ся на Вьетнам и Китай, что обусловлено, *во-первых*, наличием квоты на обучение, а *во-вторых*, историческими связями) и Япония.

Сегодня в мировые рейтинги входят немало вузов, входящих в АСЕАН. Среди них лидирующие позиции занимает Национальный университет Сингапура и Наньянский технологический университет Сингапура, в первую сотню ведущих азиатских вузов входят Университет Индонезии, Бандунгский институт технологий и Университет Гаджа Мада (Индонезия), Университет Малайя (Малайзия), Университет Филиппин, Университет Чулалагкорн и Университет Махидон (Таиланд), Вьетнамский национальный университет в Ханое и ряд других¹³. Каждый из этих университетов ведет активную политику по привлечению иностранных студентов как из стран АСЕАН, так и других регионов мира.

Для некоторых стран АСЕАН важную роль в формировании ВВП играют денежные переводы мигрантов. Так, за период 2009–2019 гг. объем денежных переводов мигрантов в страны АСЕАН практически удвоился. Это приводит к росту зависимости национальных экономик от денежных переводов мигрантов. В краткосрочной перспективе такие переводы помогают решать проблему бедности, однако в долгосрочной – не приводят к качественным изменениям структуры национальной экономики, а потому не могут являться устойчивым источником роста национальных экономик. По данным Всемирного банка (2020), доля денежных переводов в ВВП Филиппин составила около 9,7%, Вьетнама – 6,3, Камбоджи – 5,0, Мьянмы – 3,0%¹⁴. Средний размер денежного перевода составлял около 200 долл. США¹⁵. При этом для таких стран, как Сингапур и Индонезия, доля денежных переводов в ВВП составляет менее 1%.

В 2020 г. пандемия COVID-19 привела к возвращению сотен тысяч мигрантов в страны происхождения. Например, возвращение более 300 тыс. филиппинских мигрантов сократило денежные переводы на Филиппины примерно на 5% до 33,3 млрд долл. США в 2020 г. Во всем субрегионе произошло еще более резкое сокращение объемов денежных переводов, более чем на 8%, при этом объем денежных

переводов упал с примерно 76,9 млрд долл. США в 2019 г. до примерно 70,4 млрд долл. США в 2020 г.

Пандемия COVID-19 уже оказала и будет в дальнейшем продолжать оказывать негативное воздействие на самые уязвимые группы населения в странах АСЕАН, в том числе мигрантов. Влияние пандемии часто усугубляется мультипликативным эффектом от воздействия других негативных факторов. Например, в силу трудовой эксплуатации, неурегулированного статуса, рисков депортации у части мигрантов значительно ограничен доступ к услугам здравоохранения, социальной защиты. Женщины-мигранты сталкиваются с проблемами сексуального насилия, необходимости выполнять большие объемы работы при сохранении или даже снижении заработной платы. Дети мигрантов в силу разных причин могут получать лишь ограниченный доступ к школьному образованию. В настоящее время исследователи из разных стран мира и международные организации выделяют перечисленные группы рисков в связи с пандемией коронавируса¹⁶.

Другие последствия COVID-19 также очевидны, но в значительной степени оказывают влияние и на местное население. Экономика многих стран АСЕАН тесно связана с развитием туризма. Закрытие государственных границ для снижения рисков распространения инфекции привело к беспрецедентному «проседанию» туристической отрасли. Ярким примером здесь может служить Таиланд. За первый год пандемии доходы в сфере туризма упали с 1,91 трлн до 332 млрд батов (с 63,1 млрд до 10,96 млрд долл. США). Кроме того, без работы, по разным оценкам, остались от 2 млн до 4 млн человек, задействованных в данной области (в том числе мигрантов из других стран, которые работали в гостиницах: обслуживающий персонал, рабочие и т.п.). До пандемии туристическая отрасль обеспечивала рабочими местами около 8,3 млн человек¹⁷. Отсутствие туризма привело к значительному снижению предпринимательской активности в сферах, напрямую не связанных с туризмом.

Говоря о глобальных миграционных трендах в странах АСЕАН, нельзя обойти стороной проблему беженцев и внутренне переме-

щенных лиц (ВПЛ). Крайне сложная ситуация сложилась в Мьянме. Мьянма среди стран АСЕАН остается наиболее беспокойной страной, которую периодически захлестывают политические и экономические кризисы. Одной из серьезных проблем долгие годы является проблема беженцев народа рохинджа.

Согласно данным УВКБ ООН, по состоянию на середину 2021 г. около 69% всех беженцев и венесуэльцев прибывали в страны приема из всего пяти стран мира. Это Сирия (6,8 млн человек), Венесуэла (4,6 млн человек), Афганистан (2,7 млн человек), Южный Судан (2,4 млн человек) и Мьянма (1,2 млн человек, что составляет 2,2% официальной численности населения страны)¹⁸. Международные организации констатируют, что с 2017 г. начался новый исход беженцев из числа представителей народа рохинджа, вызванный беспрецедентными притеснениями и нарушением прав человека. Значительная часть беженцев в настоящее время размещена в Бангладеш, в крупнейшем в мире лагере беженцев Кутупалонг под Кокс-Базаром. Там проживает около 918 тыс. беженцев из числа рохинджа, не имеющих гражданства, причем около половины из них — дети. Представители УВКБ ООН и правозащитники отмечают, что ситуация с размещением беженцев в лагере Кутупалонг критическая. *Во-первых*, одной из ключевых проблем является нехватка питьевой воды и продовольствия. *Во-вторых*, с началом пандемии COVID-19 остро встала проблема социального дистанцирования с целью предотвращения распространения инфекции, оказания необходимой медицинской помощи беженцам. *В-третьих*, для большинства детей, проживающих на территории лагеря, доступ к получению образования сильно затруднен. Наконец, из-за ограниченного доступа к основным ресурсам в лагере сохраняется высокий уровень преступности. Дополнительная уязвимость возникает и в связи с периодическими природными катаклизмами. Самыми распространенными являются оползни и наводнения. Как отмечает основатель Ассоциации молодежи рохинджа Кхин Маунг, только в июле 2021 г. от природной стихии пострадало, как минимум, 12 тыс. беженцев¹⁹. Фактически такое положение беженцев можно

охарактеризовать как уже сложившуюся гуманитарную катастрофу. Нехватка места в лагере Кутупалонг заставила власти Бангладеш искать возможности для расселения беженцев из Мьянмы. Такое решение власти страны видят в переселении части беженцев на остров Бхасан Чар («плавающий остров»). Однако здесь есть несколько серьезных проблем, на которые указывает международное сообщество. В первую очередь это то, что сам по себе остров возник не так давно в результате наносов и имеет рыхлые почвы, требующие дополнительного укрепления, а во время муссонов очень велика вероятность затопления. Кроме того, этот фактически необитаемый остров ранее посещался лишь пиратами, занимавшимися торговлей людьми²⁰. Следовательно, нахождение на нем беженцев является для них прямой угрозой жизни. Существуют также и логистические проблемы доставки на остров продовольствия, промышленных товаров, других товаров, которые давали бы возможность переселенным беженцам вести сколько-нибудь приемлемый образ жизни. К началу лета 2021 г. на остров Бхасан Чар уже было направлено около 20 тыс. человек, а максимально лагерь беженцев может принять, согласно расчетам, до 100 тыс. человек. Таким образом правительство Бангладеш старается снизить социальную нагрузку на лагерь Кутупалонг, однако понятно, что подобное расселение кардинально не изменит ситуацию, поскольку напряженной остается и ситуация в стране исхода беженцев — Мьянме.

В этой связи также стоит сказать и о том, что в самой Мьянме остается довольно значительное число внутренне перемещенных лиц. Так, по состоянию на середину 2021 г. Мьянма занимала четвертое место в мире после Демократической Республики Конго, Эфиопии и Афганистана по числу ВПЛ. В отчете, опубликованном УВКБ ООН, говорится о 217 тыс. новых ВПЛ на территории Мьянмы²¹. В период пандемии эти люди столкнулись с дополнительными трудностями, связанными со стихийными бедствиями, экстремальными погодными условиями и изменением климата.

Таким образом, последствия пандемии COVID-19 для стран АСЕАН носят долговременный характер. Мы можем ожидать, что

для большинства стран это будет пролонгированный эффект, обусловленный значительной дифференциацией уровня жизни населения, а межстрановые различия в темпах экономического роста увеличатся. Внутри отдельных стран Ассоциации будет расти социальное неравенство. Однако, несмотря на это, именно в странах АСЕАН стоит в ближайшем будущем ожидать наиболее высоких темпов экономического роста, что во многом обусловлено имеющимся демографическим и миграционным потенциалом, сосредоточенным в них.

Взаимодействие Российской Федерации со странами АСЕАН в миграционной сфере: сложившиеся закономерности и перспективы

К настоящему времени у России со многими странами АСЕАН установлены прочные торгово-экономические, инвестиционные, культурные, научно-технические отношения, подкрепленные значительным количеством соглашений и нашедшие свое отражение в многочисленных мероприятиях и совместных годах. Дополнительный стимул к расширению всестороннего сотрудничества был дан во время саммита АТЭС во Владивостоке, когда Президент РФ В.В. Путин обозначил «поворот на Восток» как один из стратегических приоритетов во внешней политике России²². Особенно прочные связи еще с советских времен установлены между Россией и Вьетнамом. Вьетнамские специалисты получали образование в советских вузах, а по возвращении домой их профессиональные навыки, полученные в СССР и позже уже в Российской Федерации, были очень востребованы в народном хозяйстве Вьетнама. Длительное тесное сотрудничество между нашими странами сформировало устойчивый интерес к русскому языку и русской культуре.

Одним из значимых феноменов многомерного взаимодействия между Россией и странами АСЕАН является взаимодействие в миграционной сфере. Все возрастающая роль международной миграции для развития посылающих и принимающих стран ставит во-

просы регулирования миграции в число важнейших в повестке дня стран АСЕАН и Российской Федерации.

Тем не менее Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии на 2021–2025 гг.²³, принятый в октябре 2021 г., включает лишь один пункт, напрямую связанный с миграцией: «Изучить возможности взаимодействия по представляющим взаимный интерес миграционным вопросам в соответствии с международным правом и национальным законодательством»²⁴. В такой формулировке пункт Комплексного плана представляется оторванным от практической реализации, а потому в настоящее время мы можем говорить о значительном, но далеко не в полной мере реализованном потенциале нашего взаимодействия по вопросам миграции.

На сегодняшний день между отдельными странами АСЕАН и Российской Федерацией заключены соглашения, регламентирующие вопросы визовых режимов, образовательной миграции, научно-технических обменов, сотрудничества в области пресечения незаконной миграции. Некоторые наиболее важные документы, устанавливающие особенности нахождения на территории стран АСЕАН граждан Российской Федерации, приведены в табл. 18.2.

Как видно из приведенной таблицы, с некоторыми из стран АСЕАН у России установлен асимметричный визовый режим, предполагающий одностороннюю отмену виз для краткосрочных визитов граждан РФ в иностранное государство. Такие асимметричные режимы действуют с Вьетнамом, Индонезией, Малайзией, Филиппинами. Взаимный отказ от краткосрочных виз действует между РФ и Брунеем, Лаосом, Таиландом. С остальными странами сохраняется визовый режим. Здесь стоит отметить, что безвизовый въезд, а также наличие краткосрочной туристической визы не дает права на работу в соответствующей стране. Стоит также обратить внимание на некоторые особенности, связанные с пересечением границы. Например, Индонезией определен перечень контрольно-пропускных пунктов, через которые может быть осуществлен

Таблица 18.2

Основные сведения о наличии визового режима между Российской Федерацией и странами АСЕАН

Страна	Условия въезда для граждан РФ по общегражданскому паспорту	Регламентирующий документ
Бруней	Виза не требуется, до 14 дней	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Его Величества Султана и Янг Ди-Пертуана Государства Бруней-Даруссалам о взаимной отмене визовых требований для владельцев обычных паспортов от 08.11.2017
Вьетнам	Виза не требуется, до 15 дней; безвизовое пребывание может быть продлено лишь однократно. Необходимым условием безвизового въезда является то, что с даты предыдущего выезда из Вьетнама должно пройти не менее 30 дней	Установлено Вьетнамом в одностороннем порядке в соответствии с законом № 47/2014/QН13 «О порядке въезда, выезда, транзита и пребывания иностранных граждан во Вьетнаме», вступившим в силу 01.01.2015
Индонезия	Виза не требуется, до 30 дней; без права продления. Въезд в страну должен быть осуществлен через установленные правительством контрольно-пропускные пункты, в числе которых 29 аэропортов, 88 морских портов и 7 сухопутных переходов	Установлено Индонезией в одностороннем порядке с 2015 г.
Камбоджа	Виза необходима	

Окончание табл. 18.2

Страна	Условия въезда для граждан РФ по общегражданскому паспорту	Регламентирующий документ
Лаос	Виза не требуется, до 30 дней	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Лаосской Народно-Демократической Республики о взаимной отмене визовых требований для владельцев заграничных паспортов от 08.09.2016
Малайзия	Виза не требуется, до 30 дней	Установлено Малайзией в одностороннем порядке с 1998 г.
Мьянма	Виза необходима	
Сингапур	Виза необходима	
Таиланд	Виза не требуется, до 30 дней	Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Королевства Таиланд об условиях отказа от визовых формальностей при взаимных поездках граждан Российской Федерации и подданных Королевства Таиланд от 13.12.2005
Филиппины	Виза не требуется, до 30 дней	Установлено Филиппинами в одностороннем порядке. С 01.08.2013 решением Правительства Республики Филиппины срок безвизового пребывания граждан России увеличен с 21 до 30 дней

Источник: составлено на основании данных Консульского департамента МИД России: Консульский департамент МИД РФ. URL: https://mid.ru/ru/useful_information/information/entrance_mode/ (дата обращения: 15.03.22).

въезд в страну. Также в период пандемии COVID-19, когда большинством стран мира были введены те или иные ограничения на въезд иностранных граждан, Мьянма установила требование о том, что

въезд в страну может быть осуществлен лишь через ключевые международные аэропорты, но не сухопутные пункты пропуска.

Основной мотивацией одностороннего отказа от краткосрочных виз россиянам для Вьетнама, Индонезии, Малайзии и Филиппин являлось стремление этих стран к наращиванию туристического потока из России, поскольку для каждой из них туризм является важным источником роста национальной экономики. Вплоть до наступления пандемии COVID-19 действительно многие страны АСЕАН были весьма популярным у россиян туристическим направлением.

Наибольшим спросом у туристов из России пользуются Вьетнам, Таиланд и Сингапур. Причем если Вьетнам и Таиланд – это в большей степени «пляжный» отдых, то Сингапур привлекает россиян как раз динамичной городской жизнью. До пандемии коронавирусной инфекции эти страны были связаны с Россией многочисленными авиарейсами российских и зарубежных компаний, как регулярными, так и чартерными, с возможностью вылета из нескольких российских городов. В Таиланде наиболее востребованными направлениями для туризма являются Пхукет, Паттайя, а также столица Бангкок. Во Вьетнаме – помимо столицы Ханоя, Хошимин, «русский» курорт Нячанг, Дананг, остров Фукуок. В Вунгтау расположен целый русский поселок, где живут сотрудники совместного предприятия «Вьетсовпетро». На территории поселка есть все необходимое, школа для детей сотрудников, полностью оборудованные квартиры.

По данным Ассоциации туроператоров России, туристический поток из субъектов РФ в наиболее популярные страны АСЕАН ежегодно показывал достаточно стабильный рост. Некоторые сведения о масштабах туристических поездок во Вьетнам, Таиланд и Сингапур представлены в табл. 18.3.

Данные, представленные в таблице, свидетельствуют об устойчивом интересе россиян к Сингапуру, даже несмотря на необходимость получения визы. Развитая инфраструктура, торговые центры, в которых представлены все мировые бренды, благоприятный кли-

Таблица 18.3

**Число выездных туристических поездок
граждан России в некоторые страны АСЕАН в 2014–2021 гг.**

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Сингапур	23 591	19 810	28 881	25 971	25 917	23 809	4 727	8 341
Вьетнам	351 962	321 001	392 269	511 959	531 060	572 082	182 894	1 056
Таиланд	1 250 314	675 089	866 597	1 094 198	1 173 038	1 179 659	483 464	17 720

Источник: составлено на основании данных Ростуризма: Федеральное агентство Российской Федерации по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/contents/analytcs/statistics/chislo-vyezdnykh-turistskikh-poezdok-grazhdan-rossiyskoy-federatsii-za-rubezh-rosstat/> (дата обращения: 01.08.2022).

мат, высокие стандарты качества жизни населения – это те факторы, которые привлекают российских туристов в Сингапур. В АСЕАН Сингапур занимает особое место и характеризуется самым высоким уровнем экономического развития, а потому в стране работу могут найти специалисты, занятые, например, в ИТ-отрасли, банковском секторе, инвестициях. Характерной особенностью миграции из России является миграция высококвалифицированных специалистов по рабочим визам. В общей численности иностранного населения Сингапура россияне составляют лишь незначительную часть, поэтому отдельно в национальной статистике не выделяются.

Вьетнам и Таиланд для российских туристов – это, прежде всего, относительно недорогой пляжный отдых в течение практически всего года. А возможность безвизового въезда является дополнительным преимуществом. Для многих российских граждан, проживающих в регионах Сибири и Дальнего Востока, до пандемии COVID-19 было гораздо дешевле выехать на отдых в Таиланд и Вьетнам, нежели на российские курорты в европейской части нашей страны. С 2015 по 2019 г. фиксировался рост туристического потока в эти страны. Пандемия коронавирусной инфекции привела к существенному снижению туристических потоков во всем мире. Поэтому туристическая статистика 2020–2021 гг. является

прямым отражением глубокой трансформации процессов международной миграции вследствие закрытия границ и введения ряда ограничений, направленных на сдерживание распространения инфекции. Весьма существенные значения числа туристических поездок во Вьетнам и Таиланд в 2020 г. (соответственно 182,9 тыс. и 483,5 тыс.) были достигнуты еще в первом квартале 2020 г., до официального объявления пандемии. В 2021 г. объемы международного туризма во всех странах АСЕАН не восстановились и оставались чрезвычайно низкими по сравнению с 2019 г. Это было связано с тем, что страны этого региона крайне медленно и со значительным числом условий «открывались» для иностранных граждан в течение года. Однако, часть международного турпотока была компенсирована странами АСЕАН за счет развития внутреннего туризма.

К сожалению, надежно оценить масштабы эмиграции из России в страны АСЕАН не представляется возможным ни по данным российской статистики, ни по данным статистики стран въезда. Это объясняется тем, что подавляющее число россиян, выезжающих на длительные сроки в ту или иную страну АСЕАН, не снимаются с регистрационного учета в регионе проживания в России и, таким образом, остаются фактически «невидимыми» для отечественной статистики. В то же время статистика стран въезда также не полна, поскольку на фоне иммиграционных потоков из других стран численность россиян, постоянно проживающих в странах АСЕАН, является незначительной и в открытых источниках попадает в графу «другие страны». Однако в некоторых случаях мы можем судить об интересе россиян к той или иной стране региона на основании косвенных сведений, например по числу приобретенных объектов недвижимости. Здесь наиболее показательным является пример Таиланда. Законодательство Таиланда позволяет иностранным гражданам покупать и оформлять в собственность недвижимость в стране. Причем характерной чертой является то, что преимущественно иностранные граждане покупают квартиры в Бангкоке, в то время как с целью краткосрочного пребывания приезжают

в уже упоминавшиеся Паттайю и на Пхукет, ряд других популярных курортов (например, острова Самуи, Пханган, Ко Тао, Ко Пхи-Пхи, Ко Нгай, Кхаулан и Ко Яо Яй).

По итогам 2019–2020 гг. Государственный жилищный банк Таиланда и Земельный департамент предоставили следующие сведения о покупке недвижимости гражданами иностранных государств: в общей сложности иностранцы в 2019 г. купили в стране 13 232 квартиры на общую сумму 52 070 млн батов, из них 795 квартир на сумму 2360 млн батов — граждане России. В 2020 г., когда рынок недвижимости Таиланда сильно просел из-за пандемии COVID-19, в общей сложности иностранцами было оформлено 8285 квартир на сумму 37 716 млн батов, в том числе россиянами 386 квартир суммарной стоимостью 1141 млн батов²⁵. После граждан Китая, на долю которых приходится более половины всей приобретаемой иностранцами недвижимости, россияне прочно удерживают второе место.

На фоне таких стран, как Таиланд и Вьетнам, Мьянма занимает весьма скромное место в рейтинге привлекательности среди российских граждан. Численность россиян, проживающих в Мьянме, оценить довольно сложно в силу отсутствия достоверной статистики как в России, так и в самой Мьянме. Однако до пандемии Управление отелей и туризма Мьянмы фиксировало рост интереса российских туристов к стране. Сведения о численности туристов из России за 2005–2018 гг. приведены в табл. 18.4. В статистику попадали те граждане России, которые прибывали в международные аэропорты Янгон, Мандалай и Нейпидо.

Увеличение числа русскоговорящих туристов привело к росту числа сертифицированных гидов со знанием русского языка. Так, Управление отелей и туризма Мьянмы приводит такие цифры: в 2005 г. в стране было лишь 22 сертифицированных гида, имеющих право на проведение экскурсий на русском языке, к 2010 г. их число выросло до 36, к 2015 г. — до 66, а к 2018 г. — до 76 человек²⁶.

Индонезийская миграционная статистика также указывала на стабильный рост интереса россиян к стране. Так, в период с 2015 по 2019 г. число въездов с различными целями в Индонезию из России

Таблица 18.4

Число туристов из России в Мьянме в 2005–2018 гг.

Пол туристов	2005–2006	2010–2011	2014–2015	2015–2016	2016–2017	2017–2018
Мужчины	н/д	1 137	1 256	1 234	1 746	1 766
Женщины	н/д	1 221	1 323	1 253	1 714	1 813
Всего	656	2 358	2 579	2 487	3 460	3 579

Источник: составлено на основании данных Статистического ежегодника Мьянмы: Myanmar Statistic Yearbook 2019. Chapter 12. Tourism. P. 413. URL: <https://www.csostatat.gov.mm/PublicationAndRelease/StatisticalYearbook>.

выросло более чем в два раза — с 72,3 тыс. до 158,9 тыс. в год. Подавляющее число въездов — с туристическими целями, средние расходы на одного туриста составляли примерно 2,1 тыс. долл. США (3-е место), а средняя продолжительность пребывания в стране по состоянию на 2018 г. была равна 17,63 дня²⁷ (первое место, что во многом обусловлено безвизовым режимом до 30 дней). Таким образом, для индонезийской экономики, ориентированной на привлечение иностранных туристов, туристический поток из России играл важную роль в формировании ВВП.

В статистике Лаоса русскоязычное население отдельно не выделяется из-за его малой численности. Также отсутствуют и точные данные о численности туристов из России. Однако анализ данных национальных туристических офисов, проведенный Ассоциацией туроператоров России, может указывать на примерно 10 тыс. туристических поездок в Лаос в 2017 г.²⁸ Среди туристов преобладают одиночки вне организованных групп. Относительно невысокая популярность Лаоса у россиян обусловлена отсутствием прямого авиасообщения, что делает перелет весьма дорогим и затратным по времени, а также неразвитость туристической инфраструктуры. Тем не менее в последние годы сотрудничество между Россией и Лаосом развивается по нескольким направлениям, среди

которых обсуждение возможностей прямого авиасообщения для наращивания турпотоков, увеличение квот для лаосских студентов, проходящих обучение в российских вузах. В Лаосе действует несколько российских предприятий, а российские специалисты реализуют для лаосских коллег программы повышения квалификации для медиков, полицейских и сотрудников МИД Лаоса²⁹. Более того, в Лаосе работает около 7 тыс. выпускников советских и российских вузов, владеющих русским языком. Поэтому определенный потенциал расширения миграционного взаимодействия между Россией и Лаосом существует и может быть реализован при сохранении заинтересованности с обеих сторон.

Высокий интерес российских граждан и наиболее тесные торгово-экономические отношения с некоторыми странами АСЕАН привели к формированию в них значительного пласта русскоязычной экономики. Феномен русскоязычной экономики мы можем определить как «совокупность экономических институтов и экономических отношений, использующих русский язык, который является основным интеграционным фактором, а движущей их силой – удовлетворение потребностей русскоязычного населения и туристов, а также экономические связи с Россией»³⁰. Представленность русскоязычной экономики в странах АСЕАН различна и зависит как от численности русскоговорящего населения, живущего в них, так и от развития туризма из России и других стран постсоветского пространства.

Наиболее ярко русскоязычная экономика представлена во Вьетнаме и Таиланде, что является вполне закономерным из-за популярности этих стран у российских туристов. Однако зачастую такой туризм перерастает в более длительное проживание в принимающих странах, сопровождается покупкой недвижимости, открытием собственных бизнесов. Можно говорить о том, что основной миграционной траекторией россиян в отношении стран АСЕАН является путь «от туриста к постоянному проживанию».

Во Вьетнаме основным «русским» курортом является Нячанг. Большое количество российских туристов сформировало устойчи-

вый спрос на русскоязычных гидов, менеджеров в отелях, официантов, медицинских работников и фармацевтов со знанием русского языка. Граждане России и стран СНГ приезжали в Нячанг в поисках работы. Стали открываться кафе и рестораны, ориентированные в основном на русскоязычную аудиторию³¹.

Во многих вьетнамских продуктовых магазинах можно встретить линейку продуктов питания из России. Например, весьма распространенным является подсолнечное масло, произведенное в России, рыбные консервы (шпроты), шоколад известных российских кондитерских фабрик. При этом, правда, стоит отметить, что собственно отдельных магазинов, в которых бы в широком ассортименте была представлена российская продукция, достаточно мало. Потребителями российских товаров является как русскоязычное население, проживающее в стране, так и сами вьетнамцы, которые отмечают высокое качество и конкурентную цену на российские продукты.

В Таиланде до пандемии значительное количество русскоязычных туристов было сконцентрировано в Паттайе и на Пхукете. Русскоязычная экономика там также представлена в туристическом секторе, ресторанном бизнесе. Особенность тайского законодательства в отношении открытия бизнеса иностранцами заключается в том, что необходимо предоставить до 90% рабочих мест местному населению. Это делается в интересах защиты национального рынка труда и обеспечивает занятость местного населения. Так, например, на Пхукете уже более 15 лет работает ресторан русской и грузинской кухни *Georgia*, владельцем которого является гражданин России. Высокая популярность ресторана не только среди российских туристов, но и среди туристов из других стран обусловлена качеством кухни, приемлемыми ценами, радушием хозяина, который зачастую сам приветствует гостей. Даже в период пандемии ресторан не закрывался, а перешел на работу в доставку³². Это указывает на достаточно высокую устойчивость и адаптивность русскоязычной экономики в кризисные периоды времени.

Русскоязычная экономика в странах АСЕАН не только лежит в плоскости туризма и торговли, а представляет собой более глубокое включение в национальную экономику принимающих стран. Так, растет востребованность на специалистов по недвижимости со знанием русского языка и местного законодательства в сфере покупки и оформления недвижимости. Российские преподаватели и ученые приглашаются для работы в вузы стран АСЕАН. Действуют платные русские школы (можно привести в качестве примера школы в Нячанге во Вьетнаме, в Паттайе, на Пхукете и Самуи в Таиланде, школу для детей-билингвов в Сингапуре), где могут обучаться, например, дети тех, кто приехал на длительный период времени в соответствующую страну, дети из смешанных семей.

Во многих странах АСЕАН выходят печатные или электронные русскоязычные СМИ, развиваются социальные сети, ориентированные на взаимодействие русскоговорящего населения. Среди вьетнамских можно назвать «Вьетнам сегодня», «Новости Нячанга и Вьетнама», «Русский информационный центр». Среди тайских — «Новости Пхукета», *Pattaya Now* (международное интернет-издание с русскоязычным направлением). Есть также русскоязычные издания и группы в социальных сетях в других странах АСЕАН: сайт русскоязычного сообщества Малайзии *msia.ru*; группы в социальной сети «ВКонтакте», «Русская Камбоджа», «Русское сообщество на Филиппинах», ряд других. Через такие печатные и электронные СМИ, социальные сети не только происходит общение русскоязычного населения, проживающего в той или иной стране АСЕАН, но также здесь можно найти и информацию рекламного характера, найти работу или разместить объявление об имеющейся вакансии. В период ограничений, связанных с пандемией COVID-19, социальные сети стали важным каналом взаимодействия российских соотечественников, живущих в странах АСЕАН. Приведенные примеры свидетельствуют о широкой представленности и востребованности русскоязычной экономики в странах АСЕАН.

Если говорить о миграции граждан стран АСЕАН в Российскую Федерацию, то можно выделить следующие основные особенности.

Согласно данным Главного управления по вопросам миграции МВД России, максимальное количество фактов постановки на миграционный учет в регионах РФ фиксируется для граждан следующих стран АСЕАН: Вьетнам, Таиланд, Индонезия, Малайзия и Филиппины. Туристические потоки из стран АСЕАН в Россию даже в годы до пандемии коронавирусной инфекции были незначительными по масштабу. В качестве сдерживающих факторов можно выделить неразвитость туристической инфраструктуры в большинстве российских регионов, довольно высокую стоимость путевок в Россию, необходимость визовых формальностей, а также малую информированность граждан стран АСЕАН о возможностях туризма в России, об основных достопримечательностях.

Среди других значимых причин въезда, помимо туризма, выделяются также работа и учеба. Некоторые сведения о численности граждан стран АСЕАН, въехавших в Россию в 2019–2021 гг., представлены в табл. 18.5. Несмотря на наличие безвизового режима для краткосрочных поездок, из Брунея фиксируется незначительное число въездов, исчисляемое ежегодно лишь десятками человек. Лидирующие позиции среди стран АСЕАН по цели въезда «работа» закрепились за Вьетнамом, Таиландом и Филиппинами. В российские вузы достаточно активно приезжают молодые люди из Вьетнама, Малайзии, Индонезии, Мьянмы и Лаоса. Стоит обратить внимание и на тот факт, что для граждан Вьетнама, Индонезии и Лаоса в рамках международных договоров, а также установленных Правительством РФ квот обучение ведется в том числе и за счет средств российского бюджета. Так, по состоянию на 2021 г. за счет средств российского бюджета на программах бакалавриата обучалось 1834 гражданина Вьетнама, 242 гражданина Индонезии и 110 граждан Лаоса³³. Конечно, эти цифры незначительны по сравнению с общим числом студентов этих стран, выезжающих на учебу за рубеж. Тем не менее интерес к получению образования в России для граждан ряда стран АСЕАН сохраняется, и этот ресурс как важный компонент взаимодействия между Россией и странами Ассоциации нужно сохранять и развивать.

Таблица 18.5

Основные данные о численности граждан стран АСЕАН,
въехавших в Российскую Федерацию в 2019–2021 гг.

	Количество фактов постановки на миграционный учет	Из них по целям въезда			Число граждан стран АСЕАН, имеющих действительные виды на жительство в РФ на конец отчетного периода	Выдано разрешений на работу (в том числе ВКС)
		туризм	учеба	работа		
2019 год						
Бруней	228	141	10	21	0	н/д
Камбоджа	1743	622	469	7	1	н/д
Индонезия	20 356	14 978	1 059	1 061	27	н/д
Лаос	2 320	703	575	62	17	н/д
Малайзия	19 368	13 486	2 410	779	7	н/д
Мьянма	2 350	476	849	80	3	н/д
Филиппины	12 089	6 879	139	3030	51	н/д
Сингапур	11 855	10 465	132	274	3	н/д
Таиланд	66 548	57 763	799	3974	80	н/д
Вьетнам	96 345	29 132	7 068	17 407	10 687	н/д
2020 год						
Бруней	26	8	1	10	0	н/д
Камбоджа	558	18	261	10	1	н/д
Индонезия	4 867	2 327	729	547	35	н/д
Лаос	1 445	104	569	4	6	н/д
Малайзия	6 777	4 493	841	452	6	н/д
Мьянма	1 036	24	372	157	4	н/д
Филиппины	3 516	1072	85	1359	60	н/д
Сингапур	1 683	910	87	588	5	н/д
Таиланд	22 751	18 370	280	1509	84	н/д
Вьетнам	40 929	1 048	3 690	7 429	11 266	н/д

Окончание табл. 18.5

	Количество фактов постановки на миграционный учет	Из них по целям въезда			Число граждан стран АСЕАН, имеющих действительные виды на жительство в РФ на конец отчетного периода	Выдано разрешений на работу (в том числе ВКС)
		туризм	учеба	работа		
2021 год						
Бруней	31	0	2	1	0	0 (0)
Камбоджа	547	1	431	23	27	1 (0)
Индонезия	3 480	68	733	1495	38	835 (440)
Лаос	1 179	10	950	90	6	0 (0)
Малайзия	1 675	44	680	593	6	105 (30)
Мьянма	1 057	13	501	122	3	0 (0)
Филиппины	5 308	524	97	2452	65	435 (185)
Сингапур	560	57	26	156	6	16 (14)
Таиланд	3 771	131	262	2304	78	1 950 (892)
Вьетнам	36 270	336	5 133	17 565	10 197	10 075 (683)

Источник: составлено на основании данных Главного управления по вопросам миграции МВД России: Статистические сведения по миграционной ситуации. Отдельные показатели миграционной ситуации в Российской Федерации за январь–декабрь 2019, 2020, 2021 гг. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya/1/> (дата обращения 15.07.2022).

Как видно из приведенной таблицы, наибольшую представленность в России имеют граждане Вьетнама. Для Российской Федерации Вьетнам является одним из ключевых партнеров в Азиатско-Тихоокеанском регионе еще с советских времен, а в 2020 г. отмечалось семидесятилетие с момента установления дипломатических отношений. К настоящему времени между нашими странами заключено свыше восьмидесяти соглашений, связанных с самы-

ми разными аспектами межгосударственных взаимоотношений, в том числе в области миграции.

По состоянию на 2015 г. различные экспертные оценки позволяют говорить о примерно 50–60 тыс. вьетнамских мигрантах в России. Уменьшение числа вьетнамских мигрантов в России продолжалось с конца 1990-х годов и было обусловлено целым рядом факторов, среди которых снижение конкурентоспособности российских заработных плат, ужесточение российской миграционной политики, переориентация потоков трудовых мигрантов из Вьетнама на третьи страны, в том числе на другие страны АСЕАН.

Значительная часть вьетнамских мигрантов, находящихся в России с различными целями, сосредоточена в настоящее время в регионах европейской части страны, в крупных городах. Так, например, по данным за 2017 г., около 83% вьетнамских мигрантов, указавших целью въезда работу, были зарегистрированы в регионах Центрального федерального округа, преимущественно в Московской области, Москве, Тульской, Владимирской, Рязанской и Калужской областях, около 6,6% – в регионах Северо-Западного федерального округа, на долю остальных округов приходится немногим более 10%³⁴. Например, в Дальневосточном федеральном округе находится лишь 1,9% от общей численности граждан Вьетнама в России, хотя географическая близость и исторические связи Вьетнама с российским Дальним Востоком могли бы обеспечивать и гораздо больший процент в структуре вьетнамской миграции в России.

Динамика числа выданных разрешений на работу для вьетнамских граждан, а также граждан других стран АСЕАН указывает на то, что с течением времени кардинальных изменений в формировании миграционных предпочтений жителей стран АСЕАН в отношении России не происходит. Высококвалифицированные специалисты (ВКС) привлекаются в основном из Индонезии и Таиланда (около половины от общего числа действующих разрешений на работу (РНР) в 2021 г., см. последний столбец табл. 18.5), Филиппин и Малайзии (около трети действующих РНР), Вьетнама (около 7% действующих РНР).

Приведенный выше пример вьетнамской миграции в Россию показывает, что в настоящее время регионы России являются не самым привлекательным направлением миграции для граждан стран АСЕАН по целому ряду причин, в основном экономического характера, но также и связанных с достаточно жестким в отношении граждан стран дальнего зарубежья миграционным законодательством РФ.

Заключение

Подводя итоги, сформулируем некоторые предложения в миграционной сфере между Россией и странами АСЕАН, которые могли бы способствовать более тесному сотрудничеству между нашими странами. *Во-первых*, это развитие каналов бизнес-иммиграции и снятие излишних бюрократических барьеров для россиян и представителей стран АСЕАН, желающих инвестировать в развитие собственного бизнеса. *Во-вторых*, в сфере развития туризма между Россией и странами АСЕАН и привлечения туристов в российские регионы необходимо проведение широкой информационной кампании в странах Ассоциации, направленной на узнаваемость российских регионов, проведение мероприятий между городами-побратимами, разработку новых логистических решений, связывающих Россию со странами АСЕАН. *В-третьих*, учитывая стратегическую важность расширения сети научных контактов с учеными стран АСЕАН и привлечения молодых талантов, значимым шагом в этом направлении могут стать крупные совместные научные и образовательные проекты (межстрановые проекты по приоритетным направлениям естественных и гуманитарных направлений, научные обмены и стажировки, конференции, предоставление грантов на обучение), поддержка которых может осуществляться через научные фонды России и стран АСЕАН.

В-четвертых, для активизации процессов трудовой миграции из стран АСЕАН в Россию можно предложить схемы организованного набора, которые в период пандемии получили апробацию на

примере некоторых стран Центральной Азии. Напомним, что большинство стран АСЕАН в силу сложившейся демографической структуры населения являются трудоизбыточными, экспортирующими трудовые ресурсы за рубеж, а потому трудовые мигранты из этих стран могут представлять интерес для некоторых российских работодателей, в том числе в регионах Сибири и Дальнего Востока.

Наконец, *в-пятых*, облегчение визовых режимов в отношении краткосрочных визитов граждан ряда стран АСЕАН в Россию. Это может способствовать развитию организованного и индивидуального туризма, повышению открытости и узнаваемости российских регионов, формированию позитивного имиджа России в странах Ассоциации.

Мы видим, что в современном, динамично меняющемся мире, когда архитектура международных отношений во многом определяется политической конъюнктурой и внешними шоками, такими как пандемии, международная миграция и взаимодействие между странами-партнерами в миграционной сфере становятся важным элементом повышения конкурентоспособности стран на мировом рынке труда, в области подготовки высококвалифицированных кадров для национальной экономики, роста человеческого капитала и благосостояния населения как стран реципиентов, так и стран доноров мигрантов.

Примечания

- ¹ Глава подготовлена по результатам исследования, выполненного при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-511-92001.
- ² См., напр., раздел хрестоматии: *Хекшер Э.Ф.* Влияние внешней торговли на распределение дохода // А.П. Киреев. Вехи экономической мысли. Т. 6. Международная экономика. М.: ТЕИС, 2006. С. 154–173.
- ³ *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е., Храмова М.Н.* Трудовая миграция в условиях пандемии COVID-19 // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие: Монография / А.В. Торкунов, С.В. Рязанцев, В.К. Левашов [и др.]; Под ред. А.В. Торкунова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 123–141.

- ⁴ Climate Change and Migration in Asia and the Pacific. Executive Summary. Draft by The University of Adelaide Flinders University, The University of Waikato. 2009 Asian Development Bank. P. 17.
- ⁵ Портал данных по миграции. URL: <https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/south-eastern-asia>.
- ⁶ Данные ЮНЕСКО. URL: <https://bangkok.unesco.org/sites/g/files/tmzbd1251/files/assets/article/Social%20and%20Human%20Sciences/publications/key-Message-02.pdf>.
- ⁷ COVID-19 impacts on the labour migration and mobility of young women and girls in South-East Asia and the Pacific. ILO, 2018. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/the-gender-dimensions-of-the-labour-migration-young-women.pdf>.
- ⁸ Данные ЮНЕСКО. URL: <https://bangkok.unesco.org/sites/g/files/tmzbd1251/files/assets/article/Social%20and%20Human%20Sciences/publications/key-Message-02.pdf>.
- ⁹ Migration and work in fishing. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/genericdocument/wcms_322646.pdf.
- ¹⁰ Migrant Smuggling in Asia and the Pacific. Current Trends and Challenges. Volume II. United Nations Office on Drugs and Crime. 2018. URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Migrant-Smuggling/2018-2019/SOM_in_Asia_and_the_Pacific_II_July_2018.pdf.
- ¹¹ Asia-Pacific Migration Report 2020. P. 27. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/knowledge-products/APMR2020-Report-v18-3-E.pdf>.
- ¹² *Храмова М.Н., Рязанцев С.В., Ву Куок Ху.* Факторы миграции и проблема регионального неравенства в социально-демографическом развитии России и Вьетнама // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 6. С. 54–64. DOI: 10.26653/2076-4685-2018-6-04.
- ¹³ Рейтинг университетов QS 2020. Электронный ресурс. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/asian-university-rankings/2020>.
- ¹⁴ Данные Всемирного банка. Электронный ресурс. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS>.
- ¹⁵ Asia-Pacific Migration Report 2020. P. 13. URL: <https://www.unescap.org/sites/default/d8files/knowledge-products/APMR2020-Report-v18-3-E.pdf>.
- ¹⁶ *Amling A.* Gender at the nexus of violent extremism and trafficking in persons in Muslim Mindanao. 2020. URL: https://asiapacific.unwomen.org/-/media/field%20office%20eseasia/docs/publications/2020/06/bls20102_nexus_web.pdf?la=en&vs=5451; COVID-19 and immigration detention: What can governments and other stakeholders do? 2020. URL: <https://migrationnetwork.un.org/>

- sites/default/files/docs/un_network_on_migration_wg_atd_policy_brief_covid-19_and_immigration_detention_0.pdf.
- 17 Таиланд: год без массового туризма. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10999899>.
- 18 UNHCR – 2021 Mid-Year Trends report – November 2021. Chapter 2. P. 6. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/download/89699>.
- 19 Самый крупный лагерь беженцев в мире уходит под воду // Независимая газета. 29.07.2021. URL: https://www.ng.ru/world/2021-07-29/6_8212_refugees.html (дата обращения: 15.08.2022).
- 20 Симония А.А. Бангладеш пытается решить проблему беженцев-рохинджа переселением на остров // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2019. Т. 1. № 2 (43). С. 132–141.
- 21 UNHCR – 2021 Mid-Year Trends report – November 2021. Chapter 6. P. 9. URL: <https://data.unhcr.org/en/documents/download/89699>.
- 22 Vladimir Putin: An Asia-Pacific Growth Agenda // The Wall Street Journal, September 6, 2012. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10000872396390443847404577629312716242648>.
- 23 Комплексный план действий по реализации стратегического партнерства между Российской Федерацией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (2021–2025 годы). URL: <http://kremlin.ru/supplement/5726> (дата обращения: 01.08.2022).
- 24 Пункт 78 указанного Комплексного плана.
- 25 Влияние пандемии на рынок недвижимости в Таиланде – статистика продаж иностранцам // Pattaya Now. 16.06.2021. URL: <https://pattaya-people.ru/news/kvartira-v-taillande-2-pattaya-thailand> (дата обращения: 22.02.2022).
- 26 Myanmar Statistic Yearbook 2019. Chapter 12. Tourism. P. 415. URL: <https://www.csostat.gov.mm/PublicationAndRelease/StatisticalYearbook>.
- 27 Statistical Yearbook of Indonesia 2020. Chapter 9. Tourism. P. 408–410. URL: https://seadelt.net/Asset/Source/Document_ID-462_No-01.pdf.
- 28 Малоизвестные страны Большого Меконга и российский туризм // Обзор Ассоциации туроператоров России. 03.08.2018. URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/43996.html> (дата обращения: 01.08.2022).
- 29 Владимир Калинин: дружеские связи РФ с Лаосом укрепляются, несмотря на COVID // РИА Новости. 09.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220209/laos-1771771836.html> (дата обращения: 01.08.2022).
- 30 Рязанцев С.В. Русскоязычные мигранты в Юго-Восточной Азии // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 66–72. DOI: 10.7868/S0132162517080074.
- 31 Kenichi O. Migratory trajectories of the Russian-speaking workers in the tourism sector of Nha Trang (Vietnam) // DEMIS. Demographic research. 2021. Vol. 1. No 1. P. 64–70. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.7.
- 32 Интервью с владельцем ресторана проводилось М.Н. Храмовой в 2018 и 2022 гг.
- 33 Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». Сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/12/%D0%A1%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D1%8B%20%D0%92%D0%9F%D0%9E-1%202021%20%D0%B3.zip> (дата обращения: 01.08.2022).
- 34 Храмова М.Н., Бу Куок Ху. Вьетнамские мигранты в регионах России: оценка численности и миграционный потенциал // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 23–33. DOI 10.38085/2308829X-2020-1-23-33.

Глава 19

Урбанизация и развитие «умных городов» в АСЕАН: тенденции и перспективы

АННОТАЦИЯ: Юго-Восточная Азия — экономически быстрорастущий регион мира, характеризующийся высокими темпами урбанизации. Здесь расположены одни из крупнейших городов Азии, центры политической и экономической жизни своих стран. Однако приток населения, капитала и других ресурсов в города, а также рост городской застройки несут в себе как возможности, так и вызовы, ответом на которые является трансформация городов по модели «умного города» (*Smart City*). В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 технологии, нацеленные на оцифровку городской среды и повышение эффективности муниципального управления, стали крайне востребованы в странах ЮВА. В данной главе проанализированы подходы к развитию умных городов и практика их реализации в отдельных странах Юго-Восточной Азии — Сингапуре, Индонезии, Малайзии, Таиланде и во Вьетнаме. В этих странах были выявлены следующие общие тенденции развития умных городов: главенствующая роль государства, преимущественная ориентация на внедрение технологий с учетом местной специфики, тестирование технологий на пилотных проектах. Среди общих сдерживающих факторов реализации проектов «умных городов» — недостаточная разработанность программ «умного города», сложная бюрократическая система, недостаточная степень координации между властями разных уровней, широкий разрыв в уровне внутри- и межстрановой цифровизации и готовности населения к внедрению цифровых технологий в городскую среду.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «умный город», урбанизация, цифровая экономика, технологии, АСЕАН, Сингапур, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Вьетнам.

ABSTRACT: Southeast Asia is one of the world's most dynamic regions, which is also rapidly urbanizing. It is home to several Asian megacities, hubs of international and domestic political and economic activities of the respective countries. However, the rural exodus, the afflux of capital and other economic resources to the cities presents both challenges and opportunities, to which the implementation of Smart City concept tries to respond. The COVID-19 pandemic sharpened the necessity and galvanized the absorption of digital-driven technologies in the city management to ultimately raise its effectiveness all across Southeast Asia. The chapter analyses the conceptualization and practice of Smart City management in some of the region's states, namely Singapore, Indonesia, Malaysia, Thailand and Vietnam. The common trends in all of the cases revised include predominately government-initiated implementation, "localization" of the smart city concept to the specific urban reality and its testing through pilot projects. The common deterrents are sometimes insufficient conceptual base, the over complexity of administrative system and feeble coordination between the different authorities, vast gap in the level of digitalization within and between the countries and the citizens' readiness to digitalize urbanities.

KEYWORDS: Smart City, urbanization, digital economy, technologies, ASEAN, Singapore, Indonesia, Malaysia, Thailand, Vietnam.

Введение

ТРАДИЦИИ урбанизации в Юго-Восточной Азии (ЮВА) насчитывают несколько тысячелетий и сочетают в себе как самобытные элементы, так и заимствованные у соседей, в первую очередь Китая и Индии, а позже — привнесенные в регион европейцами.

Современный этап развития обществ по всему миру характеризуется растущим уровнем урбанизации. В 2006 г. городское население впервые сравнялось с сельским, а в 2020 г. выросло до 56%¹. Уровень урбанизации в странах ЮВА не одинаков (от 24% в Камбодже до 77% в Малайзии), однако и здесь заметна тенденция

к увеличению городского населения². Повышение роли городов связано с концентрацией в них политической, экономической, социальной и интеллектуальной жизни той или иной страны, а также возрастающей «технологизацией» повседневности. Примерно с 1990-х годов и более активно с начала 2000-х годов³ в научной литературе будущее человечества все больше связывается с развитием *smart city* – «умных городов», т.е. городского пространства, повсеместно использующего современные (компьютерные) технологии для того, чтобы эффективнее реагировать на вызовы современного развития.

Несмотря на то что словосочетание «умный город» звучит не только в научной среде, но и все чаще в медийном пространстве, универсального понимания этой концепции пока что не существует⁴. Общим знаменателем выступает масштабное использование технологий сбора и анализа данных для мониторинга и оптимизации управления городской средой. Авторы концепций «умных городов», как правило, делают акцент на общем повышении уровня жизни населения (за счет улучшения транспортной мобильности, большей доступности городских услуг, связанности городских пространств), решении проблем экологии, ускорении экономического роста и развития, а также повышении вовлеченности городских сообществ в решение городских проблем, создание условий для развития креативного класса⁵.

Принято выделять два базовых подхода к «построению» «умного города»: «сверху» (*top-down*) и «снизу» (*bottom-up*). Первый основывается на разработке и внедрении концепции государством при поддержке крупных технологических компаний; он предполагает высокий уровень централизации и масштабируемости решений. Второй основывается на локальных проектах, разрабатываемых самими горожанами на основе их потребностей; удачные проекты становятся популярными, а позже могут получить поддержку государства⁶.

Пандемия COVID-19 активизировала процессы внедрения умных технологий в жизнь городов ЮВА: это коснулось приложений,

осуществляющих доступ к государственным услугам, систем видеонаблюдения и контроля эпидемиологической ситуации, а также технологий дистанционного образования. С одной стороны, использование этих технологий стало возможно благодаря уже существовавшим планам развития «умных городов», с другой – в обычных условиях подобное ускоренное и массовое внедрение новаторских решений было бы невозможно.

В данной главе будут проанализированы подходы и практика реализации «умных городов» в отдельных странах ЮВА – Сингапуре, Индонезии, Малайзии, Таиланде и во Вьетнаме. Страновые кейсы выбраны авторами на основе следующих критериев: 1) разработанность концепции «умного города» на законодательном уровне (общенациональном, местном); 2) наличие у страны собственных ресурсов для ее реализации; 3) текущий уровень социально-экономического и технологического развития; 4) наличие реализованных проектов в этой области или находящихся на стадии запуска.

Сингапур

Современный Сингапур не только является международным финансовым, торгово-логистическим центром и крупнейшим портом в мире, но и многие годы уверенно сохраняет за собой статус лидера в мировых рейтингах «умных городов»⁷. Сингапурский кейс уникален, поскольку это, не только, город-государство, правительство которого смогло на практике реализовать концепцию «умного города», но и страна, провозгласившая широкомасштабную государственную программу «Умная нация» (*Smart Nation*). Именно Сингапур выступил инициатором создания Сети «умных городов» АСЕАН (*ASEAN Smart City Network*) в 2018 г.⁸, его опыт и инициативы в этой области определяют многие мировые и региональные тренды.

Сингапурская модель построения «умного города» одна из старейших в ЮВА и основывается на центральной роли государства, которое выступает инициатором и регулятором внедрения информационных технологий в городскую среду путем реализации

различных национальных программ и планов развития, создания специальных институтов и платформ, а также необходимых механизмов финансовой поддержки и правового регулирования. В основе сегодняшних достижений Сингапура в сфере развития «умных городов» лежит разработанная им инновационная модель экономического развития, которая базируется на привлечении иностранных инвестиций, в особенности транснациональных корпораций, развитии инфраструктуры, человеческого капитала и разработке собственных технологий⁹. Начало развитию «умного города» было положено в 1980 г., когда была запущена национальная программа компьютеризации (*National Computerisation Plan*), целью которой было автоматизировать работу министерств, обеспечить развитие цифровых компетенций у госслужащих и повысить качество предоставляемых государственных услуг.

В 1986 г. правительство Сингапура утвердило «Национальный ИКТ-план» (*National IT Plan*), постулирувавший, что внедрение информационных технологий в процессы управления городским пространством позволит городу-государству с ограниченным человеческим капиталом и природными ресурсами трансформироваться в одну из ведущих экономик мира. Перед Сингапуром ставилась задача создать экспортноориентированную отрасль ИТ-индустрии посредством активной интеграции новых технологических решений в процессы производства, с тем чтобы сингапурские компании смогли повысить свою конкурентоспособность на мировом рынке. Следующим этапом стала инициатива «Умный остров» (*Intelligent Island*) 1992 г., предусматривавшая создание беспроводной национальной информационной инфраструктуры к 2000 г., которая была в итоге успешно реализована с запуском кабельной сети *Singapore One*.

В 2014 г. была объявлена новая национальная программа развития «Умная нация» (*Smart Nation*). Она пришла на смену доминировавшей ранее концепции «Сингапур – глобальный город» (*Singapore – Global City*)¹⁰. Став одной из ведущих экономик мира, но столкнувшись с серьезными социальными и экономическими вызовами цифровой эпохи, Сингапур нуждался в разработке но-

вой стратегии развития, отвечающей современным реалиям¹¹. Данная концепция должна была дать ответ на вызовы старения нации, высокой плотности застройки и низкой энергобезопасности. Ряд исследователей полагает, что замена понятия «город» на «нацию» было обусловлено стремлением правительства укрепить позиции правящего режима и чувство национального единства¹². «Умная нация» стала стратегией развития города-государства в условиях наступления четвертой промышленной революции¹³.

«Умная нация» – это нация, которая способна решать актуальные проблемы города и различные задачи, стоящие перед бизнесом, государством и обществом с помощью информационных технологий. Основная цель – «стать лабораторией, где одновременно будут пересекаться технологии, идеи и финансы»¹⁴, что позволит Сингапуру выйти за рамки традиционной роли сервис-провайдера и стать экспортером цифровых услуг не только регионального, но и глобального уровня¹⁵.

Трансформация Сингапура в «умную нацию» включает себя три компонента – электронное правительство, цифровую экономику и цифровое сообщество¹⁶. Основные положения проекта «Умная нация» закреплены в таких документах стратегического планирования, как План электронного правительства¹⁷, Рамочная программа действий развития цифровой экономики¹⁸ и План готовности общества к цифровизации¹⁹. В этих же документах можно встретить определение понятия «умная нация»: это «Сингапур, где используются все преимущества технологий для повышения производительности национальной экономики, улучшения условий повседневной жизни и превращения Сингапура в не имеющий аналогов в мире город, комфортный для жизни и работы»²⁰. Перечень и конкретизация задач по реализации проекта также обозначены в Генеральном плане информационно-коммуникационных технологий до 2025 г.²¹

В перспективе планируется создание единой платформы «Национальная цифровая идентичность» (*National Digital Identity*), развитие «умной» транспортной инфраструктуры, единой системы электронных платежей (*E-Payments*), а также разработка различ-

ных мобильных приложений и онлайн-платформ для более тесного взаимодействия бизнеса, госсектора и городских жителей (проекты *GoBusiness*, *CODEX*, *LifeSG*)²².

Сегодняшняя цифровая экосистема Сингапура позволяет его жителям не только получать цифровые услуги, но и создавать общественный запрос на них. Так, приложение *myResponder* оперативно сообщает медикам-добровольцам о том, что в радиусе километра человеку срочно необходима медицинская помощь. Еще одним примером является приложение *Beeline*, которое предоставляет жителям возможность не только отслеживать расписание и маршруты общественного транспорта, но и создавать новые в случае необходимости. Сервис *Moments of Life* объединяет различные государственные службы и агентства, к которым обращаются граждане на различных этапах своей жизни — создания семьи, рождения ребенка, поиска соработников для пожилых родственников. Данная платформа позволяет снизить нагрузку на госорганы и одновременно сократить время оформления необходимых документов.

Особое внимание уделяется созданию систем сбора и аналитики данных, а также развитию мер по их защите. Важно также отметить, что все цифровые инновации, по мнению сингапурского правительства, должны быть доступны всему населению вне зависимости от возраста и уровня цифровой грамотности.

Реализацию стратегии курирует Цифровая правительственная группа (*Smart Nation and Digital Government Office*), непосредственно подчиняющаяся кабинету премьер-министра. В практическом плане управление проектами осуществляет Государственное технологическое агентство (*Government Technology Agency*). Однако отличительной чертой сингапурской модели является то, что местное правительство не создает единую интегрированную систему сбора данных, а, наоборот, настаивает на том, чтобы был сохранен строгий регламент межведомственного электронного взаимодействия²³. Это продиктовано соображениями безопасности, в связи с чем каждое министерство развивает собственные онлайн-платформы и алгоритмы сбора и анализа данных.

Можно выделить несколько причин, по которым Сингапuru удалось стать успешным мировым примером в реализации концепции «умного города». Прежде всего, это небольшая территория, составляющая всего 722,5 кв. км. В отличие от своих ближайших соседей в городе-государстве нет необходимости согласовывать политику с региональными властями, что значительно упрощает и ускоряет процесс интеграции технологий в городскую среду. Безусловно, это не исключает того факта, что для запуска пилотных проектов и для реализации стратегии центральное правительство согласовывает свои действия на уровне местных департаментов, городских служб и организаций. Тем не менее, учитывая «компактность» территории, этот процесс проходит гораздо быстрее, чем в других странах.

Сингапур также является наглядным примером модели развития «умного города» «сверху вниз» (*top-down approach*), когда государственные власти осознают необходимость поиска инновационных решений в вопросах эффективного городского управления и повышения качества жизни и выступают инициатором их внедрения в городскую среду. Во многом благодаря заинтересованности местных властей и осознанию того, что концепция «умного города» может позволить Сингапuru сохранить высокую конкурентоспособность, стране удалось стать лидером в этой области.

В то же время в процессе создания «умного города» сингапурские власти придерживаются стратегии запуска тестовых пилотных проектов. Подобная схема позволяет оценить финансовые затраты, связанные с запуском проекта, его функциональность для городских жителей и сократить возможные риски. Очевидно, что грамотное население²⁴ и преимущественная ориентация образования на инженерные науки — факторы, которые также положительно повлияли на становление Сингапура в качестве «умного города».

На сегодняшний день не существует аналогов стратегии внедрения цифровых технологий в масштабах целой страны. Сингапур достиг того уровня, когда интеллектуальные технологии стали неотъемлемой частью его инфраструктуры и повседневной жизни горожан, в связи с чем формирование подобной национальной

стратегии для него своевременно и необходимо. Однако успех ее реализации будет зависеть от нескольких факторов. На данном этапе инициатива финансируется преимущественно за счет средств государства, без привлечения иностранного или частного капитала²⁵. Насколько эффективна подобная схема финансирования и как долго она сможет действовать, пока что остается открытым вопросом.

Ведутся дискуссии и относительно того, насколько эта концепция отвечает интересам самих жителей города-государства²⁶. Некоторые полагают, что подобный подход «сверху вниз» (*top-down approach*) ставит интересы государства во главу угла, не учитывая позицию общества²⁷. В частности, это выражается в том, что не все приложения и сервисы находят ожидаемый отклик у населения. В то же время, подразумевая активное вовлечение жителей города в решение проблем в рамках реализации концепции, государство оказывается перед дилеммой: какие данные должны быть доступны для общества и в каком количестве.

Индонезия

Концепция «умного города» остается одной из самых привлекательных идей для руководства Индонезии. Имидж индонезийского общества как высокотехнологичного, современного и творческого был заложен в основу политического курса администрации президента Джоко Видодо.

Индонезия сталкивается с быстрой урбанизацией: 50% населения Индонезии уже проживает в городских районах, и к 2045 г. ожидается, что эта цифра вырастет до 83%²⁸. В стране с населением более 270 млн человек урбанизация выступает серьезным вызовом для городской инфраструктуры, систем энергетики, транспорта, здравоохранения и водоснабжения. При этом внедрение концепции «умных городов» может способствовать решению проблемы социального неравенства и снизить риски стихийных бедствий.

Восприятие городского пространства менялось в Индонезии постепенно, вместе с ростом численности населения и развитием

городов в целом²⁹. Долгое время большинство градостроительных проектов в Индонезии находились в режиме «ручного управления»³⁰, однако с ростом численности городского населения потребовалось создание универсальной правовой базы, которая, однако, остается не столь обширной.

В 1982 г. Министерство внутренних дел приняло указ о руководстве процессом составления городского плана (*Permendagri 2/1987*)³¹. Этот документ вводил стандарты и правила для официальной процедуры составления городского плана. Четыре года спустя Министерство общественных работ приняло указ о процессе составления городского плана (*Permen PU 640/1986*)³². Оба министерских указа стали первыми формальными документами, регламентирующими городское планирование.

В 1992 г. парламент принял первый закон о территориальном планировании³³, который впервые обозначал такие принципы, как целостность, устойчивость, эффективность, действенность, совместимость, гармония, открытость, равенство, справедливость и правовая защита при планировании. Конкретных определений содержанию этих принципов не давалось, однако они должны были учитываться при проведении градостроительных работ.

В период «реформации» 1998–2004 г. принципы городского планирования впервые были переработаны под новые реалии децентрализованной Индонезии с сильными полномочиями муниципалитетов, провинций и более ограниченными возможностями центра. В рамках нового Закона № 26 от 2007 г. «О территориальном планировании»³⁴ определялось понятие «мегаполис» и подробно прописывалось функциональное взаимодействие соседних мегаполисов, равно как и минимальные стандарты, которым мегаполис должен соответствовать при постройке или развитии.

Рост городского населения на рубеже веков в Индонезии потребовал вовлечения академического сообщества, на которое часто полагались и продолжают полагаться государственные власти при разработке важных для общества идей. С этой точки зрения особого внимания заслуживают работы Ратих Дьях Кусумасти³⁵ из

Университета Индонезии, Арифа Буди Пратама из Университета Тидар³⁶ и Ресту Махеса из Бандунгского технологического института³⁷. Эти авторы в значительной степени повлияли на концептуальное понимание «умных городов», правовое регулирование этого вопроса и непосредственно реализацию концепции в Индонезии.

В 2017 г. правительство Индонезии анонсировало создание «Движения 100 умных городов» (*100 Smart Cities Movement*), в рамках которого предполагалось превратить 100 городов Индонезии в высокотехнологичные кластеры, обеспечивающие высокое качество жизни. По замыслу разработчиков, программа развития 100 городов должна опираться на шесть «столпов»: управление, человеческий потенциал, экономика, мобильность, повседневная жизнь (образ жизни, привязанный к технологии) и экология (развитие зеленых «умных городов»)³⁸.

Инициатива называется «движением», отражая традиционный для Индонезии принцип общинной работы «*Gotong royong*» (выручка и взаимопомощь). В современном смысле он предполагает подключение к развитию «умных городов» правительства, флагманских национальных корпораций, зарубежных ТНК и гражданского общества, включающего как вестернизированные НКО, так и традиционные религиозные структуры и племенные сообщества коренных народов. Финансирование же проектов предполагалось привлекать через иностранные инвестиции и государственно-частное партнерство внутри Индонезии³⁹.

Ожидалось, что процесс отбора городов-кандидатов завершится в конце 2019 г. или к началу 2020 г., однако он продолжился и после установленного срока. К 2022 г. было отобрано более 75 городов, куда вошли крупные столицы провинций. Оценка производилась при содействии ведущих медиакорпораций и организаций гражданского общества. Среди главных городов в топе рейтинга оказались Джакарта, Джокьякарта, Сурабая, Мадиун и Магеланг⁴⁰. Их общий уровень развития вполне соответствовал той базе, которую провозглашала национальная программа. Города достигли определенного успеха во внедрении цифровых решений, имели достаточ-

но эффективное городское управление и смогли преодолеть транспортные проблемы⁴¹. Особое место с точки зрения национального рейтинга занял Бандунг — научная и университетская столица Индонезии. Смартизация города стала возможна благодаря широкому участию научных стартапов в его развитии⁴².

Помимо собственных подходов к развитию «умных городов» правительство Индонезии стремится использовать зарубежный опыт. Примечательным здесь является взаимодействие с такими странами, как Финляндия и Япония. Сотрудничество Индонезии и Финляндии ориентировано на проекты по достижению углеродной нейтральности в индонезийских городах к 2060 г.⁴³ Важное место в плане развития новой индонезийской смарт-столицы Нусантара на о. Калимантан занимает сотрудничество с Японией, обсуждаются возможности применения японских электронных систем строительного менеджмента, отслеживания торгов и действий подрядчиков при строительстве. Японскую же сторону интересуют индонезийские технологии борьбы с наводнениями⁴⁴.

Активно развивается сотрудничество по линии Японской ассоциации содействия развитию «умных городов» в АСЕАН (*Japan Association for Smart Cities in ASEAN*). В 2021 г. была разработана программа развития для туристического и культурного центра — города Баньюванги на Восточной Яве и программа развития транспортной системы Джакарты⁴⁵. В рамках второго трека дипломатии консалтинговые и бизнес-корпорации Индонезии и Японии стремятся к выработке концептуальных решений. Так, в составе консалтинговой фирмы *YCP Solidiance* индонезийскими и японскими экспертами на примере городов Джакарты и Бандунга были разработаны модели взаимодействия ключевых городских акторов⁴⁶. Среди стран региона Ближнего Востока интерес к инвестициям в «умные города» Индонезии проявляли такие страны, как ОАЭ и Марокко — важные экономические партнеры Джакарты.

Необходимо отметить, что в Индонезии большую роль играют личные проекты ключевых политических фигур. К наиболее инте-

ресным кейсам можно отнести строительство новой столицы Индонезии — г. Нусантара на Калимантане и строительство курортной зоны Лосари в окрестностях Макассара на Сулавеси. В первом случае проект столицы связывают напрямую с идеями президента Джоко Видодо о строительстве высокотехнологичного, уникального города, который не нарушает гармонию окружающих джунглей⁴⁷; во втором же кейсе умной городской зоной выступает курорт Лосари, место религиозного туризма и отдыха мусульманских семей. Инициативу такого курорта для верующих активно реализует губернатор Западной Явы и известный индонезийский архитектор Ридван Камил. В районе Лосари по его проекту уже построена уникальная 99-купольная мечеть — будущее центральное место в экосистеме *smart-resort*⁴⁸.

Потенциал индонезийской экономики в рамках движения «100 умных городов» привлекает правительственные агентства и бизнес-структуры из разных стран, обладающие существенным опытом в развитии своих смарт-технологий в городской среде, однако на современном этапе можно говорить лишь о заимствовании некоторых технологий и программного обеспечения для городского управления, а не о крупных долгосрочных инициативах. При этом можно утверждать, что данное направление получит новый импульс к развитию, так как ключевым индонезийским смарт-проектом безусловно выступит строительство новой столицы, которая, как предполагается, будет отвечать всем требованиям «умного» и экологичного современного города.

Пандемия ускорила внедрение различных разработок в жизнь индонезийских городов. Были существенно доработаны интернет-приложения для государственных услуг, электронные торговые площадки и средства цифровой коммерции, внедрены системы управления и интеграции взаимодействия государственных органов, крупного, среднего и малого бизнеса (в том числе стартапов), а также проработаны программы поддержки цифрового и дистанционного образования в условиях пандемии. Преимуществом Индонезии остается и молодое городское население, готовое к циф-

ровым изменениям, «умному потреблению» и трансформации городской среды.

Малайзия

Стратегия формирования «умной» городской среды в Малайзии заключается в интенсификации применения технологий и цифровизации сферы бизнеса, расширении практики использования электронных платежей, привлечении инвестиций в отрасли с высокой добавленной стоимостью и подготовке кадров для новых цифровых профессий.

Малайзия является одной из самых первых стран в АСЕАН, запустивших проект «умного города»: в 1997 г. по инициативе премьер-министра Махатхира Мохамеда был построен город Сайберджая — малайзийский аналог Кремниевой долины. Концептуальная идея цифрового города была разработана консалтинговой компанией *McKinsey* по заказу правительства Малайзии⁴⁹.

Город был возведен как часть масштабной экономической зоны, известной как Мультимедийный суперкоридор Малайзии, включающий башни Петронас в центре Куала-Лумпура и простирающийся через Путраджайю, международный аэропорт Куала-Лумпура и большую часть округа Сепанг, а также части округов Бандар Тун Разак, Пучонг и Серданг. Концепции Мультимедийного суперкоридора и Сайберджая опирались на глобальную стратегию премьер-министра Махатхира Мохамеда — *Wawasan 2020* (Видение 2020) от 1991 г., в которой он обосновал необходимость построения научного и высокотехнологичного общества в Малайзии⁵⁰. Сайберджая и сегодня продолжает оставаться ключевым инновационным и инвестиционно привлекательным кластером Малайзии.

В Малайзии принят ряд национальных и международно-правовых документов, определяющих понятие «умного города»: Генеральный план развития зеленых технологий на 2017–2030 гг.⁵¹ и Рамочная программа развития низкоуглеродных городов⁵². Малайзия также присоединилась к таким международным документам, как

Новая программа развития городов и ООН-Хабитат (Куала-Лумпурская декларация о городах до 2030 г.)⁵³.

Одиннадцатый пятилетний план развития Малайзии на 2016–2020 гг. стал одной из первых попыток концептуализировать понятие «умного города» в малайзийском контексте. В плане говорилось о «конкурентоспособных высокотехнологичных цифровых городах», однако некоторые эксперты критиковали такое определение, называя его «цифровым редукционизмом». Оно не учитывало социокультурных и этнических факторов – «болевых точек» малайзийского общества. Тем не менее такой подход был сохранен и в последующих концептуальных документах⁵⁴.

Для достижения целей развития устойчивых городов правительством была принята рамочная программа *Malaysia Smart City Framework*, определяющая на государственном уровне само понятие «умного города» и стратегию действий для создания таких городов. Предполагается, что «умный город» – это перспективный подход к городскому планированию, развитию и управлению, который может обеспечить решение городских проблем, таких как неэффективное предоставление городских услуг, загрязнение окружающей среды, проблемы городской инфраструктуры⁵⁵. Также программа нацелена на реализацию национальных и глобальных задач, особенно достижения целей устойчивого развития и соответствия глобальным трендам урбанистики и городской архитектуры.

В Малайзии концепция «умного города» опирается на семь столпов: умные экономика, жизнь, окружающая среда, общество, управление, мобильность и цифровая инфраструктура. Предполагается, что города Малайзии станут активными участниками экосистемы интернета вещей, важного элемента четвертой промышленной революции⁵⁶. Помимо общенационального, собственное законодательство в сфере «умных городов» активно развивается на региональном и муниципальном уровнях.

Одним из значительных достижений федерального правительства стало создание Управления наземного общественного транспорта (*SPAD*), которое благотворно повлияло на работу ин-

фраструктуры Куала-Лумпура. В настоящее время система общественного транспорта столицы считается одной из самых передовых в АСЕАН, уступая лишь Сингапуру. Из сохраняющихся ее очевидных недостатков – слабый охват соседних с Куала-Лумпуром регионов и городов-спутников, что не позволяет развивать всю агломерацию в одинаковом темпе⁵⁷.

В Путрадже реализуется стратегия «Зеленый город Путраджа 2025» (*PGC2025*)⁵⁸, благодаря которой планируется внедрить экологические инициативы в семи основных областях: «интеграция природы в жизнь города», «планирование и строительство», «транспорт и мобильность», «использование энергии», «водопользование», «управление твердыми отходами», а также «городское управление». Внедрение предполагается производить с опорой на существующие цифровые технологии и оборудование, функционирующее на сложном программном обеспечении.

Включенный в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО город-порт Малакка столкнулся с проблемой размыва береговой линии и наводнений, из-за чего местными властями была принята концепция *Melaka Getaway*, которая предполагала не только высокотехнологичные работы по осушению почвы и укреплению береговой линии, но и создание туристических и дополнительных портовых зон на искусственных островах⁵⁹. Однако проект столкнулся с серьезными проблемами из-за разногласий компании-подрядчика и местных властей, а также стал объектом критики из-за роли китайского бизнеса в его развитии. В результате в 2020 г. проект был приостановлен, а между бизнесом и государством начались судебные процессы⁶⁰.

Представленный анализ позволяет заключить, что особенностью малайзийского подхода к «умным городам» является традиционный акцент на развитии цифровой инфраструктуры. Серьезным преимуществом малайзийской модели является гибкая многоуровневая правовая база с хорошо прописанными целями, задачами и определением феномена «умных городов». Негативными же сторонами малайзийского подхода остаются несогласованность федеральных,

региональных и муниципальных стандартов и стратегий развития «умных городов», зачастую даже у городов единой экосистемы, как это можно наблюдать на примере Куала-Лумпура и его спутников. Крупные проекты в сфере развития «умных городов» зачастую становятся жертвой политических и коррупционных кризисов, противостояния партий, федеральных и региональных властей, а также бизнеса и государства, как это можно заметить на примере Малакки. Однако, несмотря на отмеченные проблемы, малайзийскую модель можно назвать вполне успешной в региональном контексте.

Вьетнам

На протяжении последних почти сорока лет вьетнамская экономика демонстрирует уверенный рост. Вьетнамские власти ставят амбициозную цель стать «развитым государством с высоким уровнем дохода» к 2045 г.⁶¹, однако для достижения этой цели страна должна располагать соответствующими материальными и технологическими ресурсами.

В 2021 г. во Вьетнаме насчитывалось 862 городских образования, в которых проживало 40% населения⁶², при этом тенденции роста городского населения сохранялись. Урбанизация в стране сопровождается усугублением дорожно-транспортных и экологических проблем, ростом преступности, а также необходимостью более эффективно управлять городским пространством. В этом контексте императивом развития становится внедрение высоких технологий, строительство новых или трансформация старых городов по модели «умного города».

Идеи внедрения технологий «умных городов» впервые стали появляться в начале 2010-х годов в таких крупных центрах, как Ханой, Хошимин и Дананг, для решения проблемы «качества» роста, улучшения дорожно-транспортной инфраструктуры и системы коммуникаций, привлечения инвестиций в городское планирование, повышения качества городского управления, эффективного реагирования на проблему изменения климата. Тогда же на госу-

дарственном уровне были приняты первые программы развития информационных технологий для решения задач ускоренного развития. Внимание правительства было сосредоточено на создании инфраструктуры коммуникаций и развитии электронного правительства.

С середины 2010-х годов различные проекты развития «умных городов» стали появляться на местном и региональном уровнях: города и провинции привлекали к участию в них крупные телекоммуникационные компании (как местные, так и зарубежные), во многих крупных городах были приняты соответствующие планы и дорожные карты развития «умных городов». С 2018 г. три города Вьетнама — Ханой, Дананг и Хошимин — включены в программу развития «Сети умных городов АСЕАН».

Основополагающим документом в этой области является «Проект развития умных устойчивых городов во Вьетнаме на период 2018–2025 гг., видение до 2030 г.», утвержденный указом премьер-министра страны в августе 2018 г. и являющийся частью реализации правительственных программ цифровизации, индустриализации экономики и устойчивого развития⁶³. Цель развития «умных городов» зафиксирована в пятилетних планах развития различных провинций на 2016–2020 и 2021–2025 гг.; а также в проекте национального пятилетнего плана социально-экономического развития на 2021–2025 гг.

В соответствии с планом предусмотрено два этапа. На первом (до 2020 г.) должна быть подготовлена соответствующая правовая база развития «умных городов» и «умных» городских агломераций; спроектировано, как минимум, 3 пилотных проекта осуществления программы; в 50% местных отделений Министерства строительства и Министерства информации и связи должна быть начата подготовка соответствующих специалистов. На втором (до 2025 г.) реализация проектов должна начаться уже в шести регионах, а подготовка специалистов — в 100% отделений соответствующих министерств. Отдельное внимание уделяется развитию «умных городов» в долине реки Меконг, являющейся достаточно депрес-

сивным регионом страны. До 2030 г. в соответствии с планом предполагается сформировать «цепь» «умных городов» с севера на юг Вьетнама, причем города Хошимин, Ханой, Дананг и Кантхо должны стать ее «звеньями».

В плане выделяется ряд приоритетных задач развития: 1) «умного» городского освещения и электрических систем; 2) транспортных систем; 3) «умного» водоснабжения, гарантирующего возможность контроля качества воды и устранения загрязнений; 4) системы сбора и переработки отходов; 5) систем предупреждения об опасных природных катаклизмах; 6) многофункциональных центров сбора и сортировки информации; 7) телекоммуникационных систем и повышение доступности «умных устройств» (бытовых приборов). Большое внимание уделяется научным разработкам, подготовке кадров, развитию правовой базы и привлечению бизнеса к строительству «умных городов».

Основным органом, ответственным за реализацию плана, является Министерство строительства, также большую роль играет Министерство информации и связи, помимо них в реализации плана участвуют министерства: науки и технологий; промышленности и торговли; образования и подготовки кадров; природных ресурсов и окружающей среды, а также местные органы власти.

Перечень задач по реализации проекта конкретизируется в Руководстве Министерства информации и связи об основополагающих принципах использования информационно-коммуникационных технологий в развитии «умных городов» во Вьетнаме⁶⁴. В нем же дается определение понятия «умный устойчивый город» (вьет. *đô thị thông minh bền vững*): это инновационный город, использующий информационные технологии и другие средства для улучшения качества жизни граждан, предоставляемых им городских услуг; повышения конкурентоспособности и одновременного удовлетворения текущих и будущих экономических, социальных и экологических потребностей⁶⁵. Во вьетнамской юридической терминологии понятия «умный город» и «умный устойчивый город» являются взаимозаменяемыми⁶⁶.

Каждый проект «умного устойчивого города» создается с учетом местных особенностей и потребностей. Также местные органы власти развивают «умные города», фокусируясь на территориально ограниченных проектах, которые в случае успешного развития будут распространены на другие города и территории. В центре внимания – потребности граждан и участие бизнеса; основа развития – искусственный интеллект, облачные технологии, большие данные и интернет вещей. Несмотря на «автономность» проектов «умного города» в каждом регионе, их реализация должна выстраиваться в соответствии с общими ключевыми показателями эффективности (KPI)⁶⁷, разработанными Министерством информации и связи. Вьетнам следует классической модели внедрения концепции «сверху», однако подчеркивая во всех документах, что «в центре развития “умных городов” находятся граждане» и в развитии программ сочетаются два подхода – “сверху” и “снизу”⁶⁸.

Особенность построения «умных городов» во Вьетнаме – принципиальное допущение, что «умный город» может быть реализован и в рамках не самого крупного поселения. В этом отношении сама концепция – один из способов привлечения ресурсов (государственных и частных, национальных и зарубежных) для развития различных регионов страны. В стране принято более 40 планов развития «умных городов» для отдельных территорий, с тем чтобы отобрать наилучшие практики и в дальнейшем использовать их повсеместно (опыт крупнейших городов Ханоя, Хошимина и Дананга уже заимствуют другие территории⁶⁹). В рамках реализации проектов страна активно сотрудничает с иностранными и национальными технологическими гигантами⁷⁰, среди которых *Microsoft, Lotte Group, Viettel, Vingroup*, а также с «умными городами» других стран – Эйнхovensом, Лондоном, Сеулом, Сингапуром. Часть проектов финансируется по линии международных организаций, в том числе Всемирного банка и Азиатского банка развития и по линии официальной помощи развитию. Важна также роль исследовательских центров: специализированных институтов, подведомственных центров, университетов, призванных предоставлять необходимую экспертизу⁷¹.

Проекты «умных городов» не всегда подразумевают создание «умной» инфраструктуры сразу в рамках целого города или провинции; часто это проекты технологических парков или небольших «умных» жилых районов, выстраиваемых за пределами существующего города, как, например, Умный город Северного Ханоя (около международного аэропорта Нойбай), Умный город *Vinhomes* (также в Ханое) или комплекс *Dragon Smart City* в Дананге.

Несмотря на то что телекоммуникационная сеть является довольно развитой во Вьетнаме, внедрение проектов «умных городов» происходит довольно медленно, поскольку остальная ИТ-инфраструктура пока не удовлетворяет потребностям цифровой трансформации, и именно на ее развитии, а также на развитии систем электронного правительства и транспортного контроля сфокусированы многие проекты. Частные инвесторы, которых активно привлекает правительство Вьетнама, подчас отдают приоритет элитной жилой застройке и инвестициям в привлекательные бизнес-кварталы. Не всегда реализация плана является последовательной: например, площадь зеленых насаждений в Ханое продолжает сокращаться, несмотря на то, что экология остается одним из приоритетов развития. Высокая популярность концепции «умных городов» в стране объясняется маскировкой под нее уже отчасти знакомых Вьетнаму программ субурбанизации, построения свободных экономических зон и попыток создания технологических парков, стремящихся стать новыми кремниевыми долинами⁷². Это объясняется также высокой стоимостью внедрения новых технологических решений и, соответственно, потребностью в частных инвестициях и необходимостью удовлетворять интересы бизнеса.

Таиланд

Процесс урбанизации стремительно развивается и в Таиланде, где доля городского населения составляет уже 52%. Концепция «умного города» в Таиланде впервые была представлена Министерством информационно-коммуникационных технологий в 2003 г.,

однако на тот период не получила дальнейшего развития. Сегодня же строительство «умных городов» сопряжено с реализацией экономической модели «Таиланд 4.0» — национальной стратегией, предложенной в 2016 г. премьер-министром Праютом Чан-Очой и определяющей развитие страны на ближайшие несколько лет. Именно в рамках этой программы и принятой в том же году «20-летней Национальной стратегии на период 2017–2036 гг.»⁷³ приоритетным направлением стало развитие «умных городов» на территории Таиланда⁷⁴. Фактически, концепция «умного города» является относительно новым феноменом для тайландского общества. Однако ее успешная реализация, по мнению тайландских исследователей, станет промежуточным этапом на пути трансформации страны в «умное государство»⁷⁵.

За прошедшие годы правительством была разработана обширная правовая база, регулирующая основные направления, задачи и рамки строительства «умных городов» в Таиланде. Среди основных документов следует выделить 12-й Национальный социально-экономический план развития на период с 2017 по 2021 г.⁷⁶, 6-й Генеральный план на период с 2017 по 2036 г. и Национальный план развития цифровой экономики (2017–2036 гг.)⁷⁷.

Одной из целей провозглашается трансформация страны в «Цифровой Таиланд» (*Digital Thailand*) — государство, где в полном объеме используются возможности технологий для развития инфраструктуры, инноваций, человеческого капитала, что будет способствовать экономическому и социальному развитию государства на пути к стабильности, процветанию и устойчивости⁷⁸. Учитывая обозначенный курс, одним из центральных компонентов его реализации становится идея строительства «умных городов».

Координирующую роль в этой области выполняет Министерство цифровой экономики и общества. Под эгидой данного министерства было создано новое ведомство — Агентство по продвижению цифровой экономики (*DEPA*), в задачи которого входят разработка стратегических планов по цифровизации страны, проведение научных исследований, сбор и аналитика данных, мониторинг, а также

отслеживание последних трендов на рынке технологий. Исполнительным органом является созданный в 2018 г. Руководящий комитет по развитию «умных городов» Таиланда, который подчиняется кабинету премьер-министра и объединяет в себе представителей трех министерств — цифровой экономики и общества, энергетики и транспорта.

В стране действует разветвленная схема финансирования и различных механизмов стимулирования реализации проектов в области строительства «умных городов». Преимущественно проекты финансируются за счет государства из Национального фонда цифровой экономики и общества Таиланда. Вместе с тем значительным источником финансирования также выступают местный бизнес и различные торговые и промышленные ассоциации. Кроме того, Совет по инвестициям Таиланда предоставляет налоговые льготы для заинтересованных сторон в инвестировании в проекты «умных городов» в стране. Среди дополнительных стимулов можно назвать программу *Smart Visa*, которая выпускает специализированные визы сроком на 4 года для высококвалифицированной рабочей силы, инвесторов, руководителей и начинающих предпринимателей, желающих работать или инвестировать в развитие целевых отраслей. Еще одним вспомогательным инструментом выступают Компании развития городов (*City Development Corporations*) — модель государственно-частного партнерства, позволяющая местным властям сотрудничать с частными предприятиями для получения с их стороны финансовой помощи. Отдельно функционирует специальное объединение урбанистов, экспертов и дизайнеров *National Charter*, которое взаимодействует с локальными властями и населением для оказания экспертной поддержки проектов «умных городов».

Первым пилотным проектом в 2013 г. в рамках программы по развитию «умных городов» в Таиланде стал город Накхоннаюк, расположенный в центральной части страны: в городе была поставлена задача обеспечить предоставление государственных и муниципальных услуг в электронном виде, а также автоматизировать

работу местной администрации. Однако проект не был реализован из-за сравнительно небольшого выделенного бюджета, отсутствия координации между центральными и местными властями и четкого понимания самого концепта «умного города»⁷⁹.

В 2018 г. была запущена новая дорожная карта по развитию «умных городов» Таиланда, которая анонсировала, что семь крупнейших городов страны должны были стать первыми территориями для запуска «умных» проектов. В их число вошли Пхукет, Чиангмай, Кхонкэн, Чачёнгсау, Чонбури, Районг и Бангкок. Позже количество городов, присоединившихся к программе, значительно расширилось. На сегодняшний день в ее состав входит 40 городов, и ожидается, что к 2024 г. в стране будет 100 «умных городов»⁸⁰. Условно их можно разделить на две группы — крупные города, входящие одновременно в проект «Восточного экономического коридора» (*Eastern Economic Corridor*), и средние по численности населения.

Отличительной особенностью развития «умных городов» в Таиланде является разработанная схема отбора и включения в состав программы *Smart City Thailand* того или иного города. Она проходит по так называемой формуле «два-пять-семь» (*Two-Five-Seven*), согласно которой цифра два обозначает две модели «умного города»: «умный город» удобный для жизни (*Smart Livable City*), или новый «умный город» (*Smart New City*), семь — области реализации и пять — критерии отбора.

Основная идея заключается в том, что каждый город уникален и в процессе его технологической трансформации необходимо учитывать многие факторы, в том числе географические особенности объекта и его отраслевую специализацию, уровень развития местной инфраструктуры, человеческие ресурсы, климатические условия, а также культурно-историческую среду города. Следуя данной логике, в стране реализуются обозначенные выше две модели построения «умного города», которые нацелены на то, чтобы внедрение технологий в городскую среду, с одной стороны, было максимально эффективно и безопасно, с другой — позволяло сохранить уникальный бренд города.

Город, удобный для жизни (*Smart Livable City*), – это уже существующий город, который нуждается в интегрировании технологий для повышения производительности и создания комфортной городской среды, но с учетом запросов его жителей, отраслевой структуры, а также других особенностей и специфики конкретного города⁸¹. К данной группе относятся такие города, как Бангкок, Чиангмай и Пхукет. В свою очередь, новый «умный город» (*Smart New City*) – это освоение новой территории, с малочисленным населением, и строительство необходимой инфраструктуры «с нуля» с учетом особенностей природного ландшафта⁸². К этой категории относятся «будущие города», входящие в проект Восточного экономического коридора.

Стоит подчеркнуть, что развитие Восточного экономического коридора лежит в основе стратегии Таиланд 4.0 и неразрывно связано с развитием «умных городов» Таиланда. Данная инициатива нацелена на то, чтобы модернизировать восточное побережье Таиланда, объединяющее три провинции Чонбури, Районг и Чачёнгсао. Ожидается, что в будущем эта зона станет промышленным IT-хабом в ЮВА. Так, в рамках реализации данного проекта планируется строительство нового высокотехнологического «умного города» в 160 км от Бангкока, в провинции Чонбури. Город станет площадкой, где будут расположены штаб-квартиры ведущих компаний, построены пять бизнес-центров, а также созданы необходимые условия для осуществления финансовых операций, развития точной медицины и запуска сети 5G. Стоимость строительства подобного города «с нуля» оценивается в 37 млрд долл. США⁸³. Это проект является ярким примером модели развития новых «умных городов».

Как и в других соседних странах, у Таиланда есть свое видение концепта «умного города». Согласно определению DEPA «умный город – это город, где эффективно используются технологии, инновации и дизайн для повышения эффективности, сокращения расходов, совершенствования городского управления и качества предоставления услуг, с привлечением всех заинтересованных сторон, с тем чтобы повысить качество жизни граждан, обеспечить

устойчивое развитие и процветание»⁸⁴. Агентство определяет семь возможных областей применения технологий «умного города» – окружающая среда (*Smart Environment*), энергетика (*Smart Energy*), мобильность (*Smart Mobility*), электронное правительство (*Smart Governance*), цифровая экономика (*Smart Economy*), подготовка кадров (*Smart People*) и повседневный образ жизни горожан (*Smart Living*)⁸⁵. В каждой из них обозначены свои цели, механизмы реализации и руководящее ведомство.

Примечательно, что любой город или общественная организация может подать заявку на включение в состав программы *Smart City Thailand*, соблюдая определенную процедуру. Прежде всего, кандидат должен выбрать одну из двух моделей развития «умного города» и, как минимум, две области реализации. Дополнительно к этому город-кандидат должен сформировать свой план развития инфраструктуры, создать или иметь собственную систему хранения данных, разработать стратегию кибербезопасности, а также предложить инновационные решения актуальных проблем города и продумать устойчивую модель управления⁸⁶. В случае одобрения заявки Руководящим комитетом город получает статус «умного города», доступ к финансовой и экспертной поддержке, а также юридические и административные льготы. О прогрессе реализации проекта исполнитель отчитывается раз в полгода Руководящему комитету.

В целом опыт Таиланда свидетельствует о том, что проекты «умных городов» иницируются в большинстве своем государством с привлечением представителей бизнеса и органов местного самоуправления, иными словами, следуя логике традиционной для государств ЮВА модели «сверху вниз» (*top-down approach*). Однако в стране есть примеры и другого подхода, когда инициатива идет от самих горожан или локального бизнеса (*bottom-up approach*). В частности, в городе Кхонкэн на северо-востоке страны местные предприниматели самостоятельно запустили проекты по преобразованию города. Для этих целей в городе была создана некоммерческая организация *Khon Khaen Think Tank* с начальным

капиталом в размере 200 млн бат⁸⁷. В результате их активной деятельности и благодаря их усилиям, а также последовавшей поддержке со стороны центрального правительства ожидается, что в городе в ближайшее время будет запущена первая система легкорельсового транспорта, которая нацелена на снижение транспортной нагрузки города⁸⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что программа развития «умных городов» Таиланда обладает значительным потенциалом. Действующие институты и механизмы управления «умным» городским пространством, правовые и налоговые льготы, а также упор на вовлечение населения, местных властей и бизнеса в процессы реализации проектов по формированию умной городской среды – факторы, способствующие значительному прогрессу Таиланда в этой области. Представляется, что реализуемые Королевством две модели «умных городов» особенно актуальны, поскольку снижают вероятность повсеместного внедрения технологий без учета локальной специфики и запросов общества. Подобная схема позволяет сохранять «самобытность города» и одновременно его модернизировать.

Тем не менее сохраняется и ряд ограничений, которые значительно сдерживают темпы цифровизации городской среды в Таиланде, а в отдельных случаях негативно влияют на процесс реализации проектов. К их числу следует отнести излишнюю бюрократизированность государственного аппарата, а также отсутствие координации между правительственными органами и между центральными и местными властями. Острой проблемой по-прежнему остается низкая квалификация кадров и, как следствие, восприятие концепта «умного города» через традиционную призму обеспечения доступа к Интернету⁸⁹. Отсутствие некоего единого официального определения понятия «умный город», а также значительное количество городов, претендующих на этот статус, с большим разрывом в уровнях развития и подготовленности городского пространства к цифровизации, еще больше усложняют процесс реализации программы.

Заключение

Популярность и особенности реализации концепции «умных городов» отражают актуальную для региона проблему модернизации. В этом плане страны ЮВА следуют общемировым трендам использования информационных и коммуникационных технологий для решения экологических проблем, повышения качества жизни населения, а также управляемости городских агломераций и населяющих их сообществ. Концепции «умных городов» часто становятся ядром или одной из важных составляющих национальных программ социально-экономического развития, а также часто отражают повестку устойчивого развития в понимании ООН.

Разнообразие подходов к «умному городу» в странах ЮВА отражает как национальные приоритеты развития каждой страны, так и в целом отсутствие общепринятой концепции «умного города». Общей для стран ЮВА является ориентация на построение «умных городов» по модели «сверху вниз», согласно которой инициатором выступает государство, что, в свою очередь, подразумевает меньшую вовлеченность населения в процесс принятия решений. Однако рассмотренные примеры (в частности, в Таиланде, Вьетнаме, Сингапуре) свидетельствуют о том, что в странах ЮВА также встречается модель «снизу вверх», которая стала возможной благодаря динамично растущему среднему городскому классу и заинтересованному местному бизнесу. Вместе с тем стоит подчеркнуть, что две рассматриваемые модели не взаимно исключают, а дополняют друг друга. В таких странах, как Индонезия, можно наблюдать смешанную модель, когда смарт-проекты продвигаются на различных уровнях и финансируются правительством или бизнесом по возможности.

Характерной чертой построения «умных городов» в странах ЮВА является запуск пилотных проектов в городских районах (Сингапур, Вьетнам) или в случае с отдельной страной – в городах (Вьетнам, Таиланд). Подобный подход продиктован соображениями финансового характера и тем, чтобы «отсечь» неэффективные

технологические решения уже на первых этапах реализации. В то же время страны ЮВА являются сторонниками идеи строительства «умных городов» с учетом местной специфики городского поселения (Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд), его отраслевой специализации и культурно-исторической самобытности. Существуют и уникальные для региона проекты смарт-инфраструктуры для религиозного туризма и образа жизни (Индонезия).

Важно отметить роль иностранных инвестиций, а также заинтересованность внерегиональных государственных акторов, ТНК, консалтинговых гигантов, представителей крупного и среднего бизнеса в развитии «умных городов» в ЮВА. Можно предположить, что в будущем регион станет значимой мировой площадкой в этой сфере по причине наличия большого числа проектов «с нуля», не требующих сложной перепланировки городской инфраструктуры.

Анализ рассмотренных кейсов также свидетельствует о том, что власти данных стран отдают приоритет технологическим решениям для автоматизации систем контроля и мониторинга (уличного видеонаблюдения, автоматизации государственных услуг и объединению баз данных). Вместе с тем сохраняется приверженность развитию «человекоцентричных» параметров «умного города»: медицинских, образовательных, социальных и культурных услуг.

Между тем реализация концепции сталкивается с рядом проблем. Среди них — бюрократизация процесса, не всегда достаточно проработанная концептуальная и правовая база, сложная координация между различными ведомствами и уровнями власти, большое количество различных моделей «умного города» при ориентации на «учет местных особенностей» тех или иных городов, низкий уровень модернизации инфраструктуры, отсутствие или недостаточное развитие местной научно-технологической базы и соответствующих специалистов.

Примечания

- 1 Данные Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (дата обращения: 01.08.2022).
- 2 Исключение составляет только Сингапур: в городе-государстве стопроцентная урбанизация. По данным Всемирного банка. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.URB.TOTL.IN.ZS> (дата обращения: 01.08.2022).
- 3 *Montes, J.* A Historical View of Smart Cities: Definitions, Features and Tipping Points. 2020. URL: <https://ssrn.com/abstract=3637617> (accessed: 01.05.2022).
- 4 Ibid.
- 5 *Albino V., Berardi U., Dangelico R. M.* Smart cities: Definitions, dimensions, performance, and initiatives // *Journal of Urban Technology*. 2015. No. 22 (1). P. 1–19. URL: DOI: 10.1080/10630732.2014.942092 (accessed: 04.04.2022).
- 6 *Montes J.* Op. cit.
- 7 Согласно IMD Smart City Index 2021 Сингапур занимает первое место.
- 8 ASEAN Smart Cities Network // ASEAN URL: <https://asean.org/our-communities/asean-smart-cities-network/> (accessed: 03.08.2022).
- 9 *Хмурович Л.В., Вильчицкая А.А.* Опыт Сингапура в построении инновационной экономики // *Экономический бюллетень научно-исследовательского института Министерства экономики Республики Беларусь*. 2019. № 10 (268). С. 55–64.
- 10 Эта концепция была сформирована первым министром иностранных дел Сингапура Синнатамби Раджаратнамом в середине 1980-х годов. Ее суть заключалась в том, что Сингапур должен быть не только хабом в международной торговле, но и частью широкой сети «глобальных городов», которые за счет тесных взаимосвязей способны оказывать воздействие на развитие мировой экономики. *Rajaratnam S.* Why Singapore has not Collapsed // *The Straits Times*. 1972. February 7. P. 11. URL: <https://eresources.nlb.gov.sg/news-papers/Digitised/Article/straitstimes19720207-1.2.63> (accessed: 18.07.2022).
- 11 *Low D.* Has 'Global City' Vision Reached its End Date? // *The Straits Times*. 28.08.2013. URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/has-global-city-vision-reached-its-end-date> (accessed: 18.07.2022).
- 12 *Hoe S.L.* Defining a Smart Nation: The Case of Singapore // *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. 2016. Vol. 14. No. 4. P. 323–333.
- 13 *YM Joo.* Developmentalist Smart Cities? The Cases of Singapore and Seoul // *International Journal of Urban Sciences*. 2021. P. 1–19.
- 14 *YM Joo.* Op. cit. P. 9.
- 15 *Пехтерева Е.А.* Электронное правительство Сингапура // ЭБС «Лань». 2015. № 2. С. 123.

- ¹⁶ Three Pillars of a Smart Nation // Smart Nation Singapore. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/about-smart-nation/pillars-of-smart-nation> (accessed: 18.07.2022).
- ¹⁷ Digital Government Blueprint // GovTech Singapore. URL: <https://www.tech.gov.sg/digital-government-blueprint/> (accessed: 18.07.2022).
- ¹⁸ Digital Economy Framework for Action // Smart Nation Singapore. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/files/abt-smart-nation/SGD%20Framework%20For%20Action.pdf> (accessed: 18.07.2022).
- ¹⁹ Digital Readiness Blueprint // Ministry of Communications and Information. URL: <https://www.mci.gov.sg/en/portfolios/digital-readiness/digital-readiness-blueprint> (accessed: 18.07.2022).
- ²⁰ Digital Economy Framework for Action. P. 11.
- ²¹ Infocom Media Masterplan 2025 // Ministry of Communications and Information. URL: <https://www.imda.gov.sg/-/media/Imda/Files/About/Resources/InfocomMedia2025Report.pdf> (accessed: 18.07.2022).
- ²² Strategic National Projects // Smart Nation Singapore. URL: <https://www.smartnation.gov.sg/initiatives/strategic-national-projects> (accessed: 18.07.2022).
- ²³ Lee S.K., Kwon H.R., Cho H.A., Kim J., Lee D. International Case Studies of Smart Cities. Singapore. Republic of Singapore // IDB-KRIHS Joint Research. June 2016. URL: <https://publications.iadb.org/publications/english/document/International-Case-Studies-of-Smart-Cities-Singapore-Republic-of-Singapore.pdf> (accessed: 18.07.2022).
- ²⁴ Ряд исследователей выделяют такой феномен, как «протехнический» менталитет сингапурцев, который сформировался благодаря действующей системе образования и доступа населения к Интернету. (Подробнее см.: *Leong S., Lee T.* The Internet in Singapore: From “Intelligent Island” to “Smart Nation” // *Global Internet Governance*. 2021. Singapore: Springer Nature. P. 42.)
- ²⁵ *Chang F. Das D.* Smart Nation Singapore: Developing Policies for a Citizen-Oriented Smart City Initiative // *Developing National Urban Policies*. 2022. Singapore: Springer Nature. P. 425–440.
- ²⁶ *Ho E.* Smart Subjects for a Smart Nation? Governing (Smart) Mentalities in Singapore // *Urban Studies*. 2017. Vol. 54 (13). P. 3101–3118.
- ²⁷ *Kong L., Woods O.* The Ideological Alignment of Smart Urbanism in Singapore: Critical Reflections on a Political Paradox // *Urban Studies*. 2018. Vol. 55 (14). P. 679–701.
- ²⁸ Can Indonesia Achieve ‘100 Smart Cities’ by 2045? // YCP Solidance. August 2020. URL: <https://ycpsolidance.com/white-paper/can-indonesia-achieve-100-smart-cities-by-2045#download-white-paper> (accessed: 19.07. 2022).
- ²⁹ *Milone P.D.* Contemporary Urbanization in Indonesia // *Asian Survey*. 1964. No. 4 (8). P. 1000–1002.
- ³⁰ *The Indonesian City Studies in Urban Development and Planning*. KITLV Press, 1986. P. 101.
- ³¹ Peraturan Menteri Dalam Negeri Nomor 2 Tahun 1987 [Указ министра внутренних дел № 2 от 1987 г. «О руководстве процессом составления городского плана»] // *HukumProperti*. [Право собственности]. URL: <https://regulasi.hukumproperti.com/peraturan-menteri-dalam-negeri-nomor-2-tahun-1987/> (accessed: 20.07.2022).
- ³² Keputusan Menteri Pekerjaan Umum nomor : 640/KPTS/86 tentang perencanaan tata ruang kota [Указ министра общественных работ №: 640/KPITC/86 «О городском территориальном планировании»] // *Insonesia OneSearch*. URL: <https://onesearch.id/Record/IOS1.INLISM00000000164074> (accessed: 20.07.2022).
- ³³ *Rukmana D.* The Change and Transformation of Indonesian Spatial Planning after Suharto’s New Order Regime: The Case of the Jakarta Metropolitan Area // *International Planning Studies*. 2015. P. 1–21.
- ³⁴ UU No. 26 Tahun 2007 tentang Penataan Ruang [Закон № 26 от 2007 г. «О территориальном планировании»] // *Database Peraturan* [Нормативная база данных]. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/39908/uu-no-26-tahun-2007> (accessed: 21.07.2022).
- ³⁵ *Ratih D.K., Rahayu S.* Analysis of technological aspects in the development of smart cities in Indonesia // *E3S Web of Conferences* 211, 01026 (2020). URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202021101026> The 1st JESSD Symposium 2020.
- ³⁶ *Pratama A.B.* Smart City Narrative in Indonesia: Comparing Policy Documents in Four Cities // *Public Administration Issues, Special Issue II* (electronic edition). P. 65–83.
- ³⁷ *Mahesa R., Yudoko G., Anggoro Y.* Platform Ecosystems for Smart Cities in Indonesia: Theory Building and Testing // *P. Ordóñez de Pablos, X. Zhang, & M. Almunawar* (ed.). *Handbook of Research on Disruptive Innovation and Digital Transformation in Asia*. 2021. P. 388–417.
- ³⁸ What lies ahead of Indonesia’s 100 smart cities movement? // *The Jakarta Post*. URL: <https://www.thejakartapost.com/life/2019/12/05/what-lies-ahead-of-indonesias-100-smart-cities-movement.html> (accessed: 20.07.2022).
- ³⁹ *Atmojo R., Tota P.K., Chandra Y.U.* Alternative Financing Model for Smart Cities Initiatives in Indonesia // *Advances in Science, Technology and Engineering Systems Journal*. 2020. Vol. 5. No. 1. P. 214.
- ⁴⁰ *Rizkinaswara L.* Gerakan Menuju 100 Smart City. // *KomInfo*. 2020. URL: <https://aptika.kominfo.go.id/2020/01/gerakan-menuju-100-smart-city-2/> (accessed: 24.07.2022).

- 41 Digital Indonesia: Connectivity and Divergence / Ed. by E. Jurriens, R. Tapsell. Singapore: ISEAS, 2018. P. 151.
- 42 Cheema S. Governance for Urban Services Access, Participation, Accountability, and Transparency. Springer Nature Singapore. 2020. P. 177.
- 43 Smart Cities Cooperation: Indonesia and Finland // ASEAN Briefing. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/smart-cities-cooperation-indonesia-and-finland/> (accessed: 24.07.2022).
- 44 Japan and Indonesia exchange opinions on smart city development and disaster prevention // Xây dựng. URL: <https://baoxaydung.com.vn/japan-and-indonesia-exchange-opinions-on-smart-city-development-and-disaster-prevention-244616.html> (accessed: 25.07.2022).
- 45 ASEAN Smart City Planning Guidebook // JASCA. URL: <https://www.jasca2021.jp/cooperative/> (accessed: 25.07.2022).
- 46 Gervasius Samosir. Can Indonesia Achieve '100 Smart Cities' by 2045? // YCP Solidiance. August 2020. URL: <https://ycpsolidiance.com/white-paper/can-indonesia-achieve-100-smart-cities-by-2045#download-white-paper> (accessed: 20.07.2022).
- 47 New Capital City of Nusantara to Represent Excellent Nation // Cabinet Secretariat of the Republic of Indonesia. URL: <https://setkab.go.id/en/new-capital-city-of-nusantara-to-represent-excellent-nation/> (accessed: 20.07.2022).
- 48 Konstruksi Berlanjut, Masjid Karya Ridwan Kamil di Makassar Digelontor Rp 45 Miliar // KOMPAS. URL: <https://www.kompas.com/properti/read/2022/05/28/195356221/konstruksi-berlanjut-masjid-karya-ridwan-kamil-di-makassar-digelontor> (accessed: 20.07.2022).
- 49 Global Tech Hub on the Rise // Cyberjaya Malaysia. URL: <https://www.cyberjayamalaysia.com.my/about/the-story> (accessed: 22.07.2022).
- 50 Wawasan 2020 // Pejabat Perdana Menteri Malaysia. URL: <https://www.pmo.gov.my/ms/wawasan-2020/arah-ke-hadapan/> (accessed: 22.07.2022).
- 51 MALAYSIA: Green Technology Master Plan 2017–2030 // Asia Pacific Energy. URL: <https://policy.asiapacificenergy.org/node/3437> (accessed: 22.07.2022).
- 52 Low Carbon Cities Framework // LCCF. URL: <http://lccftrack.greentownship.my/files/LCCF-Book.pdf> (дата обращения: 22.07.2022).
- 53 The Ninth Session of the World Urban Forum // UN Habitat. URL: https://unhabitat.org/sites/default/files/documents/2019-05/wuf9-report-may-2019_10.pdf (дата обращения: 22.07.2022).
- 54 Lim S.B., Abdul Malek J., Hussain M.Y., Tahir Z. Malaysia Smart City Framework: A Trusted Framework for Shaping Smart Malaysian Citizenship? // J.C. Augusto (ed.). Handbook of Smart Cities. Springer, Cham, 2021. P. 517.
- 55 Malaysia Smart City Framework (MSCF) // MyGovernment. URL: <https://www.malaysia.gov.my/portal/content/30947> (accessed: 23.07.2022).
- 56 Lim S.B., Malek J.A., Yusoff M.F.Y.M., Yigitcanlar T. Understanding and Acceptance of Smart City Policies: Practitioners' Perspectives on the Malaysian Smart City Framework // Sustainability. 2021. No. 13 (17). P. 3.
- 57 Ibid. P. 39.
- 58 Putrajaya Green City 2025 program // PGC2025. URL: https://www-iam.nies.go.jp/aim/aim_workshop/aimws_16/presentation/s05_wang_ppt.pdf (accessed: 24.07.2022).
- 59 Vision, Mission and Values // Melaka Gateway. URL: <http://melakagateway.com/vision-mission-values/> (accessed: 25.07.2022).
- 60 Melaka Political Crisis – The War for Projects, From RM43 Billion Melaka Gateway To RM100 Billion Waterfront Economic Zone // Finance Twitter. URL: <http://www.financetwitter.com/2021/10/melaka-political-crisis-the-war-for-projects-from-rm43-billion-melaka-gateway-to-rm100-billion-waterfront-economic-zone.html> (accessed: 26.07.2022).
- 61 Nghị quyết đại hội đại biểu toàn quốc lần thứ XIII. 2021 [Резолюция 13 Съезда Коммунистической партии Вьетнама, 2021 г.] // Thư viện pháp luật [Юридическая библиотека]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Nghi-quyet-ve-Dai-hoi-dai-bieu-toan-quoc-lan-thu-XIII-466200.aspx> (дата обращения: 05.06.2022).
- 62 Nâng cao năng lực quản lý xây dựng & phát triển đô thị thông minh cho cán bộ quản lý nhà nước ngành Xây dựng [Повышение управленческих навыков государственных служащих строительной отрасли при строительстве и развитии «умных городов»] // Cổng thông tin điện tử Bộ xây dựng [Информационный портал Министерства строительства]. URL: <https://moc.gov.vn/tl/tin-tuc/68026/nang-cao-nang-luc-quan-ly-xay-dung-phat-trien-do-thi-thong-minh-cho-can-bo-quan-ly-nha-nuoc-nganh-xay-dung.aspx> (дата обращения: 05.06.2022).
- 63 Quyết định số: 950/qđ-ttg phê duyệt đề án phát triển đô thị thông minh bền vững Việt Nam giai đoạn 2018 – 2025 và định hướng đến năm 2030. 2018 [Решение № 950/qđ-ttg о ратификации «Проекта развития умных устойчивых городов во Вьетнаме на период 2018–2025 гг., видение до 2030 г.», 2018 г.] // Thư viện pháp luật [Юридическая библиотека]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Xay-dung-Do-thi/Quyết-dinh-950-QĐ-TTg-2018-de-an-phat-trien-do-thi-thong-minh-ben-vung-2018-2025-389529.aspx> (дата обращения: 05.06.2022).
- 64 Hướng dẫn các nguyên tắc định hướng về công nghệ thông tin và truyền thông trong xây dựng đô thị thông minh ở Việt Nam. 2018 [Руководство Министер-

- ства информации и связи об основополагающих принципах использования информационно-коммуникационных технологий в развитии умных городов во Вьетнаме, 2018 г.] // Thư viện pháp luật [Юридическая библиотека]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/cong-van/Cong-nghe-thong-tin/Cong-van-58-BTTTT-KHCN-2018-cong-nghe-thong-tin-xay-dung-do-thi-thong-minh-Viet-Nam-372625.aspx> (дата обращения: 05.06.2022).
- ⁶⁵ Это определение соответствует понятию «умный устойчивый город», принятому Международным союзом электросвязи и используемому ООН. Smart cities and infrastructure // UN Economic and Social Council. 2016. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ecn162016d2_en.pdf (accessed: 05.06.2022).
- ⁶⁶ Bộ chỉ số (kpi) đô thị thông minh việt nam giai đoạn đến năm 2025). 2019 [Ключевые показатели эффективности (KPI) умных городов Вьетнама на период до 2025 г. 2019 г.] // Văn bản pháp luật [Юридические документы]. URL: <https://vanbanphapluat.co/cong-van-3098-btttt-khcn-2019-bo-chi-so-do-thi-thong-minh-viet-nam-phien-ban-1-0> (дата обращения: 05.06.2022).
- ⁶⁷ В показатели эффективности, в частности, включаются такие параметры оценки, как: доступность информации о проектах горожанам, возможность жителей предоставить проектам обратную связь, использование единого электронного ключа в предоставлении государственных услуг, а также показатели качества и уровня использования технологий для предоставления государственных услуг по сферам: образование, медицина, транспорт и т.д., а также оценка влияния на окружающую среду, безопасность данных и др.
- ⁶⁸ Quyết định số: 950/qđ-ttg phê duyệt đề án phát triển đô thị thông minh bền vững Việt Nam giai đoạn 2018 – 2025 và định hướng đến năm 2030. 2018 [Решение № 950/qđ-ttg о ратификации «Проекта развития умных устойчивых городов во Вьетнаме на период 2018–2025 гг., видение до 2030 г.», 2018 г.] // Thư viện pháp luật [Юридическая библиотека]. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Xay-dung-Do-thi/Quyết-dinh-950-QĐ-TTg-2018-de-an-phat-trien-do-thi-thong-minh-ben-vung-2018-2025-389529.aspx> (дата обращения: 05.06.2022).
- ⁶⁹ Viet Nam Smart City Handbook // UK Department for International Trade. 2021. URL: <https://ukabc.org.uk/market/vietnam/> (accessed: 01.05.2022).
- ⁷⁰ *Le Duy Tien*. Building Smart Cities in Vietnam // Ministry of Information and Communications, Thanh Hoa. 2018. URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Regional-Presence/AsiaPacific/Documents/Events/2018/ssceg2018/Presentation%20and%20Bio/Session1_Vietnam%20Presentation.pdf (accessed: 27.06.2022).
- ⁷¹ Smart City Handbook Vietnam // UK Department of International Trade. 2021. URL: <https://ukabc.org.uk/publication/handbook-vietnam-smart-city/> (accessed: 01.06.2022).
- ⁷² *Leducq D., Scarwell H.* Les villes intelligentes au Viêt-nam: entre déploiement national et renforcement métropolitain de Hanoi // L'Espace géographique. 47. 2018. P. 305–322. URL: <https://doi.org/10.3917/eg.474.0305> (accessed: 04.04.2022).
- ⁷³ 20-Year National Strategy (2017–2036) // OSMEP. URL: [https://www.sme.go.th/en/page.php?modulekey=378#:~:text=The%20National%20Strategy%20\(2017%2D2036,with%20security%2C%20prosperity%20and%20sustainability](https://www.sme.go.th/en/page.php?modulekey=378#:~:text=The%20National%20Strategy%20(2017%2D2036,with%20security%2C%20prosperity%20and%20sustainability) (accessed: 19.07.2022).
- ⁷⁴ Smart City: The World of Our Making // Bangkok Post. 11.01.2021. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/2049063/smart-city-the-world-of-our-making> (accessed: 19.07.2022)
- ⁷⁵ *Kamnuansilpa P.* Thailand Smart Cities: What is the Path to Success // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11. No. 1. P. 144–156.
- ⁷⁶ Summary The Twelfth National Social and Economic Development Plan (2017–2021) // Office of the National Economic and Social Development Board. Office of the Prime Minister. URL: [https://www.nesdc.go.th/ewt_dl_link.php?nid=9640#:~:text=Foreword-,The%20Twelfth%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan%20\(2017%2D2021,Thailand%20itself%20was%20undergoing%20reforms](https://www.nesdc.go.th/ewt_dl_link.php?nid=9640#:~:text=Foreword-,The%20Twelfth%20National%20Economic%20and%20Social%20Development%20Plan%20(2017%2D2021,Thailand%20itself%20was%20undergoing%20reforms) (accessed: 19.07.2022).
- ⁷⁷ Thailand Digital Economy and Society Development Plan // Office of the National Digital Economy and Society Commission. URL: https://www.onde.go.th/assets/portals//files/Digital_Thailand_pocket_book_EN.pdf (accessed: 19.07.2022).
- ⁷⁸ Ibid. P. 6.
- ⁷⁹ *Kamnuansilpa P.* Op. cit. P. 147.
- ⁸⁰ *Tortermvasana K.* Depa Readies First Batch of Smart Cities // Bangkok Post. 08.10.2021. URL: <https://www.bangkokpost.com/business/1998475/depa-readies-first-batch-of-smart-cities> (accessed: 14.07.2022).
- ⁸¹ *Nimmanphatcharin N., Prathombutr P., Siddhichai S., Non A., Treethidtaphat W.* Smart City Initiatives in Thailand: Key Concepts and Methods // Hitachi Review. URL: https://www.hitachi.com/rev/archive/2021/r2021_01/extra/index.html (accessed: 19.07.2022).
- ⁸² Ibid.
- ⁸³ *Tanakasempipat P.* Thailand Plans \$37 Billion Smart City to Support Industrial Hub // Bloomberg. 11.07.2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/>

articles/2022-07-11/thailand-plans-37-billion-smart-city-to-support-industrial-hub (accessed: 19.07.2022).

84 Thailand Smart City Handbook // UK-ASEAN Business Council. P.40. URL: <https://ukabc.org.uk/publication/handbook-thailand-smart-city/> (accessed: 19.07.2022).

85 Smart City Thailand // DEPA Smart City. URL: <https://www.depa.or.th/en/smart-city-plan> (accessed: 14.07.2022).

86 Smart City Development // DEPA. URL: <https://www.depa.or.th/en/digitalservice/smartcity> (accessed: 14.07.2022).

87 *Kamnuansilpa P. Op. cit. P. 150.*

88 Khon Kaen to Trial Light Rail Network // Bangkok Post. 07.03.2022. URL: <https://www.bangkokpost.com/thailand/general/2274775/khon-kaen-to-trial-light-rail-network> (accessed: 14.07.2022).

89 *Kamnuansilpa P. Op. cit. P. 152.*

Глава 20

Наследие и управление наследием в странах АСЕАН: национальные, трансграничные и региональные подходы

АННОТАЦИЯ: В главе рассмотрены состав и функции наследия в странах АСЕАН, а также связанные с ним действия различных акторов на национальном, кросс-национальном и региональном уровнях. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что страны ЮВА проводят весьма активную политику по выявлению, сохранению, разноплановому использованию своего культурного и природного наследия; стремятся к мирному разрешению конфликтов вокруг наследия и продвижению совместных проектов в этой области, развивая и продвигая концепцию общего наследия АСЕАН. Для каждой из стран ЮВА и сообщества АСЕАН в целом наследие — это важный элемент коллективной идентичности и эффективный инструмент повышения сплоченности сообществ. Грамотное управление наследием играет важную роль в повышении туристической привлекательности и в экономическом развитии как отдельных стран, так и всего региона, способствует поддержанию биоразнообразия и экологического благополучия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АСЕАН, социокультурное сообщество АСЕАН, наследие, управление наследием, ЮНЕСКО, идентичность, конфликты.

ABSTRACT: The chapter examines elements and functions of heritage in the ASEAN countries as well as the related actions of various actors at the national, cross-national and regional levels. The study revealed that the Southeast Asian countries are pursuing active policies for identifying, preserving and diverse use of their cultural and natural heritage; strive for the peaceful resolution of disputes around heritage and promote joint projects in the field, developing the concept of a common ASEAN heritage. For each of the Southeast Asian countries and for the ASEAN community as a whole, heritage is an important factor of collective identity and an effective tool for increasing community cohesion. Proper heritage management plays a significant role in increasing tourist attractiveness and in the economic development of both individual countries and the entire region, contributes to the biodiversity maintenance and environmental well-being.

KEYWORDS: ASEAN, ASEAN Socio-Cultural Community, Heritage, Heritage management, UNESCO, Identity, Conflicts.

Введение

НАСЛЕДИЕ, понимаемое в широком смысле как различные формы бытования прошлого и его образов в настоящем, играет важную роль в процессах формирования идентичности и устойчивого развития современных сообществ. Каждая из стран Юго-Восточной Азии, как и АСЕАН в целом, в последние десятилетия активно использует этот инструмент позиционирования и продвижения ценностей, наделяя соответствующим статусом различные памятники своей материальной и нематериальной культуры, а также уникальные природные объекты.

Наследие как конструкт, создаваемый в процессе осознанной человеческой деятельности и вовлеченный в разнообразные общественные практики¹, реализуется на разных уровнях — от персонального и семейного до глобального. В ходе нашего исследования были рассмотрены функции наследия и связанные с ним действия различных акторов на национальном уровне (деятельность правительственных институтов и представителей общественности

отдельных стран), кросс-национальном (взаимоотношения и взаимодействие стран-членов) и региональном (продвижение общего наследия сообщества АСЕАН) уровнях. В фокусе нашего анализа находились такие аспекты изучения наследия, как наследие и идентичность; наследие и конфликты; наследие и политика; наследие и устойчивое развитие.

Наследие может изучаться в рамках разных научных дисциплин, и объекты наследия стран ЮВА в последние десятилетия становились предметом научного анализа в работах самых разных исследователей — антропологов, экономистов, правоведов, искусствоведов, археологов. Полный библиографический список таких публикаций превысил бы допустимый объем главы. Что же касается исследований обобщающего характера по наследию АСЕАН, то по причине относительной новизны самого концепта подобных работ пока не так много, и наше исследование призвано внести вклад в освоение этого достаточно нового поля как для асеанологов, так и для наследиеведов.

В глобальном масштабе понятие «наследие» связано с конвенциями и охранной деятельностью ЮНЕСКО. К настоящему времени под эгидой этой организации осуществляются мероприятия по сохранению Всемирного культурного и природного наследия (Конвенция 1972 г.), подводного культурного наследия (Конвенция 2001 г.) и нематериального культурного наследия (Конвенция 2003 г.). Рассмотрим участие стран АСЕАН в этой деятельности, фокусируя внимание на мероприятиях, связанных с культурным и природным наследием, которое часто коротко именуют «Всемирным наследием», а также нематериальным культурным наследием.

Сохранение объектов Всемирного наследия в странах АСЕАН

Всемирное наследие — это природные или созданные человеком объекты, сохранение и популяризация которых является приоритетом для национальных правительств и мирового сообщества в силу особой культурной, исторической или экологической значимости.

В особую категорию выделяют объекты смешанного наследия (сочетание природной и культурной значимости) и объекты наследия культурного или природного, находящиеся в опасности. До получения статуса Всемирного наследия все объекты, номинированные от стран-участниц Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г., находятся в предварительных списках (*Tentative Lists*), что является важным инструментом планирования в сфере наследия и позволяет оценивать потенциал каждой из стран и их объединений, в частности таких как АСЕАН.

К настоящему времени все десять стран АСЕАН подписали Конвенцию 1972 г.² и почти все, кроме Брунея, имеют на своей территории объекты Всемирного наследия (табл. 20.1).

Из приведенной информации видно, что большинство стран ЮВА присоединились к Конвенции об охране всемирного наследия

Таблица 20.1

Объекты Всемирного культурного и природного наследия в странах АСЕАН по состоянию на 2022 г.

Страна	Год присоединения к Конвенции	Культурное наследие	Природное наследие	Смешанное наследие	Наследие в опасности	Всего
Бруней	2011	—	—	—	—	—
Вьетнам	1987	5	2	1	—	8
Индонезия	1989	5	3	—	1	9
Камбоджа	1991	3	—	—	—	3
Лаос	1987	3	—	—	—	3
Малайзия	1988	2	2	—	—	4
Мьянма	1994	2	—	—	—	2
Сингапур	2012	1	—	—	—	1
Таиланд	1987	3	3	—	—	6
Филиппины	1985	3	3	—	—	6
Всего		27	13	1	1	42

Источник: Сайт Всемирного наследия ЮНЕСКО, URL: <https://whc.unesco.org>

во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов. Некоторые из них (Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Мьянма) в то время еще не являлись членами АСЕАН и принимали решение об охране и продвижении своего наследия, исходя исключительно из национальных интересов. При этом процесс включения в состав Всемирного наследия объектов Мьянмы стал наглядным примером того, насколько тесно наследия связана с политикой: памятники Пагана³ могли стать объектом Всемирного наследия еще в 1996 г., когда Мьянма (Бирма) впервые обратилась в ЮНЕСКО с соответствующей заявкой. Однако из-за того, что у власти в стране в то время находилось военное правительство, решение откладывалось, в результате чего археологический парк Пагана был признан объектом Всемирного наследия только в 2019 г., после повторной заявки, поданной Мьянмой в 2014 г.

Две небольшие, но наиболее богатые страны АСЕАН – Сингапур и Бруней – присоединились к Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия последними, в начале 2010-х годов, когда АСЕАН объединяла уже все десять стран-участниц и когда в Ассоциации происходила выработка общих принципов развития и позиционирования ценностей. В 2000 г. в Бангкоке была принята Декларация о культурном наследии АСЕАН, в которой страны-участницы взяли на себя обязательства по «выявлению, разграничению, защите, сохранению, продвижению, развитию и передаче будущим поколениям значительного культурного наследия на своей территории и использованию региональной и международной помощи и сотрудничества, когда это необходимо и оправданно»⁴. Можно сказать, что к этому времени как на уровне национальных институтов всех стран-участниц АСЕАН, так и на уровне руководства ассоциации сформировалось общее представление о значимости наследия в самых разных сферах – от задач формирования идентичностей и позиционирования ценностей до реализации Целей устойчивого развития.

К настоящему времени в странах АСЕАН в общей сложности насчитывается 42 объекта Всемирного наследия, из которых один

объект (тропический дождевой лес острова Суматра) числится в категории «наследие в опасности» и один объект относится к категории «смешанное наследие» (ландшафтный комплекс Чанган во Вьетнаме). Наиболее активно деятельность по продвижению объектов в состав Всемирного наследия до сих пор осуществлялась в Индонезии, Вьетнаме, Таиланде, а также на Филиппинах, где насчитывается наибольшее количество объектов этого вида наследия.

В целом все страны АСЕАН проводят в настоящее время достаточно активную политику по продвижению своего наследия в списки ЮНЕСКО, поскольку присвоение этого статуса влияет на повышение значимости объектов, как и национальной культуры и природного своеобразия в целом, что, в свою очередь, стимулирует туристический сектор, который является важной составляющей экономики практически во всех странах АСЕАН. Наделенные соответствующим статусом объекты наследия получают из разных источников необходимое финансирование для защиты от неблагоприятных природных и антропогенных воздействий, им обеспечиваются лучшие условия сохранности. Однако интенсивная и непродуманная эксплуатация наследия, которая часто оказывает разрушающее воздействие как на сами объекты наследия, так и на окружающие их территории, во многих случаях вызывает эффект «ЮНЕСКО-цида», под которым понимают негативное влияние статуса Всемирного наследия на сохранность и функционирование объектов. Ученые и аналитики, в частности П. Порананонд из Таиланда, полагают, что в ЮВА для минимизации этого негативного влияния необходимо разрабатывать и реализовывать образовательные и просветительские проекты, прививающие уважение как к самому наследию, так и к традициям, которые с ним связаны⁵.

Два объекта наследия стран-участниц АСЕАН могут быть приведены в качестве примеров успешной охранной деятельности — это археологический парк Ангкор в Камбодже и рисовые террасы Филиппинских Кордильер. Ранее эти объекты значились в списке наследия, находящегося в опасности, а затем были включены в состав Всемирного культурного наследия — в 2004 и 2012 гг. соответственно.

В связи с упоминанием памятников Ангкорской империи будет уместным также продемонстрировать тесную связь между наследием и процессами конструирования национальной идентичности: на всех государственных флагах Камбоджи XX–XXI вв., а также других объектах государственной символики, независимо от смены политических режимов и форм правления, всегда присутствовало и до сих пор остается изображение Ангкор-Вата.

На материале стран АСЕАН можно раскрыть и другой аспект наследия — конфликтогенность. Этот аспект проявляется в ситуациях, когда принадлежность объекта наследия четко не определена или может быть оспорена. Наиболее характерным примером в этом отношении является длительный и ожесточенный конфликт между двумя странами АСЕАН — Камбоджей и Таиландом — из-за прав на храмовый комплекс Преа Вихеар⁶. Данный конфликт не раз принимал форму вооруженных столкновений между сторонами, в том числе и после признания ЮНЕСКО памятника объектом Всемирного наследия, находящимся на территории Камбоджи в 2008 г. В 2011 г., когда ситуация вокруг храмового комплекса очередной раз обострилась, Таиланд даже заявлял о выходе из Конвенции 1972 г. об охране всемирного культурного и природного наследия, которую подписал в 1987 г., однако потом это решение было отложено и в итоге не реализовано.

Ожесточенный конфликт Камбоджи и Таиланда из-за храмового комплекса Преа Вихеар⁷ стал вызовом для АСЕАН и одной из отправных точек дискуссии о действенности имеющихся механизмов и институтов ассоциации, среди целей создания которой в 1967 г. провозглашалось «*содействие региональному миру и стабильности посредством неукоснительного уважения справедливости и верховенства права в отношениях между странами региона и соблюдения принципов Устава ООН*»⁸. В 2007 г. эти же цели были закреплены в Уставе АСЕАН, а также дополнены задачами сохранения культурного наследия и природных ресурсов⁹.

Конфликт вокруг храмового комплекса Преа Вихеар — не единственный пример спора за наследие среди стран-участниц АСЕАН.

Конфликтная ситуация, которая возникла между Индонезией и Малайзией, связана с другой категорией наследия – нематериальным культурным наследием (будет рассмотрена нами далее, как и возможные применяемые странами подходы к решению подобных конфликтов).

Нематериальное культурное наследие

Нематериальное культурное наследие (иначе «живое наследие») – это обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Данная концепция была предложена в 1990-х годах в качестве аналога списков Всемирного наследия, ориентированных на объекты материальной культуры. Конвенция ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия была принята и вступила в действие в 2003 г.¹⁰ В Конвенции зафиксированы три категории объектов нематериального наследия: 1) требующие срочных защитных мер; 2) репрезентативное наследие; 3) удачные практики сохранения.

По состоянию на 2022 г. динамика участия стран АСЕАН в выявлении и сохранении нематериального культурного наследия представлена в табл. 20.2.

Как видно из приведенной информации, все страны АСЕАН, за исключением Лаоса, к настоящему времени присоединились к Конвенции об охране нематериального культурного наследия и весьма активно продвигают в его состав различные формы своей нематериальной культуры.

Так как многие традиции, обычаи, фольклорные жанры, знания и навыки народов ЮВА часто не имеют привязки к определенной территории или стране, между странами потенциально могут возникать конфликты и споры за объекты наследия. Малайзийский исследователь и общественный деятель Ф. Нур описал эту ситуацию

Объекты нематериального культурного наследия в странах АСЕАН по состоянию на 2022 г.

Страна	Год присоединения к Конвенции	Всего объектов нематериального культурного наследия
Бруней	2011	0
Вьетнам	2005	12; в том числе различные виды народного пения, религиозные ритуалы, традиционное исполнительское искусство малых народов; 1 совместный объект с Камбоджей, Филиппинами и Республикой Корея
Индонезия	2003	12; в том числе индонезийский батик, индонезийский крис и кукольный театр ваянг, 1 совместный объект с Малайзией
Камбоджа	2003	6; в том числе 1 совместный объект с Вьетнамом, Филиппинами и Республикой Корея
Лаос	Не присоединился	0
Малайзия	2003	6; в том числе 1 совместный объект с Индонезией и 1 совместный объект с КНР
Мьянма	2014	0
Сингапур	2018	1; Культура уличного питания в городской среде
Таиланд	2016	3; в том числе театр Кхон, традиционный тайский массаж <i>Nuad Thai</i>
Филиппины	2006	5; в том числе 2 эпические традиции; 1 совместный объект с Вьетнамом, Камбоджей и Республикой Корея
Всего		45

Источник: сайт нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, URL: <https://ich.unesco.org>.

следующим образом: *«То, как сегодня жители Юго-Восточной Азии спорят о таких вещах, как одежда, еда, рецепты, музыка, танцы и т.д., свидетельствует о стремлении некоторых государственных акторов “заявить” об этих вещах как об исключительно своих; “заклеймить” их как национальные продукты, несущие на себе патент соответствующей нации»*¹¹. Очевидно, что в подобных спорах проявляются давние противоречия между странами, связанные с искусственным характером границ, сложившихся в колониальном прошлом, с одной стороны, и с национальным дискурсом современных государств – с другой.

Одним из наиболее показательных примеров спора за нематериальное наследие может служить конфликтная ситуация, возникшая между Индонезией и Малайзией после того, как по предложению Индонезии в списки нематериального наследия ЮНЕСКО были внесены некоторые общие для обеих стран формы культуры, получившие таким образом мировую известность в качестве «индонезийского наследия» – кукольный театр *ванг* (2008 г.), индонезийский *крис* (2008 г.), индонезийский *батик* (2009 г.). Общий анализ контекста этого спора представлен в статье Дж.В. Чонг «Мое, ваше или наше? Индонезийско-малайский диспут об общем культурном наследии»¹², в которой автор заключает, что сложившаяся ситуация является одним из проявлений политических противоречий, существовавших между странами с прошлых времен, и, среди прочего, предлагает решать подобные ситуации на уровне АСЕАН через институты и программы Социально-культурного сообщества Ассоциации (ASCC, далее – СКСА). По мнению В.Дж. Чонг, институты СКСА в подобных конфликтах могли бы не только брать на себя функции медиатора, но и, исходя из установки на создание на региональном уровне единого сообщества, обладающего совокупным наследием АСЕАН, содействовать расширению сотрудничества между странами-участницами Ассоциации и способствовать формированию коллективной идентичности сообщества АСЕАН, как это определено в принятых Ассоциацией документах¹³.

Одним из наиболее эффективных способов решения конфликтов вокруг общего наследия может быть совместное позиционирование объектов двумя или более странами. В этом случае наследие выступает не фактором раздора и конфронтации, а фактором объединения, и постепенно такой подход к наследию, главным образом нематериальному, становится все более и более востребованным среди разных стран мира. Именно к этому варианту позиционирования общего наследия, на фоне продолжающихся споров, пришли Индонезия и Малайзия: в 2020 г. *пантун*, фольклорный поэтический жанр, был признан общим, или трансграничным, нематериальным наследием Индонезии и Малайзии. Показательно, что среди стран АСЕАН *пантун* не первый совместный объект; в 2015 г. в Репрезентативный список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО были внесены ритуальные игры по перетягиванию каната, которые позиционируются как общее, трансграничное наследие Камбоджи, Вьетнама, Филиппин и Республики Корея.

Очевидно, что подобные примеры совместного признания и продвижения в состав наследия общих форм культуры позволяют странам АСЕАН не только избегать споров и конфликтов, но и продемонстрировать культурную общность, преодолевая нежелательные для формирования единого сообщества ситуации. Помимо этого, через объекты наследия страны АСЕАН имеют возможность устанавливать и поддерживать культурные связи со своими партнерами, например, такими, как Китай и Республика Корея.

Наследие АСЕАН

Страны АСЕАН, помимо сохранения и развития своего национального наследия (через институты ЮНЕСКО, на общенациональном или провинциальном уровне, а также на уровне отдельных местностей и локальных сообществ), в последние годы под эгидой СКСА, при участии различных фондов и организаций, уделяют большое внимание развитию такой категории, как наследие АСЕАН. Наследие АСЕАН позиционируется как совокупное насле-

дие всех стран-участниц Ассоциации, которое, с одной стороны, воплощает их природно-географическую, историческую и культурную общность, а с другой – демонстрирует культурную самобытность и природное своеобразие региона ЮВА в целом. О соотношении национального и регионального наследия в упоминавшейся ранее Декларации АСЕАН 2000 г. о культурном наследии значится следующее: *«Полностью уважая суверенитет и права национальной собственности каждой из стран-участниц, АСЕАН признает, что национальное культурное наследие стран-участниц представляет собой [совокупное. – Н. Г.] наследие Юго-Восточной Азии, для защиты которого АСЕАН как единая целостность обязана сотрудничать»*¹⁴. Такой подход с ориентацией на сотрудничество применяется в АСЕАН к наследию любого уровня.

Позиционирование и развитие наследия АСЕАН как в международном, так и в региональном пространстве тесно связаны с задачами создания сообщества АСЕАН и формирования его идентичности, что отражено в таких базовых документах СКСА, как «Стратегия социокультурного сообщества АСЕАН» (2009 г.) и «Стратегия социокультурного сообщества АСЕАН 2025» (2016 г.), а также закреплено в общем документе АСЕАН «Видение Сообщества АСЕАН 2025» (2015 г.)¹⁵. О значимости общего наследия для формирования коллективной идентичности АСЕАН и укрепления связей внутри сообщества Ф. Нур отметил следующее: *«Чувство общей истории и осознание общей судьбы не может быть гарантированным средством от действия центробежных сил, которые могут взорвать АСЕАН, но они могут, по крайней мере, служить буфером против таких тенденций, как фрагментация и враждебность. Но это может произойти только в том случае, если мы признаем, что наше общее культурное наследие оказывается тем нормативным культурным мостом, который у нас есть и которым мы какое-то время пренебрегали»*¹⁶.

Как уже отмечалось выше, страны АСЕАН достаточно активны в продвижении своего наследия в списки ЮНЕСКО, и в совокупности в этом плане они являются весьма заметным игроком реги-

онального уровня, особенно в перспективе, учитывая количество объектов, заявленных в предварительные списки. Такой вывод можно сделать из анализа информации об объектах наследия, внесенных в списки ЮНЕСКО совокупно от десяти стран АСЕАН и их восточноазиатских партнеров в формате ASEAN+3 (табл. 20.3).

При этом следует учитывать, что наследие АСЕАН как концепт и как особая категория наследия формируется в ситуации, когда в области наследизации, сохранения и развития наследия, как и в других сферах общественного развития, в Большой Восточной Азии доминирует Китай. Во многом именно доминирование Китая побуждает страны ЮВА и сообщество АСЕАН к активным и согласованным действиям по управлению наследием с целью уравновешивания культурного влияния сильного партнера и конкурента.

Рассматривая взаимоотношения стран ЮВА с Китаем в ракурсе наследия, необходимо отметить, что, помимо продвижения своих

Таблица 20.3

Объекты Всемирного наследия и нематериального культурного наследия, включая трансграничные, в странах АСЕАН в сравнении с КНР, Японией и Республикой Корея (по состоянию на 2022 г.)

	Все страны АСЕАН	КНР	Япония	Республика Корея
Объекты в списках Всемирного наследия ЮНЕСКО	42	55	25	15
Объекты в предварительных списках Всемирного наследия ЮНЕСКО	84	62	5	13
Объекты в списках нематериального культурного наследия ЮНЕСКО	45	42	22	21

Источник: Сайт Всемирного наследия ЮНЕСКО. URL: <https://whc.unesco.org>; Сайт нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. URL: <https://ich.unesco.org>.

объектов в списки ЮНЕСКО, Китай активно проводит политику наследизации различных природных и культурных объектов на национальном и провинциальном уровнях, иногда наделяя статусом наследия элементы культуры, более широко представленные в соседних странах и даже являющиеся их национальными символами, что естественным образом вызывает непонимание со стороны стран-соседей. Примером разногласий вокруг «прав на наследие» можно считать реакцию Вьетнама на присвоение в 2011 г. статуса национального нематериального культурного наследия Китая однострунному музыкальному инструменту *данбау* (кит. *дусяньцинь*), распространенному среди цзин, т.е. этнических вьетов (кинью), проживающих на приграничных с Вьетнамом территориях¹⁷. Во Вьетнаме подобные действия были интерпретированы как «присвоение чужого наследия», что, с точки зрения вьетнамских интеллектуалов, является достаточно характерным элементом китайской политики наследизации, так как ранее подобное происходило с корейскими песнями *ариран* и монгольскими традициями горлового пения *хоомей*¹⁸.

Практика развития Китаем масштабных трансграничных проектов в области наследия, среди которых проекты, связанные с историей и культурой «Шелкового пути»¹⁹, является дополнительным стимулом для стран ЮВА в плане совместного позиционирования общего наследия АСЕАН. Рассмотрим некоторые проекты, которые уже осуществляются странами-участницами Ассоциации в этом направлении.

Одним из проектов по продвижению общего наследия АСЕАН стала инициатива по цифровизации памятников наследия из музейных коллекций, библиотек и галерей ЮВА для последующего размещения информации, включая трехмерные модели, изображения, а также аудиозаписи и видеоролики, представляющие объекты наследия, на портале «Цифровой архив культурного наследия АСЕАН» (проект *ACHDA*). Реализация проекта, который получил поддержку от правительства Японии через Интеграционный фонд Япония–АСЕАН (*JAIF*), запланирована в несколько этапов²⁰. На пер-

вом этапе, который начался в 2018 г., была проведена оцифровка 160 памятников наследия Индонезии, Малайзии и Таиланда. На следующем этапе предполагается подготовить и разместить информацию о наследии Камбоджи, Лаоса, Мьянмы и Вьетнама, а в дальнейшем – еще трех оставшихся стран АСЕАН. Характерно, что официальный запуск проекта состоялся в 2020 г., когда в странах ЮВА проводился год идентичности АСЕАН. Запуская проект, заместитель Генерального секретаря Социально-культурного сообщества АСЕАН господин Кунг Фоак отметил, что «проект *ACHDA* является важным шагом в стремлении АСЕАН к повышению понимания и признания общественностью богатого и разнообразного культурного наследия региона»²¹.

Другой проект, также реализуемый АСЕАН при участии регионального партнера – Республики Корея, связан с развитием устойчивого культурного туризма, ориентированного на объекты наследия ЮВА. Это проект, который координируется центром Республика Корея–АСЕАН, направлен на повышение осведомленности стран-участниц о наследии АСЕАН, а также его грамотном сохранении в условиях действия таких разрушающих факторов, как стихийные бедствия, изменения климата, стихийный туризм и стремительная урбанизация²².

Еще один проект, реализуемый АСЕАН в сфере управления общим наследием, представляет собой сетевой форум организаций гражданского общества, связанных с сохранением культурного наследия, который носит название «Альянс культурного наследия Юго-Восточной Азии» (*SEACHA*). Заявленная цель этого движения состоит в развитии партнерства между секретариатом АСЕАН, правительствами и сообществами стран-участниц, проведении обсуждений и актуальных дискуссий в целях эффективного управления наследием и укрепления социально-культурного сообщества АСЕАН в целом²³.

Другой пример совместных усилий стран АСЕАН в области наследия связан с сохранением объектов природного наследия – это проект «Парки природного наследия АСЕАН», который объединяет

38 природных парков всех 10 стран АСЕАН и реализуется под эгидой Центра АСЕАН по биоразнообразию²⁴.

Помимо упомянутых проектов и инициатив, наследие АСЕАН активно продвигается в региональных СМИ и социальных медиа. В частности, в социальной сети *Facebook* в последние годы появились несколько групп, которые имеют тысячи подписчиков и ориентированы на распространение англоязычной информации о наследии АСЕАН. Очевидно, что все упомянутые усилия, проекты и мероприятия призваны не только укрепить общность стран и содействовать формированию коллективной идентичности сообщества АСЕАН, но и, в значительной степени, увеличить привлекательность и узнаваемость наследия АСЕАН в мире, в том числе на фоне проектов, предлагаемых и реализуемых другими влиятельными акторами, среди которых особо выделяется Китай.

Заключение

Подводя итог, можно заключить, что страны ЮВА, как на национальном, так и на региональном уровне весьма активно проводят политику по выявлению, сохранению и разноплановому использованию своего культурного и природного наследия; стремятся к мирному разрешению конфликтов вокруг наследия и к продвижению совместных, трансграничных, проектов в этой области, в том числе на фоне конкуренции с другими заметными региональными акторами. Возможно, наследие — это та сфера, в которой заявленные Ассоциацией задачи по преодолению разрывов, реальному формированию сообщества АСЕАН и позиционированию его на международной арене могут решаться наиболее успешно и бесконфликтно по сравнению с другими сферами и направлениями деятельности.

Для каждой из стран ЮВА и всего сообщества АСЕАН в целом наследие — это значимый элемент коллективной идентичности и эффективный инструмент в процессе повышения сплоченности сообществ. Помимо этого, поддержание наследия и грамотное управление им играют важную роль в повышении туристической

привлекательности и экономическом развитии как отдельных стран, так и всего региона, способствуют поддержанию биоразнообразия и экологического благополучия.

Примечания

- ¹ Одним из важных постулатов наследиеведения, междисциплинарной отрасли современного социогуманитарного знания, является представление о том, что наследие — это не только и не столько определенная вещь или конкретное место, сколько ценности и смыслы, конструируемые вокруг них [см.: *Smith Laurajane*. *Uses of Heritage*, Routledge, 2006. P. 11].
- ² Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия, 1972. URL: <https://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).
- ³ Город Паган/Баган, «город пяти тысяч пагод», был столицей Паганского царства (XI–XIII вв.), а также крупным буддийским центром.
- ⁴ ASEAN Declaration on cultural heritage, 2000. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Declaration-on-Cultural-Heritage.pdf> (accessed: 01.09.2022).
- ⁵ *Hasnan Liyan*. ASEAN wants more World Heritage Sites // *The ASEAN Post*. 2019. June 28. URL: <https://theaseanpost.com/article/asean-wants-more-world-heritage-sites> (accessed: 01.09.2022).
- ⁶ Храмовый комплекс Преах Вихеар (*Preah Vihear* в кхмерском варианте наименования, *Phra Viharn* в тайском), построенный в эпоху Ангорской империи (IX–XIII вв.) и посвященный богу Шиве, располагается на камбоджийско-тайской границе. Принадлежность памятника, как и окружающей его территории в 4,6 кв. км, является предметом многолетних и ожесточенных споров между Камбоджей и Таиландом. В 2008 г. комплекс был включен ЮНЕСКО в Список Всемирного наследия в качестве объекта, находящегося на территории Камбоджи.
- ⁷ Подробнее о реакции АСЕАН на конфликт вокруг храмового комплекса Преах Вихеар см.: *Wagener Martin*. *Lessons from Preah Vihear: Thailand, Cambodia, and the Nature of Low-Intensity Border Conflicts* // *Journal of Current Southeast Asian Affairs*. 2011. No. 30 (3). P. 27–59; *Phan Hao Duy*. *Institutional Design and Its Constraints: Explaining ASEAN's Role in the Temple of Preah Vihear Dispute* // *Asian Journal of International Law*-2014. 2015. January. Vol. 5. Issue 1. P. 7–15.
- ⁸ ASEAN Declaration (Bangkok declaration). 1967. P. 2. URL: <https://agreement.asean.org/media/download/20140117154159.pdf> (accessed: 01.09.2022).

- ⁹ THE ASEAN Charter. 2007. P. 4. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/publications/ASEAN-Charter.pdf> (accessed: 01.09.2022).
- ¹⁰ Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage, 2003. URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/01852-EN.pdf> (accessed: 01.09.2022).
- ¹¹ Noor Farish A. ASEAN's Common Cultural Heritage: A Normative-Cultural Bridge We Should Not Neglect // Preserving and Promoting ASEAN Cultural Heritage, ASEAN Focus. 2019. April. P. 10–11.
- ¹² Chong Jinn Winn. Mine, Yours or Ours?: The Indonesia-Malaysia Disputes over Shared Cultural Heritage // Sojourn: Journal of Social Issues in Southeast Asia. 2012. April. Vol. 27. No. 1. P. 1–53.
- ¹³ Ibid. P. 40.
- ¹⁴ ASEAN Declaration on cultural heritage, 2000. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ASEAN-Declaration-on-Cultural-Heritage.pdf> (accessed: 01.09.2022).
- ¹⁵ ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint, 2009. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/images/archive/5187-19.pdf>; ASEAN Socio-Cultural Community Blueprint 2025, 2016. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/2012/05/8.-March-2016-ASCC-Blueprint-2025.pdf>; ASEAN Community Vision 2025, 2015. URL: <https://www.asean.org/wp-content/uploads/images/2015/November/аес-page/ASEAN-Community-Vision-2025.pdf> (accessed: 01.09.2022). В последнем документе сообщество АСЕАН определяется как «динамичное и гармоничное сообщество, которое осознает и гордится своей самобытностью, культурой и наследием, обладает готовностью к инновациям и активному вкладу в мировое сообщество» (п. 12.5).
- ¹⁶ Noor (2019). P. 11.
- ¹⁷ Старикова Е.О. Музыкальный инструмент данбау как символ этнической культуры во Вьетнаме и за его пределами // Вьетнамские исследования. Серия 2. 2020. № 4. С. 65.
- ¹⁸ Music researcher refutes Chinese claim to Vietnam's Dan bau // VietnamPlus. 2016. November 3. URL: <https://en.vietnamplus.vn/music-researcher-refutes-chinese-claim-to-vietnams-dan-bau/101738.vnp> (accessed: 28.09.2022).
- ¹⁹ Наиболее значимые трансграничные проекты КНР в области наследия – это совместный объект Всемирного наследия Китая, Казахстана и Киргизстана «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора», а также онлайн-платформа «Шелковый путь», которая создается на портале ЮНЕСКО при поддержке Азербайджана, Германии, Казахстана, КНР и Султаната Оман (The Silk Roads online platform. URL: <https://en.unesco.org/silkroad> (accessed: 02.09.2022)).
- ²⁰ Launch of ASEAN Cultural Heritage Digital Archive (ACHDA) website. URL: <https://jaif.asean.org/whats-new/launch-of-asean-cultural-heritage-digital-archive-achda-website> (accessed: 02.09.2022).
- ²¹ ASEAN launches digital archive of region's cultural heritage, February 27, 2020. URL: <https://asean.org/asean-launches-digital-archive-of-regions-cultural-heritage> (accessed: 02.09.2022).
- ²² Sustainable Cultural Heritage Tourism: Fostering ASEAN-Korea Partnership. ASEAN–Korea Centre. Seoul, 2018. URL: https://www.aseankorea.org/uploads/2018/03/Sustainable_Cultural_Heritage_Tourism.pdf (accessed: 02.09.2022).
- ²³ Southeast Asian Cultural Heritage Alliance. URL: <https://seacha.org> (accessed: 02.09.2022).
- ²⁴ ASEAN Heritage Parks. URL: <https://www.aseanbiodiversity.org/the-ahp-programme/asean-heritage-parks/> (accessed: 02.09.2022).

Заключение

АСЕАН и превратности азиатско-тихоокеанского регионализма

АННОТАЦИЯ: В последние три десятилетия АСЕАН как объединение государств Юго-Восточной Азии развивалась в рамках значительно более крупного Азиатско-Тихоокеанского проекта регионального строительства. Впечатляющая результативность этого проекта во многом определялась его инклюзивным характером, наличием такого мотора экономического роста, как связка США с Китаем, и центральной ролью АСЕАН в АТР как координатора многосторонних диалогов по безопасности и сотрудничеству. Чем объяснить, что Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), формировавшийся вроде бы столь успешно, с середины 2010-х годов подвергается нарастающей фрагментации? Обратим ли этот процесс в контексте нынешнего кризиса глобализации и ускоряющегося перехода от однополярного момента к многополярному миру? Что означают эти сдвиги для российско-асеановского стратегического партнерства? Согласно выводам автора, фрагментация АТР — во многом результат того, что главным бенефициаром проекта оказываются не США, а Китай. В настоящее время фрагментация АТР представляется необратимым процессом, что резко снижает способность АСЕАН исполнять привычную для нее центральную роль на прилегающих к ЮВА геополитических и геоэкономических пространствах. Экстремальная ситуация, в которой мир оказывается в начале третьего десятилетия XXI в., обязывает Россию и АСЕАН искать новые приоритеты в их стратегическом партнерстве, как и нестандартные практические подходы к их реализации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: АТР, АСЕАН, США, Китай, Россия, инклюзивность, региональная фрагментация, центральная роль АСЕАН, однополярный момент, многополярный мир.

ABSTRACT: During the last three decades of its history ASEAN, being an association of Southeast Asian nations, was maturing in the framework of a much bigger Asia-Pacific regional project. The impressive performance of the latter was largely determined by its inclusive character, the availability of the US-China joint engine of economic growth and the ASEAN Centrality in terms of coordinating multilateral dialogues on regional security matters and cooperation. How to explain the fact that the Asia-Pacific region (APR) that seemed to be evolving so successfully has started to undergo increasing fragmentation since the mid-2010s? Is this process reversible in the context of the current globalization crisis and the accelerating transition from the unipolar moment to the multipolar world? What do these shifts mean for the future of the Russia-ASEAN relations as strategic partners? According to the author's conclusions, the APR's fragmentation has been largely determined by the fact that not the US but China has emerged as the Asia-Pacific project's major beneficiary. At present the APR's fragmentation looks irreversible, resulting in a sharp reduction of ASEAN's capacity to maintain its habitual Centrality in the geopolitical and geoeconomic spaces adjacent to Southeast Asia. The extremal conditions of the world in the early 2020s oblige Russia and ASEAN as strategic partners to look for new cooperation priorities as well as for unorthodox practical ways of their implementation.

KEYWORDS: APR, ASEAN, the US, China, Russia, inclusivity, regional fragmentation, ASEAN Centrality, unipolar moment, multipolar world.

Введение

« НАШИ времена подвергают АСЕАН жесткой проверке на прочность и состоятельность, поставив перед ней целый ряд проблем глобального и регионального масштаба», — пишет в предисловии к российскому изданию своей книги *Does ASEAN Matter? A View from Within* Марти Наталегавы, занимавший пост министра иностранных дел Индонезии в 2009–2014 гг. Развивая этот тезис, один из виднейших азиатских дипломатов своего поколения поясняет:

«Последствия коронавирусной инфекции, лишившей источников существования и погубившей множество людей, ставят под напряжение не только систему здравоохранения, но и межгосударственные отношения. Падают темпы роста экономики, терпят неудачу попытки бороться с бедностью. Четче обозначаются линии геополитических противостояний, слабеет приверженность государств к многостороннему подходу во внешних делах, о котором так много говорилось. Застарелые трения и соперничество, характерные для Юго-Восточной Азии и сопредельных регионов, отнюдь не ослабевают. Налицо обострение конкуренции между так называемыми крупными державами, причем не только в сферах политики и безопасности, но также в торговле и финансах, в области технологий и многих других. Попытки поставить под контроль средствами дипломатии потенциальные конфликты в Южно-Китайском море не дают ощутимых результатов. События в этой акватории разворачиваются быстрее, чем работа над Кодексом поведения стран-участниц АСЕАН и Китая, на который возлагалось так много надежд. Недавние же перемены в Мьянме заставляют и вовсе задуматься о том, в состоянии ли АСЕАН реально влиять на положение дел в ЮВА, т.е. действовать так, как и подобает претенденту на центральную роль в широком Восточно-Азиатском регионе»¹.

Перечитывая текст Марти Наталегавы, помеченный июлем 2021 г., невозможно не признать, что с тех пор ситуация лишь осложняется и обостряется и конца этому пока не видно. Сегодня вызовы, на которые Ассоциация годами ищет, но не находит удовлетворительных ответов, не только не сплывают ее членов, но усиливают элементы отчужденности в их отношениях друг с другом и с влиятельными внешними партнерами.

Заверяя АСЕАН в поддержке ее центральной роли в региональных процессах, западные державы без особой оглядки на Ассоциацию создают группировки типа *QUAD* и *AUKUS*, вырабатывающие свое собственное видение будущего Азии и соответствующие планы действий. Что это, если не открытый вызов асеаноцентричным многосторонним платформам?

Из упомянутых и коррелирующих с ними тенденций складывается явление, которое один из соавторов нашего труда, Александр Королев, определил как *региональную фрагментацию* — имея в виду, что таковая разворачивается на пространствах Азиатско-Тихоокеанского региона. Того самого, о котором еще вчера комплиментарно отзывались как о *новом центре тяжести мировой экономики и политики*.

События, разворачивающиеся в Азии, вполне допускают обобщенные оценки типа высказанной А.С. Королевым. Но эти же оценки побуждают, в свою очередь, к постановке не самых простых уточняющих вопросов.

К примеру, *чем объяснить, что фрагментации подвергся проект регионального строительства, принесший массу позитивных результатов, способствовавший подъему и диверсификации национальных экономик, бурному росту трансграничной торгово-инвестиционной активности и становлению в Азии инновационного технологического уклада?*

Далее, является ли фрагментация АТР обратимым процессом, оставляющим шансы на реконструкцию региона в более-менее прежнем, пусть и скорректированном виде, или дороги в эту сторону уже нет?

Наконец, на завершающем этапе нашей совместной работы имеет смысл еще раз подумать о том, *чем оборачивается вся эта коллизия для АСЕАН и России как стратегических партнеров, более 30 лет скреплявших свое взаимопонимание именно в ходе многосторонних диалогов на темы сотрудничества и безопасности в АТР?*

Поиск обоснованных и внятных ответов на эти вопросы — основная исследовательская задача, поставленная в данной главе.

По мысли автора, для ее решения требуется выявить те *базовые составляющие проекта АТР*, которые, с одной стороны, обусловили его феноменальный успех, а с другой — заключали в себе имплицитные и, в конечном счете, раскрывшиеся предпосылки его фрагментации. Полагаясь на эти критерии, указал бы на такие характерные (и, как увидим далее, взаимосвязанные) особенности проекта АТР, как:

- *весьма высокая степень его инклюзивности*, проявившаяся, например, в готовности США, их союзников и единомышленников вовлечь в свое «совместное предприятие» сначала КНР, а позже и Вьетнам (т.е. страны, где носители власти допустили бурное развитие рыночных отношений, не отрекшись от идей коммунизма и не упустив из рук бразды правления), а также постсоветскую Россию;

- *наличие у проекта АТР сильнейшего «разгонного блока» в виде связки США и Китая* — игроков, весьма существенно повысивших на стыке XX и XXI вв. свою экономическую взаимозависимость;

- *закрепление за АСЕАН как объединением средних и малых держав центральной роли в многосторонних азиатско-тихоокеанских диалогах по безопасности и сотрудничеству* (включая право Ассоциации определять состав участников этих диалогов, их повестку дня и процедурные рамки).

Ниже будет сделана попытка показать, какого рода импульсы были заданы в разное время проекту АТР по линии каждой из трех его базовых составляющих.

Об инклюзивном характере проекта АТР

Ни теоретики, ни практики азиатско-тихоокеанского регионализма отчего-то не склонны фиксировать тот факт, что в целом ряде отношений «экосистема» АТР, как она очерчена выше, — продукт *однополярного момента* в новейшей мировой истории.

Так или иначе, вполне очевидно, что, при множестве отличий между странами, стоявшими у истоков проекта АТР, их изначально спланировал опыт соучастия в холодной войне — особенно на завершающем ее этапе, по итогам которого Америка вознеслась над остальным миром как «единственная сверхдержава».

Вся эта группа не без гордости ощущала себя в начале 1990-х годов коллективным бенефициаром верного геополитического выбора. Теперь им виделась хорошая возможность извлечь из создавшейся ситуации «мирный дивиденд». И сделать это опять-таки

совместно — согласившись, в духе присущего им всем прагматизма, что многостороннее сотрудничество на Тихом океане с участием Америки и ее региональных приближенных будет столь же естественным, сколь и взаимовыгодным велением времени.

От наступающей эпохи ждали, что перенос акцента в международных делах с геополитики на геоэкономику придаст позитивный импульс развитию всего региона и обеспечит его странам ту меру взаимозависимости, которая надежно защитит АТР от рецидивов политической нестабильности времен холодной войны.

Вытекает ли отсюда, что в АТР со дня запуска данного проекта (да, собственно, и позже) царило согласие относительно его основных задач и целей? Вовсе нет. Более того, ожидания и намерения сторон расходились по ряду важных пунктов до такой степени, что за последующие 30 лет так толком и не совпали.

Недовольные хроническими дефицитами в торговле с поднимающейся Азией, американцы не скрывали, что в рамках флагманской региональной инициативы — форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) — намерены избавиться от этих дисбалансов и перезагрузить свою глобальную гегемонию. Ставка делалась на поэтапное «вскрытие» азиатских рынков путем системной либерализации режимов внешней торговли и валютно-финансового регулирования (вплоть до фактической отмены последнего); на агрессивное продвижение в образовавшиеся «бреши» своих транснациональных корпораций; на методичное оттеснение национально-государственных структур от рычагов, позволявших управлять течением хозяйственной жизни.

По контрасту с этим у властвующих элит и их экспертного окружения в странах Восточной Азии — не исключая даже такие особые случаи, как Япония и Сингапур, — просматривалось общее понимание того, что национальное государство далеко не исчерпало свой потенциал как агент модернизации, и в этом качестве его (государство) надлежит совершенствовать, а не демонтировать. Крепла уверенность в том, что появление на свет в последней трети XX в. целого выводка восточноазиатских «драконов» — лишь пре-

людия к раскрытию их недюжинного потенциала и наступлению «Века Азии»; что к этим благим переменам имеют прямое отношение еще не до конца разгаданные цивилизационные коды народов региона; что от добра добра не ищут и полагаться на чужие рецепты успеха в ответственный момент «набора высоты» — непростительное легкомыслие.

Эти взгляды нашли свое концентрированное выражение в известной концепции «азиатских ценностей», освященной в самом начале 1990-х годов авторитетом Ли Куан Ю и Махатхира Мохаммада — лидеров, к мнению которых прислушивались во всем мире и равных которым ЮВА с тех пор не выдвигала. Причем Махатхир не побоялся пойти еще дальше, без обиняков заявив: формула региональной кооперации, предполагающая объединение в рамках АТЭС англосаксов и восточноазиатов, заведомо проигрышна для вторых, ибо вынудит их играть по правилам первых. Опираясь на эти послышки, малайзийский лидер убеждал асеановцев, что их подлинное место — не в АТЭС, а на Восточно-Азиатском экономическом совещании (ВАЭС), где к ним присоединятся Китай, Япония и Южная Корея².

Осудив идею Махатхира как «расистскую», «однополярники» (в лице американцев и их англосаксонских «кузенов») постарались дезавуировать ее раз и навсегда и как будто преуспели в этом. На первых двух саммитах АТЭС в Сिएтле (1993) и Богоре (1994) они сумели утвердить временные рамки перехода участников форума к свободной торговле. Однако уже на саммите в Осаке (1995) асеановцы и другие азиаты, настояв на том, что члены АТЭС будут вправе менять свои торговые режимы в том темпе и в такие сроки, какие предпочтительны им самим, отчасти притормозили в АТР торгово-экономическую либерализацию по сценарию Вашингтона³.

Какие только меры воздействия на азиатских партнеров ни применялись до и после Осаки ради форсированной и комплексной реализации этого сценария и кто только этим ни занимался — от Офиса торгового представителя США, МВФ и Всемирного банка до

того же АТЭС, ВТО и проч., в разные времена и на разных площадках удавалось что-то продать, кого-то нагнуть, но эпохального сдвига, который был нужен Соединенным Штатам, не получилось. И лишь однажды, когда к процессу подключились «крестные отцы» мирового спекулятивного капитала и американского «глубинного государства», эти усилия достигли кульминации в виде азиатского финансово-экономического кризиса 1997–1998 гг.⁴

Но эта победа вышла им боком. За кризисом на Востоке и бегством портфельных инвестиций на Запад закономерно последовали вспышки турбулентности уже на этих финансовых рынках — прежде всего в США. Повторяясь там с удручающей регулярностью, они вылились в 2008–2009 гг. в острейший кризис современного капитализма.

Тем временем «азиатские больные» залечивали свои тяжкие раны быстрее, чем можно было ожидать, и перезапускали воспроизводственные процессы. По счастью, им было к кому прислониться и на кого равняться. Китай, избежавший худшего в 1997–1998 гг., шел полным ходом к новому этапу хозяйственного подъема и наращивал товарообороты с соседями.

Оглядываясь на первые два десятилетия XXI в., отметим, что Восточная Азия, и члены АСЕАН в том числе, в целом сохраняла настрой на поддержание баланса между запросами рыночных сил, как внутренних, так и внешних, и национально-государственными приоритетами. В любом случае вплоть до начала пандемии COVID-19 там удавалось поддерживать пристойные макроэкономические показатели и инвестиционную привлекательность, особенно по меркам все менее благоприятной глобальной конъюнктуры.

Субъективно не только элитарные, но и более широкие общественные слои этих стран имели свои причины, чтобы относиться к однополярному статус-кво как к подарку судьбы и желать ему долгих лет жизни. Однако объективно и независимо от этих пожеланий социально-экономические трансформации Восточной Азии работали совсем на другой результат.

О связке США–Китай

Американо-китайская связка – в чем-то вполне типичный, а в чем-то ни на что не похожий пример инклюзивности азиатско-тихоокеанского проекта. Достаточно сказать, что весь этот проект приобрел ореол потрясающей успешности, который так долго его окружал, в огромной степени благодаря этой связке.

Как известно, США и КНР сблизилась на почве совместного противостояния Советскому Союзу еще в 1970-е годы, 20 лет спустя однопольный момент пришелся как нельзя более кстати им обоим для выстраивания качественно иных отношений.

Обитатели американских «коридоров власти» как раз обновили свою веру в то, что никакой альтернативы капитализму нет и не будет; что там, где утвердились рыночные свободы, обязательно восторжествует либеральная демократия; что военная мощь и «мягкая сила» Соединенных Штатов не имеют и не будут иметь себе равных.

В подобной «системе координат», с одной стороны, Америка, казалось, была вольна сотрудничать с Китаем на своих условиях, в каких угодно областях и ничем не рискуя. А с другой стороны, как тут было не сотрудничать, если китайские реформы, накатывавшие волна за волной, открывали перед американцами все более разнообразное и прибыльное поле деятельности?

Особенно увлекали их, в полном согласии с неолиберальной парадигмой конца XX – начала XXI в., выгоды *аутсорсинга* – переноса в Китай всевозможных промышленных производств, нацеленных на экспортные поставки Америке и всем остальным, кого это могло бы интересовать (а интересовало, как быстро выяснилось, практически всех).

Начинали с товаров массового спроса, недорогих и качественных, но вскоре очередь дошла и до технологически сложной продукции самого широкого диапазона. Приходило ли кому-то в голову тогда, что эти схемы и операции на десятилетия вперед обеспечат Соединенным Штатам ежегодные дефициты в торговле с Китаем в диапазоне от 200 до чуть ли не 400 млрд долл., при об-

вальном сокращении числа высокооплачиваемых рабочих мест и потере целых отраслей производства?⁵

Как бы тонко ни настраивали Дэн Сяопин и его наследники отношения с Вашингтоном, стараясь делать все возможное, дабы потоки инвестиций из-за океана не иссякали, а поступления от экспорта и размеры ВВП постоянно росли, – за гранью компромиссов с Америкой всегда оставались вопросы полновластия Компартии и ее контроля над динамично меняющимся обществом, защиты суверенитета КНР в валютно-финансовой сфере и укрепления боеспособности Народно-освободительной армии Китая (НОАК).

Сумма этих приоритетов ясно указывала на то, что в роли послушного регионального вассала при глобальном сюзерене (наподобие Японии при Соединенных Штатах) Китай себя не видит. Соответствующие экспертные оценки внятно прозвучали еще на исходе прошлого века. Так, выходец из ИМЭМО Олег Арин, перебравшийся после распада СССР в Северную Америку, предупреждал, что *попытки построить АТР на стратегическом разломе между США и Китаем обречены на неудачу*⁶.

По тем временам, однако, это был глас вопиющего в пустыне. Ведь пойдя на развитие торгово-экономических связей с Китаем, становившихся чем дальше, тем более оживленными, разносторонними и глубокими, американцы, хотели они того или нет, давали карт-бланш на развитие аналогичных связей между Китаем и другими «действующими лицами» проекта АТР – от Австралии, Канады и Новой Зеландии до Японии, Южной Кореи и стран-участниц АСЕАН.

О том, с чего это начиналось и к чему, согласно последним доступным данным, привело, свидетельствует, например, четвертьвековая статистика товарообменов между КНР и членами АСЕАН: в денежном выражении их совокупный товарооборот увеличился с примерно 15 млрд долл. в середине 1990-х годов до почти 700 млрд долл. в 2020 г. (т.е. приблизительно в 46 раз)⁷.

Столь масштабному сдвигу всемерно содействовали, извлекая из этого колоссальную выгоду, бизнес-лидеры богатейших китайских диаспор в странах ЮВА. Но эти торговцы и банкиры, промыш-

ленники и менеджеры многоотраслевых конгломератов проявляли гиперактивность не только в части укрепления связей КНР с АСЕАН. Их энергии с лихвой хватало и на то, чтобы, не сдавая прочных позиций на рынках стран, гражданами которых они являлись, главенствовать в торгово-инвестиционных операциях, проводившихся как внутри асеановской «семьи», так и по линиям соприкосновений отдельных ее членов с другими региональными силами – в первую очередь с Соединенными Штатами. В некотором смысле бизнес-империи заморских китайцев, рожденные и окрепшие в ЮВА, но далее устремившиеся на сопредельные пространства, исподволь наполняли материальным содержанием концепцию центральной роли АСЕАН в АТР⁸.

На переломе тысячелетий дело как будто шло к тому, что мечта об инклюзивном чудо-регионе, построенном на отношениях всеобщей взаимозависимости, вот-вот осуществится. Однако тогда же или чуть позже у проекта АТР стали проступать – и чем дальше, тем отчетливей – черты, никак не вязавшиеся с духом однополярного момента, под сенью которого проект зарождался. Проблема, если коротко, состояла в том, что главным выгодоприобретателем в истории с АТР представляла не Америка, а Китайская Народная Республика.

Все еще отставая от США по множеству критериев и показателей развитости, Китай тем не менее встал вровень с ними как одна из двух величин, без любой из которых остальной АТР категорически не мог обойтись. Если так, то у КНР имелись достаточные основания, чтобы рассматривать себя, применительно к АТР, в качестве *одной из двух региональных держав*. Но это, по понятиям Вашингтона, граничило уже с геополитической ересью. Ибо претензия какой-либо страны на ведущую роль в любом из регионов мира приравнивалась, согласно канонам американского стратегического мышления, к покушению на статус США как глобального гегемона и требовала жестких ответных мер.

Прекрасно осведомленные на этот счет китайские руководители вели себя, как всегда, нетривиально. Не бравировав успехами в АТР (остававшемся, бесспорно, главной зоной экономической экс-

пансии и дипломатических маневров Пекина), они не упускали случая подчеркнуть, что КНР по-прежнему отождествляет себя не с развитыми, а с развивающимися странами. Как бы иллюстрируя этот тезис, Китай активно искал себе новые «точки опоры» на Ближнем Востоке и в Африке, в Латинской Америке и Центральной Азии.

С Россией, шаг за шагом разворачивавшейся лицом к Востоку, Китай был связан теперь не только весомыми энергетическими и военно-техническими контрактами, но также этапным Договором о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве (2001); общим членством в АТЭС (после присоединения РФ к этому форуму в 1998 г.); и, в довершение всего, – опытом конструирования и учреждения таких трансрегиональных, обращенных в будущее и независимых от Запада структур, как ШОС и БРИКС.

Уже администрация Билла Клинтона, думая как-то урезонить китайцев, взяла за правило периодически «поддавать огня» в таких конфликтных очагах у границ КНР, как Корейский полуостров и Тайваньский пролив. Эту линию поддержала и администрация Джорджа Буша-младшего. Она то призывала Китай стать «ответственным акционером» в рамках миропорядка, который, видимо, полагала однополярным; то возмущалась нарушениями прав человека в Тибете и Синьцзяне; то осуждала позицию Пекина в спорах о том, кому принадлежат острова в Южно-Китайском море (ЮКМ), и т.д. и т.п. Тогдашний Вашингтон был, однако, так заиклен на проблемах Ближнего Востока и борьбы с терроризмом и все еще до такой степени убежден, что ввиду экономической взаимозависимости Пекину от него деваться некуда, что эти внушения как бы повисали в воздухе, и китайцы невозмутимо делали то, что считали нужным.

Правда, напоследок неоконсерваторы-республиканцы вознамерились показать, что имеют в запасе и другие формы давления на Китай. Знаком этой перемены должен был стать альянс США, Австралии, Индии и Японии (*QUAD*) – ответ на рост военно-морского присутствия КНР в акваториях Индийского и Тихого океанов. Но что-то, как говорится, не срослось, и *QUAD* в своей первой инкарнации едва дотянул до президентских выборов 2008 г.

Их победитель, кандидат от Демократической партии Барак Обама и его советники уже имели наготове «ход конем», задуманный, чтобы одним прыжком реформатировать — ни много, ни мало — и азиатско-тихоокеанские, и глобальные диспозиции Соединенных Штатов. Подобного эффекта ждали от создания G2 — эксклюзивной «Группы двух», составленной из Америки и Китая. Исходили (во всяком случае, публично) из того, что самые влиятельные и дееспособные державы XXI в. уже дозрели до выработки совместных позиций по насущным проблемам современности.

К досаде мудрецов, придумавших этот план, Китай отверг его хладнокровно и недвусмысленно. Похоже, он посчитал, что в «дружеских объятиях» США утратит свободу действий, необходимую ему и во внутренних, и в международных делах. Характерно, что идея G2 не увлекла и американский истеблишмент. В большинстве своем он расценивал разногласия, сохранявшиеся между двумя державами, как несовместимые с долгосрочным, подлинно стратегическим партнерством⁹.

Без замысла о G2 как своего стержневого элемента не принесла какой-либо серьезной отдачи и попытка «перебалансировки» (*re-balancing*) американского присутствия в АТР. И все это — на этапе, когда и на уровне региона, и на уровне глобальном разворачивался экономический кризис 2008–2009 гг. Тот факт, что в подобной ситуации Вашингтон и Пекин не сумели согласовать свои фундаментальные запросы, не предвещал им достойного общего будущего. Именно это и подтвердилось в начале 2010-х годов, когда и США, и КНР приоткрыли миру свои обновленные, хотя и не во всех деталях уточненные «дорожные карты».

Американцы прорабатывали с группой «стран-единомышленников» (включая Бруней, Вьетнам, Малайзию и Сингапур) соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП). Намечался новый подступ к сверхзадачам, которые США не осилили в рамках АТЭС. Ключевые пункты ТТП наделяли транснациональные корпорации множеством привилегий на рынках стран-участниц, беспрецедентно умаляли роль национальных государств в сфере экономики и за-

ведомо исключали присоединение Китая к соответствующим договоренностям.

Зато на призыв АСЕАН включиться в переговоры о реализации альтернативного, более мягкого проекта либерализации торговли в АТР, известного как Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), китайцы откликнулись охотно. Поскольку к участию во ВРЭП приглашались лишь диалоговые партнеры АСЕАН, заключившие с ней соглашения о свободной торговле, Соединенные Штаты оставались в данном случае не у дел, ибо не имели (как, кстати, и Россия) такого соглашения.

Комментируя эту коллизию на последних страницах своего мемуарального труда «О Китае» (2011), Генри Киссинджер предупредил: «...если Китай и Соединенные Штаты начнут рассматривать усилия друг друга по заключению торговых пактов как часть стратегии по изоляции другой стороны, Азиатско-Тихоокеанский регион может скатиться к разделению на враждебные силовые блоки»¹⁰.

Между тем Китай уже вплотную приближался к анонсированию программы «Одного пояса, одного пути» (ОПОП), невиданной по своим бюджетным параметрам и пространственному размаху. Нацеленная главным образом на инфраструктурное обустройство Евразийского материка и совершенствование коммуникаций на морях, омывающих его, она была адресована и потенциальным партнерам в других частях света. Когда ее огласили в 2013 г., от желающих подписаться на участие не было отбоя, но в этом списке блестяще отсутствовали Соединенные Штаты.

Предпосылки стратегического развода между США и КНР с сопутствующей ему региональной фрагментацией — и неизбежным ущербом для исполнителя центральной роли на азиатско-тихоокеанской арене — становились более чем очевидны.

Об АСЕАН и ее центральной роли в АТР

«Инклюзивность», «региональная архитектура», «центральная роль» — в азиатско-тихоокеанском контексте конца XX — начала

XXI в. эти понятия и сочетания слов перетекают друг в друга, образуя единый смысловой ряд и замыкаясь в итоге на аббревиатуру АСЕАН.

Каким образом группа средних и малых держав ЮВА, объединенных в этой Ассоциации, смогла зарезервировать себе позицию *коллективного модератора* на значительно более просторной платформе АТР, в компании игроков-тяжеловесов, и удерживать ее добрую четверть века?

В связи с этим вопросом приходится снова вспоминать о специфике периода, когда холодная война сменялась однополярным моментом. А более конкретно — о таком лейтмотиве политической жизни ЮВА на рубеже 1980–1990-х годов, как поиски урегулирования конфликта в Камбодже.

Распутывание клубка противоречий, образовавшегося после вступления в эту страну вьетнамских войск и свержения режима «красных кхмеров» (1978–1979), потребовало далеко не стандартных подходов. На уровне членов Совбеза ООН их обговаривали в первую очередь США, СССР и КНР. На уровне ЮВА вся группа членов АСЕАН (а их тогда было шесть) должна была прийти к согласию с оппонентами в лице социалистически ориентированных стран Восточного Индокитая — Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Внутри же самой Камбоджи нужно было общими силами всех означенных выше побудить к диалогу тогдашнюю власть и ряд враждебных ей вооруженных группировок (зачастую не ладивших еще и между собой).

Не умаляя того, что сделали для возврата Камбоджи к нормальной жизни мировые державы, подчеркнул бы, что и асеановцы все не были тут на положении статистов. Особенно в том, что касалось «наведения мостов» между ними самими и вьетнамцами, лаосцами, кхмерами, а также плетения сети связей, соединявших различные площадки переговорного процесса — многостороннего, насыщенного и сложно конфигурированного¹¹.

Судя по дальнейшим событиям, погружение в эту проблематику не прошло бесследно для представителей Ассоциации. У них словно бы открылись глаза на то, какие наступают времена. Коль ско-

ро идеологически мотивированные противостояния, расколовшие ЮВА в середине XX в., уходили в прошлое, у АСЕАН появлялся шанс расшириться до географических границ своего ареала и трансформировать себя в более представительный, поистине инклюзивный союз. Теперь, когда противоречия между крупными державами, не исчезнув полностью, утратили прежнюю остроту, можно было сотрудничать с каждой из них в одно и то же время, в духе того, что сегодня называют *многовекторностью*, без боязни затеряться между кем-то из «больших парней» как между молотом и наковальней. Наконец, успешный опыт работы в качестве посредника, оказывавшего добрые услуги всем многочисленным сторонам камбоджийского урегулирования, тоже стоил того, чтобы воспользоваться им уже в других декорациях.

Примеряясь к этим задачам, асеановцы, надо думать, рассчитывали, что обеспечат себе больше самостоятельности в определении судеб ЮВА — или, выражаясь несколько иначе, больше *стратегической автономии* по отношению к влиятельным соседям. Исхожу из того, что именно эта цель вдохновляла их в последующие годы на декларации и действия, касавшиеся проектирования региональной архитектуры, подтверждения инклюзивного характера АТР и своей центральной роли в его делах¹².

Примечательно, что один из первых шагов на этом пути был сделан не только с оглядкой на специфику однополярного момента, но и с тонким учетом собственных интересов. На этапе, когда готовился первый саммит АТЭС, асеановцы, все еще размышлявшие, как им быть — остаться в этой структуре или пойти за Махатхиром на Восточноазиатское экономическое совещание, — сделали выбор в пользу первого варианта. Тем самым они великодушно подарили АТЭС не что-нибудь, а право на жизнь. Ведь без них как ключевых участников региональной торговли этот форум не имел бы смысла ни для англосаксов, ни для представителей азиатского Северо-Востока. То, что внешне походило на уступку сильным, по факту было уведомлением о том, что Ассоциация уже взяла на себя в АТР особую, незаменимую роль и намерена играть ее дальше.

Помимо прочего, у этой истории просматривался и геополитический подтекст, связанный с чувствительной тематикой военного присутствия США на Тихом океане и в Азии. В регионе всерьез опасались, что после победы в холодной войне Вашингтон урежет расходы на содержание своих воинских контингентов, спровоцировав в АТР возникновение дестабилизирующего *вакуума силы*. Позиция же АСЕАН по отношению к АТЭС, занятая в непростой для этого проекта момент, могла означать, что Ассоциация и ее члены по-прежнему приветствуют Америку как гаранта мира и процветания в АТР.

Но ровно тогда же, в середине 1990-х годов Ассоциация расширила круг своих официальных партнеров, введя в него Китай, Россию и Индию; инициировала созыв Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ) – первой платформы многостороннего диалога в АТР, созданной под ее эгидой и отличавшейся на редкость представительным составом; запустила процедуру своего собственного расширения до формата «десятки» путем приема Вьетнама, Лаоса, Мьянмы и Камбоджи в качестве полноправных членов¹³.

Состоятельность Ассоциации как коллективного международно-политического игрока проявлялась не просто в серии конкретных, результативных действий, но и в том стиле, в котором делались дела и достигались успехи. В региональной аналитике и публицистике прижилось в те годы понятие «Путь АСЕАН» (*The ASEAN Way*), обозначающее манеру дискутировать с любым визави мягко и уважительно, превращать переговоры любой сложности в совместные и терпеливые поиски компромисса, приемлемого для всякого, кого он мог бы касаться¹⁴. И все это – в период, когда не только Сингапур, но также Индонезию, Малайзию и Таиланд уже классифицировали как «новые индустриальные страны», предрекая им скорый переход в режим самоподдерживающегося экономического роста.

То был в полном смысле слова «звездный час» АСЕАН. Ненадолго – и будто специально для шести ее членов – в рамках однополярного момента приоткрылось некое «окно возможностей». С одной стороны, никого из них уже не пугал «призрак коммунизма»,

с другой – чуть-чуть ослабла и хватка американцев, привыкших держать подопечных «на коротком поводке». До нюансов прочувствовав эту ситуацию, асеановцы блестяще воспользовались ею, дабы вместе обрести себя в новом качестве.

Подобные свершения, однако, не могут нравиться всем и всегда имеют свою цену, и асеановцам предстояло убедиться в этом на практике. Сначала американцам, австралийцам, канадцам и новозеландцам не понравились итоги саммита АТЭС в Осаке. Потом ту же группу, и американцев более, чем кого-либо, задело за живое, что первый в истории саммит Азия–Европа (АСЕМ, 1996) обошелся *без них* – тогда как Азия на той встрече была представлена членами АСЕАН, Китаем, Японией и Республикой Корея (т.е. странами формата ВАЭС, упорно не желавшего умирать по-хорошему).

В третий и последний раз – как в театре перед подъемом занавеса – «звонок прозвенел» после официального сообщения о том, что в 1997 г. в члены Ассоциации будет принята Мьянма. США и ЕС встретили эту новость в штыки. Неправительственные организации и официальные лица дружно клеймили Мьянму за ее неприемлемые по понятиям Запада порядки, а АСЕАН – за попустительство Мьянме¹⁵.

В июле 1997 г. прием этой страны в Ассоциацию проходил уже не только на фоне аналогичных демаршей, но и под аккомпанемент сообщений об обвале обменного курса тайского бата. А в сентябре, когда азиатский кризис уже расплодился по региону, Махатхир Мохамад публично обвинил Джорджа Сороса в том, что эта операция устроена им в отместку за допуск Мьянмы в АСЕАН¹⁶.

На малайзийского премьера посыпались, конечно, обвинения в «конспирологии». Но разве сегодня не бьет в глаза, что на Западе с тех пор прямо-таки вошло в обычай устраивать виртуальные бичевания Мьянмы и АСЕАН, как минимум, раз в 5 лет, а то и чаще? Сорос же прямо-таки бравировал тем, что изначально был и остается спонсором этих кампаний¹⁷.

Если быть точнее, то от АСЕАН потребовали расплаты не просто «за Мьянму», а за *последовательное и абсолютно законное стремле-*

ние к стратегической автономии (выразившееся, помимо прочего, в желании сразу нескольких ее членов развивать военно-техническое сотрудничество с РФ). Счет, который ей выставили, должен был отбить охоту к чему-либо подобному раз и навсегда.

На поверку вышло иначе. В декабре 1997 г., когда мировые СМИ уже до деталей расписали сюжет о бессилии Ассоциации перед лицом кризиса, в Куала-Лумпуре состоялась первая многосторонняя встреча в верхах в формате АСЕАН+3. Поскольку «тройка» была представлена экономическими гигантами США, комментаторы рассудили, что под новой вывеской опять возрождается неубиваемый, благодаря упорству Махатхира, проект ВАЭС. На этот раз он выглядел как антикризисный шаг азиатов, усомнившихся в надежности западных партнеров и готовых помочь самим себе — *пусть и отсутнив, если жизнь того требует, от принципа инклюзивности*.

Первым же вопросом, вынесенным на рассмотрение АСЕАН+3, стало предложение Японии о создании Азиатского валютного фонда для экстренной помощи жертвам кризиса. Речь шла о содействии, не регламентированном жесткими условиями, какими МВФ обставлял свои программы бюджетной «бережливости»¹⁸.

Из Вашингтона на смутьянов прикрикнули, дабы те не покушались на глобальные прерогативы Фонда, а немного погодя выкрутили руки не кому-нибудь, а неформальному лидеру АСЕАН. Стоило президенту Индонезии уступить давлению МВФ и отменить в начале мая 1998 г. субсидии на топливо, как вверх скакнули цены на товары первой необходимости и режим Сухарто рухнул как подкошенный. Страна, которой только что прочили блестящее будущее, получила в настоящем чудовищную инфляцию, обнищавшее население, хаос на улицах Джакарты и полновесный кризис национальной государственности¹⁹.

Следующими в очереди на аналогичную процедуру были, по многим признакам, Малайзия и ее неуступчивый премьер, но тут коса нашла на камень. В решающий момент Махатхир посмел не только отправить в отставку и отдать под суд Анвара Ибрахима — популярного министра финансов, любимца МВФ и без пяти минут

главу правительства, — но и пойти наперекор всем заповедям Фонда. Валютный контроль и ряд других административных мер, введенных по приказу Махатхира в сентябре 1998 г., мигом погасили в Малайзии биржевую лихорадку и предотвратили повторение индонезийской трагедии²⁰.

Ведя себя в гущу событий 1997–1998 гг. как слон в посудной лавке, МВФ уронил свой престиж настолько, что, даже заблокировав первоначальное предложение японцев, не рискнул противиться другим наметкам АСЕАН+3, преследовавшим схожие цели. В 2000 г. центральные банки этих 13 стран приступили к формированию сети двусторонних своп-соглашений (англ. *swap agreements*) для защиты своих валют от спекулятивных атак. Спустя десять лет эта схема приобрела черты валютного пула, известного как Чиангмайская многосторонняя инициатива (ЧММИ), с самыми крупными взносами от Китая и Японии. В 2010 г. общий объем аккумулированных средств составлял 120 млрд долл., в 2014 г. эта сумма удвоилась, и репутация ЧММИ как фактора, работающего на финансовую устойчивость Восточной Азии, с течением времени только крепла²¹.

Характеризуя период восстановления ЮВА после вспышки азиатского кризиса, отметим, что в это время АСЕАН и КНР двигались навстречу друг другу как никогда целеустремленно, синхронно наращивая связи едва ли не во всех областях — будь то сферы политики и безопасности, торговли и производства, культуры и образования. Важными вехами на этом пути стали «Рамочное соглашение о всеобъемлющем экономическом сотрудничестве» (и переходе к свободной торговле спустя 10 лет, 2002); совместная декларация «О поведении сторон в Южно-Китайском море» (2002); присоединение КНР к Балийскому договору о дружбе и сотрудничестве в ЮВА и заявление о том, что АСЕАН и Китай становятся стратегическими партнерами (2003). Поддерживать взаимное тяготение помогал и диалоговый формат, в котором асеановцы, совместно с Японией и Южной Кореей, до какого-то времени уравнивали Китай²².

Но мощь последнего — и экономическая, и военная — прирастала такими темпами, что сохранять баланс между участниками

АСЕАН+3 (как и меру стратегической автономии, которую подобный баланс обеспечивал асеановцам) становилось все труднее. Помимо прочего, этот формат, представлявший Пекину прообразом будущего Восточноазиатского сообщества, откровенно нервировал американцев²³.

В 2004–2005 гг. в кругу лидеров АСЕАН+3 и их внешнеполитических советников состоялась оживленная дискуссия о том, не имеет ли смысл, продолжая работу в этом составе, взять его за основу еще одной асеаноцентричной платформы. Имелось в виду, что, функционируя одновременно с АСЕАН+3, она будет шире по составу и ближе по духу к реалиям посткризисного периода. По существу, обсуждались варианты *дотраивания региональной архитектуры с возвратом в русло исключивности* и учетом нового соотношения сил в АТР.

Венцом этих усилий стало первое заседание *Восточноазиатского саммита* (ВАС), созданное в конце 2005 г. в Куала-Лумпуре и с тех пор ежегодно проходящее в одной из асеановских столиц. Помимо участников АСЕАН+3, учредителями нового форума выступили Индия, Австралия и Новая Зеландия²⁴. За скобками ВАС остались тогда Соединенные Штаты (давшие понять, что им эта инициатива безразлична) и Россия (чью заявку на членство приняли к рассмотрению, пояснив, что в будущем возможен положительный ответ). Учреждение ВАС оказалось, однако, «историей с продолжением», развязки которой не пришлось дожидаться слишком долго ни Москве, ни Вашингтону. Всего через пять лет их официально пригласили в ВАС, и с 2011 г. они являются его полными участниками²⁵.

Этой перемене сопутствовало создание еще двух асеаноцентричных структур – Совещания министров обороны Ассоциации с партнерами по диалогу (СМОА+, 2010) и Расширенного морского форума АСЕАН (2011), составы которых полностью совпали с обновленным составом ВАС.

Казалось бы, есть все основания рассматривать первую декаду XXI в. как еще один «звездный час» АСЕАН. Сделав ставку на

инклюзивность как безусловное достоинство новых институтов, координируя процессы их проектирования и запуска, привнося в их деятельность общие процедурные и содержательные лейтмотивы, Ассоциация за счет одних и тех же действий формировала опорные узлы региональной архитектуры и встраивала себя в нее как неотъемлемый, структурообразующий компонент.

Из 18 членов ВАС целых 8, включая Индонезию, входили также в «Большую двадцатку». Одним фактом своего рождения эта диалоговая платформа словно бы возвещала, что АТР *уже состоялся в качестве нового центра тяжести мировой экономики и политики*, а АСЕАН, будучи генеральным конструктором ВАС, проявляет способности не просто регионального, а в чем-то и глобального игрока.

По логике, которой привычно следовала Ассоциация, наращивание инклюзивности ВАС до пределов возможного должно было сузить в АТР пространство маневра для каждой из крупных держав, побудить их вести себя сдержаннее и конструктивнее во избежание таких поворотов событий, которые навредят им всем, и в конечном счете повысить стратегическую автономию АСЕАН.

Получилось ли нечто подобное в действительности? Судя по тому, что мы наблюдали в последние 10 лет и видим сейчас, – *однозначно нет* (см. для иллюстрации тезиса цитату из Марти Наталега-вы в самом начале этого текста).

Но если так, то почему?

Развязка

Еще на подступах к XXI в. и в региональных, и в мировых делах множились признаки того, что однополярный момент идет на убыль, а движение к многополярности набирает ход. Состав участников ВАС подтверждал углубление этой тенденции как нельзя лучше.

Однако чем дальше, тем меньше замещение старого миропорядка новым, нарождающимся походило на рутинную передачу эстафеты от первого ко второму. Ситуация, складывавшаяся в 2010-е годы, все больше напоминала канун фронтального стол-

кновения старого с новым, в котором ничейный, полюбовный исход исключен.

Но в то же самое время вершинный элемент региональной архитектуры в виде ВАС создавался ради поисков какого-то идеального, всеохватного компромисса, замешанного на вере в экономическую взаимозависимость как панацею от международных конфликтов и трений.

Если АСЕАН пребывала в уверенности, что инклюзивный характер ВАС смягчит противоречия эпохи перехода к многополярности — особенно те, что разводили «по разные стороны баррикад» США и Китай, — то это лишь означало, что она серьезно недооценивала степень антагонизма этих игроков; преувеличивала свои возможности как модератора их разногласий и продолжала жить с ощущением, что мир развивается в комфортном для нее эволюционном модусе, хотя вокруг закипала геополитическая схватка.

Вовлеченные волею судеб в новую версию «Большой игры» асеановские правящие элиты — при всем их рекламируемом прагматизме — не обладали опытом, который подсказал бы, что бывают случаи, когда «высшей и последней стадией» прагматизма оказывается способность мыслить о немислимом и вообразить невообразимое.

Вообразить, к примеру, что в недалеком будущем сверхдержава, всегда считавшаяся оплотом регионального статус-кво, выступит в роли спойлера, расшатывающего, а то и рушащего несущие конструкции АТР.

Вообще-то представить себе нечто подобное было не так уж трудно. Ведь Америка входила в эту роль еще в преддверии создания ВАС. Без устали нагнетая страсти вокруг ЮКМ и Мьянмы, США превратили обе темы в источники перманентных разногласий между ними самими и КНР, между КНР и АСЕАН и, наконец, между членами самой Ассоциации. В период второго президентства Б. Обамы словесные пикировки на тему споров в ЮКМ превратились, с американской подачи, чуть ли не в атрибут ежегодных заседаний ВАС, влияя на их продуктивность и атмосферу не лучшим образом.

И прозрачно намекая, что ВАС бессилён разрешить этот спор, как и другие проблемы региона.

Развязка этого сюжета пришлось на конец 2017 г., когда Дональд Трамп, годом раньше избранный президентом США, явился сначала в Дананг, на саммит АТЭС, а оттуда — в Манилу, на сессию ВАС, проходившую под знаком 50-летнего юбилея АСЕАН. Следя за каждым словом эксцентричного гостя, комментаторы подметили уже в Дананге: в его публичных высказываниях никак не фигурирует формула «Азиатско-Тихоокеанский регион», вроде бы обязательная на мероприятии типа саммита АТЭС, зато регулярно звучат упоминания об «Индо-Тихоокеанском регионе». Впрочем, на том этапе турне больше шуму наделали его заявления о том, что азиатским странам, имеющим слишком большой профицит в торговле с США, надо выбрать одно из двух: или ввозить побольше товаров из Америки, или смириться с ограниченным доступом своего экспорта на ее рынок. Понятно, что речь шла о Китае²⁶.

После встречи сравнительно невысокого уровня, созванной в Маниле накануне заседания ВАС, эти детали всплыли в памяти у многих.

12 ноября 2017 г. на совещании старших должностных лиц, представлявших США, Японию, Австралию и Индию, состоялось обсуждение проблем четырехстороннего сотрудничества по вопросам безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР), с акцентом на таких темах как свобода судоходства, обеспечение «порядка, основанного на правилах», борьба с терроризмом и проч. Об ИТР участники совещания говорили как о «все более взаимосвязанном», реально существующем образовании (хотя о том, где именно проходят его границы, мнения расходились даже у экспертов).

Мировые СМИ не ошиблись, представив это событие как сигнал о возрождении *QUAD* с целью сдерживания Китая. А МИД КНР подтвердил, что разделяет эту оценку, направив ноты протеста во внешнеполитические ведомства всей «четверки»²⁷.

Но повод задуматься о том, что происходит, был не только у Китая. С какой стати перезагрузку *QUAD* устроили на полях ВАС, где,

как и на саммите АТЭС, индо-тихоокеанская фразеология была совсем некстати? Не для того ли, чтобы внушить асеановцам как активным участникам проекта АТР, что таковой уже неактуален, а стало быть, теряет силу и постулат о центральной роли Ассоциации? Или кто-то хотел им намекнуть, что круг их ближайших партнеров чересчур широк и пестр и приближается момент, когда модератору этого круга придется выбирать, с кем ему предпочтительней двигаться дальше — с «четверкой», возглавляемой США, или с Китаем?

Эти вещи не были никем артикулированы и не обсуждались вслух, они всего лишь носились в воздухе, при полном отсутствии любых официальных сообщений о закрытии проекта АТР. О нем совершенно перестали писать и говорить, как если бы его не было никогда. Остаточные упоминания о чем-нибудь азиатско-тихоокеанском исправно вымывались из политической и научной периодики потоками сочинений на индо-тихоокеанские темы.

Ситуация была бы достойна спектакля в театре абсурда, если бы не имела вполне рационального подтекста. Заговор молчания во круг странной истории на редкость успешного проекта освобождал инициаторов его закрытия от объяснений, зачем его все-таки понадобилось закрывать. Видимо, признавать, что проект АТР стал более выгоден Китаю, чем США, и упраздняется именно за это, было как-то неловко.

Но реальные доказательства того, что проект закрыт на самом деле, очень скоро предъявила сама администрация Д. Трампа. Обновляя доктрины национальной безопасности и обороны США, она обосновала подход к Индо-Тихоокеанскому региону как к полю битвы, на котором демократии борются с авторитаризмом, а Китай и Россия противостоят Америке в качестве главных «стратегических конкурентов». Порвать более явно с принципом инклюзивности в его азиатско-тихоокеанской версии было невозможно.

Торговые и информационные войны, развязанные Вашингтоном против Пекина, предвещали, что взаимозависимость экономик США и Китая, воспринимавшаяся в АТР как великое благо, будет отныне искусственно снижаться, и непонятно до каких пределов.

Что касается подходов Д. Трампа к АСЕАН, то после визита в Манилу в ноябре 2017 г. он, видимо, решил, что главные дела на этом направлении уже совершил («четверка» возвращена к жизни, АСЕАН маргинализована, проект АТР закрыт), и до конца своего президентства на мероприятиях Ассоциации больше не появлялся.

Его сменщик в Белом доме, Джозеф Байден, дружески встречается и с лидерами стран-участниц АСЕАН, и с лидерами стран-участниц *QUAD*. Вконец испорченные отношения с Китаем и Россией (поддерживаемыми с АСЕАН, как и сами США, отношения стратегического партнерства) не мешают ни ему, ни его ближайшим сотрудникам восхвалять достоинства АСЕАН и созданной ею региональной архитектуры.

Но, может быть, тут есть проблемы как раз для АСЕАН?

Разве деструктивный курс США в отношении КНР и РФ способствует нормальной работе асеаноцентричных институтов? Разве паралич этих органов не грозит АСЕАН обнулением ее центральной роли и утратой того, что еще осталось от стратегической автономии? Как скажется глубокое стратегическое недоверие, воцарившееся между Вашингтоном и Пекином, на экономических перспективах соседей по региону? Стоит ли им уповать на возврат США и Китая к их прежней модели взаимодействия в экономике, значившей так много для подъема АТР и стран АСЕАН в их лучшие дни?

Поставив эти риторические вопросы и дав понять, к каким ответам склоняюсь, подчеркну: никогда еще АСЕАН не сталкивалась с такими грозными вызовами, как сегодня. Даже в разгар азиатского кризиса ситуация была в чем-то проще и понятней, поэтому прогнозировать ничего не берусь. Могу лишь посоветовать тем, кто за это возьмется, помнить о теснейшей связи феномена АСЕАН с феноменом АТР — как и о том, что жизненный цикл последнего к настоящему времени завершен.

В заключительной части главы предлагаю читателю краткие ответы на основные исследовательские вопросы, сформулированные во введении.

Заключение

1. Заявив о себе в начале однополярного момента мировой истории, проект АТР продемонстрировал, в сравнении с другими подобными начинаниями, весьма высокую эффективность. Однако ожидания его основного спонсора — Соединенных Штатов, собиравшихся при посредстве этой инициативы обновить свою глобальную гегемонию, — не оправдались. В 2000-х годах уже мало кто сомневался, что главным бенефициаром проекта становится один из лидеров перехода к многополярному миру — Китай. Поскольку попытки переломить эту тенденцию, не меня сложившегося в регионе порядка, не дали результатов, американцы решили закрыть сам проект АТР как более не отвечающий их интересам. Исполнение этого замысла облегчалось тем, что к середине 2010-х годов базовые составляющие проекта (см. ниже) уже отчасти исчерпали свой позитивный ресурс.

2. Администрация Д. Трампа провела соответствующую операцию весьма своеобразно. Не затруднив себя даже кратким объяснением, почему проект закрыт, она выстроила свою внешнюю политику в духе жесткого отрицания базовых составляющих проекта АТР (в том числе его высокой инклюзивности, использования связки США–Китай как мотора экономического роста региона, наделения АСЕАН центральной ролью в региональных структурах). Подобная политика оборачивается *фрагментацией азиатско-тихоокеанского пространства сотрудничества, а в более широком плане — глубоким кризисом той однополярной модели глобализации, в «раскрутку» которой проект АТР внес столь значительный вклад.* Обстоятельства таковы, что многосторонние взаимодействия по образу и подобию этого проекта имеют мало шансов возобновиться в том же географическом ареале в обозримом будущем.

3. Состояние, в котором мир пребывает сейчас, иначе как экстремальным не назовешь. Но именно в эти годы — пандемийные, санкционные, гибридно-военные — России и АСЕАН как стратегическим партнерам положено сосредоточиться на отработке опти-

мальных методов преодоления форс-мажоров, разделяющих нас самым болезненным образом. В идеале областями нашего приоритетного взаимодействия должны стать области медицины и вирусологии, контрсанкционного сопровождения торгово-экономических и инвестиционных программ, безопасности критической инфраструктуры, взаимной поддержки технологических суверенитетов. Как сверхдержава энергетическая и продовольственная Россия готова внести свой вклад в решение проблем соответствующих дефицитов на пространствах АСЕАН. Как сверхдержава военная Россия открыта к работе с асеановскими партнерами в делах укрепления их обороноспособности. Открыта она и к сотрудничеству по линии правоохранительных органов — включая тематику противодействия «цветным революциям» и терроризму. Рабочее согласование подходов к очерченному кругу вопросов могло бы проходить в формате регулярных российско-асеановских экспертно-практических совещаний под условным названием *«Стратегии перехода к многополярному миру».*

Примечания

- ¹ *Наталегева М.* На что способна АСЕАН? Взгляд изнутри. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 9–10.
- ² *Mahathir M., Ishihara S.* The Voice of Asia: Two Leaders Discuss the Coming Century. Tokyo: Kodansha International Ltd., 1995. P. 42–49; *Махатхир М.* Доктор своей страны: Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии: В 2 т. М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 2. С. 254–260.
- ³ *Akashi Y.* An ASEAN Perspective on APEC. Working Paper #240. Notre Dame, Kellogg Institute for International Studies, 1997.
- ⁴ *Макушкин А.Г.* Уроки Азиатского кризиса и России // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 23–37; *Макушкин А.Г.* Политическая экономия финансовой глобализации // Постиндустриальный мир и Россия. М.: УРСС, 2000. С. 156–178; *Bello W.* The Future in the Balance: Essays on Globalization and Resistance. Diliman: University of the Philippines Press, 2001. P. 98–121; *Johnson Ch.* Blowback: The Costs and Consequences of American empire. N.Y.: Owl Books, 2001. P. 193–215; *Severino R.C.* Southeast Asia in Search of an ASEAN Community: Insights from the Former ASEAN Secretary-General S.: ISEAS, 2006. P. 96–107.

- ⁵ *Amadeo K.* U.S. Trade Deficit with China and Why It's So High. The Balance. 25.10.2021 // URL: <https://www.thebalance.com/u-s-china-trade-deficit-causes-effects-and-solutions-3306277> (accessed: 29.09.2022).
- ⁶ *Арин О.А.* Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М.: Флинта; Наука, 1997. С. 172–191.
- ⁷ Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности // Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2007. С. 237–238; *Huang Xilian.* Overview Of China–ASEAN Economic and Trade Relations, Opportunities And Challenges. Ministry of Foreign Affairs, PRC. 16.09.2021 // URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng/wjb_663304/zwjg_665342/zwbd_665378/202109/t20210916_9717287.html (accessed: 29.09.2022).
- ⁸ *Cragg C.* The New Taipans: A Vital Source Book on the People and Business of the Pacific Rim. L.: Century Ltd., 1995; *Hiscock G.* Asia's Wealth Club: Who's Really Who in Business – the Top 100 Billionaires in Asia. St Leonards. Allen & Unwin, 1997; *Studwell J.* Asian Godfathers: Money and Power in Hong Kong and South-East Asia. L.: Profile Books, 2008.
- ⁹ *Федотов В.П.* О формуле G-2 в отношениях США и Китая: мифы и реальности // РИСИ. 28.04.2010 // URL: <https://www.riss.ru/index.php/analitika/147-o-formule-g2-v-otnosheniyah-ssha-i-kitaya-mify-i-realnosti/> (дата обращения: 28.09.2022); *Лукьянов Ф.А.* Химера, олицетворявшая глобализацию // Огонек. 2020. № 20. С. 18; *Bush R.C.* The Uinter Stated and China: A G-2 in the Making? Brookings, 11.10.2011 // URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-united-states-and-china-a-g-2-in-the-making/> (accessed: 29.09.2022).
- ¹⁰ *Киссинджер Г.* О Китае. М.: Астрель, 2012. С. 582.
- ¹¹ *Бектимиров Н.Н.* Общий путь к урегулированию в Камбодже // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 96–105; *Колдунова Е.В.* «Диалоговые партнерства» во внешней политике АСЕАН // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 58–59.
- ¹² Формулируя эту позицию, автор в значительной степени опирался на факты, оценки и обобщения, которыми оперируют в своих этапных трудах по истории АСЕАН вплоть до первых десятилетий нашего века такие уникально информированные дипломаты и глубокие исследователи, как Родольфо Северино и Марти Наталегава (см.: *Severino R.C.* Op. cit.: *Natalegawa M.* Does ASEAN Matter? A View from Within. S.: ISEAS, 2018).
- ¹³ О предпосылках и процессе расширения АСЕАН в 1990-х годах см. подробнее: *Severino R.C.* Op. cit. P. 41–84; *Малетин Н.П.* АСЕАН: четыре десятилетия развития. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 101–122; МЮ: *Урлянов В.Ф.* Расширение АСЕАН: мотивы, значение, последствия // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 85–95. О приеме в АСЕАН стран Восточного Индоки-
тая и значении этого шага для отношений РФ с этими странами и с АСЕАН в целом см.: *Мазырин В.М.* Россия в Индокитае: назад в будущее? // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 37–48.
- ¹⁴ Об истоках и смысле «Пути АСЕАН» не только как дипломатического стиля, но и мировоззрения см.: *Severino R.C.* Op. cit. P. 1–40.
- ¹⁵ *Roberts C.* ASEAN's Myanmar Crisis: Challenges to the pursuit of a security community. S.: ISEAS, 2010. P. 111–115.
- ¹⁶ *Mahathir M., Chowdhury N.* George Soros, Scourge of Asia? Conspiracy Theories. CNN, 29.09.1997 // URL: https://money.cnn.com/magazines/fortune/fortune_archive/1997/09/29/232108/ (accessed: 29.09.2022).
- ¹⁷ *Blinova E.* Soros, NED, USAID Ruining Myanmar's Stability to Hinder China's Rise – Author // Sputnik News. 11.11.2017. URL: <https://sputniknews.com/20171111/soros-myanmar-china-rohingya-1059013479.html> (accessed: 29.09.2022).
- ¹⁸ Об обстоятельствах создания формата АСЕАН+3 и особенностях его функционирования в первые годы существования см.: *Severino R.C.* Op. cit. P. 264–269.
- ¹⁹ *Сумский В.В.* Почему держался так долго и почему рухнул в одночасье индонезийский «новый порядок» // Место и роль государства в догоняющем развитии. М.: ИМЭМО, 1999. С. 29–63.
- ²⁰ *Махатхир М.* Доктор своей страны: Мемуары четвертого премьер-министра Малайзии. В 2 т. М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 2. С. 323–365.
- ²¹ *Амиров В.Б.* Истоки и эволюция Чиангмайской инициативы // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 49–55; Overview of the CMIM. AMRO (ASEAN+3 Macroeconomic Research Office) // URL: <https://www.amro-asia.org/about-amro/amro-and-the-cmim/> (accessed: 29.09.2022).
- ²² Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: Наука, 2007. С. 237–245.
- ²³ Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. С. 245–250.
- ²⁴ *Severino R.C.* Op. cit. P. 269–274.
- ²⁵ Характерно, что именно с поэтапным движением от формата АСЕАН+3 к формату ВАС М. Наталегава связывает окончательное утверждение Ассоциации в ее центральной роли и закрепление самого этого термина в региональном политическом лексиконе (см.: *Natalegawa M.* Does ASEAN Matter? A View from Within. P. 85–108). До этого в кругах дипломатов и политических комментаторов ЮВА было скорее принято говорить о том, что в региональных процессах за АСЕАН зарезервирована «позиция рулевого» (*driver's seat*). См.: *Канаев Е.А.* Феномен “Driver’s Seat” // Международная жизнь. 2010. № 10. С. 28–36.

- ²⁶ Сумский В.В. Трамп, АТЭС, АСЕАН и азиатско-тихоокеанская (дез)интеграция // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 17.11.2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tramp-ates-asean/> (дата обращения: 29.09.2022).
- ²⁷ India, US, Japan, Australia hold First Quad Talks in Manila. D&B, 14.11.2017 // URL: <https://diplomacybeyond.com/india-us-japan-australia-hold-first-quad-talks-manila/> (accessed: 29.09.2022).

Сведения об авторах

Байков Андрей Анатольевич – кандидат политических наук, доцент кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России, проректор по научной работе МГИМО МИД России, главный редактор журнала «Международные процессы». ORCID: 0000-0003-0432-4603; e-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru.

Бачило Дарья Дмитриевна – магистрант программы двойного диплома МГИМО-UIBE «Россия и Китай: экономические и политические тренды в Евразии»; e-mail: daria.bachilo@yandex.ru.

Бурова Елена Сергеевна – научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-1047-2573; e-mail: epylcina@yandex.ru; burova@ifes-ras.ru.

Вершинина Валерия Валерьевна – кандидат политических наук, эксперт Центра АСЕАН МГИМО. ORCID: 0000-0001-7848-8497; e-mail: vv.vershinina@inno.mgimo.ru.

Григорьева Нина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент; заведующая кафедрой исследований Китая, Юго-Восточной и Южной Азии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург. ORCID: 0000-0003-3948-720X; e-mail: ngrigoreva@hse.ru

Ефремова Ксения Александровна – кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения, МГИМО МИД России; ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН. ORCID: 0000-0003-4300-6683; e-mail: efremova@mgimo.ru.

Канаев Евгений Александрович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. ORCID: 0000-0002-7988-4210; e-mail: e.a.kanaev@gmail.com.

Колдунова Екатерина Валерьевна — кандидат политических наук, директор Центра АСЕАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-9973-9574; e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru.

Королев Александр Сергеевич — кандидат политических наук, заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». ORCID: 0000-0001-8560-9517; e-mail: askorolev@hse.ru.

Куклин Никита Сергеевич — кандидат исторических наук, эксперт, Центр АСЕАН при МГИМО МИД России; ассистент кафедры всеобщей истории РУДН. ORCID: 0000-0002-5715-847X; e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru.

Кунтыш Людмила Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета МО РФ; e-mail: KuntyshL@mail.ru.

Лисоволик Ярослав Дмитриевич — доктор экономических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; e-mail: ylisovol@mail.ru.

Лукьянец Артем Сергеевич — кандидат экономических наук, заместитель директора по инновационному проектированию, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. ORCID: 0000-0002-6451-6693; e-mail: artem_ispr@mail.ru.

Мазырин Владимир Моисеевич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН Института Китая и современной Азии РАН; профессор ИСАА МГУ. ORCID: 0000-0001-6988-0139; e-mail: mazyrin_v@mail.ru.

Маньшин Роман Владимирович — кандидат экономических наук, доцент, заведующий Отделом миграции и миграционной политики, ведущий научный сотрудник Института демографиче-

ских исследований ФНИСЦ РАН. ORCID: 0000-0003-2331-9834; e-mail: manshin@list.ru.

Моисеева Евгения Михайловна — младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН. ORCID: 0000-0001-7571-2369; e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru.

Петровский Владимир Евгеньевич — доктор политических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН. ORCID: 0000-0002-7714-1341; e-mail: petrovsk4@gmail.com.

Письменная Елена Евгеньевна — доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; профессор Финансового университета при Правительстве РФ. ORCID: 0000-0002-0401-2071; e-mail: nikitatar@list.ru.

Рязанцев Сергей Васильевич — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор; директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5306-8875; e-mail: riazan@mail.ru.

Сумский Виктор Владимирович — доктор исторических наук, ведущий эксперт Центра АСЕАН при МГИМО МИД России; e-mail: skysum@list.ru.

Терских Михаил Андреевич — кандидат политических наук, научный сотрудник Центра азиатско-тихоокеанских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН. ORCID 0000-0001-8321-3666, mikhael.terskikh@gmail.com.

Торкунов Анатолий Васильевич — доктор политических наук, академик РАН, ректор МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-7352-3345 e-mail: rectorat@inno.mgimo.ru.

Храмова Марина Николаевна — кандидат физико-математических наук, заместитель директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН; доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-0893-3935; e-mail: kh-mari08@yandex.ru.

Цветов Петр Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД Российской Федерации. ORCID: 0000-0003-3757-8327; e-mail: proviet99@mail.ru.

Шафинская Наталья Валерьевна – кандидат политических наук, советник ректора РАНХиГС при Президенте РФ, руководитель Дирекции по сопровождению единых образовательных программ РАНХиГС при Президенте РФ, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Руководитель представительства Россотрудничества во Вьетнаме и Директор Российского центра науки и культуры в г. Ханой с 2016 по 2020 г. ORCID: 0000-0001-8197-4576; e-mail: shafinskaya-nv@ranepa.ru.

Authors

Andrey Baykov, Ph.D. (Political Science), Vice Rector for Research Affairs, Associate Professor, MGIMO University; Editor-in-Chief, *International Trends*. ORCID: 0000-0003-0432-4603; e-mail: a.baykov@inno.mgimo.ru.

Daria Bachilo, MA Student at MGIMO-UIBE Joint Degree Program “Russia and China: Economic and Political Trends in Eurasia”; e-mail: daria.bachilo@yandex.ru.

Elena Burova, Research Fellow, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0003-1047-2573; e-mail: epylcina@yandex.ru / burova@ifes-ras.ru.

Ksenia Efremova, Ph.D. (Political Science), Associate Professor, Asian and African Studies Department, and Research Fellow, Center for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University. ORCID: 0000-0003-4300-6683; e-mail: efremova@mgimo.ru.

Nina Grigoreva, Ph.D. (History), Associate Professor and Head, Department of Chinese, Southeast and South Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg. ORCID: 0000-0003-3948-720X; email: ngrigoreva@hse.ru.

Evgeny Kanaev, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. ORCID: 0000-0002-7988-4210; e-mail: e.a.kanaev@gmail.com.

Marina Khramova, Ph.D. (Physical and Mathematical Sciences), Deputy Director of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Associate Professor, Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University. ORCID: 0000-0002-0893-3935; e-mail: kh-mari08@yandex.ru.

Ekaterina Koldunova, Ph.D. (Political Science), Director, ASEAN Centre, Associate Professor, Department of Asian and African Studies, MGIMO University. ORCID: 0000-0001-9973-9574; e-mail: e.koldunova@inno.mgimo.ru

Alexander Korolev, Ph.D. (Political Science), Deputy Head, Centre for Comprehensive European and International Studies, National Research University Higher School of Economics. ORCID: 0000-0001-8560-9517; e-mail: askorolev@hse.ru.

Nikita Kuklin, Ph.D. (History), Expert, ASEAN Centre in MGIMO University; Assistant Lecturer, Department of World History, Peoples' Friendship University of Russia. ORCID: 0000-0002-5715-847X; e-mail: ns.kuklin@inno.mgimo.ru.

Liudmila Kuntysh, Ph.D. (Economics), Assistant Professor, Department of Far-Eastern Languages, Military University; e-mail: KuntyshL@mail.ru.

Yaroslav Lissovolik, Doctor of Sciences (Economics), Program Director at the Valdai Discussion Club; e-mail: ylisovol@mail.ru.

Artem Lukyanets, Ph.D. (Economics), Deputy Director for Innovative Design, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS. ORCID: 0000-0002-6451-6693; e-mail: artem_ispr@mail.ru.

Vladimir Mazyrin, Doctor of Sciences (Economics), Chair of the Centre for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences; Professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6988-0139; e-mail: mazyrin_v@mail.ru.

Roman Manshin, Ph.D. (Economics), Associate Professor and Head, Department for Migration and Migration Policy, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS. ORCID: 0000-0003-2331-9834; e-mail: manshin@list.ru.

Evgeniya Moiseeva, Junior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS. ORCID: 0000-0001-7571-2369; e-mail: evgeniyamoiseeva@mail.ru.

Vladimir Petrovskiy, Doctor of Sciences (Political Science), Chief Academic Research Fellow, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences. ORCID: 0000-0002-7714-1341; e-mail: petrovsk4@gmail.com.

Elena Pismennaya, Doctor of Sciences (Sociology); Chief Researcher, Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0401-2071; e-mail: nikitar@list.ru.

Sergey Ryazantsev, Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Institute for Demographic Research of FCTAS RAS; Head, Department of Demographic and Migration Policy, MGIMO University. ORCID: 0000-0001-5306-8875; e-mail: riazan@mail.ru.

Natalia Shafinskaya, Ph.D. (Political Science), Advisor to the Rector of the RANEPa, Head of the Directorate for Support of Unified Educational Programs of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPa), Head of the Representative of the Federal Agency Rossotrudnichestvo in Vietnam and Director of the Russian Center of Science and Culture in Hanoi from 2016 to 2020. ORCID: 0000-0001-8197-4576; e-mail: shafinskaya-nv@ranepa.ru.

Victor Sumsky, Doctor of Sciences (History), Leading Researcher, ASEAN Centre in MGIMO University, MFA of Russia; e-mail: skysum@list.ru.

Mikhail Terskikh, Ph.D. (Political Science), Researcher, Center for Asia-Pacific Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations. ORCID: 0000-0001-8321-3666; e-mail: mikhail.terskikh@gmail.com.

Petr Tsvetov, Ph.D. (History), Associate Professor at the Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3757-8327; e-mail: proviet99@mail.ru.

Anatoly Torkunov, Academician, Doctor of Sciences (Political Science), Rector, MGIMO University. ORCID: 0000-0001-7352-3345; e-mail: rectorat@inno.mgimo.ru.

Valeria Vershinina, Ph.D. (Political Science), Expert, ASEAN Centre in MGIMO University. ORCID: 0000-0001-7848-8497; e-mail: vv.vershinina@inno.mgimo.ru.

Научное издание

**АСЕАН НА ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ:
ДОСТИЖЕНИЯ, ВЫЗОВЫ, ДИЛЕММЫ**

Под редакцией *В.М. Мазырина, Е.В. Колдуновой*

Формат 60 × 90/16. Усл. печ. л. 38. Заказ №

ООО Издательство «Аспект Пресс».

111141, Москва, Зеленый проспект, д. 3/10, стр. 15.

E-mail: info@aspectpress.ru; www.aspectpress.ru

Тел.: +7 (495)306-78-01, 306-83-71

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59

